

15543

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кузикова
Чид II до 13/XI 65 г.

Колич. пред. выдач

533

17271

Э-С

Вестник Европы
1917 г. Февраль № 2.

18/2 41
XI 65 г.

20-II
14/VI
14/VII
8/IX
2/XII

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ.

172271
49 г

ФЕВРАЛЬ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Типо-лит. Акц. О-ва „Просвѣщеніе“. Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВТОРАЯ. — ФЕВРАЛЬ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: Д. Д. Гримма — по средамъ отъ 3 до 4 ч. (кромѣ праздниковъ).

Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч., по субботамъ отъ 3 до 4 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря — по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТЪ.

27 февраля — 2 марта 1917 года.

Съ незабвеннаго дня 27 февраля 1917 года начинается новая эпоха русской исторіи. Старый, прогнившій насквозь государственный строй, поддерживаемый жестокими мѣрами насилія и беззаконія, низвергнутъ единодушнымъ порывомъ народа и арміи. Власть, угнетавшая и разорявшая страну, пала въ безславной борьбѣ съ собственнымъ народомъ.

Великій русскій народъ разорвалъ, наконецъ, опутавшую его сѣть вѣкового рабства и открылъ себѣ дорогу къ новой свободной жизни, на равныхъ правахъ съ передовыми народами культурнаго міра. Оффиціальная Россія, служившая оплотомъ всѣхъ темныхъ силъ въ Европѣ, исчезла, и ея мѣсто заняла новая, истинно великая демократическая Россія, проникнутая идеями права и справедливости. Различныя народности, обитающія въ предѣлахъ Россійскаго государства, получаютъ возможность жить свободно, сохраняя свой языкъ и свою вѣру, безъ ущерба для политическаго единства страны. Передъ Россіею открывается свѣтлое будущее, для достиженія, котораго стоило жить и бороться.

Да здравствуетъ свободная Россія!

Оффиціальные акты.

I.

Роспускъ Гос. Думы.

На основаніи ст. 99 основныхъ государственныхъ законовъ повелѣваемъ: занятія Г. Думы и Г. Совѣта прервать 26 февраля сего года и назначить срокъ ихъ возобновленія не позднѣе апрѣля 1917 года въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Правительствующій сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственной Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Царской Ставкѣ, 25 февраля.

Скрѣпилъ: предсѣдатель совѣта министровъ кн. Николай Голицынъ.

27 февраля 1917 года.

Рѣшеніе Гос. Думы.

Совѣтъ старѣйшинъ, собравшись въ экстренномъ засѣданіи и ознакомившись съ указомъ о роспускѣ, постановилъ:

Государственной Думѣ не расходиться.

Всѣмъ депутатамъ оставаться на своихъ мѣстахъ.

II.

Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознавая всю отвѣтственность принятаго имъ рѣшенія, Комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его довѣріемъ.

Предсѣдатель Гос. Думы Михаилъ **РОДЗЯНКО.**

27 февраля 1917 года.

III.

Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы, при содѣйствіи и сочувствіи столичныхъ войскъ и населенія, достигъ въ настоящее время такой степени успѣха надъ темными силами стараго режима, которая дозволяетъ ему приступить къ болѣе прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цѣли Временный Комитетъ Государственной Думы назначаетъ министрами перваго общественнаго кабинета слѣдующихъ лицъ, довѣріе къ которымъ страны обезпечено ихъ прошлой общественной и политической дѣятельностью.

Предсѣдатель совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ князь Г. Е. Львовъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милюковъ.

Министръ военный и морской А. И. Гучковъ.

Министръ путей сообщенія Н. В. Некрасовъ.

Министръ народнаго просвѣщенія А. А. Мануйловъ.

Министръ финансовъ М. И. Терещенко.

Оберъ-прокуроръ св. синода В. Н. Львовъ.

Министръ земледѣлія А. И. Шингаревъ.

Министръ юстиціи А. Ф. Керенскій.

Государственный контролеръ — И. В. Годневъ.

Министръ по дѣламъ Финляндіи — Ф. И. Родичевъ.

Въ своей настоящей дѣятельности кабинетъ будетъ руководиться слѣдующими основаніями:

1) Полная и немедленная амнистія по всѣмъ дѣламъ политическимъ и религіознымъ, въ томъ числѣ террористическимъ покушеніямъ, военнымъ возстаніямъ, аграрнымъ преступленіямъ и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ, съ распространеніемъ политическихъ свободъ на военнослужащихъ въ предѣлахъ, допускаемыхъ военно-техническими условіями.

3) Отмѣна всѣхъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій.

4) Немедленная подготовка къ созыву, на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, Учредительнаго Собранія, которое установитъ форму правленія и конституцію страны.

5) Замѣна полиціи народной милиціей съ выборнымъ начальствомъ, подчиненнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія.

6) Выборы въ органы мѣстнаго самоуправленія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

7) Неразоруженіе и невыводъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи.

8) При сохраненіи строгой воинской дисциплины въ строю и при несеніи военной службы — устраненіе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи общественными правами, предоставленными всѣмъ остальнымъ гражданамъ.

Временное правительство считаетъ своимъ долгомъ присовокупить, что оно отнюдь не намѣрено воспользоваться

военными обстоятельствами для какого-либо промедленія по осуществленію вышеизложенныхъ реформъ и мѣропріятій.

Предсѣдатель Государственной Думы *М. В. Родзянко.*
Предсѣдатель совѣта министровъ *кн. Г. Е. Львовъ.*
Министры: *П. Н. Милюковъ, Н. В. Некрасовъ, А. И. Коноваловъ, А. А. Мануйловъ, М. И. Терещенко, Вл. Н. Львовъ, А. И. Шингаревъ, А. Ф. Керенскій.*

IV.

Актъ отреченія Императора Николая II отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуетъ доведенія войны, во что бы то ни стало, до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша, совмѣстно со славными нашими союзниками, сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ себя верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, мы передаемъ наслѣдіе наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляемъ его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую

присягу. Во имя горячо любимой Родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ему, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

„НИКОЛАЙ“.

2 марта 15 час. 5 мин. 1917 г.
гор. Псковъ.

Скрѣпилъ: министръ императорскаго двора, генералъ-адъютантъ графъ *Фредериксъ*.

V.

Актъ отреченія Великаго Князя Михаила Александровича.

Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшаго мнѣ императорскій всероссійскій престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненій народныхъ.

Одушевленный единою со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принялъ я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспріять верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ, чрезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи, установить образъ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго.

Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

„МИХАИЛЪ“.

3 марта 1917 г.
Петроградъ.

ДВѢ ФЕВРАЛЬСКІЯ РЕВОЛЮЦІИ.

При совершенно исключительныхъ — и исключительно благопріятныхъ — условіяхъ совершилось крушеніе стараго государственнаго и общественнаго строя. Свѣтлымъ, благодаря этому, является будущее новой, свободной Россіи.

„На сторонѣ правительства, — сказано было два съ половиною мѣсяца тому назадъ въ декабрьской книжкѣ нашего журнала, — нѣтъ ни одной законодательной палаты, ни одного сословія, ни одной партіи, кромѣ безнадежно и быстро тающей группы крайнихъ правыхъ, ни одного органа печати, кромѣ содержимыхъ на казенныя средства, ни одной общественной организаціи, кромѣ окончательно дискредитированныхъ союзовъ, именующихъ себя монархическими, но менѣе всего служащихъ истиннымъ интересамъ монархіи". Другого примѣра такой изолированности, такого отсутствія политическихъ устоевъ и нравственныхъ точекъ опоры, исторія не представляетъ; вездѣ, въ моментъ наступленія великихъ переворотовъ, старая власть имѣла за собою часть учрежденій, часть населенія; вездѣ она находила поддержку въ широко распространенныхъ настроеніяхъ, въ поколебленныхъ и ослабѣвшихъ, но еще не исчезнувшихъ традиціяхъ. Расшатанъ въ самыхъ своихъ основахъ авторитетъ русскаго правительства былъ уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ — расшатанъ народными бѣдствіями, бездарностью и себялюбіемъ правящихъ сферъ, неудачною войною; но неудовольствіе массъ было болѣе инстинктивнымъ, чѣмъ сознательнымъ, а въ другихъ слояхъ общества еще сохранялись иллюзіи, унаслѣдованныя отъ другой, безвозвратно минувшей эпохи. Тщету иллюзій показала наглядно Государственная Дума первыхъ двухъ созывовъ; послѣднимъ уцѣлѣвшимъ надеждамъ должно было нанести смертельный ударъ все происшедшее въ ноябрѣ и декабрѣ прошлаго года. Должно было нанести, но не нанесло: такъ безгранично было ослѣпленіе власти. Со

всѣхъ сторонъ слыша слова осужденія или предостереженія, она не хотѣла внимать имъ, потому что считала себя обладательницей матеріальной силы. Въ ея рукахъ была полиція, было войско — и она вѣрила въ свою непобѣдимость. Когда ей отказало въ повиновеніи войско и безъ него въ ничто обратилась полиція, она должна была пасть — и пала безнадежно и безславно. И насколько одинокой въ рѣшительную минуту явилась власть, настолько оказалось осуществимымъ сближеніе ея противниковъ. Государственная Дума была въ первые дни борьбы центромъ, около котораго группировались разнородныя силы. Между ея Исполнительнымъ Комитетомъ и Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, въ составъ котораго вошли представители революціонныхъ войскъ, состоялось соглашеніе, благодаря которому могло возникнуть всѣми признанное временное правительство. На сторону новаго порядка стали всѣ арміи, сражающіяся на фронтѣ; ему подчинилась, радостно и безпрекословно, вся страна, до самыхъ отдаленныхъ ея предѣловъ. Не нашлось приверженцевъ низвергнутаго режима даже въ средѣ царской фамиліи, еще до начала возстанія, какъ мы узнаемъ теперь, переставшей чувствовать себя солидарною съ своимъ главою. Это — очень характерная дополнительная черта къ той картинѣ, которую представляла старая власть наканунѣ своей смерти.

Наша февральская революція невольно заставляетъ вспомнить о другой, совершившейся шестьдесятъ девять лѣтъ тому назадъ. Престолъ Людовика-Филиппа палъ съ такою же быстротою, какъ и престолъ Николая II; легко и безпрепятственно образовалось временное правительство, которому немедленно и безпрекословно подчинилась вся страна. Но за этимъ внѣшнимъ сходствомъ скрывается глубокое внутреннее различіе. Іюльское правительство, особенно въ послѣдніе годы своего существованія, не стояло высоко въ общественномъ мнѣніи, но не достигало послѣднихъ ступеней паденія. Ни о какихъ „темныхъ силахъ", гнѣздящихся около трона, не было рѣчи. Министры, лично, за немногими исключеніями, безупречные въ своей частной жизни, выдвинутые не подозрительною протекціею, а долгимъ трудомъ или солидными, иногда блестящими дарованіями, могли считать себя не нарушителями, а охранителями законности. На ихъ сторонѣ стояло большинство обѣихъ палатъ, стояла, такъ называемая, легальная страна, — стояло, слѣдовательно, узко

понимаемое, устарѣлое, практически непригодное, но формально безспорное право. Поддержка, которую они находили въ печати, далеко не вся была ими куплена. Какъ ни обиленъ скандалами былъ годъ, предшествовавшій революціи, они не могли создать такой атмосферы, какою много лѣтъ до взрыва вынуждено было дышать русское общество. Не было ни ссылокъ и высылокъ безъ суда, не было переполненія тюремъ политическими заключенными; не было никакихъ внѣ-легальныхъ средствъ давленія на печать, въ которой были представлены всѣ направленія. Франція, по извѣстному выраженію Ламартина, „скучала", — но въ этой скукѣ не было элементовъ негодующаго презрѣнія къ власти. Неопредѣленная жажда перемѣнъ ослабляла устойчивость существующаго порядка; но революціоннымъ настроеніе народной массы не было. Ни одна изъ партій, рѣшительно враждебныхъ іюльской монархіи, не имѣла прочнаго, широкаго базиса въ странѣ. Не было, даже въ зачаточномъ видѣ, соглашенія между этими партіями; онѣ не ожидали скораго наступленія переворота и не были къ нему готовы. Средства обороны власти, утромъ 24-го февраля, не были еще исчерпаны; войска не перешли на сторону народа — но въ состарившемся королѣ самоувѣренность быстро уступила мѣсто унынію, и его отреченіе положило конецъ борьбѣ. Палата депутатовъ, представлявшая собою, въ сущности, только отголосокъ министерства, оказалась одинаково неспособной и къ сопротивленію, и къ созиданію; она исчезла со сцены, какъ ненужная декорація. Временное правительство, въ сущности никѣмъ не избранное и не назначенное, оказалось у власти, потому что въ данную минуту не нашлось другихъ на нее претендентовъ; но уже съ самыхъ первыхъ дней почва колебалась подъ его ногами. Вскорѣ стало ясно, что не внесетъ спокойствія и мира и учредительное собраніе, созывъ котораго не отвѣчалъ желаніямъ крайнихъ партій. И дѣйствительно, его открытіе послужило сигналомъ къ новой борьбѣ, сначала безоружной (майское нашествіе на собраніе), потомъ вооруженной (іюньскіе дни). Пораженіе іюньскихъ инсургентовъ раскрыло двери передъ „старыми партіями"; господствующее мѣсто между ними вскорѣ заняли едва замѣтные, нѣсколькими мѣсяцами раньше, бонапартисты; ближайшая судьба Франціи была предрѣшена избраніемъ Людовика-Наполеона въ 1848-мъ, законодательнаго собранія — въ 1849-мъ году. Рѣшающая роль уже при Кавеньякѣ

перешла въ руки войска, побѣжденнаго на февральскихъ баррикадахъ, но именно потому враждебнаго революціи и народнымъ массамъ. Далеко не лишено значенія и то, что благопріятнымъ для революціи общее положеніе дѣлъ въ Европѣ было только весною и лѣтомъ 1848-го года; осенью началась реакція, вскорѣ восторжествовавшая на всѣхъ пунктахъ.

До какой степени различна обстановка двухъ февральскихъ революцій — объ этомъ, помимо отмѣченной выше изолированности русской самодержавной власти, свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ другихъ условій. Союзниками русскаго государства, тѣсно соединенными съ нимъ великою борьбою, являются передовыя европейскія націи. Войну Россія ведетъ съ тѣми странами, правительствамъ которыхъ выгодно и пріятно торжество реакціи на русской почвѣ. Безопасность восточной границы обезпечена союзомъ съ Японіей. Въ исходѣ войны, счасливомъ для державъ согласія, заинтересованы всѣ національности, стремящіяся къ независимости и свободѣ. Русское войско, отъ котораго въ столь сильной степени зависитъ торжество надъ германскимъ милитаризмомъ, не только не сражалось противъ революціи, но прямо и очень значительно способствовало ея успѣху. „Старыхъ партій“, въ томъ смыслѣ, какой это выраженіе еще недавно имѣло во Франціи, у насъ нѣтъ. Другой династіи, кромѣ осужденной народомъ и низвергнутой революціею, у насъ не было, и потому нѣтъ и не можетъ быть ничего похожаго на французскихъ легитимистовъ, орлеанистовъ и бонапартистовъ, уложившихъ въ могилу вторую французскую республику и долго угрожавшихъ бытію третьей. Отказъ вел. кн. Михаила Александровича принять престолъ иначе, какъ по опредѣленію учредительнаго собранія, служитъ одной изъ гарантій мирнаго будущаго. Защитники самодержавія, не столько поддерживавшіе его, сколько за него державшіеся, свелись на нѣтъ еще въ послѣдніе дни существованія стараго режима. Какъ ни печальны были условія, при которыхъ сложилась и жила, въ теченіе одиннадцати лѣтъ, конституціонная Россія, они все же отчасти создали, отчасто расширили и укрѣпили почву для партій, сознательно идущихъ впередъ къ ясно опредѣленнымъ цѣлямъ. И эти партіи сразу вступили между собою въ соглашеніе, на которомъ и построено временное правительство. Отсюда возможность дальнѣйшей мирной творческой дѣятель-

ности, вплоть до созыва всѣми ожидаемаго, никѣмъ не оспариваемаго Учредительнаго Собранія. Расчищенію путей, къ нему ведущихъ, ничего не мѣшаетъ, многое благопріятствуетъ. Всѣ главные дѣятели падшаго режима находятся въ рукахъ временнаго правительства. Что ихъ постигнетъ заслуженная кара, не обращаясь въ месть — ручательствомъ въ томъ служитъ ожидаемая отмѣна смертной казни. Здѣсь — точка соприкосновенія между обѣими февральскими революціями; но послѣ іюньскихъ дней декретъ французскаго временнаго правительства обратился въ мертвую букву, а указъ нашего временнаго правительства откроетъ — въ этомъ можно быть увѣреннымъ, — новую эру уголовнаго правосудія. Ярко горитъ заря счастливыхъ свѣтлыхъ дней, которыхъ такъ долго и такъ мучительно ждала изстрадавшаяся Россія.

К. Арсеньевъ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ ТВОРЧЕСКОЙ СИЛЫ.

Съ поразительной быстротой разрушительная сила революціи уступила мѣсто ея созидательной силѣ. Въ эти историческіе дни бывали моменты, когда грань, раздѣляющая эти двѣ силы, исчезала изъ поля зрѣнія.

Не было стихійнаго урагана революціонныхъ страстей. Всякій разъ, когда возникалъ ихъ призракъ, сейчасъ же выступала сдерживающая власть разума и гуманности. Народъ, армія, интеллигенція освобождались не какъ рабы, а какъ люди, давно созрѣвшіе для свободы, и только по какому-то недомыслію историческихъ судебъ остававшіеся въ плѣну у деспотизма гораздо дольше, чѣмъ слѣдовало бы по ходу вещей. А освободившись, проявили рѣдкую въ такіе отвѣтственные моменты силу ума, такта, гуманности и творческой воли.

Излишества и эксцессы, какіе наблюдались въ эти историческіе дни, несогласія и тренія между двумя руководящими силами революціи, къ счастью, уже улаженныя, наконецъ отдѣльные прискорбные эпизоды, — все это — лишь слабый намекъ на то, что всегда бывало въ эпохи великихъ переворотовъ, когда разгорались страсти, и люди не вѣдали, что творятъ.

Великая русская революція, по праву, должна быть признана *самой разумной и самой даровитой* изъ всѣхъ революцій, какія когда-либо совершали народы, больше насъ въ этихъ дѣлахъ искушенные.

Пожалуй, скажутъ: мы воспользовались плодами чужого горькаго опыта и потому сумѣли избѣжать ошибокъ... Но въ такихъ великихъ событіяхъ чужой примѣръ — не указъ, и народы творятъ свою исторію не по урокамъ исторіи. Чтобы творить, нужно имѣть достаточный запасъ своего ума и воли, *свое чувство правды, свое собственное* революціонное дерзновеніе. Всему этому нельзя научиться, все это нельзя

взять напрокатъ. Оно должно быть заранѣе дано, какъ сила потенціальная, какъ завѣтное добро души, передаваемое отъ поколѣнія къ поколѣнію. Революція есть только переходъ этой потенціальной силы въ силу свободную, обращеніе капитала національныхъ духовныхъ цѣнностей на дѣло политическаго и соціальнаго строительства.

Въ этомъ строительствѣ и проявляется „національный геній", какъ проявляется онъ во всякомъ творчествѣ.

Тамъ, гдѣ „національный геній" ярко, несомнѣнно и всенародно обнаружился — какъ сила творящая, — возвратъ къ прошлому невозможенъ, какія бы ни предстояли еще испытанія, какія бы препятствія ни встрѣтились намъ на историческомъ пути созданія новой, истинно-великой Руси.

Начала свободы, равенства и справедливости проводятся въ жизнь съ такою быстротою, такою безоглядною смѣлостью и такою силою политическаго разума, что всѣ сомнѣнія и всѣ опасенія отпадаютъ: творится великое историческое всенародное дѣло, — во главѣ движенія и у кормила власти стали люди, олицетворяющіе разумъ и совѣсть страны. И когда пробьетъ часъ созыва Учредительнаго Собранія, Россія, уже свободная, уже счастливая и несокрушимо-могучая братскимъ единеніемъ всѣхъ ея народовъ и племенъ, выразитъ свою государственную всенародную волю — провозглашеніемъ демократической республики на началахъ равноправія половъ, національностей, классовъ, религій и вѣроисповѣданій, — какъ политическаго уклада, выдвигаемаго на очередь историческимъ ходомъ вещей у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и призваннаго создать гарантіи международнаго вѣчнаго мира и необходимыя условія достиженія въ будущемъ вѣчнаго соціальнаго мира внутри каждой страны.

Д. Овсянико-Куликовскій.

ВѢТЕРЪ.

Романъ.

(Продолженіе [1]).

XVII.

Наталья Никаноровна раскладывалась. Лампа подъ розовымъ бумажнымъ абажуромъ освѣщала всю небольшую комнату мрѣющимъ, ласкающимъ свѣтомъ.

На полу, на мягкихъ кретоновыхъ креслахъ, на столахъ, на кровати—всюду были разбросаны платья—легкія, фантастическія, въ этомъ освѣщеніи особенно очаровательныя, похожія на какіе-то невѣдомые цвѣты, безстыдно развернувшіе свои пестрые, приторно благоухающіе лепестки...

Наталья Никаноровна быстро двигалась среди этого цвѣтника, то нагибаясь, то выпрямляясь, и развѣшивала платья въ шкафу. Она напѣвала вполголоса и легкая усмѣшка не сходила съ ея губъ. Иногда останавливалась и пристально смотрѣла на абажуръ, закусывая нижнюю губу, точно что-то припоминая.

Грудь ея медленно и спокойно подымалась, нѣсколько тонкихъ, блестящихъ нитей волосъ упали ей на щеки.

Кто-то осторожно постучалъ у двери.

Держа въ рукахъ только-что вынутую изъ сундука кофточку и озабоченно разглядывая примятыя кружева, Смоличъ молвила:

— Войдите...

Дверь осторожно скрипнула и въ комнату вошелъ Константинъ Никаноровичъ.

— Я не помѣшалъ тебѣ?

[1]) См. январь, стр. 1.

Онъ былъ, какъ всегда, безукоризненно одѣтъ, свѣжъ и легокъ. Ни тѣни усталости не было замѣтно на его бритомъ, съ подстриженными усиками, матовомъ, узкомъ и маленькомъ лицѣ; что-то колючее, настороженное проглядывало въ немъ. Онъ успѣлъ переодѣться послѣ дороги въ свѣжій домашній темнозеленый костюмъ; въ розовомъ свѣтѣ бросался въ глаза ослѣпительно бѣлый, низкій воротничекъ.

— Садись вотъ сюда на это кресло,—отвѣчала сестра, продолжая раскладываться:—у меня голова идетъ кругомъ отъ всей этой каши... пришлось везти весь гардеробъ свой съ собою... хоть плачь...

Константинъ Никаноровичъ сѣлъ, щелкнулъ серебряной зажигалкой, закурилъ тоненькую папироску (онъ никогда не затягивался), заложилъ ногу за ногу и протянулъ:

— Итакъ...

Наталья Никаноровна скосила одинъ глазъ въ его сторону, усмѣхнулась (она улыбалась точь въ точь какъ братъ) и, продолжая безшумно двигаться по комнатѣ, заговорила:

— Ну, что же... сдѣлано пока все, что можно... Я видала восхитительнаго полковника и говорила съ нимъ... Онъ разсыпался въ комплиментахъ, цѣловалъ ручки, поднесъ великолѣпный букетъ, словомъ, былъ очарователенъ... и мои старанія не пропали даромъ. Собственно говоря, между нами, maman сильно подалась за послѣдніе годы и... грѣшнымъ дѣломъ я весьма сочувствую бѣдному полковнику... Онъ мнѣ говорилъ вещи, говорилъ вещи... ты просто не повѣришь,—я умирала со смѣху!.. Ты знаешь, она... все еще жаждетъ любви... въ ея годы... Полковникъ чуть не плакалъ... „Помилуйте, говоритъ, я очень уважаю вашу матушку, я всегда готовъ былъ соблюдать декорумъ... но... посудите сами,.. мы достаточно пожили... развѣ я бросалъ ее, развѣ я афишировалъ мою связь“... Однимъ словомъ, если онъ и хитеръ и мышиный жеребчикъ, то все же во многомъ правъ. Ты только подумай, ему еще сорокъ три года, а мамѣ пятьдесятъ два... это такъ естественно. Но я, конечно, не подала виду, что сочувствую ему. О, я говорила очень длинно, очень высоко, съ большимъ подъемомъ и убѣдительностью. Я не забыла при этомъ упомянуть о фальшивомъ положеніи, въ какомъ онъ находится, о дочери его, о которой слѣдуетъ позаботиться, наконецъ, о его будущемъ, которое не можетъ быть особенно сладко, если онъ не вернется къ семьѣ. Его, кажется, больше всего безпокоятъ непріятности по службѣ. Но я не забыла и лирики—я заговорила о себѣ, о своихъ дочернихъ чувствахъ,

о мамѣ и ея тоскѣ и горѣ, что такъ опасно въ ея годы... Я не забыла возмущаться его поступкомъ, недостойнымъ солиднаго человѣка, я предсказывала ему, что не сегодня-завтра его броситъ эта француженка и онъ останется одинъ, старѣющій и одинокій. Послѣднее, кажется, его мало тронуло, но онъ усиленно цѣловалъ мои ручки, преданно заглядывалъ въ глаза и обѣщалъ исправиться, если не сейчасъ, то въ недалекомъ будущемъ. Онъ просилъ меня переговорить съ maman, убѣдить ее простить его... и передалъ мнѣ для нея письмо... Теперь остается подѣйствовать на maman... Я думаю, это не столь трудно... по всему видно, что она попрежнему его любитъ и только чувствуетъ себя оскорбленной. Что подѣлаешь, мы, женщины, избалованныя успѣхомъ, никогда не знаемъ, когда пора остановиться. Для насъ никогда не кажется довольно жить, довольно бороться. Мама всю жизнь прожила для себя и ей не на кого было оглянуться, чтобы сравнить себя... Сознаю, я чувствую, что во мнѣ много общаго съ ней...

Наталья Никаноровна замолкла на время и, разстегнувъ баульчикъ, стала разставлять на туалетѣ безчисленныя коробочки, баночки, флаконы, тускло поблескивавшіе въ ея рукахъ.

Потомъ она проговорила медленно и печально:

— Право, мнѣ иногда жаль маму, какъ она ни забавна... неужели и мнѣ будетъ когда-нибудь пятьдесятъ лѣтъ...

И, внезапно снова оживившись, Смоличъ воскликнула:

— Нѣтъ, ты только послушай эту Людмилу! Вѣдь это какой-то солдатъ въ юбкѣ!.. что значитъ кровь... И потомъ эти благородныя слова... я имъ не вѣрю... знаемъ мы этихъ благородныхъ людей. Видали! Я кое-что замѣтила... пока только не стану говорить... но во всякомъ случаѣ съ этой стороны намъ опасаться нечего...

— Она все-таки недурна,—замѣтилъ Константинъ Никаноровичъ и помахалъ ногою:—но строитъ изъ себя недотрогу...

Сестра разсмѣялась.

— А ты уже попытался... ну, что же, желаю тебѣ всяческихъ успѣховъ... всякая ея ошибка намъ, конечно, на руку... Мнѣ не нравится ея излишняя близость къ мамѣ... Во всякомъ случаѣ, чѣмъ скорѣе они отсюда уѣдутъ, тѣмъ лучше...

Константинъ Никаноровичъ пустилъ струю дыма, прищурился, скосивъ глаза на кончикъ носа, и, разглядывая холеныя свои ногти, молвилъ:

— А ты серьезно думаешь заняться хозяйствомъ и переселиться сюда?.. Мнѣ что-то въ это плохо вѣрится... Я, конечно, весьма тебѣ благодаренъ за твои хлопоты по водворенію мамаши

въ лоно добродѣтели и семьи—мнѣ это крайне необходимо для прекращенія нежелательныхъ толковъ,—кромѣ того, можетъ быть это дастъ мнѣ и кое-что въ смыслѣ аржанти-контанти... но все же сомнительно, что ты выдержишь эту марку... Кромѣ того, ты забываешь дядю Яшу...

— Дядю Яшу?..

Наталья Никаноровна разсмѣялась отъ всего сердца.

— Боже мой, дядя Яша... но чѣмъ же онъ мнѣ можетъ помѣшать?.. это фигура съ пробкой въ головѣ (пѣвица не всегда была сдержанна въ выраженіяхъ)... О немъ я даже не думаю...

— Что за тонъ?—поморщился Смоличъ: — такъ и пахнетъ кулисами.

— А ты попрежнему презираешь актрисъ? Почему же въ такомъ случаѣ разговариваетъ со мной его превосходительство?

— Ахъ, не то... Ты мнѣ сестра, и этого достаточно... Но скажи, можетъ быть у тебя есть какіе-нибудь виды на этого... какъ его... ну, твое увлеченіе молодости...

Наталья Никаноровна сдвинула брови. Она отвѣтила рѣзко и твердо:

— Я просила бы, Костя, не касаться меня и моихъ личныхъ дѣлъ... Что бы я ни думала, что бы я ни дѣлала, во всемъ я сама себѣ отдаю отчетъ и никому другому... Радуйся тому, что твои интересы отчасти совпадаютъ съ моими и не мѣшай мнѣ. Благодарить будешь послѣ, а теперь ступай спать — я устала...

Глаза ея погасли, она потянулась, зѣвнула, похрустывая костями корсета и равнодушно, безразлично посмотрѣла на темнѣющій за открытымъ окномъ садъ, на звѣзды, потомъ на поднявшагося съ кресла брата. Она и точно почувствовала сейчасъ нестерпимое желаніе скорѣй раздѣться и сладко потянуться въ постели.

— Покойной ночи, — снова зѣвая, пробормотала она соннымъ, упавшимъ голосомъ:—покойной ночи...

XVIII.

Такъ вотъ она, эта вѣсть оттуда, отъ мужа... Втайнѣ отъ себя Вѣра Владимировна ждала, что мужъ напишетъ ей, станетъ просить прощенія. Ее угнетало его молчаніе, его безразличное отношеніе къ тому, что она ушла отъ него. Сперва онъ испугался, когда открылась его измѣна, потомъ сталъ отрицать

ее, клялся, что всегда оставался вѣренъ, что любитъ жену и не можетъ безъ нея жить, наконецъ, когда обманъ сталъ слишкомъ очевиденъ, полковникъ сталъ дерзокъ, насмѣшливъ и циниченъ.

— Вы сами знаете, сударыня,—говорилъ онъ:—что я полнокровенъ... воздержаніе мнѣ вредно, это скажетъ вамъ любой докторъ... мнѣ васъ недостаточно...

Онъ стоялъ передъ нею—здоровый, краснощекій, съ торчащими кверху свѣтло-русыми усами и смѣющимися глазками. Заложа руки въ карманы брюкъ, отчего тужурка сзади собралась кверху, открывая затянутый круглый задъ, сильный торсъ хорошо сохранившагося мужчины,—онъ раскачивался на носкахъ лакированныхъ ботинокъ и усмѣхался хитро и вмѣстѣ добродушно, съ тѣмъ особеннымъ сознаніемъ своей силы и превосходства, которое Вѣра Владимировна всегда замѣчала въ немъ по отношенію къ себѣ. Она смотрѣла на этого человѣка со страхомъ, ненавистью и обожаніемъ. Онъ былъ противенъ, гадокъ ей, но все же она не переставала его обожать. Когда-то она его боготворила—только въ немъ, въ немъ одномъ она замкнула свою жизнь. Внѣ его, его нуждъ—у нея не было интересовъ. За стѣнами своей квартиры, гдѣ она спала, любила и ждала мужа, она не хотѣла знать міра. Все время ревнуя, все время волнуясь, она все же считала себя счастливой. Неопровержимыя доказательства измѣны мужа (до того Вѣра Владимировна ревновала безъ причины, не зная ея, „въ счетъ будущаго“, какъ смѣясь говорилъ полковникъ)—доказательства очевиднѣе самой смерти—уничтожили бѣдную женщину, отняли волю, достоинство, уваженіе къ себѣ. У нея хватило хитрости, сдержанности, терпѣнія, чтобы до конца узнать все. Француженка, съ которой сошелся Александръ Ясоновичъ имѣла неосторожность звонить къ нему по телефону на домъ. Случайно на звонокъ подошла Вѣра Владимировна и, назвавшись горничной, обѣщала передать барину, что о немъ справлялась барыня.

— Позвольте узнать имя?—спросила Карышева, едва владѣя собой.

— Имья не нюшно—онъ знаитъ,—отвѣчала, смѣясь, француженка и повѣсила трубку.

И придавленная этимъ внезапнымъ открытіемъ, Вѣра Владимировна впервые сдержала себя. Не привыкшая притворяться, она лгала и притворялась—ничего не сказала мужу, цѣловала его и охотно отпустила изъ дому. О, Боже, что это были за часы, дни, недѣли. Да, ровно двѣ недѣли она выслѣживала полковника: ѣздила за нимъ на извозчикахъ, подкупала прислугу,

швейцаровъ, дворниковъ и наконецъ узнала все и ушла отъ мужа. Чтобы больше не возвращаться? Конечно... она не могла вспомнить безъ содроганія все пережитое ею. Она была самолюбива и горда—тѣ униженія, которыя она испытала, ведя дознаніе, не давали ей покоя, когда все уже было кончено. Въ ней говорила Тулубьевская кровь. Тѣмъ больнѣе чувствовала она оскорбленіе, что сама же столько дней себя оскорбляла. Все было порвано—съ мужемъ, со знакомыми, съ самимъ городомъ, гдѣ она жила. Ее потянуло въ родной уголъ. Людмила должна была ѣхать съ ней—это была ея месть, жалкая месть—потому что полковникъ радъ былъ развязать руки.

Она принялась за хозяйство, окружила себя тысячью мелкихъ заботъ и успокоилась. Дни брали свое. Но чувство одиночества не покидало ее; чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй она его чувствовала. Ей было жутко ложиться спать у себя въ спальнѣ, гдѣ все еще оставалась пустая кровать мужа. Сначала она не отдавала себѣ въ этомъ отчета, потомъ поняла и смутилась еще больше. Это не были воспоминанія утраченнаго счастья или раскаяніе въ необдуманномъ шагѣ—нѣтъ—она все еще *хотѣла любви*. Она все еще чувствовала себя женщиной. Днемъ это проходило. Вновь накипало раздраженіе съ обѣда. Видя изрѣдка у пріемной дочери открытку отъ полковника (закрытыхъ писемъ онъ писать терпѣть не могъ) — она приходила въ негодованіе: Карышевъ не думалъ извиняться, не передавалъ ей поклоновъ, совсѣмъ забылъ о ея существованіи.

И вотъ сейчасъ въ ея рукахъ его письмо.

Развѣ можно было спать въ эту ночь, развѣ можно было думать о чемъ-нибудь другомъ?

Вѣра Владимировна ходила по любимой своей дорожкѣ вдоль штамповыхъ розъ. Туманъ и роса не могли бы загнать ее въ спальню. „Милая и дорогая Вѣра Владимировна, — писалъ ей мужъ: — Я рѣшился обратиться къ тебѣ. Положеніе создалось невѣроятное. Мои сѣдины повелѣваютъ мнѣ вспомнить о долгѣ отца и мужа“.

— Неправда, у него нѣтъ сѣдинъ,—шептала Карышева:— онъ опять выдумываетъ. Боже, что это за человѣкъ!

Но улыбка мелькала на ея губахъ. Она подымала брови, кивала головой и ширила ноздри. Все-таки онъ извиняется, онъ признаетъ себя виновнымъ. Какъ это онъ пишетъ: „повелѣваютъ мнѣ вспомнить“... да, да и еще: „если бы я смѣлъ мечтать, если бы могъ надѣяться, что ты не простишь, а снизойдешь, то я у твоихъ ногъ умолялъ бы тебя вернуться“. „Снизойдешь“...

я не понимаю этого слова,—пожимая плечами, думала Вѣра Владимировна:—онъ меня оскорбилъ—можно только забыть это... и я кажется забыла... но вѣдь это не то... мнѣ нужна любовь... да, да—любовь, а о ней онъ не говоритъ ни слова. Вернуться? зачѣмъ?.. чтобы снова мучиться?.. „Прошлое передъ моими глазами"—пишетъ онъ:—„я готовъ плакать и къ тому же чувствую одиночество"... А моего одиночества онъ не чувствуетъ? Не понимаетъ, что я перенесла и переношу?.. „Прошлое передъ моими глазами"—но развѣ это прошлое не было для меня полно любви, одной любви? Вернуть прошлое, но вѣдь для этого онъ долженъ и полюбить меня попрежнему. Господи, какая мука, какой ужасъ!

Карышева подносила письмо къ губамъ и рвала его зубами, кусала себѣ пальцы.

— Что мнѣ дѣлать?—спрашивала она, останавливаясь передъ розами и безпомощно озираясь.

Внезапно ей пришла на память Людмила. Какъ часто эта дѣвушка успокаивала ее. Къ тому же она дочь полковника, она должна знать своего отца, она должна умѣть читать среди строкъ.

Спотыкаясь и цѣпляясь шушуномъ за кустарникъ, Вѣра Владимировна побѣжала къ дому и, закинувъ голову наверхъ, стала всматриваться въ окно мезонина. Окно было открыто, но лампа не горѣла и никто не двигался въ комнатѣ.

— Людмила!—позвала Карышева.

Подождавъ и прислушавшись, она крикнула громче:

— Людмила, ты спишь?

Наконецъ ее услышали. Стукнулъ задѣтый стулъ, босыя ноги затопали по полу, темная голова дѣвушки высунулась въ окно.

— Это я, Людмилушка... прости, голубка, что разбудила тебя... но если можешь—сойди ко мнѣ, прошу...

XIX.

Обнявъ полный и крѣпкій станъ пріемной дочери, ходила Вѣра Владимировна по скрипучему гравію дорожки до утренней зари, до первыхъ проблесковъ дня, когда въ липахъ закуковала кукушка и заблеяли овцы изъ отары Крутовскаго.

— Ахъ, Людмила, я ничего не понимаю, я путаюсь—помоги мнѣ,—повторяла Карышева, тѣснѣе прижимаясь къ плечу спутницы своей, кипя, страдая и возмущаясь и чувствуя себя безпомощнѣй малаго ребенка:—какъ мнѣ вернуться къ нему, разъ

онъ меня не любитъ, разъ я не увѣрена въ его чувствѣ. Онъ опять станетъ измѣнять мнѣ, а я этого не перенесу. Скажи мнѣ, остепенится онъ или нѣтъ, можно ли ему вѣрить?..

Людмила слушала молча. Какъ могла она возражать? Она понимала, что возраженія безполезны, но ей отъ души жаль было пріемную мать, тяжело слушать сбивчивыя рѣчи, въ которыхъ звучала все одна и та же боль, боль себялюбиваго, уязвленнаго сердца.

Она должна была становиться судьею между роднымъ отцомъ, котораго всегда чуждалась, и пріемной матерью. Но она не была дѣвически слѣпа — она знала, что можетъ судить, и съ болью чувствововала, что должна осудить и того, и другого.

— Что отвѣтить мнѣ?—спрашивала Вѣра Владимировна:— какъ написать ему все это? на что рѣшиться?

— Тетя, дорогая, — наконецъ молвила Людмила: — вы вотъ все говорите мнѣ, а я слушала, и все-таки до сихъ поръ не могла понять: въ чемъ же ваше страданіе? Что всего тяжелѣе вамъ? Что вы его не любите, что онъ не любитъ васъ, или что онъ измѣнилъ вамъ и вы не можете забыть этой измѣны и простить ему? Какъ же я могу помочь вамъ? Если вы другъ друга не любите, то зачѣмъ тогда думать о совмѣстной жизни?.. Если вы его не любите и потому ушли отъ него, какъ раньше мнѣ думалось,—то зачѣмъ мучиться и терзаться... Если вы любите его, а онъ не любитъ, но зоветъ къ себѣ, то какъ, любя, не сдѣлать того, что сладко сдѣлать—отдать ему себя, разъ онъ проситъ этого... и тогда какъ не забыть того, что было, какъ не простить?

— Ахъ, не то, не то,—тоскливо шептала Карышева.

Онѣ стояли обѣ въ блекломъ свѣтѣ ранняго утра, у обѣихъ были усталыя лица, обѣ печально замолчали. Можетъ быть, Людмила догадывалась, что̀ больше всего причиняло страданій ея пріемной матери—но какъ могла она сказать ей это?

„Нѣтъ,—думала съ горечью Вѣра Владимировна:—такъ никто меня не пойметъ, никому нѣтъ дѣла до меня... я такъ одинока“.

XX.

Послѣ скверной, безпокойной ночи Крутовской рѣшилъ, что, несмотря ни на что, ему нужно сдержать слово и пойти въ Самолюбово. По здравомъ размышленіи онъ пришелъ къ мысли, что вчерашнее его смущеніе до смѣшного было глупо, что На-

талья Никаноровна, державшаяся съ нимъ просто, могла замѣтить эту его неловкость и замѣшательство и истолковать ихъ по-своему. Что, напротивъ того, ему слѣдуетъ держаться съ нею такъ же непринужденно, какъ держалась она съ нимъ и, вообще, поменьше думать о томъ, чего уже нѣтъ и быть не можетъ. Она не курсистка, и онъ далеко не тотъ. И ежели было между тѣми двумя что-нибудь тяжелое, непоправимое, то объ этомъ слѣдуетъ поскорѣй забыть. Нельзя же было бросать и хозяйство, и насиженное мѣсто только для того, чтобы не встрѣчаться съ этой женщиной. Пожалуй, и было бы возможно, ежели бы онъ самъ не считалъ это малодушіемъ и не былъ бы увѣренъ въ себѣ... а мстить... мстить можно только тогда, когда не простыла ненависть, когда оскорбленіе передъ лицомъ... Онъ не сдѣлалъ этого раньше, пережилъ въ себѣ—поздно думать объ этомъ теперь. Презрѣніе... онъ его чувствовалъ до вчерашняго дня, чувствовалъ и гадливость, но какъ презирать женщину, внѣшне презирать ее, когда она ставитъ себя въ положеніе свѣтской, воспитанной барыни, когда вы ее встрѣчаете неожиданно, она вамъ протягиваетъ руку и говоритъ самыя обыкновенныя вещи и самымъ любезнымъ, самымъ безразличнымъ тономъ. Хорошъ бы онъ былъ, ежели бы вздумалъ теперь бѣжать отъ нея, скрываться, разыгрывать роль оскорбленной добродѣтели! Но объясненій быть никакихъ не можетъ. Ничего такого, чего нельзя было бы высказать передъ другими. Знакомые? — Извольте, но ни друзья, ни враги, ни обвинители, ни обвиняемые... Подымать всю эту грязь со дна души, копаться въ ней — никогда, это было бы и слишкомъ неопрятно, и слишкомъ тяжело. Здѣсь нужно поставить точку. Большую точку. Аминь... Развѣ онъ зналъ, онъ предполагалъ тогда, что она поступитъ такъ, какъ поступила? Все, что угодно, только не это. Измѣна, убійство, только не это. Два года она жила съ нимъ, два года казалась любящей, дѣльной, умной подругой, — всѣми уважаемой, пользующейся всеобщимъ довѣріемъ. Два года ее считали своей, хотя фактически она не значилась въ партіи. Дочь генерала, довольно виднаго, съ большими связями, она часто оказывала маленькія услуги партіи и ея квартира считалась безопасной, чистой, въ ней не боялись фиска и свободно говорили. Иногда въ ней хранили „предметы“ и она всегда со смѣхомъ, съ веселыми шуточками упрятывала ихъ куда-нибудь въ шифоньерку съ бѣльемъ и платьями. Къ ней приходили знакомые и друзья ея брата и знакомились тамъ съ ея товарищами: она называла такія собранія „салонами“, и всѣ считали это весьма забавнымъ, очень остро-

умнымъ пріемомъ конспираціи. Среди лицеистовъ, юнкеровъ, молодыхъ чиновниковъ, подъ пѣніе, музыку, подчасъ танцы, свои говорили о своихъ дѣлахъ, забавные — въ студенческихъ, мундирахъ, съ бѣлыми перчатками и шпагами, въ смокингахъ и жакеткахъ. Старуха тетка—глухая, придурковатая, у которой жила Наташа, никогда ничему не мѣшала.

Все въ видахъ той же конспираціи Смоличъ бросила высшіе курсы и поступила въ консерваторію. Она стала пѣть, посѣщать артистическіе кабачки, стала читать стихи, какъ-то по особенному одѣваться, говорить о наслажденіи жизнью и о смерти, о Богѣ и о культѣ тѣла. Такая была пора—ничего не подѣлаешь. Она любила рестораны и онъ ѣздилъ съ нею по ресторанамъ, она пила и онъ пилъ съ нею. Но все шло по старому еще полтора года, когда внезапно, не заставъ ее дома, онъ нашелъ у нея записку, клочекъ бумажки, заставившій его подумать, что онъ сошелъ съ ума, что онъ боленъ.

Послѣдняя неудача оказалась дѣломъ рукъ Наташи. Она выдала всѣхъ—не было сомнѣнія. Онъ готовъ былъ растерзать ее на мѣстѣ, бить по лицу, плевать ей въ глаза. Но сдержалъ себя и сталъ слѣдить за нею. Черезъ недѣлю онъ уже зналъ навѣрное, что она предавала ихъ. Предавала спокойно, систематически, съ улыбкой — за деньги. Его Наташа, его любимая! Это открытіе было такъ ужасно, такъ нелѣпо, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ достовѣрно, что онъ, и точно, думалъ, что сойдетъ съума. Нѣсколько дней онъ не зналъ, на что рѣшиться. Онъ метался по всему городу, изъ трактира въ трактиръ, приходя то къ одному, то къ другому рѣшенію, съ ужасомъ сознавая, что несмотря ни на что, онъ ее любитъ. Любитъ такой, какой она есть, любитъ какой-то еще болѣе острой, ядовитой любовью, туманившей ему разсудокъ. Онъ не знаетъ, какъ не опустился тогда, какъ не сталъ пьяницей, жалкимъ, безвольнымъ пьяницей. Но все-таки онъ былъ достаточно здоровъ и крѣпокъ. Наконецъ грязный, опухшій отъ пьянства, онъ вернулся домой и легъ спать впервые за эти долгіе отвратительные дни. Онъ рѣшилъ не выдавать ее партіи, а покончить съ нею самъ.

Онъ пошелъ къ ней, дождался ея возвращенія изъ консерваторіи и сказалъ, что знаетъ все. Онъ и сейчасъ видитъ ея глаза, какими она на него взглянула. Но, оправившись, она стала смѣяться. Она смѣялась, точно ей сказали невѣроятно забавную вещь, тихенькимъ, невѣрнымъ смѣшкомъ, немного въ сторону, и въ эту минуту онъ вспомнилъ, что она часто такъ смѣялась, и каждый разъ, когда обманывала. Но когда она уви-

дала въ его рукахъ револьверъ, она поняла, что все потеряно. Она кинулась ему въ ноги, она цѣплялась за его колѣни и кричала, плакала, что-то бормотала. Что это былъ за голосъ! Рѣжущій, тупой, какъ у обезумѣвшаго животнаго. Она дрожала вся мелкой собачьей дрожью и, когда онъ нагнулся къ ней, кошачьимъ движеніемъ выхватила у него револьверъ и раньше, чѣмъ онъ понялъ, что месть ему не удастся, она схватила его голову руками и стала осыпать его поцѣлуями, бѣшеными, голодными поцѣлуями, которые обезсиливали, туманили его, лишали всякой способности сопротивляться...

Прійдя домой, онъ сказалъ себѣ, что для него все кончено. Онъ испытывалъ къ себѣ чисто физическое чувство отвращенія. Онъ легъ, не раздѣваясь, въ пальто и фуражкѣ на кровать и пролежалъ такъ безъ думъ, безъ движеній до утра, потому что каждое движеніе его казалось ему отвратительно мерзкимъ и вызывало тошноту.

Утромъ онъ получилъ отъ нея записку. Въ эти часы ему все было безразлично, ничто не могло удивить, взволновать, потрясти.

Она писала, что уѣзжаетъ, что онъ ее не найдетъ, что она свободна и не потерпитъ насилія надъ собой. Она предавала ихъ, потому что ей это нравилось, это ее забавляло. Каждый человѣкъ заполняетъ свою жизнь по своему. А онъ глупъ, жалокъ и глупъ. У нея давно былъ другой любовникъ, который и научилъ ее этой веселой игрѣ съ человѣческими жизнями. Прощай. Счастливаго пути—вы вѣдь тоже скоро отсюда уѣдете. Торопитесь, а то будетъ поздно.

И онъ уѣхалъ. Одинъ изъ его уцѣлѣвшихъ товарищей сообщилъ ему, чтобы онъ спасался, если не хочетъ губить всего дѣла. Собаки настигали звѣря. Почему онъ удралъ? Почему онъ остался жить? Почему съумѣлъ пережить все это?..

Конечно, для того, чтобы жить. Развѣ онъ сталъ бы теперь отказываться отъ жизни? Такъ въ чемъ же дѣло? И что ему Наталья Никаноровна Смоличъ? Пѣвица-контральто, дочь его сосѣдки по имѣнію — Вѣры Владимировны Карышевой... Мои, твои, и такъ себѣ, какъ говоритъ этотъ дуракъ Ерандаковъ. Аминь...

XXI.

Леонтій Алексѣевичъ весьма былъ доволенъ, когда, подходя къ крыльцу Тулубьевскаго дома, засталъ тамъ большое общество, только-что позавтракавшее. Это избавляло его отъ необходимости

оставаться съ глазу на глазъ съ Натальей Никаноровной, и невольно заставляло слѣдить за собою и не выдавать своего смущенія.

Въ „Самолюбово" пріѣхали исправникъ Анкудиновъ съ женой и братья Ерандаковы.

Вѣра Владимировна ласково пожурила Крутовского за долгое отсутствіе—онъ ей всегда нравился своимъ здоровьемъ, открытымъ лицомъ, простотою и хозяйственностью; частенько даже она совѣтовалась съ нимъ.

Яковъ Владимировичъ встрѣтилъ его весьма любезной шуточкой: у нихъ издавна повелось такъ, и бывшій владѣлецъ „Рая" иначе и не называлъ Крутовского, какъ „мой замѣститель", съ серьезной важностью разспрашивая объ урожаяхъ, въ которыхъ понималъ столько же, сколько и въ китайскомъ языкѣ. Съ Людмилой Леонтій Алексѣевичъ обмѣнялся дружескимъ рукопожатіемъ, она сейчасъ же отвернулась за какимъ-то дѣломъ, а Витя, казалось, очень радъ былъ его приходу, потому что, подсѣвъ къ нему, долго говорилъ съ нимъ, какъ съ старымъ пріятелемъ. Только съ Константиномъ Никаноровичемъ Крутовской обмѣнялся лишь сухимъ поклономъ и сейчасъ же они разошлись въ разныя стороны. Эта непріязнь существовала между ними съ перваго дня знакомства, еще когда они встрѣчались у тетки, гдѣ жила Наталья Никаноровна. Леонтій Алексѣевичъ такъ и не узналъ никогда, освѣдомленъ ли Смоличъ объ отношеніяхъ его къ его сестрѣ. Они почти никогда не разговаривали.

Исправникъ, Капитонъ Ксенофонтовичъ Анкудиновъ, въ бѣломъ кителѣ, со всевозможными значками по обѣимъ сторонамъ груди, благодушно разглаживалъ бачки и подалъ руку Крутовскому, какъ доброму пріятелю. Онъ, и точно, относился къ Леонтію Алексѣевичу по-пріятельски, хотя послѣдній и рѣдко съ нимъ видѣлся. Говорилъ исправникъ съ молодымъ помѣщикомъ дружески, но какъ-то многозначительно, точно хотѣлъ сказать ему, что, молъ, пріятели мы съ тобой, пріятели, но все же прошлое мнѣ твое досконально извѣстно и лучше этого прошлаго не касаться—тутъ у насъ игра пойдетъ у каждаго своя. Крутовской замѣчалъ это и всегда благодушно посмѣивался. Капитонъ Ксенофонтовичъ былъ человѣкъ мягкій, несмотря на свои насупленныя брови и почтенный басокъ; въ немъ и до сихъ поръ сохранился крѣпкій душекъ бывшаго кавалериста.

Жена его, Авдотья Петровна, сидѣла неподвижно и похотливо жмурилась. Она любила ликеры и молодыхъ мужчинъ. При видѣ и того и другого она таяла и блаженствовала. Въ

этомъ рыхломъ, большомъ тѣлѣ жила чувствительная и дѣтская душа. Все маленькое, нѣжное привлекало ее. Мужа своего она называла „Купидончикомъ“ и очень огорчалась, когда ей говорили, что имя это звучитъ юмористически.

— Но, вѣдь, Капитонъ и Купидонъ—одно и то же, и, какъ хотите, „Купидонъ“ звучитъ пріятнѣе.

Своего имени она тоже не любила и просила величать ее „Едокси“.

Такъ ее всѣ въ городѣ и прозвали—„Едокси Анкуку“.

Наталью Никаноровну Крутовской за столомъ не засталъ. Она ушла въ гостиную съ братьями Ерандаковыми. Слышенъ былъ ея смѣхъ и громкіе выкрики Фепты и Фроши.

— Пренепріятная вещь—жить въ этакой дырѣ молодымъ офицеромъ,—разсказывалъ Анкудиновъ:—представьте себѣ грязный пограничный городокъ. Ну, и придумывали развлеченія: ходили въ адресный столъ адреса свои узнавать. „Па-азвольте узнать, барышня, гдѣ живетъ корнетъ Анкудиновъ, Капитонъ Ксенофонтовичъ... Спа-асибо, весьма вамъ благодаренъ“. И, представьте, не ошибаются, канальи! До точности вѣрно сообщаютъ, бестіи... даже обидно. И какъ это они знаютъ? Пріятное учрежденіе и недорого... Но надоѣдаетъ здорово, а соберемся вмѣстѣ, вранье такое пойдетъ, что уши вянутъ. Казначей у насъ былъ, такъ онъ всегда разсказывалъ, какъ онъ въ испанскую графиню влюбился и какъ та ему взаимностью отвѣчала. Вралъ, разумѣется, во всю, да, кажется, въ Испаніи и графовъ нѣтъ, а все гранды, но мы слушали и еще просили, да и нельзя, все-таки нужный человѣкъ, когда до жалованія придется перехватить.

Капитонъ Ксенофонтовичъ продолжалъ разсказывать, но Крутовской его не слушалъ. На террасу вышла Наталья Никаноровна и за нею слѣдомъ Ерандаковы.

Она остановилась на порогѣ и зажмурилась: солнце прямо ударило ей въ лицо, яркими пятнами легло на ея округлый, начинавшій тяжелѣть подбородокъ, на открытую, бѣлую, полную шею, на высокую, пожалуй слишкомъ высокую, грудь. Она прикрыла на мгновеніе глаза свои наружу повернутыми ладонями рукъ и на розовыхъ, съ ямочками, локтяхъ ея тоже заиграли золотыя пятна.

— Нѣтъ, вы прямо невозможны, — проговорила она, обращаясь къ своимъ кавалерамъ:—не могу же я вамъ пѣть цѣлый день. У меня настроенія нѣтъ, ступайте прочь.

Она подошла къ столу, пододвинула къ себѣ вазочку съ кон-

фектами и только тогда, откусывая бѣлыми и крѣпкими, какъ у матери, зубами конфекту, подняла голову и увидала Леонтія Алексѣевича.

— Ахъ, вотъ и вы... какъ мило, что вы пришли къ намъ. Здравствуйте.

И когда онъ пожималъ ея руку, она, чуть повернувъ голову, говорила Вѣрѣ Владимировнѣ:

— Ты знаешь, мама, я вѣдь давно знакома съ Леонтіемъ Алексѣевичемъ, тогда еще, когда была въ консерваторіи... мы были даже друзьями одно время.

Вѣра Владимировна, разливавшая чай, отвѣтила разсѣянно:

— Да, мнѣ кажется, я слышала объ этомъ. Вамъ съ сахаромъ, Капитонъ Ксенофонтовичъ?

А Наталья Никаноровна, садясь, снова заговорила о пѣніи, о концертахъ, объ акустикѣ и плохихъ аккомпаніаторахъ. Иногда она кидала взоръ свой на Крутовского, но мимолетный и ничего не выражавшій; она точно и его приглашала полюбоваться на себя.

И съ каждой минутой тревога утихала въ душѣ Леонтія Алексѣевича. Онъ даже съ нѣкоторымъ любопытствомъ наблюдалъ за Смоличъ, замѣчалъ ея движенія, всегда законченныя, ея словечки. Въ ея разговорѣ очень часто мелькали такія слова, какъ „утонченный", „интимный", „эстетный", и отъ этихъ словъ такъ и вѣяло кулисами, будуаромъ въ номерахъ гостиницы. Сколько ей теперь лѣтъ? спрашивалъ себя Крутовской, оглядывая ея все еще стройный станъ. Навѣрное за тридцать, но кажется она моложе. Сейчасъ, рядомъ съ Вѣрой Владимировной, она казалась ея младшей сестрой; и несмотря на то, что Наталья Никаноровна была и значительно моложе, свѣжѣе и ярче Вѣры Владимировны и, вмѣстѣ, очень на нее походила, какъ лицомъ, такъ и фигурой, но все же, при сравненіи съ матерью, она въ чемъ-то и значительно теряла: такъ, точно передъ вами было два одинаковыхъ камня, но разной шлифовки.

Слѣдя за Смоличъ, Крутовской замѣтилъ, что Наталья Никаноровна очень умѣло, очень самоувѣренно разговаривавшая со всѣми, съ Вѣрой Владимировной точно не знала, какого держаться тона, какъ будто бы скрывалась. То заговоритъ, какъ скромная, послушная дочь, то какъ подруга, а то и съ нѣкоторымъ вызовомъ. И каждый разъ невпопадъ, и каждый разъ Вѣра Владимировна съ удивленіемъ и безпокойствомъ на нее взглядывала.

Когда послѣ нѣсколькихъ часовъ разговоровъ, чаепитія, гу-

лянья по саду, Леонтій Алексѣевичъ сталъ раскланиваться, Наталья Никаноровна подозвала его къ себѣ. Она стояла на краю террасы, у ступенекъ. Лицо ея перемѣнилось, точно это былъ другой человѣкъ. Протягивая Крутовскому для пожатія руку и глядя на него, какъ и впервые, не то смущенно, не то насмѣшливо, она спросила, чуть слышно:

— Ну, что же... вы довольны мною?—и когда онъ продолжалъ стоять передъ нею, не зная, что̀ отвѣтить, и опустилъ глаза, она добавила:

— Но если бы вы только знали, какъ это трудно... прощайте.

Онъ поднялъ глаза, хотѣлъ отвѣтить, но она уже улыбалась своею выдержанною улыбкой и привѣтливо кивала головой:

— До свиданія, до свиданія!.. помните, что стыдно забывать своихъ сосѣдей и старыхъ друзей... до свиданія.

Спускаясь липовой аллеей, наполненной звономъ и гудѣніемъ пчелъ, собиравшихъ медъ съ липоваго цвѣта, Крутовской увидалъ на мосту Людмилу. Она стояла, склонясь на перила и глядя въ воду. Онъ хотѣлъ ее окликнуть, но она внезапно выпрямилась и, не оглядываясь, свернула по берегу, цѣлиною къ бесѣдкѣ. Крутовской не сталъ догонять её и медленно пошелъ своею дорогой.

XXII.

За домомъ, подъ широкою шапкою стараго боярышника, Крутовской нашелъ Марью Васильевну и Ильюшу Шишикторова.

Марья Васильевна перебирала на вареніе клубнику, а Шишикторовъ сидѣлъ, сутулясь, упершись локтями въ худыя свои колѣни и судорожно сцѣпивъ длинные пальцы, и пристально смотрѣлъ тускло блистающими глазами, глубоко запавшими по сторонамъ длиннаго тонкаго носа, на черную тѣнь свою. Передъ нимъ стояли двѣ бутылки пива, одна пустая, другая наполовину допитая.

— Противъ овецъ ты молодецъ, а противъ барана и даромъ не надо,—приговаривала Марья Васильевна:—у тебя отъ пива-то, должно, голова тяжелѣе ногъ—ты бы внизъ головой походилъ, авось весело стало бы.

Старушка всей знакомой ей молодежи говорила ты, и никто на это не обижался. Это обращеніе доказывало ея расположеніе къ человѣку; „выкала“ она только мало знакомыхъ и лицъ ей непріятныхъ или очень почтенныхъ.

Старушка внимательно оглядѣла племянника и тогда заговорила съ нимъ:

— Вотъ, Леонтій, погляди на этого франта. Больше часу сидитъ и плачется. Найми ты его, Христа ради, клеверъ косить— благо время приспѣло, а то парню дѣвать себя некуда, въ петлю просится.

Шишикторовъ поднялся и поздоровался съ Крутовскимъ.

— Да радъ бы, Марья Васильевна, — отвѣчалъ онъ:—что угодно радъ былъ бы дѣлать, а не могу. Вы вотъ счастливая, до своихъ лѣтъ дожили и все еще съизнова васъ интересуетъ, все радуетъ. Для меня же все пусто, все ненужно и давно извѣстно.

Онъ поправилъ свои золотые вьющіеся волосы, падающіе ему на узкій лобъ, и улыбнулся жалкой, безпомощной улыбкой.

— Я васъ ждалъ, Леонтій Алексѣевичъ, — оборотился онъ къ Крутовскому и посмотрѣлъ на него съ безпокойствомъ:– я хотѣлъ поиграть вамъ. Прошлый разъ вы, помнится, говорили, что не прочь послушать...

— Конечно, конечно,—поспѣшилъ отвѣтить хозяинъ:—я очень радъ буду... вотъ только сейчасъ переговорю съ приказчикомъ и весь къ вашимъ услугамъ.

Черезъ нѣкоторое время они были въ низкомъ залѣ, освѣщенномъ розовыми лучами заходящаго солнца.

Шишикторову принесли еще пива: онъ поставилъ бутылку и стаканъ на запыленную крышку рояля, глотнулъ пива—его непрестанно мучила жажда и онъ глоталъ горькую и холодную влагу каждый разъ съ какою-то особенной жадностью—и началъ играть.

Крутовской сѣлъ въ уголъ на первое попавшееся кресло и сталъ смотрѣть на портретъ Тулубьевой — сходство съ нею Натальи Никаноровны особенно теперь бросалось въ глаза.

Шишикторовъ игралъ удивительно и невольно заставлялъ собой заслушаться. Окончивъ одно, онъ тянулся, не глядя, за пивомъ, жадно выпивалъ стаканъ и игралъ дальше.

У него было много композицій на духовныя темы, но болѣе всего удавались ему пантомимы и трогательныя, наивныя пасторали, овѣянныя беззаботнымъ духомъ восемьнадцатаго вѣка. Онѣ были мастерски сдѣланы и мастерски имъ исполнялись. Ничего тяжелаго, гнетущаго не замѣчалось въ его музыкѣ, точно и не онъ писалъ эти легкія, порхающія пьески; не вѣрилось, чтобы столько вкуса, столько пригожести могло быть въ этомъ долговязомъ юношѣ съ блѣднымъ лицомъ на тонкой шеѣ.

Легкая улыбка не покидала губъ слушавшаго его Крутовского. Глядя на все укорачивающуюся розовую полоску свѣта, ему невольно припоминался залитый солнцемъ веселый Провансъ, гдѣ онъ побывалъ въ дни своего изгнанія, веселыя тамошнія задорныя пѣсенки, полныя корзины янтарнаго винограда и лукавый и быстрый взглядъ провансальцевъ. Настоящее какъ-то незамѣтно уходило вмѣстѣ съ солнцемъ, и портретъ Тулубьевой уже не смущалъ его своимъ сходствомъ съ внучкою, а напоминалъ ему о беззаботномъ и легкомысленномъ нравѣ красавицы Елизаветы Яковлевны.

Зала подернулась медовой тѣнью лѣтнихъ сумерекъ, точно сѣрая паутина, раскинутая по угламъ комнаты, растянулась во всю ея ширь, и только въ окнахъ еще отсвѣчивались зеленые и розовые лучи, когда Шишикторовъ внезапно оборвалъ игру и повернулъ къ Крутовскому искаженное и блѣдное лицо свое.

— Леонтій Алексѣевичъ,—тихо и значительно позвалъ онъ:— Леонтій Алексѣевичъ...

Крутовской безпокойно посмотрѣлъ на музыканта.

— Леонтій Алексѣевичъ, скажите, вы могли бы убить кого-нибудь?

— Убить?

Крутовской даже поднялся съ кресла, такъ поразилъ его этотъ вопросъ, такъ не шелъ онъ къ только-что замолкнувшей музыкѣ.

И тотчасъ же вернулись къ Крутовскому тѣ мысли, что смущали его въ тотъ вечеръ, когда онъ получилъ послѣднее письмо отъ Натальи Никаноровны.

— Ну, да, убить,—повторилъ съ непонятнымъ спокойствіемъ и раздумчивостью Шишикторовъ.—Я частенько объ этомъ думаю.

Онъ налилъ въ стаканъ пива, выпилъ и, не отирая губъ, сказалъ:

— Меня, конечно, не интересуетъ, имѣю ли я право убить. Это уже рѣшено, и рѣшено въ положительномъ смыслѣ. Объ этомъ и Достоевскій писалъ, да и вы, революціонеры, съ этимъ вопросомъ давно покончили, хотя бы только фактически. Но меня занимаетъ вопросъ, измѣнится ли человѣкъ, ставъ убійцей, то-есть можетъ ли онъ воскреснуть, если былъ мертвъ. Чортъ его знаетъ, можетъ быть даже и не это. Понимаете, чтобы полюбить, нужно что-то сдѣлать... отрѣшиться отъ себя — что-ли... такъ говорятъ... такъ говорила мнѣ не разъ Людмила... ну вотъ, такъ если въ тебѣ этого нѣтъ—можетъ быть поможетъ убійство.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки
1727

Вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ тоже самоотреченіе, нѣкоторый подвигъ... Мы куда-то всѣ ушли теперь, слишкомъ глубоко въ себя ушли и намъ нѣтъ силъ выбраться — ну, а вотъ, можетъ быть, это будетъ достаточнымъ прыжкомъ изъ себя... понимаете... я даже этимъ стремленіемъ объясняю участившіяся теперь преступленія и самоубійства. У кого еще хватаетъ духу бороться, тотъ убиваетъ, у кого нѣтъ ничего — тотъ умираетъ самъ. Конечно, если бы къ этому пришло большее число людей, это было проще. Началась бы война и сдѣлала бы все гораздо скорѣе. Я, конечно, многое путаю, слова у меня косноязычныя, но мысль мнѣ кажется правильной. Теперь въ насъ самихъ и рай, и адъ, и чортъ его знаетъ что̀, и никуда намъ ходить незачѣмъ, и потому всѣ мы одни и всѣ сами себѣ опротивѣли. Этакіе всеобъемлющіе міры ходятъ. А можетъ быть, только я такой, но мнѣ отъ того не легче... Вамъ все равно можно сказать, да у меня и нѣтъ секретовъ... для того, чтобы секретничать, нужно знать навѣрное, что есть что-то другое помимо тебя, а я этого не знаю... Такъ вотъ, я люблю Людмилу, то-есть мнѣ кажется, что я люблю ее и всегда говорю ей объ этомъ. Она никогда мнѣ не отвѣтитъ взаимностью и я по настоящему мучаюсь, зная это. Вы скажете — мучаешься, значитъ уже живешь, значитъ, есть чужое... но это не такъ. Я мучаюсь, потому что это стало постояннымъ состояніемъ моей души... Я повторяю себѣ, что я несчастный, но ничего изъ этого не выходитъ, мнѣ вовсе не хочется выйти изъ этого состоянія, слѣдовательно, я по настоящему страданія не чувствую. Я знаю только, что Людмила совсѣмъ на меня не похожа, что это человѣкъ какой-то другой культуры, изъ другого тѣста вылѣпленъ, и я не могу не влечься къ ней, но совершенно безвольно, пассивно... и не выходя изъ своей оболочки. До страннаго... я никогда даже не интересовался ея душевнымъ міромъ, я почти не знаю, о чемъ она думаетъ, и всегда говорилъ съ ней только о себѣ. Да, кажется, я вообще ни о чемъ другомъ говорить не могу...

Шишикторовъ умолкъ и опять потянулся за пивомъ. Зала вся наполнилась тихими, сѣрыми, обволакивающими сумерками, окна тоже посинѣли.

Слышно было, какъ поспѣшно глоталъ Ильюша.

Послѣ нѣкотораго молчанія раздался голосъ Крутовского. Онъ возразилъ:

— Я никогда не думалъ о томъ, что̀ вы говорили, и только смутно понимаю вашу мысль. Но, страшно сознаться, я иногда чувствовалъ, что способенъ убить... да, да, это было.

Шишикторовъ отвѣтилъ, постукивая пальцами по борту рояля у клавишъ:

— Вотъ видите... у васъ, значитъ, кое-что еще найдется на всякій случай, а я этого не съумѣю—не выпрыгну.

XXIII.

Прохаживаясь по дорожкѣ вдоль розъ, Константинъ Никаноровичъ курилъ папиросу за папиросой и то поглядывалъ въ сторону дома на два освѣщенныхъ наверху окна, то глядѣлъ себѣ подъ ноги, видимо, что-то обдумывая. Наскучивъ ходить, остановился онъ подъ туей и даже всталъ на скамейку. Съ этого мѣста освѣщенныя окна въ мезонинѣ видны были лучше. Окна были отворены настежъ и за ними виднѣлась комната, желтая отъ огня лампы. Въ густыхъ сумеркахъ поздняго вечера свѣтъ расширялъ комнату, дѣлалъ ее уютной и радостной.

У стола сидѣла Людмила и читала книгу. Время отъ времени она, не подымая глазъ, отмахивалась рукою отъ комаровъ или поправляла падающую прядь волосъ. Перелистывая страницу, на минуту останавливалась взоромъ на огнѣ въ лампѣ и чуть щурилась. Тогда лицо ея становилось необычайно строгимъ и сосредоточеннымъ.

Наконецъ она отложила книгу въ сторону, убавила огонь, поднялась и ушла въ дальній уголъ комнаты, не видный съ того мѣста, гдѣ стоялъ Смоличъ.

Константинъ Никаноровичъ собрался-было уходить, когда Людмила снова показалась у стола. Теперь она была въ бѣлой ночной кофточкѣ, волосы заплетены были въ тугія косы. Дѣвушка нагнулась надъ цвѣтами, стоящими въ большомъ кувшинѣ, и нѣсколько разъ, закрывъ глаза, глубоко дохнула, потомъ посмотрѣла въ темный садъ (Смоличъ невольно съежился), глянула на луну, выплывавшую со стороны изъ-за косматыхъ деревьевъ, и дунула на лампу. Тотчасъ же комната сомкнулась и стала плоской, какъ стѣны дома, а на подоконникѣ смутно выступила фигура сидящей Людмилы.

Константинъ Никаноровичъ прыгнулъ на песокъ и, усмѣхаясь, побѣжалъ къ дому. Тамъ, оставаясь подъ окнами, онъ осторожно кашлянулъ и посмотрѣлъ наверхъ.

Людмила перегнулась, оглядываясь.

— Кто это?

— Это я, Людмилушка... ты не спишь?

Смоличъ задралъ голову кверху и засмѣялся.

— Увы, у меня нѣтъ голоса и нѣтъ мандолины, чтобы спѣть тебѣ серенаду, — сказалъ онъ:—но если позволишь, я съ тобой поговорю немного.

— Говори, — отвѣчала сверху Людмила: — мнѣ не хочется спать; въ комнатѣ у меня душно и я рада подышать воздухомъ у окна. Ты вернулся откуда-нибудь?

— Да, я гулялъ, дошелъ до самаго Тильска и теперь возвращался домой. У васъ необычайная тишина, но вечеромъ—я успѣлъ отвыкнуть отъ нея въ городѣ—она дѣйствуетъ на меня, какъ вино. У меня тутъ кружится голова, но это очень пріятно.

— Ты усталъ, должно быть,—отвѣтила Людмила:—до Тильска три версты, да обратно столько же. А я такъ вотъ совсѣмъ деревенская жительница и въ городъ меня ничуть не тянетъ. Хорошо тутъ.

Слышно было какъ тамъ наверху вздохнули.

Смоличъ, продолжая посмѣиваться, отыскалъ впотьмахъ у клумбы камень и сѣлъ.

— Меня въ тебѣ это и поражаетъ, — проговорилъ онъ и сталъ чиркать спичкой, чтобы закурить папиросу:—ты такъ молода и такъ серьезна, я бы сказалъ положительна... мечтаешь о какихъ-то земледѣльческихъ курсахъ и вообще сплошь чѣмъ-нибудь занята. Нужно же и о себѣ подумать... узнать жизнь... вообще глупость какую-нибудь сдѣлать... Ты въ зеркало на себя смотрѣла когда-нибудь?..

— Въ зеркало?

Людмила тихо разсмѣялась.

— Ну да, въ зеркало! Ты же должна знать, что ты прехорошенькая!..

Нѣкоторое время ему не отвѣчали. Смоличъ поднялъ глаза и ясно различилъ бѣлую фигуру Людмилы, слившуюся съ бѣлымъ косякомъ окна—луна выплыла изъ-за деревьевъ и со стороны кинула на стѣну тусклые свои лучи.

— Какой ты странный, Костя, — наконецъ молвила дѣвушка:—тебя не разберешь—шутишь ты или серьезно говоришь. Бокомъ какъ-то подходишь къ людямъ... Я, конечно, смотрюсь въ зеркало и дурнушкой себя не считаю. Вообще совсѣмъ не такъ положительна, какъ ты думаешь. Можетъ быть, скрытна немного. Но тутъ ужъ не моя вина. Въ дѣтствѣ приходилось скрываться. Только это вздоръ—я совсѣмъ не положительная... что ты!

Она точно сама себя провѣряла, когда говорила это.

— Нѣтъ, куда тамъ, — повторила она: — иногда я сама

удивляюсь, откуда у меня столько глупостей въ головѣ. А деревню я люблю, потому что только тутъ почувствовала себя свободной.

Константинъ Никаноровичъ поморщился.

— Ты не о томъ все. Я говорю о настоящей молодости, о вѣтрѣ въ головѣ... понимаешь? Вотъ моя сестра — сколько она надѣлала глупостей и все зря, по молодости...

— Что же ты хочешь сказать этимъ?

— Я хочу сказать, что ты кажешься мнѣ стара душою, и братъ Витя тоже. У васъ слишкомъ ясно все. Ну работа, ну дѣло, ну любовь къ Иксу или Игреку и ничего больше. Никогда случайно, никогда безъ толку...

— Не понимаю тебя... я ничего впередъ не предрѣшаю, ничего не расчитываю, а что легко на все смотрѣть не могу— это ты сказать хочешь?—такъ опять этому меня жизнь научила. Приходилось задумываться, разбираться во многомъ. Если бы не разбираясь, такъ я бы давно...

Людмила запнулась и докончила поспѣшно:

— Давно раскисла бы.

Константинъ Никаноровичъ засмѣялся принужденно и задымилъ папироской. Потомъ, бросивъ окурокъ на песокъ дорожки, поднялся съ камня.

— Людмилушка, — сказалъ онъ громкимъ шопотомъ: — сознайся мнѣ, что ты влюблена... я это сразу замѣтилъ... еще тогда, въ скверѣ... по правдѣ сказать, это меня даже задѣло... увѣряю тебя...

И такъ какъ Людмила не отвѣчала ему и даже не шевелилась тамъ у себя въ окнѣ мезонина, то Смоличъ, помолчавъ, продолжалъ снова:

— Сознайся мнѣ, мой другъ, и я охотно помогу тебѣ... хотя, конечно, это будетъ мнѣ не особенно пріятно... ахъ, Людмила, почему ты такая разсудительная!

Онъ еще помолчалъ, дожидаясь отвѣта, и заговорилъ опять:

— Нѣтъ, правда, Людмила, я долженъ поговорить съ тобою по душѣ. Я самъ плохо разбираюсь въ томъ, что происходитъ сейчасъ со мною, но я ничего подобнаго никогда не испытывалъ... Чортъ знаетъ, однако, какъ глупо ходить тутъ внизу, говорить и даже не видѣть съ кѣмъ говоришь... Ты слышишь меня, по крайней мѣрѣ?

Наконецъ Людмила отвѣтила:

— Я очень хорошо тебя слышу, Костя. Но плохо понимаю. Должно быть потому, что мнѣ хочется спать. Завтра

днемъ тебѣ тоже легче будетъ разговаривать со мною... Покойной ночи!

Смоличъ хотѣлъ-было возражать, но Людмила затворила окно и въ звякнувшихъ стеклахъ онъ увидѣлъ только отраженіе луны.

XXIV.

Досадливо вздернувъ плечи, Константинъ Никаноровичъ думалъ было итти спать, но неожиданно его остановилъ раздавшійся поблизости шопотъ:

— Ахъ, прошу васъ, погодите...

Смоличъ обезпокоенно оглянулся.

Къ нему черезъ клумбы шагалъ высокій, худой человѣкъ.

— Здравствуйте! — произнесъ онъ подходя: — не безпокойтесь—это я — Шишикторовъ... Извиняюсь, что нарушилъ вашъ tête-à-tête, но, увѣряю васъ, ненамѣренно... Шелъ отъ Крутовского и случайно забрался сюда... замечтался, должно быть... о мной бываетъ... Разрѣшите пройтись съ вами?

Константинъ Никаноровичъ презрительно улыбаясь, процѣдилъ сквозь зубы:

— Сдѣлайте одолженіе... Мнѣ сегодня везетъ на ночные разговоры. Свернемте вотъ въ эту аллею—въ ней не рискуешь споткнуться и голоса наши никого не разбудятъ...

Онъ подумалъ:

„Почему бы и впрямь не поговорить съ этимъ типомъ? Отъ него несетъ какъ отъ пивной бочки. Но тѣмъ лучше — пьяные болтливы. Я могу порасспросить его кое-о-чемъ...“

И выйдя на широкую липовую аллею, онъ закурилъ папиросу и проговорилъ безразлично:

— Вы были у Крутовского, я совсѣмъ не знаю этого господина... разскажите мнѣ что-нибудь о немъ...

— Да, я былъ у Крутовского, — отвѣтилъ Шишикторовъ, которому все не удавалось итти со Смоличемъ въ ногу:—я игралъ ему свои новыя пьесы... Да не въ этомъ дѣло... О Крутовскомъ когда-нибудь въ другой разъ... Мнѣ хотѣлось бы спросить... только, право, не примете ли за дерзость...

Ильюша наклонился къ Константину Никаноровичу и дохнулъ на него пивомъ. Смоличъ брезгливо поморщился.

— Вы разговаривали съ Людмилой... она ничего не говорила обо мнѣ... то-есть я хотѣлъ сказать...

— О васъ? Почему же она должна была васъ вспомнить?— подхватилъ Смоличъ и чаще задымилъ папиросkой.

„Я, кажется, поймаю его“,—подумалъ онъ тотчасъ же.

— Вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ, — торопливо забормоталъ Шишикторовъ:—я никогда этого не предполагалъ... но, если угодно, мнѣ хотѣлось бы, чтобы такъ случилось... Чепуха... Боже, какую я несу чепуху!

Онъ остановился, и, снявъ шляпу, провелъ длинными своими пальцами по волосамъ. Потомъ, внезапно приходя въ волненіе, дергаясь на мѣстѣ, размахивая руками, заговорилъ:

— Право, это хорошо... что вамъ стоитъ!.. Пойдемте въ городъ, въ клубъ... Буфетчикъ меня знаетъ — онъ дастъ намъ пива и мы отлично посидимъ... Тамъ въ саду за столикомъ по утрамъ великолѣпно... Я не могу спать, это ужъ опредѣленно... и потомъ мнѣ хочется пить... Три версты — совершеннѣйшіе пустяки. Дорога чудеснѣйшая!

Онъ хваталъ Смолича за рукавъ, точно хотѣлъ насильно увести его съ собой.

Они пошли внизъ, къ Ящуру, по проѣзжей дорогѣ. Константинъ Никаноровичъ не переставалъ улыбаться недоумѣнно и насмѣшливо. Онъ удивлялся самому себѣ. Все-таки это путешествіе пѣшкомъ въ городъ съ подвыпившимъ музыкантомъ, нѣсколько курьезно. Но въ концѣ концовъ здѣсь можно забыть объ условностяхъ. Деревня, съ перваго же дня, сбила его немного съ толку. Пусть идетъ все само собою.

Изъ „Рая“ по мосту выскочили съ неистовымъ лаемъ собаки. Признавъ Шишикторова, онѣ замолкли и побѣжали впереди, изслѣдуя по дорогѣ каждый кустъ, каждый камень.

Деревья по обѣимъ сторонамъ шляха—старыя ветлы, похожія на согнутыя, искривленныя человѣческія фигуры, тянулись непрерывнымъ рядомъ, освѣщенные молочно-бѣлымъ свѣтомъ. Во множествѣ разсыпанные надъ ними звѣзды казались сіяющими, диковинными плодами, повисшими въ волнующемся туманѣ. На всемъ протяженіи дороги играли невѣрныя тѣни. Со стороны Ящура на берегу лягушки надрывались отъ крика. Ихъ трескотня дополнялась по временамъ пѣніемъ жабъ, напоминающимъ нѣжныя ноты флейты.

Весь путь до города Смоличъ и Шишикторовъ прошли молча.

Когда, наконецъ, они усѣлись за столикъ въ бесѣдкѣ надъ Днѣпромъ, и сонный, съ подпухшимъ лицомъ, лакей во фракѣ, натянутомъ на синюю сатиновую рубашку, принесъ графинъ водки и сомнительную закуску, Шишикторовъ, довольно потирая руки, заговорилъ:

— Вотъ и отлично. Здѣсь удивительно хорошо! Черезъ часъ-полтора, начнетъ свѣтать и вы увидите, что это за красота. Позвольте предложить вамъ рюмочку — она предохранитъ васъ отъ простуды... Будьте здоровы... Вы спрашивали меня о Крутовскомъ?.. Охотно отвѣчу вамъ — это отличнѣйшій человѣкъ...

— И только?..

— Можетъ быть, что-нибудь еще, но я его знаю только съ этой стороны. У него есть какая-то бодрость, жизненная цѣпкость, кромѣ того онъ настойчивъ...

— И понимаетъ въ музыкѣ?

— Не думаю, чтобы очень, но умѣетъ слушать...

— И вы играете ему...

— Да. Мнѣ необходимо, чтобы меня слушали—все равно кто...

Константинъ Никаноровичъ прищурился и въ свой чередъ наполнилъ рюмки.

— Мнѣ кажется, вы немного преувеличиваете, — сказалъ онъ:—найдется человѣкъ, которому вы играли бы съ большимъ удовольствіемъ. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что человѣкъ этотъ женщина.

Шишикторовъ провелъ рукою по волосамъ, потомъ забарабанилъ пальцами по столу.

— Не знаю, что отвѣтить вамъ на это... Пожалуй, вы правы... но это все несбыточныя мечты...

Смоличъ зацѣпилъ вилкой кусокъ селедки и, осторожно разрѣзая его, проговорилъ равнодушно:

— Для меня нѣтъ несбыточной мечты... Кромѣ того женщина наиболѣе доступное изъ всего того, о чемъ мы можемъ мечтать. Можетъ быть потому она такъ мало меня волнуетъ, какая бы она ни была.

— Нѣтъ, нѣтъ — не говорите... есть женщины... есть такія женщины... Онъ не находилъ словъ.

Смоличъ подсказалъ:

— Недоступныя? Ахъ, молодой человѣкъ, какъ вы наивны! Такихъ нѣтъ, увѣряю васъ. Нужно только умѣть подойти къ нимъ. Къ каждой по разному.

— Нѣтъ, нѣтъ... вы не знаете... ну вотъ... да что тамъ!

— Продолжайте... я слушаю... приведите примѣры... это всего удобнѣе...

— Примѣры?..

— Впрочемъ, не трудитесь, я готовъ пересчитать самъ...

Шишикторовъ нахмурился, углы губъ его задергались.

— Я не хотѣлъ бы никого называть по имени. Да и вообще оставимъ этотъ разговоръ.

— Какъ угодно,—равнодушно отвѣчалъ Смоличъ и, разсѣянно глядя на рѣку, на тускнѣющее небо, добавилъ:—Долженъ сознаться—сегодняшнее приключеніе меня особенно утвердило въ моемъ убѣжденіи. Представьте себѣ эта недотрога Людмила...

— Вы говорите о Людмилѣ Александровнѣ?

— О ней самой... Мнѣ она казалась весьма строгой... и вотъ вамъ яркій примѣръ... она такая же, какъ всѣ...

Шишикторовъ вскочилъ съ мѣста и затопалъ ногами.

— Это неправда!—закричалъ онъ визгливо, точно готовый заплакать.

Смоличъ посмотрѣлъ на него снизу вверхъ. Свѣтъ садоваго фонаря достигалъ только до груди Шишикторова—лицо его оставалось въ тѣни.

— Я никакъ не думалъ, что вы нервны до такой степени,—процѣдилъ сквозь зубы Константинъ Никаноровичъ:—вамъ нужно лѣчиться. Но сядьте на мѣсто. Я не могу разговаривать такимъ образомъ. Не понимаю, чѣмъ вы такъ возмутились... Я сказалъ самую обыкновенную вещь. И въ концѣ концовъ это такъ естественно. Дѣвицѣ девятнадцать лѣтъ, ей скучно, людей нѣтъ... что же удивительнаго, если она захотѣла развлечься... Строго говоря, ея кокетство отдаетъ слегка посадомъ, но все же она весьма недурна...

Смоличъ говорилъ ровнымъ, безразличнымъ тономъ, слѣдя глазами за мотыльками, кружащими надъ свѣчей. Шишикторовъ тяжело опустился на скамью, схвативъ голову обѣими руками.

— Этого не можетъ быть,—повторилъ онъ.

— Вы чудакъ! ваше волненіе выдаетъ васъ, но право же не изъ за чего приходить въ отчаяніе. Побольше рѣшительности, молодой человѣкъ!.. Покажите себя мужчиной. Я охотно уступлю вамъ ее... она мало меня прельщаетъ.

И когда Ильюша снова готовъ былъ вскочить съ мѣста, Константинъ Никаноровичъ остановилъ его, положа ему на плечо руку, и, придвинувшись ближе, сталъ убѣдительно ему что-то нашептывать.

XXV.

Нагнувшись черезъ перила мостика, ведущаго въ „Рай“, Наталья Никаноровна крикнула:

— Какая дивная, какая прозрачная вода! Я вижу всю себя

въ ней. Людмилушка, ты не смѣйся надо мною. Я право глупѣю отъ восхищенія и готова восторженно ахать передъ каждымъ кустомъ. Я такъ давно не видала настоящей природы.

Людмила, улыбаясь, сдержанно глянула внизъ, на воду, и отвѣтила:

— Ты увидѣла свое отраженіе и я понимаю твою радость— ты очень хороша сейчасъ.

Наталья Никаноровна подняла брови, потомъ самодовольная улыбка разомкнула ея губы.

— Людмилушка! Голубушка! да ты хочешь посмѣяться надъ старухой?

И тотчасъ же, увидѣвъ спокойное лицо Людмилы, кинулась къ ней и, обнявъ за плечи, воскликнула:

— Нѣтъ, конечно, милая, я пошутила! Спасибо, спасибо тебѣ!.. Ну, давай руку... мнѣ хочется пробѣжаться.

Шурша юбками, пробѣжали онѣ до площадки передъ верандой и остановились обѣ, запыхавшись.

Смоличъ чувствовала, что хороша, и не стала поправлять растрепавшіеся волосы. Пусть всѣ видятъ, что здѣсь она не думаетъ о себѣ, не жеманится, не боится загара, усталости, небрежности въ костюмѣ.

— Леонтій Алексѣевичъ, мы къ вамъ! ау!

Воробьи, клевавшія крошки на ступенькахъ веранды и купавшіеся въ горячемъ отъ солнца пескѣ, съ пронзительнымъ чириканіемъ юркнули въ кусты жасмина.

— Да гдѣ же хозяинъ? Леонтій Алексѣевичъ!

— Онъ въ полѣ, должно быть,—сказала Людмила:—или въ лѣсу... У него дѣлъ теперь много... цѣлый участокъ выгорѣлъ, а тутъ еще жатва началась...

Наталья Никаноровна остановилась у веранды. Вытянувъ руку, оперлась о деревянную колонну, опустила внизъ голову, точно глубоко задумавшись. Солнце сіяло на ея темныхъ волосахъ, бѣломъ лбу и тонкомъ носѣ.

— Крутовской—хозяинъ, — медленнно, глубокимъ шопотомъ произнесла она: — я совсѣмъ не представляю себѣ его въ этой роли... Ахъ, Людмилушка, какъ удивительна, какъ непостижима жизнь...

Потомъ, рѣшительно тряхнувъ головою, точно отгоняя отъ себя тяжелыя мысли, она быстро поднялась по лѣсенкѣ и вошла въ залу, гдѣ стоялъ рояль.

На роялѣ стояла пустая бутылка пива и недопитый Шишкторовымъ стаканъ—ихъ должно быть забыли убрать отсюда.

— Онъ пьетъ пиво, — смѣясь, воскликнула Смоличъ: — онъ играетъ романсы и пьетъ пиво. Вотъ еще одинъ новый штрихъ. Разскажи мнѣ, Людмилушка, о немъ. Я такъ давно его не видала. Сядемъ сюда и поговоримъ. Тутъ прохладно и пахнетъ бабушкой, старинной усадьбой: совсѣмъ „intérieur“, какое любятъ писать современные художники. Посмотри, вотъ даже портретъ... Постой... постой... кого онъ мнѣ напоминаетъ?..

— Это портретъ твоей бабки, Елизаветы Яковлевны, — сказала Людмила: — ты похожа на нее...

— Да, да... ты права... много общаго... но какое жестокое, сухое выраженіе.

Она прищурилась, стоя передъ портретомъ, вытянувъ впередъ лицо и приподымаясь на цыпочки.

Людмила отошла къ окну и, облокотясь на подоконникъ, смотрѣла въ садъ, занятая своими мыслями.

— Нѣтъ, я не могу быть такою черствой, — наконецъ рѣшительно промолвила Наталья Никаноровна: — я совсѣмъ не такая.

И увидѣвъ, что Людмила не смотритъ на нее, она поспѣшно провела рукою по волосамъ, поправляя прическу и нахмурила на мгновеніе брови. Потомъ подошла къ Людмилѣ и, охвативъ ее за талью, шепнула на ухо:

— Я совсѣмъ не сухая... я просто очень, очень несчастная...

Дѣвушка передернула плечами и, рѣзко повернувъ къ названной сестрѣ лицо, пристально посмотрѣла ей въ глаза. Смоличъ выдержала ея взглядъ. Лицо актрисы становилось незамѣтно печальнымъ, углы губъ дернулись и опустились. Людмила отвела глаза.

Наталья Никаноровна, не отнимая рукъ съ ея тальи, медленно и съ убѣжденіемъ проговорила:

— Ты еще очень молода, Людмила, но въ тебѣ я чувствую большое сердце. Если ты любишь кого-нибудь, ты поймешь и меня.

Лицо дѣвушки потемнѣло. Она отвѣтила глухо:

— Я многаго не понимаю въ тебѣ и врядъ ли пойму когда-нибудь... мы разные люди... лучше не будемъ говорить объ этомъ.

Тогда, прижавшись къ ней вплотную и мягко, но настойчиво привлекая къ себѣ, Смоличъ спросила:

— Скажи мнѣ правду... ты что-нибудь знаешь?

— Да, знаю...

— Что именно?..

Людмила отвѣтила не колеблясь:

— Все...

— И не можешь простить мнѣ?..

Повернувъ лицо въ сторону, сдвинувъ брови и осторожно пытаясь высвободиться изъ объятій названной сестры, Людмила возразила:

— Мнѣ нечего прощать тебѣ...

Мелкія морщины засуетились въ углахъ сѣрыхъ глазъ Натальи Никаноровны. Стараясь скрыть мелькнувшую улыбку, закусивъ губу, Смоличъ тотчасъ же стала серьезна, и опять привлекая къ себѣ Людмилу и цѣлуя ее, прошептала:

— Спасибо, спасибо тебѣ, милая... Я послѣ все, все разскажу и ты поймешь...

Она не договорила. За ними заскрипѣли половницы, раздались шаги. Обѣ онѣ обернулись поспѣшно и увидѣли передъ собою Крутовского. Онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ, съ палкой въ рукѣ, въ полотняной своей тужуркѣ, въ запыленныхъ высокихъ крагахъ и смотрѣлъ на нежданыхъ гостей съ удивленіемъ.

— Какая трогательная сцена,—проговорилъ онъ наконецъ, улыбаясь смущенно:—я помѣшалъ вамъ?..

XXVI.

У боярышника на обычномъ своемъ мѣстѣ сидѣла Марья Васильевна и наметывала рубашку, когда къ ней подошли всѣ трое—Наталья Никаноровна, Людмила и Крутовской.

— Вотъ, позвольте познакомить васъ, тетушка, съ дочерью Вѣры Владимировны,—сказалъ Леонтій Алексѣевичъ, искоса поглядывая на старушку.

Марья Васильевна положила на столъ работу и поверхъ очковъ глянула на Смоличъ.

— Милости прошу,—сказала она ровно и безъ улыбки:—мнѣ Леничка какъ-то говорилъ о васъ — будто вы съ нимъ старые пріятели. Здравствуй, Людмилушка...

И оборотясь къ подошедшей дѣвушкѣ, она протянула руки свои и, ухвативъ Людмилину голову, поцѣловала въ лобъ.

— Присаживайтесь, прошу васъ, — я тутъ сижу, рубашку шью дѣвонькѣ одной—голодранкѣ. Много ихъ въ нашихъ краяхъ— не управишься. Какъ вамъ мѣста наши показались?

Улыбаясь въ сторону Крутовского, точно она съ нимъ что-то знаетъ, точно она маленькая дѣвочка, которую хотятъ пожурить

за проказы, Смоличъ отвѣтила съ той поспѣшной предупредительностью, съ какой отвѣчаютъ очень почтеннымъ, старымъ, но чудаковатымъ людямъ.

— О, они очаровательны! Я такъ счастлива, что наконецъ сюда попала. Я опять точно вернулась къ своему дѣтству. Тутъ все по иному—и солнце, и земля, и люди. Все крѣпче, все по настоящему. Сегодня проснулась и побѣжала купаться. Утро было такъ восхитительно. И я была совершенно одна. Ни уродливыхъ купальщиковъ, ни кабинокъ, ни любопытныхъ биноклей, ни отвратительнаго костюма. Вода и солнце точно смыли съ меня все пережитое, я точно приняла новое крещеніе...

Въ ея голосѣ звучали и улыбка, и искренность. О такихъ вещахъ нельзя говорить вполнѣ серьезно.

Марья Васильевна, наклонивъ голову надъ работой, проговорила задумчиво:

— Ну, что же, дай Богъ всходы, какъ въ старые годы!

Они помолчали, точно прислушиваясь къ ровному неумолкаемому жужжанію пчелъ, къ шелесту листьевъ.

Крутовской похлопывалъ себя по крагамъ сухою вѣткой, которую онъ подобралъ тутъ же подъ столомъ. Онъ не смѣлъ поднять глазъ на Смоличъ. Хотѣлось поскорѣе уйти въ поле, въ лѣсъ, куда-нибудь и онъ тревожно и нетерпѣливо выискивалъ удобный предлогъ.

Но внезапно Наталья Никаноровна поднялась съ мѣста.

— Леонтій Алексѣевичъ, — крикнула она (Крутовскому почудилось, что голосъ ея раздался особенно рѣзко):—Леонтій Алексѣевичъ, вы должны показать мнѣ свой садъ, свое хозяйство.

И не дожидаясь его отвѣта, она извинилась передъ Марьей Васильевной, что на время отнимаетъ у нея племянника, и пошла впередъ по дорожкѣ, въ зеленую чащу.

Онъ нагналъ ее съ стѣсненнымъ сердцемъ, чувствуя, что сейчасъ произойдетъ разговоръ, котораго такъ боялся. Обернулся и посмотрѣлъ на Людмилу, втайнѣ надѣясь, что она пойдетъ съ ними, но дѣвушка не глядѣла въ его сторону.

Они прошли молча два поворота. Боярышникъ скрылся давно за густой стѣною сирени и орѣшника. Подъ ногами хрустѣли сухія вѣтки и колебались причудливыя тѣни.

Нечищенная дорожка привела къ высохшему пруду. Когда-то правильный, копанный четырехъугольникъ воды пышно заросъ теперь аиромъ, ирисами и тминомъ. Старая, прогнившая лодка лежала вверхъ дномъ, покрытая губчатымъ мохомъ, въ щели и зіяющія дыры мощно вырывались къ солнцу широколистный

лопухъ и крапива. Изумрудная лягушка сидѣла на краю кормы.

Наталья Никаноровна рѣзко остановилась и повернулась къ слѣдовавшему за нею Крутовскому. Лицо ея было строго и рѣшительно, глаза потемнѣли.

— Я очень виновата передъ вами, Леонтій Алексѣевичъ,— произнесла она.

Руки ея опустились, голосъ дрогнулъ.

Крутовской смѣшался.

— Не возражайте и выслушайте меня. Я ничего не хочу отъ васъ, я хотѣла одного: сказать вамъ это. Только сейчасъ я поняла до конца, какъ я виновата передъ вами и передъ собою. Да, да... Это непоправимо, я знаю. И оправдываться не нужно. Нужно молчать. Я была глупа, эгоистична, когда писала вамъ, когда чего-то добивалась. Говорить о прошломъ значитъ переживать его вновь, вновь повторять свои ошибки. Не бойтесь, этого не случится. Здѣсь, въ деревнѣ, всѣ сложности, всѣ запутанности, самобичеванія излишни. Здѣсь только—да или нѣтъ. Леонтій Алексѣевичъ, дайте мнѣ вашу руку. Вѣрьте мнѣ—все кончено, все вытравлено, постарайтесь увидѣть во мнѣ только новую знакомую. Видите, какъ мало мнѣ нужно...

Она протягивала ему руку. Она улыбалась смущенно и грустно.—Я даже не прошу у васъ дружбы,—добавила она чуть слышно, когда Крутовской, склонясь, цѣловалъ холодные ея пальцы.

XXVII.

На лугу, за бѣлыми березами, у обрыва высокаго Днѣпровскаго берега, братья Ерандаковы устроили пикникъ. Навезли невѣроятное количество винъ и яствъ, подрядили играть клубный оркестръ. Музыкантовъ напоили еще до пріѣзда всѣхъ приглашенныхъ.

— Ничего, пей!—кричалъ Фроша, озабоченно копаясь въ корзинахъ и вытаскивая то одну бутылку, то другую. Потъ катилъ съ него градомъ, канотье торчало на затылкѣ. Дирижеръ кланялся, вытиралъ рукавомъ вспотѣвшій лобъ и красный носъ и, вытягивая впередъ толстыя губы, прикладывался къ новой рюмкѣ.

— Для игры нужно вдохновеніе,—разсуждалъ Фепта, сидя на травѣ и съ ожесточеніемъ раскупоривая перочиннымъ ножемъ жестянку съ консервами:—это ужъ я знаю... а вдохновеніе отъ

вина — тутъ ничего не подѣлаешь. Нѣтъ, Іудовичъ, ты скажи мнѣ, видалъ ли когда-нибудь этакое совершенство? Красота, умъ, талантище. Понимаешь, она намъ пѣла... неподражаемо. Чортъ его знаетъ, что такое! Мы съ братомъ такъ и влопались по уши... не смѣйся... трагедія, говорю я тебѣ! А, дьяволъ, никакъ не откупоришь, будь они трижды прокляты!.. Да, Іудовичъ, противъ этого ничего не подѣлаешь, тутъ родную кровь пролить можно...

— Что вы, Феопемтъ Савельевичъ! — захлебнувшись, запищалъ капельмейстеръ: — опомнитесь!.. этакое сказали!..

— И скажу, — заоралъ Фепта, ударяя сразмаху ножемъ по крышкѣ жестянки, отчего во всѣ стороны разлетѣлись брызги: — ты пойми только. Мы съ братомъ можно сказать одно. Что онъ — то я. Цѣлое и недѣлимое. Да и она тоже одна. Что же, намъ ее на куски рвать? А какъ подѣлишь? Мы думали, ничего не выходитъ. Пусть сама разсудитъ: „Наталья Никаноровна“ — скажемъ...

— Баринъ! гости пожаловали, — закричалъ мальчишка-лодочникъ, подбѣгая къ Ерандакову: — Самолюбовскіе...

За березками позванивали бубенцы, ржали кони. Разнесся заливчатый женскій смѣхъ, густой басъ загудѣлъ: „тпр, милай“, на поляну выскочилъ пойнтеръ — бѣлый, съ рыжими подпалинами — Витинъ Вертунъ.

И сейчасъ же грянулъ нестройно, но смѣло привѣтственный маршъ. Фепта и Фроша, подергивая фалды пиджачковъ, побѣжали къ пріѣзжимъ вприпрыжку, рабочія лошаденки, привезшія угощеніе, отвѣтили ржаньемъ на привѣтствіе Самолюбовскихъ коней, голоса перемѣшались съ лаемъ и на полянѣ стало казаться и очень весело и людно.

— Вѣра Владимировна, вашу ручку, — суетился Фепта, помогая Карышевой сойти съ коляски: — вотъ сюда, подъ дубокъ — самое удобное мѣстечко — мы ужъ вамъ подушечки приготовили.

Наталья Никаноровна обмахивалась большимъ лопухомъ; Витя дразнилъ Вертуна; Людмила и Константинъ Никаноровичъ вынимали мороженницу, Смоличъ старался не отходить отъ Людмилы и выказывалъ необычайную предупредительность.

Вслѣдъ за Самолюбовскими подкатила лихо исправницкая тройка. Мадамъ Анкуку въ кружевномъ розовомъ капотѣ сидѣла красная и только пыхтѣла, истомленная донельзя жарою. Капитонъ Ксенофонтовичъ расправлялъ усы, топыря колесомъ грудь, затянутую въ ослѣпительно бѣлый китель.

Нотаріусъ Брындинъ съ супругою пріѣхали на лодкѣ. Падалка несъ передъ ними объемистый кулекъ съ фруктами.

— Только для васъ, Наталья Никаноровна,—говорилъ Олегъ Максимовичъ, склоняясь къ рукѣ пѣвицы:—я ѣздилъ въ городъ, чтобы достать эти primeur'ы!

Онъ былъ великолѣпенъ: въ бѣлыхъ брюкахъ, бѣлыхъ туфелькахъ, въ бѣлой тэнисной, съ широкимъ отложнымъ воротникомъ, рубашкѣ; слѣпяще-желтый піонъ красовался у него на груди.

Завистливо и бокомъ поглядывая на него, Фроша говорилъ преувеличенно-развязно:

— Это что же! пустяки. Зелень одна — привозные фрукты. Вотъ мы винца раздобыли—удивительное! Конродъ-ружъ.

И потомъ, понижая голосъ и незамѣтно отводя подъ локоть смѣющуюся Смоличъ въ сторону отъ нотаріуса, онъ зашепталъ взволнованно:

— Ахъ, Наталья Никаноровна, мы съ братомъ безъ ума, прямо безъ ума... это что-то необъяснимое. Вы кудесница, даже больше... Мы никогда комплименты не говоримъ, это сущая правда. Вы должны насъ понять.

Все еще смѣясь, Смоличъ воскликнула:

— Боже мой! Вы меня оглушили — объяснитесь въ чемъ дѣло?

Тогда, сдернувъ канотье, краснѣя и таращa глаза, Фроша пробормоталъ:

— Вы не повѣрите, честное слово—но мы готовы ради васъ... мы умоляемъ. Наша любовь...

Кусая губы, чтобы сдержать приступы смѣха, Наталья Никаноровна сказала участливо:

— Ваша любовь? Кто же изъ васъ влюбленъ — я не разберу—вы оба?...

И такъ какъ Фроша продолжалъ молчать, тяжело дыша и багровѣя все больше, она затѣнила его зонтикомъ и, качая головой, протянула:

— Ай, ай, какъ мнѣ васъ жаль... но, ради Бога, надѣньте скорѣе шляпу — вы можете получить солнечный ударъ и тогда мнѣ волей-неволей не придется выбирать между вами и братомъ... Такъ, значитъ, оба?

И снова заливаясь звонкимъ смѣхомъ, она повернулась, чтобы идти, и столкнулась къ Крутовскимъ.

Глядя на нее, Леонтій Алексѣевичъ невольно улыбнулся. Она протянула ему руку съ дружескимъ кивкомъ, все еще сіяя смѣхомъ и блестя глазами.

— Ну вотъ! Какъ хорошо, что и вы тутъ. Эти Ерандаковы

препотѣшны. Идемте, насъ навѣрно ждутъ подъ дубомъ. Представьте, мнѣ объяснились въ любви — въ коллективной любви. Какъ вамъ это нравится!

XXVIII.

Вѣра Владимировна, конечно, не сѣла на приготовленныя ей подушки подъ дубомъ. Она совсѣмъ не такъ стара, какъ думаютъ, и ничуть не устала. Развѣ могутъ накрыть, подать и устроить все по-человѣчески, если она сама за всѣмъ не присмотритъ...

Она подняла всѣхъ на ноги; каждому дала дѣло. Эта молодежь ни на что неспособна. Ну, живо, живо... Маршъ за хворостомъ, вотъ тамъ въ заросляхъ его должно быть много. Ната, достань чашки. Витя, сбѣгай за водой.

И когда все стало по своимъ мѣстамъ, и на бѣлой скатерти аппетитно разставлены были закуски, изъ ведра со льдомъ весело выглянули цвѣтныя горлышки бутылокъ, а самоваръ закипѣлъ, забулькалъ, готовый убѣжать, Вѣра Владимировна удовлетворенно вздохнула, но все же не успокоилась.

— Капитонъ Ксенофонтовичъ, Авдотья Петровна, Ильюша, что же вы? Давайте, я вамъ положу... вотъ этого...

Щеки ея горѣли, глаза блестѣли, вся ея тонкая фигура была напряжена. Можно было подумать, что она вполнѣ счастлива, вполнѣ удовлетворена. Но мысли ея шли другимъ порядкомъ, онѣ не сливались ни съ словами ея, ни съ поступками, ихъ ходъ былъ долгъ и тягостенъ. Она не переставала думать о себѣ, о мужѣ, о его письмѣ. Это письмо она носила съ собою, каждый день и по нѣскольку разъ въ день перечитывала, стараясь прочесть истину, повѣрить его словамъ. Возможна ли ихъ совмѣстная жизнь? Новый долгій миръ? Она стала мнительной. Перестала довѣрять себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ее страшила мысль, что опять и навсегда ей суждено одиночество. Но все же она не рѣшалась дѣйствовать, не рѣшалась сдѣлать первый шагъ, отвѣтить на письмо мужа. Она положительно боялась этого, не находила въ себѣ достаточно мужества.

Этотъ кругъ, въ которомъ вращались ея мысли, замкнулъ въ себѣ все ея существо.

— Да, да, конечно, еще бы! — восклицала она, улыбаясь, готовая куда-то бѣжать, что-то дѣлать, точно увлеченная тѣмъ, что ей говорили, но въ глубинѣ далекая отъ всего и всѣхъ.

Она замѣтила, что Костя слишкомъ часто подливаетъ въ стаканъ Шишикторова вина, и даже остановила сына.

— Ему будетъ нехорошо, Костя.

Но уже не слышала, что отвѣчалъ ей Смоличъ.

Это были какіе-то пamроки, провалы. Вокругъ нея точно все замирало, отодвигалось отъ нея. Она бы не могла сказать, что съ нею, и о чемъ она говорила минуту передъ тѣмъ.

Внезапно она услышала звонкій срывающійся голосъ Шишикторова и прислушалась.

— Вы говорите, что я слишкомъ выпилъ,—кричалъ Ильюша:— не спорю, не смѣю спорить... но все же я отлично соображаю. Великолѣпно! Вотъ передо мною стоятъ два оболтуса—Фепта и Фроша... Нѣтъ, нѣтъ—не обижайтесь. Это я такъ, par amour, отъ чистаго сердца. Для того, чтобы вы поняли насколько остро и ярко я воспринимаю окружающее. Да. Я хочу сказать тостъ. Спичъ... по-англійски, слово привѣта... Я хочу обратиться къ женщинамъ. Можетъ быть, даже къ одной женщинѣ изъ здѣсь присутствующихъ. Она, конечно, пойметъ, если захочетъ. Вотъ!

Шишикторовъ поднялъ дрожащей рукою бокалъ съ шампанскимъ и, обведя всѣхъ присутствующихъ покраснѣвшими глазами, остановилъ ихъ на Людмилѣ. Константинъ Никаноровичъ сгорбился и смотрѣлъ въ тарелку, на которой извивался зеленый червякъ, упавшій съ дерева. Наталья Никаноровна улыбалась выжидающе, искоса поглядывая на Крутовского, обезпокоенно слѣдящаго за Ильюшей. Исправникъ нѣсколько разъ крякнулъ и, вытянувъ губы, дергалъ себя за усы. Чета Брындиныхъ, Яковъ Владимировичъ и мадамъ Анкуку играли въ карты. Это не мѣшало Тамарѣ Гавриловнѣ слѣдить за Леонтіемъ Алексѣевичемъ и пѣвицей. Въ сторонѣ дворянинъ Падалка угощалъ музыкантовъ. Вѣрѣ Владимировнѣ показалось на мгновеніе, что она въ театрѣ, что передъ ней сцена. Она видѣла все въ мельчайшихъ подробностяхъ, но такъ это было чуждо ей, такъ не задѣвало ее. Она слышала какъ жужжалъ комаръ, какъ смѣялись кучера въ рощѣ, перекликаясь съ горничными. Съ высокаго берега виденъ былъ Днѣпръ и колокольня Тильскаго собора.

Всклокоченная грива Шишикторова горѣла на солнцѣ, по лицу его бѣгали тѣни листьевъ и солнечныя пятна. Онъ стоялъ на колѣняхъ въ травѣ передъ скатертью съ остатками снѣди, вокругъ которой сидѣла и лежала вся компанія. Стаканъ его, стиснутый костлявыми пальцами, описывалъ въ воздухѣ кривую.

— Вотъ,—снова заговорилъ онъ:—я обращаюсь къ ней, моей дамѣ. Я говорю ей, что она несправедлива. Ее любятъ долго и

преданно, но она остается холодной. Она кажетъ себя безстрастной, неприступной... Вотъ... Но это вздоръ. Это фарсъ, глупый фарсъ! Она такая, какъ и всѣ... Она женщина... женщина... Господинъ Смоличъ, вы, кажется, говорили мнѣ что-то о женщинахъ. Всѣ одинаковы. Да... Она заводитъ флиртъ, по-русски шашни... Съ кѣмъ! Константинъ Никаноровичъ, съ кѣмъ!

Смоличъ пожалъ плечами.

— Онъ пьянъ,—пробормоталъ Константинъ Никаноровичъ смущенно:—что за чепуха!

Витя поднялся съ травы и подошелъ къ Шишикторову.

— Послушайте, пойдемте, пройдемся, здѣсь очень душно.

Но Ильюша дернулся въ сторону, вино плеснуло на скатерть.

— Нѣтъ, позвольте, — крикнулъ онъ: — я не кончилъ... Я хочу выпить... Я все-таки хочу выпить за здоровье моей дамы. Ваше здоровье, Людмила Александровна!

Онъ залпомъ выпилъ остатки шампанскаго и бросилъ стаканъ далеко въ сторону.

Витя схватилъ его подъ руку и поднялъ съ колѣнъ. Крутовской помогъ Бунакову. Они поспѣшно отвели его въ сторону.

— Что за гадость,—негодовалъ Витя:—я не узнаю Ильюшу.

Леонтій Алексѣевичъ съ безпокойствомъ оглядывался на Людмилу. Она сидѣла неподвижно на своемъ мѣстѣ. Одной рукой опиралась въ землю. Голова ея опустилась и глазъ ея не было видно. Тяжелая коса упала ей на грудь.

— Ахъ, ахъ,—испуганно вскрикивала исправница, а исправникъ многозначительно мычалъ себѣ подъ носъ. Тамара Гавриловна что-то шептала взволнованно Натальѣ Никаноровнѣ, не перестававшей улыбаться. Брындинъ суетился возлѣ Вѣры Владимировны. Растерянная, испуганная, она не знала, къ кому обратиться. Потомъ, внезапно прійдя въ нервное возбужденіе, поднялась съ мѣста и потребовала лошадей.

— Я ѣду домой, — говорила она, волнуясь и тщетно ища свой шарфъ:—сейчасъ же ѣду! Я никакъ не думала, что люди могутъ дойти до такой степени. Я не хочу здѣсь оставаться.

— Его бить надо, драть надо!—неожиданно заоралъ Фроша, приходя внезапно въ ярость:—молокососъ, мальчишка!

Хватая брата за рукавъ, Фепта сказалъ увѣренно:

— Дуракъ! Потащить его въ Днѣпръ и головой въ воду— очухается. Опредѣленно!

Размахивая руками, они побѣжали къ Шишикторову.

Наталья Никаноровна, кивая успокаивающе головой встревоженнымъ дамамъ, незамѣтно подошла къ матери и шепнула ей:

— Мамуся, успокойся. Сейчасъ подадутъ лошадей, и я отвезу тебя домой. Эта молодежь никогда не знаетъ мѣры. Онъ, бѣдный, совсѣмъ потерялъ голову.

Потомъ, оборотясь къ Людмилѣ, все еще недвижимой, весело шепнула:

— Людмилушка, милая, я поѣду съ мамой, а ты присмотри за вещами. До свиданія!

XXIX.

Коляска быстро выѣхала на дорогу. Березовая роща и Днѣпръ остались позади. Вѣра Владимировна откинулась на подушки коляски и нѣкоторое время молчала, скорбно сомкнувъ губы. Потомъ проговорила съ горечью:

— Какъ это все некрасиво, какъ гадко. Я не могу разобраться, но не можетъ быть, чтобы онъ говорилъ правду. Я знаю Людмилу... Нѣтъ, нѣтъ, быть этого не можетъ.

Наталья Никаноровна заботливо склонилась надъ матерью.

— Ахъ, мама, не нужно такъ волноваться. Конечно, я тоже ничему не вѣрю... во всякомъ случаѣ это не больше, чѣмъ вспышка ревности...

Вѣра Владимировна спросила поспѣшно:

— Ты все-таки думаешь, что онъ имѣлъ основанія?..

Смоличъ раздумчиво подняла брови и отвѣтила:

— Какъ знать... въ концѣ концовъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, если онъ былъ влюбленъ въ Людмилу... Она такъ хороша и кокетство простительно въ ея годы...

— Да, да, конечно,—тихо повторила Вѣра Владимировна:—въ ея годы это простительно... но я никакъ не думала, никакъ не предполагала. Она росла все время на глазахъ у меня, мнѣ казалось, что я хорошо ее знаю... И все же многое ускользнуло отъ меня... Она жила своей жизнью, своими чувствами... Странно, мнѣ никогда не приходилось говорить съ нею о ней самой.

Карышева улыбнулась устало и виновато. Искоса она посмотрѣла на свою дочь. Знаетъ ли она и Нату? Почему вотъ сейчасъ она чувствуетъ къ ней какое-то необъяснимое недовѣріе. Боится повѣрить въ ея искренность. Изъ случайныхъ словъ, обрывковъ воспоминаній мать смутно начинала догадываться объ отношеніяхъ дочери къ Крутовскому. Что это за отношенія? Влюбленность, любовь, или дружба? Когда они зародились? Нѣтъ, она ровно ничего не знаетъ о дочери. Не знаетъ, что это за

человѣкъ. Какъ понять это участіе къ ней, участье, явившееся такъ внезапно. Проснувшееся дочернее чувство? Но развѣ она, Вѣра Владимировна, была ей матерью? „Ната, конечно, не дурной человѣкъ,—думала Вѣра Владимировна, продолжая приглядываться къ дочери.—Правда, съ хитринкой. Ее испортила сцена, эти подозрительные люди, съ которыми она вела знакомство. Она практична, но и безтолкова; вспомнила обо мнѣ потому, должно быть, что пережила какой-нибудь сердечный ударъ. Конечно...—Вѣра Владимировна облегченно вздохнула:—у нея былъ какой-нибудь романъ... она не разъ намекала мнѣ на это. У нихъ, среди актеровъ, это бываетъ часто.

Карышева не хотѣла додумать свою мысль до конца. Нѣтъ, конечно, ничего серьезнаго. Но эта одинаковость переживаній точно сблизила ее съ дочерью. „Она тоже женщина, она понимаетъ меня".

Наталья Никаноровна замѣтила, какъ расправились черты лица ея матери. Она дотронулась до ея руки и сказала:

— Ты успокоилась, мама? Конечно, не нужно думать объ этомъ. Я хотѣла поговорить съ тобой о другомъ.

Вѣра Владимировна спросила, обезпокоенная:

— Что такое, Наташа?.. Ради Бога, не пугай меня!..

Смоличъ тихо засмѣялась.

— О, ничего страшнаго, мама... Мнѣ хотѣлось узнать... Вы ничего еще не говорили мнѣ о томъ письмѣ, что̀ я передала вамъ...

Карышева откинулась опять на спинку коляски и закрыла глаза.

— Я взволновала тебя, мама? Прости мнѣ, я не хотѣла этого... мнѣ такъ жаль тебя...

Наталья Никаноровна порывисто пригнулась и поцѣловала лежавшую на колѣняхъ руку матери.

Вѣра Владимировна, растроганная, взволнованная до слезъ, схватила голову дочери и поцѣловала въ лобъ съ нѣмой благодарностью. Въ ней проснулось настоящее глубокое материнское чувство. И пристально глядя потемнѣвшими, влажными глазами въ глаза Наташи, она произнесла срывающимся голосомъ:

— Дочь моя...

Это все, что̀ она могла сказать—эти два слова, которыхъ еще никогда не произносила съ такимъ чувствомъ.

— Дочь моя...

Наталья Никаноровна прижалась къ матери, чувствуя, что и у нея выступили слезы. На мгновеніе она почувствовала себя маленькой дѣвочкой и пробормотала совершенно искренно:

— Мама, мамочка, не нужно плакать. Мы будемъ счастливы.

Потомъ вновь взявъ себя въ руки и поправивъ прическу, она сказала со спокойной увѣренностью:

— Повѣрь мнѣ, все устроится. Ты слишкомъ намучилась. Такъ нельзя. Ты должна простить его и вернуться къ нему. Онъ тебя попрежнему любитъ и самъ страдаетъ. Позволь мнѣ устроить все это. Я знаю, какъ тяжело дѣлать первые шаги. Положись на меня и перестань себя мучить. Ты уѣдешь въ городъ и все забудешь. Повѣрь мнѣ—всѣ мужчины одинаковы—не хуже и не лучше. Подумай о себѣ. Ты не такъ молода, чтобы начинать все съизнова, а одиночество можетъ убить тебя.

— Ахъ, Наташа, я сама не знаю, что дѣлать... Я боюсь, боюсь всего...

— Это нервы, нужно взять себя въ руки.

Вѣра Владимировна безпомощно поежилась. Глаза ея высохли, взглядъ былъ растерянъ. Ее знобило.

— Мнѣ казалось, что я начинаю привыкать къ мысли навсегда остаться вдовою... брошенной... Я рѣшила посвятить себя всецѣло вамъ, вашимъ интересамъ... Я боюсь, что ничего изъ этого не вышло... Какъ же это такъ, Наташа?

Смоличъ чуть улыбнулась, глядя на убитое лицо матери. Ее начинала забавлять дѣтская ея безпомощность и наивность. Она произнесла успокаивающе:

— Зачѣмъ думать, мама? Я понимаю твое желаніе посвятить себя заботамъ о насъ, но развѣ твое примиреніе съ мужемъ помѣшаетъ этому. Напротивъ. Что дѣлать, если ты все еще женщина!..

Она добавила съ шутливой полуулыбкой:

— Я признаюсь тебѣ, мама, что я точно такая же, какъ ты. Мы невольны надъ своимъ сердцемъ...

Немного смущенная этой неумѣстной вольностью, Вѣра Владимировна подобралась и, глядя на вынырнувшій изъ зелени сада домъ свой, сдержанно отвѣтила:

— Сердце дано намъ для любви, Наташа, но съ годами оно подчиняется разуму, если только мы не безнадежно глупы.

Смоличъ прикусила языкъ, понявъ свою оплошность, и, помогая матери сойти съ экипажа, она постаралась сгладить невыгодное впечатлѣніе.

— Я, можетъ быть, говорила не то, что нужно, — сказала она:—но все же, мама, вѣрь, что мною руководитъ только желаніе помочь тебѣ. Прошу тебя, позволь, я отвѣчу ему... успокою...

И видя, что Вѣра Владимировна готова возражать, поспѣшно добавила:

— Это, конечно, ни къ чему тебя не обязываетъ... ни къ чему...

XXX.

Смоличъ прошла съ себѣ въ комнату переодѣться. Она сняла платье и, встряхнувъ его, бросила на спинку стула. Потомъ наклонилась надъ умывальникомъ, съ наслажденіемъ погружая руки въ холодную воду. Она не переставала улыбаться, подъ сурдинку напѣвая французскую пѣсенку о барашкѣ и дѣвочкѣ. Она чувствовала себя удивительно бодрой, взвинченной. Вся эта исторія на пикникѣ только забавляла ее. Конечно, виноватъ въ скандалѣ Костя—это ясно. Нельзя сказать, чтобы его выдумка была остроумна. Никто не могъ придать особеннаго значенія пьянымъ глупостямъ мальчишки. Но все же они доставили Людмилѣ нѣсколько непріятныхъ минутъ. Боже, какъ мужчины глупы!

Наталья Никаноровна подошла къ зеркальному шкапу и, закинувъ за голову руки, посмотрѣла на свое отраженіе. На тонкой розовой кожѣ у сгиба рукъ натянулись двѣ тоненькія, блѣдно-голубыя жилки. Онѣ были такъ нѣжны, такъ очаровательны, что ихъ хотѣлось поцѣловать. Смоличъ засмѣялась возбужденнымъ, удовлетвореннымъ смѣхомъ. Она еще чувствовала себя красивой, она не могла не нравиться. Ея полнота не отталкивала, не казалась тяжелой, ея крѣпкое, округлое, свѣжее тѣло въ мѣру расцвѣло и созрѣло. Роды ничуть не обезобразили ее. При воспоминаніи о своемъ ребенкѣ Смоличъ на мгновеніе нахмурилась. Этотъ случайный ребенокъ не принесъ ей счастья. Его смерть не поразила ее. Съ ея отцомъ у нея тянулась нудная любовь, тягостная обоимъ. Все же она убѣдилась, что никогда по настоящему не любила; въ ней мало страсти — весь темпераментъ ея уходитъ на другое—на заботы о своемъ голосѣ, своемъ успѣхѣ, своихъ развлеченіяхъ. Да, да, нужно сознаться, она больше всего любила себя. Въ концѣ концовъ это не такъ плохо. Если она увлекалась и увлекала, то только изъ любопытства и еще потому, быть можетъ, что каждое увлеченіе несло съ собою новыя радости...

Наталья Никаноровна потянулась, грудь поднялась выше, зашевеливъ тонкій, прозрачный узоръ кружевъ. Она втянула ноздрями свой запахъ—сладкій запахъ духовъ и тѣла. Она такъ любила его... духи всегда были ея первѣйшей заботой. Она сама

составляла смѣсь и никому не открыла бы свой секретъ. Развѣ кто-нибудь изъ тѣхъ, кто любилъ ее, кому она отдавалась, умѣли любить ея тѣло такъ, какъ она его любила? Они всѣ были грубы и въ концѣ концовъ непріятны... Нѣтъ, конечно, страсть никогда еще не заставляла ее забыться, не приносила ей тѣхъ радостей, какія даютъ запахи духовъ, тонкое бѣлье, теплая вода ванны, густое вино, зрѣлище своей красоты и сознаніе своей силы...

Смоличъ прошлась по комнатѣ. Чуть ощутимое дуновеніе пріятно ласкало ея обнаженныя руки, шею и грудь. Теперь она думала о Крутовскомъ. Чего собственно она хочетъ отъ него? Можетъ быть, онъ ей немного нравится. Она не хотѣла серьезно разбираться въ этомъ. Можетъ быть, и то, и другое, и третье... Все-таки какъ онъ слабъ, несмотря на весь свой видъ дѣлового человѣка. Иногда сладко вернуть прошлое. Не потому ли она пріѣхала сюда? Конечно, она съумѣла бы найти кого-нибудь другого, если бы захотѣла. Она понимаетъ, что не сегодня, завтра ей понадобится надежная опора, вѣрный уголъ. Дни бѣгутъ, бѣгутъ до отчаянія быстро. Но развѣ одинъ Крутовской остался у нея для роли этой вѣрной опоры? Ахъ, идеи были ей такъ же чужды, какъ и люди. Вся ея революціонная полоса не было ли это лишь игра на нервахъ... Интересныя, острыя ощущенія, почти такія же, какія вызываются холодной струей воды, внезапно оросившей тѣло. Конечно, она никогда не была предательницей, измѣнницей, что за нелѣпость. Она никогда не измѣняла себѣ. По правдѣ сказать, она плохо вѣрила въ то, чтобы люди серьезно и самоотверженно отдавали себя идеѣ. Они притворяются... они притворяются, быть можетъ сами не замѣчая того. Въ концѣ концовъ въ этой игрѣ, въ этомъ притворствѣ выигрываетъ тотъ, кто во время съумѣетъ остановиться. Вѣдь увлекаются люди рискованнымъ спортомъ, ежеминутно находятся на грани гибели. Оттого спортъ завлекаетъ, а опасная работа только тягостна... Этотъ жандармскій ротмистръ съ каменнымъ подбородкомъ, не смотря на всю свою силу, все же былъ слишкомъ серьезенъ, чтобы наслаждаться своимъ дѣломъ. Онъ никакъ не хотѣлъ повѣрить ей, что на деньги, которыя она получала отъ него, она смотрѣла какъ на выигрышъ... Это были *шальныя* деньги—и только. Ей такъ же хотѣлось смѣяться и хлопать въ ладоши, когда она получала ихъ, какъ если бы ихъ ей пододвинулъ крупье своей лопаточкой. „Le jeu est fait—rien ne va plus!“ Почему игру въ рулетку не считаютъ преступной? Сколько жертвъ влечетъ за собою каждый выигрышъ. И можетъ быть безсознательно Наталья

Никаноровна считала бѣшеную вспышку Крутовского, тогда, въ тотъ роковой день—только естественной вспышкой отчаянія проигравшагося человѣка... Но теперь она готова пожалѣть его.

Проведя ладонями по глазамъ и зѣвнувъ, Смоличъ снова улыбнулась, невольно возвратившись мыслью къ сегодняшнему дню и стала поспѣшно одѣваться.

Въ столовой она встрѣтила Якова Владимировича и Костю. Они обсуждали происшедшій скандалъ и оба сильно возмущались. Особенно шокировало Якова Владимировича то, что молодой человѣкъ смѣлъ напиться при дамахъ.

— Я уже не говорю о той чепухѣ, которую онъ болталъ—она изъ рукъ вонъ вздорна. Нѣтъ, такъ мы не влюблялись, чортъ возьми!

Отведя брата въ сторону, Наталья Никаноровна шепнула ему на ухо:

— Какъ это глупо, другъ мой.

— Что такое? что глупо?

— Не притворяйся. Я догадалась, кто это подстроилъ, и, повѣрь мнѣ, догадалась не я одна.

Константинъ Никаноровичъ досадливо поморщился:

— Оставь меня въ покоѣ,—процѣдилъ онъ сквозь зубы:—вы всѣ мнѣ надоѣли по горло.

— Вотъ потому-то у тебя ничего и не выходитъ,—возразила сестра.—Дядя Яша,—обратилась она къ Тулубьеву:—вы не находите, что сегодня вечеромъ будетъ гроза. Паритъ невыносимо, а на горизонтѣ тучи.

И точно, воздухъ былъ накаленъ до того, что даже въ столовой трудно было дышать; вѣтеръ затихъ и деревья стояли недвижимо.

Внезапно раздался густой раскатъ грома. Наталья Никаноровна вздрогнула и перекрестилась. Вошла Вѣра Владимировна и стала затворять окна. Но дождь не шелъ и небо оставалось синимъ и невозмутимымъ.

Людмила озабоченно прошла черезъ столовую на балконъ и оттуда спустилась въ садъ. Смоличъ окликнула ее:

— Куда ты, Людмилушка?

Не поворачивая головы, дѣвушка отвѣтила:

— Нужно пойти закрыть парники—дождь поломаетъ кактусы.

Наталья Никаноровна выбѣжала за нею.

— Подожди меня—я пойду съ тобою.

Онѣ пошли рядомъ быстрымъ шагомъ. Парило не меньше, но небо постепенно мутнѣло, точно заволакивалось дымомъ.

Когда же Смоличъ и Людмила дошли до калитки огорода, порывъ вѣтръ съ бѣшеной силой поднялъ столбъ пыли и понесъ его, свивая вверхъ по холму, и засыпалъ глаза. Неподалеку жеребята въ своемъ зеленомъ загонѣ безпокойно заржали. Цѣлая туча воробьевъ съ пронзительнымъ чириканіемъ кинулась съ кустовъ смородины въ чащу сада. Поддерживая одной рукой волосы, другой юбку, Наталья Никаноровна бѣжала за Людмилой. И почти ошеломительно-внезапно она почувствовала себя залитой бѣшенымъ водянымъ потокомъ. Ливень несся, чѣмъ дальше, тѣмъ ожесточеннѣе, заливая поля, огороды, крыши домовъ, потускнѣвшую зелень. Смѣясь и взвизгивая, Смоличъ прыгала черезъ гряды, путаясь въ стебляхъ гороха.

Когда она, наконецъ, остановилась, запыхавшись, подъ навѣсомъ огородничьяго домика, то воскликнула отъ всего сердца:

— Это превесело, Людмила, я никогда не чувствовала себя такой встрепанной.

Людмила, поспѣшно закрывая парники, не отвѣчала. Должно быть за шумомъ дождя и звономъ стеколъ не слыхала, что̀ говоритъ сестра. Потомъ, забѣжавъ подъ навѣсъ, она отряхнула юбку. Въ волосахъ ея и косѣ блестѣли серебряныя капли. „Какая она все-таки хорошенькая“ — подумала невольно Наталья Никаноровна.

— Сядемъ на эту телѣжку,—сказала дѣвушка:—все равно нужно переждать дождь.

Онѣ сѣли рядомъ, чувствуя пріятный, легкій ознобъ во всемъ тѣлѣ, и ровное біеніе оживленной крови.

Полоса дождя, цѣлая сѣть голубой пыли, проносилась все дальше, захватывая все большее пространство. Теперь солнце посылало свои лучи изъ-подъ клубящихся облаковъ, похожихъ на дымъ, вырывающійся изъ трубы, дымъ съ золотымъ пламенемъ— освѣтившій все пространство огорода и луга ржавымъ отблескомъ и преломляющимся въ водяныхъ струяхъ тусклымъ, непрерывно дрожащимъ серебромъ.

XXXI.

— Ты, кажется, сердишься на меня,—начала Наталья Никаноровна, дотрагиваясь до влажной отъ дождя руки Людмилы:— что съ тобою, сознайся мнѣ.

— Я—на тебя? за что̀ же?—возразила дѣвушка.

— Можетъ быть, мнѣ это только показалось, — во всякомъ случаѣ тебя что-то мучаетъ. Я это замѣтила уже нѣсколько дней

тому назадъ. Не глупая же выходка Шишикторова могла тебя растревожить. Ты, конечно, вѣришь мнѣ, что ни я, ни другіе не придали его словамъ никакого значенія. Онъ просто глупъ.

Людмила возразила:

— Напрасно ты считаешь его глупымъ. Онъ больной и несчастный. Мнѣ отъ души его жаль.

— Пусть такъ,—это не мѣняетъ положенія. По всей вѣроятности, онъ давно тебя любитъ и ревнуетъ.

— Ему не къ кому ревновать меня. Къ тому же онъ знаетъ, что я не люблю его.

Наталья Никаноровна искоса поглядѣла на Людмилу и улыбнулась.

— Часто ревнуютъ безъ повода,—произнесла она со вздохомъ:—когда чувствуютъ, что любимый человѣкъ не отвѣчаетъ на любовь. Иногда изъ-за ревности идутъ на преступленія... дѣлаютъ невѣроятныя, непоправимыя глупости...

Наталья Никаноровна вздохнула еще разъ.

— Рядомъ съ тобой сидитъ человѣкъ, который искалѣчилъ всю свою жизнь изъ-за дикой, ни на чемъ не основанной ревности...

Людмила посмотрѣла на сестру.

— Ты говоришь о себѣ?—спросила она.

— Да, о себѣ... Недавно я говорила тебѣ, что разскажу все... Я готова сдѣлать это...

Людмила возразила:

— Мнѣ кажется, здѣсь не вполнѣ подходящее мѣсто. Къ тому же я не нахожу это необходимымъ. Повторяю, я ни въ чемъ не могу упрекнуть тебя.

— Да, да,—конечно, можетъ быть,—перебила ее Наталья Никаноровна:—но я должна говорить. Это меня мучитъ. Можетъ быть, ты поймешь... Я сама безъ ужаса не могу вспомнить того, что сдѣлала.

Она на минуту замолкла, точно борясь со своими чувствами, и докончила глубокимъ шопотомъ:

— Тѣмъ болѣе это кошмарно, что я любила и до сихъ поръ люблю его...

Людмила поднялась съ телѣги и, схвативъ Смоличъ за руку, посмотрѣла ей въ глаза. Она поблѣднѣла, брови ея сомкнулись, болѣзненная скорбная складка легла у ея губъ.

— Ты все еще любишь?

Ея голосъ звучалъ глухо. Наталья Никаноровна невольно отвела глаза и помедлила, прежде чѣмъ говорить.

— Увы, это правда, — тихо продолжала она, не подымая глазъ.

Людмила оставила ея руку и бросилась къ краю навѣса, повернувшись къ сестрѣ спиною. Она стояла долго, точно особенно заинтересовавшаяся звенящимъ потокомъ дождя, разливающимся по землѣ у ея ногъ.

— Ты не повѣришь мнѣ,—сказала Смоличъ ударяя себя по юбкѣ подвернувшейся подъ руку зеленой вѣткой:—ты не повѣришь, какъ тяготила меня эта раздвоенность. Иногда мнѣ казалось, что я не выдержу. Самое лучшее было не пріѣзжать сюда, но я не могла. Это было выше моихъ силъ.

— Чего же ты хочешь?—спросила Людмила, не поворачиваясь.

— Ахъ, я сама не знаю! Онъ, конечно, не проститъ меня, онъ не повѣритъ мнѣ. Я даже не смѣю просить у него прощенія.

— Онъ не помнитъ обиды,—тихо возразила дѣвушка:—онъ успокоился.

Поспѣшно спрыгнувъ съ телѣги, Наталья Никаноровна подбѣжала къ Людмилѣ.

— Онъ успокоился... онъ счастливъ?..

— Да, у него есть трудъ, — отвѣчала дѣвушка: — если ты хочешь знать правду (она подняла глаза на Смоличъ и прямо глянула на нее)—только твои письма нарушали его покой. Ему было тяжело получать ихъ. Зачѣмъ ты это дѣлала?

— Я не могла иначе, какъ не могла и не пріѣхать сюда.

— Но для чего? Ты все-таки надѣешься?

— Надѣюсь ли я? Развѣ мы всѣ не надѣемся, даже тогда, когда нѣтъ надежды? Нѣтъ, конечно нѣтъ!.. у меня нѣтъ даже и этого... Я просто безумная... Можетъ быть, мнѣ только хотѣлось посмотрѣть на него. Увидѣть его счастливымъ...

— И ты ничего ему не скажешь?

Дѣвушка произнесла это особенно поспѣшно. На мгновеніе лицо ея просвѣтлѣло.

Смоличъ, чуть прищурившись, посмотрѣла на Людмилу и также поспѣшно спросила:

— А ты находишь, что это необходимо? для его счастья? да?..

Рѣзко отвернувшись отъ нея, Людмила вышла изъ-подъ навѣса и сказала сдержанно:

— Ты должна знать это лучше меня. Слава Богу, дождь пересталъ—нужно итти домой.

Пряча предательскую улыбку, Наталья Никаноровна воскликнула:

— Да, бѣжимъ домой. Я начинаю чувствовать ознобъ. Но посмотри, какое великолѣпіе!

Весь ярко-зеленый холмъ блестѣлъ и переливался, надъ нимъ въ прозрачномъ небѣ проплывали громадные розовые обрывки облаковъ съ расплавленными золотыми краями, и солнце, готовое развязать свой пурпурный поясъ, точно погружалось въ мягкое кружевное ложе.

XXXII.

Людмила не пошла домой. Она сказала сестрѣ, что ей необходимо побывать еще въ скотномъ сараѣ, и, свернувъ въ боковую аллею вдоль Ящура, быстро перешла мостъ и спустилась въ Раевскій садъ. Здѣсь въ низинѣ было сыро и значительно темнѣе, чѣмъ въ Самолюбовѣ. Подъ ногами хлюпала вода, мокрая земля, поросшая травой и мохомъ. Густые, тяжелые кусты, полные влаги, грузно сгрудились у нечищенной дорожки, наполняя воздухъ тонкимъ своимъ дыханіемъ. Улитки и лягушки ежеминутно попадались подъ ноги... Однообразно—пронзительно пищалъ дождевикъ. Кое-гдѣ пробивался туманъ, неся съ собою съ луговъ запахъ нахтфіоли.

По обыкновенію на верандѣ никого не было. На длинномъ березовомъ столѣ, стоящемъ въ одномъ углу, разлилась лужа. Должно быть, натекло съ прогнившей крыши.

Пройдя залу, Людмила повернула направо по корридору. Идя ощупью въ темнотѣ, она вздрогнула отъ неожиданности. Передъ нею выросла темная фигура, которую она тотчасъ же узнала.

— Леонтій Алексѣевичъ,—вскрикнула она.

— Это вы, Людмила Александровна?

Крутовской прижался къ стѣнѣ, давая ей мѣсто.

— Вы къ тетушкѣ?—спросилъ онъ.

— Да, я къ ней,—отвѣтила дѣвушка, не двигаясь. Потомъ, помолчавъ, добавила:

— Вы куда-нибудь уходите?

— Къ сожалѣнію, да. Я обѣщалъ отвезти Ильюшу домой.

— А онъ у васъ?

— У меня. Мы уложили его спать. Съ нимъ было худо. Я очень боюсь за него—ему нельзя такъ много пить. Теперь онъ проснулся. Вы не очень на него сердитесь?

— О, нѣтъ, нисколько...

— Онъ очень несчастенъ. Ему теперь нестерпимо стыдно. Если бы вы видѣли, какъ онъ плакалъ...

— Плакалъ?..

— Да... тяжело было смотрѣть на него.

— Можетъ быть, мнѣ слѣдуетъ пройти къ нему?..—нерѣшительно спросила дѣвушка.

— Нѣтъ, лучше не надо. Теперь это его разстроитъ... послѣ, какъ-нибудь.

Они продолжали стоять другъ противъ друга и молчали.

— Леонтій Алексѣевичъ,—наконецъ, произнесла Людмила:— вы вѣрите мнѣ?

Крутовской невольно подвинулся къ дѣвушкѣ, стараясь различить въ темнотѣ черты ея лица. Онъ случайно коснулся ея руки и, схвативъ, пожалъ ее.

— Развѣ вы можете сомнѣваться?—вырвалось у него невольно отъ всего сердца:—развѣ вамъ можно не вѣрить? Вы мой лучшій, неизмѣнный другъ.

Онъ все еще держалъ ее за руку. Внезапно ему захотѣлось еще и еще говорить съ Людмилой. Разсказать ей все, что онъ передумалъ за эти дни, все, что онъ пережилъ. Но пальцы дѣвушки дернулись въ его рукахъ и тотчасъ же выскользнули. Людмила сдѣлала шагъ назадъ, помедлила мгновеніе и поспѣшно бросилась вдоль корридора.

— Людмила Александровна,—позвалъ ее Крутовской:—куда же вы? Я еще хотѣлъ сказать вамъ...

Но дверь стукнула за скрывшейся дѣвушкой.

Леонтій Алексѣевичъ въ недоумѣніи пожалъ плечами и нѣсколько минутъ стоялъ не шевелясь, низко опустивъ голову. Онъ старался что-то понять, въ чемъ-то разобраться, онъ и самъ не зналъ, что происходитъ въ его душѣ за эти послѣдніе дни.

— Здравствуй, Людмилушка, — сказала Марья Васильевна, поднимая голову и смотря поверхъ очковъ на вошедшую дѣвушку: — а я думала, что за стукъ? Такъ быстро вошла, даже испугала. Ну, что скажешь?

Старушка сидѣла у окна въ креслѣ. Рядомъ съ нею стояла табуретка съ лукошкомъ, до верху наполненнымъ перьями. На колѣняхъ лежала холстинковая бѣлая наволочка. Марья Васильевна щипала перья и пухъ прятала въ наволочку. Никакой другой работы въ сумерки она не могла дѣлать, а праздной сидѣть не любила.

Въ низкой, крохотной комнаткѣ ея пахло сушенымъ шафраномъ, мятой и майораномъ; пучки этихъ травъ висѣли надъ окнами. Широкая деревянная кровать, со множествомъ подушекъ

и накрытая вязанымъ вишневымъ одѣяломъ, точь-въ-точь такая, какія встрѣтишь у каждаго зажиточнаго крестьянина—занимала добрую треть комнаты. Въ углу темнѣлъ старымъ серебромъ кіотъ съ лампадой, а подъ лампадой висѣло большое бархатное яйцо. Со стѣны смотрѣлъ портретъ Герцена,—воспоминаніе далекаго прошлаго.

Какъ хорошо знала Людмила эту комнату. Здѣсь она проводила долгіе зимніе вечера, играя съ Крутовскимъ въ дурачки или слушая Марью Васильевну, ворчавшую изъ-за самовара. Вечерній чай они всегда пили здѣсь.

Теперь отблескъ умирающаго заката, пробившись сквозь листву акацій, тронулъ окна лиловой тѣнью, тускло поблескивалъ на крашеномъ полу и волнующимся, фосфорическимъ, прозрачнымъ нимбомъ окружилъ темный профиль, спинку кресла и всю фигуру старушки. Легкій пухъ, незамѣтно разсѣивающійся изъ подъ пальцевъ Марьи Васильевны, кружилъ и рѣялъ надъ нею. Людмила стояла у двери и смотрѣла. Сердце ея стѣсненно и сладко билось. Почему-то казалось, что видитъ она все это въ послѣдній разъ. Все выше подымался къ ея горлу сухой клубокъ. Она полуоткрыла ротъ, глотая воздухъ и жмурясь, точно отъ боли. Пальцы схватились за юбку, еще сырую, и судорожно перебирали складки.

— Ну, что же ты? Людмилушка!—снова окликнула ее старуха и встревоженно зашевелилась.

Тогда, не имѣя больше силъ бороться, Людмила кинулась къ Марьѣ Васильевнѣ и уткнулась головой въ ея колѣни, въ наволочку съ пухомъ и зарыдала тяжело и глухо.

Старуха провела рукой по ея волосамъ, въ которыхъ запутались пушинки. Она еще никогда не видѣла у дѣвушки такого отчаянія. Она не утѣшала ее, она молчала и только легко проводила темными заскорузлыми пальцами по судорожно дергающейся головѣ.

Наконецъ, вздохнувъ глубоко, Людмила подняла покраснѣвшее лицо и по-дѣтски безпомощно взглянула на Марью Васильевну. Въ ней трудно было бы признать теперь всегда сдержанную, замкнутую дѣвушку.

— Вы сердитесь на меня, тетя?

Она привыкла такъ называть Крутовскую.

— Не дури, дѣвка,—возразила старушка:—лучше глаза утри, вотъ платокъ. Поплакала и ладно. Поплакать Богъ велѣлъ — сердцу легче. А сердиться мнѣ на тебя незачѣмъ... Знаешь вѣдь, что люблю тебя...

— Спасибо, спасибо, тетя, — пробормотала Людмила, снова припадая къ теплымъ старушичьимъ колѣнямъ.

— Благодарить послѣ будешь. Теперь поговоримъ лучше. Знаешь?—кривину въ лѣсъ, кривину въ лѣсъ—прямое оставайся здѣсь!.. Такъ-то... Слыхала, слыхала, что этотъ шутъ гороховый нагородилъ—на глаза его къ себѣ не пущу. Тошно... и все вретъ, все вретъ — ничего у него за душою нѣтъ—мусоръ одинъ. Сколько разъ говорила ему: брось, оставь Людмилу—не по губамъ малина. Нѣтъ—опять за свое. Только тутъ что-то не такъ... Самъ бы онъ не додумался до этой пакости. Тутъ другое что-то.

Старушка насупилась и стала поправлять на носу очки.

— Я не думала объ этомъ, тетя,—возразила Людмила:—я не могу полюбить его.

Марья Васильевна замахала руками.

—Что ты, опомнись. Тоже нашла. Да избави Господи! Этакое чучело.

И внезапно смолкнувъ, склонилась надъ дѣвушкой, схватила ея голову и, пристально и любовно глядя ей въ глаза, молвила:

— Знай, что *я одного хочу* вмѣстѣ съ тобой. Понимаешь!.. всѣмъ сердцемъ хочу. Мнѣ и говорить не нужно, и о чемъ слезы твои—знаю. Ты у меня сильная—терпи... Богъ милостивъ...

И тотчасъ же откинувшись снова на спинку кресла, сказала ворчливо, по обычному:

— Ишь комаровъ налетѣло—видно мясо старушечье сладко... Прикрой-ка окно, дѣвонька—а то и другое что залетитъ. Всяко бываетъ. Тутъ теперь всего бояться надо—вѣтромъ, должно быть, нечисть заноситъ...

Людмила поднялась, чувствуя слабость во всемъ тѣлѣ, и захлопнула окно.

Заря угасла и въ комнатѣ стало совсѣмъ темно и тихо.

XXXIII.

Отъ вѣтра ли, отъ долгой ли засухи (дождь, прошедшій на этихъ дняхъ, не оставилъ по себѣ и слѣда), или, быть можетъ, по другимъ причинамъ, но на розахъ каждый день появлялись муравьи, зеленые паразиты и изумрудные блестящіе жуки. Они съ полнымъ равнодушіемъ поѣдали листья, бутоны и расцвѣтшіе цвѣты. Всѣ мѣры къ ихъ уничтоженію были приняты, но они не исчезали.

Это очень волновало Вѣру Владимировну. Съ тряпочкой, са-

довыми ножницами и табачнымъ настоемъ она переходила отъ одного куста къ другому. Съ печальными восклицаніями, съ горестнымъ покачиваніемъ головы она становилась на колѣни и матерински ласково вытирала мокрой тряпицей искалѣченные бутоны, тонкіе молодые ростки съ красноватыми свернутыми листочками. Передъ штамповыми розами она становилась на цыпочки, поднимала кверху подбородокъ и вытягивала губы, словно для нѣжнаго поцѣлуя, всей душой болѣя съ страдающими цвѣтами. Невольно она сравнивала себя съ ними. Ей казалось, что и ее душу гложатъ эти маленькія насѣкомыя, вызывая непрестающую зудящую боль.

Иногда среди своей работы она останавливалась, тряпка выскальзывала изъ ея рукъ, глаза переставали видѣть окружающее. Нѣтъ, это невыносимо. Нужно положить этому конецъ. Она чувствуетъ, что тупѣетъ, теряетъ себя отъ вѣчнаго гнета заброшенности, ненужности, одиночества. Опять услышать его голосъ, опять знать, что тутъ, около есть человѣкъ, который принадлежитъ тебѣ, и ты принадлежишь ему. Какое это счастье! Почему оно невозможно болѣе для нея? Почему не попытаться? Онъ пишетъ, что относится къ ней попрежнему, что и онъ чувствуетъ себя осиротѣлымъ. Отчего же не смириться?.. Пусть даже это не прежняя любовь, нѣтъ, нѣтъ, пусть будетъ она ему только вѣрнымъ другомъ, нянькой... Къ тому же онъ и не такъ молодъ. При этой мысли кровь приливала къ похудѣвшимъ щекамъ Вѣры Владимировны. Съ необычайной ясностью видѣла она лицо мужа— крѣпкое и загорѣлое, его пышные усы, его смѣющіеся глаза, его бѣлые зубы (всегда открывавшіеся, когда онъ говорилъ). Онъ зналъ, что улыбка его нравилась ей, дѣлала ее готовой на все, беззащитной... Она почти до галлюцинацій слышала его голосъ, его смѣхъ, его крѣпкій, мужской запахъ... У нея кружилась голова, слабѣли ноги... Приходя по вечерамъ въ свою одинокую спальню и медленно раздѣваясь, среди безнадежнаго молчанія, Вѣра Владимировна съ испугомъ начинала прислушиваться. Ей казалось, что тишина звенитъ, до того она была полной. Лежа въ темнотѣ съ открытыми глазами, Вѣра Владимировна съ ужасомъ прислушивалась къ этому звону, который росъ, ширился и наполнялъ всю комнату. Еще минута, и она вскакивала съ кровати, вся въ горячемъ поту, готовая кричать не своимъ голосомъ, звать на помощь. Дрожащими руками она зажигала свѣчу. Тусклый свѣтъ потрескивающаго пламени уныло озарялъ спальню и пустую кровать мужа съ холодными кружевными накидками.

Она была одна, безнадежно одна... Ею овладѣвало безуміе, настоящее безуміе женщины, которая хочетъ любви, которая полна желаній... Она начинала ходить по комнатѣ—босая, въ длинной бѣлой рубахѣ, похожая на печальный болотный призракъ. Она открывала комодъ, шкапъ, доставала оттуда бѣлье, платья, тупо смотрѣла на нихъ и кидала на полъ. У нея являлось желаніе перемѣнить рубашку, потому, что ее не переставалъ палить жаръ, но она сейчасъ же забывала объ этомъ и когда вынимала вещи—не знала, для чего ей это нужно. Звонъ въ ушахъ ни на минуту не прекращался. Тогда, изнеможенная, она падала на стулъ у туалетнаго стола и сидѣла неподвижно, глядя на себя въ зеркало. Видъ усталаго лица, темныхъ впадинъ глазъ, старчески сомкнутыхъ губъ точно отрезвлялъ ее. Она роняла голову на руки и глухо плакала безъ слезъ. Потомъ, едва двигаясь, добиралась до своей кровати и, натягивая на себя одѣяло, стучала зубами и ежилась отъ сковывавшаго ее ледяного холода, который казался особенно жестокимъ послѣ горячей испарины. Такъ она лежала, стараясь согрѣться, до перваго проблеска зари, когда, наконецъ, въ ея усталую душу возвращался покой и она засыпала.

Послѣ одной изъ такихъ ночей Вѣра Владимировна рѣшилась согласиться на уговоры дочери. Встрѣтивъ ее утромъ послѣ чая на тенисѣ, гдѣ она играла съ Витей, Карышева, смущаясь и краснѣя, дождалась, пока дѣти ея кончили партію, и, отведя Смоличъ въ сторону, подъ предлогомъ желанія пройтись съ нею, начала издалека.

— Тебѣ хорошо здѣсь, Наташа?—спросила она вкрадчиво, безпомощно прижимаясь къ плечу дочери (онѣ ходили подъ руку туда и обратно по розовой дорожкѣ).

— О, еще бы, мамочка! Я даже располнѣла!

Наталья Никаноровна разсмѣялась, прямо взглянувъ на мать, на ея смущенное, жалкое лицо, догадалась тотчасъ же о причинѣ этого, и сказала чуть слышно, склонясь къ самому уху:

— Ты тоже хочешь меня порадовать? Не такъ ли?.. я могу написать ему? да?..

Потупляясь, какъ дѣвочка и вспыхивая, Вѣра Владимировна молвила:

— Я почти рѣшилась.

— Ну вотъ и отлично,—перебила ее дочь:—и слава Богу... давно пора. Сегодня же мы отправимъ письмо. Я попрошу его назначить день, и такъ какъ ему будетъ неудобно сразу же пріѣхать сюда—вы встрѣтитесь съ нимъ въ Смоленскѣ. Это бу-

детъ и удобнѣе, и лучше. Потомъ, переговоривъ, вы рѣшите, что дѣлать дальше... Ну, скажи, мамуся, не умница ли я?

Она схватила мать за талью и закружила ее. Потомъ обѣ улыбаясь — одна виновато, другая самодовольно, онѣ поцѣловались и быстро пошли къ дому.

Вышедшій имъ навстрѣчу Константинъ Никаноровичъ воскликнулъ изумленно:

— Боже, что съ вами? У васъ какія-то умопомрачительно сіяющія лица!

— Мы счастливы, мы очень счастливы,—торжественно отвѣтила Наталья Никаноровна:—сегодня большой день.

И, снова прижавшись къ матери, поцѣловала ее.

А у себя въ комнатѣ, причесываясь къ завтраку, она сказала заглянувшему къ ней любопытствующему брату:

— Ну, ты можешь меня поздравить. Мои дѣла идутъ получше твоихъ. Мамаша водворяется въ объятія своего супруга. Къ тому же, думается мнѣ, я убью двухъ зайцевъ. Съ нею, конечно, уѣдетъ къ отцу и Людмила. Надо сознаться, она оказалась опаснѣе, чѣмъ я ожидала. За эти дни мнѣ открылось многое. Во всякомъ случаѣ помощь твоя, даже если бы ты дѣйствовалъ болѣе удачно— мнѣ не понадобится.

Поджимая губы и раскачиваясь на каблукахъ, Константинъ Никаноровичъ отвѣтилъ:

— Надо сознаться, я очень мало думалъ о твоихъ дѣлахъ, мой другъ. И вообще ни въ какія исторіи я не хочу вмѣшиваться. Онѣ мнѣ достаточно надоѣли, такъ же точно какъ и эта деревня. Что же касается тебя, то тебя дѣйствительно можно поздравить: братья Ерандаковы у твоихъ ногъ и это конечно необычайно лестно. Embarras de choix et de richesse. M-me Fépta ou Frocha Erandakoff! Это звучитъ почти пышно!

Выдержавъ паузу, Смоличъ произнесла тоненькмъ, наивнымъ голоскомъ:

— О, это превышаетъ мои скромныя желанія. Я была бы вполнѣ счастлива, если бы могла назвать Людмилу своей belle-soeur!

— Что за чепуха!—возразилъ Смоличъ:—что за чушь!

— Но ваши ухаживанія, сударь, ваши влюбленные взгляды... какъ иначе понять намѣренія gentilhomm'a? и къ чему тѣ сѣти, которыя онъ плететъ вокругъ несчастной своей жертвы?

Выведенный изъ себя, Смоличъ прошипѣлъ:

— Замолчи, пожалуйста, это издѣвательство.

Онъ повернулся и пошелъ къ двери.

Наталья Никаноровна, проворно вкалывая шпильки въ пышную свою прическу и смѣясь, крикнула ему вслѣдъ:

— Tu la voulu, Georges Dandin!

XXXIV.

Мелкой сизой волной, тѣсно сгрудившись, дробно топоча и мэкая, катились овцы съ тырла. Это похоже было издали на медленно ползущее съ холма грузное облако. Личманъ и подпасокъ, развернувъ отару во фронтъ, пятясь задомъ, проходили вдоль перваго ряда, иногда вытягивая передъ собою длинный тонкій шестъ, точно плыли на плоту и пробовали дно. Далеко сзади мальчишка третьякъ кидался то въ одну, то въ другую сторону, подгоняя отсталыхъ. По бокамъ отары, чуть отступя, бѣжали степенно и съ достоинствомъ огромныя овчарки.

Красное солнце только-только выплывало изъ-за ржаного поля. Свѣжій воздухъ струился по лугу, по ярамъ, по обнаженной головѣ Крутовского. Сизыя стриженныя спины овецъ мгновеніями розовѣли, когда вытягивающіеся лучи, догоняя сзади, проходили по нимъ. Бѣлые барашки вверху, въ небѣ, остановивъ свой бѣгъ, смуглѣли и таяли. Крѣпкій, ядреный запахъ овечьяго пота, смѣшанный съ крѣпкимъ дымомъ махорки, отяжелѣвъ отъ утренней росы и мятнаго духу, напоминалъ запахъ у моря, гдѣ-нибудь на турецкой фелюгѣ и вливалъ бодрость въ душу и мускулы.

Пропуская мимо себя эту ползущую лавину — дышащую и живую, Леонтій Алексѣевичъ чувствовалъ, какъ постепенно имъ овладѣваетъ увѣренное спокойствіе. Все это хозяйство—дѣло его рукъ и воли. Достаточно на время забыться, и все пойдетъ прахомъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше усилій стоило ему его дѣло. Сѣрый трудъ сельскаго хозяина успокоилъ его сердце, выработалъ въ немъ упорство. Эти руки загорѣли и огрубѣли недаромъ. Улыбаясь, Крутовской подумалъ, что въ немъ развилась даже нѣкоторая хозяйственная бережливость, доля необходимой въ его деревенскомъ быту разсчетливости. Недавно, найдя на дорогѣ кусокъ бичевки, онъ спряталъ его въ карманъ. Онъ сдѣлалъ это безъ умысла, изъ одной привычки дорожить всѣмъ, что можетъ пригодиться. Его руки пріобрѣли силу и цѣпкость. Онъ могъ быть пастухомъ, пекаремъ, дровосѣкомъ, машинистомъ, кучеромъ, ветеринаромъ. Онъ зналъ и любилъ свою землю, свой лѣсъ, своихъ животныхъ.

Онъ началъ съ пятидесяти головъ овецъ, теперь у него въ

отарѣ около двухъ тысячъ. Къ нему пріѣзжаютъ хуторяне учиться овцеводству, которое даетъ ему значительный доходъ. Въ будущемъ онъ надѣялся поставить мыловаренный заводъ. Онъ развернетъ свое дѣло, и Тильскъ можетъ со временемъ стать торговой пристанью, повысится благосостояніе окружныхъ крестьянъ, его примѣръ заразитъ другихъ. Сначала онъ зависѣлъ отъ старика Ерандакова—перваго богатѣя и кулака въ округѣ. Было время, когда онъ чуть-чуть не попалъ къ нему въ лапы, но теперь онъ чувствовалъ себя ему равнымъ и съ радостью готовъ былъ бороться съ нимъ. Лѣсъ, запущенный при отцѣ, продававшемъ его за безцѣнокъ Ерандакову, теперь былъ вымѣренъ, вычищенъ, разбитъ на участки и только отсутствіе рѣки (Днѣпръ не подходилъ къ границѣ „Рая") заставляло Крутовского все еще прибѣгать къ посредничеству старика. Но съ этимъ Леонтій Алексѣевичъ думалъ какъ-нибудь покончить. До сихъ поръ онъ зависѣлъ и отъ мельницы Ерандакова и отъ хлѣбныхъ его магазиновъ. Небольшая завѣтная вѣтряная мельница Крутовского, конечно, не могла состязаться съ хорошо налаженнымъ хлѣбнымъ предпріятіемъ старика. Она усиленно махала сѣрыми своими расчепленными крыльями, благо вѣтры въ этихъ краяхъ не рѣдкость, но польза отъ того была не велика. Муки хватало только на экономію, да кое-что вымалывалось для окрестныхъ крестьянъ. Ждать доходовъ съ нея нечего. Старый, слѣпой мельникъ, пыльный вѣдунъ, былъ скорѣе романтическимъ штрихомъ, чѣмъ необходимой частью во всемъ раціонально поставленномъ хозяйствѣ Леонтія Алексѣевича, гдѣ каждый винтъ зналъ свое мѣто. Ящуръ давно привлекалъ зоркій глазъ Крутовского. Укрѣпивъ болотистые берега его, можно было бы возвести плотину. Къ этому помѣщикъ думалъ приступить въ ближайшемъ будущемъ, можетъ быть, даже осенью.

Всѣ эти дѣла, новые замыслы, цѣплялись одни за другими, вытекали другъ изъ друга, какъ логическая необходимость. Слѣдовало быть лишь всегда на чеку и во-время приложить свои усилія и знанія. Передъ глазами всегда была цѣль разумная, ясная, непосредственно оправдывающая себя. Крутовской помнитъ этотъ первый толчокъ волевого напряженія, эту искрящуюся радость, когда дрожитъ каждый мускулъ. Онъ проснулся тогда точно отъ внезапнаго толчка, отъ прилива быстрѣе забившейся крови, широкими глазами смотря на стѣны своей комнаты, освѣщенныя утреннимъ солнцемъ, точно раздававшіяся въ стороны, вмѣстившія въ себя весь огромный міръ, въ которомъ такъ радостно жить и побѣждать. Да, онъ твердо зналъ въ эту минуту,

что онъ побѣдитъ. Именно тутъ на нетронутой цѣлинѣ родной земли, за труднымъ и простымъ дѣломъ пахаря. Какъ мелко показалось ему тогда все то, чѣмъ онъ жилъ раньше, онъ почти ничего не помнилъ изъ своего прошлаго. Оно лежало въ сторонѣ, точно спутанный, весь въ узлахъ и потому никуда негодный клубокъ нитокъ. Стоило ли тратить время на безполезное его распутываніе.

Но, чортъ возьми, въ немъ еще сидѣлъ этотъ червячекъ; гдѣ-то глубоко забившись, онъ нѣтъ-нѣтъ и давалъ себя чувствовать. Тогда Леонтій Алексѣевичъ проклиналъ свое поколѣніе, сыномъ котораго, быть можетъ, однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ, былъ онъ.

Крутовской улыбнулся. Те-те, мы начинаемъ философствовать, это тоже плохой знакъ. И пройдя вдоль края отары, онъ догналъ чабана, на минуту остановившагося и оперщагося на свой ветхозавѣтный посохъ, чтобы раскурить новую трубку. Лѣниво и медленно кланяясь хозяину, чабанъ не двинулся съ мѣста. Въ его закорузлыхъ, коричневыхъ пальцахъ тлѣлъ красный огонь трута; морщинистыя, изрытыя глубокими бороздами щеки то вздувались, то опадали, выпуская изо рта густые клубы дыма; борода и волосы, выбивающіеся изъ-подъ засаленной, пропотѣвшей, должно быть, господской фетровой шляпы, похожи были на свалявшуюся жирную овечью шерсть.

— Здравствуй, Данилычъ,—сказалъ Крутовской, радостными свѣтлыми глазами глядя на старика и чувствуя, какъ весело бьется сердце отъ особенно яснаго сознанія своего здоровья, силы и близости къ этому человѣку: — что̀ много больныхъ въ отарѣ?

Чабанъ дѣловито раскурилъ трубку, потомъ оборотясь крикнулъ товарищу, чтобы онъ придержалъ правофланговыхъ и тогда уже отвѣтилъ:

— Больныхъ пять, баринъ. Сегодня на переборкѣ двухъ коростовыхъ нащупали, да допрежъ три было. Ну, ничего,—помолчавъ добавилъ онъ:—скипидаромъ залили, въ сушь эту пройдетъ быстро. Нынче на урмѣ травы мало—вотъ плохо. Уже обжариваться начинаютъ, а все не сыты.

— А вы ихъ на свѣжій пускайте.

— Нельзя, баринъ, не годится. Нагульнымъ мало останется. И раскрылять отары не приходится. Гдѣ тамъ! Такъ и смотри, чтобы стѣжекъ не подѣлали. За балкой дождались—поволока съ полъ-десятины—что твоя плѣшь—гладко; до новой весны не зарастетъ. Дѣла какія...

Онъ сплюнулъ на сторону и, замѣтивъ забѣжавшихъ впередъ двухъ овечекъ-годовокъ, не торопясь, пошелъ къ нимъ.

Крутовской спустился съ холма, перепрыгнулъ канаву и по проселочной дорогѣ зашагалъ къ лѣсу. Не успѣлъ онъ дойти до опушки, какъ навстрѣчу ему показался Витя. Вертунъ съ смѣющимся лаемъ кинулся къ Леонтію Алексѣевичу на грудь.

— Вы въ лѣсъ?—крикнулъ Бунаковъ:—а я изъ лѣсу. Припекать начало. Вамъ не къ спѣху? Сядемъ, отдохнемъ на минуту.

Они прилегли на траву у берега.

Вертунъ, высунувъ языкъ, сидѣлъ рядомъ и дышалъ, какъ кузнечный мѣхъ, мухи облѣпили углы его раскрытой розовой пасти.

— Хозяйничаете?—спросилъ Витя, пожевывая травинку.

Ружье онъ прислонилъ къ березѣ, а ягташъ съ битой птицей повѣсилъ на сукъ. Нѣтъ-нѣтъ и съ сѣтки падали на траву тяжелыя густыя капли крови.

— Хозяйничаю,—отвѣтилъ Крутовской.

— Мнѣ нравится въ васъ это,—продолжалъ Бунаковъ:—вы лодыря не гоняете и дѣло у васъ живое, настоящее! Я не люблю путанныхъ дѣлъ, комнатныхъ—рѣшето какое-то: налилъ—выпустилъ, налилъ—выпустилъ. Когда я кончу институтъ, я сейчасъ же постараюсь у какого-нибудь крупнаго предпріятія стать, на машинный заводъ, кораблестроительный. Работы я не боюсь—только давай. Но работы мало. Мнѣ еще нужны деньги, чтобы потомъ завести свое дѣло. Что деньги—сила, я зналъ мальчишкой. Сами по себѣ онѣ мнѣ не нужны, я не избалованъ и не нѣженка—могу спать на доскахъ и ѣсть одни сухари, но, по правдѣ сказать, сельское хозяйство меня не удовлетворило бы... Слишкомъ малъ масштабъ, негдѣ развернуться. У меня широкіе замыслы и большая вѣра въ себя. Вѣдь Россія дьявольски большая страна и можетъ удовлетворить какіе угодно аппетиты, и чѣмъ больше аппетитъ, тѣмъ лучше. Въ концѣ концовъ всю нашу громоздкую, архаическую государственную машину можно перевернуть только большой экономической встряской. Для этого нужны умѣлыя и сильныя руки.

— И большіе аппетиты!—смѣясь подсказалъ Леонтій Алексѣевичъ.

— Да, большіе, я бы сказалъ гомерическіе аппетиты. Чортъ возьми, насъ заѣли чиновники, интеллигенты-нытики, философствующіе глупцы—вся эта орава безпозвоночныхъ. А у насъ есть люди, Леонтій Алексѣевичъ! Есть настоящіе люди. Этой зимой я познакомился съ однимъ изъ нихъ. Купецъ, кремень со стальной головой и стальной волей. Его ничѣмъ не собьешь. Онъ

пускаетъ въ ходъ все, что̀ возможно, только бы добиться своего. Онъ молодъ, образованъ и не знаетъ, что̀ такое усталость и скука. Пожалуй, онъ даже не знаетъ, что̀ такое безнравственность. Онъ могъ бы быть, если бы захотѣлъ, самымъ тонкимъ царедворцемъ и проницательнымъ дипломатомъ. Но вотъ у кого гигантскій аппетитъ. Попомните мое слово — только ему и ему подобнымъ будетъ принадлежать Россія, и только тогда она обновится. Въ былое время говорили: „хоть день, да мой", теперь мы говоримъ—каждый день—мой день.

Заинтересованный Крутовской спросилъ:

— А не думаете ли вы, что это будетъ царство слишкомъ грубой, слишкомъ физической силы?

— Грубой—пожалуй, но отнюдь не физической. Для того, чтобы держать въ рукахъ всю эту махину (Витя съ силой ударилъ ладонью по землѣ), нужно быть крупной, духовно крупной личностью. Дайте сдѣлать дѣло и тогда уже наводите лоскъ.

Онъ замолкъ, падая навзничь въ траву и щурясь на солнце.

— Чортъ возьми, — черезъ минуту произнесъ онъ уже значительно тише: — я, кажется, накричалъ слишкомъ вамъ въ уши... Что̀ сказалъ бы мой достопочтенный превосходительный и экстраполированный братецъ! Вотъ образчикъ нашей россійской разносторонности. А контральто Наталья Смоличъ? Какъ вы ее находите?

Крутовской невольно насторожился при этомъ имени. Онъ поднялъ глаза на Витю, но̀ сейчасъ же успокоился. Бунаковъ, конечно, ничего не зналъ.

— Ваша сестра—интересная женщина.

Витя разсмѣялся:

— Она одна изъ тѣхъ, которыхъ покупаютъ. Но купивъ ихъ, вы не всегда будете увѣрены, что не получите искусную поддѣлку и что васъ не проведутъ. Во всякомъ случаѣ эти женщины достаточно живучи и годны на роль мелочныхъ торговцевъ.

— Вы однако злы,—смущенно пробормоталъ Крутовской.

— Скажите: циникъ, и я не обижусь,—спокойно возразилъ Бунаковъ:—я привыкъ мѣрить все соотвѣтствующимъ аршиномъ и не боюсь страшныхъ словъ.

XXXV.

Обойдя хозяйство, задавъ всѣмъ на день работы, Крутовской пошелъ къ себѣ въ комнату отдохнуть. Но онъ долго не засыпалъ. Мѣшали мухи, а больше всего непрошенныя мысли... Раз-

говоръ съ Витей навелъ его на многое. „Онъ и вправду суховатъ“, — подумалъ Леонтій Алексѣевичъ, вспомнивъ характеристику, какую далъ Витя сестрѣ и брату. „Можетъ быть, посвоему онъ правъ, но все же я не могъ бы отзываться такъ о своихъ близкихъ“.

Щуря глаза на золотыя пылинки, пляшущія въ полосѣ свѣта, пробившейся сквозь ставни, Крутовской увидѣлъ передъ собою Наталью Никаноровну. Она предстала передъ нимъ точно живая. Онъ видѣлъ ея улыбку, слышалъ ея голосъ, похожій на журавлиный клекотъ. Эти дни она часто заходила въ „Рай“ и подолгу сиживала съ Марьей Васильевной даже тогда, когда Крутовского не было дома. Она относилась къ старушкѣ очень предупредительно, очень почтительно. Леонтій Алексѣевичъ не понималъ, почему такъ сухо тетка отвѣчала на всю выказываемую ей любезность. Онъ зналъ, что Марья Васильевна не могла простить Смоличъ того, что было, но почему она явно подчеркивала свою враждебность? Простилъ ли онъ самъ Натальѣ Никаноровнѣ? Кажется, да. Вѣрнѣе—пересталъ объ этомъ думать съ той минуты, когда убѣдился, что Смоличъ ничего не ждетъ отъ него. Сначала онъ избѣгалъ встрѣчаться съ нею, потомъ привыкъ видѣть ее какъ добрую знакомую. Его сердце оставалось покойнымъ. Благодаря Богу, тягостное предчувствіе не оправдалось. Послѣ разговора у пруда въ первое посѣщеніе Натальей Никаноровной „Рая“—они не касались наболѣвшаго вопроса, имъ даже не случалось оставаться вдвоемъ. Смоличъ точно радовалась случаю доказать ему на дѣлѣ высказанное ею тогда желаніе быть только доброй знакомой—она всегда звала съ собою то Марью Васильевну, то Людмилу и весело болтала о пустякахъ. Людмила... вотъ кого онъ не могъ узнать. Что съ нею? Они больше не катались въ лодкѣ и не говорили какъ старые пріятели. Она избѣгала его... А тогда, въ день пикника... тамъ, въ корридорѣ... этотъ ничѣмъ не вызванный вопросъ, это бѣгство... Странную неловкость почувствовалъ Крутовской. На время онъ смѣшался и мысли его спутались. Повернулся лицомъ къ стѣнѣ, сталъ считать по пальцамъ, сколько у него въ саду яблонь и, насчитавъ до пятидесяти, заснулъ.

Разбудилъ его громкій стукъ въ дверь и голосъ казачка Васятки.

— Баринъ, а баринъ, къ вамъ барышня пришли.

Съ просонья онъ опрометью вскочилъ съ кровати и сталъ протирать глаза. Потомъ, освѣживъ лицо одеколономъ, вошелъ въ залу.

— Боже, какой у васъ потѣшный видъ, — вскрикнула Наталья Никаноровна, поворачиваясь отъ рояля и смотря на Крутовского смѣющимися поддразнивающими глазами: — какъ не стыдно спать въ такую погоду!

— Я встаю въ четыре, — оправдывался Леонтій Алексѣевичъ.

— Пустяки, что за отговорки! Все равно я вамъ не дамъ больше спать. И не думайте опять идти по хозяйству. Сегодня я похищаю васъ. Вы должны проводить меня въ Тильскъ. Наши кавалеры куда-то разбрелись, а одна я не поѣду. Мнѣ нужно отдать визитъ m-me Брындиной и повидать Ерандаковыхъ. Они обѣщали мнѣ повезти меня на тоню и устроить любительскій спектакль. Не морщитесь. Я знаю въ чемъ дѣло. Вы не хотите встрѣчаться съ Тамарой Гавриловной — мнѣ извѣстенъ вашъ романъ. Она — бѣдная — покаялась, что безъ ума отъ васъ, а вы черствый фатъ. Вотъ вамъ! А теперь прикажите запрячь шарабанъ — мы поѣдемъ безъ кучера — я хочу править.

Крутовской подумалъ, что нетактично говорить о какомъ-то его романѣ и особенно ей и непростительно отрывать его отъ работы въ такое страдное время, но все же онъ отвѣчалъ покорно:

— Поморщился я, должно быть, оттого, что еще плохо вижу, и конечно охотно поѣду съ вами.

Черезъ четверть часа сѣрый меринъ везъ ихъ по полуденному припеку. Всю дорогу до Тильска Наталья Никаноровна болтала безъ умолку. И глаза ея, и голосъ, и движенія рукъ, съ какими она правила лошадью, все напоминало живость кокетливой ingenue, не знающей другихъ мыслей, кромѣ мысли о весельѣ.

XXXVI.

У Брындиныхъ просидѣли съ полчаса. Олегъ Максимовичъ бросилъ свою контору, забѣжалъ переодѣться съ чернаго хода къ себѣ въ спальню, попудрился и надушился и вышелъ къ гостямъ. Онъ сталъ разсыпаться въ любезностяхъ, сыпалъ остротами, два года назадъ ходившими по Петрограду, неподражаемо и не безъ соли разсказывалъ анекдоты, показалъ свои рисунки — словомъ занималъ гостей, какъ умѣлъ. Наталья Никаноровна смѣялась, кокетничала; даже спѣла романсъ, сама себѣ аккомпанируя. Пѣла она хорошо, голосъ у нея былъ сильный и гибкій, чѣмъ привела всѣхъ въ восхищеніе. Тамара Гавриловна вертѣла востренькимъ своимъ носикомъ и порою томно и тяжко взды-

хала, кидая взгляды на Крутовского. Она была изумительно причесана, съ крутыми локонами, спадающими штопоромъ на плечи и высокимъ узломъ сзади à la Татьяна Гремина; подъ стать прическѣ на ней было платье бѣлое, все въ яркихъ букетикахъ и съ большимъ зеленымъ бантомъ на спинѣ у самыхъ лопатокъ. Крутовской считалъ мухъ по стѣнамъ, кряхтѣлъ отъ жары и не зналъ, куда дѣвать себя отъ скуки. Кокетство съ нимъ Натальи Никаноровны, вызванное, должно быть, желаніемъ подразнить Брындину, сильно смущало его, а нервность и вздохи Тамары Гавриловны раздражали. Годъ назадъ онъ имѣлъ неосторожность поцѣловать безъ причины ручку Брындиной и сказать ей, что она ему нравится. Съ тѣхъ поръ она вела съ нимъ скучнѣйшую игру въ любовь, которая ни къ чему не могла привести, такъ какъ Крутовской ничуть не былъ увлеченъ ею, а она была достаточно осторожна и умна и скорѣй тщеславна, чѣмъ страстна.

Наконецъ, побуждаемая довольно ясными намеками Леонтія Алексѣевича, Смоличъ распрощалась, и они пошли пѣшкомъ къ пристани.

Подходя къ сходнямъ, Наталья Никаноровна оглянулась на Крутовского и сказала раздумчиво:

— Боже мой, какъ мы съ вами перемѣнились. Мы совсѣмъ, совсѣмъ другіе люди... Порою мнѣ кажется, что этого никогда не было...

Леонтій Алексѣевичъ не отвѣтилъ. Онъ съ безпокойствомъ глянулъ на пѣвицу и потупился.

Стая голубей взвилась передъ ними. Крутовской вспомнилъ тотъ вечеръ, когда онъ получилъ письмо Натальи Никаноровны, извѣщавшее о ея пріѣздѣ. Такая же тоска и безпокойство зашевелились въ немъ и теперь. „Что за чушь,—подумалъ онъ:—я точно боюсь самого себя". Онъ поднялъ глаза: въ голубой лазури купались и ныряли серебристо-розовые голуби.

— Здѣсь никого нѣтъ,—крикнула ему съ пристани Наталья Никаноровна:—что намъ дѣлать?

Онъ поспѣшно поднялся къ ней и отворилъ дверь въ контору. За столомъ, заваленнымъ бумагами, сидѣлъ плотный старикъ съ темными очками на хрящеватомъ крупномъ носу. Онъ поднялъ на шумъ сѣдую, круглую голову, подстриженную ежомъ, снялъ очки и посмотрѣлъ на вошедшихъ внимательнымъ, острымъ взглядомъ.

— Здравствуйте, Савелій Онисимовичъ, — сказалъ Крутовской:—вотъ я вамъ привелъ гостью—дочь Вѣры Владимировны. Мы думали застать здѣсь вашихъ сыновей.

— Очень пріятно, — отвѣтилъ Ерандаковъ, приподымаясь и протягивая Натальѣ Никаноровнѣ руку: — только вѣтрогоновъ моихъ вы теперь и съ собаками не сыщете. Когда я здѣсь, они сюда и носу не покажутъ. Присядьте пока, сдѣлайте милость.

Говоря это, старикъ пододвинулъ вошедшимъ стулья и, самъ садясь, продолжалъ внимательно вглядываться въ лицо Смоличъ.

— Надолго изволили пріѣхать? Такъ... мѣста у насъ тутъ пріятныя. „Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ"... (онъ засмѣялся какъ-то вбокъ и беззвучно). Пѣніемъ занимаетесь? Такъ. Голосъ—великое дѣло. Я очень даже пѣніе уважаю. Вы бы спѣли что-нибудь.

Это предложеніе, столь неожиданно высказанное, заставило Наталью Никаноровну улыбнуться. Первыя минуты она чувствовала себя необычайно стѣсненной подъ упорнымъ взглядомъ этого „чудака".

— Спѣть вамъ? Сейчасъ? Но я не пою безъ аккомпанимента! и къ тому же такъ внезапно...

Но тотчасъ же ее осѣнило вдохновеніе. Она воскликнула, блестя глазами и наклоняясь къ Ерандакову.

— Ладно, идетъ! Я спою вамъ, только не здѣсь, а въ лодкѣ. Ѣдемте кататься.

Крутовской посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, но она улыбнулась, дѣлая ему знакъ, чтобы онъ молчалъ, и опять обратилась къ старику.

— Что же, ѣдемъ?

Купецъ поднялъ на нее глаза, странная усмѣшка скользнула у него по сухимъ губамъ и спряталась въ рыжеватой, узенькой бородкѣ.

— Отчего же не поѣхать... можно. Вы, какъ я погляжу, огонь-баба и сговорчивы.

Онъ всталъ. Наталья Никаноровна, точно невзначай касаясь его локтемъ, молвила:

— Бываетъ, что и сговорчива!

Леонтій Алексѣевичъ пожималъ плечами. Онъ опять не узнавалъ ее. Изъ веселой, но изящной ingenue, она на мгновеніе сдѣлалась серьезной и вотъ теперь въ ней все и голосъ, и манеры, и языкъ были подъ стать бойкой купчихѣ Островскаго.

— Прохоръ!—крикнулъ Ерандаковъ:—лодку давай.

Они сѣли въ разлатую бѣлую плоскодонку и отчалили. Днѣпръ сильно обмелѣлъ и до самой середины его весла касались дна. Передъ глазами развернулся Тильскъ. Издали бѣлые домики,

главы церквей и густая зелень садовъ дѣлали его нарядныимъ и привѣтливымъ.

— Ну, что же, уговоръ дороже денегъ,—сказалъ, улыбаясь и подмигивая, старикъ Ерандаковъ.

Подъ солнцемъ лицо его прояснѣло и стало пріятнѣе, глаза съузились по-стариковски и не смотрѣли такъ остро.

— Пѣть такъ пѣть,—отвѣтила Смоличъ и, тряхнувъ головой, закрыла зонтикъ, положила его у ногъ и сложила на колѣняхъ руки:—вы хохлацкія пѣсни любите?

— Люблю,—согласился Ерандаковъ.

Наталья Никаноровна приподняла подбородокъ, чуть откинулась назадъ и запѣла. Голосъ ея высоко и звонко поднялся вверхъ надъ дремлющей рѣкой. Она пѣла: „Пропала надія, забілося сердце...“ грудь ея ровно дышала подъ кружевною кофточкой. Прохоръ на веслахъ ухмыльнулся, сдвинулъ на носъ картузъ и крякнулъ отъ удовольствія. Ерандаковъ придвинулся ближе, не сводя съ пѣвицы загорѣвшагося взора. Крутовской смотрѣлъ въ небо, на голубей и Богъ знаетъ о чемъ задумался.

Потомъ внезапно оборвавъ пѣсню, Смоличъ запѣла плясовую. Тонкія ноздри ея раздулись, волосы выбились на заалѣвшія щеки. Посмотрѣвъ на нее, Леонтій Алексѣевичъ долженъ былъ сознаться, что она хороша, пожалуй во много лучше того, какой была прежде. „Она, кажется, мнѣ ровесница, — думалъ онъ: — кто могъ бы сказать, что мы съ нею когда-то работали вмѣстѣ, что я называлъ ее Наташей...“

Онъ криво усмѣхнулся своимъ мыслямъ, невольно краснѣя. „Какъ все это однако проходитъ безслѣдно, — снова подумалъ онъ:—я даже не могу представить себѣ, что она была моею... Нѣтъ, совсѣмъ чужая, совсѣмъ другая... Она права, мы очень перемѣнились. Какъ я могу къ ней—къ этой чужой, незнакомой женщинѣ чувствовать ненависть и обиду. Эта бы никогда не сдѣлала бы то, что сдѣлала другая... Онъ еще разъ посмотрѣлъ въ ея возбужденное, задорное лицо и, невольно улыбаясь и оживляясь, подумалъ: „Нѣтъ, право, она очень хороша“.

Ерандаковъ сиповатымъ теноркомъ подпѣвалъ Натальѣ Никаноровнѣ; Прохоръ весело работалъ веслами и лодка легко неслась по теченію.

„Мнѣ кажется, что я сталъ моложе и глупѣе“ — снова мелькнуло въ умѣ Крутовскаго, чувствовавшаго, что онъ не въ силахъ сдержать счастливую, ребячливую улыбку, раздвигающую его полныя губы.

— Ну будетъ! — крикнула наконецъ Смоличъ и, опускаясь устало вдоль скамейки, окунула руки въ воду.

— Королева!—восторженно повторялъ старикъ.

— Вотъ бы выкупаться теперь,—томно промолвила молодая женщина:—вода теплая-теплая...

Ерандаковъ потянулъ конецъ бородки въ ротъ и тихо, посмѣиваясь, возразилъ:

— Кто же помѣхой, красавица? На лѣвомъ берегу песочекъ бархатный. Высадимъ васъ—купайтесь на здоровье.

Нахмурясь на мгновеніе, Смоличъ отвѣтила:

— Я, милѣйшій, что̀ по уговору, то и дѣлаю. Спасибо скажите, что пѣла.

И, разсмѣявшись, звонко добавила:

— А видно сынки ваши въ папашу пошли — быстрые! Ай да, Савелій Онисимовичъ, совсѣмъ молодцомъ!

Потомъ оборотилась къ Крутовскому:

— Милый Леонтій Алексѣевичъ, намъ кажется и домой пора—поверните назадъ.

Они ѣхали обратно молча.

Ерандаковъ сопѣлъ и смотрѣлъ исподлобья. Крутовской, смущенный происшедшимъ только-что разговоромъ, старался не глядѣть на спутниковъ. Томное волненіе охватывало его. Давно этого съ нимъ не было и онъ начиналъ бояться за себя.

Первый выскочилъ изъ лодки старикъ Ерандаковъ. Онъ остановился у причала и протянулъ руку Натальѣ Никаноровнѣ. Она подобрала юбки и, неловко раскачиваясь вмѣстѣ съ лодкой, подбѣжала къ носу. Ерандаковъ подхватилъ ее и легко поставилъ рядомъ съ собой.

— Спасибо,—произнесла Смоличъ, притоптывая каблучками и оправляя платье.

— Спасибо и вамъ,—тихо молвилъ старикъ, не выпуская ея руки: — за пѣнье спасибо... а какъ же ежели по другому уговору?

Онъ покосился на Крутовского, разговаривавшаго въ сторонѣ съ Прохоромъ. Не понявъ, молодая женщина переспросила:

— По какому уговору?

— Да вы говорили, — еще тише и настойчивѣе повторилъ Ерандаковъ.

Онъ крѣпче сжалъ ея руку. Она посмотрѣла на него—глаза его были попрежнему остры, почти злы. Чуть испугавшись его взгляда и сразу понявъ, Наталья Никаноровна возразила съ подчеркнутой насмѣшкой:

— На каждый уговоръ—свой разговоръ и своя цѣна...

Она никакъ не думала, что слова ея примутъ въ серьезъ, ее нѣсколько задѣло упорство и грубость старика и она хотѣла только уколоть его. Но онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— За цѣной не постою, королева, а какой разговоръ!

Эти слова оглушили ее. Она вспыхнула отъ обиды и возмущенія и, вырывая руку свою, пронзительно вскрикнула:

— Ай, да оставьте же, вы мнѣ дѣлаете больно!..

И тотчасъ же понявъ, что сама виновата во всемъ, что сама вызвала эту дерзость, она закричала, топая ногами и стуча зонтикомъ по доскамъ:

— Вонъ, вонъ, убирайтесь вонъ!

— Что такое, въ чемъ дѣло?—спросилъ, подбѣгая къ ней Крутовской.

Тогда, боясь скандала, боясь выдать себя, она пробормотала, склонясь къ Леонтію Алексѣевичу на руки и глотая слезы обиды:

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, ничего—ѣдемъ домой скорѣй. Савелій Онисимовичъ такой неловкій—онъ наступилъ мнѣ на ногу.

Ю. Слезкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

I.

Вечеръ.

Сѣверный вечеръ окованный сказками,
Дымчатый, легкій, неясный, какъ сонъ.
Небо окутано яркими красками,
Словно скрывая улыбкою—стонъ.
Озеро дремлетъ. Упругою, гибкою
Грудью склонилось на чёрный гранитъ.
Такъ и застыло съ недоброй улыбкою.
Вечеръ трепещетъ... молчитъ.
Словно волнистые бѣлые волосы,
Даль окружаютъ тяжелымъ кольцомъ
Цѣпкихъ тумановъ тревожныя полосы.
Озеро спряталось свѣтлымъ лицомъ
Въ травы густыя, въ утёсы прибрежные.
Въ воздухѣ тихо... Недвижима даль.
Кажется... будто пришло неизбѣжное...
Кажется... гдѣ-то родится печаль...

Вл. Вѣтвицкій.

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗМА У ДОСТОЕВСКАГО.

То, что большинство называетъ почти фантастическимъ и исключительнымъ, то для меня иногда составляетъ самую сущность дѣйствительнаго.

Письмо Страхову, 1869.

I.

Одинъ изъ выразителей любимыхъ замысловъ Достоевскаго— скиталецъ до сѣдыхъ волосъ и мудрецъ въ застольныхъ бесѣдахъ — приходитъ однажды со своимъ спутникомъ поговорить о волнующей ихъ обоихъ любви къ одной и той же женщинѣ въ грязный маленькій трактиръ, гдѣ играетъ разстроенный органъ и пахнетъ засаленными салфетками.

— „Ты, можетъ быть, не знаешь? Я люблю иногда отъ скуки... отъ ужасной душевной скуки... заходить въ разныя вотъ эти клоаки. Эта обстановка, эта заикающаяся арія изъ Лючіи, эти половые въ русскихъ до неприличія костюмахъ, этотъ табачище, эти крики изъ бильярдной, — *все это до того пошло и прозаично, что граничитъ почти съ фантастическимъ*".

Въ этомъ случайно оброненномъ признаніи—цѣлая программа творчества. Обычныя у Достоевскаго проникновенныя исповѣди въ затхлой трактирной атмосферѣ — молитва Мармеладова въ шумной распивочной, философская проповѣдь Ивана Карамазова въ чаду захолустной ресторации, страстная импровизація Версилова въ грязной столичной харчевнѣ—все это намѣчаетъ основную черту въ его творческой манерѣ. Въ житейской мерзости, разросшейся до гротеска, онъ различалъ первую возможность соприкосновенія двухъ разорванныхъ и разобщенныхъ міровъ. Въ сходящихся крайностяхъ убогаго разгула и молитвеннаго подъема онъ находилъ цѣлый рядъ скрытыхъ соотвѣтствій, и послѣдняя

степень „пошлаго и прозаическаго" раскрывала передъ нимъ первые неожиданные просвѣты ко всему фантастическому, надмірному и потустороннему.

Вырабатывая свой *реализмъ въ высшемъ смыслѣ*, какъ опредѣлялъ самъ Достоевскій сущность своей художественной манеры, онъ постоянно стремился растворить всѣ осязаемыя явленія видимаго міра въ патологической призрачности галлюцинацій или кошмаровъ. Этимъ пріемомъ онъ одновременно открывалъ выходъ своимъ стремленіямъ къ ирраціональному и оставлялъ неприкосновенной формулу реализма. Сводя всѣ загадочныя явленія своихъ романовъ къ разстроеннымъ функціямъ больного или разгоряченнаго мозга своихъ героевъ, этотъ вѣчный духовидецъ неизмѣнно оставался въ границахъ дѣйствительнаго, понятнаго и реалистически-допустимаго.

Вотъ почему, вопреки установившейся въ критикѣ тенденціи, со временъ Бѣлинскаго отрицавшей за Достоевскимъ свойства художника-реалиста, самъ онъ не переставалъ горячо отстаивать свои права на это званіе, видѣлъ въ немъ лестную и желательную оцѣнку для художника слова, открыто заявлялъ о своей приверженности къ этому крылу современнаго романа и постоянно исходилъ въ своихъ самоопредѣленіяхъ изъ понятія реализма.

И конечно, преимущество правильной оцѣнки въ этомъ вопросѣ на сторонѣ Достоевскаго противъ большинства его критиковъ. Несмотря на его вѣчную тягу къ фантастикѣ и на обильные мистическіе элементы, развѣтвившіеся болѣзненными жилками по всему тѣлу его творчества, несмотря на всѣ видѣнія, гаданія и пророчества, способныя, повидимому, отравить насквозь прозрачное и цѣльное ядро традиціоннаго реализма, — Достоевскій остается по основнымъ методамъ своей писательской техники, по напряженному интересу къ текущей дѣйствительности, наконецъ, по глубинѣ всѣхъ своихъ отраженій міра и духа — однимъ изъ самыхъ точныхъ и полныхъ изобразителей жизни.

Три обстоятельства создаютъ Достоевскаго-реалиста: громадный жизненный опытъ, отраженный полностью на его художественныхъ страницахъ; острѣйшій интересъ къ текущей современности, пробудившій въ немъ журналиста; и, наконецъ, пріемы его подготовительной работы, во многомъ напоминающіе точные методы создателей экспериментальнаго романа.

II.

Жизненный опытъ Достоевскаго поражаетъ своей полнотой. Онъ одинъ испыталъ на своей судьбѣ то, что изрѣдка и частично выпадало на долю отдѣльныхъ лицъ. Эпилепсія Руссо и Флобера, изгнаніе Овидія и Данте, тюрьма Сервантеса, эшафотъ Андре Шенье и Сильвіо Пеллико—все это входитъ въ составъ его личной судьбы и роднитъ его съ величайшими страдальцами въ исторіи человѣческаго слова.

Онъ узналъ жизнь въ ея самыхъ скрытыхъ, печальныхъ и неожиданныхъ проявленіяхъ. Силою обстоятельствъ онъ дѣйствительно шелъ всюду—

Въ тюрьму и къ мѣсту казни,
Въ суды, въ больницы,—

и шелъ не какъ наблюдатель, не какъ изслѣдующій нравы бытописатель-психологъ, или коллекціонеръ сильныхъ ощущеній для своихъ будущихъ писаній, но какъ осужденный, какъ приговоренный къ разстрѣлу, какъ измученный припадками эпилептикъ, ищущій праздничнаго отдыха въ каторжномъ госпиталѣ. Кажется, нѣтъ въ исторіи всемірной литературы писателя, который съ бо́льшимъ правомъ могъ бы сказать, что ни одна сторона жизни не осталась ему чуждой.

Весь этотъ богатѣйшій жизненный опытъ послужилъ Достоевскому матеріаломъ для его писаній. Онъ цѣликомъ вложилъ себя въ свои романы. По его собственнымъ признаніямъ и свидѣтельству близкихъ лицъ мы знаемъ, что онъ былъ такимъ же безнадежнымъ искателемъ божественной правды въ земной скверне̂, такимъ же страстнымъ, грѣшнымъ, больнымъ, кающимся, бунтующимъ и проклинающимъ, какъ и большинство его героевъ. Онъ одинаково сообщилъ имъ свою душу тоскующаго христіанина и свой непобѣдимый инстинктъ язычника.

Лучшій источникъ для біографіи Достоевскаго—его романы. Онъ весь въ исторіи своихъ героевъ. Эпилептикъ, приговоренный къ смерти, каторжникъ, солдатъ, игрокъ, невольный скиталецъ по Европѣ, онъ продѣлалъ и пережилъ своимъ собственнымъ тѣломъ, не говоря уже о духѣ, все, что приписалъ впослѣдствіи своимъ героямъ. Ужасъ Мышкина передъ смертной казнью, эпилепсію цѣлой плеяды созданныхъ имъ лицъ, солдатчину Ставрогина, каторгу Раскольникова, скитанія Версилова по Европѣ,

волненія за игорнымъ столомъ его Игрока и Подростка—все это только моменты изъ біографіи самого Достоевскаго. Въ самомъ необычномъ онъ говоритъ о лично испытанномъ. Даже всегда привлекавшая его психологія преступника была пережита имъ,—правда, въ болѣзненно иллюзорномъ состояніи: послѣ припадковъ эпилепсіи, по свидѣтельству близкихъ лицъ, Достоевскій чувствовалъ себя преступникомъ.

Величайшій психологъ мученичества, онъ въ собственной жизни нашелъ обильный матеріалъ для этой главной темы всѣхъ своихъ писаній. Родившись въ больницѣ для бѣдныхъ, гдѣ онъ провелъ все свое дѣтство, и десять лѣтъ проживъ въ Сибири, онъ ближе всѣхъ подошелъ къ мѣстамъ высшей сосредоточенности человѣческаго страданія, онъ глубже всѣхъ заглянулъ въ тотъ міръ болѣзней и преступленія, гдѣ смерть—физическая или духовная — безпрестанно трубитъ свою побѣду надъ медициной и уголовнымъ правомъ.

Испытанія его послѣдующей жизни не переставали расширять богатый личный опытъ его молодости. Ему не нужно сочинять картину смерти чахоточной Екатерины Ивановны въ „Преступленіи и Наказаніи", — его мать и первая жена умираютъ отъ чахотки. Ему не приходится представлять себѣ горе отца, теряющаго ребенка, и фантазировать при описаніи смерти Илюшечки или воскрешенія мертвой дѣвочки въ „Легендѣ". Были минуты, когда онъ готовъ былъ принять крестную муку, чтобъ вернуть къ жизни свою умершую дочь.

И конечно, никто не имѣлъ бóльшаго права, чѣмъ онъ, запугивать начинающихъ писателей тѣмъ безжалостнымъ требованіемъ личныхъ мукъ для творчества, которымъ Достоевскій любилъ напутствовать литературныхъ новичковъ. „Чтобъ хорошо писать,—страдать надо, страдать!" говоритъ онъ юношѣ Мережковскому.—„Надо, чтобъ жизнь помяла, чтобъ она, а не книжка умная диктовала",—наставляетъ онъ другого дебютанта.

Но не въ одной только сферѣ ужаса человѣческаго существованія былъ силенъ его опытъ. Судьба безконечно расширяла его. Онъ исколесилъ тысячеверстныя пространства отъ Омска и Семипалатинска до Копенгагена и Рима, посѣщая по пути европейскіе митинги, курзалы, выставки, музеи и оставляя въ своихъ текущихъ романахъ явные слѣды своихъ дорожныхъ впечатлѣній. Наконецъ, вѣчные долги и нужда заставляли его обращаться къ литературно-коммерческой и чисто-журнальной дѣятельности—къ переводамъ, издательству, текущей публицистикѣ, редакторской работѣ.

Какой богатый житейскій матеріалъ накоплялся въ его художественной памяти! Ему не нужно фантазировать, чтобъ описывать минуты высшаго блаженства: „священная болѣзнь" раскрыла ему послѣднюю степень душевнаго просвѣтлѣнія. Ему ненужно, какъ Гюго, представлять себѣ величайшій ужасъ человѣческаго сознанія—послѣдній день приговореннаго къ смерти: воспоминаніе о пребываніи на Семеновскомъ плацу 22 декабря 1849 г. неизгладимо.

Неудивительно, что, пройдя этотъ полный циклъ человѣческихъ переживаній, онъ совѣтуетъ одной начинающей писательницѣ: „Запомните мой совѣтъ: никогда не выдумывайте ни фабулъ, ни интригъ. Берите то, что даетъ сама жизнь. Жизнь куда богаче всѣхъ нашихъ выдумокъ. Никакое воображеніе не придумаетъ вамъ того, что даетъ иногда самая обыкновенная, заурядная жизнь..."

И къ этой обыкновенной, заурядной сторонѣ существованія онъ обращался съ такимъ же любопытствомъ, какъ и къ самымъ исключительнымъ его проявленіямъ. Даже подробности его повседневной жизни служили ему творческимъ матеріаломъ. Онъ охотно вносилъ въ свои созданія всякую мелочь своего личнаго существованія, все до своихъ костюмовъ, дѣловыхъ плановъ, случайныхъ встрѣчъ и разговоровъ.

Переводы и книгоиздательскіе планы Разумихина, это дѣловые проекты начинающаго Достоевскаго. Внѣшность князя Мышкина — его собственный портретъ въ молодости. Въ средѣ его героевъ мы находимъ личныхъ его друзей, знакомыхъ или извѣстныхъ современниковъ. Бѣлинскій, Грановскій, Чаадаевъ, Тургеневъ, Нечаевъ, Спасовичъ, оптинскій старецъ Амвросій, — всѣ эти современники примѣшаны, съ большей или меньшей степенью преображенія, къ средѣ его вымышленныхъ героевъ.

Даже мелочи здѣсь часто автобіографичны. Циммермановскій цилиндръ Раскольникова — это головной уборъ Достоевскаго въ ту эпоху; деревня Чермашня въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" — собственное имѣніе Достоевскихъ, мѣсто дуэли Ставрогина съ Гагановымъ „Брыково"—названо именемъ дикой рощи, примыкавшей къ деревнѣ Достоевскихъ. Заглавіе „Неточки Незвановой" подсказано ему однимъ пріятелемъ, влюбленнымъ въ дѣвушку, носящую это имя; педагогъ-французъ въ „Подросткѣ" Тушаръ названъ слегка лишь измѣненной фамиліей французскаго учителя Достоевскихъ Сушара, а случай игрока на пріемѣ въ Парижѣ у посла, которому онъ грозитъ плюнуть въ кофе, произошелъ съ самимъ Достоевскимъ.

Даже такія сумасшедшія нищенки гофманскаго типа, какъ Лизавета Смердящая, а вслѣдъ за ней и другія дурочки его романовъ — Лебядкина или Лизавета Ивановна — существовали въ дѣйствительности и были списаны имъ съ дурочки Аграфены, жившей въ Чермашнѣ Достоевскихъ; по крайней мѣрѣ, какъ Лебядкина, она постоянно вспоминала о своемъ похороненномъ ребенкѣ.

Вся жизнь писателя, всѣ послѣдовательные періоды его существованія отмѣчены въ его романахъ. Его дѣтство и школьные годы проходятъ передъ нами въ „Подросткѣ“, его юность въ „Хозяйкѣ“ и „Бѣлыхъ ночахъ“; его первые литературные шаги въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“, воспоминаніе о связи съ петрашевцами въ „Бѣсахъ“, его казнь и болѣзнь въ „Идіотѣ“, его каторга въ „Мертвомъ домѣ“ и „Преступленіи и Наказаніи“, его странствованія по Европѣ въ „Игрокѣ“ и „Подросткѣ“.

Во всемъ огромномъ циклѣ его романовъ и повѣстей нѣтъ ни одного созданія, вполнѣ свободнаго отъ автобіографическихъ чертъ. Всѣ впечатлѣнія и испытанія своего жизненнаго пути онъ неизмѣнно переносилъ въ міръ своихъ героевъ. Не потому ли онъ такъ любилъ гетевскаго Торквато Тассо, что могъ примѣнить къ себѣ слова этого измученнаго, полубезумнаго, но торжествующаго поэта:

И если человѣкъ нѣмѣетъ отъ скорбей,
Я вдохновленъ Творцомъ сказать, какъ я страдаю!

III.

Но помимо личнаго опыта, сообщившаго ему такой богатый матеріалъ для его творчества, Достоевскій не переставалъ слѣдить за разворачивающимися передъ нимъ событіями современной исторіи. Это обратило его перо къ политической публицистикѣ и неожиданно открыло въ его творчество новый притокъ свѣжихъ жизненныхъ впечатлѣній. Журнализмъ оказался для него прекрасной прелюдіей къ творчеству и остался до конца одной изъ главныхъ подготовительныхъ стадій къ его художественной работѣ.

„Дневникъ писателя“ — лабораторія романовъ Достоевскаго. По его собственному признанію, онъ писалъ его не столько для читателей, сколько для самого себя. Погруженіе въ газетныя темы текущаго дня сообщало ему необходимое соприкосновеніе съ внутренними токами современности. Въ своихъ трехъ послѣднихъ

романахъ онъ говоритъ устами своихъ героевъ о необходимости собирать изъ газетъ и журналовъ характерные факты, чтобъ отвѣтить на главный и вѣчный вопросъ: „куда это все стремится и что съ нами самими, наконецъ, будетъ?“ Въ „Бѣсахъ“ Лиза Дроздова намѣчаетъ проектъ изданія спеціальной книги, синтезирующей современность изъ происшествій внутренней жизни Россіи; въ „Подросткѣ“ Катерина Николаевна читаетъ по нѣскольку газетъ въ день и собираетъ для сравненія и выводовъ цифровыя данныя о школахъ и уголовныхъ дѣлахъ. И, наконецъ, Иванъ Карамазовъ уже прямо принимается за собираніе „фактиковъ и анекдотиковъ“ для своей разгоряченной устной публицистики, какъ бы исполняя подготовительную работу къ „Дневнику писателя“. Изъ религіозно-философскихъ диспутовъ героевъ Достоевскаго острыми углами прорываются его газетныя вырѣзки.

Оправдываясь отъ обращенныхъ къ нему упрековъ въ размѣниваніи своего таланта на мелочь публицистической работы, Достоевскій въ своей перепискѣ опредѣленно говоритъ о „Дневникѣ“, какъ о подготовительной работѣ къ художественному творчеству. „Я вывелъ неотразимое заключеніе, что писатель художественный долженъ знать до мельчайшей точности историческую и текущую изображаемую дѣйствительность. Вотъ почему,—продолжаетъ онъ,—готовясь написать одинъ очень большой романъ, я и задумалъ погрузиться спеціально въ изученіе... подробностей текущаго“.

Но уже задолго до изданія „Дневника“ онъ признаетъ своимъ писательскимъ долгомъ постоянно держать руку на пульсѣ современности. Въ выборѣ темъ для своихъ произведеній онъ съ чисто публицистической отзывчивостью считается съ злободневнымъ интересомъ намѣченнаго сюжета. Ему кажется, что даже въ „Игрокѣ“ отразится „современная минута нашей внутренней жизни“. Даже для своихъ большихъ романовъ онъ не отступаетъ отъ этого основного условія злободневности.

„Романъ мой называется *Пьяненькіе,*—сообщаетъ онъ своему издателю Краевскому,—и будетъ въ связи съ теперешнимъ вопросомъ о пьянствѣ. Разбирается не только вопросъ, но представляются и всѣ его развѣтвленія, преимущественно картины семействъ, воспитаніе дѣтей въ этой обстановкѣ и пр.“

Какъ это часто случалось съ первоначальными замыслами Достоевскаго, этотъ планъ былъ осуществленъ только частично, и разработка его вошла эпизодомъ въ романъ на другую тему. Но изъ приведеннаго письма видно, что „Преступленіе и наказаніе“ не только въ исторіи Раскольникова, но и въ изображеніи

семейства Мармеладовыхъ стремится запечатлѣть острые углы современности.

Тема „Подростка" привлекаетъ его той же близостью къ очереднымъ вопросамъ русской жизни. Вырожденіе старинныхъ родовыхъ семей въ безпорядочный типъ „случайныхъ семействъ" кажется ему знаменательнымъ явленіемъ эпохи.

Даже на вѣнцѣ философскаго творчества Достоевскаго — на „Братьяхъ Карамазовыхъ" сказалась та же озабоченность о близости затронутыхъ вопросовъ къ текущей минутѣ. Еще обдумывая первые замыслы своего послѣдняго романа, онъ чувствуетъ необходимость писать его подъ непосредственными впечатлѣніями русской жизни и даже лично участвуя въ ней въ качествѣ истолкователя ея событій. „Писать его здѣсь не могу, — сообщаетъ онъ изъ Италіи о задуманномъ романѣ,—для этого мнѣ нужно быть въ Россіи непремѣнно, видѣть, слышать и въ русской жизни участвовать непосредственно".

И „подробности текущаго" дѣйствительно вошли сырыми кусками въ его послѣдній романъ. Случай съ русскимъ солдатомъ, замученнымъ въ Азіи, вызывающій первую философскую исповѣдь Смердякова, злободневные процессы, эпизоды изъ болгарской войны и прочіе примѣры, уснащающіе рѣчи Ивана Карамазова,—все это текущій газетный матеріалъ, уже использованный Достоевскимъ въ его публицистикѣ. Какъ всегда, онъ вкладываетъ въ уста своихъ героевъ собственные отклики на событія дѣйствительности.

IV.

Но, можетъ быть, сильнѣе всего это стремленіе насквозь пропитать жизнью свой замыселъ сказалось на томъ романѣ Достоевскаго, который подвергался самымъ горячимъ обвиненіямъ въ фантастичности, неправдоподобіи и безудержномъ разгулѣ вымысловъ. Въ „Бѣсахъ" увидѣли лучшее доказательство реально-невозможной разработки характеровъ у Достоевскаго и безпрерывную горячку больного воображенія, обильно уснащающаго подлинную дѣйствительность галлюцинаціями и бредовыми кошмарами.

А между тѣмъ именно въ этотъ романъ, порожденный громкимъ политическимъ процессомъ и уходящій своими корнями въ текущую публицистику, человѣческіе документы и матеріалы дѣйствительности вошли самымъ широкимъ образомъ, часто даже въ сыромъ и необработанномъ видѣ.

Это прежде всего относится къ главному узлу фабулы. По-

литическіе проекты и преступленіе Нечаева воспроизводятся почти безъ измѣненій въ „Бѣсахъ". Страстные монологи Петра Верховенскаго точнѣйшимъ образомъ воспроизводятъ планы и замыслы его прототипа Нечаева. Въ обстоятельной рѣчи Спасовича передъ петербургской палатой вырисовываются тѣ дѣйствительныя фантасмагоріи и сказочныя утопіи революціонныхъ плановъ Нечаева, которые показались невѣроятнымъ вымысломъ въ изложеніи Петра Верховенскаго.

Главныя дѣйствія Нечаева клонились, по опредѣленію Спасовича, къ тому, „чтобы произвести страшный переворотъ въ Россійской имперіи, поставить верхъ дномъ все существующее, точно метлой вымести всѣ высшіе классы и заварить такую кашу не только россійскую, но даже европейскую, какъ сказано въ одномъ изъ писемъ Нечаева, которую и черезъ 50 лѣтъ „не расхлебали бы наши потомки".

По способамъ осуществленія этого плана Нечаевъ, по словамъ Спасовича, напоминалъ сказочнаго героя: „онъ возъимѣлъ мысль геніальную, онъ задумалъ—живой человѣкъ—создать самому для себя легенду, сдѣлаться мученикомъ и прослыть таковымъ на всю землю русскую"... Далѣе судебный ораторъ характеризуетъ Нечаева такъ: „этотъ страшный роковой человѣкъ всюду, гдѣ онъ ни останавливался, приносилъ заразу, смерть, аресты, уничтоженіе... Мнѣ кажется, Нечаевъ совершенно походитъ на сказочное олицетвореніе моровой язвы"...

Достоевскій ничего не прибавилъ для усиленія фантастичности и широкаго размаха плановъ этого революціонера. Онъ только понизилъ эффектность этой фигуры, сообщивъ ей нѣсколько комическихъ черточекъ. Но по части эксцентричности замысловъ и легендарной грандіозности своихъ анархическихъ предначертаній Нечаевъ могъ бы еще поспорить съ Верховенскимъ. Дѣйствительность здѣсь поистинѣ оказалась богаче и изобрѣтательнѣе самаго фантастическаго изъ романистовъ.

И неудивительно, что онъ рѣшился воспользоваться для своего романа даже деталями изъ композиціи этой великой выдумщицы. Цѣлый рядъ подробностей въ образѣ главнаго героя совпадаетъ съ дѣйствительностью. Нечаевъ, какъ Верховенскій у Достоевскаго, разсказываетъ о своихъ заграничныхъ встрѣчахъ съ Герценомъ и распространяетъ стихотвореніе „Студентъ", будто бы принадлежащее перу Огарева (въ романѣ—Герцену), онъ создаетъ легенды о мистической сѣти всемірнаго революціоннаго общества и путемъ своихъ вдохновенныхъ экстазовъ и грубой лжи организуетъ ячейки этого quasi-всемірнаго союза.

Въ значительной степени и Шатовъ списанъ съ героя знаменитаго политическаго процесса. Жертва нечаевскаго заговора, Ивановъ, крестьянинъ, учившійся въ страшной бѣдности, намѣчаетъ обликъ кающагося революціонера изъ „Бѣсовъ“.

Даже мѣсто убійства Шатова списано съ дѣйствительности: Ивановъ былъ убитъ въ паркѣ Петровско-Разумовской Академіи, около стараго грота, у озера. Всякій читатель Достоевскаго, видѣвшій это мѣсто, былъ несомнѣнно пораженъ его сходствомъ съ уголкомъ скворешниковскаго парка, описаннаго въ 3-ей части „Бѣсовъ“.

Наконецъ, въ романѣ Достоевскаго есть нѣсколько литературныхъ отрывковъ, стоящихъ на границѣ юмористической пародіи и простой копіи. Во всякомъ случаѣ, внося ихъ въ свой романъ, Достоевскій не выдумывалъ ихъ содержанія и только приспособлялъ къ своему разсказу подлинные матеріалы дѣйствительности.

Сюда относится прежде всего то стихотвореніе „Студентъ“, распространенное Нечаевымъ подъ видомъ огаревскаго опыта, которое въ романѣ называется „Свѣтлая личность“ и приписывается Герцену. Насколько оно близко по размѣру и содержанію къ своему прототипу, можно судить по приводимымъ Спасовичемъ строкамъ:

Но весь вѣкъ нелицемѣренъ,
Онъ борьбѣ остался вѣренъ.

Это почти буквально отрывокъ изъ стихотворенія Верховенскаго.

Такъ же списана съ дѣйствительнаго оригинала поэма Степана Трофимовича Верховенскаго. Это не вымыселъ и не пародія, а очень близкій пересказъ юношеской поэмы В. С. Печорина „Торжество смерти“, написанной имъ въ 1834 г. и впослѣдствіи напечатанной въ сборникѣ русскихъ запрещенныхъ стихотвореній, изданныхъ Огаревымъ.

Достоевскій не только довольно точно передаетъ содержаніе этой драматической поэмы (не безъ иронической усмѣшки, впрочемъ),—но и даетъ ей правильную оцѣнку. По его словамъ, юношеская поэма Степана Трофимовича „не безъ поэзіи и даже не безъ нѣкотораго таланта, странная, но тогда, т.-е. вѣрнѣе, въ тридцатыхъ годахъ, въ этомъ родѣ часто пописывали... Это какая-то аллегорія въ лирико-драматической формѣ, напоминающая вторую часть „Фауста“.

Главные моменты поэмы изложены съ большой точностью. „Хоры какихъ-то силъ“, „хоръ душъ еще не жившихъ“, поющіе

о чемъ-то очень неопредѣленномъ, большею частью о чьемъ-то проклятіи"—этими обозначеніями Достоевскій передаетъ дѣйствительные моменты поэмы Печорина. Въ ней имѣются хоры духовъ, хоръ сердецъ, „облитыхъ кровью и пронзенныхъ кинжалами", хоръ погасшихъ факеловъ и померкшихъ звѣздъ. Всѣ они дѣйствительно поютъ о чьемъ-то проклятіи съ троекратнымъ заключительнымъ восклицаніемъ: „О, святая Немезида, да отмстится намъ обида!" или же: „Анаѳема! Анаѳема! Анаѳема!" По разсказу Достоевскаго „затѣмъ вдругъ въѣзжаетъ неописанной красоты юноша на черномъ конѣ, и за нимъ слѣдуетъ ужасное множество всѣхъ народовъ. Юноша изображаетъ смерть, а всѣ народы ее жаждутъ". По ремаркамъ поэмы Печорина, „является Смерть—прекрасный юноша, на бѣломъ конѣ... являются всѣ народы, прошедшіе, настоящіе и будущіе... юные народы тѣснятся около Смерти, обнимаютъ ея колѣна, цѣлуютъ ея серебряные шпоры" и т. д. Уже по этимъ выпискамъ видно, что многіе, казалось бы, юмористически утрированные штрихи въ пересказѣ Достоевскаго не только не повышаютъ, но часто даже ослабляютъ гиперболическій тонъ подлинника [1].

Наконецъ, и пародія на литературную манеру Тургенева въ знаменитомъ „Merci" Кармазинова, при всемъ своемъ ироническомъ тонѣ, передаетъ дѣйствительныя черты и особенности импрессіонистскихъ этюдовъ его послѣдняго періода. Уже по замѣчанію современной критики, здѣсь отразились „Призраки", гдѣ дѣйствительно имѣются и Цезарь (у Кармазинова—Анкъ Марцій), и Волга, и звуки музыки, и Римъ, и лавры; но еще сильнѣе даетъ себя знать „Довольно", въ которомъ авторъ прощается со своими соотечественниками и своей литературной дѣятельностью заключительнымъ троекратнымъ „довольно!"—вполнѣ аналогичнымъ Кармазиновскому „Merci, merci et merci".

Такимъ образомъ, романъ Достоевскаго, наиболѣе заподозрѣнный въ правильномъ изображеніи дѣйствительности, на всемъ своемъ протяженіи питается человѣческими документами и данными текущей исторіи.

V.

И наконецъ, по методу своей писательской работы, по источникамъ своего творчества, по пріемамъ собиранія матеріаловъ

---

[1]) *Е. Бобровъ.* Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в., т. IV, стр. 56. Поэма приведена у *М. Гершензона,* Жизнь В. С. Печорина, стр. 73—90.

и непосредственному изученію изображаемой дѣйствительности, Достоевскій оправдываетъ всѣ свои притязанія на званіе реалиста. Онъ даже часто не уступаетъ школѣ французскихъ натуралистовъ по тщательной разработкѣ человѣческихъ документовъ, изслѣдованію цѣлыхъ библіотекъ, собиранію газетныхъ вырѣзокъ и терпѣливому изученію спеціальныхъ монографій.

Въ своей творческой лабораторіи онъ широко пользуется всевозможными печатными и писанными матеріалами. Уже въ первый періодъ своей писательской дѣятельности онъ собираетъ у своихъ друзей-медиковъ необходимыя ему свѣдѣнія о болѣзняхъ мозга и нервной системы, о строеніи черепа и душевныхъ заболѣваніяхъ. Онъ пользуется ихъ научными книгами и готовъ цѣлыми вечерами бесѣдовать съ ними объ анатоміи мозга и физіологіи нервовъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитанной книги Галля о черепномъ строеніи. Приступая къ „Бѣсамъ", онъ спеціально изучаетъ жизнь Грановскаго по книжкѣ Станкевича. Собираясь выставить въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" дѣтскую среду, онъ обращается къ одному изъ незнакомыхъ своихъ корреспондентовъ, повидимому, учителю, съ просьбой сообщить ему побольше свѣдѣній о дѣтяхъ: „случаи, привычки, отвѣты, слова и словечки, черты семейственности, вѣра, злодѣйство и невинность, природа и учитель, латинскій языкъ и пр. и проч." Все это представляетъ для него крупнѣйшій интересъ и вызываетъ „жадное ожиданіе".

Но онъ никогда не ограничивался этими документальными данными и постоянно стремился войти въ непосредственное соприкосновеніе съ изображаемымъ людомъ и бытомъ. Уже въ началѣ своей дѣятельности, словно стремясь опровергнуть первыя заявленія критики о его апріорномъ угадываніи дѣйствительности, онъ старается списывать съ натуры столичныхъ „бѣдныхъ людей". Съ этой цѣлью онъ пользуется паціентами своего сожителя, врача для бѣдныхъ Ризенкампфа, радуясь возможности „познакомиться ближе съ пролетаріатомъ столицы". Онъ по цѣлымъ днямъ принимаетъ у себя какого-то бѣднаго нѣмца, брата фортепіаннаго мастера, выслушивая его разсказы о петербургской бѣднотѣ и накопляя матеріалъ для „Неточки Незвановой".

Потребность въ расширеніи и обогащеніи своихъ впечатлѣній мучитъ его передъ разработкой каждаго новаго замысла. Эта страсть къ непосредственному изученію жизни въ немъ такъ сильна, что если бы не женитьба, онъ охотно пошелъ бы даже въ долговое отдѣленіе, чтобы собрать новые матеріалы въ этомъ второмъ Мертвомъ Домѣ.

Онъ сохраняетъ до конца эту потребность добыванія чело-

вѣческихъ документовъ и безпрерывнаго расширенія непосредственныхъ впечатлѣній. Приготовляясь къ „Карамазовымъ", онъ отправляется въ Оптину пустынь, чтобъ освѣжить свои впечатлѣнія о жизни монаховъ и подробно изучить монастырскіе уставы, обычаи и преданія. И по его роману видно, что онъ знаетъ всѣ тонкости служебныхъ обрядовъ и безошибочно можетъ опредѣлить, когда, гдѣ и какіе стихири поются надъ усопшими схимонахами и чѣмъ они отличаются отъ канонов, предназначенныхъ для отпѣванія іеросхимонаховъ.

Помимо непосредственныхъ впечатлѣній, ему помогли здѣсь и писанные матеріалы. При изображеніи монастыря въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" Достоевскій использовалъ богатѣйшій бытовой матеріалъ одной рѣдкой и забытой книги, которой онъ особенно увлекался въ эпоху своихъ путешествій. Это „Странствія инока Парѳенія" [1].

„Русскій инокъ" Достоевскаго обязанъ ей многимъ. Достоевскій нашелъ здѣсь и драгоцѣнныя черты быта, и живые образы „старцевъ", и страницы мистическихъ разсужденій, во многомъ близкія и родственныя писаніямъ Зосимы.

Первыя сцены въ монастырѣ, появленіе отца Зосимы въ келіи, глубокіе поклоны іеромонаховъ и посѣтителей, обрядъ благословенія, пріемъ женщинъ и успокоительныя бесѣды съ ними—все это многократно разсказывается въ житіяхъ старцевъ изъ книги Парѳенія.

Особенный моментъ въ житіяхъ—это смерть старцевъ. Съ исключительнымъ благоговѣніемъ изображаютъ обыкновенно авторы послѣднія минуты великихъ духовниковъ, ихъ предсмертныя поученія, скорбь осиротѣвшей братіи и проч. Таково напутственное слово умирающаго старца Леонида передъ горько рыдающей братіей; таковы же обстоятельства „кончины и погребенія іеросхимонаха Павла въ русскомъ монастырѣ" или „плачъ на гробѣ старца Арсенія". Во всемъ этомъ чувствуются образцы монастырскихъ сценъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ"—описанія послѣднихъ минутъ старца Зосимы, горести его братіи и плача Алеши Карамазова на могилѣ монастырскаго подвижника.

Особенное вниманіе обратилъ Достоевскій на описанный Парѳеніемъ аѳонскій обычай откапывать кости умершихъ черезъ три года послѣ смерти. „Которыхъ кости обрѣтаются желтыя и

[1] Полное заглавіе книги: „Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и святой землѣ постриженника святыя горы аѳонскія инока Парѳенія. М. 1856 (2-ое изд.).

свѣтлыя, яко восковыя или елейныя, противнаго запаха не испускающія, а иногда и благоуханныя, тѣ признаются за людей богоугодныхъ: сіи кости тлѣнію не предаются... Кости черныя, овыя же и смердящія признаются за кости людей грѣшныхъ".

Этими свѣдѣніями Достоевскій воспользовался для главы „Тлетворный духъ". Во время замѣшательства братіи и мірскихъ на отпѣваніи тѣла старца Зосимы, любимецъ покойнаго, іеромонахъ Іосифъ, указываетъ, что на Аѳонѣ „не тлѣніе тѣлесное считается главнымъ признакомъ прославленія спасенныхъ, а цвѣтъ костей ихъ, когда тѣлеса ихъ полежатъ уже многіе годы въ землѣ и даже истлѣютъ въ ней, и если обрящутся кости желты, какъ воскъ, то вотъ и главнѣйшій знакъ, что прославилъ Господь усопшаго праведнаго; если же не желты, а черны обрящутся, то значитъ не удостоилъ такого Господь славы".

Наконецъ, внѣшняя форма разсказа этой части „Братьевъ Карамазовыхъ" построена по образцу книги инока Парѳенія. Въ этомъ отношеніи „Житіе въ Бозѣ преставившагося іеросхимонаха старца Зосимы" родственно помѣщенному въ книгѣ Парѳенія „Сказанію о почившемъ въ Бозѣ старцѣ Даніилѣ". Оба старца до постриженія были на военной службѣ, оба подверглись суду — товарищескому или военно-уголовному — оба изъ полка идутъ въ монастырь.

Такимъ образомъ и для „Братьевъ Карамазовыхъ" Достоевскій, помимо непосредственныхъ наблюденій Оптиной пустыни, широко пользовался книжными матеріалами. Требовательный къ себѣ художникъ, онъ не опускалъ ни единаго способа изучить съ новой стороны интересующій его фрагментъ жизни.

VI.

Словами Теофиля Готье Достоевскій могъ сказать о себѣ: „Я принадлежу къ тѣмъ, для кого существуетъ внѣшній міръ". Вниманіе къ вещи и любовный интересъ къ матеріальнымъ мелочамъ существованія сказывается во всей его художественной манерѣ, отражая одну изъ чертъ его личнаго характера.

Это влеченіе къ вещественнымъ реликвіямъ культуры слишкомъ рѣшительно сказывалось въ жизни Достоевскаго, чтобъ пройти безслѣдно для его творчества. Даже въ Семипалатинскѣ, несмотря на военную службу и тяжелыя матеріальныя условія, онъ собираетъ цѣлую коллекцію древнихъ чудскихъ вещей — кольца, монеты, серебряныя и мѣдныя, браслеты, серьги, бусы,

изломанныя копья и разныя мелкія вещицы изъ серебра, мѣди, желѣза и камня. Уѣзжая изъ Азіи, онъ оставляетъ своимъ друзьямъ цѣлый этнографическій музей и забираетъ съ собой въ Россію для подарковъ различныя издѣлія въ родѣ четокъ, запонокъ и пуговицъ изъ тридцати восьми разныхъ горныхъ породъ.

И возвращаясь изъ Сибири на мѣсто своего новаго жительства, онъ дѣлаетъ затруднительный крюкъ по пути, чтобъ снова полюбоваться богатствами Троицко-Сергіевской лавры. „Что за архитектура!—пишетъ онъ въ своихъ письмахъ—какіе памятники, византійскія залы, церкви. Ризница привела насъ въ изумленіе. Въ ризницѣ жемчугъ великолѣпнѣйшій, мѣряютъ четвериками, изумруды въ треть вершка, алмазы по полумилліону штука. Одежды нѣсколькихъ вѣковъ, работы собственноручныя русскихъ царицъ и царевенъ, домашнія одежды Ивана Грознаго, монеты, старыя книги, всевозможныя рѣдкости—не вышелъ бы оттуда“... Ни Мертвый домъ, ни сибирскія казармы не могли погасить въ немъ эту артистическую потребность любоваться игрой и блескомъ богатыхъ тканей и драгоцѣнныхъ камней.

Изображеніе внѣшняго міра представляетъ богатѣйшій отдѣлъ въ творчествѣ Достоевскаго. Его психологическіе эксперименты могли отодвинуть на второй планъ, но не уничтожили въ немъ этой исконной любви къ вещи. Она неизмѣнно сказывается па всемъ протяженіи его творчества и въ послѣднемъ періодѣ находитъ свою обстоятельную формулировку. На одной страницѣ „Дневника писателя“, раскрывающей полностью сущность реализма Достоевскаго, особенно чувствуется это свойство его живописи.

По поводу случайно полученнаго письма Достоевскій предлагаетъ современнымъ живописцамъ тему для „жанра“: ночь у еврейки родильницы. Предлагаемая имъ разработка сюжета раскрываетъ всѣ особенности его художественной манеры.

Прежде всего его привлекаетъ идейность замысла, „нравственный центръ“ картины. Затѣмъ пластическая роскошь сюжета, въ смыслѣ обилія характернѣйшихъ чертъ и штриховъ бытовой обстановки; наконецъ, юморъ въ его высшемъ смыслѣ, какъ „отраженіе глубокаго чувства“.

Онъ предлагаетъ художнику изобразить всю невозможную нищету бѣдной еврейской хаты и „оцарапать сердце“ зрителю забавной перетасовкой нищихъ предметовъ и домашней утвари. Онъ особенно отмѣчаетъ сумрачный колоритъ картины: „Освѣщеніе можно бы сдѣлать интересное: на кривомъ столѣ догораетъ

оплывшая сальная свѣчка, а сквозь единственное заиндевѣвшее и обледенѣлое оконце уже брезжитъ разсвѣтъ новаго дня, новаго труднаго дня для бѣдныхъ людей... Вотъ усталый старичокъ, на мигъ оставивъ мать, берется за ребенка. Принять не во что, пеленокъ нѣтъ, ни тряпки нѣтъ (бываетъ такая бѣдность, господа, клянусь вамъ, бываетъ, *чистѣйшій реализмъ — реализмъ, такъ сказать, доходящій до фантастическаго*), и вотъ праведный старичокъ снялъ свой старенькій вицъ-мундирчикъ, снялъ съ плечъ рубашку и разрываетъ ее на пеленки".

Обнаженный торсъ стараго врача, лицо молодой измученной родильницы, копошащееся тѣльце новорожденнаго, фигура старухи въ лохмотьяхъ и спящихъ дѣтей — все это намѣчается Достоевскимъ съ исключительнымъ художественнымъ вниманіемъ къ мелочамъ житейской картины. Онъ отмѣчаетъ въ заключеніе, что „аксессуаръ могъ бы выйти хорошій. Даже тридцать копѣекъ мѣдью на столѣ, отсчитанныя докторомъ на супъ родильницѣ, могли бы составить деталь: мѣдный столбикъ трехкопѣечниковъ, методически сложенныхъ, отнюдь не разбросанныхъ. Даже перламутръ могъ бы быть написанъ какъ и въ картинѣ Семирадскаго, въ которой удивительно написанъ кусокъ перламутра".

Проектомъ этой картины Достоевскій вводитъ насъ въ лабораторію своей словесной живописи; и для него „нравственный центръ" или, какъ онъ говорилъ иногда, *идея*, составлялъ предметъ главной озабоченности. Рембрандтовское освѣщеніе разсказаннаго жанра изумительно соотвѣтствуетъ характеру описаній самого Достоевскаго. Въ своихъ пейзажахъ, портретахъ и жанрахъ онъ меньше всего колористъ. Онъ всегда оперируетъ игрой свѣтотѣней, неожиданнымъ блескомъ въ сумракѣ, озареніями гаснущихъ свѣчъ, или косыхъ закатныхъ лучей, бросающихъ глубокія, рѣзкія и длинныя тѣни. Отмѣченныя имъ въ описаніи его воображаемой картины догорающая свѣча, мѣдныя деньги, перламутровая сигарочница или просвѣты предъутренняго неба сквозь обледенѣлое оконце, бросающіе тусклые матовые блики на обстановку чудовищной нищеты—все это такъ же характерно для творца Мармеладова, какъ и главные герои разсказаннаго имъ жанра—измученная родильница въ лохмотьяхъ своей постели и сѣдой филантропъ надъ копошащимся младенцемъ.

Но, быть можетъ, здѣсь характернѣе всего интересъ къ „нищимъ предметамъ" и убогой утвари бѣдной хаты,—тѣ мелочи обстановки, искусной комбинацією которыхъ опытный художникъ-психологъ можетъ сразу „оцарапать сердце". Быстро зачерченный Достоевскимъ фонъ его картинъ постоянно свидѣтельствуетъ объ

этомъ пристальномъ вниманіи его къ декораціи и реквизиту своихъ психологическихъ драмъ.

При обычной бѣглости, сжатости и моментальности своихъ описательныхъ эффектовъ Достоевскій отчетливыми чертами воспроизводитъ обстановку и внѣшность своихъ героевъ. Онъ видитъ всегда перспективу своей картины и никогда не забываетъ показать ее читателю. Въ его романахъ постоянно чувствуется то острое вниманіе, съ какимъ онъ останавливаетъ свой взглядъ на живописныхъ деталяхъ быта и природы, и та эскизная рѣзкость штриха, съ какой онъ зачерчиваетъ ихъ на своемъ полотнѣ.

Вотъ почему въ романахъ Достоевскаго среди психологическихъ экспериментовъ и бредовыхъ видѣній находятся богатыя залежи тѣхъ художественныхъ сокровищъ, которыя въ пластическихъ искусствахъ можно было бы расположить по отдѣламъ пейзажа, портрета и жанра.

VII.

Правда, уже въ первыхъ вещахъ Достоевскаго человѣкъ рѣшительно доминируетъ надъ природой и, какъ въ искусствѣ средневѣковья, пейзажъ служитъ здѣсь только незначительнымъ дополненіемъ къ изображенію людскихъ фигуръ.

Но непосредственное чувство природы и умѣніе заразить читателя своимъ зрительнымъ впечатлѣніемъ даетъ себя знать уже съ первыхъ страницъ Достоевскаго. Пейзажей въ его романахъ и повѣстяхъ немного, почти всегда они играютъ роль далекаго живописнаго аксессуара къ огромнымъ многолюднымъ фрескамъ его романовъ; но и по этимъ обрывкамъ и частностямъ раскрывается та сторона міроощущенія Достоевскаго, которая не допускала въ немъ равнодушія къ внѣшнимъ формамъ и конкретнымъ обликамъ жизни. Все входящее въ циклъ возможныхъ человѣческихъ впечатлѣній влекло его къ себѣ, и весь внѣшній міръ въ его естественныхъ проявленіяхъ и человѣческой переработкѣ не переставалъ тревожить его художническую воспріимчивость.

Пейзажей у Достоевскаго гораздо больше, чѣмъ это принято обыкновенно предполагать. Въ первой редакціи „Бѣдныхъ людей" имѣется выпущенное впослѣдствіи подробное описаніе дѣтскихъ впечатлѣній Достоевскаго отъ его деревенскихъ прогулокъ. Этотъ отрывокъ, ни разу не перепечатанный въ позднѣйшихъ изданіяхъ,

представляетъ и значительный автобіографическій интересъ. Устами своей главной героини молодой Достоевскій разсказываетъ здѣсь о своихъ дѣтскихъ уединенныхъ скитаніяхъ по рощамъ родной Чермашни. Автобіографическій характеръ этого отрывка обнаруживается при сближеніи его съ знаменитой главой „Дневника писателя", описывающей встрѣчу съ мужикомъ Мареемъ. Въ обоихъ случаяхъ аналогичное описаніе деревенской рощи со всѣми ея очарованіями и страхами [1]).

„Я помню, у насъ въ концѣ сада была роща, густая, зеленая, тѣнистая, раскидистая, обросшая тучною опушкой. Эта роща была любимымъ гуляньемъ моимъ, а заходить въ нее далеко я боялась. Тамъ щебетали такія веселенькія пташки, деревья такъ привѣтливо шумѣли, такъ важно качали раскидистыми верхушками, кустики, обѣгавшіе опушку, были такіе хорошенькіе, такіе веселенькіе, что, бывало, невольно позабудешь запрещеніе, перебѣжишь лужайку, какъ вѣтеръ, задыхаясь отъ быстраго бѣга, боязливо оглядываясь кругомъ, и въ мигъ очутишься въ рощѣ среди обширнаго, необъятнаго глазомъ моря зелени, среди пышныхъ, густыхъ, тучныхъ, широко разросшихся кустовъ. Между кустами чернѣютъ кое-гдѣ дикіе порубленные пни, тянутся высокія, неподвижныя сосны, раскидывается березка съ трепещущими говорливыми листочками, стоитъ вѣковой вязъ съ сочными, тучными, далеко раскидывающимися вѣтвями, — трава такъ гармонически шелеститъ подъ ногой, такъ весело-весело звенятъ хоры вольныхъ радостныхъ птичекъ, что и самой, невѣдомо отъ чего, станетъ такъ хорошо, такъ радостно, — но не рѣзво-радостно, а какъ-то тихо, молчаливо, задумчиво... Осторожно пробираешься въ чащу; и какъ будто кто зоветъ туда, какъ будто кто манитъ туда, гдѣ деревья чаще, гуще, синѣе, чернѣе, гдѣ кустарникъ мельчаетъ, и мрачнѣе становится лѣсъ, чернѣе и гуще пестрятъ гладкіе пни деревьевъ, гдѣ начинаются овраги, крутые, темные, заросшіе лѣсомъ, глубокіе, такъ что верхушки деревъ наравнѣ съ краями приходятся; — и чѣмъ дальше идешь, тѣмъ тише,

---

[1]) „Петербургскій Сборникъ" изд. Н. А. Некрасовымъ на 1846 г. стр. 24—26. Критика сороковыхъ годовъ обратила вниманіе именно на этотъ отрывокъ „Бѣдныхъ людей", какъ на одну изъ лучшихъ въ стилистическомъ отношеніи страницъ первой повѣсти Достоевскаго. Критикъ „Библіотеки для чтенія" А. Никитенко, останавливаясь на слогѣ начинающаго автора, замѣчаетъ: „...Что вообще авторъ способенъ писать прекраснымъ языкомъ, это неоспоримо. Прочтите, напр., хоть вотъ это мѣсто: оно прелестно по живости и истинѣ красокъ, по легкости оборотовъ: „Я помню, у насъ въ концѣ сада была густая роща"... и т. д. Библіотека для чтенія, 1846 г., т. 75. стр. 34—35 (крит. отдѣлъ).

темнѣе, беззвучнѣе становится. Сдѣлается и жутко, и страшно; кругомъ тишина мертвая; сердце дрожитъ отъ какого-то темнаго чувства, а идешь, все идешь дальше, осторожно, боязливо, тихо, и только слышишь, какъ хруститъ подъ ногами валежникъ, или шелестятъ засохшіе листья, или тихій отрывистый стукъ скачковъ бѣлки съ вѣтки на вѣтку... Рѣзко напечатлѣлся въ памяти моей этотъ лѣсъ, эти прогулки потихоньку, и эти ощущенія—странная смѣсь удовольствія, дѣтскаго любопытства и страха".

Въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ Достоевскій охотнѣе всего останавливается на скудныхъ и грустныхъ видахъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ внутреннему состоянію его героевъ. Вотъ почему городскія декораціи преобладаютъ въ его романахъ. Только въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома" степныя картины Сибири возвращаютъ его снова къ настоящей пейзажной живописи. Къ этимъ страницамъ Достоевскаго примѣнимъ полностью знаменитый афоризмъ Аміеля: „пейзажъ — это состояніе души". Отраженія сибирской природы въ каторжныхъ запискахъ Достоевскаго выражаютъ всегда лирику заключеннаго, тоскующаго по далекой свободѣ; эти картины—въ полномъ смыслѣ слова—обрывки природы, прошедшей сквозь человѣческій темпераментъ.

„На той сторонѣ рѣки синѣла степь, видъ былъ угрюмый и пустынный... Зимой, особенно въ сумрачный день, смотрѣть на рѣку и на противоположный далекій берегъ было скучно; что-то тоскливое, надрывающее сердце было въ этомъ дикомъ и пустынномъ пейзажѣ. Но чуть ли не еще тяжелѣй было, когда на безконечной бѣлой пеленѣ снѣга ярко сіяло солнце; такъ бы и улетѣлъ куда-нибудь въ эту степь, которая начиналась на другомъ берегу и разстилалась къ югу одной непрерывной скатертью, тысячи на полторы верстъ".

Въ другомъ мѣстѣ онъ описываетъ берегъ Иртыша—бѣдную обкуренную юрту какого-нибудь байгуша, киргизку съ двумя баранами, сибирскаго хищника въ синемъ прозрачномъ воздухѣ, даже бѣдный чахлый цвѣтокъ въ разсѣлинѣ каменистаго берега.

Вернувшись въ Россію, онъ продолжаетъ съ особенной симпатіей фиксировать „бѣдную природу" и „скудныя селенія". Пышность, многокрасочность и свѣжесть сельскихъ картинъ Тургенева или Чехова совершенно чужды его кисти.

„Это была бѣдная, маленькая деревенька, верстахъ въ трехъ отъ большой дороги и стоявшая въ какой-то ямѣ. Шесть или семь крестьянскихъ избъ, закоптѣлыхъ, покривившихся на-бокъ и едва прикрытыхъ почернѣвшею соломою, какъ-то грустно и непривѣтливо смотрѣли на проѣзжаго. Ни садика, ни кустика

не было кругомъ на четверть версты. Только одна старая ракита свѣсилась и дремала надъ зеленоватой лужей, называвшейся прудомъ".

Впослѣдствіи въ романахъ Достоевскаго пейзажи попадаются рѣже и становятся все болѣе сжатыми и бѣглыми. Князь Мышкинъ, излагая свои швейцарскія впечатлѣнія, даетъ мимоходомъ цѣлую декоративную картину: передъ слушателями его мгновенно возникаетъ и водопадъ „бѣлый, шумливый, пѣнистый", падающій почти перпендикулярно тонкой ниткой съ горы, и старыя большія, смолистыя сосны вокругъ развалинъ средневѣковаго замка и сіяющее голубое небо надъ нимъ. Въ „Идіотѣ" имѣется также мимоходомъ оброненное описаніе бѣлой ночи въ Павловскомъ паркѣ, въ „Бѣсахъ" — два пейзажныхъ отрывка: весенняя ночь въ Ставрогинскомъ помѣстьѣ съ легкими облачками вокругъ яснаго мѣсяца и запахомъ цвѣтущей черемухи, и осенняя ночь въ старомъ паркѣ, у заросшаго пруда, гдѣ вѣтеръ колышетъ верхушками сосенъ. Наконецъ, въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" Достоевскій далъ свою лучшую описательную страницу въ картинѣ звѣздной ночи у бѣлѣющихъ стѣнъ монастыря.

VIII.

Но если Достоевскій сравнительно мало удѣлялъ мѣста пейзажу въ своихъ романахъ, онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на той области описательнаго искусства, которую удобнѣе всего обозначить условно портретомъ.

При всей своей непріязни къ обстоятельнымъ описаніямъ онъ, стремясь сохранить бѣглость и текучесть разсказа, придаетъ совершенно исключительное значеніе описанію наружности своихъ героевъ. Внѣшній обликъ человѣка для него, какъ для Бодлера, какъ бы является драматизованной біографіей, матеріальнымъ средоточіемъ и полнѣйшимъ выраженіемъ неизбѣжной внутренней драмы.

Наружность героевъ Достоевскаго отмѣчается имъ съ необыкновенной выразительностью общаго облика и рѣзкостью контуровъ. Все отъ цвѣта волосъ и выраженія глазъ до деталей костюма и особенностей драгоцѣнныхъ украшеній, — схвачено въ этихъ эскизныхъ наброскахъ. Внѣшнія описанія героевъ у Достоевскаго могутъ считаться образцами сжатыхъ и всеобъемлющихъ характеристикъ наружности. Нѣкоторые женскіе портреты остаются непревзойденными униками словесной живописи. Среди

нихъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ — Грушенька въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Въ описаніи своей послѣдней героини Достоевскій единственный разъ отступилъ отъ своего принципа краткости и моментальной бѣглости описанія. Онъ словно наслаждается великолѣпными чертами своего объекта и, какъ художникъ, стремится продлить радость вдохновляющаго созерцанія.

Но относительную пространность описанія Достоевскій искупаетъ его динамичностью. Грушенька не позируетъ передъ его полотномъ, она все время въ движеніи передъ нимъ. Уже первыя слова описанія даютъ знать объ этомъ подвижномъ состояніи портретнаго объекта. Грушенька поднимаетъ портьеру и появляется подъ шевелящимися складками ткани съ оживленнымъ и смѣющимся лицомъ, готовая заговорить по пути отъ завѣшенной двери къ тому креслу, вокругъ котораго зашуршитъ сейчасъ и ляжетъ пышными складками черный шелкъ ея платья. За эти нѣсколько секундъ перехода мы успѣваемъ замѣтить и неслышную кошачью походку и выдѣланную мягкость движеній, съ какой она кутается въ свою дорогую шаль. Ни на мгновеніе она не застываетъ передъ нами, чтобъ дать художнику возможность спокойно запротоколировать особенности своей наружности. Ему остается только фиксировать ходъ ея жестовъ и смѣну выраженій на ея лицѣ—и въ результатѣ обликъ Грушеньки вырисовывается съ совершенно исключительной полнотой чертъ и особенностей до блѣднорозоваго оттѣнка ея румянца и легкой припухлости нижней губы.

Достоевскій пользуется и здѣсь тѣмъ пріемомъ, который сообщаетъ такую необыкновенную иллюзію жизни его бѣглымъ наброскамъ. Это именно описаніе, рядомъ съ чертами внѣшности, производимаго ею впечатлѣнія.

Элементъ импрессіонизма, вносимый Достоевскимъ въ точное протоколированіе чертъ и жестовъ своей модели, даетъ ему возможность ограничиваться немногими штрихами въ ихъ описаніи; общее дѣйствіе ихъ на отдѣльнаго зрителя восполняетъ всѣ пробѣлы. Въ описаніи Грушеньки такое рѣшающее значеніе имѣетъ впечатлѣніе Алеши; при ея появленіи въ немъ что-то передернулось, онъ вспомнилъ возмущенное слово Ивана объ этой ужасной женщинѣ, объ этомъ „звѣрѣ“ и, пораженный неожиданнымъ дѣтски-простодушнымъ выраженіемъ ея лица, не въ силахъ отвести отъ него глазъ. Мы впервые видимъ и наблюдаемъ Грушеньку сквозь взволнованныя впечатлѣнія пораженнаго Алеши.

Это обычный пріемъ Достоевскаго. Описаніе впечатлѣнія предшествуетъ протоколированію чертъ. Въ другомъ шедеврѣ своей

галлереи женскихъ портретовъ онъ такъ же предвосхищаетъ общій характеръ физіономіи субъективнымъ воспріятіемъ ея общаго облика. M-elle Blanche красива, разсказываетъ „Игрокъ", но у ней одно изъ тѣхъ лицъ, которыхъ можно испугаться. Вотъ первое впечатлѣніе: пугающая красота. Затѣмъ слѣдуютъ великолѣпные мазки портретной живописи:

„Ей навѣрно лѣтъ двадцать пять. Она рослая и широкоплечая, съ круглыми плечами; шея и грудь у нея роскошны; цвѣтъ кожи смугло-желтый, цвѣтъ волосъ черный, какъ тушь, и волосъ ужасно много, достало бы на двѣ куафюры. Глаза черные, бѣлки глазъ желтоватые, взглядъ нахальный, зубы бѣлѣйшіе, губы всегда напомажены; отъ нея пахнетъ мускусомъ. Одѣвается она эффектно, богато, съ шикомъ, но съ большимъ вкусомъ. Ноги и руки удивительныя. Голосъ ея—сиплый контральто. Она иногда расхохочется и при этомъ покажетъ всѣ свои зубы, но обыкновенно смотритъ молчаливо и нахально".

Этотъ пріемъ оживленія объективнаго описанія силой субъективныхъ впечатлѣній отдѣльныхъ созерцателей получилъ своеобразнѣйшее примѣненіе и далъ поразительные результаты въ изображеніи Настасьи Филипповны. Достоевскій придумалъ здѣсь совершенно новый и необыкновенно удачный способъ постепеннаго знакомства читателя съ обликомъ его героини. Задолго до ея перваго появленія въ романѣ мы не только видимъ ее и знаемъ по фотографіи въ мельчайшихъ деталяхъ черты ея внѣшности, но по впечатлѣніямъ окружающихъ мы догадываемся о таинственной сущности ея души. Достоевскій-художникъ ставитъ себѣ здѣсь труднѣйшую задачу и разрѣшаетъ ее съ величайшимъ художественнымъ мастерствомъ.

Мышкинъ вглядывается въ фотографію Настасьи Филипповны:..." На портретѣ была изображена дѣйствительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована въ черномъ шелковомъ платьѣ чрезвычайно простого и изящнаго фасона; волосы, повидимому, темнорусые, были убраны просто, по домашнему; глаза темные, глубокіе, лобъ задумчивый; выраженіе лица страстное и какъ бы высокомѣрное. Она была нѣсколько худа лицомъ, можетъ быть, и блѣдна..."

Вотъ все, что даетъ первый бѣглый очеркъ. Краткость описанія искупается рѣзкостью и глубиной штриховъ. Этотъ четкій и выразительный эскизъ постепенно заполняется живыми и теплыми красками непосредственныхъ впечатлѣній созерцателя портрета.

— „Удивительное лицо, произноситъ Мышкинъ, вглядываясь

въ фотографію,—и я увѣренъ, что судьба ея не изъ обыкновенныхъ. Лицо веселое, а она вѣдь ужасно страдала, а? Объ этомъ глаза говорятъ, вотъ эти двѣ косточки, двѣ точки подъ глазами въ началѣ щекъ. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вотъ не знаю, добра ли она?..“

Нравственный обликъ начинаетъ вырисовываться подъ сухими линіями портрета. Героиня попрежнему еще внѣ кругозора читателя, но онъ уже видитъ и знаетъ ее. И когда черезъ нѣсколько страницъ Тоцкій вспоминаетъ, какія странныя мысли приходили ему „при взглядѣ, напримѣръ, на эти глаза: какъ бы предчувствовался въ нихъ какой-то глубокій и таинственный мракъ; этотъ взглядъ глядѣлъ точно задавалъ загадку;“—трагическое будущее Настасьи Филипповны неслышными стопами подступаетъ и становится за ея плечами. И когда Мышкинъ вторично вглядывается наединѣ въ это загадочно-притягательное лицо, онъ уже прозрѣваетъ за нимъ ту грозную бурю страстей, которая захватитъ въ свой круговоротъ и его и самую обладательницу этого томительно-прекраснаго лица. „Ему какъ бы хотѣлось разгадать что-то, скрывавшееся въ этомъ лицѣ и поразившее его давеча. Давешнее впечатлѣніе почти не оставляло его, и теперь онъ спѣшилъ какъ бы что-то вновь провѣрить. Это необыкновенное по своей красотѣ и еще по чему-то лицо еще сильнѣе поразило его теперь. Какъ будто необъятная гордость и презрѣніе, почти ненависть, были въ этомъ лицѣ, и въ то же самое время что-то довѣрчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали какъ будто даже какое-то состраданіе при взглядѣ на эти черты. Эта ослѣпляющая красота была даже невыносима, красота блѣднаго лица, чуть не впалыхъ щекъ и горѣвшихъ глазъ; странная красота! Князь смотрѣлъ съ минуту, потомъ вдругъ спохватился, оглядѣлся кругомъ, поспѣшно приблизилъ портретъ къ губамъ и поцѣловалъ его“... (VI, 86).

И когда, наконецъ, Настасья Филипповна появляется въ романѣ, мы такъ же узнаемъ ее съ перваго жеста и первой вспышки досады въ ея глазахъ, какъ узнаетъ ее моментально кн. Мышкинъ, открывающій ей двери Ганиной квартиры.

Но портретъ Настасьи Филипповны еще не законченъ. Достоевскій не можетъ оторваться отъ этого загадочно влекущаго къ себѣ лица, какъ Леонардо отъ Джіоконды. Словно продолжая жадно всматриваться въ этотъ обликъ, онъ не перестаетъ на протяженіи всего романа углублять и одухотворять новыми чертами первоначальный очеркъ. Уже подъ конецъ мы узнаемъ, что Мыш-

кинъ съ перваго взгляда на портретъ этой женщины почувствовалъ неугасимое впослѣдствіи „цѣлое страданіе жалости"... Линіи портрета принимаютъ не только большую четкость, но проясняется взглядъ и углубляются тѣ складки утомленности вокругъ вѣкъ и измученности вокругъ рта, которыми жизнь незамѣтно обезображиваетъ прекраснѣйшія лица своими стигматами пережитыхъ страданій и страстей.

Такъ же выразительны и такой же заражающей способностью внушенія отличаются описанія и героевъ Достоевскаго. Мышкинъ, Рогожинъ, Свидригайловъ, Федоръ Карамазовъ, Ставрогинъ, Шатовъ, — всѣ они записаны имъ съ поражающей силой жизненности и рѣдкой экспрессіей. Одинъ образъ—старца Зосимы, котораго можно было бы по духовному стилю этой фигуры мыслить величавымъ монастырскимъ патріархомъ—особенно любопытенъ по нѣсколько иронической неожиданности своего живого облика. „Это былъ невысокій, сгорбленный человѣкъ съ очень слабыми ногами, всего только шестидесяти пяти лѣтъ, но казавшійся отъ болѣзни гораздо старше, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять. Все лицо его, впрочемъ, очень сухенькое, было усѣяно мелкими морщинками, особенно было много ихъ около глазъ. Глаза же были небольшіе, изъ свѣтлыхъ, быстрые и блестящіе, въ родѣ какъ бы двѣ блестящія точки. Сѣденькіе волосики сохранились лишь на вискахъ, бородка была крошечная и рѣденькая, клиномъ, а губы часто усмѣхавшіяся—тоненькія, какъ двѣ бичевочки. Носъ не то, чтобы длинный, а востренькій, точно у птички".

Почти всегда внѣшній обликъ героевъ Достоевскаго не ограничивается изображеніемъ ихъ лица. Достоевскій знаетъ, что внутренній человѣкъ проявляется въ каждомъ членѣ тѣла, въ общемъ выраженіи всей фигуры, не только въ улыбкахъ и нахмуренныхъ бровяхъ, но и въ движеніяхъ, позахъ и жестахъ, не только въ мимикѣ, но и въ пластикѣ. Онъ идетъ дальше и съ замѣчательнымъ художественнымъ чутьемъ признаетъ и костюмъ однимъ изъ выраженій характера. Съ обычной бѣглой зарисовкой онъ даетъ такую полную и разнообразную картину одеждъ своихъ современниковъ, что по его описаніямъ можно было бы составить обстоятельный историческій очеркъ русскаго костюма середины 19-го вѣка.

Такова школа реализма, пройденная Достоевскимъ. Богатый личный опытъ и постоянный контактъ съ современностью при внимательномъ изученіи дѣйствительности выработали въ немъ одного изъ самыхъ глубокихъ, полныхъ и вѣрныхъ изобразителей міра, жизни и человѣка.

Но два обстоятельства его личной біографіи сообщили этой школѣ реализма тотъ налетъ необычнаго, таинственнаго и фантастическаго, который часто заслоняетъ въ творчествѣ Достоевскаго элементы внимательнаго наблюденія жизни и тщательнаго коллекціонированія ея бытовыхъ мелочей.

IX.

Эти два обстоятельства—эпилепсія и смертная казнь. Психологія больного падучей и приговореннаго къ смерти раскрыли Достоевскому сокровеннѣйшія области подсознательнаго. Аура передъ припадкомъ „священной болѣзни" и переживанія осужденнаго на эшафотѣ—вотъ что окончательно выработало творческую личность Достоевскаго и отразилось своеобразнѣйшими чертами на реалистической манерѣ его письма.

Только въ своемъ раннемъ періодѣ онъ иногда воспроизводитъ кропотливую описательную технику бальзаковской школы. Впослѣдствіи онъ совершенно отказывается отъ пріемовъ тщательнаго изображенія каждой мелочи во внѣшности или обстановкѣ своихъ героевъ. Онъ даже открыто иронизируетъ надъ подобнымъ фотографическимъ реализмомъ. „Думаю, что живописецъ списалъ меня не литературы ради,—говоритъ одинъ изъ его героевъ,—а ради двухъ моихъ симметрическихъ бородавокъ на лбу: феноменъ, дескать! Идеи-то нѣтъ, такъ они теперь на феноменахъ выѣзжаютъ. Ну, и какъ же у него на портретѣ удались мои бородавки,—живыя! Это они реализмомъ зовутъ".

Методъ его описаній совершенно иной. Кажется, что онъ одинъ только моментъ смотритъ на объектъ своего описанія и затѣмъ съ лихорадочной быстротой зарисовываетъ свое впечатлѣніе. Эпилептикъ и смертникъ, онъ не имѣлъ времени разсматривать окружающіе предметы черезъ коллекціонерскія лупы. Припадку падучей предшествуетъ нѣсколько секундъ исключительнаго просвѣтлѣнія, когда всѣ предметы кажутся болѣе отчетливыми, яркими, рельефными и красочными, чѣмъ они представляются здоровому зрѣнію. Но только нѣсколько мгновеній дано на ихъ разсмотрѣніе и запоминаніе.

Отсюда основная черта описательной техники Достоевскаго—моментальность впечатлѣнія и бѣглость зарисовки.

Все его описаніе, за немногими исключеніями, сводится къ быстрой смѣнѣ рѣзкихъ контуровъ и красочныхъ пятенъ: „Помню, баронесса была въ шелковомъ необъятной окружности платьѣ,

свѣтло-сѣраго цвѣта съ оборками, въ кринолинѣ и съ хвостомъ,— разсказываетъ одинъ изъ его героевъ.—Она мала собой и толстоты необъятной, съ ужасно толстымъ и отвислымъ подбородкомъ, такъ что совсѣмъ не видно шеи. Лицо багровое. Глаза маленькіе, злые и наглые. Идетъ, точно всѣхъ честью удостаиваетъ. Баронъ сухъ, высокъ. Лицо, по нѣмецкому обыкновенію, кривое и въ тысячѣ мелкихъ морщинокъ; въ очкахъ; сорока пяти лѣтъ. Ноги у него начинаются чуть ли не съ самой груди; это значитъ, порода. Гордъ, какъ павлинъ. Мѣшковатъ немного. Что-то баранье въ выраженіи лица, по-своему замѣняющее глубокомысліе. Все это мелькнуло мнѣ въ глаза въ три секунды".

Эти „три секунды" наблюденія необыкновенно характерны для писательской манеры Достоевскаго. Обычно онъ зачерчиваетъ лица своихъ героевъ нѣсколькими штрихами. Двѣ косточки на лицѣ Настасьи Филипповны создаютъ впечатлѣніе ужаснаго страданія. Большой кадыкъ, мясистый и продолговатый, какъ кошелекъ, на лицѣ Федора Павловича выразительнымъ мазкомъ изображаетъ стараго сладострастника. Нѣсколько моментальныхъ эффектовъ замѣняетъ обычныя страницы пространныхъ описаній.

„Это была крошечная, сухая старушонка, лѣтъ шестидесяти, съ *вострыми и злыми глазами*, съ маленькимъ острымъ носомъ и простоволосая, бѣлобрысая. Мало посѣдѣвшіе волосы ея были жирно смазаны масломъ. На ея тонкой и длинной шеѣ, похожей на куриную ногу, было наверчено какое-то фланелевое тряпье, а на плечахъ, несмотря на жару, болталась вся изодранная пожелтѣвшая мѣховая кацавейка".

Здѣсь въ шести строкахъ сила какой-то особенной концентраціи типическихъ чертъ даетъ образъ такой изумительной жизненности, что многое неясное и надуманное въ раскольниковскомъ поступкѣ объясняется этимъ внѣшне отталкивающимъ видомъ отвратительной ростовщицы.

Таковъ обычный пріемъ Достоевскаго. Все его описаніе сводится обыкновенно къ быстрой смѣнѣ рѣзкихъ контуровъ и красочныхъ пятенъ. Мимоходомъ онъ отмѣчаетъ фарфоровыя и бронзовыя игрушки, толстыя, штофныя гардины, бухарскіе ковры и картины Вельчанинова, мимоходомъ зачерченъ лорнетъ и ридикюльчикъ Кармазинова, желтые обои, герани, грошевыя картинки и кисейныя занавѣски мѣщанской квартирки, черные сухари, крошечные огурцы и рѣзанная кусочками рыба въ распивочной. Все это мелькаетъ съ изумительной быстротой и незабываемой четкостью.

Часто мимоходомъ оброненная фраза разворачиваетъ цѣлую

картину: „Черкесы такъ даже вскакивали на лошадь верхомъ; у нихъ глаза разгорались, и бѣгло болтали они на своемъ непонятномъ нарѣчіи, скаля свои бѣлые зубы и кивая своими смуглыми горбоносыми лицами".

Четкость и рѣзкость зачерченныхъ контуровъ можетъ сравниться здѣсь только съ поразительной силой внутренняго движенія, порыва и бѣглости всей картины.

Можетъ быть, въ силу этой художественной манеры у Достоевскаго такъ часто встрѣчаются картины, озаренныя послѣдними вспышками догорающихъ огарковъ. Игра ускользающихъ свѣтотѣней даетъ изумительно рѣзкіе контуры и выпуклые рельефы, которые представляются особенно цѣнными взгляду эпилептика. Достоевскій испытываетъ явное пристрастіе къ этому рембрантовскому эффекту и постоянно пользуется имъ.

Нагорѣвшій сальный огарокъ освѣщаетъ группу ужасныхъ кладоискателей надъ тюфякомъ мертваго Прохарчина. Ужасъ каторги съ особенной остротой даетъ себя знать по ночамъ, когда дрожащій свѣтъ казенной шестериковой свѣчи то вырываетъ изъ темноты, то снова погружаетъ въ потемки фигуры спящихъ арестантовъ. Гнѣвное и изможденное лицо чахоточной Екатерины Ивановны показывается намъ впервые при послѣдней дрожащей вспышкѣ догорающаго огарка. Оплывшая сальная свѣча освѣщаетъ обезумѣвшаго скрипача Ефимова за его предсмертной игрой и рѣзче выдѣляетъ изъ темноты неподвижную линію мертваго тѣла его жены. Въ одной изъ величайшихъ страницъ Достоевскаго неизмѣнный угасающій огарокъ тускло освѣщаетъ убійцу и блудницу за чтеніемъ вѣчной книги. При послѣднихъ вспышкахъ догорающей свѣчи, опасаясь остаться въ темнотѣ, Верховенскій ждетъ выстрѣла Кириллова. И черезъ пятнадцать лѣтъ человѣкъ изъ подполья не можетъ забыть одного момента изъ прошлаго, когда вспыхнувшая на мгновеніе спичка освѣтила ему блѣдное, искривленное плачемъ лицо его жертвы съ мученническимъ взглядомъ и жалкой полусумасшедшей улыбкой.

Эти темные офорты, гдѣ мгновенныя вспышки вырываютъ изъ сумрака искаженныя лица преступниковъ и мученицъ, постоянно напоминаютъ намъ, что художникъ, зарисовывая ихъ, не имѣлъ времени разсматривать, вглядываться и спокойно изучать свои объекты. Только минута отдѣляетъ его отъ смерти, только пять секундъ даны эпилептику на ясновидѣніе передъ погруженіемъ его въ ночь безсознательнаго. Не до антикварскихъ лупъ, не до коллекціонерскихъ пріемовъ. Нужно запомнить только самое рѣзкое и важное, нужно запечатлѣть его неизгладимыми

чертами. Взору, проясненному аурой или близостью смерти, эти рѣзкія, четкія основныя линіи мірозданія раскрываются съ волшебной ясностью.

Есть то, чего не видѣлъ глазъ,
Не уловляло вѣчно ухо,—
Цвѣты лучистѣй, чѣмъ алмазъ,
И дали призрачнѣе пуха...

Это неуловимое для слуха и незримое для глазъ, доступное только внутреннему зрѣнію, сообщаетъ такой необычный характеръ живописи Достоевскаго и такъ сильно приближаетъ ее подчасъ къ гранямъ фантастики. Въ его быстро зачерченныхъ, подвижныхъ, бѣглыхъ и мелькающихъ зарисовкахъ постоянно сказывается торопливая впечатлительность и болѣзненная острота сознанія, уже предчувствующаго грозное приближеніе безсознательнаго. Въ живописи Достоевскаго раскрывается совершенно особенный, не имѣющій себѣ равнаго во всей литературѣ, тотъ „реализмъ въ высшемъ смыслѣ", который можно было бы опредѣлить, какъ реализмъ эпилептика и приговореннаго къ смерти.

X.

„Намъ знакомо одно лишь насущное, видимо-текущее, да и то по наглядкѣ, а концы и начала—это все еще пока для человѣка фантастическое", записываетъ Достоевскій къ концу своей дѣятельности. Но познаваніе этихъ „концовъ и началъ" онъ, конечно, не исключалъ изъ сферы своего творчества. Отсюда густые налеты того „фантастическаго", которымъ полны его произведенія.

Сюда относится прежде всего жадный интересъ этого вѣрнаго ученика Гофмана къ снамъ, галлюцинаціямъ, бредовымъ видѣніямъ, истерическимъ и эпилептическимъ припадкамъ, гипнотическимъ состояніямъ, наркозамъ и опьяненіямъ. Его постоянно привлекали всѣ сложныя явленія смутныхъ промежуточныхъ состояній между сномъ и явью—раздвоеніе сознанія въ сновидѣніяхъ, когда собственныя мысли и безпокойства сообщаются фантастическимъ образамъ, проясненіе во снѣ многаго еле сознаннаго на яву, пророческія предчувствія вѣщихъ сновъ и угрожающихъ кошмаровъ. Въ его постоянномъ изображеніи больныхъ сновидцевъ или грезящихъ безумцевъ, въ его стремленіи точно фиксировать смутное состояніе просонковъ, когда ночные

образы еще мелькаютъ передъ раскрытыми глазами, а явленія дѣйствительности относятся къ отлетѣвшему сну—во всемъ этомъ повышенномъ интересѣ къ призрачнымъ и тревожащимъ проявленіямъ подсознательной жизни слышатся отголоски старинныхъ повѣрій о божественныхъ откровеніяхъ омраченнаго или дремлющаго сознанія.

Онъ вернулся и къ древнему суевѣрному благоговѣнію передъ всѣми проявленіями больного духа. Безуміе, эпилепсія, истерія, кликушество вызывали въ немъ мысли о безумцахъ-энтузіастахъ, объ „одержимыхъ богомъ". Для него, какъ для древнихъ, эпилепсія—священная болѣзнь, morbus divinus. Его герои часто безсознательно повторяютъ взволнованныя теоріи неоплатониковъ о томъ, что никто не можетъ дойти до божественныхъ откровеній въ здравомъ разсудкѣ и что всякое умственное смятеніе порождается въ насъ высшими силами.

Уже въ раннихъ своихъ писаніяхъ Достоевскій выказываетъ этотъ интересъ къ мистикѣ подсознательнаго. Проснувшійся Голядкинъ лежитъ неподвижно на своей постели, какъ человѣкъ, не вполнѣ еще увѣренный, проснулся ли онъ или все еще спитъ, на яву ли и въ дѣйствительности все, что около него теперь совершается, или же продолженіе его безпорядочныхъ сонныхъ грезъ.

Но и здоровые герои Достоевскаго испытываютъ то же состояніе. „Можетъ быть все это чей-нибудь сонъ", раздумываетъ Подростокъ объ утреннемъ Петербургѣ. „Я боюсь, что ты сонъ, что ты призракъ", шепчетъ Иванъ Карамазовъ Смердякову. „Неужели это продолженіе сна?" спрашиваетъ Раскольниковъ при первомъ появленіи Свидригайлова. „Что если это не Рогожинъ, а только видѣніе?" тревожится Ипполитъ.

Въ „Вѣчномъ мужѣ" Достоевскій даетъ сильнѣйшіе образцы подобныхъ промежуточныхъ состояній. Это одна изъ лучшихъ его повѣстей, необыкновенно характерная для всего его творчества. На какой-нибудь сотнѣ страницъ мы находимъ здѣсь всѣ обычные элементы его разсказа. Здѣсь и эскизно намѣченная трагедія замученнаго ребенка, и памфлетически очерченный образъ юноши въ синихъ очкахъ—„будущаго двигателя", и фигура стараго паяца изъ разряда тѣхъ добровольныхъ шутовъ, которыхъ Достоевскій находилъ даже на каторгѣ, и, наконецъ, таинственный образъ немолодого, но отмѣченнаго особенной красотой героя, какъ бы озареннаго отдаленными отблесками свидригайловскаго или ставрогинскаго сладострастія. Необыкновенно характерна здѣсь и та особая атмосфера взаимнаго мучительства двухъ собесѣдниковъ, между которыми застылъ ужасъ пережитой тайны,

извѣстной обоимъ, но не упоминаемой ни однимъ изъ нихъ; и то душевное состояніе, когда истерзанный надрывами, заблудившійся между приступами любви и ненависти, униженный и всѣми презираемый шутъ заноситъ бритву надъ головой своего обожаемаго мучителя. Основныя черты, развитыя впослѣдствіи въ „Идіотѣ“, „Бѣсахъ“, „Карамазовыхъ“, мелькаютъ бѣгло и отчетливо уже въ этой небольшой повѣсти.

Но, можетъ быть, характернѣе всего здѣсь то преображеніе галлюцинацій въ дѣйствительность, то неожиданное воплощеніе въ жизни кажущихся, бредовыхъ образовъ, все-то смѣшеніе призрачнаго и реальнаго, которое нигдѣ не дано Достоевскимъ въ такихъ примитивно четкихъ и рѣзкихъ тонахъ. Трудно представить себѣ болѣе неожиданные обрывы съ высотъ фантастики въ провалы пошлѣйшей обыденности, чѣмъ эти неожиданныя превращенія „господина съ крепомъ на шляпѣ“ въ комическаго водевильнаго старикашку. Весь ужасъ передъ загробными тайнами, всѣ тихія вѣянія потусторонняго разрѣшаются здѣсь въ контрастѣ такой обыденной пошлости, на какую не осмѣливался даже „сумасшедшій берлинецъ“ Гофманъ, поившій свои привидѣнія желудочными каплями.

Но часто въ изображеніи бытового фона своихъ романовъ Достоевскій открыто проявлялъ свои чисто оккультныя влеченія ко всякимъ миражамъ, видѣніямъ и обманамъ чувствъ. Это особенно даетъ себя знать въ его ночныхъ картинахъ Петербурга. Среди подробнаго описанія всѣхъ мелкихъ обстоятельствъ петербургской нужды, утомительныхъ поисковъ дешевенькой квартиры, сквернаго кашля, одолѣвающаго молодого литератора, вдругъ возникаетъ фантастическій гротескъ—страшный, худой, полубезумный старикъ въ сопровожденіи чудовищной собаки.

„Мнѣ съ перваго раза, какъ я ее увидѣлъ, тотчасъ же пришло въ голову, что эта собака не можетъ быть такая, какъ всѣ собаки; что она—собака необыкновенная; что въ ней непремѣнно должно быть что-то фантастическое, заколдованное; что это, можетъ быть, какой-нибудь Мефистофель въ собачьемъ видѣ и что судьба ея какими-то таинственными невѣдомыми путями соединена съ судьбой ея хозяина... И походка ихъ и весь ихъ видъ чуть не приговаривали тогда съ каждымъ шагомъ: Стары-то мы, стары, Господи, какъ мы стары!

Помню, мнѣ еще пришло однажды въ голову, что старикъ и собака какъ-нибудь выкарабкались изъ какой-нибудь страницы Гофмана, иллюстрированнаго Гаварни, и разгуливаютъ по бѣлому свѣту въ видѣ ходячихъ афишекъ къ изданію“.

Такія странныя фантазіи навѣваютъ по ночамъ эти громадные города. Съ этими призрачными видѣніями связаны темныя предчувствія чего-то недобраго, приближеніе невѣдомыхъ несчастій, смутная неувѣренность въ дѣйствительности всего происходящаго, неясная тоска по чему-то иному, можетъ быть, несуществующему, но болѣе яркому, чѣмъ эти обманчивыя сумерки, туманные дома и призрачные люди. „Мистическій ужасъ (самая огромная сила надъ душой человѣческой“, записываетъ Достоевскій въ „Дневникѣ писателя“, раскрывая этой записью одинъ изъ основныхъ мотивовъ всего своего творчества.

Изъ міра психическихъ состояній онъ переносилъ эти ощущенія даже въ сферу неодушевленныхъ предметовъ. Кажется, ни одинъ писатель не вносилъ такой силы ужаса въ описанія вещей. Мертвыя руки, ползающія по гардинамъ у Мопассана, замурованные трупы у Эдгара По покажутся бутафорскими эффектами передъ „ужасно неподвижнымъ“ кончикомъ обнаженной ноги зарѣзанной Настасьи Филипповны въ скомканныхъ кружевахъ ея постели, или же костлявыми синими ногами мертваго Прохарчина, торчащими кверху, какъ два сучка обгорѣлаго дерева. Обмотанная шелкомъ бритва Рогожина, его новый садовый ножъ въ неразрѣзанной книжкѣ, неподвижные аксессуары самоубійства Ставрогина—большой гвоздь и жирно намыленный шелковый шнурокъ, длинный бѣлый чулокъ Смердякова, съ награбленными кредитками,—всѣ эти обыденные предметы таятъ въ себѣ безмолвный ужасъ скрытыхъ преступленій, сумасшествій и смертей. Вѣрный ученикъ Гофмана, Достоевскій никогда не могъ забыть зловѣщій блескъ увеличительныхъ стеколъ, граненыхъ его сказочными оптиками.

Даже въ публицистикѣ Достоевскаго чувствуется его обычный интересъ къ мистическому творчеству всѣхъ временъ и народовъ, къ созданіямъ, въ которыхъ горнія силы сходятъ на землю, къ ученію религіозныхъ мятежниковъ средневѣковья и всякихъ „предсказателей и конвульсіонеровъ“. Въ своемъ „Дневникѣ“ между разборами злободневныхъ процессовъ и размышленій по поводу текущей войны, онъ помѣщаетъ выписку изъ стараго латинскаго фоліанта—книги предсказаній Іоанна Лихтенбергера, снабжая эти мистическія строки подробнѣйшимъ публицистическимъ комментаріемъ. Онъ, правда, оговаривается, что это лишь „фактъ, не лишенный нѣкотораго любопытства“, „совпаденіе“, „аллегорія, похожая на правду“,—но между строкъ сквозитъ его подлинная вѣра въ это пророчество. Мѣстами она даже прорывается въ неосторожныхъ признаніяхъ.—„Да, пророчества Іоанна

Лихтенбергера сильно подходятъ къ настоящей минутѣ!“ —восклицаетъ онъ къ концу статьи.

Это влеченіе къ пророкамъ готическихъ келій часто чувствуется надъ его страницами. Средневѣковымъ духомъ — атмосферой алхиміи, черной магіи, фанатическихъ мечтаній о жизненномъ элексирѣ или философскомъ камнѣ, подъ угрозой пытокъ, позорныхъ столбовъ и публичныхъ сожженій, вѣетъ отъ этихъ реалистическихъ романовъ 19-го столѣтія. Священныя формулы и сакраментальныя заклятія, евангельскія строки и образы Апокалипсиса, истерическія исповѣди грѣшницъ и вопли кликушъ, судороги одержимыхъ и видѣнія дьявола—таково то средневѣковье, которымъ вѣетъ отъ насъ изъ этого міра философовъ-убійцъ и титулованныхъ безумцевъ.

Этотъ вѣчный духовидецъ такъ усложнилъ своими видѣніями основные элементы современнаго романа, что, заглядывая въ реторту его творчества, вспоминаешь невольно легендарныхъ алхимиковъ, маговъ, саровъ и чернокнижниковъ, которые изступленно мечтали увѣнчать гекатомбу человѣческихъ жертвъ золотымъ вѣкомъ всеобщаго счастья, или, какъ Парацельсъ, стремились проникнуть въ сокровеннѣйшія тайны природы, чтобъ преобразить неприглядный и несовершенный міръ по велѣніямъ своихъ неземныхъ видѣній.

XI.

Таковы основные элементы этого сложнаго реализма. Цѣлымъ рядомъ самыхъ необычныхъ, часто даже явно нереальныхъ пріемовъ Достоевскій сумѣлъ создать тотъ особенный преображенный творческой фантазіей міръ, который способенъ вызывать въ насъ волненія той же силы, что и непосредственная жизнь. Вся мистика, вся символика и фантастика его творчеста имѣютъ своей конечной цѣлью эту высшую интенсивность міроощущенія. При всемъ стремленіи его исходить въ своемъ творчествѣ изъ данныхъ дѣйствительности, онъ прекрасно понималъ, что настоящій реализмъ заключается не въ наивныхъ попыткахъ точно копировать міръ, а въ произвольномъ преображеніи всѣхъ его элементовъ съ цѣлью вызвать въ насъ этимъ искусственнымъ путемъ впечатлѣнія той же силы, какія создаетъ въ насъ непосредственная жизнь.

Музыка реалистична, говоритъ Зиммель, не въ тѣхъ случаяхъ, когда она отдается попыткамъ звукоподражанія, а только

когда вызываетъ въ насъ своими самостоятельными средствами тѣ же ощущенія, какія способна вызвать въ насъ непосредственная жизнь: любовныя волненія, религіозные порывы, состоянія экзальтаціи или унынія.

Такъ же музыкально-реалистично и все творчество Достоевскаго. Онъ понималъ, что художникъ, столь отличный отъ природы и міра, по характеру, размѣрамъ и сущности своихъ творческихъ средствъ, былъ бы совершенно безсиленъ вызывать въ зрителѣ волненія жизненной интенсивности, если бы онъ не пользовался цѣлымъ рядомъ особыхъ пріемовъ, въ которыхъ, конечно, не нуждается природа для возбужденія въ насъ восторговъ и тревогъ. Онъ понималъ, что только внеся въ искусство цѣлый рядъ фантастическихъ элементовъ, онъ придетъ къ подлинному реализму; что только пользуясь всѣми способами транспонированія явленій дѣйствительности въ новую область вымысла, прибѣгая ко всякимъ искусственнымъ способамъ внушеній, догадокъ, предчувствій, символовъ, аналогій и фантазій, онъ сможетъ вызвать въ читателѣ впечатлѣніе того же порядка и силы, какія вызываетъ въ немъ непосредственная жизнь.

Но при этомъ Достоевскій зналъ, что, въ цѣляхъ достиженія этой сильнѣйшей жизненности, онъ долженъ въ процессѣ преображенія дѣйствительности постоянно пользоваться ея же элементами. Не уходъ отъ жизни, но самое точное, близкое и проникновенное изученіе ея только и можетъ дать, въ итогѣ всѣхъ сложныхъ опытовъ творческой лабораторіи, ту новую дѣйствительность, которая способна волновать, ужасать или восхищать насъ со всей силой подлинныхъ переживаній.

Вотъ почему первымъ моментомъ въ этомъ обновленномъ реализмѣ остается вѣчный принципъ всякаго изобразительнаго искусства—точное изученіе жизни. Отсюда та глубокая правдивость его страницъ, которая часто сообщаетъ имъ значеніе научныхъ изслѣдованій.

Изображеніе въ романахъ Достоевскаго эпилепсіи войдетъ, по мнѣнію спеціалистовъ, въ будущіе учебники психіатріи, русскій острогъ дореформеннаго времени можно смѣло изучать по „Запискамъ изъ Мертваго дома“, Петербургъ 19 столѣтія, несмотря на весь фантастическій колоритъ, сообщенный Достоевскимъ его описаніямъ, никѣмъ не былъ изображенъ точнѣе, рельефнѣе, осязательнѣе и правдивѣе. Состояніе приговореннаго передъ эшафотомъ, смятеніе убійцы въ минуту совершенія преступленія, внутренній хаосъ сходящаго съ ума, галлюцинирующаго, безумнаго—всѣ эти сложные случаи психологіи самоубійцъ,

эпилептиковъ, помѣшанныхъ и визіонеровъ — можно смѣло изучать по Раскольникову, Смердякову, Мышкину, Голядкину, Ивану Карамазову.[1])

И конечно, Достоевскій, считая себя „совершеннымъ реалистомъ", имѣлъ полное право встрѣчать съ великимъ недоумѣніемъ обычные упреки критики: „Неужели фантастическій мой „Идіотъ" не есть дѣйствительность, да еще самая обыденная?..."

Это точное изученіе дѣйствительности, при вѣчномъ стремленіи разгадать „начала и концы" существующаго, сообщили страницамъ Достоевскаго силу исключительной жизненности. Этому значительно способствовала его острая художественная зоркость, поражавшая окружающихъ еще въ періодъ литературныхъ дебютовъ Достоевскаго. Въ воспоминаніяхъ Григоровича сохранилась любопытная страница о томъ, какъ онъ читалъ Достоевскому свой первый разсказъ. Когда онъ дошелъ до фразы о пятакѣ, брошенномъ къ ногамъ шарманщика, Достоевскій нервно и раздраженно прервалъ его: „Не то, не то, совсѣмъ не то! У тебя выходитъ слишкомъ сухо: пятакъ упалъ къ ногамъ... Надо было сказать: пятакъ упалъ на мостовую, *звеня и подпрыгивая...*" Замѣчаніе это, добавляетъ Григоровичъ,—помню очень хорошо, было для меня цѣлымъ откровеніемъ".

Въ своей сферѣ Достоевскій даетъ всегда эти откровенія поражающей жизненности. Тѣ незабываемыя сцены великихъ художниковъ, о которыхъ онъ съ такимъ волненіемъ говоритъ устами Версилова—Отелло у трупа Дездемоны, Онѣгинъ у ногъ Татьяны, Жанъ Вальжанъ у пустыннаго колодца — все это по мучительности, жуткости и острому ощущенію жизненности блѣднѣетъ передъ многими сценами его собственныхъ романовъ. Мучительно позорное, надрывающее душу смущеніе Голядкина, сердцебіеніе Раскольникова, прижавшаго свое ухо къ щели двери, за которой на сантиметръ разстоянія стоитъ, такъ же прижавшись и прислушиваясь отвратительная старуха, невыносимое ожиданіе Верховенскимъ выстрѣла Кириллова, послѣднія бесѣды двухъ отцеубійцъ — Смердякова и Ивана Карамазова, безумный Мышкинъ, тихо ласкающій убійцу Рогожина у трупа Настасьи Филипповны, все это дѣйствительно, по слову самого Достоев-

[1]) Предсѣдатель уголовнаго отдѣленія парижской судебной палаты приводитъ въ теоретической работѣ свидѣтельство одного извѣстнаго судебнаго слѣдователя о томъ, что книга, изъ которой онъ извлекъ больше всего пользы для своего дѣла, была „Преступленіе и Наказаніе". „Я охотно посовѣтую молодымъ юристамъ—читайте Достоевскаго", заключаетъ этотъ криминалистъ-практикъ. *Bérard de Glajeux.* Les passions criminelles.

скаго,—разъ пронзаетъ сердце и потомъ навѣки остается рана. То впечатлѣніе „чего-то необычайнаго и горячаго", которое остается у одного изъ героевъ Достоевскаго отъ народныхъ мистическихъ легендъ, гдѣ описаны скитанія Святой по пустынѣ со львами, тѣ преданія и образы, „которые почти нельзя вынести безъ слезъ"—вотъ что приблизительно напоминаетъ эту напряженность и мучительную остроту видѣній и образовъ Достоевскаго.

Этимъ, быть можетъ, онъ лучше всего доказалъ цѣнность своего „реализма въ высшемъ смыслѣ". Считаясь съ позитивнымъ настроеніемъ своей эпохи, онъ сумѣлъ, какъ художникъ, путемъ сложнѣйшихъ пріемовъ и комбинацій удержаться въ предѣлахъ реально допустимаго и эмпирически возможнаго, введя при этомъ въ свое творчество всѣ тѣ элементы фантастическаго, къ которымъ постоянно влекли его склонности врожденнаго мистицизма и романтизмъ его литературнаго воспитанія.

Леонидъ Гроссманъ.

СЛАБОЕ СЕРДЦЕ.

Вѣтеръ весенній не вѣетъ отрадою,
Нѣтъ у весны для меня ничего...
Чѣмъ же я бѣдное сердце обрадую?
Чѣмъ очарую его?

Сказки и сны мое сердце покинули,
Въ даль ужъ не манитъ сіяющій путь.
Прежнихъ желаній томленія минули,
Прежней весны не вернуть.

Солнце! лучи твои—острыя тернія,
Ранитъ мнѣ сердце сіянье твое.
Тѣни холодныя! тѣни вечернія!—
Тихо окутайте сердце мое.

Феликсъ Чудновскій.

ПАДАЮТЪ ЛИСТЬЯ...

Падаютъ листья, безсильно кружась;
Волны уносятъ ихъ внизъ по рѣкѣ
Кто-то, надъ темной водой наклонясь,
Тихо стоитъ на пустынномъ пескѣ.

Вѣтеръ шумящій промчался изъ чащъ,
Желтые листья упали на плащъ.

Вздрогнувши, ниже склонилось лицо,
Губы цѣлуютъ на пальцѣ кольцо.

Падаютъ листья, кружась и кружась,
Вѣтеръ, промчавшись, затихъ вдалекѣ.
Кто-то, надъ темной водой наклонясь,
Смотритъ, какъ листья плывутъ по рѣкѣ.

Солнце заходитъ. Въ послѣднемъ лучѣ
Желтые листья горятъ на плечѣ.

Феликсъ Чудновскій.

ЛѢТО.

Я къ травамъ влажнымъ, ко мхамъ прохладнымъ,
Измученъ зноемъ, лицомъ приникъ.
Я слухомъ чуткимъ, я слухомъ жаднымъ
Въ подземныхъ шумахъ узналъ родникъ.

Поля простерлись равниной знойной,
Надъ ними полдня безмѣренъ свѣтъ.
А въ рощѣ тихой, въ тѣни спокойной
Ни блеска солнца, ни зноя нѣтъ.

И шумъ охоты, и звуки рога
Мнѣ чутко слышны издалека.
Мертва, пустынна вдали дорога,
Задумчивъ ропотъ струй родника.

Феликсъ Чудновскій.

НА ЛИТВѢ.

А. М. Ѳедорову
посвящаю.

— Ну, Ирочка, вотъ мы и на моей родинѣ. Ты хотѣла тишины и одиночества, смотри, какъ бы они не испугали тебя здѣсь.

Она слегка приподнялась. Нѣтъ, ее это не можетъ испугать. Петроградъ со своей суетой и шумомъ не вязался съ ея счастьемъ. Да и было ли это счастье? Что-то, вырвавшее ее изъ семейной утренней жизни, одуряющее, волнующее, смутное... И самъ онъ, такой же непонятный и немного пугающій, представлялся большимъ, сильнымъ, таинственнымъ, но настоящаго очарованія, таинственности и силы не было. Казалось, что этому мѣшаетъ Петроградъ, и что въ глуши, въ безлюдьи и тишинѣ чудесно возникнетъ и опредѣлится его образъ, тотъ, о которомъ мечтала такъ давно и такъ смутно.

Поѣздъ замедлилъ ходъ. Семафоръ. Сейчасъ и станція.

Взглянула въ окно: сплошной хвойный лѣсъ, который они прорѣзали раньше, пересѣкался теперь просѣками, а вотъ открылся довольно широкій горизонтъ, съ синеватой полосой вдали. Опять лѣсъ.

Станція.

— Ты подожди здѣсь, а я похлопочу о дальнѣйшемъ способѣ передвиженія.

Ира оглядѣлась. Низкія бревенчатыя зданія станціонныхъ службъ, убѣгающія въ даль рельсы, дрожащія отъ осенняго пронизывающаго вѣтерка березки, отъ которыхъ отлетали пожелтѣвшіе листочки, и хмурыя-хмурыя сосны подъ сѣрымъ небомъ.

Поѣздъ двинулся дальше. Навстрѣчу, угрюмо приговаривая что-то колдовское, прошелъ страннаго вида закопченый паровозъ.

Красные вагоны... „Полѣсскіе“.

Худые бѣлесые люди, непохожіе на тѣхъ, что она видѣла до тѣхъ поръ, посуетились, подвигались и исчезли. Остались же на платформѣ два бѣлорусса, въ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ и штанахъ. Длинные безжизненные волосы, безжизненные глаза. И сами безжизненные, особенно передъ этимъ чернымъ евреемъ, съ длинными пейсами, крутившимися вдоль веснущатаго восковoго лица. Еврей вскидывалъ руками, ногами, головой, точно его кололи, и все, руки, ноги, голова на длинной худой шеѣ, и длинный залощенный лапсердакъ, все это при каждомъ движеніи какъ будто грозило оторваться отъ него. Она разсмѣялась, подумала:—совсѣмъ еврей изъ „Тараса Бульбы“.

— Ну, идемъ, досталъ, — услышала позади голосъ мужа, какъ всегда, чужой и немного насмѣшливый.

— Досталъ обыкновенный крестьянскій возъ, тебѣ неудобно будетъ, но еврей-почтарь скрылся куда-то; не стоитъ ждать, и такъ поздно пріѣдемъ.

Простая телѣга. Наложили сѣна. Бѣлесый человѣкъ, котораго звали странно—Баннедысь, покричалъ на лошадей, похлопалъ кнутомъ, на ходу вскочилъ на передокъ и застылъ, точно заснулъ.

Опушка лѣса, а тамъ и самый лѣсъ втянули въ свою глубину, гдѣ уже завечерѣло, и сумерки путались въ черныхъ вѣтвяхъ, отягощенныхъ тишиною и неподвижностью; въ душу проникала безотчетная жуть, и эта неподвижность внизу тяготила еще болѣе отъ беззвучнаго колебанія вершинъ, по которымъ пробѣгали тоскующія волны... И странно было надъ этими вершинами видѣть блѣдныя, дрожащія звѣзды, но къ нимъ тянуло взглядъ, и у нихъ подавленная душа искала успокоенія и ободренія.

Золотыя искорки звѣздъ просѣивались сквозь черныя дрожащія сѣти и какъ будто танцовали во мракѣ и погружали душу въ незнакомое ей оцѣпенѣніе. Она очнулась отъ сдержанныхъ голосовъ, встревожилась: мужа нѣтъ на возу. Но сейчасъ же увидѣла его впереди. Высокая фигура въ темномъ выдѣлялась среди бѣлыхъ одеждъ, и среди этихъ бѣлыхъ фигуръ онъ одинъ былъ какъ живой среди выходцевъ съ того свѣта.

Три встрѣчныхъ воза поравнялись, проѣхали мимо, но рядомъ очутился мужъ.

— Ну, але, ну, але,—затихали голоса вмѣстѣ съ скрипомъ колесъ.

— Ты не спишь, Ирочка? Скоро мы будемъ дома, возбуж-

денно и какъ-то празднично говорилъ онъ.—Правда, нашъ-то домъ совсѣмъ развалился, ну да перебудемъ у моей кормилки Марты.

Перемѣнивъ голосъ, обратился къ Баннедысю:—въ Красной Рудѣ мы лошадей напоимъ.

И опять къ ней:

— Ну, я пойду, родная, а ты засни.

Но она не заснула.

Колдовской лѣсъ тянулся еще версты три... Красная Руда. Лошади стали возлѣ избы.

Корчма. Старая, съ мшистымъ навѣсомъ, и подъ нимъ два тускло свѣтящихся окошка.

— Войдемъ, разомни ноги, напейся. Корчма старая, грязная, но здѣсь трактъ, и, можетъ быть въ ней останавливались попутно даже короли, не говоря о магнатахъ съ такими хорошенькими панночками, какъ ты.

Ира сошла съ воза, ноги какъ не свои. Да и вся она не своя.

Ей, выросшей на Черномъ морѣ, въ веселомъ шумномъ городѣ, представлялось, что она видитъ сонъ, темный, лѣсной сонъ, но просыпаться не хотѣлось...

Обгорѣлые пни торчали рядомъ съ избою; стояли два распряженныхъ воза; три-четыре хаты чернѣли, какъ большія могилы.

Кругомъ лѣсъ, лѣсъ, но звѣзды здѣсь больше на свободѣ, и свѣтятъ дружнѣе, семейнѣе.

Она едва не задохнулась въ корчмѣ. Воздухъ такой спертый, точно вошла въ звѣриную берлогу. Чадитъ крошечная керосиновая лампочка, на нарахъ храпятъ и сопятъ. Земляной полъ посыпанъ стружками, которыя свалялись какъ войлокъ. Изъ сосѣдней каморки доносится заунывный голосъ, и видно, какъ что-то качается взадъ и впередъ: стучитъ колыска-зыбка, укачиваютъ ребенка. Она поспѣшила выйти наружу. И опять покатилась телѣга, съ рытвины на рытвину, съ холма на холмъ.

Разступается и рѣдѣетъ лѣсъ.

Затрясло на мостикѣ, загрохотало. Что-то плещетъ внизу, шлепается въ воду, а тамъ опять разлилась темнота, но не такая, какъ въ лѣсу, а ровная, плоская, съ дрожащими на ней искорками. Озеро—и тянетъ отъ него сыростью, плѣсенью и рыбой.

Мужъ бросилъ Баннедысю нѣсколько словъ по-литовски, и тотъ обрадовался и заговорилъ на непонятномъ языкѣ, и они такъ говорили до самой деревни.

Она не узнавала въ этомъ тихомъ журчащемъ говорѣ обычно-громкаго голоса своего мужа, и съ этими голосами по-родному сливался доносившійся съ озера плескъ.

На берегу озера темнѣли избы, мрачныя, молчаливыя, угрюмыя, точно напуганныя со временъ Гедимина и Ягайлы величіемъ и сумракомъ лѣса, рабствомъ и нищетой жизни.

На перекресткахъ высокіе, черные, покосившіеся кресты, проѣденные мохомъ, точно выросшіе здѣсь, какъ кругомъ—черныя сосны.

Лошади стали у избы, огонекъ падалъ изъ маленькаго окошечка и блестѣлъ на валявшемся подъ нимъ измятомъ жестяномъ ведрѣ.

Съ воплемъ и причитаніемъ выбѣжала изъ избы женщина къ возу, наткнулась сразу на лошадиныя морды, всхлипнула и опустилась къ ногамъ своего вскормленника.

— Ну, Марта, ну, успокойся, я тоже радъ видѣть тебя.— Онъ поднялъ кормилицу, обнялъ ее, повернулъ къ возу.

— Вотъ моя молодая жена.

Ирина Михайловна выкарабкалась съ воза, и женщина несмѣло потянулась къ ней.

— Квѣточка моя, ясочка моя, зозулечка моя родненькая,— завела безконечную ласку, ухватилась за протянутыя къ ней руки, и цѣловала, и приговаривала, пока не вошли въ избу.

Здѣсь при свѣтѣ лучины Ирина Михайловна разглядѣла у женщины странно-молодые блестящіе глаза на старомъ лицѣ, взмокшемъ отъ радостныхъ слезъ.

Это отъ лихорадки. Такое мѣсто: у всѣхъ лихорадка.

Въ избѣ Марта сразу прекратила причитанія, торжественно важными движеніями благословила молодыхъ и тутъ-же суетливо бросилась изъ избы, чтобы приготовить имъ поѣсть.

Ирина Михайловна осмотрѣлась, растроганная. Съ палатей, подъ почернѣлымъ отъ копоти потолкомъ, свисали три бѣлокурыхъ головенки. Изъ трехъ паръ опѣшившихъ со сна глазъ внимательно и болѣе осмысленно смотрѣла пара ясныхъ глазъ.

Подъ нарами что-то копошилось и причмокивало.

— Ягнята, Господи, да неужели ягнята. Всѣ вмѣстѣ, и дѣти, и ягнята!

— Ну да, что-жъ тутъ удивительнаго, въ хлѣву по утрамъ заморозки, вотъ ягнятъ и берутъ въ избу, чтобы не померзли.

— Нѣтъ, Марта,—встрѣтилъ онъ кормилку,—спать намъ здѣсь будетъ не ладно.

— Я въ свиронѣ постелю.

— И въ свиронѣ не лучше. Скорѣе на сѣновалѣ. Холодно, ну да можно укрыться потеплѣе.

II.

Съ сѣновала пахло свѣжимъ сѣномъ и чибрикомъ. Ира влѣзла по лѣсенкѣ чуть не подъ крышу и съ размаха плюхнулась въ сѣно, ахнула, погружаясь въ ароматную глубину, да такъ со смѣхомъ на губахъ и заснула.

Проснулась отъ заревого холодка и зачихала: сѣно набилось въ уши, въ ротъ, въ носъ. Она встряхнулась, не понимая спросонья, гдѣ она и что съ нею. Вспомнила, улыбнулась. Сквозь щель проникалъ ранній утренній свѣтокъ. Она, не вставая, подползла къ щели и вскрикнула отъ неожиданности. Большое озеро передъ нею въ сѣровато-синемъ предутреннемъ свѣтѣ, молчаливое, замкнутое вдали темно-синей стѣной лѣса, а впереди отороченное желтымъ пескомъ. Выдолбленный изъ цѣльнаго ствола челнокъ слабо покачивался, какъ черный гробъ.

Островъ съ черными соснами посрединѣ, и среди нихъ дикіе, древніе камни. Развалина. Сердце сжалось, похолодѣло. Боже, какая печаль!

Мужъ спалъ, раскинувъ руки, лицомъ внизъ, точно плылъ по волнамъ сѣна. Она осторожно пополза къ выходу и, встряхнувшись, побѣжала къ озеру. У самаго берега остановилась съ широко-открытыми глазами. Ни птицъ, ни травы.

— „И озеро заколдованное“ — прошептала она, вспоминая прошедшую ночь.

Почернѣлыя отъ времени избы еще смотрѣли по-ночному, точно имъ не хотѣлось просыпаться у этого сѣро-синяго озера, подъ сѣро-синимъ небомъ. И огромные черные кресты вдали на распутьяхъ. Древніе черные кресты. Распятіе, распятіе... Какъ страшно это слово въ этой природѣ, въ этой жизни, которая здѣсь остановилась, смирилась, замерла, какъ озеро, затаивъ гдѣ-то въ глубинѣ невыплаканную тоску, сдавленную боль.

Кресты повторялись, отраженные въ озерѣ, позеленѣлые отъ въѣвшагося въ нихъ мха, и въ этихъ отраженіяхъ былъ свой мрачный смыслъ.

Тишина озера шла изъ его глубины и на землю, и Ирина Михайловна вздрогнула, когда въ этой тишинѣ вдругъ занылъ и заплакалъ тягучій старческій голосъ.

— Владычица усердная, Марія Милосердная, за насъ, людей міра сего, моли Ты Сына Своего.

Такъ, такъ... Именно этого голоса, этой плачущей молитвы недоставало здѣсь. Ирина Михайловна оглянулась.

Самая близкая къ ней изба вросла въ землю. Уже ночь ушла за озеро въ дрему синяго лѣса, уже утро озаряло воду, но тѣнь ночи еще таилась въ этой избѣ, и лучина горѣла мертвенно-блѣднымъ огнемъ. Ира подкралась къ окошечку. Половину избы занимала широкая черная печь, и лучина горѣла на шесткѣ въ чугунномъ котелочкѣ. А на деревянной низкой скамейкѣ, вытянувъ на тощей шеѣ уродливую бѣлую голову по направленію къ переднему углу, и самъ весь хилый и бѣлый, сидѣлъ старый литвинъ и, покачиваясь, тянулъ безконечную, безнадежную молитву.

— Своимъ Покровомъ защити. Веди по правому пути...

Ира не шевелилась, прижавшись къ мшистому, прогнившему косяку.

Шумъ шаговъ заставилъ ее оглянуться. Юноша лѣтъ 17-ти остановился, смотритъ на нее.

Глаза синевато-сѣрые, точно кусочки озера, лицо тихое, печальное. Она позвала его кивкомъ головы. Подошелъ нерѣшительно, не сводя съ нея глазъ.

Она указала на окно.

Онъ понялъ ее:

— Это дѣдъ Матвѣй. Онъ сперва всѣ польскіе псалмы и молитвы пропоетъ, потомъ русскіе. Ночь-то и минуетъ.

Замолчалъ, завязалъ и развязалъ шнурокъ пояса.

Ирина Михайловна отошла отъ окна и тутъ замѣтила, что разсвѣло, и край неба на востокѣ, сквозь легкую облачность, мутно алѣлъ.

Озеро оживилось легкою рябью, розоватой на ровныхъ гребешкахъ зыби, и вода заплескала на пескѣ, точно продолжала молитвы, которыя пѣлъ старикъ.

Съ конька избы поднялся аистъ и полетѣлъ, медленно и широко взмахивая крыльями, на островъ.

— Боцянъ,—слабо улыбнувшись, проговорилъ юноша.

— Что?

— Боцянъ.

— А на островѣ что?

— Камни да сосны, а былъ костелъ. Давно это было. Говорятъ за грѣхи монаховъ разбилъ его громъ, спалила молнія, а колоколъ будто на дно упалъ, и будто подъ большіе праздники

звонитъ, а праведные и дѣти слышатъ звонъ. Я не слышалъ,—съ сожалѣніемъ вздохнулъ онъ.—А можетъ и слышалъ, когда совсѣмъ маленькимъ былъ, да не помню. А вѣрнѣе неправда это. А что костелъ былъ, это правда. Тамъ и сейчасъ находятъ межъ камнями позеленѣвшія старинныя монеты-шеляги. На нихъ ничего не купишь; ими ребята играютъ. Вотъ.

Онъ вынулъ изъ кармана небольшую серебрянную монету. Fridericus Borussorum Rex,—прочла она.

— Это отъ Фридриха Прусскаго.

Профиль царственной красоты и величія отлично сохранился на серебрѣ. Странно, было что-то общее въ линіяхъ профиля юноши съ этимъ профилемъ. Только выраженіе другое: вмѣсто гордости—смиреніе, вмѣсто вызова—безнадежность.

Здѣсь все какъ-то родное другъ другу,—подумала Ирина Михайловна.—Но кто этотъ юноша, откуда у него такая связная рѣчь?

Въ отвѣтъ на ея мысли тотъ сказалъ.

— А я здѣшній, я здѣсь всѣ легенды знаю, а у насъ, на Литвѣ, легендъ много: объ озерѣ легенда, о моглицахъ легенда, о костелѣ легенда, о крестахъ легенда... О настоящемъ нечего сказать, такъ о прошломъ говорятъ.

— Ваша легенда напоминаетъ Потонувшій Колоколъ.

— Да, и сказаніе о городѣ Китежѣ,—добавилъ онъ,—только нашъ колоколъ, наше прошлое не подымется; есть на немъ заклятіе такое, про это и пѣсня есть.

Онъ говорилъ монотонно, тягуче, но въ послѣднихъ словахъ у него было что-то такое, отчего у нея холодокъ прошелъ по волосамъ.

— А что за пески желтѣютъ тамъ?

— Это Могличенъ Рогъ—могилы, да и само озеро—большая водяная могила.

Теперь и люди не такіе, и могилы не такія, и памяти о нынѣшнихъ людяхъ такой не останется. Тамъ, знаете, разливъ подмываетъ могилы, кости выбрасываетъ, черепа; такъ, повѣрите ли, у череповъ въ челюстяхъ всѣ зубы цѣлые.

— Ира, ты!—Грубо ворвался въ тихую бесѣду голосъ мужа.—Конечно, гдѣ-жъ тебя было и искать, какъ не тутъ. А я тебя на кладбищѣ искалъ; въ избѣ, гдѣ ребенокъ родился; на выгонѣ, гдѣ ягнята пасутся.

— А это кто?—удивленно взглянулъ онъ направо.

— Я матушкинъ братъ.

— Костя?

— Нѣтъ, Костя старшій, Костя умеръ. Я Василій.

— Не помню, да и гдѣ помнить. Ну, да ладно, здравствуй, Василій.

Ирина Михайловна обидѣлась и смутилась этимъ—ты,—но вѣдь онъ былъ здѣсь свой. Свой? Нѣтъ, онъ не свой. Вчера ночью, въ бесѣдѣ съ Баннедысемъ онъ показался ей на минуту „своимъ“. Онъ слишкомъ здоровъ, шумливъ и бодръ. Ей стало жаль, что онъ такой, что онъ ничего ей здѣсь не объяснитъ, ничего не освѣтитъ. Онъ, какъ и она, здѣсь случайный гость, и они пройдутъ мимо этой жизни, какъ проходили тысячи подобныхъ имъ, „и можетъ быть, и короли, и магнаты“...

И странно, что онъ казался ей загадочнымъ. Здѣсь, гдѣ все прошлое дѣйствительно было загадочнымъ, а настоящее призрачно, какъ тѣнь этого прошлаго, онъ, наоборотъ, какимъ-то непонятнымъ чудомъ опредѣлился въ грубое и незначительное существо.

Вотъ сейчасъ, навѣрно, будетъ говорить о ѣдѣ.

И ей стало жутко, когда онъ заговорилъ.

— Я уже поѣлъ и напился молока. Вотъ и ты иди сейчасъ съ Мартой, а я схожу къ батюшкѣ. Тамъ у насъ есть чай и сахаръ, но все запаковано, выпей молока.

— Идемъ, касаточка, идемъ, рыбонька; ишь тоненькая какая, какъ вѣточка,—запѣла Марта, очутившаяся около.

— Василій Иванычъ, у матушки нѣтъ рыбы для ихъ? Ума не прикину, что бы имъ поснѣдать въ полдень.

— А у меня тутъ сѣти, я сейчасъ съѣзжу—посмотрю.

И Вася, быстро отвязавъ челнокъ, отчалилъ, отталкиваясь шестомъ.

На стальной поверхности озера челнокъ вздрагивалъ и качался, какъ живой, быстро удаляясь къ острову.

Ирина Михайловна съ Мартой вошла въ избу, и тутъ обѣ стали высматривать и выспрашивать одна другую. Гостья спрашивала о людяхъ, о прошломъ, а Марта осторожно ощупывала все, что было надѣто на ней, всему дивилась, особенно высокимъ каблукамъ ея туфель.

Когда вернулся мужъ, онъ засталъ ихъ уже пріятельницами.

— Ну, это ты напрасно съ ними такъ за панибрата, хоть Марта и кормилка моя,—сказалъ онъ женѣ по-французски.— Они здѣсь къ этому не привычны.—И продолжалъ по-русски:— Ирочка, дорогая,—я долженъ тебя оставить, мнѣ нужно немедленно съѣздить на нашу землю. Тамъ полное разрушеніе. А тебя я подкину батюшкѣ. Я ужъ съ ними переговорилъ. Это тебя развлечетъ.

III.

На краю деревни, противъ кладбища, поповскій домъ съ мезониномъ, который прилѣпился на немъ, какъ шляпа съ чужой головы. Около дома палисадничекъ и бѣдные сѣровато-синенькіе цвѣты въ немъ, точно и цвѣты были изъ озера.

На крыльцо вышелъ батюшка въ синемъ холщевомъ подрясникѣ и грубыхъ сапогахъ, весь такой бѣлый, мягкій и пушистый, точно сдѣланъ изъ ваты, и голосъ у него былъ ватный, мягкій.

— Здравствуйте, гости дорогіе, птицы залетныя!—нараспѣвъ началъ онъ, простирая руки, такимъ тономъ, точно начиналъ службу въ церкви. Ира сразу почувствовала къ нему расположеніе и довѣріе.

Съ внѣшней мягкостью не вязалось пожатіе сухой, твердой руки.

Но это впечатлѣніе смягчилось новымъ привѣтствіемъ его, обращеннымъ къ ней, которое заставило ее улыбнуться:

— Совсѣмъ ликъ Іоганны Д'Аркъ; помню въ юности, семинаристомъ, секретно былъ въ театрѣ, въ Гроднѣ...

Батюшка наклонилъ на бокъ голову и искоса поглядѣлъ на нее маленькими, все еще блестящими глазами.

— Точь въ точь.

— Ну, отецъ, не выдумывай, то какая-то французанка, басурманка, прости Господи, а они слава Богу крещеныя. Ну, да вы на него не обижайтесь, онъ и меня когда-никогда Ледей Макбетъ величаетъ. Что ужъ еще! — и отмахнулась рукой, заодно продолжая жестъ, по направленію къ крыльцу.

— Въ домъ милости прошу.

Матушка была полная, рыхлая, съ лицомъ, похожимъ на хлѣбъ съ изюминками: глаза — изюминки, ротъ — изюминка, и такой же маленькій носикъ.

Рядомъ съ нею стояла миловидная барышня, въ чистенькомъ, выцвѣтшемъ отъ безконечныхъ стирокъ сарпинковомъ платьицѣ.

— Евлаша, поди насчетъ чаю, повелительно распорядилась матушка.

— Что-жъ, вы и поздороваться намъ съ Евлашей не дадите,— возмутилась Ира.

— Молодая она еще, чтобы съ нею чиниться.

— Ну, поди, поди, нечего...

Вошли въ домъ. Сразу обдало запахомъ смирны, деревяннаго масла и борща.

Кисейныя занавѣски на окнахъ, бумажный цвѣточекъ на колечкѣ у лампы, бисерное пасхальное яичко у образа, съ вѣточкой прошлогодней вербы. Клѣтка съ канарейкой, гитара съ алымъ бантомъ на стѣнѣ. Все было обычно, и низкіе потолки шли къ этой обстановкѣ.

Но тутъ же гостья ахнула отъ восторга и неожиданности—по комнатѣ неслышно прошла лѣсная козуля и замерла, приподнявъ ножку и гордо-граціозно повернувъ головку, и кроткіе человѣчьи глаза ея съ диковатымъ испугомъ взглянули, и вздрогнули чуткія, трепещущія ноздри.

День былъ воскресный и въ домѣ приготовили завтракъ по-праздничному. Густой темно-коричневый медъ въ большой хрустальной старомодной вазѣ пахнулъ лѣсной зеленью и дикими травами. Темное мясо дикой козы, присланное лѣсничимъ изъ урочища въ подарокъ, и даже самый хлѣбъ, сѣрый и душистый, все это было ново для пріѣзжей и на время отвлекло отъ скорбныхъ впечатлѣній.

Евлаша, успѣвшая нацѣпить на себя малиновый бантъ, жеманясь и стараясь показать себя передъ гостями, не говорила, а „выражалась", ухитряясь въ то же время смотрѣться въ чищенный самоваръ съ печатью „Тула", очень развлекавшей батюшку.

— Скажите на милость,—Тула, занималъ онъ гостей, а что за Тула, какая она, Тула, такъ и не видѣлъ никогда, и не придется увидѣть, и сколько такихъ мѣстъ на свѣтѣ! Вы вотъ, небось, всего повидали?

— Путешествіе такое пріятное развлеченіе для души, я смерть люблю путешествовать,—выразилась Евлаша.

— Пу-те-шество-вать,—уничтожающе протянула матушка,—въ коровникъ все твое путешествіе, да на свиронъ. Нечего къ скоромному то подбираться, завтра будешь просфоры печь. Грѣхъ забыла.

Евлаша передернула плечами, тряхнула бантомъ и протянула руку отъ мяса козы къ гитарѣ, желая хоть здѣсь отличиться передъ гостями.

— Да, да, поиграйте, попросила гостья.

Евлаша тронула струны и пронзительно запѣла:

„Когда бы имѣлъ я златыя горы
И рѣки чище серебра,
Все отдалъ бы я за ласки взоры,
Лишь только бы ты была моя".

Въ эту минуту дверь пріотворилась. Сначала, выгибая спину и жеманясь, какъ Евлаша, вошла кошка, а за нею Вася. Въ ту же минуту откуда-то сверху донесся протяжный, сверлящій сердце вопль:—у-у-у...

— Что, у тебя руки, что-ли, пообсыхали!—вскинулась матушка.—Грѣхъ какой, Марылю дразните! Брось визжать и тренькать,—перевела на Евлашу гнѣвъ матушка.

Завываніе продолжало доноситься сверху. Оно было дикое, но не монотонное, похожее на первобытную жалобу скорби, и закончилось такимъ безнадежнымъ стономъ, что гостья содрогнулась.

Козуля подняла голову и быстрыми, легкими прыжками понеслась наверхъ.

— Жалѣетъ,—равнодушно сказалъ батюшка, вытирая потъ послѣ пятой чашки чая.

— Это моя старшая дочка Марыля, она не въ умѣ.

— Какъ не въ умѣ?

— Да такъ, человѣкъ, какъ человѣкъ, а какъ нападетъ на нее дурость, вотъ и блажитъ.

Матушка продолжала:

— Такъ, Господь знаетъ съ чего попритчилось ей, училась въ епархіальномъ, думали съ этой толкъ будетъ, коли съ Евлашей не вышелъ...

— Скажете!—недовольно откликнулась Евлаша.

— Съ простуды, или съ чего, неизвѣстно, а только съ тѣхъ поръ вотъ такъ все и пропало зря, только деньги переводили.

Батюшка добавилъ:—Вотъ, не любитъ, когда ея гитару трогаютъ: Она сама хорошо играетъ, только пѣсни скучныя поетъ, про старое все, про озеро...

Два большихъ печальныхъ глаза, которые сразу показались глазами козули, взглянули изъ-за двери; и сейчасъ же, осторожно ступая, вошла высокая, худощавая дѣвушка, босая, въ темномъ платьѣ, съ рванымъ платкомъ на плечахъ и растрепанными космами русыхъ, слегка вьющихся, волосъ.

И, словно никого не видя, она обвела горницу тоскливымъ, блуждающимъ взглядомъ, снова завыла, какъ бы машинально захватила гитару и потянулась вонъ, волоча за собой по полу растрепанный платокъ, и козуля пошла за ней слѣдомъ, точно подражая ея осторожнымъ, лунатическимъ движеніямъ.

Ирина Михайловна, потрясенная, невольно ухватилась рукой за матушку, и та, видя ея поблѣднѣвшее лицо, чувствуя дрожь руки ея, сама поблѣднѣла, и скорбно закачала головой.

— Ахъ, на все Его Святая воля!

Мужъ, который все время съ аппетитомъ ѣлъ, бесѣдуя съ батюшкой о цѣнѣ на рабочія руки и на лѣсъ, вдругъ громко засмѣялся чему-то.

Этотъ смѣхъ особенно оскорбительно отозвался въ его женѣ.

Не сказавъ ни слова, она вышла.

И опять большое свинцовое озеро блеснуло передъ глазами. Съ озера бѣловатой дымкой тянулся туманъ на черныя избы и кресты Могличенаго Рога.

И опять донесся вой, и вслѣдъ за нимъ печальные, вздрагивающіе звуки гитары, и пѣсня, какъ бы вылившаяся изъ этого воя:

Надъ озеромъ нашимъ заклятье,
Гнѣвъ Божій его поразилъ,
И старый костелъ громъ разрушилъ
И колоколъ вглубь погрузилъ.

IV.

Уже вторую недѣлю живетъ Ирина Михайловна въ поповскомъ домѣ.

Вотъ она вернулась съ озера съ Васей, прозябла и грѣется въ кухнѣ, и такъ вкусно пахнетъ изъ духовки тушенымъ мясомъ и капустой.

Евлаша на чистой, гладко обструганной доскѣ раскатываетъ тѣсто для просѳоръ, толстыми привычными пальцами прикладываетъ печать, съ изображеніемъ Богородицы.

Изъ окна виденъ огородъ, разрытый полосками, бѣлобрысыя работницы копаютъ бульбу-картофель. За работой наблюдаетъ сама матушка, умудряющаяся, благодаря своимъ неустаннымъ трудамъ и ухищреніямъ, сводить концы съ концами.

На матушкѣ старые батюшкины сапоги, голова замотана безконечнымъ коричневымъ платкомъ; изъ старой шубейки лѣзутъ клочья желтой ваты, и ужъ вогнать ихъ на мѣсто и починить нѣтъ никакой возможности.

Приходъ бѣдный. Еще старики придерживаются пережитковъ уніи, а со своими прихожанами батюшка рука объ руку, и, какъ выражается матушка, — „оттого упускаетъ свое“.

— А я за всѣхъ своими боками отдувайся.

— Ничего, попадюша, — посмѣивается батюшка, — у тебя бока-то мягкіе. Ну да Богъ дастъ, переведутъ въ Россію. За долготерпѣніе—Владыка обѣщалъ.

Вася стоитъ у печки и грѣетъ, вытягивая и потирая, иззябшія руки надъ плитой.

— Меня никто здѣсь не любитъ — равнодушно и спокойно продолжаетъ онъ разсказывать про свою жизнь. Да и правда. Ни къ чему я тутъ. Не даромъ матушка-сестра говоритъ, что я—какъ неприкаянный. Стараюсь я образоваться, читать, а чѣмъ больше образуюсь, тѣмъ больше чужой имъ. Лучше бы, какъ кончилъ приходское училище, да сталъ помощникомъ писаря въ волости, такъ бы и затвердѣть въ такомъ состояніи.

— Ну, что вы, — старается остановить его Ирина Михайловна,—еще жизнь ваша можетъ измѣниться, а главное, образованный, вы здѣсь можете пользы больше принести.

— Нѣтъ, какая здѣсь польза! — онъ безнадежно машетъ рукой.—Тутъ не мѣсто живымъ людямъ, и вы отсюда уѣзжайте скорѣе. Здѣсь ежели я останусь еще на нѣсколько годковъ...

Онъ не договариваетъ. Сверху доносится протяжный, хватающій за душу вой.

Вася блѣднѣетъ и едва шевелитъ тонкими губами:

— Вотъ, такъ же взвою. Вѣрно, что заклятье надъ нашимъ озеромъ, да и не только надъ озеромъ, но и надъ всѣми нами, кто здѣсь живетъ душой. Эхъ, если бы вырваться въ Петроградъ! Разскажите еще про Петроградъ, Ирина Михайловна — проситъ онъ.

Она разсказываетъ все, что приходитъ въ голову, и видитъ, какъ въ его сѣрыхъ глазахъ загорается жадный огонекъ.

„Отрава, настоящая отрава,—думаетъ она.—Я не должна бы разжигать его мечты. Пусть бы остался здѣсь, а не бѣжалъ бы отсюда, какъ всѣ. Впрочемъ, что-жъ, батюшка и тотъ тяготится, и того отсюда прочь тянетъ въ „Россію".

А это что же такое? Или Россія не мать этому печальному краю! Да и была ли когда-нибудь мать у Литвы! Да и была ли Литва когда-нибудь матерью, а не злой мачехой своимъ дѣтямъ!

Только древнія кости въ Могличеномъ Рогѣ могутъ дать отвѣтъ на это.

А Вася, какъ одурманенный, мечтаетъ вслухъ:

— Убѣжать развѣ? Прямо въ Петроградъ. Городъ великій.— Дворцы.—Электричество. За огромными зеркальными окнами — цвѣты.—Петръ Великій верхомъ на бронзовомъ конѣ надъ самой Невой. — Театры богатѣйшіе. А главное, науки, искусства — Публичная библіотека, профессора, писатели.

— Иду я какъ-то по набережной маленькаго канала—раз-

сказываетъ Ира, — вижу дощечка, а на ней надпись: *Здѣсь скончался А. С. Пушкинъ.*

У меня прямо духъ захватило...

Она смотритъ на Васю и видитъ, какъ тотъ еще болѣе поблѣднѣлъ и глаза широко открыты съ такой тоской, что ей становится жалко его, и вопреки ея волѣ у ней срывается:

— Знаете, Вася, поѣдемте съ нами въ Петроградъ. Мужъ тамъ пристроитъ васъ.

Она уже раскаивается въ томъ, что сказала это. Сама не знаетъ почему, но ей становится почти страшно, что онъ обрадуется, согласится.

И дѣйствительно, Вася сначала весь загорается радостью. Но молчитъ... Смотритъ на нее во всѣ глаза. Постепенно обычная блѣдность возвращается ему на лицо...

— Я подумаю,—тихо говоритъ онъ.—Я подумаю. Это нельзя такъ, сразу.

Онъ уходитъ, опустивъ голову.

Вѣрно хочетъ посовѣтоваться со своими,—съ тайной опаской думаетъ Ирина Михайловна.

Бубенчики почтовыхъ лошадей нарушаютъ ея сомнѣнія.

Мужъ. Онъ всегда является неожиданно и шумно. И неожиданно и шумно обрываетъ и ломаетъ движенія жизни.

— Ѣдемъ, Ирочка, собирайся скорѣе.—Прощайся, благодари батюшку и матушку. Ѣдемъ къ поѣзду. Дѣла экстренно вызываютъ меня.

V.

Сейчасъ уѣдутъ.

Ирина Михайловна ждетъ Васю. Его долго не было: можетъ быть, прощается съ озеромъ. Она смотритъ въ окно на озеро и до слезъ жаль разставаться съ нимъ. Почему, — она сама не знаетъ, и, вѣрно, еслибъ ей суждено было остаться здѣсь надолго, она бы испугалась.

Приходитъ Вася и тоже молча смотритъ въ другое окно.

За окномъ огородъ. Работницы возлѣ огня грѣются и перебрасываютъ съ рукъ на руки горячій картофель. За огородомъ— проѣзжая дорога, а за ней ограда деревенскаго кладбища съ темными елями и соснами, съ высокими черными крестами.

Озеро въ сторонѣ отъ кладбища, и надо всѣмъ холодное сѣрое небо.

— Что же, Вася?—спрашиваетъ Ирина Михайловна.

Вася оглядывается. Глаза его полны непонятнымъ восторгомъ.

— Нѣтъ, Ирина Михайловна,—просто говоритъ онъ.—Я не поѣду. Она не спрашиваетъ почему. Но онъ тихо добавляетъ:

— Если я уѣду, тутъ и попечалиться некому будетъ объ этихъ несчастныхъ мѣстахъ и людяхъ.

Слезы бросаются изъ сердца прямо къ ея глазамъ. Она подходитъ къ Васѣ и быстро цѣлуетъ его, боясь разрыдаться.

— Ира, гдѣ ты? Надо спѣшить.

Батюшка широкимъ крестомъ благословляетъ уѣзжающихъ. Матушка плачетъ, а глядя на нее, плачетъ и Евлаша.

Тарантасъ отъѣзжаетъ отъ крыльца.

Тутъ Ирина Михайловна вспоминаетъ, что она не простилась съ сумасшедшей. Она проситъ мужа остановиться.

— Ну, что за блажь! Очень ей надо твое прощаніе. Слышишь, какъ она завыла.

Ирина Михайловна сжалась отъ скорби и одиночества. Въ послѣдній разъ взглянула на озеро. По берегу шелъ Вася къ своему челноку. Поѣдетъ на островъ, чтобы оттуда дольше видѣть съ развалинъ костела ея удаляющійся экипажъ.

Тяжело и мрачно застыло озеро. Сосны, да поросшіе мхомъ черные кресты, да курныя избы.

Холодный вѣтеръ рванулся и понесъ съ Могличена Рога желтый песокъ. Точно мутный колеблющійся призракъ, разрастаясь и качаясь, понесся отъ древнихъ могилъ къ древнему костелу.

Л. Знойко.

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Отгремѣли въ темныхъ тучахъ грома гулъ и грохотанье.
Послѣ блеска молній жгучихъ такъ спокойно въ небесахъ.
Но чутка душа живая и хранитъ воспоминанье
Объ уставшихъ, отблиставшихъ и померкнувшихъ огняхъ.

Ночью осени безкрылой, ночью осени печальной,
Въ душномъ сумракѣ молчанья, словно въ каменномъ гробу,
Оживетъ въ душѣ, быть можетъ, грохотъ бури музыкальной,
Оживитъ душа, быть можетъ, молній дерзкую борьбу.

Такъ и въ старости печальной, такъ и въ старости безкрылой
Вспыхнетъ то, чѣмъ сердце жило, непокорнымъ торжествомъ.
Такъ познай же блескъ и бурю, чтобъ предъ тѣсною могилой
Озарилъ предсмертный сумракъ яркій молніи изломъ.

А. Палѣй.

ДНИ И ВСТРѢЧИ.

1. Все прекрасное, чѣмъ бы оно ни было, прекрасно само по себѣ, похвала не входитъ въ него составной частью.
2. Скоро ты забудешь обо всемъ, и все, въ свою очередь, забудетъ о тебѣ.

Маркъ Аврелій.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ.
Но съ благодарностію,—были.

Жуковскій.

I.

Съ каждой минутой то, что передъ нами искрилось живой и полной значенія дѣйствительностью, уходитъ въ прошлое. Но это рѣдко замѣчается, это не останавливаетъ на себѣ вниманія въ водоворотѣ окружающей жизни. Нужно остановиться на мгновеніе и бросить взглядъ въ прошлое, чтобы былая дѣйствительность вставала со всѣми своими чертами, терявшимися иногда въ стремительномъ потокѣ жизни. И пусть при такомъ взглядѣ стираются тѣ мелочи, которыя казались когда-то значительными, чтобы тѣмъ ярче вырисовывались общіе контуры, дающіе смыслъ жизненному явленію или человѣческой жизни. И мнѣ хочется иногда подѣлиться съ людьми впечатлѣніями пережитаго. Вѣдь если каждый моментъ общественной жизни есть наслѣдіе предыдущаго, то взглядъ въ прошлое дѣлаетъ для людей яснѣе смыслъ той жизни, которую творятъ они сами.

Вся моя жизнь прошла среди литературы и земской работы. Для меня теперь несомнѣнно, что одно мѣшало другому. На это

когда-то обращалъ вниманіе покойный А. П. Чеховъ и нерѣдко говорилъ со мной по этому поводу. Но я нисколько и ни на одну минуту не жалѣю объ этомъ. Меня съ ранней юности тянуло къ художественной литературѣ и общественной дѣятельности. И безъ того или другого жизнь представлялась бы мнѣ неполной и оставляла бы впечатлѣніе еще меньшей удовлетворенности, чѣмъ теперь. Такъ проходили дни, чередуя жизнь въ столицѣ, губернскомъ городѣ и деревнѣ. Отъ обыденной, совсѣмъ будничной работы, похожей на досадную скачку съ препятствіями, благодаря вѣковой борьбѣ съ развитіемъ русской общественности, обстоятельства переносили меня въ центры художественной и умственной жизни страны, близко сводили меня съ тѣми незаурядными людьми, имена которыхъ словно освѣщали современную имъ жизнь.

И мнѣ хочется для себя и для общества записать нѣсколько воспоминаній объ этомъ. Я не претендую дать характеристику прошедшей передо мной эпохи, не разсчитываю дать яркихъ и исчерпывающихъ образовъ моихъ современниковъ. Это сдѣлается со временемъ историками и историками литературы. Я даже не смотрю на мои нѣсколько случайныя записки, какъ на мемуары. Такая форма, думается мнѣ, уже одной своей литературной законченностью была бы для меня стѣснительной. Пусть это будутъ отрывочныя замѣтки, и пусть онѣ сохранятъ на своихъ страницахъ воспоминанія и образы, встрѣчи и дни, которые, иначе, быть можетъ, исчезли бы изъ памяти. И записать ихъ—кажется мнѣ моимъ литературнымъ и общественнымъ долгомъ.

Первымъ именемъ, которое должно занять мѣсто на этихъ страницахъ, должно быть имя моей няни, Матрены Ивановны Болдыревой. Крѣпостная моей матери, впослѣдствіи ея другъ, дѣлившій съ ней житейскія заботы, она окружала мою жизнь тѣмъ уютомъ и лаской, безъ которыхъ затруднена была бы, быть можетъ, моя общественная и литературная работа. Помню я ее съ тѣхъ поръ, какъ сталъ помнить себя. Это она вынянчила и холила мое дѣтство, подъ ея любящей лаской я росъ, какъ подъ лучомъ яркаго солнца. Со мной переѣхала она въ доставшееся мнѣ по наслѣдству имѣніе и до самой смерти, какъ хозяйка и другъ, заботилась о моей одинокой кочующей жизни, неизмѣнной лаской встрѣчала моихъ литературныхъ и общественныхъ друзей. И многіе изъ нихъ платили ей признательной любовью. Я часто слышалъ отъ нихъ, что такіе типы, изрѣдка

странно выроставшіе на уродливой почвѣ крѣпостного права, теперь уже невозможны. Несомнѣнно—это справедливо по отношенію къ нѣкоторымъ бытовымъ чертамъ типа. И такой неисправимый книжникъ, какимъ былъ покойный В. П. Острогорскій, любилъ сближать мою няню съ знаменитой пушкинской Ириной Родіоновной. Но вспоминая о своей нянѣ, я говорю о вѣчномъ. Я говорю о той беззавѣтной любви и преданности, именно женской преданности, которая всегда была и останется красотой человѣческой жизни.

Тотъ укладъ помѣщичьей жизни, который встрѣчалъ зарю моего дѣтства, постепенно и безслѣдно ушелъ въ вѣчность. То было время совсѣмъ близкое къ крѣпостному праву, котораго я, впрочемъ, не помню. Помѣщичьи дома наполнены были разнообразной дворней, педагогическій персоналъ представлялся многочисленными гувернантками, гувернерами и учителями, и дѣтская жизнь проходила среди природы, обрядовой жизни деревни и разныхъ, иногда неожиданныхъ педагогическихъ опытовъ. Въ сущности мы всѣ, помѣщичьи дѣти, воспитывались болѣе или менѣе одинаково, и на этомъ едва ли есть надобность останавливаться. Все это получило свое вѣрное и прекрасное отраженіе въ художественной литературѣ, все это обстоятельно записано въ воспоминаніяхъ современниковъ. Прекраснымъ въ нашемъ дѣтствѣ было знаніе природы и любовь къ ней, такъ же, какъ знаніе окружающей жизни. Въ то далекое время, когда капитализмъ только еще начиналъ расшатывать устои хозяйственнаго строя, классовая борьба была не ярка, и отношенія были иными, дававшими большую возможность простого человѣческаго сближенія, особенно дѣтямъ. Въ такой обстановкѣ я, такъ же какъ и мои сверстники, готовился при посредствѣ многочисленныхъ гувернантокъ и учителей къ поступленію въ привилегированное учебное заведеніе. И десяти лѣтъ отъ роду, послѣ молебна, отправленъ былъ я вмѣстѣ съ братьями цѣлымъ поѣздомъ въ два тарантаса съ подводой, наполненной багажомъ и провизіей, за сто тридцать верстъ на ближайшую тогда желѣзнодорожную станцію для доставленія насъ въ Петербургъ. И тамъ уже, послѣ долгаго путешествія, былъ я по молодости лѣтъ водворенъ въ частный приготовительный пансіонъ. Въ пансіонѣ, впрочемъ, былъ я недолго и, сколько помнится, въ началѣ слѣдующаго учебнаго сезона перешелъ при первой открывшейся ваканціи въ Училище Правовѣдѣнія.

Привилегированныя учебныя заведенія являются несомнѣннымъ историческимъ пережиткомъ. Теряя съ каждымъ днемъ

смыслъ своего существованія, теперь они являются совсѣмъ уже ненужной и дорогой для народа затѣей. И чѣмъ шире распространяется образованіе въ народѣ, тѣмъ долженъ быть ближе часъ ихъ паденія. Но въ свое время въ нихъ царили классовыя традиціи и сохранялся опредѣленный и яркій тонъ. И въ тѣ времена, когда искусство было дворянскимъ, и Лицей, и Училище Правовѣдѣнія насчитывали талантливыхъ питомцевъ. Жемчужникова, Аксакова и Апухтина выпустило училище, и музыка одно время нашла въ немъ пріютъ. Сѣровъ и Чайковскій были еще свѣжи въ памяти училища, когда я въ него поступалъ. И моимъ старшимъ сверстникомъ, воспитанникомъ старшаго класса, когда я былъ въ младшемъ, недолгое время былъ Г. А. Лишинъ. Я помню его игру на фортепіано въ долгіе зимніе вечера, его какую-то совсѣмъ особенную, вдохновенную мелодекламацію, которой онъ, кажется, былъ родоначальникомъ въ нашей музыкѣ, помню его всегда ласковое, остроумное обращеніе съ окружающими. Въ томъ же году онъ кончилъ училище. Встрѣчалъ я его потомъ и слышалъ нѣсколько разъ на концертныхъ эстрадахъ и привѣтствовалъ вмѣстѣ съ другими его неизмѣнный успѣхъ... Но какъ-то быстро ушелъ изъ жизни этотъ талантливый юноша, и мнѣ всегда казалось, что онъ унесъ съ собою какія-то неисполненныя, но большія возможности.

Учился я лѣниво и плохо. По тѣмъ предметамъ, которые меня интересовали, я шелъ хорошо, много работалъ и много читалъ. Зато по другимъ рѣшительно ничего не дѣлалъ, являя собою примѣръ лѣнтяя первостепеннаго. Въ то же время знакомство съ тогдашними студенческими кружками, съ ихъ полной общественнаго интереса жизнью, тянуло меня изъ училища. Я мечталъ о подготовкѣ къ гимназическому экзамену, мечталъ объ университетѣ. И онъ представлялся мнѣ въ двойномъ ореолѣ. Въ ореолѣ храма чистой науки и въ то же время въ ореолѣ того храма справедливости, лучи которой озарятъ мою родину. Кончились эти мечты однако совсѣмъ прозаически. Пробылъ я въ училищѣ всего года четыре, возясь съ переэкзаменовками, и, наконецъ, отказавшись отъ послѣдней, вышелъ для дальнѣйшей гимназической подготовки. Упоминаю объ этомъ здѣсь потому, что въ сущности за все время пребыванія въ училищѣ я исключительно занимался литературой и издавалъ рукописный классный журналъ, интересовавшій товарищей и вызывавшій иногда громы начальства по поводу „Внутреннихъ обозрѣній".

Ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ сотрудникомъ журнала былъ мой товарищъ по классу—Василій Львовичъ Величко. Это былъ очень

нервный, богато одаренный юноша, превосходно владѣвшій стихомъ. Въ сжатой формѣ стиха онъ умѣлъ передать самый колоритъ настроенія, его характерные оттѣнки. Вскорѣ онъ выступилъ въ общей литературѣ, начавъ, кажется, съ тогдашняго иллюстрированнаго журнала „Живописное Обозрѣніе", и по достоинству былъ замѣченъ и оцѣненъ обществомъ. Судьба разобщила и развела насъ въ равныя стороны, и я издали продолжалъ слѣдить за ростомъ моего школьнаго товарища, выроставшаго въ искренняго и вдумчиваго поэта. И чѣмъ дальше уходили дни жизни, тѣмъ значительнѣе и глубже разъединяли они меня съ моимъ школьнымъ товарищемъ. Въ то время, когда онъ уходилъ направо, я все больше и больше отклонялся налѣво. Я зналъ, что В. Л. Величко уѣхалъ редактировать правительственную газету на Кавказъ, а потомъ, вернувшись, сдѣлался однимъ изъ ревностныхъ членовъ „Русскаго Собранія". Я же къ тому времени принадлежалъ къ другимъ, совсѣмъ противоположнымъ сферамъ русской общественности. И все-таки, когда зимой 1891 года мы встрѣтились въ Петербургѣ, между нами, бывшими школьными товарищами, а теперь идейными врагами, нашелся общій языкъ. Такимъ языкомъ была любовь къ литературѣ и интересъ къ художественному творчеству. Величко зашелъ ко мнѣ, и просилъ, вспоминая начало нашей совмѣстной дѣтской работы, зайти къ нему пообѣдать, предваривъ его своевременно. Я это и сдѣлалъ, пославъ ему извѣщеніе въ слѣдующей формѣ:

Коль разныхъ несчастій по волѣ боговъ
Со мною, мой другъ, не случится,
Въ субботу, на Ванькѣ, къ тебѣ въ шесть часовъ
Твой вѣрный товарищъ примчится.
Заставимъ мы снова съ тобою ожить
Картины минувшаго дѣтства;
Чтобъ въ сердцѣ тоску и печаль заглушить,—
Не знаю я лучшаго средства.
Для призраковъ милыхъ забудемъ мы свѣтъ,
Гдѣ все—иль обманъ, иль утрата.
Итакъ—до свиданья. Прими мой привѣтъ,—
Поклонъ отъ печальнаго брата.

Ждать мнѣ пришлось недолго. Отвѣтъ по почтѣ пришелъ на другой день:

Томимъ хандрою неизбѣжной,
Я на судьбу ворчалъ, но стихъ,
Когда во мракъ души мятежной
Проникъ твой ласковый и нѣжный,
Твой искрометный, звонкій стихъ.

Влекомъ извощичьей кобылкой
И жаждой родственной души,
Спѣши ко мнѣ, и за бутылкой
Змѣю печали рѣчью пылкой,
Волнами хохота души.
Лопатой памяти, Владиміръ,
Amice, прахъ былого рой.
И самъ Слефогтъ [1]) войдетъ ins Zimmer,
Влетитъ исчезнувшій für immer
Событій дѣтства смутный рой.

В. Величко.

Обѣдъ былъ очень оживленнымъ, сердечнымъ и интереснымъ. Обѣдало насъ на этотъ разъ немного, — всего только трое. И третьимъ былъ дружески расположенный къ В. Л. Величко— В. С. Соловьевъ. Теперь, издали, составъ собесѣдниковъ за товарищескимъ столомъ кажется мнѣ достаточно оригинальнымъ.

Представитель лѣваго теченія тогдашней общественности въ моемъ лицѣ, опредѣленно правыхъ убѣжденій поэтъ и, наконецъ, глубочайшій мистикъ и философъ, образъ незабвенный для всѣхъ, его знавшихъ,—В. С. Соловьевъ. До поздней ночи тянулась бесѣда на темы художественнаго творчества, его глубинъ и значенія, переплетаясь съ мистическимъ исканіемъ вѣчной правды и проблеммой таинственнаго назначенія человѣчества... Приходилось мнѣ и еще нѣсколько разъ встрѣчаться съ В. Л. Величко, иногда въ сообществѣ того же В. С. Соловьева. Вскорѣ я уѣхалъ въ провинцію и уже тамъ узналъ изъ газетъ о ранней кончинѣ моего школьнаго товарища, съ которымъ мы когда-то работали въ дѣтскомъ рукописномъ журналѣ, гдѣ среди стиховъ и прозаическихъ отрывковъ встрѣчались попытки довольно наивныхъ, но иногда задорныхъ статеекъ.

II.

Однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей среди интеллигенціи Петербурга былъ въ свое время Викторъ Петровичъ Острогорскій. Онъ былъ учителемъ словесности въ многочисленныхъ гимназіяхъ, былъ причастенъ литературѣ, въ которой выступалъ, какъ очень талантливый популяризаторъ. Его біографіи классическихъ писателей и такія книжки, какъ „Изъ міра великихъ преданій", широко расходились по всей Россіи, на нихъ, также

[1]) Учитель латинскаго языка.

какъ и на его лекціяхъ и урокахъ, воспитывались цѣлыя поколѣнія. Его многочисленные ученики и еще болѣе многочисленныя ученицы разносили его извѣстность по всей странѣ вмѣстѣ съ анекдотами о немъ и молвой объ обаятельности его личности.

В. П. Острогорскій былъ чрезвычайно оригинальнымъ типомъ убѣжденнаго педагога и литератора, типомъ, ярко отразившимъ на себѣ всю эпоху шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Этой эпохой отъ него, такъ сказать, вѣяло, и онъ пронесъ съ собой ея черты до самой могилы. И наиболѣе характернымъ выраженіемъ той эпохи являлся онъ не въ томъ ея теченіи, которое отрицало эстетику, а наоборотъ, въ томъ, которое ей поклонялось. Человѣкъ близкій къ театру, преподававшій выразительное чтеніе и литературу въ театральномъ училищѣ, Острогорскій былъ своеобразнымъ эстетомъ, направленія, разумѣется, самаго реалистическаго.

Я познакомился съ нимъ тогда, когда онъ редактировалъ журналъ „Дѣтское Чтеніе", куда я принесъ свой маленькій и, сколько помнится, довольно наивный разсказъ. Издателемъ маленькаго журнальчика былъ уральскій казакъ Бородинъ, тоже довольно типичный шестидесятникъ. Разсказъ мой понравился. Я былъ немедленно обласканъ Редакціей и немедленно же приглашенъ ею выпить стаканъ пива. Редакція вообще носила характеръ демократичности чрезвычайной.

Считаю необходимымъ замѣтить теперь же, что Острогорскій не былъ пьяницей. Это былъ скорѣе типъ глубокой богемы и бражникъ, любившій засиживаться по трактирчикамъ и ресторанамъ въ горячихъ спорахъ и бесѣдахъ съ товарищами. Только, можетъ быть, впослѣдствіи, когда пошатнулось его здоровье, и онъ очень быстро пьянѣлъ, онъ могъ производить впечатлѣніе человѣка, имѣвшаго болѣзненное пристрастіе къ вину. И работоспособность и многочисленность занятій Острогорскаго оправдываютъ мое утвержденіе. Слава В. П. Острогорскаго, какъ учителя, очевидно покоилась на его безпредѣльной любви къ своему предмету. Пусть его научный багажъ могъ быть недостаточнымъ для ученаго, но онъ съ такимъ увлеченіемъ передавалъ его слушателямъ, всегда расширяя сухія и формальныя рамки программы, что слушатели увлекались, становясь на единственно вѣрный путь самообразованія. Отсюда и искренняя, горячая любовь слушателей къ своему лектору, которую мнѣ случалось такъ часто наблюдать въ теченіе моего долгаго знакомства и дружбы съ В. П. Острогорскимъ.

Любовь эта принимала иногда поистинѣ трогательныя формы.

И можетъ быть, самымъ красивымъ ея проявленіемъ была встрѣча Острогорскаго раннимъ утромъ на улицѣ со своими ученицами петербургской Коломенской гимназіи. Передъ этимъ Острогорскій былъ, кажется, послѣ ареста Шелгунова, временнымъ и, вѣроятно, фиктивнымъ редакторомъ журнала „Дѣло". Какъ редакторъ, онъ подвергся обыску и препровождался въ участокъ для какихъ-то объясненій. Былъ тотъ утренній часъ, когда петербургскія улицы наполняются учащимися. И какъ разъ на углу какой-то улицы гимназистки старшихъ классовъ встрѣтили своего учителя, сопровождаемаго стражей. Полились искреннія слезы, вызванныя нелѣпой русской дѣйствительностью. Ибо нѣтъ возможности представить себѣ что-либо безобиднѣе въ политически-бунтарскомъ смыслѣ этого идеалиста-педагога... Изъ участка, впрочемъ, его немедленно выпустили. Но и въ участкѣ, повидимому, была довольно сильна его популярность. По крайней мѣрѣ знакомые много смѣялись по поводу другого посѣщенія Острогорскимъ участка. Дѣло было такъ. Засидѣвшись ночью въ ресторанѣ „Золотой якорь", Острогорскій съ товарищемъ возвращался домой. Но въ своемъ приподнятомъ настроеніи онъ не могъ равнодушно проѣхать мимо памятника Петра Великаго. Онъ остановилъ извозчика и вмѣстѣ съ товарищемъ подошелъ къ памятнику, чтобы продекламировать пушкинскіе стихи по адресу Мѣднаго Всадника. Въ пылу декламаціи Острогорскій уронилъ за рѣшетку памятника свой портфель, за которымъ пытался перелѣзть за рѣшетку его товарищъ. Кончилось это появленіемъ городового и водвореніемъ нарушителей порядка въ участокъ. Но именно тамъ ждала ихъ помощь. Былъ посланъ полицейскій за портфелемъ, а популярнымъ педагогамъ было предложено пиво...

Такое приключеніе является очень характернымъ для Острогорскаго. И впослѣдствіи, когда мы съ нимъ путешествовали по Крыму, или когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ деревню, — мнѣ всегда бросалась въ глаза его оригинальная черта литератора-книжника. Острогорскій, повидимому, меньше чуялъ красоты природы, чѣмъ ея литературныя отраженія. И когда передъ нимъ вдругъ, на поворотѣ шоссе, появлялась лазурная полоса моря, онъ вспоминалъ соотвѣтствующіе стихи и не могъ ихъ не высказать такъ же, какъ не могъ не привѣтствовать Мѣднаго Всадника... Долгіе годы прожилъ я въ дружбѣ съ Острогорскимъ, черпая въ этой беззавѣтной любви книжника къ великой литературѣ какое-то бодрое чувство. Любовь,—подлинная любовь,—всегда благотворна и заразительна. Но при всей любви къ строгимъ классическимъ образцамъ Острогорскій не былъ лишенъ

своеобразнаго юмора. Лично знавшіе его помнятъ и исполненіе имъ пѣсни Гейне: „Скажи мнѣ, кто вздумалъ часы изобрѣсть“ и исполненіе сочиненной имъ оперы „Чашка шоколада“, одной изъ раннихъ пародій на оперные спектакли. И когда, провожая его изъ Алушты въ Петербургъ вмѣстѣ съ товарищемъ, близкіе ему люди успокоились, снабдивъ его билетомъ и всѣмъ необходимымъ для путешествія, имъ пришлось немало смѣяться, получивъ телеграмму:

Ѣдемъ, ѣдемъ—третій день.
Трезвы, будто два дитяти,
Кровъ вагона—наша сѣнь,
Покупаемъ вздоръ печати;
Осторожно водку пьемъ,
Помня малость нашихъ средствій.
Такъ въ вагонахъ мы живемъ
Безъ печали и безъ бѣдствій.

Привожу здѣсь и еще одно изъ юмористическихъ стихотвореній В. П. Острогорскаго, которое онъ часто декламировалъ и любилъ записывать пріятелямъ на память въ альбомы. Вотъ эти стихи:

Въ жизни важно только важное,
Съ нимъ и слѣдъ впередъ идти,—
По тому пути отважные
Не застрянутъ на пути.
А когда дѣла неважные
Человѣка обойдутъ,
Такъ и самые отважные
Человѣка не спасутъ.
Весь онъ съ грязью несказанною
Погрузится въ тину бѣдъ:—
Очень жалко окаяннаго,
Что погибъ во цвѣтѣ лѣтъ.

Въ сущности преподаваніе и популяризація знаній была главнымъ жизненнымъ дѣломъ Острогорскаго. Въ этомъ сопровождалъ его успѣхъ всюду — отъ гимназіи до устраивавшихся земствомъ общеобразовательныхъ курсовъ для учителей. Но случалось ему выступать и редакторомъ. Кромѣ „Дѣтскаго Чтенія“, ему пришлось организовать вмѣстѣ съ Александрой Аркадьевной Давыдовой журналъ „Міръ Божій“, перешедшій потомъ въ реформированномъ видѣ въ „Современный Міръ“. Въ началѣ журналъ былъ задуманъ не какъ общій литературно-политическій, а какъ серьезный популярный журналъ для юношества. Я участвовалъ въ первой Редакціи этого журнала и долженъ сказать, что роль

Острогорскаго была не изъ легкихъ и не изъ удачныхъ. Дѣло въ томъ, что по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ и невозможно было поставить сколько-нибудь сносно журналъ съ такой задачей, и пришлось поневолѣ переходить на обычный типъ общаго журнала, къ редактированію котораго Острогорскій былъ явно неподготовленъ. И его вопросы, обращенные ко мнѣ по поводу того, что, говорятъ, появились какіе-то марксисты, были достаточно комичны въ то время, когда именно въ журналѣ, редакторомъ котораго онъ числился, эти марксисты свивали себѣ прочное гнѣздо... Не въ этомъ, повторяю, заключалось жизненное дѣло Острогорскаго, но суть своей жизни связалъ онъ съ большой и талантливой работой. Работу эту онъ закончилъ красиво: основаніемъ народной школы въ Валдаѣ, гдѣ у него была маленькая усадьба въ послѣдніе годы его жизни. Изъ огромной, къ сожалѣнію, утраченной мной переписки у меня осталось немного. Привожу здѣсь два его письма. Въ одномъ онъ предоставляетъ мнѣ право издать составленную имъ біографію Жуковскаго въ пользу пушкинскаго общества народныхъ учителей пензенской губерніи и говоритъ о своей школѣ, а другое рисуетъ его настроеніе незадолго передъ смертью.

16 сентября 1901 г.

Дорогой другъ мой

Владиміръ Николаевичъ.

Живу въ новой маленькой квартиркѣ на той же лѣстницѣ, противъ прежней. Хозяйствомъ заправляетъ Александра Александровна, ухаживающая за мной, какъ за ребенкомъ. Но... одиночество... немножко тяжело. Сижу дома, да и ходить некуда. Елизавета Яковлевна хвораетъ... Нашелъ, говорятъ, чудеснаго учителя для Валдайской школы, который съ садовникомъ и предаются дѣлу. На дняхъ будетъ утвержденъ уставъ попечительства школы, и 13-го октября, вѣроятно, будетъ первое собраніе. Радъ за успѣхъ дѣла Жуковскаго и Гоголя (мое изданіе въ пользу пушкинскаго общества В. Л.). Считаю нужнымъ сообщить, что тверское земство обратилось ко мнѣ съ просьбой дать изъ „Двадцати біографій“ Жуковскаго и Гоголя для безплатной раздачи въ 50000 экз. по Тверской губерніи. Думаю, это не повредитъ дѣлу Вашего общества. Впрочемъ я написалъ объ уступкѣ Жуковскаго вамъ и просилъ съ вами снестись. Портреты обязательно и стихотворенія съ примѣчаніями помѣщай... На юбилеѣ Д. И. Тихомирова буду обязательно, выѣзжаю въ четвергъ. Юбилей будетъ праздноваться помпезно: — ко мнѣ пріѣзжалъ Южинъ и

просилъ быть предсѣдателемъ на банкетѣ въ Лит. Худ. кружкѣ. Поцѣлуй Петра Федоровича Орелкина.

Твой Викторъ Острогорскій.

1902 г. февраля 21.

Дорогой, милый другъ
Владиміръ Николаевичъ.

Комнаты отдѣльной у меня нѣтъ, но есть диванъ въ моемъ кабинетѣ... Ты насъ не стѣснишь, а напротивъ, оживишь наше одиночество. Побесѣдовали бы о многомъ. Александра Аркадьевна Давыдова какъ будто поправляется. Я самъ затосковалъ, но ты размыкаешь мою тоску. Ждемъ.

Твой В. Острогорскій.

Острогорскому не пришлось дождаться меня. Смерть отъ рожистаго воспаленія при общей слабости сердца быстро свела его въ могилу... И теперь изъ прошлаго встаетъ передо мной образъ талантливаго, отзывчиваго и необыкновенно добраго человѣка со всѣми чертами времени, ушедшаго, какъ и онъ, въ вѣчность.

III.

Рядомъ съ именемъ Острогорскаго по несомнѣнному праву должно занять мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ имя Петра Федоровича Орелкина. По харатеру Орелкинъ въ извѣстной степени былъ противоположностью Острогорскаго. И если Острогорскій былъ человѣкомъ дѣйственнаго слова, одной изъ разновидностей рудинскаго типа, то Орелкинъ былъ человѣкомъ реальнаго, даже практическаго дѣла. Сынъ крестьянина новгородской губерніи, пробившійся собственными силами въ интеллигенцію, онъ таилъ въ себѣ свою крестьянскую сметку вмѣстѣ не съ идейной только, а органической любовью къ народу. Вращаясь въ своей земской работѣ главнымъ образомъ въ области народнаго образованія, я безъ всякаго преувеличенія могу сказать, что такого яркаго педагогическаго таланта мнѣ не приходилось встрѣчать ни прежде, ни послѣ. И было очевиднымъ, что для его развитія Орелкинъ въ ранней юности тревожно искалъ самобытныхъ путей. Кончивъ городское училище, онъ безъ всякаго, разумѣется, матерьяльнаго обезпеченія уѣхалъ въ Швейцарію, представлявшуюся тогда передовой страной въ дѣлѣ постановки народнаго образованія. И

только уже, кажется, послѣ этой поѣздки, снабдившей его богатыми наблюденіями, кончилъ учительскій институтъ. Влюбленный въ свое дѣло крестьянскій сынъ теперь сознательно отдавалъ себя на службу народу.

Педагогическая дѣятельность Орелкина началась учительствомъ въ городскомъ училищѣ и продолжалась инспекторствомъ въ городскомъ училищѣ Царскаго Села. Исключительная яркость его таланта и его природныя свойства сдѣлали изъ Орелкина не только поклонника Ушинскаго, какими были тогда всѣ сколько-нибудь убѣжденные педагоги, но и прямого и оригинальнаго продолжателя его традицій. Познакомился я съ нимъ на земской работѣ въ Пензѣ, куда онъ былъ назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ. На такое назначеніе я сперва не обратилъ никакого вниманія. Слишкомъ тогда была извѣстна съ отрицательной или безразличной стороны роль инспекторовъ въ дѣлѣ образованія. И передъ этимъ незадолго у насъ скончался старый и добродушный чиновникъ, обижавшійся однако, если ему не подавали учителя калошъ. Но вотъ, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, Орелкинъ зашелъ ко мнѣ. Онъ сказалъ, что пришелъ именно потому, что слышалъ о моемъ интересѣ къ народному образованію, и что онъ былъ бы радъ работать совмѣстно. И меня поразило то, что съ первыхъ же словъ онъ заговорилъ о ненормальномъ и приниженномъ положеніи учительства, о необходимости его сорганизовать. И въ дальнѣйшемъ моя земская работа на цѣлый десятокъ лѣтъ слилась съ работой Орелкина. Дѣятельность его, благодаря яркости его таланта и какому-то особенно деликатному руководительству учительской средой, вносила бодрость и радость туда, гдѣ ея, казалось, не полагалось по штату.

Вліяніе Орелкина было громадно и простиралось далеко, если принять во вниманіе, что тогда вся губернія дѣлилась на два инспекторскіе участка. На мою долю выпало тоже участіе въ организаціи пензенской народной школы. И я долженъ сказать безпристрастно, что въ этой организаціи я былъ только слабымъ помощникомъ Орелкина. Но благодаря его участью, оживились и другія отрасли дѣла. Легче стало устраивать курсы для народныхъ учителей, на которыхъ намъ часто приходилось выступать съ нимъ совмѣстно. Внѣшкольное образованіе, начинавшееся тогда земствомъ, въ его лицѣ неизмѣнно встрѣчало авторитетную и мощную поддержку. И, наконецъ, по его инціативѣ возникло Пушкинское общество взаимопомощи народныхъ учителей пензенской губерніи. На мнѣ лежала за-

дача связать это общество съ земствомъ, да добывать на первое время небольшія средства путемъ издательства популярныхъ книжекъ. Это были дешевыя біографіи писателей, частью написанныя мной, частью Острогорскимъ, да такія популярныя брошюры, какъ „Александръ II“—Н. Ф. Езерскаго... И теперь, когда оглядываешься назадъ, кажется удивительнымъ, что Орелкинъ могъ такъ много сдѣлать для школы въ условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ для этого. А начальную городскую школу онъ буквально вывелъ съ задворковъ и довелъ ее до зала Городской Думы и Дворянскаго Собранія, гдѣ устраивала она свои музыкально-литературныя утра. Не обходилось, разумѣется, и безъ курьезовъ. Такъ, когда извѣстное хрестоматическое стихотвореніе объ епископѣ Гаттонѣ, съѣденномъ мышами, вызвало губернаторское подозрѣніе въ революціонности по тому случаю, что въ губерніи былъ „недородъ“, мнѣ пришлось въ цѣляхъ оправданія программы доказывать, что епископъ былъ по меньшей мѣрѣ католикомъ...

Болѣзнь сердца рано свела въ могилу Орелкина, какъ разъ во время освободительнаго движенія, на которое онъ, соціальдемократъ по убѣжденіямъ, возлагалъ надежды въ смыслѣ нормальной постановки любимаго имъ дѣла народнаго образованія. И съ собой въ могилу унесъ онъ любовь всѣхъ знавшихъ его народныхъ учителей. Какъ-то незамѣтно и просто прошла эта жизнь талантливаго человѣка. Но глубокіе и плодотворные слѣды оставила она по себѣ. Поистинѣ П. Ф. Орелкинъ сдѣлалъ все, что только могъ для блага людей такъ, какъ онъ понималъ это благо. И теперь еще приходится встрѣчать въ школахъ пензенской губерніи, въ учительскихъ помѣщеніяхъ, портреты Орелкина. Старыя, выцвѣтшія фотографическія карточки...

IV.

Шестидесятые годы вызвали большой интересъ къ только что освобожденному крестьянству. И этотъ интересъ тотчасъ же нашелъ себѣ отраженіе въ художественной литературѣ. Появились писатели-народники. Большинство изъ нихъ впрочемъ обладало скромными по размѣру талантами, и ихъ блескъ они еще уменьшали, заливая его самой тенденціозной публицистикой. Но таково уже было требованіе времени, и оно сыграло свою роль въ демократизаціи нашей литературы. Это можно сказать о многочисленныхъ dii minores тогдашней беллетристики, а не о та-

комъ гигантѣ творческой мысли, какимъ былъ, напримѣръ, Глѣбъ Успенскій. Беллетристика изъ народной жизни наполняла страницы журналовъ, и мы, тогда юноши, за нею съ интересомъ слѣдили. И я былъ очень обрадованъ товарищемъ, обѣщавшимъ меня познакомить съ однимъ изъ писателей-народниковъ, —Павломъ Владиміровичемъ Засодимскимъ. Я ждалъ этого знакомства, предполагая встрѣтиться съ однимъ изъ ярыхъ революціонеровъ. Дѣло въ томъ, что имя Засодимскаго было извѣстно тогда въ литературныхъ кружкахъ и среди молодежи благодаря недавно напечатанному въ „Отечественныхъ Запискахъ" его роману— „Хроника села Смурина". Въ романѣ этомъ, сколько помнится, мужики стремились исключительно къ правдѣ и стояли за правду. А его герой, Василій Кряжевъ, такъ прямо поражалъ своей стойкостью за „міръ" и общественные интересы. Романъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ, часто спрашивался въ библіотекахъ, распространенію его не препятствовали. И всетаки въ нѣкоторыхъ кружкахъ молодежи были почему-то убѣждены, что романъ изданъ былъ за границей. Неудивительно поэтому, что въ лицѣ Засодимскаго я ожидалъ встрѣтить суроваго и непреклоннаго революціонера. Но совсѣмъ иное впечатлѣніе ожидало меня въ маленькой квартиркѣ пятаго или шестого этажа. Были жарко натопленныя три комнатки и среди нихъ чрезвычайно добрый и ласковый человѣкъ съ сѣдыми вьющимися волосами въ бархатной художнической блузѣ. Это и былъ П. В. Засодимскій. Онъ и тогда страдалъ какой-то грудной болѣзнью, боялся простуды, а по лѣтамъ пилъ кумысъ. Жилъ онъ вдвоемъ съ женой, пожилой уже и тоже очень доброй женщиной, и жилъ очень небогато, на границѣ приличной бѣдности. Литературный заработокъ являлся для него, разумѣется, единственнымъ источникомъ жизни. А для некрупныхъ писателей это, какъ извѣстно, тяжелый хлѣбъ. Заботливость четы Засодимскихъ другъ о другѣ была поистинѣ трогательной. И какъ въ первое посѣщеніе, такъ и во всѣ послѣдующіе,—ибо я искренно подружился съ семьей Засодимскихъ и посѣщалъ ихъ довольно часто,—я всегда уносилъ впечатлѣніе чего-то задушевнаго и ласковаго, впечатлѣніе идилліи, современныхъ Филемона и Бавкиды. Таковыми они и были въ своей всегда скромной, трудовой жизни. Многочисленные романы и повѣсти Засодимскаго громкимъ и большимъ успѣхомъ не пользовались, но писались всегда съ хлопотливой любовью. Очевидно, Засодимскій былъ призваннымъ литераторомъ и другимъ дѣломъ въ жизни заниматься не могъ бы, но литераторомъ съ небольшимъ и не яркимъ талантомъ. Наибольшимъ успѣхомъ пользо-

вались его дѣтскіе разсказы, дававшіе ему, кажется, и наибольшій заработокъ. И пользовались, думается мнѣ, потому, что въ нихъ личныя свойства Засодимскаго, какъ человѣка, могли высказаться ярче, чѣмъ въ художественномъ творчествѣ съ задачами болѣе крупными. Дожилъ Засодимскій и до своего писательскаго юбилея, который праздновался прогрессивной частью русской литературы и собралъ видныхъ ея работниковъ съ Н. К. Михайловскимъ во главѣ. И въ юбилейныхъ привѣтствіяхъ отмѣчались и прекрасныя его качества, какъ человѣка, и то искреннее и всегда честное отношеніе къ писательству, которому онъ, какъ могъ и умѣлъ, служилъ всю свою жизнь.

Въ писательскихъ юбилеяхъ есть всегда много ненужнаго, фальшиваго и забавно-помпезнаго. На многихъ присутствовалъ я и уходилъ чаще всего съ чувствомъ стыда. Крики—„да будетъ ему тріумфъ" по праву принадлежатъ или народу или исторіи, а не тѣснымъ кружкамъ единомышленниковъ. Но на этомъ довольно скромномъ праздникѣ мнѣ казалось, что писатель находитъ отраду въ непреувеличенной оцѣнкѣ своей тяжелой трудовой жизни... Привожу здѣсь документъ, оставленный мнѣ въ видѣ грамоты Засодимскимъ послѣ проведеннаго имъ у меня лѣта въ деревнѣ. Мнѣ кажется, что онъ характеризуетъ и его юморъ и въ перечнѣ написаннаго за одно короткое лѣто указываетъ на сосредоточенность писательской работы Засодимскаго. Вотъ эта грамота:

„Симъ точно удостовѣряю, что я, нижеподписавшійся, дворянинъ Имперіи Россійской, Павелъ Засодимскій (онъ же Вологдинъ, Владиміровъ, Валевская и проч. и проч. и проч.) молитвами святыхъ отцовъ, а также по приглашенію добродѣтельнаго хозяина дома сего, провелъ благопотребно лѣто 1888 года отъ Рождества Христова, а отъ сотворенія міра въ 7396-е [1]) здѣсь въ сельцѣ Липнягахъ (или Липягахъ), у обладателя онаго, Владиміра Ладыженскаго, владѣльца одного Малаго Тріанона, многихъ овецъ, барановъ и иныхъ животныхъ, коихъ десятою заповѣдью Моисеевой желать строго воспрещено,—впрочемъ за исключеніемъ жены и осла [2]). Жительствовалъ я оное лѣто въ качествѣ не-

---

[1]) За точность послѣднихъ цифръ не ручаюсь, ибо упоминаемое здѣсь происшествіе случилось, повидимому, во времена довольно отдаленныя.

[2]) Дабы не навлечь на себя нареканія за ложное толкованіе десятой заповѣди, долгомъ считаю пояснить, что словами „за исключеніемъ жены и осла" я всеконечно не хотѣлъ провести ту мысль, что десятою заповѣдью якобы дозволяется желать осла и жены искренняго твоего. Отнюдь нѣтъ! Я только стремился указать на то, что вышесказанныхъ домашнихъ животныхъ, насколько могу довѣрить свидѣтельству

годяя и бездѣльника и въ качествѣ таковаго не въ похвалу себѣ и ближнимъ моимъ не на поученіе настрочилъ слѣдующія писанія, кои и тщусь помедля мало предать тисненію на страницахъ какого нибудь россійскаго ревю:

Во-первыхъ: разсказъ подъ заглавіемъ „Исторія одной уставной грамоты“—не изъ тѣхъ сюжетовъ, что бабамъ и дѣвицамъ нравятся;

Во-вторыхъ: разсказъ „О томъ, какъ попъ Киргиза купилъ“— по существу не столько трогательный, сколько глупый;

Въ-третьихъ: разсказъ подъ заголовкомъ „Старикъ“, въ коемъ читатель по желанію можетъ найти и любовь, и розы, и чертей;

Въ-четвертыхъ: повѣсть „Бѣлый Левкой“, о коей всѣ умные рецензенты на свѣтѣ, по совѣсти говоря, должны въ одинъ голосъ замѣтить, что, судя по этому произведенію, „нашъ извѣстный“ писатель (имя рекъ) окончательно изъ ума выжилъ;

Въ-пятыхъ: весьма основательно начата, но совершенно безосновательно не окончена повѣсть изъ жизни „любезныхъ нашихъ простолюдиновъ“—подъ заглавіемъ „Грѣхъ стараго чабана“.

Въ-шестыхъ: набросана вчернѣ повѣсть — „Недугъ нашего времени“, о коей могу только сказать, что уповаю на нее;

Въ-седьмыхъ: начата статья объ умственномъ движеніи во дни императора Александра I; статья—„сама по себѣ“ ничего, но не особенно тому радуюсь, ибо мню, что ни одна собака, кромѣ цензора, ее не прочитаетъ.

Въ-восьмыхъ: писаны (но не окончены) въ шутливо опереточномъ тонѣ весьма забавные очерки изъ временъ царя Ирода.

Засимъ,—[1])

„Изъявивъ за угощенье
Вотъ [2]) признательность мою,
Я въ сердечномъ восхищеньи
За здоровье его [3]) пью (т.-е. кумысъ).

Дано въ Липягахъ въ 31 день (ненастный) іюля мѣсяца, а годъ смотри гораздо выше.

П. Засодимскій.

очей своихъ, у владѣльца Липяговъ еще не имѣется, чего ради-для мною и сказано: „за исключеніемъ и т. д.

[1]) Сіе стихотвореніе заимствовано мной съ одной изъ спичечныхъ коробокъ почтеннаго полковника Гессе.

[2]) Въ словѣ „вотъ“, повидимому, не должно быть отыскиваемо особаго смысла: сіе рѣченіе, насколько можно догадываться, употреблено для сохраненія размѣра стиха и безъ всякой задней мысли. Дѣти и нѣкоторые поэты чаще впрочемъ въ такихъ случаяхъ ставятъ слово „ужъ“.

[3]) Подъ симъ мѣстоименіемъ долженъ быть подразумѣваемъ никто иной, какъ *самъ*, т. е. Донъ Тріанонскій.

V.

Изъ личныхъ наблюденій въ пору юности вывелъ я ту огромную разницу, которая была между писателями-дворянами и писателями-разночинцами, пришедшими на смѣну первымъ въ литературѣ. Разница эта была ярко отмѣчена, если не ошибаюсь, Глѣбомъ Успенскимъ. Рѣчь идетъ о дѣтствѣ. Въ то время, когда у писателей-дворянъ съ дѣтствомъ по большей части связаны самыя радостныя и свѣтлыя воспоминанія, когда отблескъ этого радостнаго дѣтства сопровождаетъ ихъ дальнѣйшую жизнь и работу, на долю разночинцевъ выпадаетъ иное дѣтство. Оно полно лишеній, выковываетъ ихъ работоспособность, дѣлая ихъ обязанными въ жизни исключительно себѣ. И въ то же время для нихъ лучшее и свѣтлое лежитъ въ будущемъ, а не въ прошломъ, гдѣ иногда не на что оглянуться.

Это относится въ извѣстной мѣрѣ и къ Дмитрію Наркиссовичу Мамину. По крайней мѣрѣ я могъ сдѣлать такой выводъ изъ его, всегда впрочемъ скупыхъ, впечатлѣній дѣтства, которыми со мной онъ дѣлился. Суровая и бездушная учеба въ семинаріи переплеталась въ этихъ разсказахъ съ картинами бѣдной жизни приниженнаго духовенства и рабочаго люда. И фономъ для нихъ служила могучая и красивая природа Урала, которую Маминъ-Сибирякъ чувствовалъ непосредственно, какъ настоящій художникъ. И въ каждомъ мѣткомъ, съ народнымъ оттѣнкомъ, словѣ Мамина чувствовалась какая-то безсознательная, стихійная любовь и къ этимъ роднымъ ему людямъ, и къ этой навсегда запечатлѣвшейся въ его сердцѣ природѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ передъ нимъ съ ранняго дѣтства проходили новые люди Урала, піонеры нарождавшейся промышленности,—некультурные, но рѣшительные, съ закаленной волей, не умѣвшіе и не желавшіе порой считать заработанныхъ шальнымъ успѣхомъ денегъ. И если несомнѣнно, что писатель можетъ писать только то, что знаетъ, то Маминъ осмыслилъ и освѣтилъ свои обширныя знанья любовью, и Уралъ, — оригинальный и разнообразный,—принесъ съ собой русской литературѣ.

И то, что онъ съ собою принесъ, было нетолько оригинальнымъ и новымъ, но и чрезвычайно значительнымъ въ художественномъ отношеніи. Этотъ уралецъ поистинѣ всю свою жизнь прожилъ среди художественныхъ образовъ своего родного края, которые заслоняли отъ него жизнь остальной страны. Я думаю,

что такую мысль можетъ подтвердить слѣдующій отрывокъ изъ его письма ко мнѣ отъ 1-го января 1904 года:

„...Проживаю я въ Царскомъ Селѣ и рѣдко гдѣ бываю,— вѣрнѣе — нигдѣ, за самыми рѣдкими исключеніями. Вотъ и праздники всѣ сижу дома, ибо никуда не тянетъ, да и некуда итти. Какъ-то все надоѣло... Пописываю, почитываю и очень доволенъ, когда день проходитъ. Дѣла идутъ хорошо, на здоровье не могу пожаловаться, а такъ, усталъ. Хочу усиленно поработать до весны, а тамъ хотѣлось бы сдѣлать передышку мѣсяца на три. Между прочимъ, собираюсь и къ себѣ въ Пензу. Нужно же видѣть свое отечество, а то центральной Россіи вѣдь я совсѣмъ не знаю. Чужая она какая-то и совершенно непонятная для меня. Питерскихъ новостей не знаю, да ихъ, кажется, и нѣтъ. Всѣ толкуютъ о войнѣ съ японцемъ, и никто ничего не знаетъ. Въ литературѣ, какъ на Шипкѣ—„все спокойно". Всѣ тебѣ кланяются. Крѣпко тебя обнимаю и цѣлую.

Твой Д. Маминъ.

Маминъ былъ близокъ къ народническимъ кружкамъ литературы не въ силу своей партійности, которой у него никогда не было, а просто по искренней демократичности своей натуры. И эта демократичность вмѣстѣ съ своеобразнымъ юморомъ и отсутствіемъ рисовки и фальши привлекала къ нему всѣхъ его знавшихъ. Въ русской литературѣ это была оригинальная фигура человѣка, принесшаго свой мощный талантъ изъ народной среды и носившаго на себѣ ея подлинный отпечатокъ.

Литературный заработокъ былъ, разумѣется, единственнымъ источникомъ жизни для Мамина. При его огромной работоспособности съ этой стороны дѣло устроилось, и онъ могъ жить, не нуждаясь. Но въ личной жизни его преслѣдовало горе, отъ котораго уйти было некуда. Рано потерялъ Маминъ жену, извѣстную въ свое время артистку Абрамову, скончавшуюся отъ родовъ. Въ эти тяжелыя минуты самое близкое и дружеское участіе въ немъ приняла Александра Аркадьевна Давыдова. И Маминъ часто говорилъ мнѣ потомъ, что безъ нея онъ не зналъ бы что дѣлать, и что безъ добрыхъ людей нельзя было бы жить на свѣтѣ. Умиравшую мать спасти было нельзя. Но докторамъ удалось спасти дочь, извѣстную потомъ по посвященнымъ ей сказкамъ Аленушку, теперь тоже уже скончавшуюся. Аленушка появилась на свѣтъ съ затрудненной рѣчью, съ несовсѣмъ правильной походкой, съ задержаннымъ умственнымъ развитіемъ,

вызывавшимъ впослѣдствіи большія заботы при воспитаніи. И надо было видѣть Мамина среди этихъ заботъ, любовно возившагося съ ребенкомъ и разсказывавшаго ему свои сказки... Я могъ близко наблюдать это не только по моимъ дружескимъ къ нему отношеніямъ, но и потому, что одну зиму прожилъ въ Петербургѣ съ нимъ вмѣстѣ на одной квартирѣ. Дружеская семья А. А. Давыдовой попрежнему поддерживала бодрость Мамина, близко принимая къ сердцу его семейное положеніе. И неподдѣльной грустью вѣетъ отъ такого отрывка письма Мамина ко мнѣ отъ 27 фев. 1902 года.

„...Наши питерскія новости тебѣ извѣстны отъ очевидцевъ и ушеслышцевъ. Веселаго нѣтъ ничего... Послѣдней печальной новостью явилась смерть Александры Аркадьевны. Она умерла всего 53 лѣтъ отъ десятка разныхъ мудреныхъ болѣзней. Вчера мы похоронили ее въ Александро-Невской лаврѣ, рядомъ съ Лидой. Миръ ея праху... Добрая и умная была женщина. Лично ей я былъ особенно обязанъ. Всѣ тебѣ кланяются. Цѣлую тебя во уста сахарныя. Твой Д. Маминъ-Сибирякъ".

Положеніе, занятое Д. Н. Маминымъ въ нашей литературѣ, было и остается вполнѣ опредѣленнымъ. Онъ могъ бы сказать о себѣ, перифразируя извѣстную французскую поговорку: „я пью изъ своего стакана, и этотъ стаканъ не особенно малъ". Послѣднюю половину фразы едва-ли бы однако могъ произнести онъ самъ по присущей ему застѣнчивой скромности, когда рѣчь шла о его работѣ... Его много читали, да и теперь читаютъ въ провинціи. Въ вихревыхъ вѣяніяхъ и теченіяхъ столичной литературы къ концу его жизни уже царили новыя исканія, иногда уклоняясь въ ту манерность и вычурность, которую Маминъ съ добродушной шуткой называлъ „литературнымъ чистоплюйствомъ". Дѣлающійся съ каждымъ днемъ грамотнѣе и образованнѣе народъ, надо думать, успѣетъ ознакомиться съ сочиненіями Мамина раньше, чѣмъ устарѣетъ его оригинальный и красивый языкъ. И въ его сочиненіяхъ встрѣтитъ онъ свою жизнь и услышитъ тотъ зовъ впередъ, который характеризуетъ подлинное художественное произведеніе.

VI.

Послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ", центромъ литературной жизни сдѣлалась редакція журнала „Русская Мысль". И Глѣбъ Успенскій, и Шелгуновъ, и цѣлый рядъ другихъ слав-

ныхъ именъ стали появляться въ московскомъ журналѣ. И случилось это не только потому, что дѣваться имъ было некуда, а потому, что редакція молодого московскаго журнала была именно такова, что могла вокругъ себя собрать прогрессивную русскую мысль. Бывая въ Москвѣ лишь проѣздомъ, останавливаясь дня на два, на три, чтобы забѣжать по пути въ театръ, я познакомился съ редакціей „Русской Мысли“ нѣсколько позже, тогда, когда она сдѣлалась настоящимъ центромъ литературы и самымъ вліятельнымъ журналомъ своего времени.

Поводомъ къ знакомству послужили мои напечатанныя въ журналѣ стихи. Вмѣстѣ съ А. П. Чеховымъ пришелъ я въ редакцію и былъ встрѣченъ ласками и радушіемъ. Я приписалъ это своему появленію совмѣстно съ А. П. Чеховымъ. Но позже, когда я сдѣлался близкимъ человѣкомъ къ редакціи журнала, мнѣ казалось, что мое первое впечатлѣніе было не совсѣмъ точнымъ. Большинство сотрудниковъ и, вѣроятно, большинство тогдашнихъ писателей, какъ-то сразу, не подозрѣвая объ этомъ за нѣсколько часовъ раньше, дѣлались друзьями редакторовъ. И въ этомъ смыслѣ, по сравненію съ болѣе сухими въ дѣловомъ отношеніи петербургскими редакціями, можно было сказать, что „на московскихъ есть особый отпечатокъ“. Отпечатокъ этотъ, разумѣется, зависѣлъ исключительно отъ личныхъ свойствъ редакторовъ. Я едва засталъ уже среди нихъ Ремизова, по болѣзни и старости мало принимавшаго участія въ дѣлахъ журнала. Фактически два редактора вели журналъ. Эстетической и хозяйственной стороной руководилъ Вуколъ Михайловичъ Лавровъ, а публицистической — Викторъ Александровичъ Гольцевъ. И оба редактора были друзьями, что не мѣшало имъ постоянно спорить; они были довольно яркою противоположностью другъ друга. В. М. Лавровъ былъ эстетъ. Онъ тонко цѣнилъ и смаковалъ поэзію и театръ, зналъ на память цѣлый рядъ классическихъ отрывковъ, былъ знатокомъ и цѣнителемъ польской литературы, которую переводилъ и въ которой слѣдилъ за оттѣнками ея направленій. В. А. Гольцевъ былъ публицистъ. Въ то время Гольцевъ чрезвычайно интересовался нашими земскими съѣздами, коихъ мнѣ, всѣхъ до единаго, довелось быть участникомъ. Съѣзды эти были несомнѣнно связаны съ конституціоннымъ движеніемъ. И какъ разъ въ это время, пользуясь ими, Гольцевъ вмѣстѣ съ М. М. Ковалевскимъ занятъ былъ вопросомъ о приданіи болѣе опредѣленныхъ конституціонныхъ формъ нашему земскому движенію. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ наиболѣе дѣятельнымъ членомъ редакціи и велъ большую часть ея дѣлъ. В. М. Лавровъ произ-

водилъ больше впечатлѣніе дилеттанта, но за то настоящаго любителя литературы. Изъ богатой елецкой купеческой семьи, онъ, говорили, прожилъ большое состояніе и теперь, казалось, продолжалъ проживать его на журналъ. Дѣло въ томъ, что его непрактичность бросалась въ глаза, а между тѣмъ онъ завѣдывалъ всей хозяйственной частью журнала и одно время большимъ книжнымъ магазиномъ при немъ. Говорили, что онъ въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ дѣлался часто жертвой обмана недобросовѣстныхъ лицъ. Этому можно было повѣрить, зная его немного лѣнивый характеръ эстета, экспансивнаго только по отношенію къ тому, что его увлекало. Занятый своей работой, Гольцевъ производилъ впечатлѣніе человѣка, очень скромнаго въ своихъ потребностяхъ. Болѣе избалованный жизнью, Лавровъ былъ требовательнѣе и часто возилъ своихъ сотрудниковъ въ рестораны угощать изысканнымъ завтракомъ или обѣдомъ, въ которыхъ онъ былъ настоящимъ знатокомъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ широкихъ натуръ, которыя, кажется, чаще всего встрѣчаются въ Москвѣ, построившей свои дворцы для ѣды. Но оба они, — и Лавровъ и Гольцевъ, — пламенно любили литературу и честно служили ей. „Русская Мысль“ заняла свое опредѣленное мѣсто въ исторіи русской литературы и обязана она этимъ несомнѣнно двумъ названнымъ мной именамъ. Въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ я не претендую, разумѣется, дать исчерпывающихъ характеристикъ ея редакторовъ. Мнѣ просто хочется записать то, что безъ этого, быть можетъ, стерлось бы въ памяти...

Въ бумагахъ моихъ лежитъ визитная карточка В. М. Лаврова съ написанными на ней стихами, надъ которыми, передавая ее мнѣ, онъ много смѣялся. Онъ мнѣ сказалъ, что передъ самымъ моимъ приходомъ заходилъ В. С. Соловьевъ и сочинилъ свою эпитафію. Философъ-мистикъ, какъ извѣстно, былъ и поэтомъ, и юмористомъ. Вотъ эта эпитафія:

Владиміръ Соловьевъ
Лежитъ подъ камнемъ этимъ.
Былъ прежде философъ,
А нынѣ сталъ шкелетомъ.
Онъ душу потерялъ,
Не говоря о тѣлѣ,
Ее діаволъ взялъ
Его собаки съѣли.
Прохожій, научись
Изъ этого примѣра,
Сколь пагубна любовь
И сколь полезна вѣра.

По мѣрѣ того, какъ уставалъ все больше и больше Лавровъ и начиналъ прихварывать,—редакціонныя дѣла тяжелѣе ложились на плечи Гольцева. И временами было ему совсѣмъ не легко. Вотъ что писалъ онъ мнѣ въ одномъ изъ недатированныхъ писемъ:

„Съ большимъ волненіемъ прочелъ твой маленькій разсказъ, дорогой Владиміръ Николаевичъ... Думаю напечатать въ августѣ. Опять сижу въ Москвѣ: коллеги ничего не дѣлаютъ... А я устаю, зарабатываю не больше, а меньше, втягиваюсь въ долги. Плохо. Тутъ еще съ цензурой воевать приходится. Назаревскій отъ имени Соловьева потребовалъ вырѣзать въ іюньской книжкѣ три вещи. Я отказался и вызвалъ Лаврова. Тотъ согласился. Я поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ узналъ, что Назаревскій просто напросто солгалъ. Соловьевъ ничего не требовалъ, а предлагалъ Назаревскому подтвердить его же собственный доносъ. Это ужъ немножко много. Гдѣ ты? Что ты? Будь здоровъ.

Твой В. Гольцевъ.

А уже 17 апрѣля 1903 года Гольцевъ извѣщалъ меня:

„Дорогой Владиміръ Николаевичъ!

Лавровъ боленъ. Работать онъ не можетъ, а для продленія жизни ему надо жить на югѣ. Я надѣюсь образовать артель для пріобрѣтенія „Русской Мысли". Если это не удастся,—журналъ попадетъ въ другія руки.

Твой В. Гольцевъ.

Изъ личныхъ разговоровъ съ Гольцевымъ я уже зналъ, что дѣла „Русской Мысли" давно-уже, въ силу разныхъ обстоятельствъ, приняли неблагопріятный характеръ. Зналъ и видѣлъ я глубокую скорбь Гольцева по этому поводу. Человѣкъ сжился съ журналомъ, сдѣлалъ изъ него свое жизненное дѣло, нашелъ въ немъ общественный смыслъ своей жизни... Но на этотъ разъ дѣло не дошло до продажи журнала, ни до его перехода въ другія руки. Журналъ существовалъ еще нѣкоторое время. И въ скоромъ времени къ редактированію журнала былъ привлеченъ А. П. Чеховъ. Съ обычной своей чуткостью, добросовѣстностью и талантомъ Чеховъ отнесся къ редакціоннымъ занятіямъ. Но развивавшаяся болѣзнь и невозможность жить близко къ журналу помѣшала этому окончательно. Однако талантливая рука Чехова несомнѣнно сказалась въ редактированіи беллетристики журнала въ то время, когда этотъ отдѣлъ пришелъ было совсѣмъ въ хаоти-

ческое состоянiе. Но для Гольцева этотъ вопросъ потерялъ свой мучительно-острый характеръ: быстро наступившая болѣзнь прекратила его счеты и съ жизнью, и съ журналистикой. А журналъ все-таки остался жить, перейдя въ другiя, тоже литературныя, руки, и даже впослѣдствiи промѣнялъ Москву на сѣверную столицу.

VII.

Дѣло развитiя народнаго образованiя лишено было до послѣдняго времени планомѣрности. А уже о спецiальныхъ учебныхъ заведенiяхъ и говорить нечего. Появляться они могли иногда по поводу простой случайностя. Такъ возникло, напримѣръ, художественное училище въ Пензѣ. Появилось оно исключительно потому, что мѣстный богачъ, Селиверстовъ, бывшiй въ свое время шефомъ жандармовъ и главой русскихъ политическихъ сыщиковъ въ Парижѣ, человѣкъ, не лишенный въ то же время пристрастiя къ живописи, завѣщалъ большiя деньги на постройку училища въ Пензѣ. Этому же будущему училищу завѣщалъ онъ и коллекцiю собранныхъ имъ картинъ. Такимъ образомъ началась постройка училища, дѣлая Пензу совсѣмъ неожиданно разсадникомъ и маленькимъ центромъ эстетическаго образованiя въ глухой черноземной полосѣ. Открытiе училища совпало со временемъ моей земской службы въ Пензѣ и обрадовало меня назначенiемъ директоромъ училища академика Константина Аполлоновича Савицкаго. Съ его прiѣздомъ Пенза прiобрѣтала въ его лицѣ чрезвычайно талантливаго человѣка, а я—оригинальнаго собесѣдника и добраго прiятеля. Съ К. А. Савицкимъ мнѣ случалось встрѣчаться и раньше, но сблизила насъ совмѣстная жизнь въ Пензѣ.

Встрѣчался я съ нимъ, также какъ и со многими другими представителями русской живописи въ Петербургѣ, на Сергiевской улицѣ, у художника Н. А. Ярошенко. Тамъ бывали многолюдныя собранiя, и квартира Н. А. Ярошенко по справедливости считалась настоящимъ центромъ того теченiя живописи, которое извѣстно подъ именемъ „передвижничества“. Называть всѣхъ участниковъ этихъ собранiй безполезно: это значило бы перечислить всѣхъ безъ исключенiя „передвижниковъ“. Школа передвижниковъ, порожденная русской общественностью, была тѣсно связана съ нею, и поэтому бесѣды на собранiяхъ у Ярошенка часто переходили съ академическихъ темъ на общественныя. Горячо обсуждались вопросы текущей жизни, волнуя ху-

дожниковъ, и сужденія выливались въ оригинальныя формы, присущія средѣ, близкой къ искусству. Слышались вѣскія замѣчанія Рѣпина, пламенныя возраженія Куинджи, ультра-народническія мнѣнія С. В. Максимова... Занимали собранія и спеціальные вопросы искусства. Здѣсь тщательно и интересно обсуждалась живопись и скульптура и вызывало всеобщее вниманіе всякое сколько-нибудь замѣтное литературное произведеніе. Извѣстна дружеская близость къ этому кружку В. М. Гаршина, котораго я однако тамъ уже не засталъ: онъ скончался незадолго до моего вступленія въ этотъ кружокъ. А за гостепріимнымъ ужиномъ Ярошенко, которымъ кончались эти собранія, носившія иногда очень серьезный характеръ, начиналось искреннее и неподдѣльное веселье. Сыпались юмористическіе разсказы, скульпторъ Позенъ давалъ иногда на малороссійскомъ языкѣ отчетъ о послѣдней выставкѣ съ точки зрѣнія заѣзжаго въ столицу деревенскаго парня или проѣзжаго монаха... И безконечно пріятно бывало общеніе съ этимъ кружкомъ людей, безспорно талантливыхъ, людей, горѣвшихъ любовью къ искусству и живымъ интересомъ къ родной имъ общественной жизни.

Теперь одинъ изъ дѣятельныхъ и видныхъ участниковъ этого кружка дѣлался постояннымъ жителемъ Пензы. И съ самаго своего пріѣзда К. А. Савицкій ушелъ весь въ организаторскую работу по созданію новаго художественнаго училища. Дѣятельнымъ его помощникомъ былъ приглашенный имъ на должность преподавателя Николай Карловичъ Грандковскій. Дѣло предстояло большое и сложное, сопряженное кромѣ того съ цѣлымъ рядомъ препятствій и формальностей, медленно проходившихъ сквозь бюрократическія сферы. Мало-по-малу оно наладилось, и училище начало жить своей напряженной рабочей жизнью. И съ перваго же раза поражалъ наблюдателя непринужденный тонъ этого училища, такъ странно контрастировавшій съ многочисленными средними учебными заведеніями города. Толпа молодежи, интересовавшаяся искусствомъ, распредѣлялась по классамъ, гдѣ шла дневная и вечерняя работа подъ руководствомъ художниковъ и гдѣ не могло быть и рѣчи о мертвяще-казарменномъ тонѣ принудительнаго зубрежа и ученія. И если о чемъ и приходилось жалѣть на первыхъ порахъ художникамъ, такъ это о сравнительно недостаточномъ общемъ образованіи нѣкоторыхъ изъ учениковъ. Образовательный цензъ поступавшихъ былъ не высокъ, ограничиваясь иногда курсомъ двухкласснаго министерскаго училища. Желая придти на помощь своимъ ученикамъ въ этомъ отношеніи, К. А. Савицкій просилъ меня изрѣдка,

когда это окажется возможнымъ, не стѣсняясь какой бы то ни было программой, читать въ училищѣ исторію литературы. Такимъ образомъ я становился какимъ-то безплатнымъ и сверхштатнымъ преподавателемъ училища. Времени однако и у учениковъ, занятыхъ буквально цѣлый день работой въ разныхъ группахъ, да и у меня, занятаго работой въ качествѣ члена губернской земской управы, было очень мало. Поэтому мы условились, что мои бесѣды будутъ предлагаться желающимъ по субботамъ, когда въ училищѣ не было вечернихъ занятій по рисованію. При такихъ условіяхъ нельзя было и думать о проведеніи систематическаго курса. Приходилось ограничиться курсомъ эпизодическимъ, причемъ я читалъ о тѣхъ литературныхъ теченіяхъ, которыя наиболѣе интересовали моихъ слушателей. Вышло такъ, что въ концѣ бесѣды, обмѣниваясь мнѣніями, они задавали мнѣ тему для слѣдующей очередной бесѣды. И такая постановка настолько интересовала моихъ слушателей, что слѣдующую бесѣду пришлось перенести изъ класса въ актовый залъ училища. На такія бесѣды ученики приводили иногда своихъ родственниковъ и товарищей. Дѣлалось все это просто и свободно, благодаря отношенію Савицкаго и его товарищей къ своимъ ученикамъ. А между тѣмъ стоило въ то время объ этомъ возбудить ходатайство и просить разрѣшенія, чтобы такія бесѣды на литературныя темы не могли состояться.

Послѣ такихъ бесѣдъ обычно слѣдовалъ вечерній чай у Савицкаго, за которымъ собирались его товарищи художники, и тогда казалось наше собраніе маленькимъ отдѣленіемъ большихъ петербургскихъ собраній художниковъ. Правда, общественные вопросы обсуждались здѣсь рѣже, но зато выдвигались впередъ интересовавшіе насъ вопросы художественнаго творчества и мѣстной, глухой провинціальной жизни. Занятый педагогической дѣятельностью, да и уже значительно утомленный жизнью, К. А. Савицкій писалъ въ этотъ періодъ немного, но постоянно обдумывалъ темы и сюжеты картинъ, которыя его волновали. Онъ дѣлился со мной постоянно своими художественными замыслами, и тогда передо мной вставала въ яркихъ образахъ все та же Русь, не только бытовыя черты, но и духовный смыслъ которой стремился перенести художникъ на полотно. Н. К. Грандковскій, менѣе занятый дѣлами училища, писалъ значительно больше. Удобнымъ условіемъ для работы преподавателей художественнаго училища было то, что каждому изъ нихъ предоставлена была отдѣльная мастерская, которую они могли использовать, главнымъ образомъ, во время праздниковъ и лѣтняго перерыва

занятій. И было безконечно жаль, что ранняя смерть унесла талантливаго Н. К. Грандковскаго, успѣвшаго въ Пензѣ создать нѣсколько интересныхъ и значительныхъ холстовъ.

Личная жизнь К. А. Савицкаго, съ семьей котораго я сдружился, была полна заботой о дѣтяхъ и тѣмъ добрымъ и милымъ уютомъ, который создается вокругъ умныхъ и добрыхъ людей. Старшій сынъ художника—Георгій Савицкій тяготился въ ту пору гимназической учебой, стремясь къ живописи, окружавшей его съ дѣтства. Онъ рано, ребенкомъ еще, на моихъ глазахъ, усваивалъ превосходный рисунокъ отца, и теперь, когда я пишу эти строки, стоитъ въ рядахъ русскихъ художниковъ. Прихварывавшій за послѣдніе два-три года К. А. Савицкій скончался, не успѣвъ, можетъ быть, детально закончить организацію училища. Но во всякомъ случаѣ это онъ вдохнулъ въ него съ самаго начала живую душу и прибавилъ этимъ крупную общественную заслугу къ своей чисто художественной дѣятельности.

Художники и писатели,—и въ этомъ особенность ихъ работы,—оставляютъ послѣ себя документы, переживающіе на большее или меньшее время ихъ авторовъ. К. А. Савицкій принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто пользовался широкой извѣстностью при жизни и чьи документы украшаютъ лучшія художественныя собранія Россіи. И относительно его извѣстности трогательной чертой являлась его застѣнчивая скромность, впрочемъ всегда сопровождающая, какъ въ этомъ убѣдили меня жизненныя наблюденія, настоящій талантъ. И не даромъ я могъ въ этомъ отношеніи сравнивать его съ Чеховымъ, Гл. Успенскимъ и Маминымъ, сравнивать съ тѣми, въ чьей душѣ идея славы никогда не могла подмѣниться идеей успѣха, часто крикливаго, связаннаго съ толпой и ея жаждой рекламы... Замѣстителемъ К. А. Савицкаго на посту директора пензенскаго рисовальнаго училища появился, избранный Академіей художествъ, А. Ф. Афанасьевъ. Иллюстраторъ „Конька Горбунка“ и „Золотой рыбки“, авторъ цѣлаго ряда картинъ, трактованныхъ въ народномъ духѣ съ народнымъ неподражаемымъ юморомъ, Афанасьевъ въ сущности былъ того же духа, что и покойный Савицкій. Отличительными чертами его являлись оригинальный юморъ, да въ личной жизни внѣшнее невозмутимое спокойствіе съ неподвижностью добродушнаго увальня. Жизнью училища онъ былъ захваченъ однако не менѣе своего предшественника и такъ же, какъ и онъ, отдавалъ ему все свое время. Установившееся теперь окончательно училище жило своей напряженной жизнью, давая на отчетныхъ выставкахъ ученическихъ работъ все болѣе и болѣе интересные результаты. И,

казалось, все сильнѣе и сильнѣе билась молодая художественная мысль въ поискахъ того оригинальнаго выраженія, которое всегда предчувствуется сердцемъ художника.

Личныя мои отношенія къ училищу, закрѣпленныя дружбой къ А. Ф. Афанасьеву и его семьѣ, оставались все тѣми же. И все такъ же я изрѣдка имѣлъ возможность бесѣдовать съ молодыми художниками на литературныя темы. Такъ шло до бурныхъ дней 1904—1905 годовъ. Не избѣжала, да и не могла избѣжать волненія и возбужденія молодежь училища въ дни всеобщаго возбужденія. Такъ же, какъ въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ города, были въ немъ сходки, выносившія юношескія резолюціи, и занятія временно теряли свою планомѣрность. И черезъ нѣсколько времени, когда восторжествовала реакція, и принялась разыскивать виновныхъ, на А. Ф. Афанасьева страннымъ образомъ пало обвиненіе въ неблагонадежности Для близко знавшихъ благодушный, немного лѣнивый и созерцательный характеръ художника такое обвиненіе въ активномъ бунтарствѣ могло производить впечатлѣніе достаточно комическое. Но тогдашнія условія общественной жизни быстро постарались обратить его въ драматическое. Затѣялась оффиціальная переписка съ Академіей художествъ, переписка, полная лжи и доносовъ, и въ результатѣ одному изъ даровитыхъ русскихъ художниковъ, влюбленному въ художественные образы своей родины, пришлось отдѣлаться отъ своей педагогической дѣятельности невольной отставкой. И это было тѣмъ болѣе тяжелымъ и мрачнымъ временемъ для художника, что совпало съ горемъ въ его личной жизни. Вскорѣ ему пришлось потерять почти одновременно и жену и дочь, молодую дѣвушку, только что поступившую въ высшее учебное заведеніе, стремившуюся къ знанію и общественной дѣятельности.

Вскорѣ мнѣ пришлось оставить Пензу. Такимъ образомъ кончилась моя связь съ ея художественнымъ училищемъ и ближайшими его работниками. Но всякій разъ, когда я вспоминаю о той жаждѣ знанія, которую мнѣ приходилось наблюдать среди молодежи во время моихъ литературныхъ бесѣдъ, и когда встаютъ предо мною красивые образы художниковъ, руководившихъ работой этой молодежи, мое настроеніе дѣлается болѣе яснымъ. Такая ясность дается общеніемъ съ талантомъ и вѣрой въ мощь человѣческаго духа, въ какихъ бы плохихъ и очевидно несправедливыхъ соціальныхъ условіяхъ онъ бы ни находился. Ибо мощь человѣческаго духа носитъ въ себѣ элементъ вѣчности и будетъ всегда составлять красоту человѣческой жизни, въ какихъ бы разнообразныхъ формахъ она ни выражалась.

VIII.

Въ мертвенномъ строѣ провинціальной бюрократіи есть очень скучныя учрежденія. Есть, напримѣръ, губернская чертежная. Это—тихое, немноголюдное и малозамѣтное, такъ сказать, некричащее учрежденіе. Сидятъ въ немъ тихіе, по большей части пожилые господа, караулятъ и копируютъ большіе, тоже очень пожилые и полинявшіе, планы генеральнаго межеванія. Изрѣдка забредетъ въ учрежденіе помѣщикъ, и тогда тихіе господа тихо разговариваютъ съ нимъ о плановыхъ дорогахъ, межевыхъ знакахъ, возобновленіи границъ и другихъ скучныхъ вещахъ. Такое по крайней мѣрѣ на меня произвела впечатлѣніе губернская чертежная, когда я зашелъ въ нее на минуту, чтобы навѣстить знакомаго.

Тогда служилъ тамъ молодой чиновникъ. Звали его—Вячеславъ Дмитріевичъ Андріевскій. А между тѣмъ это былъ поэтъ. Необыкновенно чуткій къ жизни, пламенѣвшій любовью къ литературѣ, любвеобильный поэтъ. Писалъ Андріевскій много. Писалъ стихами и прозой, но, чуткій къ формѣ и скромный, стихи свои отрицалъ и говорилъ о себѣ только, какъ о маленькомъ и неудачномъ общественномъ работникѣ. А между тѣмъ въ провинціальной прессѣ его хорошо знали. Его фельетоны печатались въ саратовскихъ, самарскихъ и другихъ газетахъ, и читатели не разъ обращали вниманіе на псевдонимъ „Мечтатель", которымъ подписывался Андріевскій. Да и поистинѣ былъ онъ мечтателемъ: сквозь колкій сарказмъ, сквозь добродушную шутку у него всегда пробивалась мечта о человѣческомъ счастьѣ, неясномъ и далекомъ, но все же возможномъ. Начитанъ и образованъ Андріевскій былъ поразительно. Полунищій бѣднякъ, выбившійся изъ народа и не имѣвшій возможности кончить гимназію, въ сущности былъ философомъ, такимъ же скромнымъ и недовѣрявшимъ себѣ, какъ и литераторъ.

Случай далъ мнѣ недолгую радость общенія и знакомства съ Андріевскимъ. Это было въ 1905—1906 году. Была пора надеждъ и ожиданій въ общественной жизни, провинціальная публика оживилась, и въ Пензѣ появилась частная газета съ нѣсколько рѣшительнымъ названіемъ—„Перестрой". Въ этой газетѣ принялъ немедленное участіе Андріевскій, а нѣсколько позже и я. Газета имѣла успѣхъ. Надо правду сказать, что успѣхъ этотъ былъ не столько матерьяльнымъ, сколько прав-

ственнымъ, и не даромъ же при первыхъ выборахъ городъ Пенза послалъ депутатомъ въ первую Думу издателя и редактора этой газеты — Н. Ф. Езерскаго. За его отъѣздомъ редакція осталась на мнѣ. Моимъ помощникомъ и душой газеты былъ Андріевскій, и это-то сблизило насъ.

Издавалась наша газета, разумѣется, на гроши, и хотя бывала временами очень задорной, но зато оставалась всегда бѣдной, какъ церковная мышь. О привлеченіи столичныхъ сотрудниковъ нечего было и думать, надо было обходиться мѣстными силами, и въ освѣщеніи мѣстной жизни въ сущности и была задача этой газеты. Вотъ такой мѣстной и почти единственной силой и являлся В. Д. Андріевскій. Редакція газеты была демократичной во всѣхъ отношеніяхъ. Помѣщалась она въ двухъ комнатахъ, входъ въ которыя былъ прямо съ улицы, такъ какъ раньше занималась она какой-то маленькой лавочкой. Я жилъ въ деревнѣ, но пріѣзжалъ три раза въ недѣлю для редакціонныхъ дѣлъ. Эти дни и считались пріемными, но въ сущности редакція каждый день полна была дѣловымъ народомъ. Тутъ были и крестьяне, приносившіе общественные приговоры съ жалобой на земельное утѣсненіе, разные люди съ жалобой на обиды администраціей, которыя, разумѣется, надо было провѣрить, и цѣлый рядъ другихъ лицъ по разнымъ поводамъ. Приходилъ и бойкій гимназистъ старшихъ классовъ, приносившій передовую статью, начинавшуюся словами: „Во времена великой французской революціи...“ Андріевскій просматривалъ статью и съ грустной и мягкой улыбкой говорилъ, что она не пріемлема. Гимназистъ выслушивалъ это равнодушно и тутъ же, примостившись на подоконникѣ, пытался писать другую, начинавшуюся словами: „Великая французская революція доказала...“

А Андріевскій въ это время весь погружался въ цѣлое море корреспонденцій. Написанныя иногда витіевато, а иногда малограмотно, бойкимъ писарскимъ почеркомъ или каракулями,—онѣ говорили всегда объ одномъ и томъ же: о беззаконіи, объ издѣвательствѣ надъ человѣкомъ, о безграничной и ненужной жестокости... Все это, конечно, надо было провѣрить, снестись иногда нѣсколько разъ съ корреспондентомъ и, наконецъ, придать всему этому надлежащую литературную форму. Жители самыхъ отдаленныхъ и захолустныхъ уѣздовъ посѣщали по этому поводу редакцію и вели съ Андріевскимъ свои долгія, удивительныя по яркости бытовыхъ красокъ бесѣды. Казалось, что при первомъ проблескѣ свободнаго слова тамъ, въ глубинѣ тихихъ деревень, начинаетъ дѣлаться величайшее дѣло: начинается раскрѣпощеніе

душъ и ростъ сознанія человѣческаго достоинства. Покойный профессоръ Фаусекъ, гостившій у меня тѣмъ лѣтомъ и вмѣстѣ со мной посѣщавшій иногда нашу редакцію, увѣрялъ меня, что Андріевскій представлялъ собой настоящій типъ народнаго редактора, скорбѣвшаго тою же скорбью, что и его читатели, и это было несомнѣнной и прекрасной правдой провинціальной жизни. Зато, когда появлялась статья Андріевскаго, статья, полная правдивыхъ образовъ, облитыхъ горечью сарказма, впечатлѣніе среди мѣстнаго общества было огромнымъ. Начальство сердилось, дѣлало запросы редакціи, назначало иногда разслѣдованія на мѣстахъ, иногда писало конфузливыя возраженія. И трудно, разумѣется, было бы высчитать, сколько зла,—мелочнаго и жестокаго, сколько тупого и никому ненужнаго безправія отвращало отъ населенія скромное перо Андріевскаго. А Андріевскій спѣшно просматривалъ газеты и готовился къ воскресному фельетону. Теперь уже охватывало его горе цѣлой страны, мучившейся тогда въ мукахъ рожденія новаго общественнаго строя. Андріевскій задумывался, потомъ бралъ перо и быстро писалъ вверху листа бумаги библейскій эпиграфъ: „обнажу наготу твою передъ всѣми“. И фельетонъ пестрѣлъ удивительными и невѣроятными распоряженіями, разстрѣлами и казнями и опять-таки беззаконіями и безправіемъ. Только приведя весь номеръ въ порядокъ, чуть не на половину заполнивши его самъ, считалъ себя свободнымъ Андріевскій, ничуть не считаясь съ количествомъ работы, добровольно и съ любовью имъ на себя взятой. А считаться съ этимъ очень и очень бы слѣдовало. Плохое здоровье требовало лѣченья и отдыха, давно его уже грызла злая чахотка, но ни на отдыхъ, ни на лѣченье не было средствъ, да и жизнь безъ работы казалась ему равносильною смерти.

Вечеромъ, покончивъ свои редакціонныя занятія, я любилъ заходить къ нему въ гости. Есть въ Пензѣ улица, которую называютъ „Поповка“. Вся она расположена по склону горы и вся она заросла садами. Маленькіе деревянные домики буквально утопаютъ въ зелени, по улицѣ бродятъ куры домовитыхъ хозяекъ. Деревенская тишина охватываетъ посѣтителя при входѣ въ „Поповку“. Въ этой улицѣ, которая напоминала тогда (а, можетъ быть, напоминаетъ еще и теперь) тихую дачную мѣстность, можно было жить если не съ комфортомъ, то по крайней мѣрѣ просто и, главное, дешево. Здѣсь-то въ одномъ изъ маленькихъ и ветхихъ домиковъ и жилъ Андріевскій. Домъ стоялъ въ глубинѣ запущеннаго сада. Добраться до него было не легко: надо было пробираться по мосткамъ грязнаго двора мимо старой, но уди-

вительно злобной собаки, привязанной къ будкѣ. Нравы „Поповки" признавали тогда примитивные способы охраны общественной безопасности, и отъ этого посѣтитель долженъ былъ сначала долго взывать о помощи среди двора, а потомъ уже попадать подъ гостепріимный кровъ обитателя. Андріевскій поджидалъ меня и радостно спѣшилъ мнѣ на встрѣчу. Крошечнаго, точно игрушечнаго домика въ саду онъ все-таки не имѣлъ средствъ занимать цѣликомъ, а потому ютился съ женой въ двухъ маленькихъ комнатахъ, рядомъ съ какой-то мѣщанской семьей. Но эти двѣ комнаты были уютны. Въ той, которая побольше, стоялъ письменный столъ, заваленный рукописями, и со стѣны глядѣли на него портреты писателей, любимыхъ писателей хозяина. Это были—Толстой, Чеховъ и Короленко. Та же комната, разумѣется, была и столовой. И весело было, когда въ углу пыхтѣлъ и кипѣлъ самоваръ, а хозяинъ говорилъ объ общественной жизни или о русской литературѣ... Полуголодная жизнь на гроши, любовь къ литературѣ и людямъ, застѣнчивая скромность, боявшаяся не только рекламы, но и извѣстности, — таковъ былъ образъ прошедшаго передо мной маленькаго, но глубоко искренняго писателя.

Наше сотрудничество съ нимъ скоро кончилось. Реакція съ каждымъ днемъ дѣлалась все смѣлѣе и злѣе, а послѣ роспуска первой Думы вступила въ стадію торжества побѣдителей. Газета закрылась. Я покинулъ Пензу. А когда вернулся назадъ, то узналъ, что Андріевскій живетъ попрежнему. Это значило, что онъ попрежнему пишетъ въ провинціальныхъ газетахъ, попрежнему нуждается и служитъ въ конторѣ нотаріуса. Я навѣстилъ его нѣсколько разъ. Теперь это былъ слабый, исхудалый, явно уже умиравшій человѣкъ. И странно было видѣть, какъ умираетъ тѣло, а духъ пламенѣетъ все тою же любовью, любовью къ литературѣ.

Скоро не стало Андріевскаго. На одномъ изъ тѣнистыхъ кладбищей Пензы покоится его прахъ. Въ короткой жизни прошелъ онъ маленькимъ, яркимъ пламенемъ, котораго не разглядѣла въ своей суетливой жизни окружавшая его толпа. Быть можетъ, это случилось отъ того, что слишкомъ маленькій и скромный огонекъ несъ въ себѣ Андріевскій, и этотъ огонекъ тонулъ въ блескѣ другихъ русскихъ огней. Можетъ быть. Но теперь, когда я вспоминаю о немъ и вызываю въ своей памяти его образъ, мнѣ вспоминается почему-то маленькая и яркая звѣздочка на небѣ. Маленькая звѣздочка, на которую со всѣхъ сторонъ ползутъ темныя, зловѣщія, грозовыя тучи...

IX.

Бываютъ такіе дни въ человѣческой жизни, которые остаются въ памяти навсегда .Остаются потому, что были ярки какъ молнія, и потомъ, при малѣйшемъ усиліи памяти, встаютъ вдали, какъ зарницы. Однимъ изъ такихъ дней въ моей жизни былъ хмурый осенній день 8 ноября 1904 г. Это былъ день окончанія второго общеземскаго съѣзда въ Петербургѣ. Это былъ день опредѣленныхъ рѣшеній, день, выводившій тогдашнюю земскую интеллигенцію на путь активной и, казалось, продуктивной работы. А, главное, это былъ день вѣры. Передо мной была группа людей искренно вѣрующихъ,—и я самъ былъ въ ихъ числѣ,—вѣрующихъ въ немедленное осуществленіе реформъ, которыя измѣнятъ темную и бѣдную жизнь страны. У всѣхъ было радостное настроеніе. И глядя на нашихъ стариковъ, казалось, что они спокойно и благоговѣйно шепчутъ „нынѣ отпущаеши". Уходили назадъ тяжелыя огорченія и безплодность работы. И было радостно, потому что было радостно кругомъ, и вѣрилось безгранично.

Этому съѣзду предшествовалъ цѣлый рядъ совѣщаній. Послѣ перваго съѣзда, устроеннаго великолѣпнымъ организаторомъ и поистинѣ настоящимъ объединителемъ земской Руси,—Д. Н. Шиповымъ,—послѣдовала попытка остановить единеніе. За невозможностью призвать насъ, тогда выборныхъ должностныхъ лицъ, къ отвѣтственности по закону,—послѣдовали угрожающіе предостереженія и выговоры. Но нельзя было остановить самую жизнь, можно было всячески тормазить развитіе общественности, но не больше. Вѣдь все равно, земство въ своихъ скромныхъ заботахъ о населеніи упиралось всякій разъ въ стѣну. Оставалось или уйти, или пытаться сдѣлать что только возможно. Стали прибѣгать къ выставкамъ. Въ Курскѣ устроили земскую выставку по народному образованію, въ Ярославлѣ—по сельскому хозяйству. И на каждую изъ этихъ выставокъ съѣзжались земцы-единомышленники. И все яснѣй и яснѣй дѣлалось, что дѣло не въ тетрадкахъ и выписанномъ плугѣ, а въ раскрѣпощеніи народа и общества. Земскія сферы волновались уже по всей линіи. Тревожные и грозные признаки волненія замѣчались въ народѣ. Въ правящихъ кругахъ смѣнялись разныя „вѣянія". Одно изъ такихъ вдругъ провозгласило „весну", можетъ быть нѣсколько вынужденную. Провозгласило довольно неожиданно, темно и смутно, какъ

начинающій поэтъ, принесшій плохіе стихи журналу. Но земцы все-таки получили возможность съѣхаться. И было ясно, что на этомъ съѣздѣ надо твердо сказать, что жить такъ дольше нельзя. Въ возможность спокойной земской работы никто уже больше не вѣрилъ, и одинъ изъ моихъ знакомыхъ, старикъ-гласный, отправляясь на съѣздъ, оставлялъ дома на всякій случай порученія—выслать ему въ Архангельскъ валенки и теплую одежду. До этого не дошло, какъ извѣстно...

На съѣздѣ послѣ долгихъ и страстныхъ дебатовъ состоялось извѣстное изложеніе резолюцій, намѣчавшее грань между старымъ и новымъ направленіемъ общественной жизни. И казалось, что такъ близка политическая свобода, это необходимое условіе развитія соціальныхъ успѣховъ. Самые дебаты земцевъ полны были захватывающаго, волнующаго интереса. Въ нихъ ярко проявлялись характерныя формы нашей общественной мысли. И отголоски славянофильскаго теченія съ его представленіемъ объ особомъ избранничествѣ и пути народа встрѣчались здѣсь съ искреннимъ западничествомъ, насчитывавшимъ столько жертвъ въ прошломъ во имя того же народа. Западничество побѣдило и отразилось въ мнѣніи большинства, давшемъ начало политической партіи конституціоналистовъ. Во мнѣніи меньшинства, не столь опредѣленномъ и ясномъ, запечатлѣлось наслѣдіе славянофильства. И было ясно, что партія, которой оно даетъ начало, растаетъ подъ напоромъ требованій реальной жизни. Но и то, и другое провозглашалось съ любовью къ странѣ, было искреннимъ и въ большинствѣ случаевъ выстраданнымъ опытомъ жизни. И поэтому самымъ яркимъ и незабвеннымъ моментомъ являлся для участниковъ съѣзда его заключительный день,—день окончательнаго соглашенія и подписанія резолюцій. Бурными и радостными криками заявило собраніе, что резолюціи должны быть подписаны поименно, представителями каждой губерніи. И въ домѣ Набокова, на Морской улицѣ, актъ этого подписанія принялъ торжественный характеръ. Это былъ невѣдомый дотолѣ въ старомъ строѣ актъ публичнаго исполненія людьми долга передъ своей страной. И незабвеннымъ для меня остается этотъ день, одинъ изъ лучшихъ въ моей жизни, полный нѣсколько наивной, можетъ быть, но искренней вѣры въ единеніе съ товарищами по работѣ.

А эти товарищи! Какія разнообразныя, выкованныя русской жизнью, фигуры! И вспоминаются мнѣ теперь, когда я пишу эти строки, и тѣ, кто еще доживаетъ свою жизнь, и тѣ, которые ушли изъ нея навсегда. Ушелъ, чуждый какихъ-либо компро-

миссовъ, скрашивавшій оттѣнками неподражаемаго юмора тяжесть жизни, гр. Гейденъ. Ушелъ непримиримый по отношенію къ пошлымъ и мелкимъ явленіямъ жизни А. А. Стаховичъ, прославившійся впослѣдствіи печатной борьбой съ наживой высокопоставленныхъ лицъ. Ушелъ пламенный Петрункевичъ... Нѣтъ и А. А. Савельева. Участникъ всѣхъ земскихъ совѣщаній и съѣздовъ, одинъ изъ неутомимыхъ ихъ организаторовъ, предсѣдатель нижегородской губернской земской управы, онъ представлялъ оригинальную и типичную фигуру русскаго гражданина въ ту пору жизни страны, когда гражданъ въ ней не полагалось, а допускались одни обыватели. Гражданами однако являлось большинство участниковъ земскихъ съѣздовъ. И особенность А. А. Савельева заключалась въ томъ, что, находясь во главѣ земскаго движенія нижегородскаго края, онъ въ то же время будилъ вокругъ себя идеи гражданства и естественно связанъ былъ въ свое время съ кружкомъ В. Г. Короленка и Н. Ф. Анненскаго въ Нижнемъ Новгородѣ. Этимъ объясняются его публицистическія выступленія какъ въ мѣстной печати, такъ и въ московской газетѣ „Русскія Вѣдомости“. Убѣжденный сторонникъ права и справедливости, А. А. Савельевъ провелъ полную значенія и общественнаго интереса красивую жизнь. Современники воздали ему по справедливости, избирая его послѣдовательно въ три первыя Государственныя Думы. Для его идейныхъ враговъ не было возможности лишить его довѣрія его избирателей. Имъ пришлось, не разбирая средствъ, прибѣгнуть къ обвиненію въ превышеніи власти по должности предсѣдателя губернской управы, чтобы насильственно устранить отъ выборовъ излюбленнаго населеніемъ человѣка. Обвиненіе въ концѣ концовъ рухнуло, всетаки выбивъ изъ рядовъ государственныхъ дѣятелей А. А. Савельева и отравивъ незаслуженной горечью конецъ жизни честнаго человѣка и талантливаго общественнаго работника...

Ушли и еще многіе и многіе изъ тѣхъ, кто переживалъ тогда вмѣстѣ со мной радостный день дружнаго общественнаго единенія и, какъ намъ казалось тогда, близкаго осуществленія нашихъ надеждъ, къ которымъ логически привела насъ наша работа. Ушелъ и С. А. Муромцевъ... Глубокимъ уваженіемъ въ его лицѣ мы окружали на нашихъ съѣздахъ его знанія, государственный умъ, непреклонную волю и твердость убѣжденій. И уже заранѣе знали мы, что онъ будетъ, что онъ не можетъ не быть, первымъ главой народнаго представительства. И не въ бѣглыхъ замѣткахъ современниковъ, а на страницахъ исторіи останется его имя... Часто возвращаетъ меня память къ этому

радостному дню моей жизни. Правда, вскорѣ наступили огорченія и тяжкія разочарованія. А радостный день все оставался такимъ же и приводилъ на память мысли изъ дневника Марка Аврелія: „Чего ты хочешь, человѣкъ? Дѣлай то, что въ настоящее время отъ тебя требуетъ природа. Не надѣйся осуществить республику Платона и будь доволенъ движеніемъ впередъ хотя бы на одинъ шагъ,—и не считай этотъ успѣхъ маловажнымъ. Кто можетъ перемѣнить образъ мысли людей? А безъ такого измѣненія что̀ можетъ быть кромѣ рабства, стоновъ и лицемѣрнаго повиновенія"...

IX.

Столѣтіе со дня рожденія Герцена въ 1912 г. застало меня въ Ниццѣ, на мѣстѣ его вѣчнаго успокоенія. Я жилъ тогда въ непосредственной близости къ морю, въ одной квартирѣ съ близкой мнѣ семьей С. Я. Елпатьевскаго, въ маленькомъ пансіонѣ одного русскаго эмигранта, человѣка замѣчательно оригинальнаго. Онъ былъ уже тогда глубокимъ старикомъ, умиравшимъ отъ слабости и грудной жабы, а оригинальность его заключалась не только въ поразительномъ внѣшнемъ сходствѣ съ Донъ-Кихотомъ, но и въ несомнѣнномъ внутреннемъ сродствѣ съ этимъ безсмертнымъ героемъ. Это часто бросалось въ глаза и мнѣ, и С. Я. Елпатьевскому при разсказахъ нашего хозяина о прошломъ, полномъ безкорыстныхъ и неожиданныхъ приключеній. Бросить дома богатство и видное положеніе блестящаго офицера, чтобы нищимъ бѣжать за границу и добывать свободу народамъ, сражаясь со всѣми ея врагами, — таково было начало иногда поистинѣ фантастическихъ приключеній нашего хозяина. Переплетаясь съ именами Герцена, Гарибальди и Бакунина, приключенія тянулись черезъ всю его жизнь, доходя въ концѣ франко-германской войны до провозглашенія республики въ Ліонѣ за нѣсколько дней до провозглашенія ея во всей Франціи. Теперь это былъ худой и высокій старикъ, мирно доживавшій послѣдніе дни на берегу ласковаго и теплаго моря.

А рядомъ съ нашей квартирой проживалъ тоже свои последніе дни (онъ скончался въ томъ же году) Николай Федоровичъ Анненскій. Больной сердцемъ, онъ прихварывалъ часто, и тогда съ нѣжной заботливостью брата его лѣчилъ С. Я. Елпатьевскій. И почти каждый день, выходя на балконъ раннимъ утромъ, я видѣлъ на сосѣднемъ балконѣ Анненскаго съ книгой

или за работой. Тогда онъ, привѣтливый и жизнерадостный какъ всегда, раскланивался со мной театрально-шутливымъ жестомъ и мы перекидывались нѣсколькими словами. Съ Анненскимъ я никогда не былъ въ близкихъ товарищескихъ отношеніяхъ, мы даже встрѣчались съ нимъ не особенно часто, но всегда были дружески расположены другъ къ другу. И чувство, которое меня тянуло къ нему, я не могу назвать иначе, какъ любовью. Бываютъ люди, въ чьемъ присутствіи другимъ дѣлается вдругъ какъ-то сразу свѣтлѣй. Точно вы сидите за своимъ будничнымъ дѣломъ, озаренные скуднымъ свѣтомъ рабочей лампы. И вдругъ кто-то вошелъ, и зажглись всѣ лампы, и электрическій свѣтъ залилъ все помѣщеніе... Такое впечатлѣніе производило на меня всегда общеніе съ Анненскимъ. И оно было, думается мнѣ теперь, результатомъ сложныхъ свойствъ всего духовнаго облика Анненскаго. Тутъ была и его поистинѣ неисчерпаемая жизнерадостность, заражавшая другихъ, и оригинальное остроуміе, и незаурядная значительность его мысли и, главное, его широкая общественность, передъ которой его личная жизнь была для него самого явленіемъ второстепеннымъ. И не даромъ онъ занималъ всегда первое мѣсто тамъ, гдѣ рѣчь шла о служеніи обществу, былъ лидеромъ тѣхъ, кто ставилъ общественное благо на первое мѣсто. И былъ всегда жизнерадостнымъ и остроумнымъ этотъ человѣкъ огромнаго общественнаго темперамента и таланта, человѣкъ, изсѣченный когда-то, за человѣколюбивое вмѣшательство, нагайками на площади Казанскаго собора...

Когда Анненскому становилось легче, мы ходили гулять. И тогда медленно двигались мы по Promenade des Anglais, присаживаясь отдыхать на береговыя скамейки. И разговоръ былъ все о томъ же, что̀ интересовало Анненскаго всю жизнь, что̀ въ свое время оторвало его отъ чистой науки и бросило на активное, ежедневное и будничное служеніе людямъ. Разъ даже, когда Анненскій чувствовалъ себя особенно хорошо и весело, мы отправились въ одинъ изъ береговыхъ ресторановъ угощаться буйябесомъ. И надо было видѣть искрящуюся смѣхомъ жизнерадостность Анненскаго, не могшаго уже, разумѣется, выпить ни одной рюмки вина и пьянившаго насъ безграничнымъ весельемъ и остроуміемъ. И въ эти минуты любовался я не привычнымъ для меня его остроуміемъ, а той стойкостью, съ которой человѣкъ доводитъ свою жизнь до конца, не боясь неизбѣжнаго. Не могъ же не знать и не чувствовать Анненскій опасности своего положенія; и относился къ этому именно такъ, какъ долженъ относиться кончающій свой одухотворенный путь человѣкъ. Это

былъ красивый и разумный конецъ пути, не отравленный малодушіемъ...

Чествованіе памяти столѣтія со дня рожденія Герцена между тѣмъ приближалось. Оно сильно интересовало и волновало Анненскаго. Вѣдь въ этомъ чествованіи торжествовали тѣ принципы, на осуществленіе которыхъ ушла цѣлая его жизнь и огромный талантъ. По характеру своей дѣятельности Анненскій тѣсно связанъ былъ съ изгнанничествомъ, этой характерной особенностью русской общественности въ XIX вѣкѣ, и значеніе Герцена въ его личной жизни, безспорно, было очень значительнымъ. И понятно, что Анненскому, по искреннему порыву чувства, хотѣлось принять въ предстоящемъ чествованіи самое близкое и дѣятельное участіе. На это очень разсчитывалъ и комитетъ, организованный для этого чествованія. Болѣзнь Анненскаго этому помѣшала. С. Я. Елпатьевскій могъ разрѣшить своему другу только присутствіе при сборѣ процессіи для шествія на кладбище да участіе, да и то ограниченное, на вечернемъ банкетѣ. Послѣднее было неизбѣжнымъ еще и потому, что банкетъ назначенъ былъ въ пансіонѣ, въ которомъ жилъ Анненскій.

На всѣхъ перекресткахъ города висѣли афиши, приглашавшія гражданъ отъ имени комитета собраться на площади у памятника Массена. Сюда пріѣхалъ и Анненскій. Былъ безконечно красивый южный весенній день, когда разноплеменная толпа начала собираться у памятника. Память Герцена собрала разныя національности и всѣ возрасты. Вотъ почему среди экспансивной молодежи виднѣлись сѣдые волосы пожилыхъ и старыхъ людей. Жизнь не могла отучить ихъ отъ идей, выразителемъ которыхъ былъ Герценъ. Съ ними они прошли всю жизнь, и съ ними пришли чествовать его память. И первое, что̀ поразило меня здѣсь,— это былъ необычайный видъ французской полиціи. И конные жандармы и пѣшіе городовые имѣли траурный крепъ на рукавѣ. И въ первый разъ мнѣ приходилось видѣть полицію, собравшуюся не для разгона, а для охраны толпы. А толпа между тѣмъ все росла и росла и, собравшись наконецъ тысячной массой, медленно двинулась по полугорѣ вверхъ къ кладбищу, гдѣ нашелъ вѣчное успокоеніе Герценъ. Впереди несли вѣнки, и ихъ яркія ленты и надписи горѣли подъ лучами южнаго солнца. Я и Елпатьевскій чередовались между собой, неся вѣнокъ отъ журнала „Русское Богатство“. И тысячеголосая толпа чередовала пѣніе: „вы жертвою пали борьбы роковой“ пѣніемъ „вѣчной памяти“. Медленно и долго шла толпа, пока не достигла горы, на которой расположено кладбище. Тамъ, у памятника Герцена, сложили

вѣнки и начались рѣчи. Русскія, французскія и польскія рѣчи, такъ или иначе оцѣнивавшія борьбу Герцена за человѣческую свободу. И мнѣ казалось тогда, что судьба не могла выбрать лучшаго мѣста для праха борца. Съ дѣтства меня всегда необыкновенно трогали слова Пушкина о томъ, что „хоть безчувственному тѣлу равно повсюду истлѣвать, но ближе къ милому предѣлу мнѣ бы хотѣлось почивать“. Но теперь, когда передо мной шумѣла разноязычная толпа и на разныхъ языкахъ говорила о Герценѣ, когда въ голубомъ туманѣ вырисовывались вершины Приморскихъ Альпъ, а внизу разстилалось Средиземное море, казалось, что для памяти Герцена все это нужно, какъ болѣе яркіе образы вѣчности...

Вечеромъ состоялся банкетъ въ томъ же помѣщеніи, гдѣ жилъ Анненскій. Былъ рефератъ Плеханова, а затѣмъ ужинъ, за которымъ участники хотѣли обмѣняться рѣчами. И Анненскій предсѣдательствовалъ на банкетѣ. Больной и слабый, онъ говорилъ мало, тѣмъ болѣе, что наблюдавшій за нимъ Елпатьевскій не позволялъ ему этого. И эти рѣчи были послѣдними публичными рѣчами Анненскаго. Судьбѣ угодно было сблизить его конецъ съ свѣтлой памятью Герцена. И, можетъ быть, это принесло мимолетную радость человѣку, плѣнявшему друзей личными свойствами своего характера и огорчавшемуся тѣмъ, чѣмъ всегда огорчались люди, поставившіе своей цѣлью борьбу за общественную справедливость...

В. Ладыженскій.

День протекъ, какъ рѣка Золотая,
Послѣ бурь отдыхала земля,
И сіяла, стояла святая
Тишина, тишина у руля;

И плыла, уплывала навстрѣчу
Зимнимъ снамъ вѣковая ладья.
И земного покоя предтечу
Вся душа предвкушала моя.

Чьи-то сказочно-свѣтлыя крылья
Распахнулись въ участьѣ родномъ,
И упала, какъ бархатъ, мантилья
Съ онѣмѣвшихъ дубовъ подъ окномъ.

Скоро-скоро и сердце смирится,
Чуя холодъ и въ немъ не дрожа.
Сѣдина въ волосахъ серебрится,
Догораетъ огонь мятежа.

Скоро-скоро вотъ такъ же навстрѣчу
Неземной тишинѣ поплыву,
Успокоюсь и самъ не замѣчу,
Какъ приблизился я къ Естеству.

А. Өедоровъ.

СЪ ГИТАРОЙ ПО СИЦИЛІИ И ТУНИСУ.

Жизнь моя въ Мареккіано протекала спокойно и счастливо. Окруженный хорошими людьми, въ обстановкѣ постоянной общей работы, я далекъ былъ отъ прежней жизни и не думалъ о будущей. Новизна рыбачьяго міра не давала мнѣ времени скучать, а возможность отдавать весь вечерній досугъ музыкѣ и пѣнію— облегчала дневную работу. Почти всѣ вечера проходили въ городѣ, гдѣ мы съ Мелиттой подвизались въ большихъ ресторанахъ.

Странной парой казались мы другимъ, еще страннѣе мы были въ дѣйствительности. Молодые, восторженно влюбленные — мы были и оставались только влюбленными... Какая-то внутренняя сила не давала прорваться темпераменту, кипучей страстности натуръ и броситься навстрѣчу не съ лаской нѣжнаго поцѣлуя, а съ огненнымъ и роковымъ объятіемъ. Мы никогда не говорили о любви и никогда не спрашивали о прошлой жизни. Мы только пѣли, прославляли любовь, зажигаясь другъ другомъ и зажигая другихъ.

Однажды, сидя всей семьей за ужиномъ, Джіакомо вспомнилъ о своей родинѣ — Сициліи. Онъ говорилъ о ней съ такою радостью, съ такимъ восторгомъ, что моя давнишняя мечта—увидѣть Сиракузы въ мгновеніе ожила и охватила мысль желѣзнымъ кольцомъ, отъ котораго я уже не могъ освободиться.

— А что, Мелитта,—воскликнулъ я, когда старикъ окончилъ разсказъ:—не проѣхаться ли намъ съ тобой въ Сицилію? Мы бы смогли не мало заработать!

— Конечно. Давай-ка! Ты какъ думаешь, отецъ? — И Мелитта, положивъ руку на плечо Джіакомо, поцѣловала его въ лобъ.

— А что-жъ, дочка!—одобрительно отвѣтилъ отецъ:—завтра вечеромъ отходитъ „Умберто“. Капитанъ знакомый, — значитъ, устроитесь даромъ, пассажировъ масса... Прекрасная мысль!..

— Ну, вотъ и отлично! Стало быть, собираемся въ дорогу! И, потирая отъ удовольствія руки, я пошелъ за перегородку собирать вещи.

Послышался стукъ въ двери, пришелъ кто-то изъ сосѣдей. Потомъ еще кто-то, — и когда мы ложились спать, то уже вся деревушка знала о нашемъ отъѣздѣ.

Вотъ почему, уже съ утра, никакая работа не ладилась. Приходили знакомые и, привѣтствуя нашу поѣздку, шутливо поздравляли насъ съ „медовымъ мѣсяцемъ". Мы, конечно, отшучивались, говорили всякій вздоръ; но когда на минутку оставались одни, глаза наши встрѣчались, и мы оба какъ будто смущались чего-то:

— Мелитта!—не выдержавъ, воскликнулъ я:—или вправду у насъ медовый мѣсяцъ начинается?.. Такъ чего же мы краснѣемъ?.. Ну, давай поцѣлуемся! — и мы тихо прижались другъ къ другу.

— А знаешь, Грегоріо, папѣ удалось достать не только безплатный билетъ до Палермо, но и рекомендательныя письма къ другимъ капитанамъ. Вотъ-то хорошо будетъ! Хорошо, что всѣ его знаютъ еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ матросомъ былъ. Онъ какъ сказалъ капитану „Умберто", что дочка его съ женихомъ ѣдетъ, тотъ сейчасъ же и билетъ далъ, и даже каюту освободилъ... Хорошій человѣкъ!..

Я положилъ въ свой горный мѣшокъ всякой необходимой мелочи для себя и Мелитты; вечеромъ, за часъ до отхода, мы простились съ друзьями и взошли на палубу свѣтло-сѣраго парохода. Вечеръ былъ чудесный, теплый, съ ласковымъ угасающимъ солнцемъ и нѣжнымъ душистымъ ароматомъ.

По трапу то и дѣло поднимались все новые и новые люди. Наконецъ, ровно въ половинѣ восьмого, раздался протяжный гудокъ, матросы быстро стали стаскивать мостки; при звукѣ общихъ прощальныхъ привѣтствій, мы запѣли дуэтомъ старое-престарое „Addio a Napoli!"—которое для многочисленныхъ иностранцевъ и было, и будетъ всегда желанной нестарѣющей пѣсней.

Медленно огибая длинный молъ, пароходъ вышелъ въ открытый заливъ; величественно разсѣкая спокойныя волны, онъ стройно и красиво подвигался впередъ къ темнѣющимъ остроконечнымъ утесамъ Капри.

Мы продолжали пѣть то вмѣстѣ, то поочереди, опытнымъ глазомъ разсматривая иностранцевъ, чтобы знать — что пѣть и какъ. Было много нѣмцевъ, два-три американца, нѣсколько англичанокъ и маленькая компанія русскихъ.

Мелитта давно уже разучила аккомпаниментъ ко всему моему репертуару; кромѣ того, она была такъ музыкальна, что свободно подбирала аккомпаниментъ съ перваго же раза.

Для большинства иностранцевъ самыя пріятныя пѣсни—это итальянскія; но когда поешь что-нибудь на ихъ родномъ языкѣ, то это, конечно, доставляетъ имъ удовольствіе, какъ знакъ проникновенія ихъ творчества въ глубину итальянскаго народа... Конечно, это далеко не такъ. Если настоящій итальянецъ и поетъ по-нѣмецки или по-англійски, то онъ это выучилъ съ чисто меркантильной цѣлью, съ желаніемъ больше заработать. Иначе обстояло дѣло со мной. Я эти пѣсни и раньше зналъ. Да и вообще, какъ и всѣ русскіе, я одинаково любилъ всѣ земли, всѣ языки, всѣ искусства. Обходя съ тарелочкой довольныхъ и еще свѣжихъ пассажировъ, мы наталкивались на вопросы, на просьбы спѣть то или иное. Мы, конечно, никому не отказывали и пополняли свой бюджетъ.

Послѣ скромнаго ужина мы съ Мелиттой долго стояли обнявшись у борта парохода; спускавшаяся ночь околдовывала насъ. Я разспрашивалъ о Карфагенѣ, о Тунисѣ, только и мечтая о томъ, когда, наконецъ, попаду туда.

— Ужъ не знаю, какъ мы тамъ устроимся. Въ Тунисѣ я была однажды еще дѣвочкой, и что-то плохо его помню. Зато Сицилію я всю хорошо знаю. Вѣдь я до десяти лѣтъ пробыла тамъ. А потомъ ужъ, когда умерла мама, — мы переѣхали въ Неаполь.

Вдали показались огоньки, и вдругъ кругомъ раздались взволнованные голоса: Капри, Капри!

Мы перебѣжали ближе къ носу. Далекіе огни Анакапри сливались въ яркое пятно, а близко, совсѣмъ близко маячили прибрежные огоньки широко разбросанныхъ виллъ и рыбачьихъ домиковъ. Было красиво и радостно; мы невольно подняли руки и привѣтственно замахали навстрѣчу прекраснѣйшему уголку земли. Другіе послѣдовали нашему примѣру, раздались многочисленные возгласы:—Пойте, пойте!

И мы запѣли „La grotta azzukka“—звучную нѣжную канцону. За ней другую и третью... И такъ пріятно было пѣть самимъ, что мы даже забыли о своей „тарелочкѣ“. Какой-то восторженный американецъ самъ подошелъ къ намъ и протянулъ большую серебряную монету. Тогда мы сразу очнулиеь, вспомнили „себя“, и обошли всю публику.

Скрылся Капри. Въ открытомъ морѣ ни огонька, ни пятнышка. Мы посидѣли еще съ полчаса и спустились внизъ въ

каюту. Но въ ней было душно и грязно. Тогда я разложилъ свой плащъ на палубѣ, и мы оба спокойно уснули. Насъ тихо покачивало, какъ въ гамакѣ.

Проснулся я рано утромъ, часовъ въ пять. Солнце было нѣжнымъ, море — синимъ и тихимъ; уже ощущалась послѣдняя ступень между Европой и Африкой.

Поднялись и другіе пассажиры; наконецъ, изъ-за туманной дымки показались сначала темныя тѣни, потомъ уже отчетливые берега, — и къ семи часамъ мы подошли къ ярко освѣщенному Палермо.

— Вставай, вставай! — будилъ я Мелитту, наклонившись къ ней: — вѣдь мы уже въ Сициліи!

Съ неохотой поднялась Мелитта. Слишкомъ хорошо было дремать на палубѣ едва качающагося парохода, подъ дуновеніемъ свѣжихъ ароматныхъ вѣтерковъ. Но вотъ затормозилась машина, съ грохотомъ опустился якорь, — и, сойдя на пышный берегъ, полный богатѣйшей зелени, мы отправились въ городъ.

. . . .

Отъ Палермо у меня осталось впечатлѣніе очень тусклое, неясное. Я почти не помню его; поработавъ около трехъ часовъ въ саду виллы Джулія, гдѣ, среди аромата магнолій, лимоновъ и рододендроновъ, царилъ неземной покой, — мы уже въ полдень устроились возлѣ пароходнаго буфета и тихо плыли вдоль зеленаго берега.

Гораздо больше запомнился мнѣ городокъ Трапани, во-первыхъ, потому, что это была родина Мелитты, а во-вторыхъ — ужъ очень онъ красиво расположенъ. Внизу у подножія усыпанной цвѣтами горы стоитъ Трапани, а гдѣ-то на самой вершинѣ виднѣется еще одинъ крохотный городокъ, и соединяетъ ихъ бѣлая дорога, окаймленная кустами розъ. Мы сбѣгали на улицу Каррара, гдѣ родилась моя подруга, и къ подножію цвѣточной горы, къ маленькой розовой церкви, гдѣ находится привѣтливая „Мадонна“, вся увѣшанная бездѣлушками — скромными подарками обожающихъ ее прихожанъ.

Въ началѣ вечера сѣрый пароходъ медленно обогнулъ горные островки и вскорѣ вышелъ въ широкій проливъ.

Мы не успѣли пропѣть трехъ-четырехъ номеровъ, какъ началась сначала небольшая качка, потомъ все сильнѣе и сильнѣе. Публика стала расходиться по каютамъ, да и мы сами, несмотря на ранній часъ, рѣшили улечься поскорѣй, чтобы не испытать всей прелести морской болѣзни...

Едва появилось солнце, какъ поднялся и я. И самъ былъ

перетащилъ свой узелъ ближе къ намъ, и вскорѣ мы уснули среди странной пестрой и грязной массы тѣлъ.

. . . .

Отъ усталости или отъ особой пряности кофе, но мы такъ крѣпко уснули, что, когда я открылъ глаза, въ комнатѣ оставалось всего пять-шесть человѣкъ. Нашихъ знакомыхъ уже не было. Мы вышли на улицу, умылись и, выпивъ кофе, я сталъ расплачиваться... О, ужасъ!... Въ кошелькѣ оставалась только мелочь, а бумажка въ пятьдесятъ лиръ исчезла.

Мы сейчасъ же обратились въ полицейскій участокъ, дали свѣдѣнія относительно Заиры и Аркаса, а также и насчетъ кредитки, на которой, по обычаю многихъ итальянскихъ конторъ, стоялъ штемпель „Сициліанскій банкъ въ Палермо", при чемъ указали, что бумажка была въ правомъ верхнемъ углу надорвана. Насъ успокоили тѣмъ, что такъ какъ мѣняльныя конторы откроются только черезъ часъ, а итальянскія деньги здѣсь не въ ходу, то, значитъ, есть возможность предупредить всѣ банки и задержать вора, если онъ придетъ мѣнять.

Я вынулъ часть запасныхъ денегъ, обмѣнялъ ихъ тутъ же въ полиціи, — и мы отправились на прогулку...

. . . .

Мы сидѣли на высокомъ холмѣ, съ котораго открывался далекій видъ на море и на окружную долину. Среди зеленыхъ рощицъ виднѣлись церковь и монастырскіе дома. Близъ маленькаго озера у самаго моря раскинулся приваломъ караванъ. Верблюды, бѣлыя палатки и множество людей сливались въ странное шевелящееся пятно; къ намъ доносился нестройный гулъ человѣческихъ и верблюжьихъ криковъ. Мы сидѣли на холмѣ близъ деревушки „Сиди-Бу-Саидъ", и картина, такъ живописно разстилавшаяся передъ нами, производила впечатлѣніе жути и обиды. Тамъ, гдѣ теперь была полумертвая долина — стоялъ когда-то Карфагенъ... И ничего, ничего отъ него не осталось, кромѣ нѣскольких разбитыхъ вазъ и мраморныхъ осколковъ, можетъ быть, совсѣмъ другихъ временъ... Задумавшись, глядѣлъ я внизъ, когда странная пѣсня Мелитты пробудила меня. Я никогда не слышалъ этой пѣсни, и сама Мелитта казалась мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ другой.

Спокойная, слегка задѣвая струны гитары, она глядѣла въ даль трепещущаго моря и пѣла:

„Скованъ кольчугой изъ мраморныхъ стѣнъ,
Въ мірѣ безсмертномъ — одинъ Карфагенъ.
Земли и воды склонились предъ нимъ.

Солнце, Танита, надъ царствомъ твоимъ!..
Множество гордыхъ и сильныхъ столицъ
Пали предъ новой твердынею ницъ.
Солнце, Танита, надъ царствомъ твоимъ!
Земли и воды склонились предъ нимъ.
Солнце Египта—померкло давно.
Солнце Эллады—на склонѣ оно...
Славься, Танита! Кольцомъ золотымъ
Вѣчное солнце надъ царствомъ твоимъ!“

— Что это за пѣсня? — воскликнулъ я: — и почему ты никогда ее не пѣла?—

— Не приходила въ голову,—улыбаясь, отвѣчала Мелитта:— я давно ее знаю. Развѣ она тебѣ нравится?—

— Конечно! Но откуда ты ее знаешь? Какихъ временъ она?—

— Какихъ временъ, не знаю. Но говорятъ, что это древняя пѣсня. Я ее слыхала отъ матери. Хочешь, спою еще?

Одинъ за другимъ она спѣла нѣсколько совершенно невѣдомыхъ старинныхъ гимновъ. И я почувствовалъ, что для меня въ Мелиттѣ открывается новая сторона. Я говорю о чувствѣ экзотики, о любви къ простымъ, но яркимъ образамъ великаго прошлаго.

. . . .

Такъ какъ утромъ слѣдующаго дня ни одинъ пароходъ не отправлялся въ Сицилію, то мы, предавъ себя волѣ случая, сѣли на тотъ, который шелъ на Триполи. Это была удачная мысль. Хотя на пароходѣ было немного иностранцевъ, но они еще тѣснѣе сплотились вокругъ насъ, когда мы запѣли вольныя канцоны Италіи, веселые французскіе куплеты и тягучія русскія пѣсни. Голоса отдохнули, на душѣ была какая-то легкость, словно мы и въ самомъ дѣлѣ погрузились въ сказку... Мы много пѣли, насъ угощали виномъ и фруктами, а одна старая француженка воскликнула: — „Счастливые! Вы такъ молоды и такъ свѣжи! Такіе „корольки“ рождаются только подъ солнцемъ Италіи!“

Я не разочаровывалъ ее, потому что мнѣ самому подчасъ казалось, да и теперь нерѣдко кажется, что я дѣйствительно родился въ Италіи.

. . . .

Мы возвращались обратно. Позади остались Монастиръ и Махдія—типичные образцы восточныхъ городковъ, которые намъ не дали ничего, кромѣ зрительныхъ впечатлѣній и притомъ незначительныхъ, въ сравненіи съ Тунисомъ.

Хотя пароходъ, идущій изъ Триполи, больше былъ наполненъ туземцами, чѣмъ европейцами, но мы, конечно, поднялись на

палубу перваго класса и здѣсь, устроившись возлѣ столиковъ, принялись за пѣніе.

Мы держали межъ собой пари на какой-нибудь подарокъ. Я увѣрялъ, что мы заработаемъ на пароходѣ не менѣе двадцати франковъ, Мелита стояла за десять. Теперь мы горячо принялись за дѣло и перескакивали съ арабскихъ пѣсенъ на итальянскія. Настоящихъ арабскихъ пѣсенъ мы не знали и больше импровизировали на несуществующемъ языкѣ, не дурно подражая тому завыванію, которое мы слышали въ кофейняхъ Туниса и Махдіи... Путешествіе длилось девять часовъ, изъ которыхъ около трехъ ушло на маленькую, но пріятную компанію. На ней мнѣ хочется остановиться. Когда вдали показалась Суза, къ намъ подошелъ красивый художникъ, Болоньезецъ, предъ тѣмъ зарисовывавшій эскизы окружающихъ; онъ просилъ спѣть что-нибудь веселое въ честь его союза съ красивой блондинкой, съ которой онъ совершалъ брачное путешествіе. Мы подошли ближе, разговорились, и вотъ совершенно неожиданно оказалось, что его молодая жена—русская.

— Спойте, друзья мои, самыя сладостныя итальянскія пѣсни, чтобы моя русская подруга почувствовала всю вѣчную молодость и свѣжесть Италіи!

Мы запѣли канцоны—одну свѣтлѣе другой. Когда, казалось, все уже было спѣто и не по одному разу,—а бѣлыя стѣны Сузы уже показались впереди насъ,—тогда я попросилъ разрѣшенія напомнить русской подругѣ художника о ея далекой родинѣ; и съ бокаломъ въ рукахъ—къ удивленію бѣлокурой синьоры—спѣлъ Эпиталаму изъ „Нерона“ съ подъемомъ, вполнѣ подобающимъ данному моменту и положенію.

Общій восторгъ и радость синьоры Ольги сразу насъ сблизили настолько, что намъ стало даже какъ-то страннымъ сейчасъ же и разстаться. Послѣ недолгихъ разговоровъ синьоръ Ettore Costagni и синьора Ольга рѣшили не разставаться съ нами до Туниса.

Изъ Сузы мы тотчасъ же отправились ближайшимъ поѣздомъ въ священный городъ Кайруанъ. Ѣхать вчетверомъ было весело и пріятно. Разговоръ былъ общимъ на итальянскомъ языкѣ, и только изрѣдка мы съ синьорой Ольгой обмѣнивались двумя-тремя русскими фразами. Дорога была чудесной. Сначала мы долго прорѣзывали оливковый лѣсъ, потомъ пошли безъ конца руины, и намъ казалось, будто мы перенеслись въ окрестности Рима съ его зелеными лугами и холмиками, усѣянными мраморными и каменными осколками. Но вотъ мелькнули послѣднія развалины;

передъ нами показались гигантская стѣна, огромные куполы,—и священный городъ арабовъ открылся передъ нами.

Бѣлая масса домовъ, куполы, минареты волшебной картиной зачаровывали глазъ... Уже темнѣло, и мы отложили осмотръ до утра.

Въ гостиницѣ Грандъ-Отель мы сняли двѣ комнаты; въ бо̀льшей, занятой художникомъ съ супругой,—мы смастерили ужинъ, и въ лицѣ насъ русско-итальянскій союзъ былъ самымъ искреннимъ и самымъ дѣйствительнымъ. И Ольга была художницей; она—пейзажистка, онъ—портретистъ. Для нихъ краски были всѣмъ, какъ для меня съ Мелиттой—звуки. Мы легко понимали другъ друга и смотрѣли на эту встрѣчу, какъ на праздникъ.

— Знаете ли,—говорилъ Ettore:—что мы находимся сейчасъ въ Святомъ Городѣ. Это—городъ тишины. Вы не услышите здѣсь ни криковъ, ни шума. Здѣсь говорятъ тихо. Словно привидѣнія, скользятъ бѣлыя фигуры вдоль стѣнъ. Кажется, что мы во дворѣ огромнаго монастыря... Подумайте, въ этомъ маленькомъ городкѣ больше восьмидесяти мечетей. Это—городъ молитвы.

Мы взглянули въ окно, и лунный свѣтъ погрузилъ насъ въ созерцаніе таинственной красоты, для описанія которой нѣтъ словъ достаточно гибкихъ и полутонныхъ.

Зашипѣли жареные каштаны и отвлекли насъ...

— Меллита!—спросилъ я, когда огни въ нашей комнатѣ уже были потушены и мы готовились ко сну:—отчего ты такъ мало говоришь, когда идетъ общая бесѣда? Отчего? Вѣдь все, о чемъ мы говорили, и тебѣ было близко?

— Ты спрашиваешь, отчего... Странный ты! Неужели ты не понимаешь, что я не все умѣю сказать, что̀ хочу. Если бы ты зналъ, какъ я мало училась, а между тѣмъ, въ нашей деревушкѣ, я считаюсь грамотейкой. Я много слышала отъ отца, особенно много въ дѣтствѣ отъ матери,—но читала я мало. И въ нашей жизни я и не замѣчала этого. Но вотъ, когда встрѣтилась съ тобою, я уже боялась, что ты скоро разочаруешься во мнѣ, когда увидишь, какъ я необразованна... А теперь, когда я слушала синьору Ольгу, я такъ безумно завидовала ей!.. Вѣдь она все знаетъ...

Мелитта умолкла. Но еще долго я слышалъ, какъ она тихо плакала. Мнѣ было больно за нее. Мнѣ хотѣлось сказать ей,—что не такъ важно знаніе изъ книги, какъ собственное чутье къ прекрасному... но я молчалъ, потому что зналъ, что это ее не утѣшитъ.

. . . .

Получивъ разрѣшеніе на посѣщеніе мечетей, мы вышли изъ гостиницы... Тишина... рѣдкая странная тишина. Маленькія улички, маленькія площади, высокіе одноэтажные дома—и все это заключено въ длинную окружную стѣну съ воротами и башнями.

Мы вышли на единственную большую улицу, гдѣ сосредоточены мечети, базары и домъ губернатора. Наконецъ мы очутились на огромной площади, гдѣ во дворѣ, окруженномъ аркадами изъ пятисотъ колоннъ, вздымается самая главная мечеть съ трехэтажнымъ минаретомъ. Насъ пропустили въ середину, даже не требуя, чтобы мы снимали ботинки, а просто подстилая намъ подъ ноги коверъ. Мы долго въ молчаніи созерцали богатую и пышную красоту этого храма. Потомъ бродили по городу; побывавъ на базарѣ и въ кафе, мы убѣдились, что городъ молитвы заключаетъ въ себѣ еще другой,—а именно городъ страшнаго разврата...

Послѣ обѣда мы отправились за городъ и посѣтили Мечеть Цирюльника, гдѣ покоится прахъ Сиди-Сахова, друга и цирюльника Пророка. Перешагнувъ ея порогъ, мы, дѣйствительно, вошли въ святилище. Потолокъ, стѣны и куполъ представляли собой орнаментировку рѣдчайшей рѣзной работы. Изумительны рисунки каменныхъ плитъ, которыми мощенъ полъ, и, наконецъ, сама гробница цирюльника—можетъ быть, лучшее филигранное произведеніе арабскаго искусства...

Очарованные и счастливые тѣмъ, что побывали не только въ Африкѣ, но въ центральныхъ пунктахъ арабской культуры,—мы сѣли въ поѣздъ и черезъ Сузу вернулись въ Тунисъ.

Пока наши новые знакомые отдыхали на Авеню де Маринъ, мы пошли справиться у комиссара полиціи и о, радость!—комиссаръ насъ поздравилъ съ удачей, и преподнесъ мнѣ мои пятьдесятъ лиръ. Оказалось, что утащилъ ихъ болтливый Аркасъ, но безъ участія Заиры. Поблагодаривъ комиссара, съ веселыми лицами пошли мы навстрѣчу нашимъ друзьямъ. Несмотря на неожиданное возвращеніе денегъ, мы не измѣнили программы дня, и выйдя на Авеню — запѣли на всѣхъ языкахъ, собирая вокругъ себя гуляющую публику; на этотъ разъ присутствіе нашихъ друзей насъ еще болѣе выручило.

Когда, подходя къ намъ съ видомъ безпечнаго прохожаго, Ettore Costagni, а вслѣдъ за нимъ и синьора Ольга, положили въ синюю соломенную тарелочку Мелитты двѣ крупныя монеты,—это, очевидно, подзадорило проходящихъ французовъ. Имъ захотѣлось не отстать въ щедрости отъ итальянцевъ,—а тѣмъ болѣе,

отъ красивой бѣлокурой дамы. И это сразу такъ повысило нашъ бюджетъ, что даже, по совѣсти говоря, не соотвѣтствовало нашей заслугѣ,—ибо спѣли мы еще мало, хотя и вправду хорошо.

Я не знаю, придется ли мнѣ когда-нибудь пѣть по улицамъ, но я думаю, что, при наличности даже самой хорошей школы и большого опыта, я никогда нигдѣ не смогу такъ пѣть, какъ въ тѣ дни въ Италіи, потому что мнѣ сопутствовали два элемента вдохновенія: одинъ изрѣдка повторяющійся — любовь, и второй, который не вернется никогда—молодость.

. . . .

Мы хотѣли вечеромъ уже возвратиться въ Сицилію, но молодые супруги, которые направлялись черезъ Алжиръ въ Испанію, ни за что не хотѣли такъ скоро разстаться съ нами и уговорили еще дня два прокатиться вмѣстѣ... Мы весело провели время въ чудесной прогулкѣ по горамъ и на морѣ, и дружески простились въ Ла-Калле.

. . . .

— Здравствуйте, синьоры! Опять у насъ?—раздавались кругомъ привѣтствія, когда мы въ полдень появились на Авеню-Маринъ. Разносчики газетъ, продавцы всякой мелочи, дѣвушки изъ лимонадныхъ кіосковъ—всѣ уже знали насъ, и наперерывъ предлагали устроиться гдѣ-нибудь возлѣ нихъ.

И сладостно прозвучали для меня слова Мелитты:

— Милый! Какъ ни прекрасно было здѣсь, но я съ радостью думаю о томъ, что вечеромъ мы сядемъ на нашъ итальянскій пароходъ и будемъ приближаться къ дому!

Это было правдой. Я чувствовалъ такую же безконечную любовь къ Италіи и тоску по ней, потому что это—единственная страна, которая является родиной для всѣхъ.

А намъ еще и подвезло. Въ тотъ день, не знаю по какому поводу, былъ назначенъ раутъ у итальянскаго консула. Тамъ игралъ французскій военный оркестръ. Какой-то добрый человѣкъ сказалъ объ итальянцахъ, поющихъ на Авеню. И насъ позвали въ то время, какъ мы отдыхали въ скверѣ возлѣ памятника.

Мы вдвойнѣ обрадовались. Это предвѣщало и хорошій заработокъ, и удовольствіе пѣть передъ избранной публикой. Я успѣлъ забѣжать побриться. Мелитта заткнула за поясъ и въ волосы цвѣты, и насъ ввели въ залу, гдѣ человѣкъ пятьдесятъ гостей шумно обѣдали. Съ той простотой, которая существуетъ только у итальянцевъ, насъ приняли и разговаривали съ нами, какъ съ равными, разспрашивая, откуда мы, гдѣ путешествовали и прочее...

Къ намъ подошла сѣдая маркиза и спросила насъ, давно ли мы вмѣстѣ. Мы отвѣтили, что нѣтъ—всего только мѣсяцъ. Дама улыбнулась:

— То-то вы такъ хорошо дуэтируете!

Мы покраснѣли, но не рѣшились ей противорѣчить. Къ вечеру насъ отпустили, снабдивъ деньгами, угощеніями и карточкой консула для безплатнаго проѣзда по Сициліи вплоть до Неаполя. На пароходѣ „Гарибальди" насъ встрѣтили очень привѣтливо и дали намъ отдѣльную каюту. Несмотря на то, что было только восемь часовъ вечера, мы немедленно легли спать, потому что слишкомъ устали за эти дни.

. . . .

Пріѣхавъ въ Ликату, мы съ радостью пересѣли въ поѣздъ, отходившій черезъ полчаса.

Перескочивъ рѣчку Salso, мы прорѣзали горную мѣстность, сначала вдоль берега, потомъ постепенно уходя въ глубину, погружаясь въ безплодную долину, снова приводящую къ морю. Со страшной быстротой мчался поѣздъ внизъ. Нѣкоторое время наши взгляды встрѣчались съ моремъ, за которымъ далеко-далеко скрывалась Африка...

И мы запѣли — для себя и для того простого, бѣднаго народа, который окружалъ насъ.—И пѣсни звучали, лились—одинаково привѣтствуя море, горы и людей, вскормленныхъ волшебной страной.

Въ полдень мы были въ Сиракузахъ. Для меня эта минута была праздникомъ... Мнѣ такъ давно мечталось попасть въ этотъ уголокъ древней культуры...

Съ вокзала мы взяли верховыхъ лошадей, и поѣхали къ руинамъ...

Среди милыхъ, понятныхъ и цѣнныхъ памятниковъ, — какъ Амфитеатръ, акведуки и Нимфеумы,—одно странное, непонятное явленіе—это такъ называемое „Діонисово Ухо". Въ скалѣ сдѣлана узкая расщелина огромной глубины и вышины. Поразительная акустика, благодаря которой слово, сказанное чуть ли не шопотомъ, доносится въ другой конецъ отчетливо и ясно, — заставляетъ предполагать въ этой расщелинѣ остатки знаменитой Діонисіевой темницы, гдѣ ни одинъ возгласъ, шопотъ, даже вздохъ заключеннаго не оставался неизвѣстнымъ опытному жадному уху тюремщика.

Много прекраснаго въ Улицѣ Гробницъ—каменной галлереѣ памятниковъ, въ развалинахъ Эвріала...

Послѣдніе часы мы провели на прелестномъ голубомъ источ-

никѣ Чіани, то катаясь въ баркѣ, среди пушистой зелени папирусовъ, то идя пѣшкомъ тамъ, гдѣ источникъ становится совершенно мелкимъ, или гдѣ водяныя растенія заграждаютъ путь.

Слѣдующее утро мы уже отдыхали среди живописныхъ клумбъ съ яркими, то голубыми, то розовыми цвѣтами, среди массы тропическихъ деревьевъ Виллы Беллини въ Катаніи... Отсюда открывается самая ясная панорама Этны, покрытой снѣгомъ, исчезающимъ только къ іюню... Надъ ней спокойно подымался дымокъ, предвѣщая тихую ясную погоду... Гора притягивала къ себѣ, и мы рѣшили не бороться съ пламеннымъ желаніемъ взобраться, благо день былъ чудесный...

Выѣхавъ изъ города, мы еще долго находились среди жилыхъ кварталовъ; потомъ, послѣ мѣстечка Баррьере, дорога стала круто подниматься въ гору; сначала насъ сопровождали лимоны, апельсины и всякая тропическая зелень, потомъ—оливки... Но вотъ передъ нами выросли глыбы старинной лавы, а за ними показалась горная деревня. Здѣсь мы взяли муловъ и проводника. Подыматься приходилось по скверной узенькой дорогѣ среди снѣга и лавы, и круто взбираться въ гору. Встрѣчались деревья, и лава, и маленькіе кратеры; черезъ четыре часа показалась невдалекѣ хижина „Cava di Bosco", за которой уже нѣтъ ни деревьевъ, ни воды... Началась пустыня — то голая, то покрытая глубокимъ снѣгомъ...

Наконецъ, пройдена и вторая хижина; передъ нами открылась вершина и на ней обсерваторія... Наступалъ самый трудный моментъ, когда вѣтеръ разбрасываетъ пепелъ, и мулъ начинаетъ скользить на пустынной дорогѣ.

Идти отъ Обсерваторіи къ кратеру еще труднѣе, чѣмъ на Везувіи. Тамъ приходилось двигаться по колѣна въ пеплѣ только нѣсколько саженей, а здѣсь около трехсотъ метровъ... Наконецъ, преодолѣвъ всѣ трудности, взобрались...

Кратеръ состоитъ изъ глубокаго конуса, который дѣлится перегородкой на двѣ части; дымитъ изъ нихъ только одна... Видъ отсюда открывается волшебный и много живописнѣй, чѣмъ съ Везувія... Кругомъ виднѣются бѣлыя поля снѣжныхъ вершинокъ, ниже—темнозеленые холмы, а далеко внизу, — озаренные солнцемъ долины, города и безконечное море.

По возвращеніи въ Обсерваторію намъ сказали, что путь на Рандацци очень труденъ и утомителенъ, а безъ проводника даже невозможенъ, благодаря массѣ снѣга и опасности пойти по невѣрному пути.

Хотя возвращенію назадъ мы особеннаго значенія не при-

давали, но я не люблю отказываться отъ намѣченной цѣли не по своей волѣ, а по волѣ случая, — и это извѣстіе было мнѣ непріятно... Однако вскорѣ выяснилось, что здѣсь есть человѣкъ изъ Рандаццо, и что онъ все равно пойдетъ этой дорогой, такъ какъ она ближайшая. Онъ пришелъ сюда три дня назадъ, и надѣялся, что слѣды его еще остались. А такъ какъ мы согласились уплатить ему, то онъ охотно повелъ насъ за собой.

Ужасно труденъ былъ первый крутой тысячеметровый спускъ отъ Обсерваторіи до горы Оньисанти... И мулъ, и всѣ мы подчасъ проваливались по поясъ, что̀ было особенно жутко среди одиночества ледяной пустыни...

Начиная съ горы Молетто пошла приличная дорога; въ полной темнотѣ мы прибыли въ Рондаццо, и здѣсь заночевали.

Утромъ городокъ показался намъ прелестнымъ. Бѣлая мраморная церковь такъ ярко выдѣлялась среди темныхъ домовъ изъ лавы.

Мы сѣли въ самый ранній поѣздъ, и въ десять часовъ утра пріѣхали, наконецъ, въ Мессину. Въ порту стояло множество иностранныхъ пароходовъ, парусныя судна, цѣлая флотилія лодокъ. Мы отправились къ маяку въ рыбачій кварталъ. Тамъ Мелитта отыскала своихъ знакомыхъ и друзей отца. Въ дружной бесѣдѣ мы съ наслажденіемъ завтракали—морскими итальянскими блюдами, которыхъ уже давно не ѣдали.

Къ вечеру, по совѣту рыбаковъ, мы отправились въ Giardino, гдѣ уже собралась масса публики вокругъ прелестнаго кафе на берегу.

День былъ пятничный, единственный въ недѣлю, когда въ Giardino не играетъ оркестръ, а потому намъ особенно были рады. Мы удобно устроились сперва возлѣ кафе, потомъ переходя изъ конца въ конецъ. Мы много пѣли и много заработали.

Это былъ нашъ послѣдній концертъ. Мы это знали, чувствовали, и потому мы отдали мессинцамъ всю радость, всю свѣжесть, которая была у насъ.

Когда мы уходили, чтобы сѣсть на пароходъ, насъ провожали добрыми пожеланіями, — а изъ кафе намъ прислали на дорогу корзиночку съ провизіей, фруктами и виномъ.

Такъ встрѣчаютъ, такъ балуютъ и такъ провожаютъ въ Италіи тѣхъ,—кто любитъ ее, кто разноситъ лучи ея солнца по вселенной.

Григорій Гнѣсинъ.

БЕЗЪ СНА.

Мыслей отрывистыхъ черныя крылья
Вьются, какъ призраки, жуткою стаей...
Въ ужасѣ тихомъ, во власти безсилья,
Молча лежу я, рѣсницъ не смыкая...
Спящихъ дыханье касается слуха...
Въ комнатѣ душно... Я думать устала...
Кажется жесткой подушка изъ пуха...
Сбилось тяжелымъ комкомъ одѣяло...
Утро... Холодныя волны тумана...
Въ окна вползаетъ разсвѣтъ блѣднолицый.
Полный тоски и тупого обмана,
Дышитъ тревогой надъ сонной столицей.
День безъ улыбки сквозь темныя сторы
Смотритъ въ больныя усталыя очи...
Прячутся робко, безшумно, какъ воры,
Призраки долгой страдальческой ночи...

ANDANTE.

ПУТЬ КЪ СЛАВѢ.

Романъ Роберта Хитченса.

(Продолженіе) [1].

XI.

Оглядываясь назадъ, Хиисъ приходилъ къ убѣжденію, что сдѣлалъ невѣрный шагъ еще тогда, когда пошелъ обѣдать къ Максу Элліоръ. Съ того вечера начался его разладъ съ самимъ собой. Правда, въ этотъ вечеръ возникла его дружба съ м-съ Мэнсфильдъ—цѣнное пріобрѣтеніе, которымъ онъ дорожилъ. Но вмѣстѣ съ ней вошли въ его жизнь м-съ Шиффней и Чарміанъ, и онѣ-то внесли смуту. Онѣ были для него олицетвореніемъ общественнаго мнѣнія, идущаго въ разрѣзъ съ его завѣтными убѣжденіями. Ихъ девизъ гласилъ: „Весь міръ для художника". Его же credo можно было формулировать такъ: „Весь міръ—внутри художника". Но съ момента возвращенія Чарміанъ изъ Африки его непрестанно точило сомнѣніе. Что, если его инстинктъ—слѣпой вожакъ? Можетъ быть истина на сторонѣ свѣта?

Въ вечеръ своего пріѣзда Чарміанъ произвела на Хіиса очень сильное впечатлѣніе. Ея энергичное выступленіе достигло цѣли. Онъ безъ конца повторялъ про себя ея слова: „Дайте себѣ только волю и вы будете инымъ!" А ея импровизація объ островѣ? Въ ней была правда. Краски, ароматы и звуки—все это матеріалъ для художника. Онъ ихъ комбинируетъ, пересоздаетъ, дѣлаетъ своими! Онъ даетъ имъ крылья, чтобы пробраться въ самые заповѣдные уголки, въ святую святыхъ души человѣческой!..

---

[1]) См. январь.

Хiисъ вышелъ изъ колеи; онъ потерялъ бодрость и вкусъ къ работѣ. Ему не нравилось то, что̀ онъ дѣлалъ. Музыка — наименѣе реальное изъ всѣхъ искусствъ—стала казаться ему теперь чѣмъ-то неуловимымъ. Бывали минуты, когда онъ проклиналъ свое призванiе музыканта и жаждалъ быть поэтомъ, скульпторомъ, живописцемъ! Тогда бы онъ по крайней мѣрѣ могъ знать, хорошо ли или худо то, что̀ онъ дѣлаетъ, могъ бы осязать его.

М-съ Сирль замѣтила въ своемъ баринѣ перемѣну и стала прибѣгать къ своему излюбленному средству: она въ усиленной дозѣ стала посылать къ нему маленькую Фэнъ. Какъ неврастеникъ вѣритъ въ странныя лѣкарства и врачей, умѣющихъ производить впечатлѣнiе, такъ она вѣрила въ исцѣляющую силу дѣтскаго общества. Къ тому же Фэнъ сама ни мало не сомнѣвалась въ своихъ волшебныхъ свойствахъ. Она полагала, что Хiисъ вполнѣ раздѣляетъ ея глубокiй интересъ къ своей особѣ и посвящала его во всѣ тайны своихъ куколъ и другiя важныя дѣла.

Хiисъ имѣлъ обыкновенiе компонировать послѣ чаю, часовъ съ пяти. Фэнъ часто появлялась въ половинѣ пятаго у дверей студiи и выжидательно заглядывала въ комнату съ книжными полками и оранжевыми занавѣсями. Она смотрѣла на Хiиса, кокетливо наклонивъ вбокъ головку. Когда онъ улыбался ей, она довѣрчиво и поспѣшно бѣжала къ нему; онъ ласково встрѣчалъ ее, гладилъ по головкѣ и слушалъ, казалось, съ полнымъ вниманiемъ. Но пока Фэнъ, задыхаясь и помогая себѣ руками, изливала свою дѣтскую душу, Хiисъ думалъ: „Неужели на мнѣ лежитъ печать провинцiала?"

Послѣ рѣзкой откровенности Чармiанъ это слово не выходило у него изъ головы. А м-съ Мэнсфильдъ? Неужели онъ потерялъ вѣру въ нее? Она никогда не выражала пожеланiя видѣть его другимъ. Его музыка произвела на нее очень сильное впечатлѣнiе. И все-таки онъ не могъ забыть словъ Чармiанъ, не могъ не связывать ее мысленно съ м-съ Шиффней.

Фэнъ тянула его за рукавъ и громко повторяла какой-то вопросъ.

— Да, да, Фэнъ! То-есть... нѣтъ, конечно, нѣтъ. Если Мастермэнъ не хочетъ садиться въ ванночку, то надо наказать его. Да, да, я знаю. Надѣть что-нибудь? Что̀? Но онъ, вѣдь, мальчикъ. Ладно, мы достанемъ ему панталоны. Нѣтъ, я не забуду. Да, такiе длинные, какъ мои. Будетъ очень хорошо. Осторожнѣе держи чашку. Навѣрное, мама тамъ зоветъ тебя. Нажми крѣпко звонокъ. Не можешь? тогда вотъ этимъ пальчикомъ, большимъ.

Еще крѣпче... вотъ такъ. Видишь, мама зоветъ тебя... Гарріетъ такъ говоритъ.

Гарріетъ, безстрастная и безмолвная, все-таки понимаетъ, что̀ значатъ поднятыя брови барина. Она уводитъ Фэнъ, и Хіисъ остается наединѣ со своимъ роялемъ. Онъ садится и для ободренія играетъ то, что̀ играла тогда м-съ Мэнсфильдъ. Но это не ободряетъ. Хочется критики большого человѣка, большого спеціалиста: это желаніе такъ часто терзаетъ никому неизвѣстныхъ людей творчества. Начинается новый, безобразный періодъ его жизни, подумалъ Хіисъ. Станетъ ли онъ такимъ, какъ всѣ? Будетъ ли онъ тянуться къ славѣ? Отчего слова обыкновенной дѣвушки такъ сильно повліяли на него?.. Какая она была тоненькая, когда онъ снялъ съ нея шубу... это было передъ ея поѣздкой въ Африку. Путешествіе въ самомъ дѣлѣ измѣнило ее. Онъ ощущалъ въ ней крѣпкую волю, которой не чувствовалось раньше. Вотъ въ матери воля горитъ яркимъ, ровнымъ пламенемъ. Какъ мужъ м-съ Мэнсфильдъ, вѣроятно, любилъ ее!

Руки Хіиса соскользнули съ клавишъ: онъ задумался

Сусанна Флитъ была снова въ Лондонѣ. Послѣ путешествія въ Алжиръ она заѣхала повидаться со своей матерью. Сочетавъ пріятное съ полезнымъ, она сшила себѣ въ Фолькстонѣ новый *tailleur*. Длинная телеграмма м-съ Шиффней вызвала ее обратно въ Лондонъ къ своимъ секретарскимъ и инымъ обязанностямъ. Приближался сезонъ, и жизнь Аделаиды становилась все сложнѣе и безпокойнѣе: Сусанна была ей необходима.

Чарміанъ завидовала м-съ Шиффней въ этомъ отношеніи. Она рѣшила во что̀ бы то ни стало встрѣчаться съ миссъ Флитъ. Со дня своего пріѣзда она ощущала между собой и матерью тонкую, но все же осязаемую перегородку. Мать знала, что она подрумянилась изъ-за Клода Хіиса, вѣроятно, она угадала и больше, Чарміанъ не имѣла бы ничего противъ этого, еслибъ она разсказала матери сама. Но *такъ* ей это не нравилось. Иногда ей казалось, что все это—одно воображеніе, что м-съ Мэнсфильдъ не можетъ ничего знать или даже подозрѣвать. Но — увы! она была женщина и, какъ таковая, до ужаса проницательна въ извѣстномъ направленіи. Ея подрумяненныя щеки и слегка подведенные глаза сказали то, чего никогда не произносили ея губы. Напрасно надѣяться на невозможное!

Благодаря нѣкоторой перемѣнѣ въ отношеніяхъ съ матерью Чарміанъ особенно хотѣлось повидаться съ Сусанной Флитъ. Ей казалось, что только миссъ Флитъ можетъ помочь ей. Чѣмъ—она и сама не знала. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ со стороны Чар-

міанъ онѣ, наконецъ, сговорились о свиданіи и однажды днемъ миссъ Флитъ появилась въ Берклисквер. Ее проводили наверхъ въ комнату Чарміанъ.

Чарміанъ играла полонезъ Шопена. Она была недурная музыкантша и обладала порядочной техникой. Но въ ея игрѣ не было цѣльности замысла, не было той послѣдней отдѣлки, которая составляетъ плоть и кровь всякаго исполненія. Тѣмъ не менѣе ея игра многимъ очень нравилась.

— Ахъ, Сусанна!—воскликнула Чарміанъ, прерывая игру.— Наконецъ-то! Садись сюда.

Она сжала ея руки въ бѣлыхъ перчаткахъ и расцѣловала ее.

— А этотъ костюмъ? Тоже изъ Фолькстона?

— Да.

— Какой покрой! Положительно надо туда съѣздить. Нравится вамъ моя комната?

Сусанна спокойно оглядѣла сѣро-зеленыя стѣны, акварели, мебель, крытую бумажной матеріей съ пурпурными гроздьями и зелеными листьями, книги въ изысканно-красивыхъ переплетахъ и таксу Чарміанъ, Каролину, которая грѣлась передъ каминомъ.

— Очень нравится. Видно, что она жилая и что вы любите ее.

— Да, это вѣрно. Я люблю ее, насколько, вообще, можно любить комнату.

Она запнулась и вспомнила о маленькомъ островкѣ и своей исповѣди. Ей хотѣлось сразу вернуться къ *той* темѣ, но она боялась показаться слишкомъ наивной, по-дѣтски эгоцентричной. Сусанна ласково-дружелюбно глядѣла на нее.

— Ну, какъ же ваши дѣла? Вы счастливѣе теперь, чѣмъ были въ Мустафѣ?

— То-есть... вы подразумѣваете *то*?

— Мнѣ кажется, что вы продолжаете нервничать.

— Развѣ я подурнѣла?—вырвалось у Чарміанъ почти рѣзко.

Сусанна улыбнулась, но безъ ироніи—мягко, снисходительно.

— Право, не знаю. Говорятъ, что у меня сумасшедшія понятія о наружности. Напримѣръ, многія признанныя красавцы мнѣ не нравятся. Я бы сказала, что въ вашемъ лицѣ больше выраженія. Но счастливое ли оно? не думаю.

— О, какъ бы я хотѣла быть, какъ вы! Какъ бы я хотѣла ощущать безразличіе къ счастью!..

— Я не безразлична. Но только надо мной не имѣетъ власти каждая мелочь сегодняшняго дня, какъ пылинка на платьѣ, которую я могу сдуть, не дѣлаетъ меня грязной. Длиненъ и сложенъ

нашъ путь. А въ пути, мнѣ всегда думается, не слѣдуетъ суетиться.

— Я не знаю ни одного человѣка, кто давалъ бы мнѣ то, что вы даете,—произнесла Чарміанъ.

— Это длинный путь,—сказала Сусанна.—Онъ ведетъ черезъ мостъ между личнымъ, которое гибнетъ, къ безсмертному, вѣчному.

— Я не могу не любить личное. Я не то, что вы. Я люблю чувство субъективности, отдѣленной отъ всего, люблю свое, себя. Не стану притворяться... Да, но не въ томъ дѣло. Я хотѣла сказать одну вещь, съ которой вы, навѣрное, не согласитесь.

Сусанна не спросила, въ чемъ состоитъ эта вещь, но Чарміанъ скоро сама открыла свои карты. Краснѣя, она проговорила:

— Я бы хотѣла, чтобы вы видѣли его.

— Это уже произошло,—отвѣтила Сусанна.

— Какъ?—воскликнула Чарміанъ съ негодованіемъ въ голосѣ.

— Я встрѣтилась съ нимъ вчера вечеромъ.

— Какъ? Гдѣ? Вѣдь онъ никуда не ходитъ?

— Я была съ Аделаидой на Эльгаровскомъ концертѣ. Онъ былъ съ однимъ музыкальнымъ критикомъ и случайно сидѣлъ рядомъ съ нами.

У Чарміанъ былъ недовольный и обиженный видъ.

— М-съ Шиффней... и вы говорили съ нимъ?

— Да. Аделаида познакомила насъ.

Наступило молчаніе. Затѣмъ Чарміанъ проговорила:

— Врядъ ли онъ былъ самимъ собой въ обществѣ м-съ Шиффней. Но онъ понравился вамъ?

— Да. Онъ—искренній.

— Я увѣрена, что вы ему тоже понравились.

— Право, не знаю.

— А я знаю... Скажите, а онъ... или вы... словомъ, вы говорили съ нимъ обо мнѣ.

— Конечно.

— Ну и что? какъ вамъ показалось, онъ немножко... Ступай, ступай, Каролина!

Такса, проявлявшая явное желаніе закончить свое *dolce far niente* на колѣняхъ у Чарміанъ, заморгала, испустила глубокій вздохъ и съ виноватымъ видомъ снова улеглась на коврикъ.

— Вѣроятно онъ бо̀льшую часть времени разговаривалъ съ м-съ Шиффней?

— Мы съ нимъ бесѣдовали минутъ пять отдѣльно. Я вспоминала наше пребываніе въ Алжирѣ.

— Онъ былъ заинтересованъ?

— Да. Очень.

— Очень! Ахъ, Сусанна, у него это всегда такъ кажется... Но все-таки, съ тѣхъ поръ какъ я вернулась, онъ какъ будто не считаетъ меня такимъ ничтожествомъ, какъ раньше. Онъ былъ нѣсколькъ разъ. Ради мамы, конечно. Но все-таки разница есть. Мнѣ представляется, что въ такомъ городѣ, какъ Лондонъ, если не стремишься твердо проявить себя, всѣ считаютъ тебя какой-то тѣнью. Часто вспоминаются мнѣ ваши слова насчетъ того, что можетъ быть мнѣ суждено познать жизнь черезъ Хiиса и научить его. Но чему научить? Знаете, съ тѣхъ поръ, какъ я... какъ... ну, словомъ, я чувствую себя такой смиренной. И однако я знаю, что самые большiе люди нуждаются въ поддержкѣ. Мужчины— вродѣ дѣтей... Пожалуйста, разскажите, что онъ говорилъ вамъ.

Сусанна стала разсказывать. Когда она кончила и Чармiанъ хотѣла сказать что-то по этому поводу, въ комнату вошла м-съ Мэнсфильдъ. Чармiанъ такъ порывисто вскочила на ноги, что Каролина отчаянно залаяла.

— Ахъ, *madre*! У меня миссъ Флитъ. М-съ Мэнсфильдъ тотчасъ замѣтила по виду Чармiанъ, что она прервала задушевную бесѣду. Но она ничѣмъ не обнаружила своей догадки, сѣла и приняла участiе въ разговорѣ. Она часто встрѣчалась съ миссъ Флитъ, но мало ее знала. Теперь она увидѣла, что Чармiанъ нашла себѣ въ ней прекраснаго друга. М-съ Мэнсфильдъ не ощущала ревности къ этой чужой женщинѣ, посвященной въ секретъ ея дочери. Она знала, что по какой-то необъяснимой причинѣ самымъ близкимъ людямъ, обыкновенно, разсказывается меньше всего.

Когда Сусанна ушла, м-съ Мэнсфильдъ сказала:—Какая она тактичная и воспитанная! Рѣдко приходится видѣть такихъ людей. Да здравствуетъ твой новый другъ, Чармiанъ!

Вскорѣ Хiисъ разсказалъ м-съ Мэнсфильдъ о встрѣчѣ съ Сусанной Флитъ на концертѣ. Она произвела на него сильное впечатлѣнiе. Въ этотъ моментъ онъ былъ особенно подавленъ. Музыкальный критикъ, сопровождавшiй его, былъ очень молодъ, самоувѣренъ и безконечно рѣшителенъ въ своемъ поклоненiи новымъ кумирамъ и презрѣнiи къ старымъ. Онъ говорилъ о Мендельсонѣ такъ, какъ-будто тотъ заслужилъ вѣчный позоръ, о Гуно— словно его слѣдовало бы повѣсить за созданiе „Фауста“. Его неумѣренное прославленiе нѣкоторыхъ модныхъ импрессiонистовъ въ музыкѣ угнетало Хiиса настолько же, насколько и отрицанiе великихъ покойниковъ. Отъ всѣхъ этихъ толковъ стало казаться, будто всякое искусство ненужно и излишне.

— „Стóитъ ли отдавать всего себя,—думалъ Хіисъ,—чтобы заслужить въ концѣ концовъ озлобленное презрѣніе людей, которые не отдали ничего? Чтò удерживаетъ меня въ моемъ упорствѣ? Это какое-то безуміе, его надо вырвать съ корнемъ“.

Ему стало холодно отъ мысли, что очевидно онъ творитъ для потомства, если избѣгаетъ всякаго публичнаго оказательства. Конечно, онъ старался обмануть себя иллюзіей, что онъ руководится только велѣніями своего внутренняго суда. Но теперь онъ съ горечью задавалъ себѣ вопросъ: „Развѣ это возможно? развѣ можетъ существовать на свѣтѣ такой человѣкъ?“ Весь его міръ рушился вокругъ него.

Вотъ тогда онъ имѣлъ короткую бесѣду съ миссъ Флитъ.

Разсказывая объ этомъ, Хіисъ сказалъ:

— Въ началѣ разговора я былъ калѣкой. А когда поговорилъ съ ней, мнѣ казалось, что я могу взлѣзть на самую вершину высокой-высокой горы. И удивительно! Она не сказала ничего необыкновеннаго. Просто я побывалъ въ ея атмосферѣ.

— Какъ вы чувствительны къ атмосферѣ!

— До абсурда. Оттого-то я такъ и замыкаюсь въ себѣ.

— Я знаю... монастырь...

Она глядѣла на него серьезно, вдумчиво. Онъ слегка покраснѣлъ и проговорилъ медленно:

— Монастырь—это не естественная жизнь.

— Вы, значитъ, намѣрены выйти изъ него?

— Не знаю, ей Богу. Я какъ-то въ послѣднее время растерялъ себя.

— Съ какихъ поръ?

Ея глаза не отрывались отъ него.

— Трудно сказать. Возможно, что меня вывели изъ равновѣсія разсказы объ Африкѣ, о путешествіи, въ которомъ я могъ принять участіе. Вѣдь, я человѣкъ слабый.

— Однако очень сильный въ извѣстномъ отношеніи.

— И слабый—въ другомъ. Пожалуй, лучше ужъ было поѣхать, чѣмъ отказаться, а потомъ томиться и думать безъ конца.

— Вы завидуете Чарміанъ?

— Бываютъ дни, когда я завидую всѣмъ, кто — не Клодъ Хіисъ,—уклончиво отвѣтилъ онъ.—Въ одномъ только я твердо увѣренъ: я желалъ бы быть миссъ Флитъ въ образѣ и подобіи мужчины. Она знаетъ тò, чего почти никто не знаетъ.

— Чтò же именно?

— Чтò—мелко и чтó—крупно.

— И вы почувствовали въ ней все это во время пятиминутнаго разговора на концертѣ?

— Музыка Эльгара помогаетъ чтенію въ душѣ.

М-съ Мэнсфильдъ была сама великая искусница въ этомъ дѣлѣ. Но Хіисъ поразилъ ее. Она замѣчала, что онъ, дѣйствительно, вышелъ изъ колеи, и приписывала это вліянію Чарміанъ. Ужъ не замѣтилъ ли онъ, что Чарміанъ вообразила себя влюбленной въ него? Приходилъ онъ, какъ обыкновенно, и его дружба съ м-съ Мэнсфильдъ оставалась все той же. Но отношенія съ Чарміанъ стали другими. Дѣвушка язвительно подшучивала надъ нимъ и покровительствовала ему съ кокетливостью хорошенькой лондонской барышни. Она не ускользала, какъ прежде, и не оставалась молчаливымъ слушателемъ его бесѣдъ съ матерью. Нѣтъ, она брала свою долю—иногда даже съ нѣкоторымъ аггрессивнымъ подчеркиваніемъ.

Ироническія нападки и парадоксы Чарміанъ не уязвляли цѣломудренной сдержанности Хіиса. М-съ Мэнсфильдъ замѣчала это. Онъ попрежнему шелъ къ ней, когда ему хотѣлось снять тяжесть съ души, но въ обществѣ Чарміанъ онъ теперь становился оживленнѣе. Иногда она вызывала въ немъ приступы неожиданной мальчишеской веселости.

Однажды, прощаясь передъ уходомъ, Хіисъ сказалъ м-съ Мэнсфильдъ:

— Миссъ Чарміанъ должна была бы имѣть большую цѣль въ жизни, на которой она могла бы сосредоточиться. Она сильная натура.

Когда онъ ушелъ, м-съ Мэнсфильдъ улыбнулась и вздохнула.

— Когда онъ пойметъ наконецъ, что *онъ*-то и есть—большая цѣль въ жизни Чарміанъ?—подумала она.

Она хорошо знала мужчинъ. Все-таки иногда ихъ глупость изумляла ее.

XII.

Къ концу лондонскаго сезона дирекція Ковентъ-Гарденскаго театра ошеломила своихъ абонентовъ извѣщеніемъ о постановкѣ въ непродолжительномъ времени новой оперы французскаго композитора, Жака Сеннье, имя котораго было мало кому извѣстно. Опера называлась „Рай земной“. Чѣмъ ближе къ дню перваго представленія, тѣмъ больше о ней говорили въ музыкальныхъ кругахъ. Интересъ къ новинкѣ былъ исключительный. Ходили слухи, что новая опера—совершенно оригинальна, что она со-

здастъ эпоху, что ея авторъ—генiй и прочее. Въ газетахъ стали появляться замѣтки о личности и жизни композитора. М-съ Шиффней, разумѣется, была знакома съ нимъ. Но она пока не показывала его никому; репортерамъ она сказала, что онъ—очаровательный, но чрезвычайно странный человѣкъ; онъ абсолютно лишенъ моральнаго чувства. Если ему случалось увидѣть раздавленное насѣкомое или убитую на стеклѣ муху—кончено! онъ въ теченiе нѣсколькихъ дней не могъ работать. Но когда его первая жена застрѣлилась у него на глазахъ вслѣдствiе его постоянныхъ измѣнъ, онъ остался совершенно спокойнымъ, велѣлъ вынести трупъ изъ комнаты и продолжалъ какъ ни въ чемъ не бывало свою работу. Несомнѣнный оригиналъ! Интересъ публики росъ съ каждымъ днемъ; кассу Оперы бомбардировали требованiями мѣстъ на первое представленiе, въ которомъ въ главной женской партiи должна была выступить красавица Анни Мередитъ—пѣвица и танцовщица.

За три дня до премьеры одна знакомая, вслѣдствiе внезапной смерти своей родственницы, прислала м-съ Мэнсфильдъ свою ложу. Чармiанъ была въ восторгѣ. Почти всѣ ея знакомые — Максъ Эллiотъ, Марго и Китти Дрэкъ, Поль Лэнъ уже бредили новой оперой; было ясно что „Рай земной“ будетъ гвоздь сезона. Не пойти на премьеру какъ обидно! А теперь, въ послѣднiй моментъ, онѣ получили великолѣпную ложу.

— Кого позвать?—сказала м-съ Мэнсфильдъ.—Есть четыре мѣста.

Отчего бы не пригласить м-ра Хiиса? — сказала Чармiанъ съ старательной небрежностью. Ему, какъ музыканту, это должно быть интересно.

— Хорошо. Я приглашу его. Но онъ, навѣрное, откажется.

Ибо Хiисъ снова ушелъ въ свою раковину. Даже въ Беркли-скверѣ онъ сталъ рѣдкимъ гостемъ.

— Ты не пиши ему, мама, а позови сюда. Иначе сразу откажется. Чудакъ какой, право! Вѣдь, долженъ же онъ хоть по профессiи слѣдить за новѣйшей музыкой. Мнѣ надоѣли его странности!

Хiисъ явился, получилъ приглашенiе и только-что отказался отъ него, когда въ комнату вошла Чармiанъ.

— Вы боитесь, м-ръ Хiисъ,—сказала она, улыбаясь.

— Боюсь? Чего?—спросилъ онъ настороживаясь.

— Боитесь услышать то̀, что̀ создаютъ иностранцы; боитесь сравнить ихъ талантъ съ вашимъ. Это чисто англiйскiй страхъ! Какое намъ дѣло до того, что̀ происходитъ во всемъ остальномъ

мірѣ? Мы будемъ продолжать въ своемъ духѣ. Это звучитъ такъ гордо—неправда ли? по существу же, это просто трусость, боязнь открытія, что другіе идутъ впередъ, пока мы стоимъ на мѣстѣ. О, Господи! какой ужасъ—это британское упрямство!

Глаза Хіиса горѣли раздраженіемъ.

— Право, не думаю, чтобы я боялся, — сказалъ онъ сухо.

Вѣроятно, чтобы доказать это, онъ взялъ назадъ свой отказъ и поѣхалъ на премьеру. Для Чарміанъ это былъ тріумфъ, но она не показывала вида, что такъ думаетъ.

Хіисъ явился въ театръ точно забронированный. Онъ держался такъ, точно его противъ воли выманили изъ-за прикрытія на просторъ. Внутренній голосъ говорилъ ему, что эта накрахмаленная холодность просто смѣшна, и это сознаніе еще усиливало его сдержанность. М-съ Мэнсфильдъ было отъ души жаль его.

Чарміанъ была удивительно интересна, блистала улыбками. Хіисъ, глядя на ея увѣренныя манеры, невольно изумлялся самообладанію современной дѣвушки. Сидя между своими двумя дамами—больше у нихъ въ ложѣ никого не было—Хіисъ робко выглядывалъ на переполненный блестящей публикой залъ. М-съ Шиффней, властная, сіяющая брилліантами, вошла въ ложу визави, въ сопровожденіи Фердинанда Рэда, Поля Лэна и очень элегантной, очень некрасивой дамы французскаго типа, густо обсыпанной пудрой подъ художественно причесаннымъ рыжимъ шиньономъ. Рядомъ съ ними, ближе къ сценѣ, были въ ложѣ Максъ Элліотъ съ женой и адмиралъ Бёрнингтонъ съ лэди Мильдредъ.

Чарміанъ разглядывала публику въ бинокль и вездѣ находила знакомыхъ. Огромный театръ, полный движенія и шопота, полный сверкающихъ оживленіемъ глазъ и душъ, возбужденныхъ ожиданіемъ острыхъ, новыхъ впечатлѣній, наполнялъ ее жаркимъ трепетомъ. Она думала объ этомъ Жакѣ Сеннье, гдѣ-то скрывающемся, ради котораго происходитъ все это въ залѣ, начнетъ сейчасъ происходить на сценѣ. Чарміанъ всей душой завидовала ему. Она взглянула на мрачно-сосредоточенное лицо Хіиса. Неужели онъ не испытываетъ того же чувства зависти?

Постучали въ дверь ложи. Хіисъ отворилъ ее. Появилось блѣдное лицо Поля Лэна.

— А-а, здравствуйте! Не видѣлъ васъ съ того обѣда у Макса. Можно войти?

Онъ подошелъ къ дамамъ.—Въ воздухѣ пахнетъ успѣхомъ, правда? За кулисами всѣ просто безъ ума отъ оперы. Анни Мередитъ говоритъ, что сдѣлаетъ на этой роли карьеру. Вы спрашиваете, кто эта рыжая дама съ Аделаидой Шиффней? Да

это m-me Сенньe, жена композитора, вторая жена. Очень умная женщина! Эта стрѣляться не станетъ. Сенньe говоритъ, что не будь ее, онъ никогда бы не написалъ этой оперы. Она нашла ему либретто, съумѣла заинтересовать его имъ, вела переговоры съ дирекціей театра, убѣдила Анни Мередитъ пріѣхать изъ Америки пѣть главную партію. Необыкновенная женщина! Некрасивая, но съ желѣзной волей и огромнымъ честолюбіемъ. Сегодня—ея тріумфъ. А-а, вотъ... сейчасъ поднимутъ занавѣсъ.

Выходя изъ ложи, Лэнъ шепнулъ Хіису:

— М-съ Шиффней надѣется, что вы зайдете къ ней въ одномъ изъ антрактовъ.

Хіисъ вернулся и сѣлъ позади м-съ Мэнсфильдъ. Онъ замѣтилъ, что бинокль Чарміанъ упорно направленъ на ложу м-съ Шиффней, хотя занавѣсъ уже поднялся. Онъ замѣтилъ также, что ея лѣвая рука слегка дрожала.

Съ первыхъ звуковъ, съ первой же картины на сценѣ публика была наэлектризована. Не было никакихъ колебаній. Не было опасныхъ моментовъ. Вечеръ начинался, дѣйствительно, какъ тріумфъ: энергія m-me Сенньe была потрачена не даромъ. Чарміанъ смотрѣла на некрасивое лицо этой рыжей женщины, старалась вообразить себѣ ея настроеніе, восхищалась ею, почти ненавидѣла ее и жаждала быть такой, какъ она.

Въ антрактѣ она видѣла, что масса мужчинъ вошли въ ложу м-съ Шиффней. Аделаида представляла всѣхъ некрасивой рыжей женщинѣ, которая была чрезвычайно оживлена и повидимому принимала, какъ должное, похвалы и поздравленія. Многіе цѣловали ея руку. Вся поза Макса Эллiота выражала восхищеніе и преклоненіе. Даже Поль Лэнъ улыбался, показывая ей свою перчатку, лопнувшую въ разгаръ апплодисментовъ.

Хіисъ разсказалъ о просьбѣ м-съ Шиффней. Ему не хотѣлось идти, но Чарміанъ стала уговаривать его.

— Я хочу знать, какая она, эта m-me Сенньe. Вы должны спросить ее, счастлива ли она, должны узнать это.

— Чарміанъ! Но, вѣдь, м-ръ Хіисъ не читаетъ въ мысляхъ.

— Я такъ ужасно говорю по-французски,—сказалъ Хіисъ. Онъ былъ растерянъ и чувствовалъ себя жалкимъ.

— Ну, пустяки! Развѣ вы не можете сказать: „Chère madame, j'espère que vous êtes bien contente ce soir?“

Когда Хіисъ вышелъ, м-съ Мэнсфильдъ сказала дочери:

— Чарміанъ! Мнѣ не нравится, какъ ты себя держишь сегодня. Ты какъ будто забываешь, что м-ръ Хіисъ—нашъ гость.

— Противъ воли,—вставила Чарміанъ.

— Въ такомъ случаѣ это обязываетъ къ еще бо̀льшей любезности,—сказала м-съ Мэнсфильдъ.—Не люблю я манеру обращенія съ мужчинами à la Марго.

— Очень жаль, *madre*. Я не знала, что подражаю Марго Дрэкъ.

М-съ Мэнсфильдъ больше ничего не сказала. Чарміанъ, съ пылающими щеками и блестящими глазами, снова устремила свое вниманіе на ложу м-съ Шиффней.

Она видѣла, какъ черезъ нѣсколько минутъ м-съ Шиффней слегка повернула голову назадъ—въ ложѣ появился Хіисъ. Чарміанъ прикусила нижнюю губу. Она видѣла, Элліотъ провелъ его впередъ. М-съ Шиффней, улыбаясь протянула ему руку. Сейчасъ предстоитъ представленіе madame Сенньe, которая своимъ умнымъ, жестоко-проницательнымъ взглядомъ сразу оцѣнитъ его. Но Боже мой! его французскій языкъ! Чарміанъ дрожала за него. Если бы м-съ Мэнсфильдъ знала, какая заботливая нѣжность ощущалась дѣвушкой въ эти минуты подъ ея маской холоднаго задора.

Хіисъ разговаривалъ съ m-me Сенньe. Она говорила оживленно и быстро жестикулируя. Затѣмъ она смолкла и внимательно слушала Хіиса. М-съ Шиффней и Элліотъ тоже сосредоточенно слушали. Повидимому, Хіисъ отлично владѣлъ языкомъ. Почему же онъ боялся? Еслибъ только слышать, что̀ онъ говоритъ! Чарміанъ сгорала отъ любопытства. Какъ онъ съумѣлъ овладѣть вниманіемъ этихъ трехъ людей! Даже въ такой толпѣ онъ выдѣлялся, какъ интересный человѣкъ. М-me Сенньe сдѣлала гордое движеніе головой, затѣмъ коснулась рукой руки Хіиса. Общая бесѣда, повидимому, велась оживленная. М-me Сенньe сіяла торжествомъ. Она указывала на сцену, живописно жестикулировала. Прозвучалъ звонокъ. Хіисъ поднялся и вышелъ изъ ложи въ сопровожденіи Элліота. Дамы остались однѣ, и склонившись другъ къ другу, серьезно говорили.

— „Онѣ говорятъ о немъ. Я знаю“ — думала Чарміанъ.— Хіисъ вошелъ въ тотъ самый моментъ, когда занавѣсъ взвился. Чарміанъ не оглянулась. Только послѣ окончанія акта она повернулась и спросила:

— Ну, что̀ же, м-ръ Хіисъ, вашъ французскій языкъ повидимому не такъ ужъ плохъ?

— Что?.. ахъ, да... Но мы говорили по-англійски.

— Развѣ m-me Сенньe говоритъ по-англійски? — спросила м-съ Мэнсфильдъ.

— Великолѣпно.

Чарміанъ почувствовала нѣкоторое разочарованіе.

— Она счастлива? — спросила она, водя рукой по бархату барьера.

— По виду, какъ будто.

— Вы сказали ей свое мнѣніе объ оперѣ?

— Да,—отвѣтилъ Хиисъ.

Его голосъ звучалъ глубже, выразительнѣе.

— Я сказалъ ей, что нахожу оперу прекрасной. Такъ оно и есть. Тогда она отвѣтила—на этотъ разъ по-французски: „Ахъ, другъ мой! подождите послѣдняго акта! Тутъ это уже не земной рай“.

Послѣдовало короткое молчаніе. Затѣмъ Чарміанъ спросила:

— Она вамъ понравилась?

— Не знаю. Кажется, да. Мы всѣ были какъ-то наэлектризованы.

— Наэлектризованы? Чѣмъ?

— Видите ли. Вѣдь, это несомнѣнно великій моментъ въ жизни m-me Сеннье. Это заражаетъ.

Чарміанъ взглянула на Хиса и увидѣла, что на его щекахъ пятнами горитъ румянецъ. Его голосъ дрожалъ.

— Конечно,—сказала м-съ Мэнсфильдъ.—Этотъ вечеръ для m-me Сеннье можетъ быть значитъ даже больше, чѣмъ для ея мужа.

Чарміанъ ничего больше не сказала до конца представленія. Подъ наружнымъ блескомъ холоднаго самообладанія скрывалась дрожь возбужденія. Она боялась выдать себя. Музыка послѣдняго акта и исполненіе Анни Мередитъ очаровали ее. Она слушала, наклонясь впередъ и жгуче ощущая близость Хіиса. Ей вспомнилось, какъ она когда-то сказала: „Намъ нужна свѣжая струя“. Вотъ это—свѣжая струя во французской музыкѣ! Новая звѣзда засіяла передъ восторженнымъ и изумленнымъ міромъ. Безъ сомнѣнія, завтра вся Европа и Америка будутъ знать, что мужъ этой рыжей женщины занялъ мѣсто среди знаменитостей, передъ которыми преклоняется міръ. Съ завтрашняго дня тысячи любителей музыки будутъ съ надеждой смотрѣть на Жака Сеннье, ожидая отъ него свѣжей пищи для своихъ душъ, своего интеллекта. О, еслибъ эта новая струя была англійской!

— Будетъ! будетъ!—повторяла себѣ Чарміанъ.

Отдаваясь чарамъ музыки, она все же то и дѣло поглядывала на m-me Сеннье, какъ-бы стараясь разгадать секретъ ея воли *за другого человѣка.* Лэнъ говорилъ, что если бы не она, опера никогда не была бы написана! Всѣ эти мелодіи, вся эта красота

нѣмыми тѣнями таились бы въ глубинѣ сознанія ихъ творца. Эта женщина вызвала ихъ къ жизни. Она заслужила вниманіе, которымъ ее окружаютъ сегодня и будутъ окружать. Она помогла мужу найти себя, она побудила его создать великое произведеніе.

Среди вихря возбужденія и одолѣвавшихъ ее тайныхъ мыслей Чарміанъ вдругъ почувствовала, что одно сознаніе отчетливо овладѣваетъ ею. Какъ тогда въ Алжирѣ, при взглядѣ на маленькій островъ, она почувствовала: „я буду здѣсь съ нимъ“, такъ и теперь ей вдругъ представилось, что въ будущемъ будетъ такая же блестящая публика въ большомъ театрѣ, но только не для Жака Сеннье, а для человѣка, близкаго ей. На самомъ дѣлѣ она просто страстно желала, чтобы это было такъ. Но она думала, что получила—отъ кого или откуда?—таинственную вѣсть.

Наконецъ, заключительная сцена, и занавѣсъ упалъ. Разразилась буря восторга. Хіисъ вскочилъ на ноги, увлеченный благороднымъ энтузіазмомъ. Онъ не зналъ профессіональной зависти. Среди общаго гула Чарміанъ различала его возбужденный голосъ, кричавшій „браво!“ за ея спиной. Шумъ въ театрѣ все усиливался и вдругъ поднялся, точно большая волна. Невысокій, блѣдный, худой господинъ съ длиннымъ носомъ, большимъ лбомъ и моргающими глазами вышелъ раскланяться. Его встрѣтилъ усиленный гулъ привѣтствій. Онъ быстро прошелъ на середину узкаго пространства впереди занавѣса и остановился, слегка наклонивъ голову.

Чарміанъ повернулась къ Хіису. Онъ не замѣтилъ ея движенія. Хлопая изо всей силы, онъ смотрѣлъ на сцену. Чарміанъ подняла на него глаза. Онъ почувствовалъ ея взглядъ и наклонился. Съ минуту они глядѣли другъ на друга. Клодъ понялъ, что Чарміанъ хочетъ сказать что-то, и понялъ еще одно. Горячая краска залила его щеки и даже лобъ. Ему казалось съ минуту, что вокругъ него вѣтеръ и дождь, снѣгъ и солнце. Онъ спросилъ:

— Что? что вы хотите сказать?

— Все это должно бы происходить для васъ. И настанетъ день, когда оно будетъ—для васъ!

XIII.

Въ этотъ вечеръ Гарріетъ, прежде чѣмъ уйти къ себѣ, поставила въ кабинетѣ Хіиса на столъ тарелку сандвичей и бутылку рейнвейна. Лунный свѣтъ заливалъ маленькій садикъ, переливался на рамахъ оконъ.

Комната имѣла теперь иной видъ, потому что было лѣто. Она казалась больше, и безъ огня въ каминѣ было не такъ уютно. Горѣла одна лампа и бросала мягкій свѣтъ на письменный столъ, заваленный партитурами. Рояль былъ открытъ. Бѣлыя розы въ высокой вазѣ призрачно-смутно выдѣлялись изъ тѣней.

Было около двухъ часовъ ночи, когда вошелъ Хіисъ. Онъ былъ одинъ. Держась за ручку двери, онъ остановился, оглядывая комнату съ какимъ-то возбужденнымъ, тщательнымъ вниманіемъ. Затѣмъ онъ снялъ шляпу, затворилъ дверь, положилъ на диванъ свое пальто, подошелъ къ столу и налилъ себѣ стаканъ вина. Онъ вздохнулъ, посмотрѣлъ на свѣтъ на красивую золотую влагу, выпилъ ее и сѣлъ въ старое кресло вблизи окна. Закуривъ сигару, онъ откинулся на спинку кресла и сталъ курить, не отводя глазъ отъ стакана.

Серебро лучей на металлическихъ рамахъ все блѣднѣло, таяло— наконецъ, совсѣмъ разсѣялось. Хіисъ подумалъ: „луна зашла". Ему казалось, что онъ никогда больше не заснетъ. Внутри все у него трепетало отъ возбужденія, остраго и грызущаго, какъ болѣзнь. Его фантазія была напряжена для стремительнаго полета, точно стрѣла, готовая къ прицѣлу. Что сулитъ ему жизнь?

Чарміанъ Мэнсфильдъ любитъ его и вѣритъ въ его геній такъ, какъ онъ самъ не вѣритъ или не вѣрилъ до сихъ поръ. Подъ ея насмѣшливой холодностью и кокетливымъ задоромъ скрывалось чувство—любовь къ нему и къ его таланту. Давно ли она любитъ его? За что? Онъ подумалъ о своей внѣшности, и его удивило, какъ она могла понравиться ей. А его характеръ, его странности, нелюдимость, чудачество? Когда онъ бывалъ одинъ и сочинялъ, въ немъ бушевалъ вихрь эмоцій. Иногда онъ чувствовалъ въ себѣ словно большое пламя. Иногда въ немъ просыпались грубыя, дикія желанія. Подозрѣваетъ ли она это? Любитъ ли она его, не разбираясь ни въ чемъ? Иногда, послѣ усиленной работы, переутомившись, онъ чувствовалъ себя способнымъ на скверное. Еслибъ она знала это!

Но она не знаетъ его, не можетъ знать. За что она полюбила его? Хіисъ не былъ самоувѣренъ, но онъ въ эту ночь нисколько не сомнѣвался въ любви Чарміанъ. Онъ былъ во многихъ отношеніяхъ наивенъ и слѣпъ, но сегодняшній вечеръ открылъ ему глаза. Онъ зналъ, какъ женщины увлекаются успѣхомъ. Онъ зналъ, какъ захвачены должны были быть всѣ женскія сердца чародѣемъ искусства, Жакомъ Сеннье, когда онъ подъ гулъ рукоплесканій раскланивался со сцены. И въ этотъ моментъ Чарміанъ

могла выйти изъ-подъ гипноза очарованія, и порывъ своей мысли и души отдать ему, Хіису! Онъ понималъ какъ много это значитъ. Какъ сладко взволновали его ея голосъ, ея глаза. Онъ былъ полонъ въ тѣ минуты мыслей о Сенье, объ его музыкѣ, объ искусствѣ. Не было въ немъ тайнаго голоса, воззвавшаго къ Чарміанъ. Нѣтъ, инициатива принадлежала всецѣло ей. Могучій импульсъ долженъ былъ владѣть ею, чтобы сказать: — Все это должно бы происходить для васъ. И настанетъ день, когда оно будетъ—для васъ!

Она прошептала эти слова, но вырвались они съ такой внутренней силой, что зажгли Хіиса. М-съ Мэнсфильдъ не слыхала ихъ. Какое выраженіе было въ глазахъ Чарміанъ въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ секундъ, когда они смотрѣли другъ на друга! Словно вся ея душа глядѣла на него изъ нихъ!..

Затѣмъ она повернула голову. Жака Сенье продолжали вызывать. Онъ вышелъ вмѣстѣ съ Анни Мередитъ. Артистка и композиторъ пожали другъ другу руки, но не для вида только, а съ теплымъ, сердечнымъ порывомъ, какъ люди, связанные общимъ служеніемъ красотѣ. Хіисъ снова бѣшенно аплодировалъ вмѣстѣ со всѣми. Но теперь всѣ его мысли были *о себѣ*.

— О, еслибъ пережить хоть одинъ такой часъ въ жизни! Еслибъ вся эта дань восторга была моя! Побѣдить толпу, соединить всѣхъ въ одномъ общемъ стремленіи—въ желаніи выразить свою благодарность человѣку за то, что онъ далъ имъ!

И первый разъ трепетная жажда славы загорѣлась въ душѣ Хіиса. Она не изсякала до сихъ поръ.

Хіисъ распрощался съ м-съ Мэнсфильдъ и Чарміанъ у подъѣзда Оперы, посадивъ ихъ въ автомобиль. При выходѣ пришлось около получаса прождать въ вестибюлѣ. Чарміанъ вполнѣ овладѣла собой. То и дѣло встрѣчались знакомые. Вестибюль гудѣлъ отъ похвалъ. Всѣ казались празднично-возбужденными. Поль Лэнъ подошелъ взволнованный, блестя глазами.

— Этотъ вечеръ будетъ вписанъ красными буквами въ моей жизни,—сказалъ онъ.—Я испыталъ настоящее художественное волненіе. Казалось, все уже было!.. А вотъ оказывается у музыки есть будущее и какое огромное. Если бы только Богъ далъ еще хоть одного или двухъ Жаковъ Сенье!

Чарміанъ и тутъ не взглянула на Хіиса, а только произнесла какъ-бы шутя:

— Можетъ быть, они и существуютъ. Кто знаетъ? Вѣдь, и monsieur Сенье былъ почти неизвѣстенъ какихъ-нибудь четыре часа назадъ.

— Но черезъ четыре дня не будетъ такого уголка цивилизованнаго міра, гдѣ бы его имя не стало извѣстнымъ,—сказалъ Поль Лэнъ,—или даже черезъ сутки. Я увижу его и его жену у Аделаиды Шиффней на ужинѣ, такъ что я долженъ пожелать вамъ спокойной ночи... А, и вы здѣсь, м-ръ Хіисъ? Спокойной ночи!

Клодъ прошелъ домой всю дорогу пѣшкомъ: черезъ Пиккадилли, Риджентъ-стритъ, вдоль сѣверной стороны опустѣлаго парка, залитаго блѣднымъ луннымъ сіяніемъ. Дойдя до своего подъѣзда, онъ не вошелъ, а сталъ шагать по панели взадъ и впередъ. Только замѣтивъ, что высокій полисменъ зорко и подозрительно слѣдитъ за нимъ, онъ, наконецъ, рѣшился войти въ домъ.

Что ждетъ его въ жизни, если онъ не будетъ прятаться отъ нея, если онъ не будетъ больше упорствовать въ своей маніи отказа? Цѣлый новый міръ разстилался передъ нимъ. Онъ—въ его преддверіи. Онъ чувствовалъ страстное желаніе войти. Но темное *нѣчто* въ немъ испуганно ежилось. Въ горячкѣ взволнованныхъ чувствъ Хіису хотѣлось заглушить этотъ робкій голосъ, подавить его навсегда! Онъ вспомнилъ, какъ однажды въ спорѣ Чарміанъ сказала ему: „Всетаки, м-ръ Хіисъ, какъ ни говорите, а въ васъ сильнѣе всего проявляется эгоистическій инстинктъ самосохраненія“.

Какой инстинктъ владѣетъ Жакомъ Сеннье?

Хіису сильно польстило глубокое вниманіе, съ какимъ она слушала его мнѣніе объ оперѣ.

— Вотъ человѣкъ, который знаетъ, о чемъ онъ говоритъ!—воскликнула она, когда онъ кончилъ. А когда онъ поднялся уходить, она взглянула ему прямо въ глаза и произнесла: „Вы тоже сдѣлаете свое дѣло“.

Душа кипѣла въ Хіисѣ. Послѣ всего происшедшаго въ этотъ вечеръ онъ чувствовалъ, что не можетъ лечь спать, не давъ опредѣленнаго, дѣйственнаго выхода своему волненію.

Онъ всталъ, подошелъ къ роялю, затѣмъ къ письменному столу и взялъ рукопись, испещренную нотами. Но нѣтъ, онъ не въ состояніи теперь работать: не хватитъ выдержки. Хотѣлось однимъ взмахомъ что-то сдѣлать, въ одинъ моментъ измѣнить жизнь, сдѣлать шагъ впередъ, какъ сдѣлалъ въ этотъ вечеръ Жакъ Сеннье—изъ тьмы на свѣтъ. Хотѣлось новыхъ переживаній, остраго, неизвѣданнаго! Его продолжительное затворничество, казалось, дававшееся ему безъ особыхъ жертвъ, теперь вдругъ потребовало возмездія, кричало ему: „Плати! Плати!“ Какъ не-

навидѣлъ онъ свою одинокую жизнь! Какъ ненавидѣлъ воспоминаніе о тихихъ вечерахъ при мягкомъ свѣтѣ рабочей лампы.

Передъ его глазами все еще ослѣпительно сіяли яркіе огни Ковентъ-Гардена! Его томила, съѣдала жажда славы. Шопотъ Чарміанъ пробудилъ ее въ немъ. Былъ въ этомъ шопотѣ какой-то дурманъ; можетъ быть, она знала инстинктивно, что ему нуженъ дурманъ, и что только она можетъ дать его.

Но самое странное во всемъ этомъ то, что Чарміанъ не слыхала его музыки, знала о ней только по наслышкѣ, но вѣрила въ нее съ такой поглощающей силой. Въ этомъ было трогательное величіе. Хіисъ готовъ былъ полюбить ее за это.

— Ахъ, и вы здѣсь, м-ръ Хіисъ? Спокойной ночи! — вспомнилъ онъ оскорбительно брошенную фразу Лэна, и его щеки запылали.

Снова онъ оглядѣлъ свою „студію". Какъ могла она казаться ему уютной, симпатичной? Это угрюмое жилье человѣка, стоящаго въ сторонѣ отъ жизни, настоящей жизни, вдохновляющей близости и общенія, которое, какъ хлѣбъ тѣлу, нужно душѣ. Отвратительная комната! Въ ея атмосферѣ не можетъ быть создано ничего, что бы дошло до сердца людей. Если бы запереть Жака Сенньe въ этой комнатѣ одного, онъ никогда не написалъ бы своей оперы.

Въ порывѣ горестной досады Клодъ подошелъ къ письменному столу, схватилъ лежавшіе въ безпорядкѣ нотные листы и разорвалъ ихъ. Пусть будетъ конецъ этому! Конецъ немощнымъ порываніямъ, которыя не могутъ привести ни къ чему. Въ этотъ моментъ все его прошлое представилось ему жалкимъ чудачествомъ. Онъ стыдился его. Онъ былъ полонъ рѣшимости разъ навсегда покончить съ нимъ.

Сбросивъ обрывки рукописи на полъ, онъ усѣлся за столъ. Онъ видѣлъ глаза Чарміанъ, слышалъ ея шопотъ. Она знаетъ, что ему нужно, какъ m-me Сенньe знала для своего мужа. Вѣдь, нерѣдко другіе знаютъ насъ лучше, чѣмъ мы сами.

Хіисъ облокотился на столъ и быстро сталъ писать письмо. Казалось, что слова сами складываются подъ его перомъ. Онъ не сознавалъ, что подбираетъ ихъ самъ. Исписавъ листикъ съ двухъ сторонъ, онъ промокнулъ его, вложилъ въ конвертъ, надписалъ адресъ, заклеилъ, налѣпилъ марку и, взявъ шляпу, вышелъ изъ дому.

Черезъ минуту онъ очутился на пустынной улицѣ. Высокаго полицейскаго, съ такой подозрительностью слѣдившаго за нимъ, сейчасъ не видно было. Вмѣсто луннаго серебра земля

окутана была тусклымъ сѣрымъ свѣтомъ, усталымъ свѣтомъ ночи, готовой упасть въ объятія утра.

Клодъ быстрымъ шагомъ повернулъ за уголъ. Тамъ недалеко былъ почтовый ящикъ. Онъ спѣшилъ къ нему. Его, какъ хлыстомъ, подстегивало желаніе задавить тотъ робкій внутренній голосъ, который удерживалъ его, пойти слѣпо наперекоръ ему.

„Великій отказчикъ"! Нѣтъ, я больше не буду имъ,— думалъ онъ.

И бросилъ письмо въ ящикъ.

Падая, оно издало легкій, слабый звукъ. Клодъ остановился, прислушиваясь.

Сѣрый цвѣтъ неба казался еще болѣе безжизненнымъ надъ верхушками деревьевъ. Тотъ легкій стукъ, вѣроятно, произошелъ отъ того, что письмо ударилось о стѣнку ящика. Теперь оно лежало на днѣ. Хіису больше нечего было дѣлать. Но онъ стоялъ передъ ящикомъ, и его глаза устремлены были на бѣлую дощечку съ надписью о времени слѣдующей выемки писемъ: 8 40 утра.

Звукъ ли этотъ или предшествовавшее ему движеніе послужили толчкомъ, но въ немъ произошла перемѣна. Онъ былъ ошеломленъ тѣмъ, что сдѣлалъ, какъ человѣкъ размахнувшійся сѫ-слѣпа, вдругъ видитъ результатъ своего удара. 8 40 утра!

Раздались шаги. Хіисъ увидѣлъ въ отдаленіи медленно приближающуюся фигуру высокаго полисмена. Вернувшись домой, онъ снова прошелъ въ свой кабинетъ. Оглядѣлъ знакомые предметы: рояль, рабочій столъ, книги, уютныя кресла, ковры, которые такъ понравились м-съ Мэнсфильдъ. На полу, у стола бѣлѣли клочки изорванной рукописи. Какъ могъ онъ разорвать свою послѣднюю композицію?..

Онъ подошелъ къ окну, открылъ его и сѣлъ на подоконникъ. Изъ садика на него пахнуло запахомъ росистой земли— свѣжимъ, тонкимъ и почему-то трогательнымъ. Этотъ слабый ароматъ—часть уходящей ночи—ассоціировался въ сознаніи Хіиса съ его прошлымъ. Онъ вдыхалъ его, втягивая ноздрями; запахъ овѣялъ собою долгіе дни и вечера, полные одинокаго труда; и почувствовалъ Хіисъ, что они были печальны, но сладки. У него былъ идеалъ, и онъ бережно хранилъ его. Онъ жилъ имъ. Сегодня, въ моментъ страннаго возбужденія, онъ выбросилъ его. Что онъ сдѣлалъ? Не измѣнилъ ли самому себѣ?

Самый фактъ, что онъ сидитъ здѣсь въ такой моментъ и задается такими вопросами, уже доказывалъ, что онъ поступилъ безумно. Страхъ овладѣлъ имъ. Онъ испугался самого себя—

человѣка, который способенъ дѣйствовать импульсивно, отбрасывая въ сторону всѣ доводы разсудка. Теперь онъ невыразимо боялся результатовъ того, что онъ сдѣлалъ. Онъ порвалъ со старой жизнью и отдался новой, которой всегда избѣгалъ.

Въ восемь сорокъ утра его письмо будетъ вынуто изъ ящика и отправлено по назначенію. До вечера оно будетъ прочтено и, можетъ быть, послѣдуетъ отвѣтъ. Потъ выступилъ на лбу Хiиса, отчаяніе охватило его. Боже! онъ не зналъ до этой минуты, насколько онъ любилъ свою свободу, полное распоряженіе своей жизнью!...

Росистый запахъ изъ садика вернулъ его къ дѣйствительности. Въ сѣрой предразсвѣтной мглѣ, которая скоро растаетъ въ румяномъ золотѣ, его глаза не слѣпилъ больше яркій свѣтъ Ковентъ-Гарденской рампы. Такъ чуждо было вожделѣніе къ чему бы то ни было въ этомъ бодрящемъ холодкѣ приближающагося утра. Слава оказывалась лишь тѣнью передъ яснымъ лицомъ матери-земли. Въ кустахъ зачирикала птичка. Ея голосъ показался Клоду милѣе, чѣмъ буря рукоплесканій, увлекшая его въ театрѣ... Природа вернула ему самого себя. И это было страшно. Ибо, ставъ снова самимъ собой, онъ пожалѣлъ о томъ, что написалъ Чарміанъ о своей любви.

XIV.

Былъ конецъ января слѣдующаго года. Чарміанъ и Хiисъ три мѣсяца были женаты. У обоихъ уже нѣсколько притупилась острота новаго ощущенія: быть мужемъ, быть женой. Ихъ жизнь была дезорганизована. Теперь ее предстояло наладить, сдѣлать полной, живой и блестящей.

Эти три мѣсяца Клодъ совсѣмъ не работалъ. Медовый мѣсяцъ они провели въ Италіи; побывали въ Миланѣ, Флоренціи, Сіенѣ, Перуджіи, Римѣ. На озера они не заглянули. Чарміанъ говорила:

— Каждая парочка, которая хочетъ поэзіи и дешевой романтики, ѣдетъ на итальянскія озера. Ради Бога, подальше отъ этихъ людей съ открытыми ртами и круглыми глазами! И отъ заискивающе улыбающихся нѣмецкихъ лакеевъ—я не могу вынести этого!

Ея страхъ затеряться въ толпѣ, быть смѣшанной съ нею сопровождалъ ее всюду.

Теперь она была поглощена одной тайной мыслью, однимъ желаніемъ: они съ Клодомъ должны какъ можно скорѣе выдви-

нуться. Должна начаться новая жизнь славы и блеска. Имъ обоимъ надо взяться за работу: Клоду — за свою композицію, ей—за кампанію въ его пользу. Объ этомъ послѣднемъ намѣреніи она не проронила никому ни слова. Чутье подсказывало ей, что свои честолюбивые замыслы она должна пока хранить въ тайнѣ. Позднѣе она выступитъ въ видѣ англійской m-me Сеннье. Еще не наступило время для лавровъ. Необходимо было дѣлать подготовительную черную работу — терпѣливо, осторожно, самозабвенно.

Клодъ отказался отъ Мёлліонъ Хоузъ, и они поселились въ Кенсингтонъ - скверѣ. На переѣздѣ настаивалъ онъ самъ. Видя необходимость вступить на новый жизненный путь, онъ твердо рѣшилъ порвать со своимъ суровымъ прошлымъ и разрушить, насколько возможно, всѣ ассоціаціи, связывавшія его съ нимъ. Въ маленькомъ старомъ особнячкѣ была особая атмосфера, окутывавшая его, составлявшая часть его. Отъ этого надо теперь освободиться. И онъ, съ согласія Чарміанъ, нарушилъ контрактъ.

Чарміанъ догадалась, что Клоду тяжело покидать свое гнѣздышко, и она съ неутомимой энергіей взялась за поиски новаго. Она нашла его въ Кенсингтонъ-скверѣ. Въ этомъ районѣ жило много интересныхъ и извѣстныхъ людей. Дома были старые, небольшіе, съ привкусомъ культуры, выдѣлявшимъ ихъ среди новыхъ, растущихъ какъ грибы, претенціозныхъ построекъ. Районъ этотъ былъ облюбованъ людьми изъ артистическаго міра. Большая актриса со связями въ обществѣ жила годы въ этомъ скверѣ. Насупротивъ — знаменитый музыкантъ. Популярный беллетристъ недавно переѣхалъ туда. Словомъ, Кенсингтонъ - скверъ имѣлъ свое *cachet*.

И хотя онъ довольно далекъ отъ центра, все же въ десять минутъ вы можете всюду попасть, если въ состояніи взять таксомоторъ. Доходы Чарміанъ и Клодъ вмѣстѣ равнялись тысячѣ пятистамъ фунтамъ въ годъ. Она была увѣрена, что эти средства позволятъ разъѣзжать на таксо-моторахъ. И затѣмъ, вѣдь, въ будущемъ Клодъ будетъ зарабатывать большія деньги. „Рай земной“ давалъ Жаку Сеннье тысячи фунтовъ, и онъ получилъ великолѣпныя предложенія насчетъ новыхъ произведеній изъ Америки, гдѣ его опера произвела фуроръ въ театрѣ Метрополитэнъ. Онъ съ женой былъ теперь въ Нью-Іоркѣ, пожиная лавры. Чарміанъ читала въ газетахъ объ ихъ художественныхъ и свѣтскихъ тріумфахъ, думала про себя: „придетъ и нашъ чередъ“, и съ удвоенной энергіей она взялась за устройство новой квартиры. Мать неутомимо помогала ей.

Но вотъ, наконецъ, все было готово. Наняты четыре прислуги. На новоселье были приглашены друзья и знакомые Чарміанъ. Хіисъ, вѣрный своему рѣшенію порвать со старой жизнью, хотѣлъ этого. Его немногіе лондонскіе пріятели принадлежали къ иному кругу и не подошли бы къ Марго Дрэкъ, Элліотамъ, Полю Лэну и прочимъ. Такимъ образомъ гости были всѣ со стороны Чарміанъ, и Хіису, въ роли хозяина, пришлось имѣть дѣло съ людьми, большинство которыхъ было очень мало ему знакомо. Свою роль онъ игралъ хорошо, хотя не безъ тревоги, которую ему трудно было скрыть. Ибо онъ чувствовалъ себя въ чужой странѣ среди людей, для которыхъ она была своей.

Поздно вечеромъ онъ очутился на нѣсколько минутъ наединѣ съ м-съ Мэнсфильдъ. Онъ ощутилъ большое облегченіе. Сидя съ ней на диванѣ во второй изъ маленькихъ гостиныхъ подъ небольшимъ портретомъ Чарміанъ въ дѣтствѣ, работы Бёрнъ-Джонса, онъ чувствовалъ себя какъ человѣкъ, долго бывшій въ разлукѣ съ самимъ собой и снова вернувшійся къ себѣ. М-съ Мэнсфильдъ приходилось теперь скрывать отъ Клода многое: свое пониманіе его борьбы, его страха, его отчаянной внутренней рѣшимости, свою глубокую симпатію къ нему за его благородство, тревогу за будущую его жизнь съ Чарміанъ, жалость къ дочери. М-съ Мэнсфильдъ была высоко одарена способностью интуиціи. Этотъ даръ не измѣнилъ ей и въ тотъ періодъ, когда Чарміанъ стала невѣстой Хіиса. Если м-съ Мэнсфильдъ воздержалась отъ какого-либо вмѣшательства, то это лишь оттого, что она была деликатна до щепетильности и высоко уважала личную свободу. Она не выносила пожилыхъ людей, которые безпрерывно суются въ жизнь и отношенія молодыхъ. Можетъ быть, она и преувеличивала въ своей сдержанности. Можетъ быть, ей слѣдовало дѣйствовать такъ, какъ подсказывало ей сердце. Но она промолчала. Ей казалось, что она *не должна* вмѣшиваться. Какъ сказать дочери, что Клодъ Хіисъ не влюбленъ въ нее по-настоящему? Какъ сказать ей, что любовь, тѣсно переплетенная съ жгучимъ личнымъ честолюбіемъ — плохая основа для прочнаго семейнаго счастья?

И вотъ м-съ Мэнсфильдъ приходилось таить про себя тревогу, сожалѣніе, сочувствіе. Ей помогала въ этомъ гордость. Она была другомъ Клода Хіиса, а женщины и въ дружбѣ ревнивы. Она сознавала, что свободна отъ этого чувства, но другія, даже сама Чарміанъ, могутъ, вѣдь, не понять ея побужденія. Горька была эта мысль, но ее ничѣмъ нельзя было отогнать, и оттого м-съ Мэнсфильдъ упорно хранила молчаніе. И кромѣ страха за судьбу

„дѣтей" въ ея душѣ жилъ необъяснимый, тайно грызущій страхъ за будущее Хіиса, за его странное дарованіе.

Теперь, въ вечеръ новоселья, сидя съ нимъ на диванѣ и слушая шумъ разговоровъ, смѣхъ и движеніе изъ сосѣднихъ комнатъ, куда всѣ ушли, чтобы сойти внизъ, м-съ Мэнсфильдъ вспомнила свой первый визитъ въ Мёлліонъ-Хоузъ и королей востока, которыхъ онъ такъ ярко оживилъ въ ея воображеніи.

Когда шумъ стихъ, а звуки и шарканье ногъ стали доноситься снизу, она сказала:

— Съ завтрашняго дня!

— Что съ завтрашняго дня, *madre*? Она коснулась своей тонкой, увѣренной рукой его руки.

— Начинается снова жизнь, трудовая жизнь, прервавшаяся на нѣкоторое время. Завтра вы опять войдете въ нее.

— Да... да!

Онъ окинулъ взглядомъ изящную гостиную, прислушался къ веселому шуму внизу.

— Конечно,—проговорилъ онъ,—надо взяться опять за работу. Вопросъ только: за что именно?

— Но, вѣдь, у васъ, навѣрное было что-нибудь задумано или начато?

— Да, было... Но... оно такъ давно уже заброшено, что я самъ не знаю: удастся ли вернуться къ тому настроенію, изъ котораго оно возникло. Мнѣ кажется, что не удастся. Думаю, что лучше всего начать что-нибудь новое.

— Ну и прекрасно. А вашъ кабинетъ по душѣ вамъ?

— Чарміанъ устроила его очень красиво и уютно, — отвѣтилъ онъ.

Въ его глазахъ мелькнуло выраженіе отчаяннаго страха, какъ у человѣка, котораго преслѣдуютъ. Онъ поднялъ брови.

— Она удивительно умѣетъ создать вокругъ себя красивую обстановку!—сказалъ онъ послѣ минуты молчанія.—И какъ много у нея энергіи!

— Да, Чарміанъ очень энергична, когда она хочетъ этого... Да отчего это Аделаида Шиффней не пріѣхала?

— Она сообщила сегодня утромъ, что ей приходится неожиданно ѣхать въ Парижъ. Вѣроятно, что-нибудь изъ-за Сеннье. Она, вѣдь, страшно предана имъ. Теперь, говорятъ, онъ сводитъ съума Америку. И пожалуй, не сегодня—завтра м-съ Шиффней отправится въ Нью-Іоркъ.

Онъ разсмѣялся, но не вполнѣ естественно.

— Какую перемѣну въ жизни Сенные произвелъ этотъ вечеръ въ Ковентъ-Гарденѣ!—произнесъ онъ задумчиво,

„И какую—въ вашей!“—подумала м-съ Мэнсфильдъ.

— Онъ, какъ говорится, нашелъ себя въ этотъ вечеръ,—сказала она. — Онъ изъ тѣхъ талантовъ, которые созданы для большой публики. И понялъ онъ это, вѣроятно, впервые въ тотъ вечеръ. Теперь онъ...

— А вы вѣрите въ судьбу?

Она почувствовала въ его голосѣ печаль.

— Ахъ, это такъ трудно знать! Помню, въ дѣтствѣ мы очень любили такую игру: мы входили въ большую очень темную комнату. Въ ней прятался одинъ изъ играющихъ съ шиллингомъ въ рукахъ. Кто изъ дѣтей находилъ его, тотъ получалъ шиллингъ. Эта игра была страшная и соблазнительная.

— Не всякому дано судьбой найти этого человѣка съ шиллингомъ,—сказалъ Клодъ.

Ихъ глаза на мгновеніе встрѣтились. Клодъ вспыхнулъ.

„Неужели она подозрѣваетъ? Неужели знаетъ?“—промелькнуло у него въ мысляхъ. М-съ Мэнсфильдъ тоже почувствовала смущеніе: ибо несмотря на молчаніе, казалось, что они высказались оба со страшной откровенностью.

— Не сойти ли намъ внизъ? — предложилъ Клодъ.—Вамъ, навѣрное, хочется кушать, *madre*?

— Нѣтъ. Мнѣ пріятно поговорить спокойно съ моимъ новымъ сыномъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но она знала, что Клодъ любитъ ее, нѣжно и почтительно, какъ сынъ.

— Знаете что, Клодъ—сказала она,—вы должны устроиться такъ, чтобы семейная жизнь нисколько не мѣшала вашей работѣ. Я считаю это очень важнымъ. Много лѣтъ эта работа была для васъ *всѣмъ*. Теперь это не можетъ, не должно быть такъ. Но я хочу, чтобы вашъ бракъ съ Чарміанъ помогалъ, а не мѣшалъ вамъ. Будьте только вѣрны своему инстинкту въ искусствѣ, и все будетъ хорошо.

— Да, да. Завтра я принимаюсь за дѣло. Не умѣю долго лѣнтяйничать. Я буду... я долженъ стараться использовать жизнь, какъ матеріалъ для творчества.

Онъ повторялъ мысль, которая зажгла его въ ту ночь, когда онъ написалъ письмо Чарміанъ. Но какой холодной, какой спорной казалась она, облеченная въ слова.

— У нѣкоторыхъ это выходитъ,—сказала м-съ Мэнсфильдъ.— Но, помнится, я уже говорила какъ-то, что пищей Свинбёрна

принадлежность должна быть нераздѣльна. И хотя она сидѣла въ Нью-Іоркѣ, Максъ Элліотъ былъ у нея, что называется, въ карманѣ. Какъ ловко она добилась этого! Чарміанъ чувствовала невольное уваженіе къ француженкѣ, однако не безъ досады. Элліотъ, конечно, былъ милъ и любезенъ, когда она говорила съ нимъ о мужѣ. Но она сразу увидѣла, что онъ поглощенъ Сенньe. Будь Клодъ скрипачъ, піанистъ или пѣвецъ, дѣло могло бы обернуться иначе. Но увлечься другимъ композиторомъ Элліотъ въ это время не могъ. Максъ взялъ на себя, по дружбѣ, заботу о денежныхъ дѣлахъ Сенньe и вложилъ его крупные заработки въ различныя блестящія по доходности предпріятія. Онъ и m-me Сенньe безпрерывно обмѣнивались телеграммами, и Максъ нешутя подумывалъ о томъ, чтобы поступить, какъ Марго Дрэкъ, и „съѣздить“ въ Нью-Іоркъ. Говоря о супругахъ Сенньe, онъ неизмѣнно называлъ его — Жакомъ, а ея — Генріеттой. Чарміанъ начинала ненавидѣть эту нелѣпую *entente cordiale*.

Вторымъ лицомъ, на которое она втайнѣ возлагала большія надежды—была Аделаида Шиффней. Ставши женой композитора, Чарміанъ поняла все значеніе вліянія м-съ Шиффней въ свѣтскомъ обществѣ. Надо залучить Аделаиду на свою сторону. Но здѣсь снова на ея пути оказывался Сенньe. М-съ Шиффней была совершенно влюблена—въ музыкальномъ смыслѣ—въ Сенньe. Этотъ тщедушный французикъ умѣлъ, какъ никто, играть на женскихъ нервахъ! М-съ Шиффней не имѣла ни для кого и ни для чего интереса, кромѣ четы Сенньe, и собиралась по окончаніи лондонскаго сезона повезти ихъ на своей яхтѣ.

Выходило такимъ образомъ, что почва подготовлена плохо, но Чарміанъ не падала духомъ: она вспоминала, какую борьбу приходится вести всѣмъ большимъ людямъ, какъ ихъ жены съ великимъ напряженіемъ поддерживаютъ пламя среди тьмы. Она не унывала. Но она приходила къ убѣжденію, что придется, не раскрывая картъ передъ Клодомъ, попытаться получить отъ него извѣстную активную помощь. Она исподволь внушала всѣмъ, что Клодъ—необыкновенный человѣкъ и что онъ на пути къ большимъ достиженіямъ. Она сама глубоко вѣрила въ это. Но теперь, благодаря невѣроятной шумихѣ вокругъ имени Сенньe, никто не обратитъ вниманія на ея слова, если Клодъ не проявитъ хоть чѣмъ-нибудь свой талантъ.

— Что онъ пишетъ? — спрашивали у Чарміанъ, когда она говорила объ его усиленной работѣ. Она отвѣчала уклончиво. На дѣлѣ она сама этого не знала. Ей было извѣстно, и то далеко не все, написанное имъ раньше. Она слышала его „Te Deum“

и нѣсколько странныхъ композицій на тексты изъ писанія. Но ея чутье подсказывало ей, что въ ея кругѣ сейчасъ такія вещи не могутъ имѣть успѣха. Всѣ вкусы тяготѣли въ сторону оперы. Но каждый разъ, пытаясь узнать у Клода, надъ чѣмъ онъ работаетъ, она получала отъ него неопредѣленные, уклончивые отвѣты.

Однажды днемъ она вернулась съ „jour'a“ у Дрэковъ съ твердымъ рѣшеніемъ сегодня же привлечь Клода къ содѣйствію своему предпріятію, не открывая ему своей цѣли. Прежде всего ей надо опредѣленно выяснить, какого рода композиціей занятъ Клодъ. У Дрэковъ только и было разговору, что о Сенньe и m-me Сеннье. Марго вернулась изъ Америки совсѣмъ безъ ума отъ нихъ. На огнѣ американскаго энтузіазма она разгорѣлась, точно соломинка. Казалось даже, что вся ея индивидуальность испепелилась въ конецъ. Въ костюмѣ, прическѣ и жестахъ она старалась подражать m-me Сеннье. Курьезной чертой „маніи Сеннье“ было то, что и женщины, и мужчины поклонялись, кромѣ самого композитора, также и его властной женѣ. О ней говорили не меньше, чѣмъ о немъ. Въ немъ была—сила генія, а въ ней—сила личности. Вѣчные дифирамбы во славу француженки денервировали Чарміанъ. Въ этотъ день она почувствовала, что больше не въ силахъ ихъ выносить, и вернулась домой въ сильномъ возбужденіи.

Она заплатила шофферу и позвонила — ключъ она забыла. Отворила дверь Алиса.

— Баринъ дома?—спросила Чарміанъ.

— Они играли въ гольфъ, мэмъ. Только-что вернулись, — отвѣтила горничная.

— Ахъ, да! вѣдь, сегодня—суббота.

По субботамъ Клодъ устраивалъ себѣ полупраздникъ и ѣздилъ въ Ричмондъ играть въ гольфъ съ однимъ старымъ своимъ товарищемъ, который жилъ тамъ.

— Гдѣ баринъ?—продолжала Чарміанъ.

— Они пьютъ чай въ гостиной, мэмъ.

Чарміанъ сняла пальто и пошла наверхъ. Она, вообще, не любила гольфа, а сегодня самое слово уже раздражало ее. Жакъ Сеннье ужъ навѣрное не тратитъ время на такую ерунду! Но тутъ она вспомнила, какъ долго Клодъ сидитъ каждый день, запершись у себя, и она рѣшила быть съ нимъ мягкой и спокойной.

Былъ холодный день въ концѣ марта. Клодъ сидѣлъ передъ каминомъ. Онъ былъ въ спортивной курткѣ, короткихъ панталонахъ, толстыхъ коричневыхъ чулкахъ и тяжелыхъ сапогахъ,

на которыхъ присохла грязь. Трудно было повѣрить, что это— музыкантъ. Онъ вскочилъ, когда увидѣлъ жену—рыцарская любезность никогда не измѣняла ему.

— Немного поздно для чаю,—сказалъ онъ.—Но я только-что вернулся.

— Я знаю. Садись и пей, мой милый. Я посижу съ тобой. Ты не хочешь больше свѣта?

— Мнѣ нравится этотъ отблескъ пламени.

Онъ сѣлъ и взялся за чайникъ.

— Испорчу себѣ обѣдъ, но все равно.

— Ты помнишь, что мы обѣдаемъ у мамы?

— Да... ахъ, да!

— Но не раньше половины девятаго.

Она сѣла спиной къ занавѣшенному окну. Алиса рано спустила портьеры, чтобы Клоду было уютнѣе. Отблескъ огня игралъ по комнатѣ, озаряя то одинъ предметъ, то другой; въ его невѣрномъ освѣщенiи голова и лицо Клода казались рембрандтовскими, таинственными и значительными. Теперь онъ уже не представлялся Чармiанъ обыкновеннымъ игрокомъ въ гольфъ.

— Я была у Дрэкъ,—начала она.—Собралось нѣсколько человѣкъ привѣтствовать Марго: она только-что изъ Нью-Iорка.

— Ну, что же? довольна она поѣздкой?

— Безконечно. Она думала пробыть всего сутки, а осталась цѣлыхъ три недѣли. Повидимому, весь Нью-Iоркъ помѣшался на Жакѣ Сеннье.

— Я радъ, что американцы поняли красоту его оперы,— проговорилъ Клодъ съ глубокой серьезностью.

— Марго говоритъ, что если американцамъ что-нибудь понравится, то они способны на огромное увлеченiе.

— Если такъ, то это прекрасная черта нацiональнаго характера.

Какъ безлично звучали его слова! Чармiанъ хотѣлось уловить въ нихъ звенящую нотку ревности. Неужели Клодъ не завидуетъ Сеннье?

Она поговорила о другомъ, затѣмъ спросила:

— Какъ подвигается твоя работа?

Короткая пауза. Затѣмъ Клодъ повторилъ:

— Работа?

— Да. Твоя.

Она была смущена. Было въ личности мужа что-то давившее ее иногда. Такое давленiе она чувствовала и теперь. Но ея нервное раздраженiе заставило ее пренебречь этимъ.

— Клоди,—продолжала она,—ты не знаешь, ты не можешь знать, какъ мнѣ дорога твоя работа. Она—часть тебя. Ты однажды обѣщалъ посвятить меня въ тайну. Развѣ ты не помнишь?

— Нѣтъ... когда?

— На другой день послѣ нашего перваго пріема, когда ты собрался снова взяться за работу. Теперь прошло уже почти два мѣсяца.

Она смолкла. Онъ не говорилъ ни слова. Обгорѣвшее полѣно вдругъ перевернулось, яркое пламя вспыхнуло въ каминѣ; оно освѣтило половину лица Клода. Чарміанъ показалось, что оно мрачно, сурово и напоминаетъ что-то иностранное. Она вспомнила, что во многихъ корнвалійцахъ течетъ испанская кровь. На мгновеніе ей померещилось, будто она сидитъ съ чужимъ человѣкомъ...

— Почти два мѣсяца,—повторила она.

— Развѣ?

— Да. Ты не думаешь, что я была достаточно терпѣлива?

— Да, конечно, конечно... но зачѣмъ тебѣ знать?

— Я хочу. Это—твоя жизнь. Я желаю, чтобы она была и моей.

— О, этого не можетъ быть... чужая работа всегда чужда.

— Я хочу отожествить себя съ тобой.

Наступило молчаніе — на этотъ разъ продолжительное. Наконецъ, Клодъ повернулся, взглянулъ прямо въ лицо Чарміанъ и произнесъ голосомъ, въ которомъ чувствовалось отчаянное усиліе.

— Ты хочешь знать, надъ чѣмъ я работалъ все это время, когда сидѣлъ у себя въ комнатѣ?

— Да.

— Я не работалъ ни надъ чѣмъ.

— Какъ?..

— Я вовсе не работалъ.

— Не работалъ...

— Нѣтъ.

— Но... но отчего?.. было такъ тихо. Я сказала Алисѣ.

— Я не просилъ тебя говорить.

— Знаю, но... а что же ты дѣлалъ, сидя тутъ?

— Читалъ Карлейля большую часть времени.

— Карлейля!..

Въ ея голосѣ звучала обида, разочарованіе. Клодъ всталъ и подошелъ къ камину.

— Это не моя вина,—сказалъ онъ.—Суть въ томъ, что я не могу работать въ этой комнатѣ. Въ этой квартирѣ.

— Но это нашъ домъ.

— Знаю, но я все-таки не могу работать въ немъ. Можетъ быть, это изъ-за прислуги: я чувствую, какъ онѣ ходятъ на цыпочкахъ, шепчутся... не знаю, въ чемъ дѣло. Я старался, но не могу!

— Какъ ужасно! Боже мой, почти два мѣсяца пропало!

Клодъ почувствовалъ, что она осуждаетъ его, и досада поднялась въ немъ. Все это выворачиванiе своего внутренняго мiра на показъ было ему невыносимо мучительно.

— Мнѣ очень жаль, Чармiанъ, — сказалъ онъ, сдерживаясь. — Но я не могъ иначе.

— Тогда зачѣмъ же ты день за днемъ уходилъ къ себѣ и запирался?

— Я надѣялся, что удастся что-нибудь сдѣлать.

— Но...

— И потомъ я видѣлъ, что ты ждешь отъ меня этого.

Наконецъ, правда сказана! У Клода было такое чувство, какъ будто онъ срывалъ съ себя одежду. Какъ онъ проклиналъ эту свою слабость, выражавшуюся въ непобѣдимомъ инстинктѣ давать или пытаться давать людямъ тó, чего они отъ него ждали.

— Я жду... Но естественно...

— Да, я знаю. Все равно, фактъ остается фактомъ: я не могу работать въ этомъ домѣ.

Его тонъ былъ рѣзокъ, почти грубъ.

— Это у меня не артистическая поза, — продолжалъ онъ. — Я ненавижу всякую аффектацiю, которая почему-то считается принадлежностью моей профессiи. Но я долженъ признать: есть мѣста, есть атмосфера, — употреблю это затасканное слово, — которая помогаетъ во время творчества, и есть такая, которая мѣшаетъ. Тутъ дѣло, я думаю, не въ одномъ только мѣстѣ, но и въ людяхъ. Наша квартира мала, и въ ней слишкомъ много народу. Я чувствую, что онѣ толкуютъ обо мнѣ, удивляются и... Не знаю, въ чемъ тутъ загвоздка, но я просто парализованъ здѣсь... Ты, вѣроятно, думаешь, что я схожу съ ума?

Къ его величайшему удивленiю Чармiанъ отвѣтила голосомъ, въ которомъ не было и признака разочарованiя:

— Нѣтъ, нѣтъ! Большiе артисты всегда такiе. Всегда необыкновенные.

Въ ея голосѣ слышалось даже удовлетвореніе, радостное удовлетвореніе.

— И ты такой. Я должна была предвидѣть это.

— О, что касается...

— Я понимаю, Клоди. Не стóитъ больше говорить объ этомъ.

Клодъ круто повернулся лицомъ къ огню. Такъ какъ онъ молчалъ, то Чарміанъ продолжала:

— Но что теперь дѣлать? Вѣдь, мы связаны контрактомъ.

Онъ обернулся къ ней.

— Конечно, мы останемся здѣсь. Квартира очень намъ удобна. Къ тому же переѣзжать только изъ-за того...

— Твое дѣло прежде всего.

Клодъ стиснулъ губы. Онъ начиналъ ненáвидѣть свой талантъ.

— Я думаю, что лучше всего сдѣлать вотъ какъ, — сказалъ онъ: — поискать себѣ студію, что ли. Поставить туда рояль и нѣсколько стульевъ и ходить каждый день работать. Многіе дѣлаютъ такъ. Какъ будто идутъ въ контору или на службу.

— Великолѣпно! — сказала Чарміанъ. — Тамъ ты будешь изолированъ, и дѣло пойдетъ безъ помѣхи. Правда?

— Да, я думаю, что такъ буду въ состояніи работать.

— И будешь. До нашей женитьбы ты такъ много работалъ. Мнѣ бы хотѣлось, — сказала она, подходя къ нему и кладя свою руку въ его руку, — мнѣ бы хотѣлось чувствовать, что я двигаю тебя впередъ.

Клоду мучительно хотѣлось сказать ей, чтобы она оставила его въ покоѣ. Но онъ вспомнилъ о будущемъ одиночествѣ въ студіи и воздержался. Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее.

— Все будетъ хорошо, — сказалъ онъ, — когда у меня будетъ уголъ, гдѣ я могу быть совсѣмъ одинъ нѣсколько часовъ въ день.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Съ англ. перев. **М. Славинская.**

М. М. КОВАЛЕВСКІЙ, КАКЪ ИСТОРИКЪ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

О работахъ М. М. Ковалевскаго по исторіи французской революціи и въ связи съ нею по старому порядку во Франціи и тамошней политической литературѣ я уже писалъ не разъ, но все это было въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ [1]), осталось разрозненнымъ и часто имѣло характеръ только возраженій на тѣ взгляды автора этихъ работъ, съ которыми я не былъ согласенъ, какъ и теперь продолжаю не соглашаться. Въ настоящемъ очеркѣ, имѣющемъ появиться въ общемъ журналѣ, я ставлю себѣ задачу объединить въ одно цѣлое все то наиболѣе важное и существенное, что можно сказать о Ковалевскомъ, какъ историкѣ революціи, при томъ имѣя въ виду не столько интересы спеціалистовъ историковъ, сколько интересы болѣе широкаго круга читателей.

Когда Ковалевскій началъ, что называется, вплотную заниматься французской исторіей XVIII в., я не знаю, но думаю, что это произошло довольно рано. Сужу по тому, что въ 1877 г., когда я пріѣхалъ въ Парижъ работать надъ своей диссертаціей „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“, я встрѣтился тамъ съ Ковалевскимъ, въ разговорахъ съ нимъ о своей темѣ я обнаружилъ въ немъ уже знакомство съ нѣкоторыми частными вопросами, меня занимавшими. Нѣсколько позднѣе, на моемъ магистерскомъ диспутѣ, онъ выступилъ и съ кое-какими замѣчаніями по поводу довольно спеціальныхъ предметовъ. Помню также

---

[1]) La révolution française dans la science historique russe („La Rév. Franç.“, 1902). — Работы русскихъ ученыхъ по исторіи французской революціи („Изв. Политехн. Инстит.“ и отдѣльно, 1904) — Что сдѣлано въ исторической наукѣ по вопросу о положеніи французскихъ рабочихъ передъ революціей 1789 г. (тамъ же, 1911, и отд.). — Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ („Истор. Обозр.“ и отдѣльно, 1912). — Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи („Изв. Политехн. Инст.“, 1913—1915 и отдѣльно, серіи I и II). — Deux opinions contraires sur l'histoire agraire de la France à l'époque de la révolution („La Rév. Franç.“, 1913).

статью его о „Декларацiи правъ человѣка и гражданина“ въ московскомъ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ за 1889 годъ, годъ столѣтняго юбилея революцiи. Впослѣдствiи оказалось, что она вовсе не ad hoc была написана, а для болѣе обширнаго труда, въ составъ котораго и вошла, какъ особая глава. Этотъ трудъ и представляетъ собою то главное, что Ковалевскимъ было написано по исторiи французской революцiи: я говорю о „Происхожденiи современной демократiи“, большомъ трудѣ, первый томъ котораго, потомъ раздѣлившiйся на цѣлыхъ два, вышелъ въ свѣтъ въ 1895 году. Это крупное научное произведенiе и даетъ право говорить о Ковалевскомъ, какъ объ историкѣ французской революцiи. Кромѣ того, имъ было написано нѣсколько статей, одна изъ которыхъ, появившаяся въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1912 годъ, вышла въ свѣтъ отдѣльной книгой подъ заглавiемъ „Происхожденiе мелкой крестьянской собственности во Францiи“. Часть своихъ изысканiй Ковалевскiй опубликовалъ и по-французски [1].

Во всѣхъ своихъ работахъ по данной эпохѣ Ковалевскiй проявлялъ большое знакомство съ литературою предмета, знанiе главнѣйшихъ источниковъ и стремленiе отыскивать новые въ архивахъ. Работая время отъ времени въ парижской Нацiональной библiотекѣ, я очень часто встрѣчался тамъ съ Ковалевскимъ и видѣлъ, какiя горы книгъ приносились на его столъ, а кромѣ того, отчасти я былъ знакомъ и съ его личной библiотекой, которую, благодаря своимъ большимъ матерiальнымъ средствамъ, онъ постоянно и неустанно пополнялъ новыми изданiями. Встрѣчался я съ нимъ и въ Нацiональномъ архивѣ, гдѣ онъ охотно рылся въ документахъ, просматривая тѣ, которые потомъ для него переписывались спецiалистами этого дѣла. Все это я говорю къ тому, чтобы показать, какой солидный и нерѣдко новый матерiалъ былъ въ распоряженiи Ковалевскаго, когда онъ писалъ свои работы по исторiи французской революцiи. Нужно прибавить, что центромъ тяжести этихъ работъ сдѣлался у него старый порядокъ, благодаря тому, что здѣсь оказалось особенно много неизслѣдованныхъ и спорныхъ вопросовъ, равно какъ тому, что за послѣднее время для ихъ изученiя было опубликовано особенно много документовъ. Недаромъ же первый томъ „Происхожденiя современной демократiи“, посвященный старому порядку, разросся послѣ перваго изданiя до того, что его пришлось раздѣлить на два, и недаромъ же, съ другой стороны, авторъ счелъ

---

[1] Главнымъ образомъ, „La France économique et sociale à la veille de la révolution“ въ двухъ томахъ: I. Les campagnes (1909) и II. Les villes (1911).

нужнымъ издать по-французски преимущественно тѣ части этого тома, которыя касаются экономическаго и соціальнаго строя французскихъ деревень и городовъ при старомъ порядкѣ. Въ книгѣ „Происхожденіе мелкой крестьянской собственности во Франціи“ Ковалевскій, въ сущности, возвратился къ одному изъ вопросовъ, касающихся стараго порядка, желая лучше обосновать свой взглядъ на аграрный строй Франціи до революціи при помощи матеріала, заключающагося въ новѣйшей „Collection de documents inédits sur l'histoire économique de la révolution française“.

Во всѣхъ своихъ трудахъ по исторіи эпохи Ковалевскій интересовался одинаково какъ фактическими отношеніями, такъ и идейными теченіями, при томъ одинаково какъ въ соціально-экономической, такъ и въ чисто-политической сторонахъ исторической жизни. Въ другомъ мѣстѣ [1]) я уже писалъ о Ковалевскомъ, какъ объ историкѣ-соціологѣ, противополагая такимъ историкамъ историковъ-психологовъ. Именно, соціологическая точка зрѣнія, интересъ къ общественному строю и къ общественной идеологіи доминируетъ и въ работахъ Ковалевскаго по революціи. Общественныя отношенія (экономическія, соціальныя, правовыя, политическія) и идеи, касающіяся этихъ отношеній, вотъ что разсматривается въ его книгахъ и статьяхъ по исторіи революціи, и тотъ, кто сталъ бы искать въ нихъ драматизма событій и психологію людей, принимавшихъ въ нихъ участіе, обратился бы въ ненадлежащее мѣсто. Но на отношеніи Ковалевскаго къ своей темѣ сказался, если можно такъ выразиться, весь соціологизмъ его историческаго направленія, и потому его работы по исторіи французской революціи могутъ представить интересъ и для экономиста, и для юриста, и для политика. Ковалевскій широко охватилъ тему, и въ этомъ одна изъ его заслугъ. Вспомнимъ, что изъ новѣйшихъ общихъ историковъ революціи Тэнъ больше напираетъ на психологическую сторону, Сорель занятъ почти исключительно международными отношеніями эпохи, Оларъ сознательно ограничилъ себя только политическою стороною революціи, и только Жоресъ особенно занялся стороною соціально-экономической.

Нужно, впрочемъ, оговориться, что Ковалевскій не далъ въ такой постановкѣ полной исторіи революціи. Ея исторію разные авторы доводили до весьма различныхъ датъ, кто до 1804 г. (Оларъ), кто до 1799 или до 1794 г., но Ковалевскій не дошелъ по отношенію къ самой Франціи даже до конца монархическаго періода рево-

---

[1]) См. мою статью „М. М. Ковалевскій въ своихъ историческихъ работахъ“ въ № 13 журнала „Право“ за 1916 г.

люціи, т. е. занялся какъ разъ эпохою попытки установленія во Франціи конституціонной монархіи, эпохою, которою, напр., Оларъ интересуется гораздо меньше, чѣмъ послѣдующимъ періодомъ, — республиканскимъ. Я уже сказалъ, что первый томъ „Происхожденія современной демократіи“ посвященъ послѣднимъ временамъ стараго порядка, а теперь отмѣчу, что четвертый томъ говоритъ о паденіи аристократической республики въ Венеціи (по архивнымъ документамъ), такъ что собственно исторія самой революціи во Франціи разсматривается лишь въ двухъ среднихъ томахъ, во второмъ и въ третьемъ, въ которыхъ даются разборъ соціальнаго и политическаго законодательства учредительнаго собранія (томъ II) и обозрѣніе отношеній къ конституціоннымъ его законамъ со стороны разныхъ общественныхъ силъ Франціи (томъ III), при чемъ изложеніе доводится только до принятія Людовикомъ XVI конституціи, т. е. до середины сентября 1791 г. Такимъ образомъ, внѣ поля зрѣнія Ковалевскаго остался не только весь республиканскій періодъ революціи, но даже почти цѣлый годъ монархическаго періода, т. е. время законодательнаго собранія.

Такое ограниченіе темы объясняется спеціальнымъ интересомъ автора къ установленію во Франціи, въ 1789—1791 гг., конституціонной монархіи, за судьбами которой онъ слѣдитъ и въ политическихъ теоріяхъ XVIII в., и въ „наказахъ“ 1789 г., и въ выработкѣ соотвѣтственныхъ государственныхъ законовъ, и въ отношеніяхъ къ ней разныхъ элементовъ тогдашняго общества. Это была, по его опредѣленію, попытка примирить требованія народовластія, проповѣдовавшагося политическою философіей вѣка, съ сохраненіемъ вѣками сложившейся монархіи. „Когда, — говоритъ въ одномъ мѣстѣ второго тома (стр. VII) Ковалевскій, — когда въ одномъ засѣданіи конституанты депутатъ Вимпфенъ впервые употребилъ терминъ „народная монархія“ [1]), почти на всѣхъ скамьяхъ послышался протестъ. Чудовищнымъ казалось сочетаніе такихъ будто бы исключающихъ другъ друга понятій, какъ самодержавіе короля и самодержавіе народа. Самъ ораторъ счелъ нужнымъ прибавить въ свое оправданіе, что онъ съ намѣреніемъ окрестилъ зарождающуюся конституцію такимъ прозвищемъ, чтобы показать ея безпочвенность и несообразность. Но, продолжаетъ нашъ историкъ, прошло сто лѣтъ, и переживаемый нами конецъ вѣка [2]) видитъ почти повсемѣстное торжество на Западѣ той самой формы государственнаго устройства, которая, какъ неизвѣстная Аристотелю и Монтескье, была противо-

[1]) Собственно, „démocratie royale“.
[2]) Не забудемъ, что это писалось 20 лѣтъ тому назадъ.

рѣчащей самой природѣ вещей. Торжествующая демократія не разрываетъ союза съ наслѣдственнымъ представителемъ національнаго единства; съ своей стороны, этотъ послѣдній все болѣе и болѣе отрѣшается отъ характера главы феодальной іерархіи, перваго дворянина своего государства; онъ признаетъ за собою новую миссію верховнаго посредника между классами и защитника интересовъ народныхъ массъ". Вотъ основная точка зрѣнія Ковалевскаго на политическое значеніе французской революціи въ ея монархическомъ періодѣ. „Такимъ образомъ, читаемъ мы дальше, „народная монархія" изъ того чудовища, какимъ она казалась въ концѣ XVIII вѣка, сдѣлалась господствующимъ типомъ государственнаго устройства. Принципы 1789 г., удачныя и неудачныя рѣшенія, какія даны были конституантой большинству соціальныхъ и политическихъ задачъ, пріобрѣли снова характеръ современности. Въ концѣ XIX в. [1]) мы ждемъ еще отвѣта на вопросъ, что было жизненнаго въ тѣхъ новыхъ порядкахъ, какими подарила Францію революція, въ какой мѣрѣ ошибки „учредителей", ихъ сознательное или безсознательное служеніе „частному интересу", въ ущербъ „общему", и „депутатскому самодержавію", въ ущербъ королю и народу, отсрочили мирное торжество народной монархіи".

Въ I томѣ Ковалевскій изображаетъ, чѣмъ была французская традиціонная монархія до 1789 г., и излагаетъ политическія теоріи XVIII в., стараясь всячески сгладить разницу, обыкновенно указываемую другими историками между ученіями Монтескье и Руссо [2]). Здѣсь я касаюсь пункта, по которому радикально расхожусь съ авторомъ „Происхожденія современной демократіи", при чемъ, по моему мнѣнію, у него на первомъ планѣ были не тѣ отношенія, какія между Монтескье и Руссо (а на придачу и Мабли) можетъ установить современный историкъ, подходящій къ ихъ ученіямъ съ научнымъ анализомъ, а своеобразная амальгама, какую создала изъ взглядовъ этихъ политическихъ писателей мысль дѣятелей 1789—1791 гг. Возникновеніе этой амальгамы Ковалевскимъ было прослѣжено весьма наглядно. О томъ, въ какой мѣрѣ новая доктрина, въ которой были и цѣльность и единство, раздѣлялась практическими дѣятелями, свидѣтельствуетъ, по его словамъ, сходство содержанія и „наказовъ", и королевскаго декрета 23 іюня 1789 г., и проектовъ такихъ дѣятелей, какъ Лафайетъ, Мунье, Малуэ и т. д.

---

1) Ковалевскій могъ бы повторить то же самое и въ началѣ XX в.

2) Кромѣ того, Ковалевскій написалъ статью о Монтескье въ приложеніи къ новому переводу „Духа законовъ" (изд Л. Ѳ. Пантелѣева), статью о Руссо въ сборникѣ „Помощь евреямъ" (1901) и стр. 203 и слѣд. третьяго тома книги „Отъ прямого народовластія къ представительному" (1906).

По основнымъ вопросамъ государственнаго устройства между всѣми установилось, по словамъ Ковалевскаго, своего рода соглашеніе. „Всѣ безъ различія, — говоритъ онъ, — понимали необходимость конституціонныхъ гарантій для личной свободы и собственности, пользу предоставленія народному представительству права участія въ составленіи законовъ и бюджета, неотложность строгаго отдѣленія суда отъ администраціи и упроченія независимости юстиціи. Всѣ наконецъ, одинаково признавали желательнымъ установленіе начала отвѣтственности министровъ и его необходимаго дополненія — безотвѣтственности монарха. Однимъ словомъ, всѣ въ большей или меньшей степени считали нужнымъ дать законодательное признаніе тому принципу народнаго участія и народнаго контроля въ государственныхъ дѣлахъ, на осуществленіе котораго въ Англіи съ полнымъ основаніемъ указывали политическіе мыслители“ [1]). Замѣчу кстати, что въ „Происхожденіи современной демократіи“ отведено много мѣста разсмотрѣнію англійскихъ и американскихъ вліяній на французскую революцію: рѣдко гдѣ вопросъ этотъ разсматривается особенно обстоятельно. Между прочимъ, уже послѣ книги Ковалевскаго Іеллинекъ написалъ свою извѣстную работу о вліяніи американскихъ декларацій на французскую „Déclaration des droits de l'homme et du citoyen“. Въ частности, Ковалевскій отмѣчаетъ то обстоятельство, что „американская конституція въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ англійская, испытала на себѣ вліяніе политичсекихъ теорій“. Такъ, говоритъ онъ, „ученіе о раздѣленіи властей не только было принято въ текстъ виргинской деклараціи правъ, но и положено въ основу распредѣленія государственныхъ функцій между палатами американскаго конгресса и президентомъ“ [2]). Извѣстно, что французская конституція 1791 г. не допускала того, что въ наше время называется парламентаризмомъ, но эта же самая была и остается доселѣ особенностью сѣверо-американской конституціи.

Весьма цѣненъ въ трудѣ Ковалевскаго анализъ „Деклараціи правъ“ и конституціи 1791 г., выработка которыхъ подробно излагается съ объясненіями, почему тотъ или другой частный вопросъ былъ рѣшенъ въ такомъ, а не въ иномъ смыслѣ и были, въ частности, сдѣланы отступленія отъ англійской конституціи, касающіяся какъ организаціи и компетенціи представительнаго собранія, такъ и королевской прерогативы. Объясняя, Ковалевскій иногда и оправдываетъ дѣятелей 1789—1791 г. отъ предъявлявшихся по ихъ

---

[1]) Происхожденіе современной демократіи, I, 564 (по 1 изд.).
[2]) Происхожденіе, т. I, стр. 301.

адресу упрековъ. Напр., знаменитый Бёркъ обвинялъ составителей конституціи 1791 г. въ томъ, что они создавали нѣчто новое, а не строили на почвѣ традиціоннаго политическаго строя. Такой упрекъ Ковалевскаго находитъ понятнымъ со стороны англичанина, „для коего давно сдѣлалось истиной, что учрежденія не выдумываются, а растутъ“ [1]), но, говоритъ онъ, если въ до-революціонной Франціи и существовала нѣкоторая конституція средневѣкового стиля, то въ сильно искаженномъ видѣ. Въ данномъ мѣстѣ у Ковалевскаго убѣдительно показано, что какъ разъ сохранившееся въ этой конституціи („вмѣшательство судебныхъ палатъ въ законодательство и управленіе, — вмѣшательство, которое прямо противорѣчило господствовавшей въ то время теоріи раздѣленія властей“) и подлежало устраненію, и какъ разъ о немъ и „должны были думать тѣ, кто подобно членамъ учредительнаго собранія, ставилъ себѣ цѣлью привести въ соотвѣтствіе политическія учрежденія съ требованіями разума и науки“ [2]). Положеніе дѣлъ было таково, что дѣятелямъ 1789—1791 гг. „не оставалось другого исхода, какъ руководствоваться теоріей или слѣдовать иностраннымъ образцамъ. Они, продолжаетъ Ковалевскій, не могли, подобно американцамъ, ограничиться одной надстройкой, увѣнчать зданіе, фундаментъ котораго положенъ былъ вѣками раньше — первыми англійскими колонистами, пересадившими въ Новый Свѣтъ учрежденія своей родины“ [3]).

Почему же во Франціи первая конституція оказалась столь эфемерной, и черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ ея принятія королемъ произошло паденіе монархіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ третьемъ томѣ. Ковалевскій очень подробно слѣдитъ за тѣми вліяніями, вслѣдствіе которыхъ революція постепенно уклонилась отъ первоначальной программы. Событія, послѣдовавшія за принятіемъ конституціи 1791 г. и закрытіемъ учредительнаго собранія, представляются нашему историку не естественнымъ ходомъ вновь созданной парламентской машины, а систематическимъ ея разрушеніемъ со стороны зародившейся еще во время учредительнаго собранія республиканской партіи, и эпоха законодательнаго собранія кажется ему не эпилогомъ народной монархіи, а прологомъ республики и демократическаго цезаризма.

Отвѣчая на формулированный выше вопросъ, Ковалевскій указываетъ на то, что если съ самаго же начала революціи возникли серьезныя разногласія, въ концѣ концовъ, погубившія дѣло

---

1) Тамъ же, т. I, стр. 260 (по 2 изд.).
2) Тамъ же, т. I, стр. 262—263.
3) Тамъ же, т. I, стр. 283.

народной монархіи, то источникъ ихъ „лежалъ не столько въ различномъ пониманіи королемъ и собраніемъ обязанностей правительства и правъ народа, сколько въ различномъ отношеніи ихъ къ сословному и церковному вопросу. Тотъ самый король, — поясняетъ Ковалевскій свой тезисъ, — тотъ самый король, который не отступалъ передъ мыслью присягнуть конституціи и видѣлъ свою обязанность въ широкомъ соблюденіи положенныхъ ею границъ, отказывалъ въ своей санкціи законамъ, вводившимъ гражданское устройство духовенства и конфисковывавшимъ имущества выселившагося за границу дворянства“ [1]). Другими словами, короля и собраніе, по Ковалевскому, раздѣляло не разное пониманіе основныхъ требованій политической свободы, а неодинаковость ихъ отношеній къ сословнымъ и имущественнымъ правамъ привилегированныхъ, т. е. духовенства и дворянства. „Трудности, говоритъ еще онъ, лежавшія на пути къ составленію либеральной конституціи, имѣли своимъ источникомъ не пристрастіе Людовика XVI къ абсолютизму и не республиканскія стремленія народнаго представительства“. Все дѣло для нашего историка заключалось въ тѣхъ препятствіяхъ, какія въ созданіи демократіи члены учредительнаго собранія, называвшіе себя убѣжденными монархистами, встрѣтили въ создавшейся въ теченіе вѣковъ сословной организаціи. Весь неуспѣхъ системы народной монархіи Ковалевскій приписываетъ оппозиціи привилегированныхъ и той поддержкѣ, которую она встрѣтила у членовъ королевской семьи. Лишь симпатіей къ интересамъ духовенства и дворянства объясняетъ онъ вообще и то рѣшительное противодѣйствіе, какое начинанія національнаго собранія встрѣтили со стороны защитниковъ стараго порядка внѣ Франціи. Эта же симпатія, прибавляетъ онъ, обусловила „и характеръ многихъ мѣръ, въ которыя вовлечены были, можно сказать, противъ ихъ воли, дѣятели 1789 года, и содержаніе которыхъ ни мало не отвѣчало ни даннымъ имъ наказамъ, ни раздѣлявшейся ими политической доктринѣ“.

Впрочемъ, и въ самой конституціи 1791 г. были разныя несовершенства, которыхъ Ковалевскій отнюдь не скрываетъ, но и здѣсь онъ становится на ту точку зрѣнія, что бо́льшая часть этихъ недостатковъ вызвана была внутреннимъ противорѣчіемъ самой доктрины, руководившей учредительной дѣятельностью собранія. Члены послѣдняго, по его словамъ, не поняли или не хотѣли понять, что, ограничивая до послѣднихъ предѣловъ власть короля, установляя систематическую рознь между народнымъ представи-

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 573.

тельствомъ и органами исполненія, они дѣлаютъ неизбѣжнымъ столкновеніе, конечнымъ исходомъ котораго можетъ быть или возвращеніе къ старому порядку, или установленіе республики". Однако, и здѣсь Ковалевскій счелъ нужнымъ оговориться въ томъ смыслѣ, что и въ данномъ отношеніи дѣятельность членовъ учредительнаго собранія не была вполнѣ свободна: „многія изъ принятыхъ ими мѣръ къ ограниченію королевской власти, по его вполнѣ вѣрному мнѣнію, — конечно, не новому, — были прямымъ отвѣтомъ на тотъ вызовъ, какой дѣлала имъ придворная партія, отожествлявшая постоянно свои интересы съ приносимыми въ жертву привилегіями"[1]).

Таково въ общихъ чертахъ построеніе исторіи политической стороны революціи до начала дѣйствія конституціи 1791 г. Во Франціи, по этому построенію, выработалась нѣкоторая нашедшая общее признаніе доктрина народной монархіи, которая нашла свое выраженіе какъ въ наказахъ 1789 г., такъ и въ конституціонныхъ законахъ, объединенныхъ въ учредительномъ актѣ 1791 г., и эту доктрину готовъ былъ раздѣлить и самъ носитель исторической власти, король, но былъ рядъ вопросовъ соціальнаго содержанія, по которымъ эта власть, отказывавшаяся отъ абсолютизма, и нація, вовсе не думавшая сначала о республикѣ, рѣзко разошлись. Доктрина 1789—1791 г. требовала уравненія правъ и отмѣны разныхъ привилегій, и какъ разъ въ этой области отношеній монархія объявила свою солидарность съ представителями стараго соціальнаго строя Франціи.

Уже эта ссылка на старый соціальный строй, который, защищая себя, похоронилъ подъ своими развалинами и новый политическій укладъ народной монархіи, указываетъ на то, что Ковалевскій придавалъ соціальной сторонѣ революціи большое значеніе, да и помимо того, какъ историкъ-соціологъ, интересовавшійся общественною структурою самою по себѣ, Ковалевскій не могъ не отвести въ своемъ трудѣ большого мѣста соціальнымъ отношеніямъ, соціальнымъ идеямъ и соціальнымъ преобразованіямъ эпохи. Я бы сказалъ даже, что надъ этою стороною революціи онъ особенно много поработалъ: въ видѣ доказательства можно сослаться хотя бы на то, во-первыхъ, что особенно обильныя дополненія Ковалевскій внесъ въ этотъ отдѣлъ своего труда, его переиздавая, и что, во-вторыхъ, изъ этой же области онъ взялъ тему для своей книжки о происхожденіи во Франціи мелкой собственности. Я даже готовъ признать, что въ изученіи Ковалевскимъ политической стороны рево-

---

1) Тамъ же, стр. 577.

люціи постоянно даетъ себя знать то, что онъ былъ профессоромъ государственнаго права, тогда какъ, изучая соціальную сторону революціи, онъ въ гораздо большей мѣрѣ былъ только историкомъ, констатировавшимъ факты, какъ онъ ихъ понималъ, но не строившимъ никакихъ теорій, которыя хоть сколько-нибудь напоминали бы его построеніе идеи народной монархіи.

Тамъ, гдѣ у Ковалевскаго идетъ рѣчь о соціальной сторонѣ французской революціи, мы также находимъ изслѣдованіе и фактическихъ отношеній, какія существовали при старомъ порядкѣ, и соотвѣтственныхъ идей, высказывавшихся въ литературѣ, тѣхъ желаній и требованій, которыя заключаются въ наказахъ избирателей выборщикамъ и депутатамъ въ 1789 г., и того, какъ вырабатывалось и въ чемъ заключалось законодательство, касающееся данной области отношеній. Въ частности, Ковалевскій совершенно вѣрно оцѣнилъ важность наказовъ 1789 г. и широко ими пользовался. Когда лѣтъ десять тому назадъ въ „Collection de documents inèdits sur l'histoire économique de révolution française“ стали, одинъ томъ за другимъ, появляться сборники наказовъ отдѣльныхъ областей Франціи, онъ, можно сказать, набросился на это изданіе и для послѣднихъ своихъ работъ извлекъ изъ него массу данныхъ, касающихся стараго порядка и общественнаго настроенія въ 1789 г. Въ свое время ему даже пришлось защищать значеніе наказовъ, какъ историческаго источника, противъ скептическаго отношенія къ нимъ И. В. Лучицкаго, но, какъ и въ другихъ случахъ, Ковалевскій самъ не подвергалъ этотъ источникъ критическому анализу, хотя и привѣтствовалъ впослѣдствіи работу, произведенную въ этомъ смыслѣ А. М. Ону. Какъ бы то ни было, отношеніе Ковалевскаго къ наказамъ было положительнымъ, и онъ правильно поступалъ, обращая на нихъ достодолжное вниманіе въ то время, какъ другіе русскіе историки, занимавшіеся эпохой, ихъ игнорировали [1]). Это, однако, не значитъ, чтобы со всѣмъ можно было соглашаться въ положеніяхъ Ковалевскаго, касающихся соціальной обороны стараго порядка.

Разсматривая сословный строй французскаго общества въ 1789 г., Ковалевскій особенно подробно останавливается на положеніи крестьянъ и городского рабочаго класса. Относящіеся къ этимъ двумъ темамъ отдѣлы обильно пополнялись для новыхъ изданій, вышли въ свѣтъ по-французски, а одна изъ нихъ была переработана въ особой книжкѣ, названной мною выше. Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить что изъ двухъ этихъ темъ менѣе изслѣдованною была вторая —

[1]) Имѣю въ виду работы Г. Е. Аѳанасьева, П. Н. Ардашева, Е. В. Тарле, Ѳ. В. Тарановскаго.

положеніи городскихъ рабочихъ, и самъ Ковалевскій признавался, что не былъ въ состояніи исчерпать всѣ стороны вопроса объ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими въ ту эпоху. „Матеріалы къ его рѣшенію, писалъ онъ въ первомъ изданіи, далеко еще не собраны вполнѣ... Имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ едва достаточно для того, чтобы намѣтить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ то направленіе, въ какомъ совершилось постепенное разложеніе средневѣковой солидарности рабочихъ и предпринимателей и подготовлено было наступленіе новыхъ экономическихъ порядковъ ничѣмъ не сдерживаемой конкуренціи“ [1]). Тѣмъ болѣе велика заслуга Ковалевскаго, какъ инціатора подобнаго изслѣдованія. Общій выводъ его здѣсь тотъ, что революціей новые порядки были не вызваны, а только узаконены. Онъ возражаетъ тѣмъ, которые скорбятъ объ уничтоженіи революціей цеховъ, въ XVIII в. уже не бывшихъ тѣмъ, чѣмъ могли быть въ XII и XIII вв. „Они, замѣчаетъ онъ, не хотятъ понять, что подъ кровомъ унаслѣдованныхъ формъ и вѣками установившихся обычаевъ пробиваются зародыши новыхъ экономическихъ силъ и новыхъ общественныхъ порядковъ, представляющихъ собою нерѣдко антиподъ послѣднихъ“ [2]). Въ трудахъ Ковалевскаго очень хорошо изображено разложеніе въ XVIII в. цехового строя, когда изъ него совсѣмъ исчезло одно изъ главныхъ его преимуществъ, заключавшееся въ обезпеченіи трудящагося люда отъ безработицы и голода. При такомъ порядкѣ вещей „городской рабочій изъ подмастерья въ такой же мѣрѣ пересталъ быть младшимъ товарищемъ мастера, въ какой сельскій батракъ [3]) — совладѣльцемъ помѣщика“, откуда объясняются „торжество добровольнаго соглашенія надъ установившимся обычаемъ и наслѣдственностью“ и „неизбѣжное наступленіе той же экономической свободы, которую физіократы провозглашаютъ вѣнцомъ политической мудрости какъ для частныхъ лицъ, такъ и для правительства [4]). Популярность въ обществѣ проповѣди „laisser passer, laisser faire“ Ковалевскій и объясняетъ тѣмъ, что цехъ пересталъ быть оплотомъ трудящагося люда отъ безработицы, какъ помѣстье, т. е. старый аграрный строй сеньеріи — оплотомъ противъ безземелья. Народныя массы не были заинтересованы въ ихъ сохраненіи, да и владѣтельные классы, по предположенію Ковалевскаго, находили выгоду въ шедшихъ на смѣну стараго индустріальнаго и аграрнаго строя порядкахъ. Прибавляю,

[1]) Томъ I, стр. 240 (по 1 изд.).

[2]) Тамъ же, стр. 241.

[3]) Я бы замѣнилъ этотъ терминъ другимъ (напр., сказалъ бы чиншевикъ).

[4]) Томъ I, стр. 231 (по 1 изд.).

что Ковалевскій обратилъ еще вниманіе, особенно въ новыхъ изданіяхъ, на развитіе сельской индустріи, также подрывавшей цеховой строй обрабатывающей промышленности въ городахъ.

Отношеніе къ цехамъ публицистики, наказовъ 1789 г. и законодательства конституанты нашли въ Ковалевскомъ обстоятельнаго изслѣдователя, и я отмѣтилъ бы только одно его мнѣніе, которое нужно считать опровергнутымъ, именно мнѣніе его о томъ, будто экономическія требованія третьяго сословія въ наказахъ 1789 г. отражаютъ на себѣ ученіе физіократовъ. Это невѣрно: данныя требованія отличаются меркантилистскимъ характеромъ. Что касается рабочаго законодательства учредительнаго собранія, то Ковалевскій совершенно правильно подчеркиваетъ враждебность его принципу ассоціаціи, въ чемъ повиненъ былъ и Національный конвентъ, правильно же выводя эту враждебность не изъ классовыхъ побужденій буржуазіи, а изъ предубѣжденія противъ, такъ называемаго, „esprit particulier", или „esprit de corps", т. е. противъ той солидарности, какую общность судьбы и единство занятій порождаютъ между лицами одного промысла и одного ремесла. Въ этомъ смыслѣ я раздѣляю точку зрѣнія Ковалевскаго противъ другой, нашедшей выраженіе въ докторской диссертаціи профессора Е. В. Тарле „Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи". Кстати замѣчу, что если этотъ трудъ мѣстами дополнялъ или подтверждалъ взгляды Ковалевскаго, то въ одномъ пунктѣ (по вопросу о цехахъ) онъ далъ гораздо меньше, чѣмъ мы находимъ у Ковалевскаго.

Изъ того, что Ковалевскій не признавалъ за запрещеніемъ революціей ассоціацій чисто классового происхожденія, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ вообще все объяснялъ одною отвлеченною доктриной безъ всякаго отношенія къ реальнымъ интересамъ. Онъ не разъ указывалъ на отступленія отъ принциповъ въ дѣятельности учредительнаго собранія. „Ни въ одномъ вопросѣ, — говоритъ онъ, между прочимъ, — собраніе не проявило такого внутренняго противорѣчія, не обнаружило такъ наглядно своей готовности отказаться отъ принциповъ, разъ эти интересы задѣваютъ интересы представляемой ими буржуазіи, какъ въ законодательствѣ о выборахъ" [1]). Формулировавъ въ „Деклараціи правъ" демократическій принципъ политическаго равноправія, учредительное собраніе установило извѣстный цензъ для пользованія избирательнымъ правомъ и ввело двустепенную систему выборовъ: „всеобщее голосованіе и прямые выборы, говоритъ по этому поводу Ковалевскій, —

[1]) Т. II, стр. 334.

необходимыя основы демократіи, но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ никогда не могла помириться буржуазія". Въ преніяхъ по выработкѣ конституціи 1791 г., прибавляетъ онъ, „сочетаніе представительства и собственности выставлялось всего чаще, какъ недопускающій разнорѣчія труизмъ, и возраженія слышатся только со стороны немногихъ въ родѣ Робеспьера" [1]). Впрочемъ, и тутъ можно сослаться на доктрину: вспомнимъ физіократовъ, а особенно примемъ въ соображеніе и политическую теорію Мабли.

Мнѣ остается еще остановиться на отношеніи Ковалевскаго къ аграрному строю дореволюціонной Франціи и къ аграрному законодательству революціи. Въ этой области параллельно съ Ковалевскимъ работалъ другой русскій изслѣдователь, И. В. Лучицкій, съ которымъ у Ковалевскаго вышло большое разногласіе, приведшее и къ полемикѣ между ними. Интересно, что въ одномъ общемъ трудѣ по исторіи Франціи приводятся два противоположныхъ мнѣнія о состояніи мелкаго землевладѣнія до революціи, и что оба они оказываются принадлежащими русскимъ ученымъ, т. е. Ковалевскому и Лучицкому. Я когда-то, около 40 лѣтъ тому назадъ, занимался тѣмъ же вопросомъ и пришелъ къ выводу, къ которому потомъ примкнулъ и Ковалевскій, но впослѣдствіи изслѣдованія И. В. Лучицкаго поколебали мою увѣренность, и дѣло кончилось тѣмъ, что я склонился на сторону Лучицкаго, тогда какъ Ковалевскій продолжалъ до конца стоять на усвоенной имъ точкѣ зрѣнія. Вся разница мнѣній въ томъ, что Лучицкій признаетъ существованіе мелкой крестьянской собственности до революціи, по его представленію, мало вообще измѣнившей аграрный строй Франціи, Ковалевскій же какъ разъ революціи и приписываетъ происхожденіе мелкой собственности въ странѣ. Въ такой общей статьѣ, какъ настоящая, не приходится не только рѣшать этотъ споръ, но и подробно объяснять, какъ онъ вообще могъ даже возникнуть [2]), но, не соглашаясь съ Ковалевскимъ, я все же долженъ сказать, что имъ все-таки собранъ большой фактическій матеріалъ, только, по моему мнѣнію, не такъ, какъ слѣдуетъ, истолкованный. При томъ я остаюсь согласнымъ съ Ковалевскимъ въ оцѣнкѣ имъ важнаго значенія наказовъ 1789 г., къ которымъ, наоборотъ, И. В. Лучицкій долго относился съ крайнимъ предубѣжденіемъ.

Въ первомъ томѣ „Происхожденія современной демократіи" Ковалевскій выражаетъ полное свое несогласіе съ формулой: „дѣятели 1789 г. ниспровергли феодальную систему", ибо, говоритъ

---

[1]) Т. II, стр. 339.

[2]) См. мои „Бѣглыя замѣтки", серія I, гл. V, и изложеніе тѣхъ же взглядовъ въ другой статьѣ („Deux opinions contraires").

онъ, „ничто не даетъ болѣе ложнаго представленія объ экономическихъ и соціальныхъ порядкахъ Франціи, какъ окрещеніе ихъ именемъ феодальныхъ“ [1]). Мотивы моего несогласія съ такой точкой зрѣнія были изложены мною въ одной изъ моихъ исторіографическихъ работъ [2]), но послѣ того И. В. Лучицкимъ было извлечено изъ архивныхъ документовъ множество фактовъ, свидѣтельствующихъ о наличности въ дореволюціонной Франціи такихъ пережитковъ феодализма, о которыхъ не приходилось даже подозрѣвать. Не входя, впрочемъ, въ обсужденіе правильности или неправильности представленія Ковалевскаго, укажу только, что окончательную формулировку своимъ взглядамъ на аграрный строй Франціи онъ далъ въ книжкѣ „Происхожденіе мелкой крестьянской собственности“. Главныя его положенія такія: французское землевладѣніе до революціи было преимущественно дворянскимъ и церковнымъ; крестьянамъ земля на правахъ собственности вообще не принадлежала, и обрабатывали они чужую землю въ качествѣ съемщиковъ разныхъ категорій, при чемъ, кромѣ крестьянъ, имѣвшихъ свое хозяйство (laboureurs), существовалъ и сельскій пролетаріатъ въ строгомъ смыслѣ; исключенія были необычайно рѣдки.

Гораздо болѣе цѣнными я считаю многочисленныя страницы объ общинныхъ земляхъ и пользованіяхъ, которыми Ковалевскій такъ вообще интересовался и о которыхъ столь много писалъ по отношенію къ разнымъ странамъ и временамъ. Уже въ первыхъ изданіяхъ „Происхожденія современной демократіи“ онъ говорилъ объ этомъ въ достаточной мѣрѣ, но потомъ новыя изданія наказовъ (въ называвшейся уже „Collection de documents inédits“) доставили ему еще болѣе обильный матеріалъ, который только подкрѣпилъ прежніе его выводы.

Книга о происхожденіи мелкой собственности во Франціи посвящена не только изображенію аграрнаго строя дореволюціонной эпохи, но и аграрному законодательству революціи, которое, по мнѣнію Ковалевскаго, и создало современное крестьянское землевладѣніе въ странѣ. Послѣднее по его представленію, имѣетъ три источника: 1) освобожденіе вѣчно-наслѣдственныхъ арендныхъ участковъ отъ повинностей въ пользу сеньеровъ, 2) покупку крестьянами кое-чего изъ націольныхъ имуществъ, т. е. церковныхъ и дворянскихъ земель, подвергшихся „принудительному отчужденію“, и 3) раздѣлъ мірскихъ угодій въ эпоху Конвента. Эти три мѣры слѣдовали одна за другою въ данномъ порядкѣ ихъ перечисленія,

[1]) Т. I, стр. 59—60.
[2]) Работы русскихъ ученыхъ, стр. 53—56.

но въ книгѣ Ковалевскаго онѣ разсматриваются въ обратномъ порядкѣ. Одновременно съ нимъ особую книгу о томъ же предметѣ издалъ и Лучицкій („Состояніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи наканунѣ революціи и аграрная реформа 1789—1793 гг.“), въ которой разсматриваются тѣ же три процесса, но получаются не тѣ же самые выводы. Въ то время, какъ въ этой книгѣ доказывается, что „земельный вопросъ рѣшенъ революціей не былъ“ и что революція „рѣшительно ничего не сдѣлала и не могла сдѣлать, чтобы хоть въ малѣйшей степени измѣнить характеръ соціальныхъ отношеній во французской деревнѣ“ [1]), Ковалевскій пришелъ къ тому выводу, что въ эпоху учредительнаго собранія „французскій крестьянинъ фактически сдѣлался собственникомъ“, что потомъ „фактическія отношенія были узаконены нормами Законодательнаго собранія и Конвента, которыми и завершился процессъ созданія во Франціи мелкой собственности“, что переходъ въ руки крестьянъ части земель церкви и дворянъ „расширилъ кадры крестьянъ-собственниковъ“ и что „тому же исходу содѣйствовали мѣры Конвента по отношенію къ общиннымъ землямъ, поголовный дѣлежъ ихъ между всѣми жителями деревни“ [2]).

Вотъ какія еще разногласія возможны между спеціалистами по вопросамъ аграрнаго строя и аграрнаго законодательства Франціи въ концѣ XVIII в. Однако, въ нѣкоторыхъ пунктахъ и нѣтъ такого разногласія. Оба изслѣдователя одинаково жалуются на то, что въ распоряженіи науки еще слишкомъ мало фактическаго матеріала для окончательнаго рѣшенія вопроса о значеніи распродажи національныхъ имуществъ, образовавшихся изъ секуляризованныхъ земель церкви и монастырей и изъ конфискованныхъ земель эмигрантовъ. Подобно И. В. Лучицкому, и Ковалевскій допускалъ, что львиная доля добычи при распродажѣ этихъ имѣній досталась буржуазіи.

Спорныхъ вопросовъ въ исторіи революціи вообще не мало, и къ числу ихъ относится еще одинъ, который играетъ большую роль въ исторіографіи революціи: самое состояніе Франціи и, въ частности, ея экономическое положеніе разными историками революціи понимается различно. Есть, такъ сказать, оптимистически настроенные историки, признающіе наличность экономическихъ улучшеній наканунѣ революціи и сравнительно высокій уровень промышленности и торговли, что мы видимъ, напр., въ I томѣ извѣстной „Histoire socialiste“ Жореса. Ковалевскій не былъ въ этомъ лагерѣ оп-

---

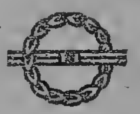
1) И. Лучицкій. Состояніе и пр., стр. 157.

2) „Происхожденіе мелкой собственности во Франціи“, стр. 190—191.

тимистовъ и изображалъ положеніе народной массы во Франціи въ достаточно неприглядномъ свѣтѣ для того, чтобы потрясеніе, пережитое Франціей въ концѣ XVIII в., было вполнѣ понятно.

Надъ исторіей Франціи Ковалевскій работалъ десятки лѣтъ, время отъ времени обращаясь къ архивамъ (особенно для исторіи промышленности), постоянно привлекая новыя изданія источниковъ, роясь въ брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ. Широко освѣдомленный въ исторіи другихъ странъ и эпохъ и вѣрный излюбленному имъ сравнительно-историческому методу, руководившему имъ даже тогда, когда формально онъ его не примѣнялъ, онъ въ своихъ трудахъ по исторіи стараго порядка, политическихъ и экономическихъ идей и начальнаго періода революціи во Франціи оставилъ по себѣ весьма цѣнный складъ въ исторіографію французской революціи. Благодаря долгой жизни во Франціи и образовавшимся у него тамъ ученымъ связямъ, равно какъ французскимъ переводамъ его работъ, онъ занялъ почетное мѣсто и въ самой Франціи. Конечно, въ настоящей замѣткѣ я далеко не исчерпалъ всего содержанія того, что онъ сдѣлалъ по исторіи знаменательной эпохи, и прямо обошелъ молчаніемъ 4-й томъ „Происхожденія современной демократіи", посвященный вліянію революціи на одно изъ аристократическихъ государствъ старой Европы, тоже обратившій на себя вниманіе западныхъ ученыхъ. Мнѣ хотѣлось только познакомить болѣе широкій кругъ читателей съ тѣмъ, что было сдѣлано Ковалевскимъ для изученія одного изъ наиболѣе важныхъ событій послѣднихъ столѣтій, привлекающихъ къ себѣ вниманіе не однихъ ученыхъ спеціалистовъ, но и вообще всѣхъ интересующихся историческими корнями современности, тѣмъ болѣе, что для самого Ковалевскаго эпоха, которой онъ посвятилъ разсмотрѣнные мною труды, была проблемой не только объективнаго пониманія, но и субъективной оцѣнки — и то, и другое въ цѣляхъ политическаго назиданія современниковъ.

Н. Карѣевъ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ПРОЛИВЫ.

(Продолженіе [1]).

II.

Въ отвѣтѣ союзныхъ державъ на ноту Вильсона 28 декабря 1916 г. (10 января 1917 г.) въ числѣ общихъ для всѣхъ союзниковъ цѣлей войны и необходимыхъ ея результатовъ, значится слѣдующій пунктъ: „освобожденіе народностей, подчиненныхъ кровавой тираніи турокъ; изгнаніе изъ Европы Оттоманской имперіи, какъ рѣшительно чуждой западной цивилизаціи“.

Въ первый разъ такая задача формулируется въ офиціальномъ документѣ столь высокой важности, какъ общее заявленіе союзниковъ. Какъ ни естественъ этотъ выводъ изъ всего, что сообщалось въ первой моей статьѣ, тѣмъ не менѣе для извѣстной части общественнаго мнѣнія, какъ нашего, такъ и заграничнаго, такой выводъ покажется слишкомъ жесткимъ, суровымъ и преувеличеннымъ а потому и не вполнѣ искреннимъ. Естественно ожидать, что эта часть общества не отнесется къ требованію союзниковъ съ должной серьезностью, а этимъ самымъ лишитъ и это требованіе той доли поддержки, какую можетъ и должно дать ему единство общественнаго мнѣнія въ данномъ вопросѣ.

Моя задача въ этой второй части статьи показать, что союзники глубоко правы въ своемъ утвержденіи, что Оттоманская имперія осталась чужда западной цивилизаціи и началамъ европейской государственности; что иго ея надъ иноплеменными народностями есть дѣйствительно тяжкая и кровавая тираннія и что въ томъ и другомъ отношеніи контрастъ между западной и восточной Европой (Россіей) не представляетъ, по глубинѣ и принципіальности, ничего подобнаго тому, что представляетъ контрастъ между европейскими державами вообще и Оттоманской имперіей. Выяснивъ антиевропейскій характеръ Турціи, я долженъ буду объяснить и то, почему, несмотря на это, Оттоманская имперія могла просуществовать до нашихъ дней.

---

[1]) См. январь, стр. 360.

Я могъ бы свидѣтельствовать о глубинѣ контраста между Европой и Турціей и по личнымъ моимъ наблюденіямъ. На протяженіи послѣднихъ двадцати лѣтъ мнѣ приходилось посѣщать не разъ различныя области Европейской и Азіатской Турціи. Одна изъ нихъ, Македонія, мнѣ знакома очень близко. Сводя къ самымъ общимъ положеніямъ мои впечатлѣнія, я могъ бы выразить ихъ въ слѣдующихъ трехъ характерныхъ чертахъ. Первая черта есть глубокая пропасть между властью и населеніемъ. Черта эта свойственна, конечно, и восточной Европѣ, но въ Турціи она достигаетъ своего крайняго проявленія. Населеніе не оттоманскаго происхожденія является въ Турціи не „гражданами второго разряда", а вообще безправнымъ стадомъ. Ни собственность, ни даже жизнь этого населенія не можетъ считаться гарантированной закономъ. Единственная связь его съ государствомъ есть уплата податей, который при этомъ принимаютъ частную форму откупа. Во внутреннихъ дѣлахъ каждой народности такая отчужденность отъ государства имѣетъ послѣдствіемъ полную независимость. Этимъ и объясняется оригинальная возможность, какую имѣли немусульманскія народности Турціи, сохранить и развить свои церковныя, школьныя и вообще національныя права шире и полнѣе, чѣмъ это было бы возможно даже въ современномъ однонаціональномъ государствѣ, основанномъ на равенствѣ согражданъ передъ закономъ. Эта своеобразная черта, впрочемъ, лишь подтверждаетъ общую характеристику. Надъ безоружной массой покоренныхъ стоитъ въ Турціи вооруженная народность завоевателей, представляющихъ и нынѣ, пятьсотъ лѣтъ спустя послѣ завоеванія, своего рода непріятельскій лагерь въ оккупированной странѣ. Съ одной стороны, это ведетъ къ постоянной подозрительности и недовѣрію; съ другой — къ постоянной, хронической молчаливой конспираціи противъ притѣснителей. Съ одной стороны, господствуетъ безнаказанное вымогательство и физическое насиліе; съ другой — въ видѣ мести, спорадическія тайныя убійства. Здѣсь мы переходимъ къ другой основной чертѣ, тоже общей Турціи съ востокомъ Европы, но тоже развитой въ ней до крайнихъ предѣловъ. Эта вторая черта есть продажная и не стѣсненная никакимъ закономъ администрація. Въ Турціи эта черта принимаетъ совершенно средневѣковыя формы — организованнаго разбойничества. Жизнь можетъ считаться сколько-нибудь безопасной только въ большихъ городахъ, посѣщаемыхъ иностранцами. Выйти изъ города въ деревню — значитъ подвергать свою жизнь опасности. Вотъ почему обычная форма путешествія въ Турціи лицъ, находящихся подъ покровительствомъ правительства, есть передвиженіе въ сопровожденіи вооруженныхъ солдатъ. Числен-

ность эскорта измѣняется соотвѣтственно степени опасности. Мнѣ лично приходилось объѣзжать нѣкоторыя мѣстности албанизированной Старой Сербіи (Призрѣнъ-Дьяково-Ипекъ) въ сопровожденіи сотни пѣхоты и пятидесяти кавалеристовъ; при чемъ все это войско оказалось въ Дечанскомъ монастырѣ, во время моего ночлега, форменно осажденнымъ албанцами, и дѣло доходило до оживленной перестрѣлки. Въ болѣе культурныхъ мѣстностяхъ собственной Македоніи населеніе оказывалось раздѣленнымъ на округа между мѣстными разбойниками, при чемъ границы власти каждаго были хорошо извѣстны мѣстному населенію. Каждый взималъ дань съ своихъ „подданныхъ", обезпечивая ихъ отъ набѣговъ сосѣдняго разбойника и отъ времени до времени напоминая о необходимости подчиненія собственными набѣгами, сопровождаемыми пожарами и убійствами. Съ офиціальной турецкой властью у этихъ феодаловъ примитивнаго типа налаживались большею частью прекрасныя отношенія, при условіи уплаты опредѣленной доли добычи, вносимой разбойниками мѣстному губернатору. Населеніе тоже, въ концѣ концовъ, приспособлялось и находило даже въ такомъ положеніи своего рода удобства. Я помню лестный отзывъ, данный мнѣ въ 1900 г. игуменомъ монастыря св. Наума (на Охридскомъ озерѣ) о мѣстномъ „добромъ" разбойникѣ-мусульманинѣ, который не только не беретъ лишняго и охраняетъ монастырь, но даже по большимъ праздникамъ ставитъ свѣчку къ иконѣ мѣстнаго святого.

Третья черта, которая бросалась въ глаза на фонѣ этой анархіи, — это командующее положеніе иностранцевъ (въ частности и русскихъ) въ разлагающейся Турціи. Оттоманское правительство всегда ненавидѣло и подозрѣвало державы; но оно всегда боялось ихъ и подчинялось имъ, избѣгая лишь, по возможности, односторонняго подчиненія какой-либо одной державѣ и употребляя всю свою изворотливость, чтобы противопоставить одну группу державъ другой, чтобы такимъ образомъ обезпечить себѣ сравнительную независимость. Таковымъ же было и отношеніе къ иностранцамъ населенія. Человѣкъ въ котелкѣ одинъ, среди толпы въ фескахъ, никогда не могъ считать себя безопаснымъ. Но снабженный надлежащими документами изъ Константинополя, фирманомъ султана или хотя бы правильнымъ „тескере" (паспортомъ), сопровождаемый „заптіями", „сувари", а тѣмъ болѣе „кавасомъ" (вооруженнымъ служителемъ консульства, обыкновенно изъ албанцевъ), онъ былъ всесиленъ. Въ томъ случаѣ, если его требованія въ такой обстановкѣ встрѣчали лукавую уклончивость мѣстныхъ властей, достаточно было погрозить телеграммой въ Константинополь, къ соотвѣтственному послу, — и требованія удовлетворялись.

Послѣдствіемъ, сопровождающимъ всѣ эти черты старо-турецкаго режима, была четвертая черта, постепенно укрѣплявшаяся въ сознаніи населенія: сознаніе непрочности подобнаго положенія и недолговѣчности турецкаго господства. Въ своемъ лагерѣ эти завоеватели точно чувствовали себя на бивуакѣ. И я помню, какъ мои офиціальные спутники спрашивали меня, не переодѣтый ли я офицеръ. А жандармы изъ христіанъ, видя, какъ я снимаю фотографію, украдкой перемигивались и говорили мнѣ: „Знаемъ мы: это вы теперь изучаете наши города, а потомъ придете и все возьмете".

Гдѣ причина подобной непрочности турецкихъ завоеваній въ Европѣ и неспособности завоевателей или ассимилировать себѣ побѣжденныхъ или раствориться въ ихъ средѣ? Вмѣсто того, чтобы давать собственный отвѣтъ, я предпочитаю опереться на сужденіе извѣстнаго англійскаго историка и вдумчиваго мыслителя, Эдварда Фримана. Его книга „The Ottoman power in Europe" издана была въ самый разгаръ предпослѣдняго балканскаго кризиса, передъ русско-турецкой войной 1877 года. Тогда она произвела въ англійскомъ обществѣ, раздѣлившемся между Биконсфильдомъ и Гладстономъ, впечатлѣніе почти „скандала". Тѣмъ интереснѣе напомнить теперь о глубокихъ и яркихъ истинахъ сочиненія, опередившаго свое время.

„Присутствіе турокъ въ Европѣ, по мнѣнію Фримана, есть случайность, хотя эта случайность и длится уже цѣлыя 500 лѣтъ". „Въ концѣ этого полутысячелѣтія они остаются такими же чужаками въ Европѣ, какъ и въ началѣ". „Проявленія турецкаго управленія въ Европѣ такъ странны и чужды намъ, что наши обычныя выраженія по отношенію къ нимъ не годятся". Европейскія слова въ приложеніи къ этому исключительному явленію или теряютъ всякій смыслъ или даютъ явленію ошибочный смыслъ, котораго оно не имѣетъ. „Если мы примѣняемъ къ Турціи такія слова, какъ нація, народъ, правительство, законъ, государь, подданный, то мы должны дать всѣмъ этимъ словамъ новое опредѣленіе".

Можно ли говорить о Турціи, какъ о „народѣ"? Нѣтъ, это только раса завоевателей, правящая расами завоеванныхъ. „Подданные" Турціи не суть подданные государства, а все той же правящей расы. „Законъ" этого государства есть коранъ, и „государство" есть органъ духовной власти, Турція есть конфессіональное государство, въ которой между церковью и государствомъ, между духовными и гражданскими обязанностями нѣтъ различія. Государь того государства не есть государь всѣхъ своихъ подданныхъ: надъ одними онъ „халифъ", надъ другими „султанъ". Покоренный въ этомъ государствѣ стоитъ внѣ закона и внѣ государства. Онъ можетъ только „купить безопасность личности и имущества цѣною

уплаты дани“. Максимумъ благожелательнаго отношенія къ нему предписываемаго кораномъ, есть презрительная терпимость.

Вотъ почему „мусульманское государство не можетъ дать своимъ христіанскимъ подданнымъ дѣйствительнаго равноправія и хорошаго управленія“, т. е. оно не можетъ осуществить самаго основного условія современнаго цивилизованнаго государства. Мусульманская часть населенія всегда останется на положеніи привилегированной.

Правда, христіанинъ можетъ перейти въ исламъ. Но за переходъ изъ ислама въ христіанство полагается смертная казнь. Магометанская религія есть „агрессивная религія“ въ томъ смыслѣ, что она признаетъ основнымъ началомъ требованіе, чтобы вѣра была распространяема не только убѣжденіемъ, но и мечемъ. „Христіанинъ не считаетъ, что Евангеліе есть кодексъ закона на всѣ времена и повсемѣстно. Магометанинъ считаетъ коранъ такимъ кодексомъ“. Такимъ образомъ, „магометанское правительство обязано вынуждать подчиненіе корану, какъ закону страны“, и магометанское государство не можетъ выйти изъ рамокъ теократіи. Это значитъ, что даже хорошій мусульманскій правитель не можетъ поднять покоренныя народности на одинъ уровень съ мусульманами. „Въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ лишь спасти отдѣльныхъ членовъ этихъ народностей отъ личнаго преслѣдованія; но онъ не можетъ спасти ихъ отъ приниженія“. „Акбаръ (индостанскій правитель XVI столѣтія) былъ единственнымъ государемъ, рожденнымъ въ исламѣ, который далъ равноправіе своимъ подданнымъ, не исповѣдавшимъ ислама. Но онъ также былъ и единственнымъ мусульманскимъ государемъ, отказавшимся отъ ислама“. Вотъ почему „никакая мусульманская нація не можетъ стать членомъ семьи христіанскихъ націй Европы“.

Фриманъ прибавляетъ къ этому что то, что вообще невозможно для ислама, сугубо невозможно для оттоманскихъ турокъ. „Спеціальный характеръ и положеніе оттоманскихъ турокъ еще отягчило наихудшія тенденціи магометанской религіи и сдѣлало ихъ управленіе худшимъ, чѣмъ управленіе какой-либо другой магометанской державы въ мірѣ“.

Вотъ та причина, вслѣдствіе которой положеніе, наступившее послѣ завоеванія Константинополя турками, продолжаетъ оставаться такимъ же и теперь, пятьсотъ лѣтъ спустя. То, что мы называемъ Турціей, есть система длительной чужеземной оккупаціи. Для т у р о к ъ въ Турціи есть правительство; христіанскіе же подданные не суть даже „подданные“ въ русскомъ смыслѣ: султанъ для нихъ есть не ихъ глава, а глава чужеземной націи. „Съ такимъ же правомъ можно было бы назвать „подданнымъ“ хозяина дома, а „государемъ“ того вора, который насильственно ворвался въ этотъ

домъ". „Западно-европейскія націи могутъ желать измѣнить или улучшить свое правительство; но ни одна изъ нихъ не желаетъ совершенно освободиться отъ своего національнаго правительства. А христіанскіе подданные Турціи вовсе не желаютъ реформировать турецкое правительство; они не желаютъ перестраивать его по образцу какого-либо другого правительства. Все, чего они желаютъ, это совершенно отъ него освободиться". И это вполнѣ естественно. Въ Турціи турки есть оккупаціонная армія, „вооруженный лагерь". И при томъ, это — армія безъ дисциплины: наименѣе опасная часть ея есть регулярная армія; худшая же часть — турки, разбросанные въ странѣ. Такой „порядокъ" нельзя исправить. Его нельзя улучшить реформами, ибо самое существованіе поработителей въ покоренной странѣ есть „безпорядокъ", отъ котораго надо избавиться. Можно замѣнить армію разбойниковъ цивилизованной арміей европейскихъ покровителей. Можно замѣнить правительство завоевателей національными правительствами. Нельзя только это правительство заставить слиться съ подданными, а подданныхъ съ правительствомъ, ибо это — двѣ различныя націи. Единственный исходъ есть полное прекращеніе мусульманскаго управленія.

Исходя изъ такого взгляда на положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, Фриманъ ядовито высмѣиваетъ англійскій „предразсудокъ", будто турки „джентльмены", а ихъ подданные „низшія расы". Онъ предупреждаетъ своихъ соотечественниковъ о наступленіи великаго историческаго кризиса на Балканахъ. Онъ требуетъ симпатій къ возставшимъ народностямъ и всѣми силами души негодуетъ на то, что лордъ Дерби, „цивилизованный человѣкъ, христіанинъ, англичанинъ, англійскій министръ не постѣснился писать письма, приглашавшія турокъ подавить возстаніе". „Для людей этого типа всякое великое движеніе въ любомъ вѣкѣ исторіи приходитъ „неожиданно". Вѣроятно, въ такомъ же настроеніи былъ персидскій царь, когда спрашивалъ, кто такіе аѳиняне, и Левъ X, когда онъ думалъ, что ничего не выйдетъ изъ движенія, начатаго такимъ маленькимъ человѣкомъ, какъ Лютеръ".

Общій соціологическій базисъ объясненій Фримана нельзя не признать нѣсколько обветшавшимъ къ нашему времени. Быть можетъ, мы не такъ легко допустимъ, что та или другая нація, та или другая форма вѣры абсолютно лишены возможности участвовать въ общей эволюціи. Мы не проводимъ такой рѣзкой разницы между „арійскими" и не-арійскими народами, между міромъ христіанства и міромъ ислама. Въ предѣлахъ христіанскаго міра мы знали также попытки созданія конфессіональнаго государства, но приписывали это не столько роковой ограниченности данной формы

вѣры, сколько извѣстной стадіи развитія, на которой такія попытки предпринимались. Остается открытымъ вопросъ, не представляетъ ли и конфессіональное государство ислама продуктъ извѣстной стадіи культуры, способный эволюціонировать и приближаться къ современному государству въ дальнѣйшихъ стадіяхъ. Но какъ бы то ни было, эти теоретическія сомнѣнія не распространяются ни на точность описанія явленія въ его настоящемъ видѣ у Фримана, ни на неизбѣжность практическаго вывода, къ которому Фриманъ приходитъ, исходя изъ даннаго положенія и изъ невозможности ждать, пока оно измѣнится эволюціоннымъ путемъ.

Былъ, однако, одинъ моментъ, который заставилъ европейское общественное мнѣніе поколебаться и подумать, что, быть можетъ, моментъ подъема Турціи на высшую ступень государственности наступаетъ уже на нашихъ глазахъ. Это былъ моментъ крушенія абсолютизма Абдулъ-Гамида подъ ударами „молодой Турціи" (1908). Казалось, съ введеніемъ въ Турціи европейской государственной формы, народнаго правительства, рушатся самыя основы фримановскаго скептицизма. Казалось, что конституціонная Турція стряхнетъ съ себя грѣхи своего прошлаго и въ самомъ дѣлѣ будетъ вѣрна тѣмъ заявленіямъ, которыя въ минуты свѣжаго энтузіазма и перваго опьянѣнія побѣдой дѣлались вождями младо-турецкаго переворота. Турція станетъ на череду современныхъ государствъ. Турція признаетъ равенство всѣхъ своихъ подданныхъ, безъ различія вѣры и національности. Всѣ „оттоманскіе подданные" будутъ равноправны и равны передъ закономъ. Всѣ они станутъ оттоманскими „гражданами", получивъ, вмѣстѣ съ гражданскими, и одинаковыя политическія права.

Я лично былъ свидѣтелемъ этого заразительнаго увлеченія, пріѣхавъ въ первыя недѣли послѣ переворота 10 іюля 1908 г. въ Константинополь и въ Салоники. Настроеніе всеобщаго примиренія было еще свѣжо. Еще стояли наскоро сколоченныя трибуны, съ которыхъ говорились къ собравшемуся народу неслыханныя политическія рѣчи. Я видѣлъ расконспирированныхъ революціонеровъ и вернувшихся съ горъ „комитаджій" разныхъ національныхъ пропагандъ, рѣшившихся перемѣнить ружье на слово и попытать мирнаго рѣшенія національныхъ взаимоотношеній въ Турціи. Въ Константинополѣ побѣдители-младотурки добились правительства, готоваго управлять въ согласіи съ „комитетомъ единенія и прогресса". Въ Салоникахъ этотъ комитетъ вырабатывалъ свою политическую программу, основанную на восторжествовавшихъ началахъ государственности.

Разумѣется, я симпатизировалъ движенію, вмѣстѣ со всѣми друзьями свободы и прогресса и желалъ ему всяческаго успѣха. Я на-

ходилъ совершенно правильнымъ, что Европа, въ благородномъ движеніи сочувствія новому члену европейской семьи, поспѣшила убрать изъ Турціи всѣхъ поставленныхъ ею контролеровъ и реформаторовъ. Какъ выражаются американцы, Европа рѣшила дать Турціи шансъ. Европеизированная страна должна была въ самой себѣ попытаться найти всѣ нужныя ей средства обновленія.

Увы, мнѣ трудно было вѣрить въ легкость и вѣроятность этого обновленія. Я слишкомъ зналъ для этого старую Турцію, — и слишкомъ близко наблюдалъ остатки старой Турціи въ Турціи новой. Нельзя было не увидѣть сразу, что турецкіе идеологи новаго движенія, — эмигранты, конспирировавшіе въ Парижѣ и привезшіе въ Константинополь государственныя идеи передовой демократіи, немедленно были отодвинуты въ сторону отъ главнаго русла движенія. Первыя мѣста заняли малокультурные туземцы, съ образованіемъ ниже средняго и съ кругозоромъ мелкихъ чиновниковъ. Всѣми своими корнями эти люди были привязаны къ старому турецкому націонализму. Самое движеніе противъ Гамида они начали во имя спасенія Турціи отъ Европы, отъ европейскихъ политическихъ вліяній. Былъ моментъ, когда они надѣялись организовать около себя и взять съ собой въ союзники противъ Европы тѣ инонаціональные элементы, которые до тѣхъ поръ преимущественно на Европу и опирались, отъ нея ждали улучшеній своей участи. Но младотурки вовсе не думали достигнуть этой цѣли какими-нибудь существенными пожертвованіями. Напротивъ, первый изъ лидеровъ, который былъ устраненъ отъ вліянія и объявленъ еретикомъ, былъ принцъ Сабахъ-Эддинъ, конспирировавшій заграницей съ порабощенными народностями и обѣщавшій имъ „децентрализацію“. Обнимаясь и братаясь съ представителями вчерашней „райи“, ортодоксальные младотурки ждали и требовали отъ нихъ прежде всего „оттоманскаго патріотизма“. Во имя оттоманской идеи инородцы должны были добровольно отречься отъ всѣхъ тѣхъ, довольно широкихъ, правъ внутренняго самоуправленія, которыя оставили имъ, изъ равнодушія или пренебреженія, старые султаны. Такимъ образомъ, „единеніе“ и „равенство“ съ оттоманами предстало передъ ними съ самаго начала въ формѣ обязательнаго отреченія отъ всѣхъ національныхъ правъ, которыми они пользовались въ своей школьной, церковной, а отчасти и гражданско-правовой жизни.

Было совершенно ясно, что въ этомъ систематическомъ и принципіальномъ пренебреженіи къ правамъ народностей таится источникъ конфликта, который тотчасъ же вскроется и вернетъ внутреннюю жизнь Турціи къ Гамидовскимъ временамъ. Было также довольно ясно, что въ своемъ стремленіи освободить Турцію отъ Ев-

ропы младотурки не ограничатся сохраненіемъ за собой того, что у нихъ осталось, но попытаются вернуть потерянное путемъ агрессивной внѣшней политики. И совершенно естественно вышло, что для этой цѣли они очень скоро вернулись къ „другу и покровителю мусульманъ", Вильгельму II. На время пошатнувшееся вліяніе германскаго посольства въ Константинополѣ очень скоро возстановилось. Во всѣхъ вопросахъ, касавшихся улучшеній быта не-турецкихъ народностей, какъ вопросы македонскій, армянскій, критскій, арабскій, германская дипломатія всегда имѣла возможность принять сторону централистскаго „комитета единенія" и возбудить подозрительность турокъ къ державамъ согласія. Недаромъ Науманъ подчеркивалъ то преимущество германской политики на Востокѣ, что сона не защищаетъ никакихъ христіанъ, кромѣ протестантовъ, германскихъ подданныхъ. Мы одни, говорили германцы туркамъ, не хотимъ дѣлить Турціи, ибо всякое отдѣленіе отъ нея той или другой территоріи уменьшаетъ сферу нашего собственнаго вліянія.

Всѣ эти ближайшія и дальнѣйшія послѣдствія узкаго націонализма турецкаго переворота 1908 года уже намѣчались въ первые недѣли послѣ него. Въ моихъ „письмахъ съ дороги" изъ Константинополя и Салоникъ, я, при всѣхъ симпатіяхъ къ младотуркамъ, подчеркивалъ недостаточность того базиса, на которомъ иниціаторы переворота собирались строить новое государственное зданіе, и указывалъ на роковую связь ихъ „оттоманизма" съ Гамидовской стариной [1]). Тогда это дѣйствовало, какъ холодный душъ, но прошло всего два года, — и событія, показали, что я былъ еще слишкомъ сдержанъ и осторожeнъ въ выраженіи своихъ опасеній.

Въ эти два года (1908—1910) полнѣйшая невозможность для Оттоманской имперіи освободиться отъ той связи съ прошлымъ, которая лежитъ въ основѣ характеристики Фримана, выяснилась окончательно и безповоротно. И Европа — за исключеніемъ Германіи и Австріи — вернулась къ прежнему отношенію къ Турціи. Уже въ 1911 г. это сказалось на отношеніи Европы къ триполитанской войнѣ и къ стремленіямъ Италіи, отъ которыхъ не смогъ охранить Турцію даже ея покровитель, германскій императоръ. Въ 1912 г., послѣ предостереженія, даннаго въ Гос. Думѣ С. Д. Сазоновымъ (13 апрѣля), великія державы заявили Портѣ (23 сентября), что снова берутъ въ свои руки осуществленіе реформъ, намѣченныхъ Берлинскимъ трактатомъ. Это означало, что срокъ, данный туркамъ Европой для самостоятельнаго обновленія, прошелъ и что Ев-

[1]) Перепечатаны изъ „Рѣчи" въ моей книгѣ „Балканскій кризисъ" Спб. 1910. См. также интересную и содержательную брошюру А. Н. Мандельштама, „Младотурецкая держава", Москва 1915.

ропа возвращается къ своей традиціонной системѣ вмѣшательства во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи. Вернулась и Россія къ своему традиціонному покровительству турецкимъ христіанамъ въ договорѣ 26 января 1913 года по армянскому вопросу.

Такимъ образомъ, „изгнаніе изъ Европы Оттоманской имперіи, какъ рѣшительно чуждой европейской цивилизаціи“, есть мысль, подсказываемая дѣйствительнымъ положеніемъ Турціи. Принципы настоящей „освободительной“ войны, провозгласившей уваженіе къ правамъ народностей, не только не могутъ оправдать дальнѣйшаго существованія Турціи въ ея теперешнемъ видѣ, но именно во имя этихъ принциповъ Турція должна быть ликвидирована какъ государство sui generis, не имѣющее себѣ подобнаго и стоящее въ непримиримомъ и принципіальномъ противорѣчіи съ элементарными основами современной государственности.

Можетъ явиться, однако, вопросъ: почему же, хотя Турція существуетъ въ Европѣ полтысячелѣтія, мысль о ненормальности ея существованія и о необходимости ликвидаціи появилась такъ поздно? Неужели то, что признается несправедливымъ и противорѣчащимъ началамъ цивилизаціи теперь, существовало прежде и считалось совершенно естественнымъ? Чѣмъ же объясняется столь продолжительное существованіе подобной аномаліи среди европейскихъ націй?

Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ фактическая справка, которая покажетъ, что вопросъ объ уничтоженіи Турціи и ея господства въ Европѣ возникъ съ самаго начала турецкаго завоеванія — и съ тѣхъ поръ, такъ сказать, не сходилъ съ очереди. Эта же справка выяснитъ, что главнѣйшей причиной продолжительнаго существованія Оттоманской имперіи является (скорѣе мнимый, чѣмъ дѣйствительный) антагонизмъ интересовъ европейскихъ націй, побуждавшій ихъ искусственно сохранять Турцію изъ предосторожности противъ нарушенія „европейскаго равновѣсія“. Другой причиной является позднее развитіе самосознанія народностей, порабощенныхъ Турціей и лишь постепенно, при помощи той же Европы, получившихъ возможность выгнать „разбойника изъ собственнаго дома“.

Передъ самомъ началомъ настоящей войны вышла книга T. G. Djuvara подъ эффектнымъ заглавіемъ: „Сто проектовъ раздѣла Турціи“ [1]). „Сто проектовъ“, конечно, круглая цифра. Но по счету автора ихъ выходитъ скорѣе больше, чѣмъ меньше. Изъ сотни

---

[1]) Cent projets de partage de la Turquie, avec 18 cartes hors texte, Alcan, Paris, 1914 г.

половина проектовъ относится ко времени до XVIII столѣтія, и почти треть (30) — ко времени раньше XVII столѣтія. Цѣлыхъ 11 проектовъ относятся къ XIII—XIV столѣтіямъ, т. е. ко времени до утвержденія турокъ въ Европѣ (1356). Такимъ образомъ, проекты раздѣла Турціи составляютъ непосредственное продолженіе крестовыхъ походовъ.

Очень рано, съ момента объединенія русскихъ земель около Москвы, т. е. съ конца XV столѣтія, въ планы активной борьбы съ Турціей вводится и Россія. Уже проектъ императора Максимиліана I (1518) предоставляетъ „скиѳамъ", вмѣстѣ съ „валахами и молдавами", подъ руководствомъ польскаго короля напасть на Адріанополь. Для составленія союза съ этой цѣлью пріѣзжалъ въ Москву Герберштейнъ (1517). Въ самой Москвѣ — идея борьбы съ турками за Константинополь и за освобожденіе православныхъ народностей Балканскаго полуострова была насаждена въ это же время (конецъ XV и первая половина XVI вѣка) пріѣзжими греческими и юго-славянскими духовными лицами. Она очень скоро привилась и даже легла въ основу первой политической идеологіи, соединившей идеи православія и самодержавія съ мыслью о національной задачѣ и о всемірно-исторической миссіи Россіи.

Охотники искать оправданія нашихъ національныхъ стремленій въ этомъ кругѣ идей и выводить ихъ изъ древней московской традиціи склонны придавать преувеличенное значеніе этому началу и происхожденію русскаго восточнаго вопроса. Они склонны переносить и въ настоящее тѣ идеологическія черты, съ которыми этотъ вопросъ ассоціировался въ прошломъ. Я считаю эту тенденцію теоретически ошибочной и практически вредной. На мѣсто конкретной проблемы, и безъ того достаточно сложной, защитники національной традиціи подставляютъ воображаемыя задачи, смыслъ которыхъ утратился въ процессѣ эволюціи, и игнорируютъ новыя національныя потребности, которыя въ данное время должны имѣть рѣшающее значеніе.

Поскольку эта фальшивая постановка вопроса продолжаетъ затемнять его смыслъ и вызывать ненужные споры, я къ ней вернусь въ дальнѣйшемъ изложеніи. Для моей настоящей цѣли мнѣ нѣтъ надобности углубляться въ историческое прошлое, слишкомъ отдаленное. Я не остановлюсь также ни на дипломатіи петровскаго времени, ни на пресловутомъ апокрифическомъ „завѣщаніи Петра Великаго", которымъ предусматривается взятіе Константинополя Россіей и которое появилось на свѣтъ только въ 1760 году. Только во время Екатерины II складывается та международная обстановка рѣшенія восточнаго вопроса, въ которой можно находить непре-

рывную связь и преемство съ современной постановкой вопроса. Только съ этого времени являются и серьезные планы раздѣла Турціи съ участіемъ Россіи: планы настолько серьезные, что они уже бросаютъ свѣтъ на поставленный нами вопросъ: почему, несмотря на свой внутренній упадокъ, Оттоманская имперія смогла продержаться до нашихъ дней.

Вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи Турціи былъ поставленъ въ связи съ результатами первой турецкой войны императрицы Екатерины II (1768—1774). Его поставила Австрія, уже тогда рѣшившая, если нельзя будетъ сберечь Порту, взять изъ ея наслѣдства свою долю. „При близкомъ паденіи Оттоманской имперіи, писалъ австрійскій посолъ въ Константинополѣ, баронъ Тугутъ, канцлеру Кауницу полтораста лѣтъ тому назадъ, сѣверныя провинціи, Боснія, Сербія, Молдавія и Валахія должны отойти къ Австріи“.

Боснія и Сербія оставались тогда еще въ сторонѣ отъ международныхъ столкновеній. Но румынскія земли, уже ставшія театромъ войны, сдѣлались и первымъ яблокомъ раздора. Екатерина II сама добивалась Молдавіи и Валахіи: Австрія не хотѣла ихъ уступить. Споръ былъ рѣшенъ тѣмъ, что Россіи предложили вознаградить себя... Польшей. На совѣщаніи Фридриха II и Іосифа II въ Нейштадтѣ (сентябрь 1770 г.) было рѣшено: „предложить императрицѣ Россійской, взамѣнъ ея завоеваній въ Турціи, которыя нельзя за ней оставить (такъ какъ Австрія не хотѣла отдать Молдавію и Валахію и острова въ Архипелагѣ въ русскія руки), вознагражденіе въ Польшѣ, а для поддержанія равновѣсія подумать и о самихъ себѣ. Если же Екатерина II откажется отъ этой комбинаціи, то принудить ее къ этому и воспрепятствовать всѣмъ ея планамъ на Востокѣ“. Такимъ образомъ, Польша сдѣлалась первой жертвой желаній Европы спасти Турцію. Въ письмѣ къ своему брату Леопольду, Іосифъ такъ объяснялъ австрійскіе мотивы (декабрь 1770): надо представить прусскому королю всю опасность усиленія Россіи въ будущемъ и убѣдить его всѣми средствами воспрепятствовать этому. Въ случаѣ продолженія русско-турецкой войны и въ случаѣ если русскіе или перейдутъ Дунай и двинутся къ Адріанополю или же форсируютъ проливы и Константинополь, надо будетъ немедленно дѣйствовать: въ первомъ случаѣ поставить корпусъ на Дунаѣ, вынудить русскихъ къ спѣшному отступленію и получить отъ Турціи, въ награду за спасеніе, часть Валахіи: во второмъ случаѣ, если опасность будетъ грозить самому существованію Турціи, „занять провинціи, которыя намъ желательны, скорѣе чѣмъ предоставить ихъ русскимъ“.

Такимъ образомъ опредѣлилась та позиція, которую Австрія должна была занимать вплоть до 1908 года. Однако, Екатерина II не успокоилась и съ своей стороны попыталась опредѣлить позицію, которую Россія займетъ въ случаѣ паденія Турціи. Уже по смерти Маріи-Терезіи, желавшей во что бы то ни стало оставаться „честной" по отношенію и къ Россіи, и къ Турціи, Екатерина II завела съ Іосифомъ II прямые переговоры объ „изгнаніи турокъ изъ Европы". Въ 1780 г. состоялось извѣстное свиданіе Іосифа II съ Екатериной II въ Могилевѣ, во время котораго этотъ вопросъ обстоятельно обсуждался. Въ 1782 г. императрица послала Іосифу проектъ секретной конвенціи противъ Порты на основѣ созданія промежуточнаго государства (или, какъ выразились бы теперь, государства-буфера) между тремя имперіями (Россіей, Австріей и Турціей) и равенства пріобрѣтеній въ случаѣ войны противъ Турціи. Государствомъ-буферомъ должна была служить Молдавія, Валахія и Бессарабія, объединенныя подъ древнимъ именемъ Дакіи и управляемыя православнымъ государемъ. На мѣстѣ Оттоманской имперіи въ Константинополѣ Екатерина проектировала греческую имперію подъ властью своего внука Константина.

Отвѣтъ Іосифа II отъ 13 ноября 1782 г. чрезвычайно интересенъ, ибо въ немъ впервые точно опредѣляется, какія турецкія провинціи „желательны" для Австріи. Вопросъ объ устройствѣ королевства Дакіи и греческой имперіи въ Константинополѣ будетъ рѣшенъ исходомъ войны, отвѣчаетъ Іосифъ. Въ случаѣ успѣха съ моей стороны препятствій не будетъ, — но подъ условіемъ, чтобы 1) городъ Хотинъ съ небольшой территоріей; 2) малая Валахія, на западѣ отъ р. Алуты; 3) оба берега Дуная на 3льё въ ширину отъ Никополя до Бѣлграда, съ городами Виддинъ, Орсова и Бѣлградъ и 4) территорія на западъ отъ прямой линіи, проведенной отъ Бѣлграда до устья Дрины (около Дураццо), т. е. Боснія, Герцеговина, Адріатическій берегъ съ Истріей и Далмаціей, необходимыми для заведенія флота, перешли къ Австріи. Сверхъ того, плаваніе по Дунаю и черезъ проливы должно остаться свободнымъ и безпошлиннымъ.

Въ своемъ письмѣ Іосифъ II прибавлялъ, что нужно подѣлиться и съ Франціей, безъ участія которой успѣхъ всѣхъ проектовъ невозможенъ. Но именно Франція и воспротивилась предположеніямъ Іосифа. Въ отвѣтъ на предложеніе императора гарантировать нейтралитетъ и за это получить Египетъ, французскій посланникъ заявилъ (28 декабря 1782 г.): „Франція очень далека отъ мысли содѣйствовать чьимъ бы то ни было видамъ, которые повели бы къ усиленію державы, которой она и теперь боится... Это

было бы не столько разрушеніе Оттоманской имперіи, сколько громадный ростъ Россіи, который встревожилъ бы всѣ европейскія державы". Верженнъ уже ранѣе заявлялъ графу Мерси д'Аржанто: „въ Европѣ нѣтъ ни одной державы, которая бы не рискнула послѣдней копейкой и послѣднимъ человѣкомъ, чтобы воспрепятствовать паденію Оттоманской имперіи". Этими заявленіями Франція не ограничилась. 14 іюня 1783 г. министръ иностранныхъ дѣлъ передалъ ноту, въ которой предлагалъ Іосифу союзъ противъ Екатерины, „въ случаѣ, если императрица, вопреки самымъ серьезнымъ представленіямъ, будетъ настаивать на своихъ планахъ захвата и на проектѣ разрушенія Оттоманской имперіи". Австрія отвѣтила, что въ случаѣ русско турецкой войны она будетъ принуждена въ ней участвовать. Тогда Франція перешла къ угрозамъ. Начавшіяся вскорѣ внутреннія затрудненія и смерть Іосифа (1790 г.) прервали всѣ эти переговоры...

Мы уже отмѣтили одинъ мотивъ проектовъ раздѣла XVIII столѣтія, сходный съ проектами послѣдующими: это — несомнѣнную слабость Турціи, неспособной уже тогда держаться собственными силами Прежде чѣмъ перейти къ проектамъ XIX столѣтія, отмѣтимъ и другую черту, отличающую старые проекты отъ послѣдующихъ. Въ старыхъ проектахъ не обращается никакого вниманія на интересы мѣстнаго населенія. Точнѣе говоря, вниманіе обращено исключительно на то, что это населеніе — христіанское (и православное). Но господствуетъ полнѣйшая неосвѣдомленность о томъ, что христіане эти принадлежатъ къ различнымъ народностямъ. Линія раздѣла, намѣченная Іосифомъ, рѣжетъ этнографическую карту, никому еще неизвѣстную, совершенно произвольно. Раньше и позже этого проекта можно привести десятки другихъ проектовъ, которые точно такъ же дѣлятъ Балканскій полуостровъ вертикальными или горизонтальными чертами, безъ всякаго вниманія къ этнографическимъ границамъ народностей, съ единственной цѣлью выкроить приблизительно равные куски и сохранить, такимъ образомъ, „равновѣсіе". Курьезное доведеніе этого принципа до абсурда представляетъ проектъ отца Жана Коппена (1686 г.), ухитрившагося подѣлить Пелопоннесъ на цѣлыхъ шесть частей между Франціей, Англіей, Испаніей, Венеціей, Св. Престоломъ, Моданой и Пармой.

Очевидно, слабость Турціи есть лишь отрицательная причина, представляющая слишкомъ недостаточное основаніе для ея раздѣла. Теорія сильныхъ народовъ, получающихъ наслѣдство слабыхъ, есть теорія генерала Бернгарда. Сила, создающая право, захватъ, разрывающій договоры на „клочки бумаги": это принципы, которыми руководятся наши враги и противъ которыхъ мы боремся. Есть

извѣстная историческая справедливость въ томъ, что пока задача разрушенія Турціи диктовалась лишь этимъ отрицательнымъ мотивомъ, ея слабостью, всегда находились такія комбинаціи государствъ, которыя брали на себя ея защиту. Это положеніе должно было измѣниться лишь послѣ того, когда громко заговорили порабощенныя Турціей народности. То, чего европейскія государства не захотѣли сдѣлать другъ для друга, они поневолѣ принуждены были сдѣлать, когда устами этихъ народностей заговорило моральное право, основанное на собственной силѣ и на готовности бороться самимъ за собственную свободу. Долго, однакоже, національные порывы къ свободѣ продолжали объясняться „иностранными интригами". Эту точку зрѣнія приходится опровергать и высмѣивать еще Фриману, въ его цитированномъ сочиненіи.

Исторія проектовъ раздѣла Турціи въ XIX вѣкѣ и есть исторія борьбы старой тенденціи съ новой. Группировки европейскихъ державъ мѣняются, но идея равновѣсія двухъ соперничающихъ лагерей остается и продолжаетъ до самаго конца вліять на рѣшеніе восточнаго вопроса. Но рядомъ съ идеей равновѣсія все болѣе и болѣе видное мѣсто получаетъ идея освобожденія сознавшихъ себя народностей, передъ которой отступаютъ и стушевываются временами даже эгоистическіе интересы отдѣльныхъ державъ. Борются эти тенденціи и въ русской политикѣ, при чемъ и здѣсь стремленіе къ захвату, частью вольно, частью невольно, уступаетъ постепенно стремленію къ освобожденію. Послѣ состоявшагося освобожденія балканскихъ народностей борьба измѣняетъ свой характеръ и становится борьбой за вліяніе на освобожденныя народности. Постепенно и эта борьба за вліяніе, въ свою очередь, облагораживается, принимая видъ борьбы за союзъ освобожденныхъ народностей противъ всякаго вліянія со стороны. По счастливому стеченію обстоятельствъ интересъ Россіи во всѣхъ этихъ фазахъ совпадаетъ съ болѣе высокимъ пониманіемъ международныхъ задачъ, пока, наконецъ, не остается нерѣшенной одна лишь область отношеній, — та, въ которой интересы Россіи по праву стоятъ на первомъ планѣ, не встрѣчая при томъ серьезнаго препятствія со стороны интересовъ мѣстныхъ національностей. Такъ, въ теченіе XIX столѣтія, вопросъ о Константинополѣ и Дарданеллахъ выдѣляется самъ собой въ отдѣльный и обособленный вопросъ, вслѣдствіе внутренней эволюціи балканскихъ отношеній. Этимъ путемъ мы приходимъ, такимъ образомъ, къ тому же положенію, къ которому пришли, анализируя международные интересы, созданные германской „міровой политикой" изнутри, какъ и извнѣ. Мы находимъ состояніе вопроса о судьбѣ Константинополя и проливовъ болѣе благопріятнымъ для насъ теперь, чѣмъ когда-либо прежде на протяженіи всей исторіи восточнаго вопроса.

Эта статья не имѣетъ цѣлью дать полное фактическое доказательство только что набросанной общей схемы эволюціи восточнаго вопроса. Но главные моменты этой эволюціи мы все же отмѣтимъ, не столько для доказательства, сколько для большей наглядности выставленныхъ положеній.

XIX вѣкъ начинается еще старой постановкой вопроса о Турціи — въ Наполеоновскую эпоху. Въ самомъ преддверіи этой эпохи Таллейранъ (1805 г.) ставитъ вопросъ такъ, какъ ставили его предшественники при Іосифѣ II. Онъ предлагаетъ Франціи поддержать Австрію противъ стремленій Россіи на Востокѣ. „Турокъ теперь нечего бояться. Но ихъ замѣнили русскіе. Австрія остается главнымъ оплотомъ, который Европа можетъ имъ противопоставить. Ее именно и надо теперь укрѣпить противъ Россіи“. Сдѣлать это можно, допустивъ Австрію завладѣть Молдавіей и Валахіей. Тогда „русскіе, теперь ея союзники, сдѣлаются ея соперниками и естественными врагами“. Въ устойчивость Турціи, впрочемъ, даже и при этомъ условіи Таллейранъ не вѣритъ. 25 января 1807 г. онъ пишетъ: „Я не вѣрю, чтобы что-нибудь могло поддержать Оттоманскую державу. Она, по-моему, погибла. Вопросъ только въ томъ, какую долю получитъ Франція въ раздѣлѣ, который неизбѣжно долженъ произойти еще въ наши дни“.

Впослѣдствіи, на островѣ св. Елены Наполеонъ такъ резюмировалъ свою тактику въ восточномъ вопросѣ. „Я могъ бы подѣлить Турецкую имперію съ Россіей. Но ее спасъ Константинополь. Эта столица оказалась камнемъ преткновенія. Россія требовала Константинополя; я не могъ его дать. Это — слишкомъ драгоцѣнный ключъ; онъ одинъ стоитъ цѣлаго государства. Кто имъ владѣетъ, можетъ управлять міромъ“.

Такова была точка зрѣнія претендента на всемірное господство въ началѣ XIX столѣтія. Она становится особенно понятной намъ при сравненіи съ видами на Константинополь такого же претендента начала XX столѣтія. Для обоихъ Константинополь и Турція были „ключомъ“ къ побѣдѣ надъ Англіей. Всемірно-политическія мечты Наполеона и Вильгельма II одинаково подрѣзывались присутствіемъ Россіи въ проливахъ, на пути къ Индіи и къ Египту.

Основная мысль Наполеона красной нитью проходитъ черезъ всѣ его переговоры съ Россіей о Константинополѣ и проливахъ. Уже въ Тильзитѣ (1807 г.) въ договоръ была вставлена секретная статья, согласно которой, въ случаѣ если Россія не сговорится съ Портой объ уступкахъ, Франція соглашалась съ Россіей объ отнятіи всѣхъ европейскихъ провинцій Турціи, за исключеніемъ Константинополя и Румеліи.

Переговоры о возможномъ раздѣлѣ Турціи тянутся въ теченіе всего 1807 года. Наполеонъ даетъ инструкціи своимъ дипломатамъ тянуть это дѣло, пока Англія не будетъ обезсилена на Средиземномъ морѣ; иначе ей достанется самая выгодная часть турецкаго наслѣдства. Исходя ихъ этой же точки зрѣнія, 2 февраля 1808 г. Наполеонъ предложилъ Александру I одновременно и раздѣлить Турцію и сокрушить англійское могущество въ Индіи. „Стоитъ пятидесятитысячной арміи, русской, французской, быть можетъ, немножко австрійской, направившись черезъ Константинополь въ Азію, появиться на Евфратѣ, какъ онъ заставитъ Англію содрогнуться и поставить ее на колѣни передъ континентомъ... Я не отказываюсь отъ предварительныхъ соглашеній, необходимыхъ для достиженія этой великой цѣли. Но необходимо уравновѣсить взаимный интересъ нашихъ обоихъ государствъ... До 1-го марта все можно подписать. 1-го мая наши войска могутъ быть въ Азіи“.

Этотъ планъ объясняетъ ту настойчивость, съ которой велись переговоры первой половины 1808 г. Наполеонъ соглашался одно время отдать даже Босфоръ, сохранивъ за Франціей „другой ключъ“— Дарданеллы (по линіи Родосто-Адріанополь-Приштина). „Такимъ образомъ Черное море будетъ московскимъ, только бы Средиземное стало французскимъ“: такъ формулируетъ А. Вандаль мысль Наполеона. Русскія предложенія были слѣдующія:

Въ случаѣ простого союза:

Россіи: Молдавію, Валахію, Бессарабію, Болгарію.
Франціи: Албанію, часть Босніи, Морею, Критъ.
Австріи: Хорватію и другую часть Босніи.
Сербіи — независимость съ австрійскимъ принцемъ, женатымъ на русской великой княжнѣ.

Въ случаѣ раздѣла Оттоманской имперіи:

Россіи: Молдавію, Валахію, Бессарабію, Болгарію и часть Румеліи до р. Марицы.
Франціи: Албанію, Боснію, Морею, Критъ, Кипръ, Родосъ, всѣ острова архипелага, Смирну и восточныя гавани, Сирію и Египетъ.
Австріи: Сербію, Македонію до моря, за исключеніемъ Салоникъ, которыя перейдутъ къ Франціи; австрійская граница пройдетъ отъ Ускюба къ заливу Орфано, Хорватія отойдетъ къ Австріи или къ Франціи.

Точка зрѣнія Александра I была высказана имъ въ замѣчательныхъ словахъ, которыя цитировались впослѣдствіи. Въ разговорѣ съ Коленкуромъ 24 іюня 1808 г. онъ сказалъ: „Константи-

нополь, послѣ удаленія турокъ, сдѣлается просто провинціальнымъ городомъ на окраинѣ государства. Географія требуетъ, чтобы я его получилъ, потому что, если тамъ будетъ кто-нибудь другой, я не буду хозяиномъ у себя дома, а другимъ не доставитъ никакихъ неудобствъ, если у меня будетъ ключъ отъ дверей моего дома". На замѣчаніе Коленкура, что „это, однакоже, есть ключъ и для Тулона, для Корфу, для міровой торговли", Александръ I возразилъ: „можно сговориться, чтобъ этотъ путь никогда не былъ закрытъ для торговли". Послѣ дальнѣйшихъ настояній Коленкура Александръ замѣтилъ: „Я не могу поставить мою страну въ положеніе болѣе трудное, чѣмъ то, въ которомъ она теперь находится. Отъ появленія Франціи въ Дарданеллахъ мы больше проиграемъ, чѣмъ выиграемъ".

Это была та позиція, на которой императоръ стоялъ до соблазновъ 1807 года и на которую онъ возвращался теперь, когда международная конъюнктура измѣнилась и когда Наполеонъ охладѣлъ къ своей мысли открыть себѣ дорогу въ Индію черезъ Турцію. Въ концѣ концовъ, какъ правильно замѣчаетъ Вандаль, идея раздѣла Турціи въ 1808 году была больше французская и специфически Наполеоновская, чѣмъ русская. Отказываясь отъ своего плана, Наполеонъ отвлекъ вниманіе Россіи на сѣверъ, какъ Фридрихъ II отвлекъ его на западъ. Второй жертвой нежеланія Европы изгнать турокъ изъ Европы явилась, послѣ Польши, Финляндія. Вмѣсто Константинополя и проливовъ Россія получила границу по р. Торнео, а на свиданіи въ Эрфуртѣ (сентябрь—октябрь 1808 г.), обѣ стороны соглашались „сохранить неприкосновенность всѣхъ остальныхъ владѣній Оттоманской имперіи", кромѣ Молдавіи и Валахіи, на уступку которыхъ Россіи Наполеонъ соглашался.

Я уже указалъ, что переговоры Наполеоновской эпохи о раздѣлѣ Турціи сохраняютъ то общее съ прежнимъ періодомъ, что совершенно безразлично относится къ вопросу о національностяхъ Балканскаго полуострова. Идеологія освобожденія этихъ національностей отъ турецкаго ига была готова съ отрицательной стороны. Наполеонъ говоритъ въ Тильзитѣ о томъ, что существованіе Турціи есть „темное пятно на просвѣщенномъ континентѣ", которое „безобразитъ возрожденную Европу" и что завоеваніе Турціи будетъ „дѣломъ гуманности и цивилизаціи". И Александръ, незадолго передъ Эрфуртомъ (31 іюля 1808 г.) отвѣчалъ въ тѣхъ же тонахъ: „Эти турки-варвары, безъ организаціи, безъ правительства... Пора дать освобожденію этой страны либеральную окраску, какая свойственна этому великому событію. Духъ вѣка, еще больше, чѣмъ политика, требуетъ удаленія этихъ варваровъ въ Азію. Освобожденіе этихъ

странъ не есть дѣло честолюбія, а благородная и похвальная задача. Человѣчность требуетъ, чтобы этихъ варваровъ больше не было въ Европѣ въ вѣкъ просвѣщенія и цивилизаціи".

Но „либеральной окраски" освобожденіе Балканъ не могло имѣть, пока освободители не обращали никакого вниманія на освобождаемыхъ. Только послѣ паденія Наполеона въ этомъ отношеніи происходитъ перемѣна. Національное начало начинаетъ встрѣчать признаніе и становится мало-по-малу истинной движущей пружиной, дѣйствительнымъ факторомъ разложенія Турціи. Только тогда идеи раздѣла и захвата начинаютъ уступать мѣсто идеѣ дѣйствительнаго освобожденія.

Указанная перемѣна произведена была, прежде всего, національнымъ движеніемъ въ Греціи, столь неожиданнымъ и непредусмотрѣннымъ прежней идеологіей, что понадобилось много усилій, чтобы выдѣлить этого рода движенія изъ общей категоріи народныхъ „революцій", противъ которыхъ боролся Священный Союзъ.

Первые реальные проекты раздѣла Турціи, основанные на дѣйствительномъ освобожденіи народностей, именно и носятъ сильную греческую окраску. Таковъ, напр. представленный ими Николаю I въ 1828 г. проектъ графа Каподистріи, уроженца г. Корфу, русскаго дипломата и участника борьбы за независимость Греціи, убитаго въ званіи президента греческой республики (1831 г.). Каподистрія дѣлитъ европейскія провинціи Турціи на пять королевствъ, съ Константинополемъ въ качествѣ вольнаго города и въ роли центра федераціи этихъ пяти государствъ. Королевства эти слѣдующія:

1. Дакія (старая идея Екатерины II).
2. Сербія (съ Босніей и Болгаріей).
3. Македонія (Ѳракія, Македонія, острова Пропонтиды).
4. Эпиръ (Албанія).
5. Королевство Эллинское (теперешняя Греція, нѣсколько сокращенная со стороны Ѳессаліи).

Три послѣднія королевства, греческія по духу, давали грекамъ большинство голосовъ въ федераціи. Проектъ соотвѣтствовалъ тому времени, когда христіанскія народности Турціи уже обратили на себя вниманіе, но продолжали еще смѣшиваться подъ тѣмъ общимъ именемъ „румъ-милетъ", которымъ турки называли всѣхъ послѣдователей греческой религіи. Константинопольскіе греки, обитатели квартала Фанаръ, привычные сотрудники турокъ по управленію, продолжали пользоваться ихъ полнымъ довѣріемъ.

Но уже началось движеніе среди балканскаго славянства. Сербы, далекіе отъ сферы греческаго вліянія, обитавшіе въ старой

исторической сферѣ латинства, менѣе безпокоили грековъ. Но начали отбиваться отъ фанаріотовъ румыны; начались и признаки національнаго движенія у болгаръ, глубоко враждебныхъ грекамъ. Императоръ Николай I уже учитываетъ все это въ своихъ знаменитыхъ разговорахъ съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ, въ которыхъ снова былъ широко поднятъ вопросъ о раздѣлѣ Турціи. Онъ поднятъ на этотъ разъ уже спеціально Россіей, въ завершеніе царствованія, въ теченіе котораго русскія попытки водвориться въ проливахъ (1833, 1839) успѣли обезпокоить Европу и создать „восточный вопросъ“ въ его теперешней формѣ.

„Я не хочу, — говорилъ Николай I Сеймуру, — чтобы Константинополь былъ занятъ ни англичанами, ни французами. Я также не допущу попытокъ возстановить Византійскую имперію или расширить территорію Греціи, что сдѣлало бы ее могущественнымъ государствомъ. Не могу я потерпѣть и раздѣленія Турціи на маленькія республики... Я готовъ воевать изъ-за этого до послѣдняго солдата и до послѣдняго ружья“.

Что касается желательнаго для Россіи плана раздѣла Турціи, Николай I набрасывалъ слѣдующій проектъ:

„Княжества (Молдавія и Валахія) фактически составляютъ независимое государство подъ моимъ протекторатомъ.

„Болгарія — также: ничто не препятствуетъ сдѣлать изъ этой страны независимое государство.

„Египетъ — я понимаю его важность для Англіи: въ случаѣ раздѣла, послѣ паденія Оттоманской имперіи, я не буду возражать противъ занятія его вами (англичанами).

„Критъ — точно также вамъ пригодится и можетъ составить часть британскихъ владѣній“.

Наконецъ, что касается Константинополя,

„Я готовъ обязаться не устраиваться въ немъ, — разумѣется въ качествѣ собственника (en propriètaire), потому что въ качествѣ хранителя (en dèpositaire) — я не говорю, что нѣтъ“.

„Я желаю, какъ вы, чтобы Турція продолжала жить. Но она можетъ внезапно умереть и остаться у насъ на рукахъ... Не лучше ли принять заранѣе мѣры противъ такой случайности... по-дружески и по-джентльменски..., чѣмъ рисковать хаосомъ и несомнѣнной европейской войной?“

Во всемъ этомъ было очень мало идеологіи, но много здраваго смысла. Однакоже Николай I плохо выбралъ моментъ и собесѣдника. Его предложенія вызвали въ Англіи не только подозрѣнія, но самый рѣзкій и категорическій отпоръ. Напрасно Нессельроде пытался объяснить заявленія царя, какъ „простой обмѣнъ мнѣній“.

Лордъ Кларендонъ формально отвергъ предложенія Россіи въ нотѣ 25 марта и добился формальнаго же заявленія Нессельроде (15 апрѣля), что Россія „готова въ согласіи съ Англіей трудиться надъ продолженіемъ существованія Турецкой имперіи, оставляя въ сторонѣ всякое безпокойство по поводу ея распада". Въ слѣдующемъ году, воспользовавшись неловкимъ намекомъ „Journal de St.-Petersbourg", британское правительство напечатало всѣ эти секретные переговоры. Впечатлѣніе было громадное. По свидѣтельству герцога Аргайльскаго, „возбужденіе англичанъ доведено было до крайнихъ предѣловъ. Болѣе молодое поколѣніе даже не можетъ представить себѣ, какой ураганъ страстности пронесся надъ страной. Общественное мнѣніе указывало пальцемъ на каждаго члена правительства, котораго оно подозрѣвало въ малѣйшемъ намѣреніи предотвратить переговорами европейскую войну". Оно подозрѣвало напрасно. „Я одинъ изъ двухъ членовъ кабинета 1853 года, доживших до сего дня, — говорилъ тотъ же герцогъ Аргайльскій позднѣе, въ 1896 году, — и я и теперь нисколько не раскаиваюсь. Поддерживаемые сочувствіемъ всего народа, мы готовы были даже принять бой за тотъ принципъ, что вопросъ о судьбѣ Турціи долженъ окончательно быть признанъ за общеевропейскій вопросъ, если нельзя было иначе добиться его признанія". „Бой" и произошелъ: составилась европейская коалиція противъ Россіи, и послѣдовала крымская война, закончившаяся парижскимъ трактатомъ, въ которомъ „принципъ" былъ проведенъ и сама Турція возведена въ рангъ европейской державы. „Мы — англійское правительство и англійскій народъ, — напоминаетъ герцогъ Аргайльскій, — спасли Турцію отъ неминуемой опасности и отъ грозившей ей участи. Мы старались объединить остальныя державы въ нашу пользу" Мы стали „на первое мѣсто среди всѣхъ державъ, отвѣтственныхъ за существованіе Турціи, какъ самостоятельнаго государства". „Взамѣнъ этихъ крупныхъ услугъ мы испросили у Турціи даровать своимъ подданнымъ сносный образъ правленія". „Мы придали этимъ требованіямъ характеръ наименѣе обидный для гордости и достоинства Порты". Мы сдѣлали такъ, что „европейскія державы ни коллективно, ни отдѣльно не имѣли права вмѣшиваться во внутреннія дѣла" Турціи. Мы, пріобщивъ Турцію къ европейскимъ державамъ, „показали этимъ, что отъ нея ждемъ соотвѣтствующаго направленія въ дѣлахъ внутренней администраціи".

Въ чемъ же дѣло? Заблуждалась ли Англія относительно истиннаго характера турецкаго правительства и истиннаго значенія оттоманскаго гнета? Отнюдь нѣтъ. „Что касается лично меня, — отвѣчаетъ на этотъ вопросъ герцогъ Аргайльскій, — признаюсь,

я никогда не вѣрилъ въ обновленіе Турціи. Я даже сомнѣваюсь, вѣрилъ ли въ него кто-нибудь изъ моихъ коллегъ и даже самъ лордъ Пальмерстонъ". А генералъ Вилліамсъ, лично побывавшій въ азіатскихъ провинціяхъ Турціи, уже въ 1855 году съ отвращеніемъ и ужасомъ писалъ о турецкомъ правительственномъ механизмѣ, какъ объ „орудіи тираніи, не имѣющемъ себѣ равнаго въ мірѣ", и говорилъ о турецкой полиціи: „Никакими словами нельзя изобразить всю гнусность, характеризующую эту компанію людей". Въ 1857 году уже самъ лордъ Кларендонъ писалъ британскому послу при Портѣ: „Слѣдуетъ предупредить турецкое правительство, что если систематическій произволъ, притѣсненіе христіанъ и отступленіе отъ обязательствъ будетъ продолжаться, то сдѣлается невозможнымъ остановить дальнѣйшій ростъ убѣжденія, что магометанское управленіе несовмѣстимо съ культурностью и гуманностью, а потому не можетъ быть болѣе терпимо".

Итакъ, уже въ то время, когда Англія приняла на себя защиту Турціи, она нисколько не заблуждалась относительно характера турецкаго управленія. Если, тѣмъ не менѣе, она считала нужнымъ охранять существованіе Турціи и упорно не желала дать императору Николаю I убѣдить себя офиціально, что Оттоманская имперія есть „больной человѣкъ", то причину этого весьма откровенно объяснилъ въ томъ же 1853 г. лордъ Пальмерстонъ. „Мы поддерживаемъ Турцію для себя и для нашихъ собственныхъ интересовъ". Такова была доктрина англійскаго консерватизма въ теченіе всего слѣдующаго полувѣка. И оправдывая ее, герцогъ Аргайльскій находитъ лишь одинъ аргументъ по существу. „Мы надѣялись сдѣлать турецкое правительство сноснымъ, заставивъ его почувствовать зависимость отъ соединенной Европы, а не только отъ одной Россіи, и давъ ему нѣкоторое время на введеніе извѣстныхъ реформъ". „Я вижу теперь, — прибавляетъ герцогъ Аргайльскій въ 1895 г., — что и въ это вѣрить было крупной ошибкой".

Замѣна русской опеки надъ Турціей общеевропейской имѣла, во всякомъ случаѣ, ту пользу, что мало-по-малу привела всю Европу, вслѣдъ за Россіей, къ отказу отъ идеализаціи турокъ. Конечно, такая перемѣна потребовала не мало времени. Герцогъ Аргайльскій отмѣчаетъ, что въ 1867 году, когда жестокое подавленіе критскаго возстанія открыло ему впервые глаза на его „ошибку" 1853 года, онъ былъ почти одинъ. Его выступленіе въ парламентѣ въ мартѣ 1867 года „встрѣтило молчаніе, а въ прессѣ весьма слабый откликъ". Въ это время даже и „партійный либерализмъ обладалъ такой же мертвой совѣстью, какъ самый закоренѣлый консерватизмъ".

Совершенно иначе реагировала общественная совѣсть Англіи на событія 1875 и слѣдующихъ годовъ. „Новый натискъ турецкихъ безобразій въ Болгаріи поднялъ впервые сильную волну народнаго чувства“, замѣчаетъ тотъ же герцогъ Аргайльскій. Вышедшая въ сентябрѣ 1875 г. брошюра Гладстона о „болгарскихъ ужасахъ“ проломила ледъ общественнаго равнодушія. Можно считать историческимъ событіемъ впечатлѣніе, произведенное на общественное мнѣніе этими избіеніями. „Мы всѣ ужаснулись, вмѣстѣ съ остальной Европой“, вспоминаетъ герцогъ Аргайльскій. И онъ уже съ негодованіемъ отрицаетъ ту самую политику Англіи, которую одобрялъ въ 1853 году. Теперь политика Россіи на ближнемъ Востокѣ впервые начала встрѣчать гласное одобреніе англійскихъ либераловъ. „Санъ-Стефанскимъ договоромъ Россія разсѣяла всѣ наши давнія подозрѣнія“. „Всякій, интересующійся благополучіемъ человѣчества, не можетъ читать безъ восхищенія списка мѣръ, принятыхъ въ этомъ договорѣ для избавленія значительной части христіанской Европы отъ разорительнаго владычества турецкаго правительства“. Самостоятельная политика освобожденной Болгаріи окончательно убѣдила британскихъ политиковъ въ полной ошибочности ихъ страховъ передъ эмансипаціей Балканскаго полуострова. Тѣ, кто еще боялся Россіи, вспоминали теперь фразу Гладстона: „Если вамъ нуженъ оплотъ противъ Россіи, то вы найдете его не въ умирающемъ деспотизмѣ, а въ груди свободныхъ людей“. И въ Европейской Турціи Англія становится съ этихъ поръ горячей сторонницей широкихъ реформъ и строгаго контроля державъ надъ Турціей, все менѣе щадящаго суверенитетъ новоявленной европейской державы. Въ Азіатской Турціи, именно въ Арменіи, однако, Англія все еще боится сосѣдскаго вліянія Россіи. Тутъ также понадобились горькіе опыты, чтобы убѣдить Англію, что русское вліяніе въ азіатскихъ провинціяхъ Турціи, которое по винѣ Англіи же было замѣнено въ Берлинскомъ договорѣ 1878 г. общеевропейскимъ наблюденіемъ, есть единственно возможное и единственно дѣйствительное. Надо прочесть въ покаянной книгѣ герцога Аргайльскаго (Our responsibilities for Turkey) полный горести разсказъ о томъ, какъ въ годъ армянскихъ погромовъ (1895 подозрительность Англіи парализовала помощь Россіи тамъ, куда не могли придти британскіе броненосцы, и какъ, въ результатѣ, Россія сама отказалась отъ вмѣшательства въ пользу армянъ, когда Англія начала настойчиво призывать ее къ этому вмѣшательству. „Ни одна другая держава въ Европѣ не была въ состояніи исполнить то, что Россія могла сдѣлать сравнительно легко. Но нашей кипрской конвенціей мы поставили Россію подъ опасеніе, что

всякое вторженіе ея въ турецкую Арменію можетъ быть истолковано, какъ дѣйствіе вызывающее военное вмѣшательство Англіи для поддержки Оттоманской имперіи". „До конца іюня 1895 г. ни одного усилія не было сдѣлано, чтобы поставить насъ на дружескую ногу съ Россіей ...; ни одного шага мы не сдѣлали, чтобы остановить непрерывающіеся ужасы привлеченіемъ Россіи гарантіями и обѣщаніями, которыя побудили бы ее безотлагательно и рѣшительно проявить свою мощь". А когда, наконецъ, всѣ необходимыя уступки Россіи были сдѣланы, то Россія сама отказалась отъ вмѣшательства и предоставила армянъ ихъ собственной судьбѣ.

Подъ впечатлѣніемъ подобныхъ опытовъ старый товарищъ Пальмерстона, герцогъ Аргайльскій кончаетъ свою замѣчательную книгу торжественнымъ отреченіемъ отъ „отвратительной доктрины о связи, якобы существующей между интересами англійскаго народа и поддержкой турецкаго владычества, какъ бы дорого это владычество ни обходилось порабощенному населенію". Онъ обращается къ своимъ согражданамъ съ убѣжденіемъ, „приложить всѣ усилія, чтобы стать въ хорошія отношенія съ Россіей". „Я не хочу отрицать, вмѣстѣ съ Фоксомъ, что союзъ съ Россіей есть самый естественный и выгодный для насъ союзъ. Но нельзя отрицать, что послѣднія событія внесли измѣненія въ Европѣ и въ настроеніи ея кабинетовъ, и теперь становится яснымъ, что другія державы могутъ сдѣлаться худшими для насъ соперниками, чѣмъ была до сихъ поръ Россія. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ ни причинъ, ни смысла обходиться съ нею, какъ съ незначительной величиной на востокѣ Европы и на западѣ Азіи. Она туда вступила и будетъ стоять твердо... Мы должны найти благоразумный способъ соглашенія съ Россіей"[1]).

Въ томъ же 1896 году издалъ свою книгу „Султанъ и державы" Малькольмъ Макколль[2]). Одна изъ руководящихъ идей этой книги есть необходимость и польза сближенія Англіи съ Россіей. Авторъ доказываетъ нелѣпость англійскихъ страховъ передъ фантастической идеей русскаго вторженія въ Индію. Это просто, употребляя выраженіе лорда Солсбери, „суевѣріе устарѣлой дипломатіи". „Оставляя въ сторонѣ это суевѣріе, Макколль признаетъ, что „у Англіи нѣтъ никакихъ основаній ссориться съ Россіей, также какъ и у Россіи съ Англіей. Константинополь можетъ

[1]) Интересная книга герцога Аргайльскаго имѣется въ русскомъ переводѣ М. К. Брянчаниновой подъ заглавіемъ: „Отвѣтственность Англіи въ восточномъ вопросѣ". Спб., 1908.

[2]) The Sultan and the Powers. By the rev. Malkolm Maccoll. Longmans' London, 1896.

интересовать Германію и Австрію, — и пусть отнынѣ онѣ сами заботятся о своихъ интересахъ. Мы слишкомъ долго играли для нихъ роль сторожевой собаки. Константинополь насъ не касается за исключеніемъ вопроса о свободномъ выходѣ для нашей торговли: а въ этомъ отношеніи любой обладатель Константинополя для насъ выгоднѣе турка. При томъ же, въ торговлѣ Германія для насъ болѣе опасный соперникъ, чѣмъ Россія".

Еще опредѣленнѣе высказывался теперь самъ лордъ Солсбери, причинившій раньше такъ много непріятностей Россіи. „Константинополь теперь представляетъ для насъ меньше интереса, чѣмъ прежде, — говоритъ онъ. — Для насъ дверьми востока является Египетъ и Суэцъ. Если Россія захочетъ признать нашу оккупацію Египта, мы не видимъ препятствій къ ея водворенію въ близкомъ будущемъ въ Константинополѣ".

Чтобы понять, о какой большой перемѣнѣ въ настроеніи Англіи свидѣтельствуетъ это заявленіе консервативнаго государственнаго дѣятеля, достаточно вспомнить о роли того же Солсбери на Берлинскомъ конгрессѣ и о той рѣзкой выходкѣ его коллеги Биконсфильда, которою закончилось первое засѣданіе конгресса, 1 (13) іюня 1878 г. Биконсфильдъ потребовалъ тогда, чтобы русскія войска были немедленно удалены отъ Босфора, для избѣжанія грозныхъ конфликтовъ и „взятія врасплохъ Константинополя". Эта грубая выходка была завершеніемъ цѣлаго ряда предостереженій, сдѣланныхъ намъ англичанами, когда успѣхъ военныхъ операцій приблизилъ наши войска къ турецкой столицѣ.

Съ перемѣной взглядовъ традиціоннаго противника Россіи на Ближнемъ Востокѣ подготовлялась та благопріятная для насъ международная обстановка, которую охарактеризовалъ я въ первой статьѣ. Въ теченіе послѣдней четверти XIX вѣка постепенно устранялось препятствіе для изгнанія турокъ изъ Европы, которое герцогъ Аргайльскій охарактеризовалъ короткой и ясной фразой: „Турокъ въ теченіе многихъ лѣтъ жилъ за счетъ зависти между христіанскими державами".

„Зависть" эта, въ ея старомъ видѣ, къ началу XX столѣтія исчезла. Старыя противницы Россіи, Англія и Франція, ослабившія Россію въ крымской войнѣ, чтобы не пустить ее въ Константинополь и въ проливы, стали ея друзьями и союзниками. Освобожденіе христіанскихъ народностей въ Европейской Турціи почти закончилось, и вопросъ о дальнѣйшемъ пребываніи турокъ въ Европѣ предсталъ въ своемъ чистомъ видѣ. Въ этомъ видѣ это былъ теперь только вопросъ времени. Такимъ онъ представляется знатокамъ балканскаго вопроса уже на рубежѣ новаго столѣтія. Фран-

цузскій изслѣдователь Max Choublier разсматриваетъ въ двухъ послѣднихъ главахъ своей книги, вышедшей вторымъ изданіемъ въ 1899 г., вопросы: „Можетъ ли Турція разсчитывать на Европу?“ и „можетъ ли Турція обезпечить сама свое существованіе[1]?“). На оба вопроса онъ отвѣчаетъ отрицательно. „Мало вѣроятія, чтобы отношенія державъ могли замѣтно измѣниться въ пользу Турціи. Напротивъ, дружба нѣкоторыхъ теперешнихъ покровительницъ Оттоманской имперіи колеблется. Всѣмъ державамъ, повидимому, надоѣли ея преступленія, многія желаютъ, чтобы она или возродилась или умерла“. Но Турція не способна возродиться — и, слѣдовательно, не способна помочь самой себѣ. Возродиться она не можетъ, потому что обѣ возможныя системы возрожденія не выдерживаютъ критики. Возродиться путемъ возвращенія къ старинѣ — значитъ вернуться отъ либеральныхъ эдиктовъ Гюльхане и Хатти-Хумаюна къ старому варварству. Этого не позволитъ Европа. А возродиться путемъ окончательнаго перехода къ цивилизаціи — этого не позволитъ старая Турція, не позволитъ исламъ. Въ полномъ согласіи съ Фриманомъ и Шубліе утверждаетъ: Мусульманская религія, строй мусульманскаго государства суть непреодолимыя препятствія для всякой реформы“.

Шубліе предлагаетъ, въ ожиданіи смерти Турціи, ту самую систему, на которой остановился впослѣдствіи Сабахъ-Эддинъ: систему децентрализаціи, осуществленную путемъ введенія полуавтономіи во всѣхъ провинціяхъ Турціи.

Нѣсколько позднѣе, въ 1907 году, предсѣдатель исполнительной комиссіи балканскаго комитета, много поработавшаго для освобожденія Македоніи, Ноэль Бакстонъ, вполнѣ убѣжденный въ невозможности дальнѣйшаго существованія Турціи, предлагаетъ смѣшанную систему оккупаціи, контроля державъ, автономіи и аннексіи. Оккупація великими державами, оказавшаяся пригодной для Босніи и Египта, годится для Месопотаміи, Триполи, Курдистана и, быть можетъ, Палестины. Европейскій контроль есть „идеальное рѣшеніе для такихъ интернаціональныхъ городовъ, какъ Константинополь и, быть можетъ, Салоники, мыслимое также и для Арменіи“. Самоуправленіе вполнѣ пригодно для Албаніи и Македоніи. Наконецъ, аннексія сосѣдними маленькими государствами есть, вслѣдъ за Ѳессаліей, „очевидная участь Старой Сербіи и Эпира“. И Бакстонъ надѣется форсировать согласіе державъ на свой планъ внезапнымъ выступленіемъ Болгаріи противъ Турціи[2]). Эти планы

---

[1]) La Question d'Orient depuis le traité de Berlin, Paris, 1899, Rousseau.

[2]) „Europe and Turks“, by Noel Buxton. London, John Murray, 1907.

стоятъ въ несомнѣнной связи съ програмой ревельскаго свиданія 1908 года.

Освобожденныя народности Балканскаго полуострова вообще явились новымъ факторомъ въ процессѣ ликвидаціи Европейской Турціи. Шубліе въ 1899 г. уже предвидѣлъ то, что случилось въ 1912 г. „Только разъединеніе балканскихъ государствъ составляетъ ихъ слабость. Они это понимаютъ, и уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они нащупываютъ почву для взаимнаго соглашенія. Если имъ удастся соединиться, если, напр., они примутъ покровительство Россіи и царь дастъ имъ свою поддержку, то при первомъ благопріятномъ случаѣ они раздавятъ Турцію своими соединенными силами". Это то — или почти то, что случилось въ октябрѣ 1912 года.

Логическое развитіе неизбѣжнаго и неотвратимаго процесса разложенія турецкаго завоеванія XV—XVI вѣка, здѣсь изображенное, бросаетъ дополнительный свѣтъ на то, почему султанъ Абдулъ-Гамидъ такъ дорожилъ своимъ новымъ союзникомъ и другомъ, Вильгельмомъ II, поставившимъ себя въ сторонѣ отъ всѣхъ другихъ претендентовъ на осуществленіе международнаго контроля надъ Турціей. Традиціонная политика султана состояла въ умѣньѣ противополагать одну державу другой, сталкивая ихъ интересы въ Турціи. Съ тѣхъ поръ, какъ старыя державы, соперничавшія другъ съ другомъ въ Константинополѣ, помирились, исчезла самая основа для подобной политики. И ликвидація Турціи, вѣроятно, сдѣлалась бы совершившимся фактомъ десятокъ лѣтъ тому назадъ, если бы не выступилъ этотъ новый конкурентъ и покровитель. Вильгельмъ II своимъ вмѣшательствомъ продлилъ существованіе Турціи. Но онъ же, втянувъ Турцію въ войну, сдѣлалъ ее одновременно и участницей, и жертвой своей міровой политики, опредѣлилъ послѣдній срокъ ликвидаціи и далъ для этой ликвидаціи самыя вѣскія причины, уже разобранныя мною въ предыдущей статьѣ.

Въ теченіе послѣдняго десятка лѣтъ со времени ревельскаго свиданія государя съ королемъ Эдуардомъ VII вопросъ о проливахъ почти не сходилъ съ очереди. Онъ былъ поставленъ, правда, еще въ той формѣ, въ какой единственно можно было совмѣстить его съ существованіемъ Европейской Турціи: въ формѣ вопроса о свободномъ проходѣ русскихъ военныхъ судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы. Такъ какъ согласіе Англіи, видимо, считалось обезпеченнымъ, то А. П. Извольскій завелъ переговоры о свободѣ проливовъ съ главнымъ конкурентомъ на Балканахъ, съ Австро-Венгріей. Въ лѣт-

нихъ переговорахъ 1908 г. съ барономъ Эренталемъ обсуждались, какъ видно изъ напечатанныхъ обрывковъ, различныя возможности на случай переворота въ Турціи и насильственной смерти Абдула-Гамида. На заявленіе Эренталя, что Австрія въ такомъ случаѣ сохраняетъ за собой право занять Салоники и послать суда въ Босфоръ, нашъ посолъ отвѣтилъ, что тогда командиръ черноморской эскадры немедленно займетъ позиціи на обоихъ берегахъ верхняго Босфора, а въ случаѣ надобности и въ Стамбулѣ и въ Перѣ [1]). Переговоры закончились знаменитой „памятной запиской" Извольскаго Эренталю 6 (19) іюня, въ которой нашъ министръ предлагалъ австрійскому „дальнѣйшее сотрудничество двухъ державъ на базисѣ свободнаго прохода русскихъ военныхъ судовъ въ Средиземное море и верховенства Австріи надъ Босніей и Герцеговиной". Повидимому, имѣлось въ виду нѣчто въ родѣ развитія договора 1881—87 гг. При этомъ признавался европейскій характеръ обсуждавшихся вопросовъ, и соглашеніе должно было имѣть характеръ эвентуальный, на случай измѣненія status quo въ Турціи. Однакоже, бар. Эренталь распорядился по-своему. Онъ ухватился за „мизинецъ", протянутый ему Извольскимъ, устроилъ съ нимъ свиданіе 15 сентября 1908 г. въ Бухлау и вырвалъ у него условное согласіе на аннексію Босніи и Герцеговины, которую и осуществилъ неожиданно для Извольскаго три недѣли спустя, 4 октября. Тѣмъ временемъ Извольскій объѣзжалъ Италію, Францію и Англію, съ цѣлью сговориться съ этими державами о постановкѣ на предложенную европейскую конференцію вопроса объ открытіи проливовъ для Россіи. Но... моментъ возрожденія Турціи къ конституціонной жизни оказался неудачно выбраннымъ для рѣшенія вопроса о проливахъ. Англія, только что обсуждавшая на ревельскомъ свиданіи возможность ликвидаціи Турціи, теперь круто, хотя и ненадолго, повернула свой курсъ. Франція также не хотѣла обострять европейскихъ отношеній изъ-за проливовъ. И Извольскому пришлось, прежде чѣмъ онъ доѣхалъ до Лондона, снять вопросъ о проливахъ съ программы европейской конференціи. Официальное сообщеніе британскаго министерства, опубликованное тотчасъ послѣ соглашенія съ Извольскимъ (2—15 октября 1908), гласило: „Необходимо позаботиться объ укрѣпленіи настоящаго режима въ Турціи, который является лучшей гарантіей для поддержанія мира". Разумныя желанія маленькихъ балканскихъ государствъ, можетъ быть, и удастся удовлетворить, но „не за счетъ Турціи". Что касается вопроса о проливахъ, — „это вопросъ, въ которомъ заинтересованы, глав-

[1]) См. П. Милюковъ, „Балканскій кризисъ", стр. 13, 157, 341—352.

нымъ образомъ, Россія и Турція, и первая не имѣетъ въ виду разрѣшать его въ смыслѣ враждебномъ Турціи или смотрѣть на него, какъ на компенсацію, такъ какъ Россія участвуетъ въ конференціи не въ качествѣ заинтересованной державы". Это было подтвержденіе старой точки зрѣнія Англіи, заявившей еще на Берлинскомъ конгрессѣ, что обязательство Англіи по предмету закрытія проливовъ „сводится исключительно къ обязательству относительно султана", тогда какъ Россія тогда же заявила, что „начало закрытія проливовъ есть начало европейское".

Переговоры 1908 г. на обѣ стороны, съ Австріей и съ Англіей, носятъ на себѣ черты переходнаго періода, который скоро долженъ былъ закончиться окончательной перемѣной системы европейскихъ союзовъ. Въ ожиданіи этой перемѣны Россія послѣдовала совѣту Англіи и перенесла свои переговоры о проливахъ въ Константинополь. Осенью 1909 г., послѣ свиданія государя съ англійскимъ королемъ въ Каусѣ, эти переговоры привели къ скудной частичной уступкѣ, не имѣвшей даже характера прецедента. Двумъ русскимъ военнымъ судамъ было разрѣшено сопровождать государя въ Средиземное море.

Еще одна попытка покончить дѣло одинъ на одинъ, прямыми переговорами съ Турціей, была сдѣлана русскимъ посломъ Чарыковымъ въ декабрѣ 1911 года. Въ это время въ Петербургѣ думали создать балканскій союзъ съ участіемъ Турціи, и турецкая миссія посѣтила Ливадію. 4 декабря 1911 г. Чарыковъ представилъ Портѣ ноту, въ которой Россія формально требовала свободнаго прохода для своихъ военныхъ судовъ черезъ проливы, съ сохраненіемъ закрытія проливовъ для другихъ державъ. Порта отвѣтила, что спроситъ державы-покровительницы, ибо столь важное измѣненіе Берлинскаго договора не можетъ совершиться безъ согласія всѣхъ державъ. Отвѣты Лондона и Парижа гласили, что если Турція согласится, то съ ихъ стороны возраженій не будетъ; въ противномъ случаѣ, онѣ не окажутъ на Турцію никакого давленія. Конечно, Берлинъ и Вѣна рѣшительно высказались за сохраненіе status quo. 8 декабря Порта отправила слѣдующій отвѣтъ Россіи. „Императорское правительство, сообразуясь съ существующими договорами до 1871 г., ратифицированными Берлинскимъ конгрессомъ, не можетъ разрѣшить исключительнаго прохода русскаго флота черезъ проливы во время войны и мира и объявляетъ, что всѣ права надъ проливами принадлежатъ исключительно оттоманской націи и ея государю для обезпеченія неприкосновенности территоріи" [1]).

---

[1]) См. Max Hoschiller, L'Europe devant Constantinople, Paris, 1916, Rivière.

Позиція Австріи и Германіи въ вопросѣ о проливахъ опредѣлилась, такимъ образомъ, окончательно. Собственно, традиціонная точка зрѣнія раздѣла вліянія на Балканахъ между Россіей и Австріей, точка зрѣнія, дожившая до русско-австрійскихъ соглашеній 1898—1907 гг., была отвергнута уже въ знаменитой рѣчи Эренталя (27 января 1907 г.) и офиціально замѣнена точкой зрѣнія германскаго проникновенія „черезъ Константинополь и проливы" въ Малую Азію и Месопотамію. Когда въ слѣдующемъ 1912 году балканская лига, созданная Россіей противъ Австріи, неожиданно для насъ бросилась на Турцію, австро-германцы уже намѣтили Болгарію, какъ своего посредника на Балканахъ для сохраненія связи „между Востокомъ и Западомъ". Австрійскій официозъ „Allgemeine Zeitung" говорила, что „общественное мнѣніе въ Австро-Венгріи желаетъ болгарамъ символа полной побѣды надъ Турціей: занятія Константинополя ихъ войсками. Австрійское мнѣніе не видитъ въ этомъ ничего несправедливаго: напротивъ, оно находитъ вполнѣ понятнымъ, чтобы Болгарія, въ награду за свою геройскую борьбу, получила это удовлетвореніе". Мнѣ лично извѣстно, что на ту же тему бесѣдовалъ Эренталь съ Даневымъ, находя, что болгары были бы очень хорошими „сторожами Дарданеллъ" (gute Hüter der Dardanellen). Настойчивое желаніе Фердинанда болгарскаго взять Константинополь и получить для этого разрѣшеніе Россіи, быть можетъ находится въ связи съ этими увѣщаніями. Правда, онъ предлагалъ взять Константинополь для Россіи, а себѣ просилъ уступки Родосто на Мраморномъ морѣ. Съ этой послѣдней цѣлью былъ посланъ въ Россію (1913) Радко Дмитріевъ, и лично черезъ меня Фердинандъ пробовалъ добиться той же цѣли.

Въ этой связи получаетъ особенный интересъ разоблаченіе анонимнаго писателя, выпустившаго свою книгу въ Лондонѣ въ 1915 г. подъ заглавіемъ „The Near East from within"[1]. Авторъ этой книги, среди многихъ другихъ пикантныхъ разоблаченій, свидѣтельствующихъ, во всякомъ случаѣ, о его близкомъ знакомствѣ съ закулисной дипломатіей Востока, приводитъ содержаніе письма императора Вильгельма отъ 1913 г., въ которомъ германскій императоръ предлагаетъ Россіи пріобрѣтеніе проливовъ взамѣнъ согласія на германо-турецкое нападеніе на Египетъ. Если

[1]) Я пользуюсь французскимъ переводомъ той же книги съ предисловіемъ Henry Bonnet: Les dessous de la politique en Orient, par un allemand. Paris, Plon, 1916. Предупрежденіе автора: „Авторъ этой книги до послѣдняго времени занималъ очень высокое дипломатическое положеніе, какъ показываетъ точность его сообщеній. По этой причинѣ онъ долженъ остаться анонимнымъ".

разоблаченіе это оправдается, то мы получимъ въ немъ новое доказательство того, что въ поискахъ повода для міровой борьбы, цѣлью которой ставился лозунгъ Берлинъ-Багдадъ, Германія не оставила неиспробованной ни одной комбинаціи. Конецъ письма приводится авторомъ цѣликомъ, и онъ такъ отвѣчаетъ общему характеру вѣроломной германской дипломатіи, что я позволю себѣ привести его здѣсь. Признаніе важности для Россіи вопроса о проливахъ, идущее отъ врага, явится естественнымъ завершеніемъ нашей исторической справки.

„Россія не исполнитъ миссіи, ввѣренной ей Провидѣніемъ, пока она не станетъ безусловнымъ хозяиномъ Чернаго моря. Пока Англія будетъ имѣть участіе въ рѣшеніи этого вопроса, она всѣми средствами будетъ противиться этому законному стремленію. ... Англія поддерживаетъ Фердинанда Болгарскаго и поощряетъ его мечту сдѣлаться когда-нибудь императоромъ Востока съ Византіей въ качествѣ столицы. Если это случится, часъ Россіи пройдетъ. Она будетъ только державой второго разряда, задыхающейся въ своей громадности и лишенной того, что составляетъ для нея вопросъ жизни и смерти, — морского доступа къ югу... Напротивъ, если Россія увидитъ свой истинный интересъ и согласится войти въ соглашеніе съ султаномъ и участвовать вмѣстѣ съ нимъ и съ Германіей въ операціи, направленной къ нейтрализаціи Суецкаго канала и къ передачѣ его въ руки европейской комиссіи обязанной воспрепятствовать обращенію его въ военную базу для какой-либо иной арміи, кромѣ турецкой, то она сможетъ получить нейтрализацію (?) проливовъ для всѣхъ державъ, кромѣ себя. Когда этотъ результатъ будетъ достигнутъ, Константинополь можетъ остаться резиденціей султана, но столица Турціи будетъ перенесена въ Бруссу. Такимъ образомъ, Россія станетъ исключительнымъ хозяиномъ Чернаго моря, ... можетъ аннексировать Болгарію и держать въ опекѣ Сербію".

Авторъ цитируемой книги утверждаетъ, что полученіе категорическаго отказа на германское предложеніе совершить предательство круто измѣнило оріентацію императора и что послѣ того, нѣсколькими мѣсяцами спустя, былъ посланъ Вильгельмомъ къ эрцгерцогу Францу-Фердинанду съ предложеніемъ устроить свиданіе, которое состоялось въ маѣ 1914 г. въ Конопиштахъ и которое рѣшило настоящую войну. Тотъ же авторъ утверждаетъ, что миссія Лимана-фонъ-Зандерса имѣла цѣлью подготовить именно это нападеніе на Египетъ, въ случаѣ удачи котораго Египетъ переходилъ въ управленіе Германіи, Карсъ, Алжиръ и нѣкоторыя англійскія провинціи Индіи переходятъ къ Турціи, а Константинополь становился

нейтральнымъ городомъ. Авторъ увѣряетъ, что очень скоро справедливость его разоблаченій будетъ доказана. Но, какъ бы то ни было, они вполнѣ совпадаютъ со всѣмъ тѣмъ, что я уже сообщилъ о политикѣ Германіи въ предыдущей статьѣ.

То, что понятно для врага, — громадное значеніе для Россіи обладанія проливами, — конечно, не менѣе понятно и для союзниковъ. И когда Германіи удалось увлечь своими обѣщаніями Турцію въ войну, то, вполнѣ естественно, вопросъ о свободѣ прохода военныхъ судовъ черезъ проливы смѣнился вопросомъ о пріобрѣтеніи суверенитета надъ проливами. Какъ извѣстно, весной 1915 г. между нами и Франціей и Англіей происходили переговоры, кончившіеся, при энергичномъ содѣйствіи Делькасье и Виконта Грея, соглашеніемъ, обезпечившимъ Россіи, при условіи сохраненія союза и въ будущемъ, обладаніе Константинополемъ обоими берегами проливовъ. Позднѣе къ этому соглашенію примкнула и Италія. Офиціальное сообщеніе объ этомъ соглашеніи сдѣлано было предсѣдателемъ совѣта министровъ А. Ф. Треповымъ въ засѣданіи Г. Думы 19 ноября 1916 г. Изъ этого сообщенія видно, что Румыніи, въ качествѣ прибрежнаго государства, будетъ предоставлена также свободы плаванія (рѣчь идетъ, очевидно, о военныхъ судахъ) черезъ проливы. Наконецъ, и Англія высказала свое опредѣленное отношеніе къ этому вопросу въ томъ объясненіи, которое британскій министръ иностранныхъ дѣлъ Бальфуръ послалъ 5 (18) января 1917 г. Вильсону въ дополненіе къ отвѣтной нотѣ союзниковъ. Объясненіе Бальфура является естественнымъ и логическимъ заключеніемъ настоящей статьи. Поэтому привожу его цѣликомъ. Указавъ на то, что главными препятствіями для установленія той прочной системы международныхъ отношеній, къ которой стремится Вильсонъ, были, во-первыхъ, наличность державы, стремящейся къ господству, и, во-вторыхъ, неудовлетворенность народностей существующими границами, Бальфуръ заявляетъ, что предложенныя союзниками измѣненія карты Европы значительно смягчатъ эти затрудненія и затѣмъ продолжаетъ:

„Правда, нѣкоторые утверждали, что изгнаніе турокъ изъ Европы не составляетъ неотъемлемой логической части этого общаго плана. Сохраненіе Оттоманской имперіи разсматривалось въ теченіе многихъ поколѣній государственными людьми съ всемірнымъ авторитетомъ, какъ существенное условіе поддержанія европейскаго мира. Почему же, спрашивали эти критики, теперь дѣло мира соединяется съ полнымъ ниспроверженіемъ традиціонной политики? Отвѣтъ заключается въ томъ, что обстоятельства совершенно измѣнились. Нѣтъ надобности разбирать, могло бы быть когда-либо осуществлено

при условіи единства державъ и искренности султана, созданіе реформированной Турціи, способной явиться посредницей между враждебными другъ другу расами Ближняго Востока. Во всякомъ случаѣ, этотъ планъ не можетъ быть осуществленъ теперь. Турція „единенія и прогресса“ по меньшей мѣрѣ такъ же не культурна и еще болѣе агрессивна, чѣмъ Турція султана Абдулъ-Гамида. Въ рукахъ Германіи она перестала даже по внѣшности быть защитой мира и совершенно открыто была использована, какъ орудіе завоеванія. Подъ командой германскихъ офицеровъ турецкіе солдаты сражаются теперь въ странахъ, изъ которыхъ они давно были изгнаны, и турецкое правительство, руководимое, поддерживаемое и оплачиваемое Германіей, взяло на себя вину за погромы въ Арменіи и въ Сиріи, болѣе ужасные, чѣмъ все, что помнитъ исторія даже въ этихъ несчастныхъ странахъ. Очевидно, интересы мира и стремленіе національностей одинаково требуютъ покончить съ турецкой властью надъ другими народностями. Мы можемъ надѣяться, что изгнаніе турокъ изъ Европы точно такъ же поможетъ дѣлу мира, какъ возвращеніе Эльзаса-Лотарингіи Франціи, итальянской ирреденты — Италіи и какъ всѣ другія территоріальныя измѣненія, указанныя въ нотѣ союзниковъ“.

Какъ видимъ, на этотъ разъ вопросъ поставленъ серьезно и окончательно. Желательно только, чтобы наше общественное мнѣніе отнеслось къ нему съ той же серьезностью, съ какой относятся союзныя правительства. Но для этого надо еще устранить нѣкоторыя недоразумѣнія.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

П. Милюковъ.

ПАРИЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ
И
БОРЬБА СЪ „БРОСОВЫМЪ ЭКСПОРТОМЪ[1]“.

I.

Одно изъ постановленій парижской торговой конференціи, относящихся къ періоду переходныхъ мѣропріятій, гласитъ: „съ цѣлью защиты своей торговли, промышленности, земледѣлія и мореплаванія отъ экономическаго засилья, вытекающаго изъ системы искусственнаго сбыта по пониженной цѣнѣ и всякихъ другихъ безчестныхъ пріемовъ конкурренціи, союзники постановили согласиться между собою для установленія періода времени, въ теченіе котораго торговля непріятельскихъ державъ будетъ подчинена особымъ правиламъ. Торговля продуктами производства этихъ державъ будетъ подлежать или запрещенію или спеціальному режиму въ достаточной мѣрѣ дѣйствительному“.

„Безчестный пріемъ конкурренціи“, который имѣетъ въ виду это постановленіе конференціи, состоитъ въ широко практикуемомъ германскими картелями и синдикатами сбытѣ за границу своихъ продуктовъ по искусственно пониженнымъ цѣнамъ. Такая экспортная политика составляетъ характерную черту и необходимый атрибутъ общей политики частно-капиталистическихъ монополій, извѣстныхъ подъ названіемъ картелей, синдикатовъ и трестовъ. Смыслъ этой политики заключается въ слѣдующемъ[2].

Монопольное положеніе синдикатовъ и трестовъ на внутреннемъ рынкѣ, защищенномъ пошлинами отъ иностранной конкурренціи, даетъ возможность этимъ объединеніямъ поддерживать цѣны на же-

[1] Настоящая статья представляетъ собой главу изъ подготовляемой къ печати книги: „Экономическая война“ по поводу парижской торговой конференціи союзниковъ.

[2] См. С. Загорскій. „Синдикаты и тресты“. Ученіе о капиталистическихъ монополіяхъ. Спб. 1914 г. стр. 53 и слѣд. и 135—140.

лательномъ имъ болѣе высокомъ уровнѣ. Сохраненіе этихъ цѣнъ составляетъ главную задачу синдикатовъ и трестовъ и содержаніе всей синдикатской, такъ наз., „политики цѣнъ“. Но высокія цѣны искусственно уменьшаютъ емкость внутренняго рынка, спросъ со стороны котораго не всегда покрываетъ производство. Для того, чтобы непокрываемое спросомъ предложеніе не давило на цѣны внутренняго рынка, синдикатамъ и трестамъ необходимо вывозить свои продукты за границу. Но вывозъ на внѣшній рынокъ часто затруднителенъ для картелей и трестовъ потому, что на этомъ рынкѣ, если онъ не защищенъ пошлинами, цѣны стоятъ ниже, а если и здѣсь существуютъ пошлины, а на ряду съ ними имѣются и картели или тресты въ той же отрасли промышленности, то сбытъ тѣхъ же продуктовъ оказывается монополизированнымъ. Въ обоихъ случаяхъ для картелированныхъ или трестированныхъ продуктовъ конкурренція оказывается невозможной. И такъ какъ сбытъ своихъ продуктовъ на внѣшній рынокъ составляетъ для картеля или треста необходимое условіе предохраненія цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ отъ паденія или предотвращенія серьезнаго промышленнаго кризиса, то картели и тресты сбываютъ свои продукты за границу, для побѣды надъ иностранной конкурренціей, по пониженнымъ цѣнамъ, т. е. по болѣе низкимъ, чѣмъ тѣ, которыя ими устанавливаются на собственномъ рынкѣ, и чѣмъ тѣ, которыя стоятъ на иностранныхъ рынкахъ.

Такая политика „бросоваго экспорта“ [Dumping underselling, Shleuderexport], возможная лишь благодаря существованію пошлинъ, особенно поддерживается вывозными преміями, которыя устанавливаютъ или государство, или сами картели и тресты. Съ цѣлью форсированія вывоза и сбыта по пониженнымъ цѣнамъ, картели или уплачиваютъ своимъ же членамъ за вывозимые ими за границу продукты непосредственныя преміи, расходы по которымъ раскладываются затѣмъ на всѣхъ членовъ, или устанавливаютъ для предпріятій перерабатывающей промышленности, потребляющихъ синдицированное сырье или полуфабрикаты, особыя вознагражденія въ томъ случаѣ, если эти предпріятія вывозятъ свои издѣлія за границу, или, наконецъ, просто заказы заграничныхъ фирмъ выполняются по цѣнамъ болѣе низкимъ, чѣмъ отечественные заказы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ синдикаты и тресты получаютъ возможность выбрасывать на внѣшній рынокъ свои продукты по пониженнымъ цѣнамъ. Такая политика „бросоваго экспорта“ синдикатовъ и трестовъ давно уже вызывала противъ себя неудовольствіе со стороны странъ, служащихъ рынками сбыта такихъ продуктовъ. Въ особенности въ Англіи, не ограждающей своей промышленности пошлинами, давно уже нача-

лось движеніе противъ этихъ пріемовъ „безчестной конкурренціи" со стороны, главнымъ образомъ, американской и германской промышленности. Борьба противъ „Dumping" является издавна у англійскихъ протекціонистовъ излюбленнымъ доводомъ въ защиту „тарифной реформы", и вполнѣ понятно поэтому, что направленная противъ политики „бросоваго экспорта" резолюція парижской конференціи, какъ указалъ Асквитъ въ своей рѣчи въ парламентѣ 2 августа (н. ст.) была предложена именно англійскими делегатами [1]).

Въ чемъ же состоитъ зло, причиняемое такой политикой синдикатовъ и трестовъ, насколько основательны жалобы на причиняемый ею вредъ и насколько цѣлесообразно то средство борьбы съ нею, которое предлагаетъ парижская конференція?

II.

Главное и единственное соображеніе противъ допущенія „искусственнаго сбыта по пониженнымъ цѣнамъ" состоитъ въ томъ, что отечественная промышленность испытываетъ недобросовѣстную конкурренцію со стороны иностранной промышленности. Внезапное и искусственное предложеніе на рынкѣ иностранныхъ товаровъ по болѣе низкимъ цѣнамъ, чѣмъ устанавливаемыя собственной промышленностью, нарушаетъ, говорятъ, всѣ расчеты, сдѣланные заранѣе предпріятіемъ, дѣлаетъ невозможнымъ для него сбытъ по разсчитаннымъ въ соотвѣтствіи съ издержками производства цѣнамъ, затрудняетъ, такимъ образомъ, дальнѣйшее нормальное существованіе, словомъ, разоряетъ и губитъ отечественную промышленность. Растетъ ввозъ иностранныхъ продуктовъ, и отечественная промышленность не имѣетъ возможности ни укрѣпиться, ни развиться дальше, если дѣло касается старыхъ отраслей. Высказываемое въ такой формѣ возраженіе противъ „бросоваго экспорта", какъ не трудно видѣть при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, оказывается далеко не всегда справедливымъ. Прежде всего очевидно, что „бросовый экспортъ" изъ-за границы можетъ имѣть отрицательное значеніе, главнымъ образомъ, для странъ со свободной торговлей, какъ Англія или Бельгія, гдѣ отечественная промышленность не ограждена пошлинами отъ конкурренціи со стороны иностранной промышленности. Въ странахъ же высокопротекціонистскихъ, какъ Россія, Франція и Италія, сбытъ иностранныхъ продуктовъ по пониженнымъ цѣнамъ имѣетъ ограниченные предѣлы. Иностранной картелированной про-

---

1) См. „Times" 3 August. 1916 г.

мышленности на рынкахъ, защищенныхъ пошлинами, не представляется возможнымъ сбывать свои продукты по чрезмѣрно пониженнымъ цѣнамъ, потому что въ данномъ случаѣ цѣны, хотя и пониженныя, увеличиваются не только на стоимость транспорта, но и на размѣръ пошлины. Кромѣ того, протекціонистскія страны сами примѣняютъ вывозныя преміи въ широкихъ размѣрахъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Но если и признать, что протекціонистскія страны могутъ легко тоже подвергаться наплыву продуктовъ „бросоваго экспорта“, то все же и для нихъ, такъ же какъ и для странъ свободной торговой политики, вредъ отъ иностраннаго ввоза по пониженнымъ цѣнамъ явно преувеличивается протекціонистскими кругами.

Совершенно неправильно мнѣніе, будто „бросовый экспортъ“ иностранныхъ продуктовъ безусловно и во всѣхъ случаяхъ невыгоденъ для странъ, въ которыя совершается этотъ ввозъ. Это особенно ясно, если предметомъ такого экспорта являются сырые или полуобработанные матеріалы. Обрабатывающая промышленность получаетъ, благодаря бросовому экспорту, иностранной промышленности матеріалы, необходимые для переработки или средства производства по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Это понижаетъ издержки производства въ этихъ отрасляхъ промышленности, даетъ возможность производить дешевле и дѣлаетъ ихъ, такимъ образомъ, болѣе способными къ конкурренціи. „Бросовый экспортъ“, практикуемый германскими картелями, даетъ возможность англійскимъ, французскимъ, русскимъ предпріятіямъ развиваться за счетъ предпріятій тѣхъ же отраслей германской промышленности. Вѣдь политика бросоваго экспорта въ томъ и состоитъ, что для предпріятій отечественной промышленности эти же матеріалы сбываются по болѣе высокимъ цѣнамъ. Такимъ образомъ, германская промышленность получаетъ тѣ же матеріалы по болѣе дорогой цѣнѣ, чѣмъ промышленность англійская или русская; издержки въ германскихъ предпріятіяхъ стоятъ выше, и „бросовый экспортъ“ германскихъ картелей идетъ во вредъ германскимъ же предпріятіямъ и на пользу предпріятіямъ иностраннымъ. Перерабатывающая промышленность извлекаетъ выгоду, благодаря полученію иностраннаго сырья по болѣе дешевой цѣнѣ. И чѣмъ больше развивается обрабатывающая промышленность, тѣмъ больше, какъ показываетъ статистика, увеличивается иностранный привозъ матеріаловъ, необходимый для этихъ отраслей промышленности. Очевидно, что чѣмъ дешевле обходится этотъ ввозъ, тѣмъ это выгоднѣе.

Но и ввозъ готовыхъ издѣлій по пониженнымъ цѣнамъ нельзя разсматривать, какъ явленіе безусловно вредное для отечественнаго

народнаго хозяйства. Надо же помнить, что съ точки зрѣнія потребителей, т. е. широкихъ массъ населенія, полученіе болѣе дешевыхъ готовыхъ издѣлій является, какъ-никакъ весьма желаннымъ. Кромѣ того, вопреки всѣмъ неомеркантилистическимъ стремленіямъ, всякій ввозъ предполагаетъ соотвѣтствующій вывозъ, и наоборотъ. Если другая страна ввозитъ свои продукты по искусственно пониженнымъ цѣнамъ, то это значитъ, что она за болѣе дорогіе продукты, которыми уплачиваетъ ей данная страна, расплачивается своими болѣе дешевыми продуктами. Не трудно видѣть, для кого изъ двухъ такая сдѣлка оказывается выгодной и для кого — невыгодной Очевидно, для страны, являющейся рынкомъ искусственнаго сбыта по пониженнымъ цѣнамъ, не можетъ быть невыгоднымъ за свои болѣе дорогіе продукты получать чужіе, болѣе дешевые [1]).

„Если протекціонистскія страны, говоритъ Гобсонъ, отказываются получать наши продукты, они не могутъ продолжать свою политику бросоваго экспорта по какой угодно имъ цѣнѣ... Если страны практикуютъ „бросовый экспортъ" дешевыхъ продуктовъ и стараются избѣжать платежей въ видѣ нашего ввоза путемъ установленія пошлинъ, такая политика вовсе не означаетъ, что они совсѣмъ не платятъ намъ, но означаетъ что они платятъ намъ меньшимъ количествомъ болѣе дорогихъ англійскихъ товаровъ, которые они получили бы при свободномъ обмѣнѣ... Предметомъ ихъ „бросоваго экспорта" служитъ сырье или для нашей торговли или для производства готовыхъ издѣлій. Эти отрасли нашей торговли и промышленности, прямо покровительствуемые, такимъ образомъ, у насъ иностранцами, должны будутъ посылать свои продукты, вопреки таможенной стѣнѣ, которую та же страна воздвигаетъ у себя для того, чтобы парализовать дѣйствіе вводимыхъ ею вывозныхъ премій...

---

[1]) Противъ вывозной политики синдикатовъ и трестовъ, какъ вредной для народнаго хозяйства той страны, частно-капиталистическія монополіи которой примѣняютъ „бросовый экспортъ", выступаетъ вся почти безъ исключеній научная литература, посвященная этому вопросу. См. Morgenroth. Die Exportpolitik der Kartelle. 1907. — Dönges. Die handelspolitische Bedeutung der Ausfuhrrprämien. 1912. — Ely. Monopolies and Trusts. 1900 J. Singer. Das Land der Monopole. 1913. N. Dietzel. Sozialpolitik und Houdes politik. Jenks. The Trust Problem. 1912. I. M. Гольдштейнъ. Синдикаты и тресты. 1912 г.

Лифманъ, занимающій иную позицію и не усматривающій въ вывозной политикѣ синдикатовъ и трестовъ того вреда, который признаютъ за ней другіе изслѣдователи, вынужденъ, однако, также признать, что для перерабатывающей промышленности бросовый экспортъ угля, сырья или полуфабрикатовъ создаетъ за границей нежелательную для отечественной промышленности конкурренцію. См. Kartelle und Trusts. 1910, стр. 88.

Широко практикуемая система „бросоваго экспорта“ означаетъ, такимъ образомъ, дешевые товары для англійскихъ производителей... Если мы вспомнимъ, что противоположныя условія существуютъ въ протекціонистскихъ странахъ, практикующихъ „броссовый экспортъ“, и повышаютъ издержки производства, въ особенности въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя на внутреннемъ рынкѣ продаютъ дороже, а на внѣшнемъ дешевле, то мы должны признать вредное для народнаго хозяйства вліяніе протекціонизма и „бросоваго экспорта“... „Можетъ ли протекціонистская страна поглотить („suck“) страну свободной торговли?“ На этотъ вопросъ Гобсонъ, исходя изъ приведенныхъ выше разсужденій, даетъ отрицательный отвѣтъ [1]).

Политика „бросоваго экспорта“ скорѣе выгодна для страны, являющейся рынкомъ такого сбыта, чѣмъ для страны, практикующей ее, и скорѣе невыгодна для этой послѣдней, чѣмъ для первой.

По мнѣнію Брентано, вывозныя преміи приносятъ вредъ той странѣ, которая ихъ примѣняетъ. „Они вредятъ не только тѣмъ отечественнымъ отраслямъ промышленности, которыя вслѣдствіе этого вынуждены дороже оплачивать отечественное сырье и полуфабрикаты, чѣмъ ихъ иностранные конкурренты, — съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, страна, въ которой примѣняются вывозныя преміи въ интересахъ отдѣльныхъ группъ производителей, отдаетъ за границу больше труда и капитала, чѣмъ получаетъ отъ другихъ странъ. Вывозныя преміи означаютъ уменьшеніе доходности національныхъ производительныхъ силъ, уменьшеніе эквивалента, получаемаго за національный трудъ, уменьшеніе доходности національнаго капитала, сокращеніе роста національнаго богатства. Хотя и выгодная для отдѣльныхъ производителей, эта мѣра противорѣчитъ народному хозяйству въ цѣломъ“ [2]).

„Страна, вывозящая товары по цѣнамъ ниже себѣстоимости, сама становится отъ этого беднѣе, и наоборотъ, богаче становится та страна, которая получаетъ такой частичный подарокъ“, говоритъ германскій депутатъ рейхстага и экономистъ Готгейнъ [3]).

„Временная выгода отъ случайнаго облегченія внутренняго рынка даже для промышленности, прибѣгающей къ такому вывозу, является только кажущейся, потому что для экспортныхъ товаровъ рынокъ международенъ. Излишекъ товаровъ, благодаря такой поли-

---

[1]) J. A. Hobson. International Trade. 1904, гл. 9, стр. 113—117 и гл. 10 стр. 121—144.

[2]) L. Brentano. Handelspolitik. Als Manuskript gedruckt. Лекціи Брентано по торговой политикѣ, изданныя на правахъ рукописи.

[3]) G. Gothein. Internationale Regelung der Eisenzölle. 1905, стр. 5 и слѣд.

тикѣ, съ извѣстной потерей перемѣщается въ другое мѣсто, но онъ не устраняется изъ международнаго рынка; въ той же самой или видоизмѣненной формѣ, но онъ производитъ давленіе на міровой рынокъ".

„То обстоятельство, что страна, получающая товары, удешевленные благодаря вывознымъ преміямъ, получаетъ, такимъ образомъ, преимущество для своего народнаго хозяйства, не устраняетъ того, что промышленность, производящая тѣ же товары, испытываетъ отъ этого вредъ; по большей части выгоды для потребителей или для обрабатывающей промышленности гораздо значительнѣе, чѣмъ выгоды, которыя получаетъ отъ такой вредящей другимъ конкурренціи вывозящая промышленность".

„Если бы мы въ Англіи могли разсчитывать на постоянное и правильное снабженіе насъ обувью, полосовымъ желѣзомъ, или паровыми машинами изъ Америки по цѣнамъ ниже тѣхъ, по которымъ мы сами могли бы производить эти вещи, можетъ ли тотъ фактъ, что этотъ „бросовый экспортъ" поддерживается въ Америкѣ таможеннымъ тарифомъ или даже вывозными преміями, побудить насъ отказаться отъ тѣхъ товаровъ или ввести на нихъ пошлины?" — говоритъ Гобсонъ. „Правда, вначалѣ такая политика можетъ оказаться вредной англійской промышленности, но дальше выгоды для потребителей и во многихъ случаяхъ для различныхъ отраслей торговли и промышленности возмѣстятъ эту временную потерю. Гораздо лучше принять эти непріятныя послѣдствія отъ бросоваго экспорта такъ же, какъ мы должны были бы отнестись къ ввозу, который подрываетъ цѣны на наши продукты благодаря лучшему примѣненію иностранцами машинъ или лучшимъ ихъ естественнымъ богатствамъ". „Дѣйствуя въ нашихъ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ цѣлой націи, — было бы безразсудно стараться различать дешевизну, проистекающую отъ добросовѣстной конкурренціи, отъ дешевизны, являющейся результатомъ конкурренціи недобросовѣстной" [1]).

О томъ, что „бросовый экспортъ", являющійся результатомъ примѣненія въ иностранныхъ государствахъ вывозныхъ премій, сплошь и рядомъ бываетъ выгоденъ для страны, служащей рынкомъ такого сбыта, свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ фактовъ. Наиболѣе яркимъ примѣромъ служитъ конфектное производство въ Англіи. Существованіе вывозныхъ премій для сахара въ Россіи, Франціи, Германіи и Австро-Венгріи давало возможность Англіи получать дешевый сахаръ, благодаря искусственному сбыту сахара по пониженнымъ цѣнамъ изъ этихъ странъ. Извѣстно, что ни въ одной

[1]) См. Hobson. op. cit. стр. 141—142.

другой странѣ потребленіе сахара населеніемъ не достигло такого высокаго уровня, какъ въ Англіи. Жалобы у насъ на то, что нашимъ сахаромъ въ Англіи откармливаютъ свиней, въ то время какъ русскій крестьянинъ пилъ чай съ сахаромъ „въ приглядку“, слишкомъ общеизвѣстны, чтобы на нихъ стоило останавливаться.

Но наибольшую пользу такой „бросовый экспортъ“ сахара приносилъ въ Англіи многочисленнымъ производствамъ конфектъ, варенья и печенья. Нѣкоторый вредъ отъ дешеваго ввоза сахара испытывали англійскія колоніи и рафинадные заводы, но въ общемъ населеніе Англіи за счетъ налогоплательщиковъ въ Россіи, Франціи и Германіи было обезпечено чрезвычайно важнымъ и дешевымъ предметомъ питанія и лакомства. Благодаря такому дешевому сахару, въ Англіи необычайно развилось производство кексовъ, шоколада, консервированныхъ фруктовъ, сироповъ, варенья и т. п., которое во много разъ превзошло по своему значенію для англійскаго народного хозяйства и вестъ-индское производство сахара и производство рафинада въ самой Англіи. Въ срединѣ 80-хъ годовъ XIX ст. рафинадное производство въ Англіи насчитывало 4.407 рабочихъ, между тѣмъ какъ на фабрикахъ производства конфектъ и варенья занято 29.600 рабочихъ. Съ расширеніемъ политики вывозныхъ премій на сахаръ, рафинадное производство, дѣйствительно, стало испытывать нѣкоторыя стѣсненія, но зато еще больше развивалось кондитерское производство. На рафинадныхъ заводахъ было занято въ Англіи въ 1891 г. 4920 рабочихъ, тогда какъ въ кондитерскомъ производствѣ, пользовавшимся дешевымъ иностраннымъ сахаромъ, оказалось занято 53.000 рабочихъ. Съ 1891 г. до 1900 количество рабочихъ въ производствѣ рафинада понизилось до 4000, но зато кондитерское призводство насчитывало уже 105.000 рабочихъ [1]). Очевидно, что „бросовый экспортъ“ сахара для этой отрасли промышленности былъ чрезвычайно выгоденъ и съ избыткомъ искупалъ потери, которыя несла и до того ничтожная въ Англіи сахаро-рафинадная промышленность. Благодаря дешевому сахару въ Англіи создались такія фирмы, какъ шоколадная фабрика Фрея, фабрика какао Кадбери и знаменитая во всемъ мірѣ фабрика бисквитовъ Huntley and Palmer's. По даннымъ извѣстнаго знатока сахарнаго вопроса барона d'Aulnis de Bourouill, „бросовый экспортъ“ сахара изъ иностранныхъ государствъ создавалъ для англійской кондитерской промышленности

[1]) Рѣчь Эдуарда Бернштейна въ германскомъ рейхстагѣ при обсужденіи брюссельской сахарной конвенціи 9 іюня 1903 г. См. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages X Legislaturperiode. II Session 1900/1903. т. VI, стр. 5495 и слѣд.

безплатный подарокъ въ 70—80 милліоновъ фр. ежегодно [1]). Благодаря такой дешевизнѣ матеріаловъ, эта отрасль англійскаго производства достигла на міровомъ рынкѣ монопольнаго положенія. Продукты кондитерскаго производства Англіи оказывались непобѣдимыми для конкурренціи въ Германіи, Россіи, Франціи и Австріи для продуктовъ той же отрасли призводства въ этихъ странахъ. Вполнѣ естественно поэтому, что когда въ Англіи возникъ вопросъ о борьбѣ съ ввозомъ иностраннаго дешеваго сахара, всѣ, кому были дороги интересы населенія, выступили противъ этого плана. Кобденовскій клубъ выпустилъ воззваніе противъ той „кучки англійскихъ крупныхъ плантаторовъ Вестъ-Индіи, для которыхъ однихъ только отмѣна свободнаго ввоза сахара и представлялась выгодной". Не секретъ, что вся брюссельская конвенція была затѣяна со стороны Англіи Чемберленомъ, который преслѣдовалъ тогда планъ британскаго имперскаго таможеннаго союза и прегражденіемъ доступа дешеваго сахара на англійскій рынокъ имѣлъ въ виду, идя навстрѣчу колоніальнымъ плантаторомъ изъ англійскихъ лэндлордовъ, снискать сочувствіе своимъ планамъ со стороны колоній.

Стѣсненіе въ той или иной формѣ свободнаго ввоза дешеваго сахара было невыгодно ни для кондитерскаго производства въ Англіи, ни для населенія, которому удорожаніе сахара грозило сокращеніемъ потребленія. На это указывалось и въ англійскомъ парламентѣ при обсужденіи брюссельской конвенціи, гдѣ 120 членовъ голосовали противъ резолюціи Гаркорта, одобряющей брюссельскую конвенцію, и Кодбеновскимъ клубомъ. Если для кого-нибудь стѣсненіе „бросоваго экспорта" сахара было не выгодно, то это — для Англіи, а выгодно оно могло быть только для вывозящихъ странъ, страдавшихъ отъ политики вывозныхъ премій. „Я думаю, — говорилъ депутатъ Мюллеръ въ германскомъ рейхстагѣ при обсужденіи брюссельской конвенціи, — никто не будетъ оплакивать сахарныя преміи; мы всѣ будемъ рады тому, что болѣе не будемъ имѣть надобности выбрасывать за границу нашъ сахаръ по дешевымъ цѣнамъ и, такимъ образомъ, удорожать сахаръ внутри страны" [2])

Съ еще большей настойчивостью выгоды отмѣны сахарныхъ премій для Германіи подчеркивалъ отъ имени соц.-дем. партіи въ рейхстагѣ депутатъ Бернштейнъ.

„Мы привѣтствуемъ конвенцію, — говорилъ Бернштейнъ, — потому, что она обѣщаетъ намъ положить конецъ отрицательной и вредной системѣ вывозныхъ премій, основанному на ней картелиро-

[1]) Döngei, op. cit. — Baron d'Aulnis de Bourouill. Les primes á l'exrporation du sucre.

[2]) Stenographische Berichteet cet., т. VI, стр. 5492.

ванію сахарныхъ фабрикъ, эксплоатаціи потребителей и вреду, который онъ наноситъ потребителю сахара въ странѣ. Для Германіи конвенція означаетъ шагъ впередъ въ экономическимъ отношеніи, для Англіи — шагъ назадъ". „Если брюссельская конвенція будетъ принята, — говорилъ Бернштейнъ въ другомъ засѣданіи, — и цѣна сахара въ Англіи уменьшится, это окажетъ вліяніе на всю сахарную промышленность и ея сбытъ. Поэтому необходимо будетъ искать новыхъ рынковъ, и лучшимъ изъ нихъ является собственный внутреній рынокъ. Между тѣмъ въ настоящее время (въ 1902 году) потребленіе сахара въ Германіи стоитъ ниже потребленія его въ тѣхъ странахъ, куда Германія вывозитъ свой сахаръ: оно достигаетъ на душу населенія не болѣе 13,1 килогр., тогда какъ въ Даніи составляло — 25, а въ Англіи доходило до 40 килогр."[1]).

Ожиданія Бернштейна и всѣхъ тѣхъ, которые въ отмѣнѣ системы премій видѣли улучшеніе потребленія сахара въ Германіи и ростъ ея собственной сахарной промышленности, вполнѣ оправдались. Въ 1902 году брюссельская сахарная конвенція уничтожила на основаніи международнаго соглашенія вывозныя преміи на сахаръ, слѣдствіемъ чего явилось значительное сокращеніе вывоза сахара въ Англію изъ государствъ, премировавшихъ ранѣе этотъ вывозъ. Потребленіе рафинада въ этихъ государствахъ возросло, увеличилось конфектное производство, между тѣмъ въ Англіи потребленіе сократилось и увеличился ввозъ продуктовъ иностраннаго конфектнаго производства. Потребленіе сахара на душу населенія въ Англіи въ 1900 г. составляло 83,6, а въ 1910 г. 77,0. Иностранный ввозъ варенья и консервированныхъ фруктовъ увеличился съ 349.619 ф. ст. въ 1897 г. до 1.338.456 ф. ст. въ 1912 г. Многія фирмы должны были прекратить производство[2]).

Между тѣмъ потребленіе сахара рафинада въ другихъ странахъ сильно возросло. Въ среднемъ оно составляло (въ тыс. метр. тоннъ)[3]):

	Голландія.	Германія.	Австро-Венгрія.	Франція.
1901/2—1905/6.	80,8	1.061,4	438,4	535,8
1906/7—1910/11	98,9	1.127,2	507,1	613,5
1911/12.	106,5	1.116,3	505,9	647,7
1912/13.	120,0	1.300,0	564,6	705,6

[1]) Loc. cit.

[2]) „The Economist" 22. IV. 1916 г. — Gothein; указ. соч. стр. 6. — G.Martineau. „The Brussels sugarconvention", „The Economic Journal." 1904. Morek. стр., 34.

[3]) Данныя заимствованы изъ „Statistique mondiale du sucre", „Statistical Abstract for the principal and other foreign countries" 1913 г. и „Zucker Industrie". Hadw. d. St. VIII[3].

Потребленіе сахара на душу населенія составляло

Въ Германіи. . .	1896/97—1900/01	13,26 кгр.
	1909/10	19,53 „
Во Франціи . . .	1900	13,15 „
	1909	17,06 „

Въ Австро-Венгріи въ 1900/1 г. потребленіе всего составило 371.922 тоннъ, или на душу 7,9 клгр., а въ 1908/9 — 561.441 т., или на душу 11 клгр.

IV.

Брюссельская сахарная конвенція принесла, такимъ образомъ, выгоды не Англіи и Ирландіи, а экспортирующимъ сахаръ странамъ. То же самое имѣемъ мѣсто и по отношенію ко многимъ другимъ отраслямъ производства. Англійское судостроеніе встрѣчало весьма благопріятныя условія для своего блестящаго развитія въ германскомъ „бросовомъ экспортѣ" жести и всякаго рода желѣзныхъ полуфабрикатахъ. Предсѣдатель извѣстной фирмы въ Ньюкэстлѣ — Palmer Shipbuilding and Jron Company, имѣющей не только судостроительныя верфи, но и собственныя доменныя печи, говорилъ: „Что касается „бросоваго экспорта" германскихъ фабрикатовъ, то я долженъ признаться, мы, судостроители сѣверо-восточнаго побережья Англіи, можемъ лишь поздравить себя съ тѣмъ, что мы можемъ покупать лучшій матеріалъ въ мірѣ такъ дешево. Несмотря на то, что мы, какъ владѣльцы стальныхъ заводовъ, сами заинтересованы въ производствѣ желѣза и должны были бы быть противъ ввоза по искусственно пониженнымъ цѣнамъ этихъ матеріаловъ, мы, въ качествѣ судостроителей, должны сказать иностраннымъ государствамъ: выбрасывайте на рынокъ сколько только можете. За три послѣднихъ года мы часто покупали германскую сталь, и германскіе желѣзные полуфабрикаты по цѣнамъ до 30 % ниже цѣнъ за такіе же хорошіе продукты англійскаго производства. Во многихъ случаяхъ это обстоятельство только и дало намъ возможность принимать заказы на постройку судовъ, которыя мы при иныхъ условіяхъ потеряли бы"[1]).

Въ то время какъ англійская судостроительная промышленность получала выгоду отъ бросоваго экспорта германскихъ картелей и американскихъ трестовъ, германская судостроительная промышленность не переставала жаловаться на то, что она лишится заказовъ, потому что, „несмотря на точнѣйшіе расчеты, должна предлагать цѣны на 20 % дороже, чѣмъ англійскія верфи, которыя

[1]) Gothein. op. cit. стр. 27.

такъ дешево получаютъ матеріалы отъ германскихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ". Германское производство судовъ для каботажнаго и рѣчного плаванія не могло развиваться достаточно быстро, потому что оказалось гораздо выгоднѣе заказывать суда голландскимъ заводамъ, которые получали германскую жесть и желѣза на 15—20 % дешевле, чѣмъ германскіе заводы.

Относительно бросоваго экспорта желѣза англійскій журналъ „Jron and Steel Trade Journal" писалъ въ 1903 г.: „Ввозъ германскихъ полуфабрикатовъ въ одинъ только Ньюпортъ въ послѣднемъ году даетъ 200 000 тоннъ; большая часть этого количества пошла на нужды крупныхъ заводовъ въ Ньюпортѣ. Заводы Лейзата являются, по всей вѣроятности, крупнѣйшими въ Англіи потребителями германскихъ полуфабрикатовъ и даютъ работу тысячамъ рабочихъ, занятыхъ вальцованіемъ листового желѣза. Послѣ передѣлки въ волнистое или полуоцинкованное желѣзо эти продукты идутъ затѣмъ изъ Ньюпорта во всѣ части свѣта. Разница въ цѣнахъ между германскимъ и британскимъ полуфабрикатами равняется на мѣстѣ потребленія 10—12 $^1/_2$ шилл. съ тонны, и только этотъ импортъ дешеваго полуфабриката даетъ фабрикантамъ желѣзныхъ издѣлій возможность удержать свой сбытъ и конкуррировать на міровамъ рынкѣ."

Въ то же время германскіе заводчики жаловались на то, что не могутъ выдерживать конкурренціи англійскихъ заводчиковъ [1]).

Торговая палата въ Дюссельдорфѣ въ 1902 г. сообщала въ своемъ годовомъ отчетѣ: „Въ производствѣ вальцованной проволоки проявилась конкурренція со стороны Англіи, потому что германскіе заводы поставляютъ англійскимъ полуфабрикаты по такимъ дешевымъ цѣнамъ, что англичане могутъ гораздо дешевле нашего производить проволоку".

Германскіе проволочные и гвоздильные заводы жалуются, что они не могутъ конкуррировать съ голландскими и бельгійскими заводами, которые получаютъ изъ Германіи матеріалъ гораздо дешевле; въ свою очередь, голландскіе и бельгійскіе заводы оправдывались тѣмъ, что они не могутъ назначать на иностранныхъ рынкахъ другихъ цѣнъ, потому что англійскіе заводы, получающіе изъ Германіи и Америки болѣе дешевые матеріалы, сбываютъ его въ Голландіи и Бельгіи по пониженнымъ цѣнамъ [2]).

Совершенно такія же жалобы раздаются и со стороны американской судостроительной промышленности. Американскія верфи

---

[1]) Тамъ же стр. 27.

[2]) Тамъ же стр. 28.

указываютъ на то, что имъ приходится платить за сырые матеріалы болѣе высокія цѣны, чѣмъ тѣ, по которымъ американскіе заводы, выдѣлывающіе желѣзо и сталь, поставляютъ эти продукты заграничнымъ конкуррентамъ. Многіе англійскіе заводы въ южной части графства Стаффордъ и въ другихъ частяхъ Англіи, благодаря ввозу дешевой стали изъ Германіи въ 1902 г., стали замѣнять части своихъ желѣзныхъ машинъ стальными и при томъ новѣйшихъ типовъ. Бохумская торговая палата указывала въ свое время на то, что благодаря возможности закупать сырые матеріалы на 40% дешевле, англичанамъ удалось отвоевать у нѣмцевъ потерянные ими было рынки для сбыта издѣлій изъ оцинкованнаго желѣза въ Голландіи, Италіи, Малой Азіи и т. д. Дешевая продажа германскими синдикатами за границу толстаго листового желѣза дѣлаетъ невозможнымъ для германскихъ заводовъ вывозъ котловъ за границу [1]).

V.

Проф. І. М. Гольдштейнъ, который, теперь такъ горячо выступаетъ противъ „бросоваго экспорта" въ своемъ изслѣдованіи о синдикатахъ и трестахъ, совершенно правильно устанавливаетъ слѣдующія вредныя послѣдствія „бросоваго экспорта" для той страны, которая его примѣняетъ [2]).

1) Благодаря дешевымъ продажамъ желѣза и стали и различныхъ полуфабрикатовъ изъ нихъ, а эти продукты и пользуются, главнымъ образомъ, поддержкой вывозныхъ премій синдикатовъ — иностранная промышленность получаетъ возможность дешеваго оборудованія своихъ заводовъ наилучшими приспособленіями. Германскіе синдикаты, сбывавшіе по крайне низкимъ цѣнамъ сырые матеріалы въ Англію, искусственно способствовали будущему увеличенію производительности англійской обрабатывающей промышленности, подрывая тѣмъ самымъ возможность успѣшной конкурренціи въ области издѣлій для своихъ главныхъ потребителей — обрабатывающей промышленности въ Германіи.

2) Результатомъ дешевыхъ продажъ нѣкоторыхъ издѣлій за границу (напр. рельсовъ, желѣзныхъ шпалъ, балокъ и т. д.) сплошь и рядомъ бываетъ облегченіе оборудованія конкуррирующихъ странъ сильно развѣтвленной сѣтью широко и узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ, между тѣмъ какъ высокія цѣны на эти матеріалы па внутреннемъ рынкѣ задерживаютъ такое же оборудованіе средствами сообщенія собственной страны.

[1]) І. М. Гольдштейнъ. „Синдикаты и тресты". М. 1912 г. стр. 263.
[2]) І. М. Гольдштейнъ, указ. соч. стр. 251—253.

Германскій изслѣдователь Лифманъ, не видящій отрицательныхъ сторонъ въ „бросовомъ экспортѣ" синдикатовъ и трестовъ, признаетъ, однако, что замедленіе въ развитіи ж. д. сѣти въ Соед. Штатахъ отчасти объясняется высокими цѣнами на рельсы, которыя поддерживались американскимъ трестомъ, сбывавшимъ ихъ за границу по болѣе дешевымъ цѣнамъ.

3) Цѣлый рядъ, такъ наз., чистыхъ (некомбинированныхъ) предпріятій въ Англіи, обреченныхъ вслѣдствіе крайне сильной конкурренціи комбинированныхъ предпріятій на гибель, могъ постепенно амортизировать затраченные капиталы.

4) Экспортная политика синдикатовъ ведетъ за собой затрудненный вывозъ готовыхъ издѣлій для страны, гдѣ синдикаты примѣняютъ политику вывозныхъ премій.

Къ этимъ четыремъ „вреднымъ" послѣдствіямъ синдикатской политики „бросоваго экспорта" можно добавить еще и пятое, которое состоитъ въ томъ, что въ Англіи сбытъ изъ Германіи и Америки по пониженнымъ цѣнамъ способствовалъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ объединенію англійскихъ заводовъ, стремившихся, путемъ созданія синдикатовъ, монополизировать рынокъ и тѣмъ противостоять иностранной конкурренціи [1]).

Такимъ образомъ, оказывается, что „бросовый экспортъ" иностранной промышленности облегчаетъ техническое развитіе промышленности той страны, куда онъ направляется, пониженіе издержекъ ея производства, оборудованіе той же страны средствами сообщенія, ея культурное развитіе, затрудняетъ экспортъ иностранныхъ продуктовъ, облегчаетъ конкурренцію промышленности, будто бы „терпящей" отъ „бросоваго экспорта" съ промышленностями другихъ странъ на міровомъ рынкѣ и т. д. И за все это благо „бросоваго экспорта", противъ него предпринимается борьба. Поистинѣ, только протекціонисты могутъ отличаться такой логикой! Вѣдь очевидно для всякаго, что „бросовый экспортъ" вредитъ прежде всего тѣмъ отраслямъ промышленности, которыя его практикуютъ. Перечисленныя выше главнѣйшія вредныя послѣдствія „бросоваго экспорта" относятся именно къ тѣмъ странамъ, которыя его практикуютъ. На этой точкѣ зрѣнія и стоитъ обыкновенно общественное мнѣніе странъ, страдающихъ отъ „бросоваго экспорта" своихъ синдикатовъ и трестовъ.

Съ полной убѣдительностью и очевидностью это было высказано въ германскомъ рейхстагѣ въ 1902 г. при обсужденіи таможеннаго тарифа [2]).

[1]) Jones. Dumping and the Tinplate Industry. The Economic Journal 1913. March.

[2]) Stenographische Berichte etc. т. VII, стр. 6087 и слѣд.

Обосновывая предложеніе соціалъ-демократической фракціи объ отмѣнѣ пошлинъ на товары, сбываемые картелями и синдикатами за границу по искусственно пониженнымъ цѣнамъ, Эдуардъ Бернштейнъ указывалъ на то, что такая политика „бросоваго экспорта“ синдикатовъ вредитъ отечественной перерабатывающей промышленности. „Синдицированныя предпріятія въ Германіи, — говорилъ Бернштейнъ, — за немногими исключеніями, принадлежатъ къ промышленности, добывающей сырье и производящей полуфабрикаты. Это — многочисленнѣйшіе и вліятельнѣйшіе синдикаты, имѣющіе наибольшую силу въ государствѣ и поддерживающіе, главнымъ образомъ, протеціонистскую таможенную политику. Вывозная политика этихъ синдикатовъ вредитъ огромному количеству мелкихъ и среднихъ предпріятій, для которыхъ удорожаются сырые матеріалы и полуфабрикаты. На ихъ спинѣ и на спинахъ милліоновъ рабочихъ, большинство которыхъ занято именно въ этихъ предпріятіяхъ, эти синдикаты осуществляютъ свою политику цѣнъ, благодаря сбыту за границу по пониженнымъ цѣнамъ.

„Фабриканты Бирмингэма, Шеффильда и другихъ англійскихъ городовъ, занятые обработкой желѣза, получаютъ въ Англіи сырые матеріалы такъ дешево, какъ нигдѣ болѣе на міровомъ рынкѣ. Сѣв. Америка, Германія всѣ страны, защищаемыя пошлинами, выбрасываютъ свое сырье и полуфабрикаты на англійскій рынокъ, сбываютъ ихъ тамъ по низкимъ цѣнамъ и, вмѣсто того, чтобы разорять Англію, они помогаютъ ей такой политикой. Правда, желѣзо-дѣлательные заводы страдаютъ; но Англія все-таки вознаграждаетъ себѣ эти потери. Отрасли промышленности, гдѣ заняты сотни тысячъ и милліоны рабочихъ, оказываются въ лучшихъ условіяхъ. Эти отрасли англійской промышленности получаютъ, такимъ образомъ, преимущество противъ такихъ же производствъ въ Сѣв. Америкѣ, Германіи и т. д.

„Мы должны противодѣйствовать всякой политикѣ синдикатовъ, которая создаетъ въ иностранныхъ государствахъ преимущества передъ нашей страной. Приводятся всякія политическія соображенія, будто бы диктующія синдикатамъ ихъ политику. Но при болѣе внимательномъ изученіи надо сказать: во многихъ случаяхъ это — политика измѣны отечеству (Politik des Vaterlandsverrats) политика предательства важнѣйшихъ интересовъ широкихъ слоевъ населенія собственной страны въ пользу промышленности и населенія иностранныхъ государствъ“ [1]).

Вредъ синдикатской политики „бросоваго экспорта“ подтверждается не только соціалъ-демократической партіей.

---

[1]) Тамъ же, стр. 6091.

Готгейнъ, котораго мы уже цитировали, въ томъ же засѣданіи рейхстага, также указывалъ на то, что „всякому мыслящему человѣку должно быть ясно, что наша желѣзная промышленность терпитъ сильный вредъ по сравненію съ иностранной, благодаря тому, что внутри страны цѣна на средства производства, коксъ и уголь, держатся на нѣсколько марокъ выше, и такимъ образомъ въ иностранной промышленности производство удешевляется за счетъ нашей собственной промышленности". „Политика синдикатовъ, — по мнѣнію другого депутата, Гахнике, — приводитъ къ тому, что пошлина превращается въ косвенную вывозную премію. Охрана національнаго труда становится покровительствомъ иностранныхъ конкуррентовъ. Нѣмцы борются противъ нѣмцевъ. Положенію отечественной промышленности начинаетъ угрожать опасность" [1]).

Германскій экономистъ Май, стоя также на точкѣ зрѣнія Бернштейна, видящаго въ синдикатской политикѣ бросоваго экспорта измѣну отечеству, требуетъ примѣненія къ синдикатамъ даже соотвѣтствующихъ статей германскаго уголовнаго уложенія, запрещающихъ поставку оружія врагамъ [2]). Эта точка зрѣнія тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что протекціонисты Англіи, Франціи и Россіи выступаютъ противъ „бросоваго экспорта" германскихъ картелей и синдикатовъ, мотивируя это тѣмъ, что такая политика приводитъ къ захвату нѣмцами отраслей иностранной промышленности, имѣющихъ первостепенное значеніе для государственной обороны. Такимъ образомъ, въ то время какъ въ Германіи считаютъ, что бросовый экспортъ синдикатовъ способствуетъ развитію за границей отраслей промышленности, которая потомъ выступаетъ противъ германской же промышленности, и, слѣдовательно, Германія какъ бы сама противъ себя выковываетъ оружіе своихъ враговъ, — въ Англіи, Франціи и Россіи, какъ разъ наоборотъ, утверждаютъ, что такое развитіе извѣстныхъ отраслей промышленности въ ихъ странахъ служитъ имъ во вредъ и на пользу самой Германіи.

Таковы тѣ противорѣчія, къ которымъ приводитъ современный протекціонизмъ.

VI.

Слѣдуетъ ли отсюда, что нѣтъ надобности въ борьбѣ съ вывозной политикой синдикатовъ и трестовъ? Отнюдь нѣтъ.

„Бросовый экспортъ" производитъ дезорганизацію мірового рынка. Онъ еще болѣе обостряетъ ту ожесточенную конкурренцію, ко-

---

[1]) Тамъ же стр. 6109.

[2]) May. Das Grundgesetz der Wirtschaftskrisen, 26. стр.

торая и безъ того въ сильнѣйшей степени господствуетъ въ настоящее время въ мiровомъ хозяйствѣ.

Политика вывозныхъ премiй противорѣчитъ договорной торговой политикѣ. Торговые договоры устанавливаютъ опредѣленныя условiя, на которыхъ иностранные производители могутъ конкуррировать на отечественномъ рынкѣ; но если одна изъ странъ, заключившихъ между собой торговый договоръ, говоритъ Брентано, вводитъ у себя высокiя пошлины съ той цѣлью, чтобы дать возможность своимъ производителямъ выжимать у потребителей такiя высокiя цѣны, которыя позволяли бы затѣмъ синдикатамъ изъ образовавшихся у нихъ благодаря этимъ цѣнамъ большимъ доходамъ, выплачивать вывозныя премiи, то это есть недобросовѣстный обходъ тѣхъ условiй, которыя были установлены въ торговомъ договорѣ [1]). Вполнѣ справедливо поэтому Англiя всегда считала эти мѣры противорѣчащими политикѣ торговыхъ договоровъ. На той же точкѣ зрѣнiя стоялъ и гр. Витте, признававшiй въ нотѣ, разосланной русскимъ министерствомъ финансовъ въ 1902 г., что „дѣятельность синдикатовъ вообще противоположна тенденцiямъ современныхъ торговыхъ договоровъ, которыя основаны на началахъ солидарности культурныхъ народовъ" [2]).

„Бросовый экспортъ" способствуетъ усиленiю монопольнаго положенiя синдикатовъ и трестовъ и ихъ необычайному росту. Ростъ монополистическихъ объединенiй предпринимателей усиливаетъ ихъ господство на мiровомъ рынкѣ и увеличиваетъ ихъ силу и влiянiе въ государственной и общественной жизни. Если раньше пошлины требовались для защиты разрозненныхъ предпринимателей отъ иностранной конкурренцiи, то теперь могучiя частно-капиталистическiя объединенiя поддерживаютъ высокопротекцiонерскую политику для укрѣпленiя своего монопольнаго положенiя. Это положенiе зависитъ, прежде всего, отъ опредѣленной политики цѣнъ, для проведенiя которой синдикатамъ и трестамъ такъ важно использованiе „бросоваго экспорта". Сбытъ по пониженнымъ цѣнамъ возможенъ лишь при существованiи пошлинъ и вывозныхъ премiй. Борьба противъ этого сбыта должна быть направлена поэтому на первопричину этой вывозной политики капиталистическихъ монополiй.

Синдикаты и тресты заимствовали свою политику вывозныхъ премiй изъ арсенала государственной торговой политики. Не одна Германiя практикуетъ такую политику. Въ неменьшей степени „бросовый экспортъ" служитъ и американскимъ трестамъ и бельгiй-

---

[1]) Указ. лекцiи.

[2]) См. „Вѣстн. Финансовъ", 1902 г. № 24.

скимъ синдикатамъ. И даже канадскіе предпринимательскіе союзы примѣняютъ бросовый экспортъ чугуна въ Англію. Классической страной вывозныхъ премій является Франція. Именно здѣсь были впервые съ 1815 года примѣнены государственныя преміи, такъ называемыя, titres d'acquit à caution.

Сначала введенные для безпошлиннаго провоза полуобработанныхъ и сырыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для переработки, эти льготы для вывозящихъ фабрикантовъ очень быстро превратились въ постоянныя вывозныя преміи. Но Франція не одинока въ этой торговой политикѣ. Ее примѣняетъ Россія, не отмѣнившая и послѣ брюссельской конференціи преміи для вывоза сахара, и Соед. Штаты, и австралійскія колоніи. Государственныя преміи въ скрытой или явной формѣ существуютъ и для спирта (Франція и Германія) и для хлопчато-бумажныхъ издѣлій, мѣдныхъ и резиновыхъ (Россія) и для муки и для хлѣба (Германія). Вывозныя преміи стали непремѣнной принадлежностью современной протекціонистской политики. Высокія пошлины, затрудняющія сбытъ въ протекціонистскія страны товаровъ изъ другихъ протекцінистскихъ странъ, заставляютъ прибѣгать къ различнымъ способамъ, направленнымъ на обходъ таможенныхъ преградъ, воздвигаемыхъ на пути международнаго обмѣна. Въ этомъ заключается характерное самоупраздненіе протекціонизма. Чѣмъ выше пошлины, чѣмъ выше цѣны на внутреннемъ рынкѣ, тѣмъ настоятельнѣе нужда въ вывозѣ за границу и тѣмъ шире практикуются вывозныя преміи. Политика вывозныхъ премій въ одной странѣ заставляетъ ввозящія страны еще больше повышать свои пошлины. Каждое повышеніе пошлинъ въ другихъ странахъ заставляетъ первыя сильнѣе развивать вывозныя преміи. Противъ вывозныхъ премій, существующихъ для сахара, каждая ввозящая страна старалась обороняться развитіемъ собственной сахарной промышленности, для которой устанавливались новыя и все болѣе высокія пошлины. Къ обычнымъ пошлинамъ присоединялись особыя добавочныя пошлины (countervaling duties), превращавшіяся, въ результатѣ, въ вывозныя преміи. Надбавки къ пошлинамъ въ ввозящихъ странахъ затрудняли, по мнѣнію вывозящихъ странъ, дальнѣйшій вывозъ. Его надо было поддержать болѣе высокими вывозными преміями. Въ этомъ соревнованіи преміями и пошлинами каждая страна старается перещеголять и перехитрить другую, пока, наконецъ, вся эта искусственная система не рушится и всякаго рода преміи не измѣняются международной конвенціей, устанавливающей для пошлинъ максимальную высоту [1]).

[1]) R. Kabatsch, Internationale Wirschftstspolitik 1907. стр. 254.

Такъ случилось съ сахарными преміями. Но брюссельская конвенція пошла по не вполнѣ правильному пути и не достигла желанныхъ результатовъ. Россія къ этой конвенціи не присоединилась и у себя премій не отмѣнила. Въ Англіи конвенція привела къ введенію излишне высокихъ пошлинъ на сахаръ [1]).

Борьба противъ вывозныхъ премій и бросоваго экспорта представляется умѣреннымъ протекціонистамъ въ единственной формѣ — путемъ введенія добавочныхъ пошлинъ.

Но не трудно видѣть, что такой способъ борьбы не только не уничтожаетъ основной причины бросоваго экспорта, но нерѣдко способствуетъ его усиленію. Прежде всего, защита отъ бросоваго экспорта путемъ введенія „боевыхъ пошлинъ" приноситъ вредъ странѣ, ввозящей предметы искусственнаго сбыта по пониженнымъ цѣнамъ. Но — и это болѣе существенно — повышеніе пошлинъ, вызываемое „борьбой" съ недобросовѣстной конкурренціей, приводятъ къ „недобросовѣстной" конкурренціи на внутреннемъ рынкѣ. Новыя и болѣе высокія пошлины способствуютъ образованію новыхъ картелей и усиленію монопольнаго положенія старыхъ.

---

[1]) Судьба брюссельской сахарной конвенціи можетъ служить прекрасной иллюстраціей борьбы съ агрессивной таможенной политикой путемъ новаго усиленія протекціонизма. Брюссельская конвенція 1902 г. преслѣдовала устраненіе вывозныхъ премій для сахара и созданіе равныхъ условій конкурренціи на мировомъ сахарномъ рынкѣ для отдѣльныхъ странъ. Въ виду этого заключившія конвенцію государства обязались взаимно другъ передъ другомъ отмѣной всѣхъ сахарныхъ премій и установленіемъ усиленнаго обложенія премируемаго сахара уравнительными пошлинами или даже полнымъ запрещеніемъ ввоза. Постоянная комиссія въ Брюсселѣ пересмотрѣла законодательства о сахарѣ всѣхъ странъ и по отношенію къ тѣмъ изъ нихъ, которыя примѣняютъ вывозныя преміи и не присоединились къ конвенціи, предложила установить „уравнительныя" пошлины — въ томъ числѣ и противъ Россіи. Первоначально конвенцію заключили Германія, Австрія, Венгрія, Бельгія, Франція, Англія, Италія, Нидерланды и Швеція. Впослѣдствіи къ ней присоединились Люксембургъ, Перу и Швейцарія. По истеченіи первыхъ же пяти лѣтъ, на которыя была заключена конвенція, для Англіи выяснилась невыгода обложенія ввознаго сахара и Англія заявила, что присоединится снова лишь въ томъ случаѣ, если будетъ освобождена отъ обязанности облагать премированный сахаръ уравнительными пошлинами Такъ какъ англійскій рынокъ имѣлъ большое значеніе для государствъ, вывозящихъ сахаръ, а, съ другой стороны, Россія согласилась присоединиться къ конвенціи, то Англіи была сдѣлана просимая ею уступка. Конвенція была возобновлена съ 1907 года снова на 5 лѣтъ. Въ 1910/11 гг. наканунѣ истеченія второго срока конвенціи обнаружился въ Европѣ сильный неурожай свекловицы, и производство сахара значительно сократилось во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Россіи, гдѣ оно достигло въ 1910—1911 гг. 1.945.000 тоннъ, противъ 1.041.000 т. произ-

Картели и тресты, защищеные еще болѣе высокими пошлинами, неизбѣжно начинаютъ „бросовый экспортъ". Средство, направленное противъ другой страны, обращается противъ промышленности страны, раньше боровшейся противъ вывозной политки синдикатовъ и трестовъ. Помимо сахара, въ настоящее время желѣзная промышленность, всюду объединенная въ могучіе синдикаты и тресты и всюду примѣняющая политику бросоваго экспорта, вызываетъ особенныя нареканія во всѣхъ странахъ. Давно уже поднятъ вопросъ о международномъ регулированіи пошлины на желѣзо.

Эта мѣра защищалась въ свое время итальянскимъ экономистомъ Луццати, французскимъ экономистомъ Гюйо, германскимъ депутатомъ Готгейномъ и гр. Витте. Но за исключеніемъ послѣдняго, всѣ сторонники международнаго урегулированія вопроса о вывозныхъ преміяхъ стояли за усиленное таможенное обложеніе предметовъ бросоваго экспорта.

Въ современной таможенной политикѣ существуетъ образецъ борьбы съ бросовымъ экспортомъ. Канадскій таможенный законъ отъ 10 августа 1904 г. опредѣляетъ (§ 19): „Когда таможенное

водимыхъ въ среднемъ ежегодно въ теченіе десятилѣтія 1900/01—1909/10 гг. Сильный недостатокъ сахара на міровомъ рынкѣ вызвалъ необычайное повышеніе цѣнъ. Цѣна за двойной центнеръ сахара-сырца 88°, составлявшая въ среднемъ въ десятилѣтіе 1900/01—1909/10 гг. 8 р. 75 к. и въ 1910/11 гг. 8 р. 98 к. (за время съ 1893/4 по 1910/11 гг. цѣна сахара одинъ разъ только, въ 1904/5 г., превышала въ теченіе двухъ мѣсяцевъ 13 р. 80 к.), поднялась въ октябрѣ 1911 г. — февралѣ 1912 г. до 14 р. 83 к. Понятно, что страны, ввозящія сахаръ, и прежде всего Англія были заинтересованы въ томъ, чтобы русскій сахаръ попалъ на міровой рынокъ въ возможно большемъ количествѣ. Поэтому когда Россія возбудила ходатайство о томъ, чтобы ей было разрѣшено вывезти, вмѣсто обычныхъ 200 т. т. — 400 т. т., ея ходатайство было рѣшительно поддержано Англіей. Брюссельская конвенція предложила компромиссъ, въ видѣ увеличенія контингента для Россіи до 300 т. т. на 1911/12 гг., но Россія требовала, чтобы на весь новый пятилѣтній періодъ ежегодный вывозъ ея былъ повышенъ до 240 т. т. Этому рѣшительно воспротивилась Германія. Въ результатѣ, былъ найденъ компромиссъ: Россіи было разрѣшено сверхъ контингента въ 200 т. т. вывезти въ 1911/12 гг. 150 т. т., въ 1912/13 гг. и 1913/14 гг. еще по 50 т. т. Но это не устраивало Англію, которая, наученная горькимъ опытомъ обложенія иностраннаго сахара, настаивала на освобожденіи вывоза русскаго сахара отъ какихъ бы-то ни было стѣсненій. Германія была противъ этого, и 1 сентября 1913 г. Англія выступила изъ брюссельской конвенціи, за ней послѣдовала и Италія. (См. I. Jastrow. Textbücher zu Studien über Wirtschaft und Staat. вып. I. Handelspolitik B. 1912.)

Исторія брюссельской конвенціи наглядно показываетъ, что борьба съ „бросовымъ экспортомъ" приноситъ вредъ, прежде всего, странѣ ввозящей и, кромѣ того, встрѣчаетъ препятствія въ агрессивномъ протекціонизмѣ, господствующемъ въ современныхъ государствахъ.

вѣдомство убѣдится въ томъ, что ввозная цѣна ввозимаго и облагаемаго пошлиной товара, производимаго также и въ Канадѣ, ниже обычной рыночной цѣны, опредѣляемой для взиманія пошлины, то такой товаръ подлежитъ обложенію особенной пошлиной, надбавкой къ существующей пошлинѣ". Борьба съ вывозной политикой синдикатовъ и трестовъ, являющейся непосредственнымъ результатомъ современнаго протекціонизма, имѣется въ виду въ канадскомъ законѣ и, повидимому, и парижской конференціей путемъ дальнѣйшаго усиленія протекціонизма. Возраженія противъ такой политики борьбы съ бросовымъ экспортомъ были вполнѣ справедливо высказаны въ свое время еще гр. Витте. Въ цитированной выше нотѣ гр. Витте указывалъ на то, что „этотъ способъ имѣетъ свои невыгоды и опасности для внутренней промышленности, сопряженныя съ частыми измѣненіями таможеннаго тарифа и съ тѣмъ избыткомъ покровительства, который неизбѣженъ въ тѣхъ случаяхъ, когда таможенныя ставки разсчитываются не на основаніи естественныхъ экономическихъ условій въ разныхъ странахъ, а на основаніи случайнаго явленія того уровня, не рѣдко измѣнчиваго, цѣнъ, по которымъ забрасываетъ синдикатъ своими товарами заграничные рынки. Кромѣ того, повышеніе пошлинъ и не справедливо, оно вызывается дѣятельностью синдикатовъ одной или нѣсколькихъ странъ, между тѣмъ какъ повышеніе пошлинъ должно быть примѣнено ко всѣмъ государствамъ, такъ какъ всѣ они связаны нынѣ торговыми договорами, и права наибольшаго благопріятствованія не допускаютъ введенія исключительныхъ тарифовъ [1])".

[1]) Политика „бросового экспорта", несомнѣнно, несовмѣстима съ господствовавшимъ до войны въ торговыхъ договорахъ европейскихъ государствъ началомъ „наибольшаго благопріятствованія". Принципъ „безусловнаго наибольшаго благопріятствованія" означаетъ созданіе равныхъ условій конкурренціи для различныхъ странъ на одномъ и томъ же рынкѣ страны, предоставляющей другимъ это право наиболѣе благопріятствуемой націи. Примѣненіе вывозныхъ премій, дающее возможность вывозящимъ государствамъ сбывать свои продукты по искусственно пониженнымъ цѣнамъ и въ тѣ страны, въ которыхъ они пользуются положеніемъ наибольшей благопріязни, ставитъ эти государства въ положеніе болѣе благопріятное по сравненію съ государствами, не практикующими по отношенію къ тѣмъ же продуктамъ политики „бросоваго экспорта". Этимъ подрываются смыслъ и значеніе условія о наибольшемъ благопріятствованіи. На мѣсто уравненія различныхъ странъ создается фактически дифференцированіе торговополитическихъ отношеній, т. е. политика, признанная съ 1860 г. въ Европѣ нежелательной. На это указываетъ и Лифманъ, указ. соч. стр. 58. Если „бросовый экспортъ" и право наибольшаго благопріятствованія несовмѣстимы, то послѣднее несовмѣстимо и съ штрафными пошлинами, которыми предлагаютъ облагать предметы бросоваго экспорта. Штрафныя пошлины означаютъ тоже дифференцированіе таможеннаго

Современный международный обмѣнъ и развитіе современнаго мірового хозяйства ведутъ, дѣйствительно, къ регулированію обмѣна между отдѣльными странами путемъ международныхъ соглашеній. На пути этой эволюціи важнѣйшей помѣхой является высокій протекціонизмъ и связанная съ нимъ синдикатская политика бросоваго экспорта. И лучшимъ средствомъ борьбы съ этой политикой является не усиленіе пошлинъ, а отмѣна въ вывозящихъ странахъ пошлинъ на товары, служащіе предметомъ бросоваго экспорта. Такое средство было предложено при обсужденіи таможеннаго закона въ Германіи въ 1902 году соц.-демокр. фракціей. Предложеніе, внесенное депутатомъ Альбрехтомъ и друг. гласило: „на обязанности союзнаго совѣта лежитъ отмѣнять пошлины, когда предпріятія, принадлежащія къ желѣзному картелю, сбываютъ чугунъ и желѣзо за границу по цѣнамъ ниже стоящихъ на отечественномъ рынкѣ“.

„Политика недобросовѣстной конкурренціи неизмѣнно приводитъ, — по мнѣнію обосновавшаго это предложеніе деп. Бернштейна,— къ таможеннымъ кризисамъ и таможеннымъ войнамъ. Въ этой политикѣ кроется одна изъ важнѣйшихъ причинъ усиливающагося въ послѣднее время международнаго соперничества, недовѣрія однихъ государствъ по отношенію къ другимъ въ области торговой политики [1])“.

Борьба съ „бросовымъ экспортомъ“,—какъ однимъ изъ важнѣйшихъ проявленій вредной протекціонной системы и вредной политики частно-капиталистическихъ монополій, — въ интересахъ демократіи всѣхъ странъ. Но демократія не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы эта борьба велась путемъ дальнѣйшаго усиленія протекціонизма. Политика синдикатовъ и трестовъ въ связи со всей современной протекціонной системой, усиливая положеніе частно-капиталистическихъ монополій на внутреннемъ рынкѣ, поддержи-

---

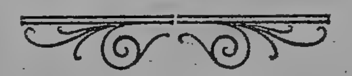
тарифа и уничтожаютъ значеніе „наибольшаго благопріятствованія“. Вывозныя преміи и политика бросоваго экспорта противорѣчатъ, такимъ образомъ, современной системѣ европейскихъ торговыхъ договоровъ, основанной на принципѣ безусловнаго наибольшаго благопріятствованія. Монополитическая политика частнокапиталистическихъ монополій подрываетъ одинаково и протекціонную систему и торговую политику, связанную съ условіемъ „наибольшаго благопріятствованія“, которое само по себѣ есть нечто иное, какъ выраженіе стремленія къ ослабленію современнаго протекціонизма. По вопросу о совмѣстимости штрафныхъ пошлинъ съ принципомъ „наибольшаго благопріятствованія„ см. у Viser. La clause de la nation la plus favorisée“. Revue de droit internationale et de legislation comparée. 1902, стр. 165—177 и Я. Д. Маковскій. Условіе наибольшаго благопріятствованія въ торговыхъ договорахъ. М. 1917, гл. X.

1) Stenographische Berichte etc., т. VIII, 6087.

ваетъ империалистическія стремленія во всѣхъ странахъ. Борьба за захватъ рынковъ обостряется. Для бросоваго экспорта нужны все новые и новые рынки, для ихъ захвата нуженъ милитаризмъ. Современный протекціонизмъ поддерживаетъ милитаризмъ, постоянную погоню за вооруженіями, въ свою очередь, современный милитаризмъ служитъ опорой безграничнымъ протекціонистскимъ вожделѣніямъ. Демократія, борющаяся противъ милитаризма, за свободное самоопредѣленіе національностей, за мирное сожительство всѣхъ народовъ не можетъ не бороться за свободный международный обмѣнъ на міровомъ рынкѣ и противъ всего, что препятствуетъ свободному обмѣну между отдѣльными народами.

Борьбу съ „бросовымъ экспортомъ демократія можетъ принять поэтому лишь, какъ борьбу съ вредными сторонами всей политики частнокапиталистическихъ монополій и какъ борьбу вообще со всей современной протекціонной системой, которая именно благодаря вывознымъ преміямъ изъ „воспитательной“ превратилась въ агрессивную.

С. Загорскій.

ФРАНЦІЯ И ЭЛЬЗАСЪ-ЛОТАРИНГІЯ.

Письмо изъ Парижа.

I.

Война раскалила національныя страсти и обострила всѣ національные вопросы. Громы войны разбудили чаянія и стремленія, дремавшія въ груди народовъ, и они вырвались наружу со стихійною силою. Угнетенныя національности, какъ и націи, часть которыхъ подвержена гнету, живѣе почувствовали связь со своимъ прошлымъ, остро ощутили мощное вліяніе узъ племенной и исторической солидарности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, война поставила подъ знакомъ вопроса всѣ прежнія завоеванія, покоящіяся на силѣ, передъ которой невольно должны были склоняться побѣжденные, открыла широкій просторъ самымъ смѣлымъ упованіямъ, и въ тоже время война разрушила всѣ надежды на возможность мирнаго постепеннаго разрѣшенія національныхъ проблемъ. Эти общія причины выдвинули также на первый планъ эльзасскую проблему, которая въ теченіе почти полувѣка отравляла взаимоотношенія Франціи и Германіи, являясь главнымъ препятствіемъ на пути возможнаго сближенія между обоими сосѣдними народами. Больше того, указанныя причины привели къ рѣзкому измѣненію содержанія этой проблемы какъ для эльзасцевъ, такъ и для французовъ.

Около полустолѣтія, французы хранили завѣтъ Гамбетты: постоянно думать объ Эльзасѣ, но поменьше говорить о немъ. Теперь они вознаграждаютъ себя за свое долгое молчаніе. На площади Согласія въ Парижѣ, гдѣ возвышаются величественныя и прекрасныя статуи, символизирующія главные города французскихъ провинцій, статуи Страсбурга и Метца были до войны обвиты траурнымъ крепомъ. Онѣ теперь украшены пышными вѣнками цвѣтовъ, служащихъ эмблемой надежды и свободы.

До войны, въ день національнаго праздника передъ статуями Страсбурга и Метца ежегодно происходили молчаливыя манифестаціи, въ которыхъ участвовали одни лишь націоналисты. Въ

1915 и 1916 гг. передъ этими же статуями дефилировали 14 іюля въ сопровожденіи многотысячной толпы члены правительства и делегаціи всѣхъ французскихъ политическихъ партій, отъ правыхъ до соціалистовъ. И эти новыя, небывалыя раньше національныя манифестаціи явились яркимъ символомъ той перемѣны, которую война вызвала въ отношеніи французовъ къ эльзасскому вопросу.

Этотъ вопросъ опредѣляетъ сейчасъ въ огромной степени позицію Франціи въ настоящей войнѣ, ея программу будущаго мира, ея отношеніе къ возможностямъ мира. И вслѣдствіе этого, принимая во вниманіе роль Франціи въ европейскомъ конфликтѣ, эльзасскій вопросъ пріобрѣтаетъ характеръ крупнаго международнаго вопроса. Онъ никогда не былъ исключительно франко-германскимъ вопросомъ, — онъ сильно вліялъ, хотя и косвеннымъ образомъ, на общее направленіе европейской политики. Эльзасъ-лотарингская проблема лежала огромнымъ камнемъ преткновенія на пути возможнаго сближенія между Франціей и Германіей, и это обстоятельство въ значительной мѣрѣ препятствовало установленію болѣе довѣрчивыхъ отношеній между обѣими соперничавшими группами великихъ державъ и содѣйствовало созданію удушливой международной атмосферы, въ которой возникавшіе конфликты интересовъ неизбѣжно и неизмѣнно осложнялись и обострялись.

Вліяніе эльзасской проблемы на позицію Франціи въ вопросѣ объ условіяхъ мира, возможныя послѣдствія того или иного ея рѣшенія для будущаго Европы особенно рельефно оттѣняютъ сейчасъ ея обще-европейское значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и само содержаніе ея рѣзко измѣнилось, благодаря войнѣ. Вотъ почему вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи пріобрѣтаетъ теперь незаурядный интересъ и заслуживаетъ пристальнаго вниманія.

Эльзасская проблема — чрезвычайно сложная; въ ней переплелись элементы національные и историческіе, политическіе и международные; она касается Франціи и Германіи, но еще въ большей степени, конечно, самихъ эльзасъ-лотарингцевъ, которые не являются фактически ни настоящими французами, ни истинными нѣмцами, но, въ то же время, связаны во многихъ отношеніяхъ съ обоими народами. Столкновеніе расовыхъ и политическихъ симпатій, историческихъ притязаній и національныхъ правъ, культурныхъ традицій и непосредственныхъ интересовъ, вотъ что составляло отличительную черту этой проблемы, а также опредѣляло ея сложность.

Но она отличалась еще и въ другомъ отношеніи отъ остальныхъ европейскихъ національныхъ проблемъ. Аннексіи не были новостью въ Европѣ и до 1871 года; но аннексія Эльзасъ-Лотарингіи имѣла совершенно исключительный характеръ. Какъ справедливо указываетъ историкъ Сеньобосъ въ своей послѣдней работѣ, Германія сдѣлала опытъ, не имѣвшій прецедентовъ. Она оторвала двѣ провинціи отъ территоріи великой державы, инкорпорировала населеніе, національное чувство котораго, насилованное завоевателемъ, находило поддержку въ сосѣдствѣ и постоянныхъ сношеніяхъ со старымъ отечествомъ. Если указанное обстоятельство должно было сильно вліять на настроеніе эльзасъ-лотарингцевъ, поддерживать въ нихъ возмущеніе противъ совершеннаго надъ ними насилія, то оно въ еще большей степени вліяло на самихъ французовъ.

Потерянныя провинціи, вырванныя у нихъ, какъ кусокъ мяса изъ живого тѣла, отгороженныя отъ нея, противъ воли ихъ населенія, щетиной вражескихъ штыковъ, являлись для Франціи, какъ бы символомъ ея пораженія, ея слабости, постояннымъ напоминаніемъ перенесеннаго ею униженія.

Отношеніе французовъ къ эльзасскому вопросу, подъ вліяніемъ времени, новыхъ проблемъ, выдвинутыхъ жизнью, и цѣлаго ряда иныхъ факторовъ подвергалось значительной эволюціи, измѣнялись также и формы этого отношенія. Но несмотря на все это, оставалось нѣчто глубокое и неистребимое, что лежало въ его основѣ, что заставляло ныть нанесенную рану и мѣшало ей окончательно зажить. Но чтобы понять это „нѣчто", необходимо вспомнить, при какихъ условіяхъ совершилась аннексія Эльзасъ-Лотарингіи.

Въ бордосскомъ національномъ собраніи, избранномъ въ февралѣ 1871 года, большинство состояло изъ правыхъ, программой которыхъ было немедленное заключеніе мира, путемъ удовлетворенія требованій Бисмарка, для того, чтобы, покончивъ съ войной, приняться за водвореніе „внутренняго порядка".

Лучшіе представители французской демократіи, продолжатели великихъ революціонныхъ традицій, съ неослабнымъ мужествомъ проповѣдывали въ собраніи войну до конца, считая неизгладимымъ позоромъ для Франціи миръ, освящающій аннексію части ея территоріи. И съ такимъ же мужествомъ, съ упорствомъ подлиннаго отчаянія протестовали противъ такого мира только что избранные представители населенія Эльзасъ-Лотарингіи. 17 февраля прозвучалъ въ собраніи ихъ пламенный страстный протестъ.

„Эльзасъ и Лотарингія, — гласила декларація эльзасъ-лотарингскихъ депутатовъ, прочитанная отъ ихъ имени депутатомъ

Келлеромъ, — не желаютъ быть отчужденными. Всѣ граждане, какъ мирные жители, оставшіеся въ провинціяхъ, такъ и солдаты, ставшіе подъ знамена, одни вотируя, другіе сражаясь, объявляютъ Германіи и всему міру волю Эльзаса и Лотарингіи остаться французскою землею. Франція не можетъ согласиться на уступку провинцій, не можетъ подписать такую уступку... Собраніе, даже избранное всеобщимъ голосованіемъ, не можетъ ссылаться на свой авторитетъ, чтобы ратифицировать требованія, разрушающія цѣлостность націи. Поступивъ такъ, оно присвоило бы себѣ право, которымъ не обладаетъ и самъ народъ, собранный въ свои избирательныя коллегіи... Франція можетъ подвергаться ударамъ силы, — она не можетъ санкціонировать ея приговоровъ".

Въ дальнѣйшемъ протестанты аппелировали къ Европѣ, доказывая, что ея собственный интересъ диктуетъ ей необходимость вмѣшаться и не допустить совершиться насилію. Европа не должна терпѣть, чтобы съ народомъ обращались, какъ съ безсловеснымъ стадомъ; во имя собственнаго самосохраненія она не должна допустить подобнаго злоупотребленія силой.

„Мы беремъ въ свидѣтели нашихъ французскихъ согражданъ и народы всего мира и заявляемъ, что мы заранѣе считаемъ для себя недѣйствительными (nuls et non avenus) всякіе договоры и акты, вотумы и плебисциты, которые одобрять уступку иностранной державѣ Эльзаса и Лотарингіи или части этихъ провинцій. Мы провозглашаемъ навѣки ненарушимымъ право эльзасцевъ и лотарингцевъ остаться навсегда членами французской семьи и мы клянемся, за себя и нашихъ довѣрителей, своихъ дѣтей и потомковъ, вѣчно и всѣми путями отстаивать это право противъ всѣхъ узурпаторовъ [1]).

Декларація эльзасъ-лотарингской депутаціи, проникнутая такимъ возвышеннымъ патріотическимъ чувствомъ и горячей преданностью Франціи, произвела глубокое и сильное впечатлѣніе на французовъ, но она не могла, конечно, поколебать заранѣе принятаго рѣшенія большинства національнаго собранія. Протестъ эльзасъ-лотарингцевъ вызвалъ открытый сочувственный откликъ лишь со стороны крайней лѣвой, которая вручила имъ адресъ, подписанный такими именами, какъ Викторъ Гюго, Луи Бланъ, Эдгаръ Кинэ, Бенуа Маленъ, Шэльшэръ, Ранкъ, и Клемансо. Въ адресѣ крайніе лѣвые депутаты увѣряли своихъ эльзасъ-лотарингскихъ коллегъ, что „представители республиканской Франціи раздѣляютъ

---

1) См G. Se'ail L, Alsace-Lorraine, „Histoire d' une annexion", стр. 22—23. Paris, 1915.

ихъ чувства и мнѣніе". Они утверждали, что присоединяются къ точкѣ зрѣнія эльзасъ-лотарингцевъ, не признающихъ права ни за національнымъ собраніемъ, ни за самимъ французскимъ народомъ превратить хотя бы одного жителя провинцій въ прусскаго подданнаго. Они заявляли, наконецъ, что также будутъ считать недѣйствительными „всякій договоръ или актъ, вотумъ или плебисцитъ, который одобритъ уступку какой бы то ни было части Эльзаса или Лотарингіи".

1-го марта при окончательныхъ преніяхъ по вопросу о ратифицированіи мирныхъ условій крайняя лѣвая дѣлаетъ послѣднее усиліе противъ сторонниковъ мира во что бы то ни стало. Викторъ Гюго, Луи Бланъ, Эдгаръ Кинэ выступили съ пламенными рѣчами, призывая собраніе вспомнить революціонныя традиціи Франціи и „не заставлять силою французовъ перестать быть французами" (Луи Бланъ).

Эдгаръ Кинэ съ большимъ жаромъ и логической мощью выяснилъ основную сущность вопроса. Онъ показалъ всю противорѣчивость, чудовищность договора, смѣшивающаго два права, одно другое исключающее, и санкціонирующаго право завоеваній во имя права народовъ, которое является его отрицаніемъ.

До сихъ поръ, — утверждалъ Кинэ, — завоеватели ограничивались присоединіемъ территорій, которыя имъ удавалось захватить. Это было право войны. Теперь Пруссія предъявляетъ новыя притязанія; она требуетъ, чтобы всеобщее народное голосованіе своимъ вотумомъ освятило насильническій актъ, ею совершенный. А въ этомъ проявляется сокровенная мысль новыхъ силъ. Онѣ знаютъ, что все, что не основано на новыхъ принципахъ, возвѣщенныхъ Франціей, — непрочно. Заставить національное собраніе расчленить націю — вотъ главная цѣль врага. И въ этомъ знаменитый историкъ видѣлъ мщеніе феодальнаго духа свободнымъ демократическимъ учрежденіямъ Франціи, феодальнаго духа, стремящагося сдѣлать эти учрежденія орудіемъ національнаго разоренія.

Всѣ эти рѣчи и призывы не привели ни къ чему. Мирныя условія были ратифицированы 576 голосами противъ 107, противъ голосовъ всей лѣвой. И снова эльзасъ-лотарингскіе депутаты выступаютъ съ протестомъ, протестомъ для исторіи и міра. Декларація, прочитанная отъ ихъ имени депутатомъ Верхняго Рейна, Грожаномъ, была проникнута настоящимъ трагическимъ паѳосомъ. Въ ней еще громче, чѣмъ въ первой деклараціи звучали заявленія о вѣчной преданности эльзасъ-лотарингцевъ Франціи, провозглашалось непоколебимое намѣреніе, несмотря ни на что, несмотря на погра-

ничные барьеры, сохранять духовное родство со старымъ отечествомъ, выражалась, наконецъ, увѣренность во временномъ характерѣ разлуки съ нимъ.

Эта декларація была поистинѣ крикомъ дѣтей, насильственно отрываемыхъ отъ матери, воплемъ милліоновъ людей, незаслуженно подвергающихся суровой участи. Она потрясла всѣхъ, въ комъ эгоизмъ, страхъ или холодный расчетъ не убили чувства справедливости и свободы.

Депутаты Рошфоръ, Ранкъ, Феликсъ Піа и будущій теоретикъ интегральнаго соціализма, Бенуа Маленъ, сложили свои депутатскія полномочія въ знакъ протеста противъ вотума собранія, одобрившаго уступку провинцій, и вернулись въ Парижъ, чтобы поднять парижскій народъ на возстаніе.

Бѣглаго знакомства съ деклараціями эльзасъ-лотарингской депутаціи и рѣчами лѣвыхъ ораторовъ въ бордосскомъ собраніи достаточно, чтобы понять, въ чемъ заключалось то неистребимое „нѣчто", которое лежало въ основѣ отношенія французовъ къ эльзасскому вопросу. Не національное самолюбіе, не крушеніе великодержавныхъ мечтаній вызывали гнѣвное и страстное возмущеніе противниковъ уступки провинцій Германіи. Вѣдь не случайность, что протесты исходили какъ разъ отъ лѣвыхъ группъ, въ томъ числѣ и отъ соціалистовъ, наиболѣе чуждыхъ шовинизма и національзма, проповѣдниковъ международнаго братства. Это обстоятельство не только не было случайностью, но оно пролило особенно яркій свѣтъ на сущность эльзасской проблемы.

Въ аннексіи прежде всего возмущало подавленіе силою права.

Эльзасъ-лотарингцы желали оставаться французами, они громко и торжественно провозгласили себя членами французской семьи, дѣтьми общей матери Франціи. Они заявили, что не желаютъ быть присоединенными къ Германіи, что аннексія является насиліемъ надъ ихъ чувствомъ и разумомъ, подавленіемъ ихъ законнѣйшаго права свободно располагать своею судьбою. При такихъ условіяхъ аннексія получила характеръ возмутительнѣйшаго попиранія человѣческихъ правъ. И вотъ почему, какъ разъ демократическіе элементы Франціи, лучшіе борцы демократіи такъ пылко противъ нея возставали. Борясь противъ насилія во внутренней жизни страны, онѣ не могли примириться съ насиліемъ, совершеннымъ чужою державою надъ двумя милліонами ихъ согражданъ. Въ основѣ отношенія французовъ къ эльзасскому вопросу лежало возмущеніе, протестъ демократическаго сознанія. И то обстоятельство, что правыя политическія группы эксплоатировали впослѣдствіи эльзасскій во-

просъ въ своихъ цѣляхъ ничуть не уменьшаетъ значенія этого факта.

Чѣмъ болѣе развивалась во Франціи демократія, тѣмъ сильнѣе и глубже мирныя тенденціи проникали французскую народную массу, — и вмѣстѣ съ тѣмъ идея реванша постепенно стала терять всякую жизненность. Но съ другой стороны, именно развитіе демократіи, шедшее рука объ руку съ развитіемъ демократическаго сознанія и обостреніемъ морально-демократической чувствительности, поддерживало протестъ противъ того рѣшенія эльзасскаго вопроса, которое дано было Германіей. И даже соціалисты, такъ пламенно проповѣдывавшіе идею франко-германскаго сближенія въ интересахъ европейскаго мира, никогда не соглашались просто предать забвенію эльзассъ-лотарингскую проблему; они лишь намѣчали свои способы для ея разрѣшенія.

Извѣстный теоретикъ синдикализма и горячій пацифистъ Максимъ Леруа въ своей книгѣ, выпущенной за мѣсяцъ до войны, въ которой онъ доказывалъ необходимость сближенія между Франціей и Германіей, очень ярко изобразилъ тѣ сложныя настроенія, которыя вызывала у французовъ Эльзасъ-Лотарингія уже въ самые послѣдніе годы. „Недостаточно сказать: „забудемъ, помиримся“. Въ глубинѣ каждаго изъ насъ, когда мы формулируемъ эти пожеланія, мы чувствуемъ какъ бы нѣкоторое безпокойство, угрызеніе совѣсти; мы чувствуемъ, что на насъ лежитъ обязанность моральнаго исправленія насилія, совершеннаго въ 1871 году. Забвеніе, конечно, наступило, но только забвеніе. Ни нашъ разумъ, ни наше чувство не примирились съ этимъ фактомъ. Мы слишкомъ цивилизованы, чтобы не испытывать нравственнаго безпокойства при мысли, что болѣе полутора милліоновъ эльзасъ-лотарингцевъ подверглись обращенію, какому подвергаются безсловесныя животныя. А къ этому еще приводитъ голосъ праваго чувства сознаніе исторической mea culpa. И мы хотимъ исправленія не столько ради насъ, сколько ради Эльзаса“ [1]).

Сказанное объясняетъ намъ, почему эльзасскій вопросъ содѣйствовалъ созданію удушливой международной атмосферы, несмотря на то, что силы демократіи и прогресса росли и развивались во Франціи и Германіи, какъ и во всей Европѣ.

И однако, какъ только закончилась франко прусская война какъ только Франція стала оправляться отъ своихъ ранъ, тѣ же самые лѣвые элементы, которые такъ пламенно протестовали про-

---

[1]) Maxime Leroy: „L'Alsace-Lorraine — porte de France et porte d'Allemagne“, стр. 209, Paris, 1912.

тивъ уступки Эльзасъ-Лотарингіи, съ большой энергіей стали отвергать всякую мысль о новой войнѣ съ Германіей ради отвоеванія обѣихъ провинцій.

Что Эльзасъ-Лотарингія должна быть возвращена Франціи, что такое возвращеніе является единственнымъ средствомъ для справедливаго рѣшенія эльзасскаго вопроса — въ этомъ почти никто не сомнѣвался, — это было въ первые годы и первыя десятилѣтія послѣ франко-прусской войны преобладающее мнѣніе среди французовъ. Но лелѣяли надежду, питали увѣренность, что возсоединеніе провинцій со старымъ отечествомъ сможетъ быть достигнуто не черезъ войну, а иными путями.

Гамбетта первый открыто выразилъ эту надежду и эту увѣренность въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ передъ народными массами.

Провозглашая необходимость для Франціи разъ навсегда отказаться отъ преслѣдованія „кровавыхъ идеаловъ", онъ въ то же время со свойственнымъ ему бурнымъ и могучимъ краснорѣчіемъ убѣждалъ французовъ, что „будущее ни для кого не закрыто", что „возстановленіе нарушенной справедливости можетъ явиться результатомъ развитія права".

И другіе политическіе вожди Франціи, стоявшіе правѣе Гамбетты, менѣе или вовсе не вѣрившіе въ силу права, также полагали, что Франція сможетъ добиться возврата утраченныхъ провинцій, не прибѣгая къ войнѣ. Они и въ томъ числѣ такой трезвый политикъ, какъ Тьеръ, были убѣждены въ томъ, что рано или поздно политика Германіи приведетъ къ рѣзкому столкновенію съ другими великими державами, и новая имперія, чтобы отстоять себя, чтобы не допустить присоединенія Франціи къ ея врагамъ, вынуждена будетъ искать союза съ нею и купить его цѣною возврата провинцій.

Позже, уже въ девяностыхъ годахъ, во французской политической литературѣ выдвигается рядъ проектовъ для осуществленія мирнымъ путемъ возврата Эльзасъ-Лотарингіи. Были проекты о предложеніи Германіи какой-нибудь большой французской колоніи въ обмѣнъ за обѣ провинціи, о предоставленіи ей въ видѣ компенсаціи большихъ экономическихъ преимуществъ, о заключеніи съ нею въ этихъ видахъ спеціальныхъ экономическихъ конвенцій, о передачѣ эльзасскаго вопроса на рѣшеніе гаагскаго международнаго трибунала, чего требовалъ и Бебель съ трибуны рейхстага въ февралѣ 1893 года. И такъ, несмотря на то, что лишь незначительное меньшинство продолжало мечтать о реваншѣ, а огромное большинство націи искренно желало сохраненія мира, рѣшеніе

эльзасскаго вопроса все же очень долго видѣли исключительно въ обратномъ присоединеніи провинцій къ Франціи. Это отношеніе французовъ къ эльзасскому вопросу стало, однако, постепенно измѣняться подъ вліяніемъ той политико-національной эволюціи, которая совершалась въ самой Эльзасъ-Лотарингіи.

II.

Передъ Германской имперіей, присоединившей Эльзасъ-Лотарингію, стояла опредѣленная задача: привязать провинціи къ новому отечеству прочными узами интересовъ и симпатій и вытравить постепенно изъ сознанія ихъ населенія чувство преданности къ Франціи.

Задача имперіи должна была облегчиться тѣмъ обстоятельствомъ, что ей предстояло имѣть дѣло не съ населеніемъ чужой расы, чужого языка, а родственнаго ей въ этомъ отношеніи.

Если разсматривать эльзасцевъ съ точки зрѣнія расы игнорируя историческіе и культурные факторы, то они, конечно, нѣмцы; несмотря на то, что Эльзасъ въ теченіе двухъ вѣковъ являлся составною частью Франціи, его населеніе сохранило своеобразный національно-культурный обликъ и сильно отличалось отъ настоящихъ французовъ своимъ бытомъ, нравами, обычаями и общимъ укладомъ своей жизни.

Основнымъ правиломъ французскихъ королей, создавшихъ Францію, путемъ постепеннаго присоединенія разныхъ провинцій, было невмѣшательство во внутреннюю культурно-національную жизнь вновь присоединеннаго населенія. Власть королей была деспотической, но она ограничивалась опредѣленными рамками, за которыя она не считала нужнымъ, а можетъ быть, и возможнымъ выходить. Лишь великая революція спаяла воедино различныя провинціи, составлявшія французское королевство, до тѣхъ поръ рѣзко отличавшіяся одна отъ другой. Но и революція не прибѣгала для этого къ насильственнымъ мѣрамъ. (Вандейское возстаніе, жестоко подавленное революціей, было вызвано, какъ извѣстно, совершенно иными мотивами.) Національное единеніе, реализованное ею, явилось результатомъ высокаго духовнаго подъема, охватившаго всю страну въ бурные и трагическіе революціонные годы. Спонтанейное, добровольное это единеніе закалилось въ пламени свободы, въ горнилѣ борьбы за новые идеалы. Въ этой борьбѣ Эльзасъ сыгралъ большую и видную роль, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта провинція въ гораздо большей степени, чѣмъ другія, сохранила свою самобытность, что объясняется расовымъ отличіемъ эльзасцевъ отъ французовъ.

И послѣ революціи, ни Наполеонъ, ни бѣлая и трехцвѣтная монархія, ни вторая имперія не дѣлали никакихъ попытокъ насильственнаго сглаживанія тѣхъ особенностей, которыя отличали Эльзасъ отъ остальной Франціи.

Наоборотъ, въ своеобразномъ быту эльзасцевъ, въ ихъ оригинальной національно-культурной физіономіи было для французовъ нѣчто глубоко симпатичное и привлекательное. Знаменитые романы Эркмана-Шатріана, въ которыхъ съ такой силой и мастерствомъ и съ такой горячей любовью набросаны широкія картины жизни Эльзаса, съ ея характернымъ патріархальнымъ укладомъ, крѣпкими и прочными бытовыми традиціями, и понынѣ еще пользуются во Франціи огромной популярностью.

Во всякомъ случаѣ, въ моментъ аннексіи эльзасское населеніе совершенно не напоминало населенія, подвергшагося насильственному офранцуживанію, а 77% его говорило по-нѣмецки. И тѣмъ не менѣе мы видѣли, какъ пламенно протестовали эльзасцы противъ ихъ присоединенія къ народу родной имъ расы, съ какимъ искреннимъ паѳосомъ провозглашали они свою непоколебимую вѣчную преданность Франціи, чуждой имъ въ расовомъ отношеніи.

Все дѣло въ томъ, что исторія Эльзаса является наиболѣе яркой иллюстраціей преобладающей силы культурныхъ и историческихъ традицій надъ факторами расы и языка. Эльзасцы, будучи отпрыскомъ германской расы, фактически не участвовали ни въ процессѣ образованія германскаго народа, ни въ развитіи его культуры. Правда, Эльзасъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій входилъ въ составъ священной Германской имперіи. Но, какъ извѣстно, эта имперія далеко не представляла собою сплоченнаго государственнаго, а тѣмъ болѣе національнаго цѣлаго. Къ тому же Эльзасъ въ рамкахъ имперіи пользовался широкой самостоятельностью; онъ обладалъ десятью свободными городами; Мюльгаузенъ и Страсбургъ были народными республиками. Нѣкоторые историки утверждаютъ, между прочимъ, что республиканскія традиціи Эльзаса ведутъ свое начало именно отъ этой эпохи. Замѣчательно, что когда въ 1556 году, при раздѣлѣ имперіи Карла V, Германія потребовала себѣ Эльзасъ, эльзасцы уже тогда категорически высказывались противъ этого требованія.

Не будучи связаннымъ съ Германіей дѣйствительными политическими узами, отдѣленный отъ нея Рейномъ и географически болѣе близкій къ Франціи, Эльзасъ еще задолго до вестфальскаго мира обнаруживалъ сильное тяготѣніе къ французскому королевству и подвергался французскимъ культурнымъ и идейнымъ вліяніямъ. Въ эпоху заключенія утрехтскаго мира само же правитель-

ство Пруссiи въ меморандумѣ, адресованномъ уполномоченнымъ, ведшимъ переговоры, обстоятельно доказывало, что эльзасцы, въ сущности, мало чѣмъ отличаются отъ французовъ.

„Всѣмъ извѣстно, гласилъ меморандумъ, что жители Эльзаса такiе же французы, какъ и сами парижане. Короли Францiи настолько увѣрены въ ихъ любви, преданности и усердiи, что всякiй разъ, когда нѣмцы проявляютъ намѣренiе перейти черезъ Рейнъ, они приказываютъ имъ вооружиться ружьями, мечами и аллебардами и снабжаютъ ихъ порохомъ и свинцомъ. А эльзасцы сбѣгаются толпами къ берегамъ рѣки, чтобы цѣною своей жизни помѣшать нѣмецкой нацiи перейти черезъ Рейнъ[1]).

Вообще послѣ раздѣла имперiи Карла V Эльзасъ лишь номинально числился въ составѣ германскихъ владѣнiй. Имперiя такъ мало считала Эльзасъ своею собственностью, что при подписанiи вестфальскаго договора предложила Францiи передать ей свое право сюверенитета на эту провинцiю въ награду за поддержку, оказанную французскимъ королемъ протестантскимъ князьямъ Германiи.

Францiя къ этому времени не только обладала настоящей государственной организацiей, сравнительно развитой промышленностью, но и была идейнымъ руководителемъ Европы. Тѣмъ сильнѣе, конечно, должно было быть ея влiянiе на эльзасское населенiе, нѣмецкое по происхожденiю, обладающе нѣкоторыми самостоятельными бытовыми и общественными традицiями, но представлявшее еще собою, въ значительной степени, сырой матерiалъ.

Въ теченiе двухъ вѣковъ Эльзасъ жилъ одной жизнью съ Францiей, росъ и развивался вмѣстѣ съ нею, все сильнѣе сростался съ нею въ экономическомъ и культурномъ отношенiи. Онъ далъ ей знаменитыхъ вcиновъ, смѣлыхъ и энергичныхъ промышленниковъ, выдающихся администраторовъ. Но особенно сильно связала Эльзасъ съ общимъ французскимъ отечествомъ великая революцiя.

Громы революцiи разбудили въ эльзасцахъ ихъ древнiя коммунальныя и свободолюбивыя традицiи и отозвались въ Эльзасѣ могучимъ сочувственнымъ эхомъ. Эльзасъ былъ одною изъ наиболѣе преданныхъ революцiи французскихъ провинцiй. Въ городахъ и селахъ Эльзаса вспыхнуло мощное и бурное народное движенiе. Создавались революцiонныя коммуны и организацiи, набиралась въ широкихъ размѣрахъ революцiонная милицiя. Эльзасъ однимъ изъ первыхъ отозвался на призывъ къ объединенiю всѣхъ

[1]) Lamberty „Memoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle“ tome V, стр. 284.

французскихъ провинцій въ „единую и нераздѣльную Францію“, къ отказу отъ провинціальнаго партикуляризма и мѣстныхъ привилегій. Въ Страсбургѣ было провозглашено образованіе федераціи Верхняго Рейна, которая вмѣстѣ съ федераціей Франшъ-Контэ сыграла выдающуюся роль въ національномъ объединительномъ движеніи. И на знаменитомъ праздникѣ федерацій 14-го іюля 1790 года, на Марсовомъ полѣ въ Парижѣ, делегаты Эльзаса отъ имени всего эльзасскаго населенія торжественно поклялись въ своемъ вѣчномъ объединеніи со всѣми французами „неразрывными узами братства“.

Въ Эльзасѣ, въ Страсбургѣ, родился гимнъ революціи, безсмертная „Марсельеза“; Эльзасъ же далъ цѣлый рядъ знаменитыхъ генераловъ той героической эпохи: Клебера, Келлермана, Роппа, Лефебра, Нэя, Лассаля, Ришпанса...

Стоитъ лишь прочитать „Исторію одного крестьянина“ Эркмана-Шатріана, въ которой въ яркой художественной формѣ изображены жизнь и настроенія Эльзаса въ періодъ революціоннаго катаклизма, чтобы понять, какъ глубоко проникли въ душу эльзасцевъ идеи революціи, за торжество которыхъ они такъ мужественно боролись. Тѣ же мотивы, политическіе и соціальные, которые двигали всей Франціей въ ея титанической борьбѣ противъ европейской монархической коалиціи, двигали и Эльзасомъ.

Въ революціи 1848 года Эльзасъ также играетъ видную роль рядомъ съ наиболѣе передовыми французскими провинціями, какъ онъ играетъ видную роль въ быстромъ промышленномъ развитіи Франціи въ періодъ трехцвѣтной монархіи и второй имперіи.

То, что сказано объ Эльзасѣ, относится въ общихъ чертахъ и къ Лотарингіи, часть которой также отошла по Франкфуртскому договору къ Германіи. Исторія Лотарингіи очень мало отличается отъ исторіи Эльзаса. Въ сущности лотарингцы тѣ же эльзасцы, но будучи ближе въ географическомъ отношеніи къ коренной Франціи, они сильнѣе подверглись ея вліянію и болѣе офранцузились.

Духовное, культурное и историческое родство эльзасъ-лотарингцевъ съ Франціей, преобладаніе вліянія этого родства надъ факторами расы и языка никогда не отрицали и сами нѣмцы, и еще въ 1911 году, въ моментъ обсужденія въ рейхстагѣ проекта эльзасской конституціи, не кто иной, какъ государственный секретарь Дельбрюкъ откровенно призналъ это обстоятельство въ своей рѣчи.

„Можно признать, — сказалъ Дельбрюкъ, — что когда Эльзасъ-Лотарингія была присоединена къ Германіи, она была въ основѣ нѣмецкой провинціей. Но не надо забывать, что когда Эль-

засъ-Лотарингія отдѣлилась отъ Германской имперіи, послѣдняя находилась въ состояніи глубокаго разложенія. Ничто не связывало со старымъ отечествомъ отдѣленную отъ него страну. Эльзасъ-лотарингцы, несмотря на это, сохранили въ извѣстной мѣрѣ свой нѣмецкій характеръ, но они остались чужды эволюціи Германіи, которая началась при Фридрихѣ Великомъ и закончилась объединеніемъ Германіи. Они не приняли участія въ интеллектуальной жизни Германіи, пробужденной Шиллеромъ и Гёте. Во Франціи научились они цѣнить блага принадлежности къ большому и могущественному государству, объединенному центральнымъ правительствомъ. Сыны Эльзасъ-Лотарингіи отличались на службѣ Франціи и оказали ей существенныя услуги. Политическое и экономическое развитіе Франціи приносило имъ выгоды. Это политическое и экономическое воспитаніе создало въ эльзасъ-лотарингскомъ населеніи французскія традиціи, которыя въ немъ укоренились. Эти традиціи создаютъ намъ затрудненія и по сей день и будутъ намъ создавать ихъ и впредь".

Что же восприняли эльзасъ-лотарингцы отъ Франціи въ теченіе двухвѣковой общей жизнью съ нею? Я уже говорилъ, что эльзасцы сохранили въ своемъ быту, нравахъ, образѣ жизни много своеобразнаго, чисто эльзасскаго, не французскаго. И расовая печать также далеко не стерлась съ нихъ. Эльзасская самобытность, отличающая эльзасцевъ, какъ отъ нѣмцевъ, такъ и отъ французовъ и дѣлающая ихъ въ то же время похожими на тѣхъ и другихъ, является, несомнѣнно, результатомъ скрещивавшихся нѣмецкихъ и французскихъ расовыхъ, психологическихъ и историческихъ вліяній.

Но отъ французовъ эльзасъ-лотаринцы восприняли и нѣчто рѣзко опредѣленное, нѣчто такое, что замѣтно съ перваго взгляда и что Дельбрюкъ назвалъ „французскими традиціями". Они восприняли — демократическія чувства, демократическую психологію, демократическія традиціи общественности и органическую любовь къ свободѣ. Вмѣстѣ съ французами, съ которыми они поклялись остаться навѣки объединенными „узами братства", эльзасцы пережили величайшій общественный подъемъ, какого не знала ни одна изъ остальныхъ европейскихъ націй. Они были дѣятельными участниками великаго движенія, расшатавшаго основы стараго міра и зажегшаго человѣчество неистребимымъ пламенемъ новыхъ идей и вѣрованій. Такіе факты не проходятъ безслѣдно въ жизни народовъ; они накладываютъ неизгладимую огненную печать на ихъ чувство, на ихъ сознаніе...

Эльзасцевъ сближало съ нѣмцами расовое родство и языкъ;

но ихъ отдѣляли другъ отъ друга не только воспоминанія, связанныя съ другимъ отечествомъ, не только различные культурные навыки, но и глубоко противоположныя традиціи общественности. И если первое обстоятельство облегчало задачу, которую Германская имперія поставила себѣ по отношенію къ Эльзасъ-Лотарингіи, то второе чрезвычайно эту задачу осложняло. Для того, чтобы использовать благопріятный факторъ — расовое родство и общность языка — Германіи нужно было бы дать широкое удовлетвореніе демократическому сознанію эльзасъ-лотарингскаго населенія, которое, главнымъ образомъ, и связывало его съ Франціей. Но уже съ первыхъ шаговъ имперія показала, что дать такое удовлетвореніе она органически неспособна.

III.

Германія требовала аннексіи, потому что эльзасъ-лотарингцы — нѣмцы, родные сыны нѣмецкой земли. Это, казалось бы, должно было опредѣлить братское отношеніе къ обѣимъ провинціямъ, должно было диктовать необходимость предоставить имъ хотя бы равныя права со всѣми остальными нѣмецкими государствами, объединившимися въ единую имперію. Но германскіе правящіе круги знали, что эльзасъ-лотарингцы крѣпко привязаны къ Франціи, что ихъ умъ „извращенъ ихъ французской жизнью", какъ писалъ Трейчкэ, доказывавшій, что Германія желаетъ располагать провинціями „въ силу высшаго права, въ силу права нѣмецкой націи, которая не можетъ позволить своимъ блуднымъ сынамъ остаться навсегда внѣ Германской имперіи". И поэтому они ставили себѣ цѣлью вернуть эльзасъ-лотарингцамъ, по совѣту того же Трейчке, „ихъ истинную національную физіономію, вопреки ихъ волѣ", т. е. превратить ихъ въ настоящихъ дисциплинированныхъ нѣмцевъ. А такая цѣль уже сама по себѣ была несовмѣстима съ предоставленіемъ провинціямъ болѣе или менѣе широкой свободы.

Кромѣ того, для Бисмарка и германскихъ милитаристовъ Эльзасъ-Лотарингія вообще являлась своего рода вооруженнымъ бастіономъ Германіи противъ Франціи. Бисмаркъ, какъ и нѣмецкій генеральный штабъ, требовали аннексіи провинцій прежде всего во имя военно-стратегическихъ интересовъ имперіи. Но поскольку провинціи разсматривались имперіей, какъ вооруженный бастіонъ, выдвинутый противъ Франціи, естественно, что ихъ населеніе, тяготѣвшее всѣми силами къ старому отечеству, должно было подвергнуться режиму, близкому къ режиму укрѣпленнаго лагеря. Но этого еще мало.

Быть можетъ главной причиной, обусловившей особенное по-

ложеніе Эльзасъ-Лотарингіи въ составѣ имперіи, являлось то обстоятельство, что творцы объединенной Германіи считали нужнымъ превратить завоеванныя провинціи въ объектъ совмѣстнаго владѣнія всѣхъ союзныхъ государствъ, составляющихъ имперію. Но субъектъ и объектъ владѣнія не могутъ, конечно, пользоваться равными правами. Не могла пользоваться равными правами съ нѣмецкми государствами имперіи и Эльзасъ-Лотарингія.

Уже въ объяснительной запискѣ, приложенной къ законопроекту объ организаціи новаго режима въ провинціяхъ, приведенныя выше соображенія были изложены очень ясно и весьма откровенно. Авторы записки (спеціальная комиссія рейхстага) не скрывали, что созданіемъ особеннаго режима въ Эльзасѣ-Лотарингіи, отличнаго отъ режима остальныхъ государствъ федераціи, вносится нѣкоторый противорѣчащій принципъ въ общеимперскую конституцію. Но они исходили изъ убѣжденія, что это неудобство искупается тѣми выгодами, которыя проистекутъ для имперіи отъ общаго владѣнія Эльзасъ-Лотарингіей. Обѣ провинціи должны быть объектомъ непосредственнаго владѣнія имперіи — таковъ былъ лейтъ-мотивъ записки, таково же было и глубокое убѣжденіе самого „желѣзнаго канцлера", формулировавшаго его такъ: „Общая и непосредственная собственность всѣхъ государствъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ". Для большого уясненія взглядовъ германскаго правительства и рейхстага въ этомъ вопросѣ, позволю себѣ процитировать наиболѣе существенныя мѣста изъ упомянутой выше объяснительной записки.

„Эльзасъ и Лотарингія навсегда и по праву присоединены къ Германской имперіи, онѣ не включаются въ составъ ни одного изъ союзныхъ государствъ, но превращаются непосредственно въ имперскую землю. Конституція Германской имперіи не предвидитъ существованія имперской земли, какъ объекта непосредственнаго господства. Германская имперія представляетъ собою союзъ (Bund) суверенныхъ и независимыхъ государствъ, которыя довѣрили подлежащимъ органамъ имперіи нѣкоторыя изъ своихъ суверенныхъ правъ, сохранивъ въ то же время свою полную независимость. Союзныя государства участвуютъ черезъ своихъ уполномоченныхъ въ союзномъ совѣтѣ и черезъ своихъ представителей въ рейхстагѣ, въ выполненіи суверенныхъ функцій имперіи. Провинціи, отобранныя у Франціи, не должны превратиться въ независимое союзное государство, обладающее своимъ суверенитетомъ. Лишь имперія является ихъ исключительнымъ и единственнымъ сувереномъ. Возвращеніе Эльзаса и Лотарингіи Германіи явилось блестящимъ и грандіознымъ результатомъ усилій,

благодаря которымъ наша страна, отразивъ нападеніе Франціи, завоевала свою славу, свою независимость и свое единство. Эльзасъ и Лотарингія являются для насъ искупительной цѣной сраженій, въ которыхъ была пролита кровь всѣхъ областей Германіи. Онѣ суть внѣшняя связь единства Германской имперіи, которая, быть можетъ, позже должна будетъ ихъ защитить всѣми своими объединенными силами. Вотъ почему отвоеванная земля должна быть включена въ составъ имперіи, какъ нѣчто единое и нераздѣльное" [1].

Въ приведенной цитатѣ ясно намѣчены принципы, легшіе въ основу политическаго режима Эльзасъ-Лотарингіи. Въ то время, какъ всѣ союзныя государства имперіи сохраняютъ свою независимость, довѣривъ лишь „компетентнымъ органамъ имперіи" нѣкоторыя изъ своихъ суверенныхъ правъ, Эльзасъ-Лотарингія не болѣе, какъ пассивный объектъ ихъ общаго владѣнія, никакими суверенными правами не обладающая. Союзныя государства не только сохранили свою внутреннюю независимость, но и участвовали черезъ своихъ делегатовъ въ выполненіи суверенныхъ функцій имперіи, — Эльзасъ-Лотарингія, лишенная внутренней независимости, не была допущена, къ участію въ выполненіи этихъ суверенныхъ функцій. Для нея единственный суверенъ — имперія, которая за нее все рѣшаетъ, не освѣдомляясь о ея желаніяхъ, и самодержавно диктуетъ ей свою волю. Имперія даетъ новый политическій режимъ Эльзасъ-Лотарингіи собственной властью, игнорируя настроенія и чаянія эльзасъ-лотарингскаго населенія, а исходя только изъ собственныхъ интересовъ. Словомъ, Эльзасъ-Лотарингія — эта якобы искони нѣмецкая земля, присоединенія которой съ такимъ пыломъ требовали нѣмецкіе патріоты, превращается въ парія среди союзныхъ государствъ; ея граждане не пользуются равными правами съ остальными гражданами имперіи — они граждане съ урѣзанными правами, граждане второго класса. И такой участи подверглось населеніе, пользовавшееся полнымъ политическимъ и гражданскимъ равенствомъ во Франціи.

Политическій режимъ въ Эльзасъ-Лотарингіи подвергался въ теченіе полувѣка значительнымъ измѣненіямъ, но принципы, первоначально положенные въ основу этого режима, продолжали все-таки опредѣлять его содержаніе, несмотря на его мѣняющіяся формы.

[1] C. Robert Boldy, „L'Alzace-Lorraine et l'empire allemand", стр. 54, Paris, 1912.

Германскiе правящiе круги съ теченiемъ времени все болѣе стали понимать, что лучшимъ способомъ привязать провинцiи къ новому отечеству, и уничтожить „французскiя традицiи“ была бы либеральная политика по отношенiю къ нимъ. Имперiя дѣлала попытки на этомъ пути, но попытки половинчатыя, противорѣчивыя; она не могла довести ихъ до конца, ибо ея собственный авторитарный полуабсолютистическiй строй являлся этому главнымъ препятствiемъ. И это-то обстоятельство обусловило въ огромной степени драматичность эльзасскаго вопроса и чрезвычайно затруднило его рѣшенiе.

Политическiй режимъ, введенный въ Эльзасъ-Лотарингiи закономъ 9 iюля 1871 года, въ общихъ чертахъ сводился къ слѣдующему. Суверенная власть въ провинцiяхъ принадлежала императору. Но для изданiя законовъ требовалось одобренiе союзнаго совѣта, а въ отношенiи законовъ, затрагивавшихъ финансовые интересы имперiи, сверхъ того также одобренiе рейхстага. Вскорѣ было установлено, что всѣ вообще законы, касающiеся Эльзасъ-Лотарингiи, вотируются рейхстагомъ въ обычномъ порядкѣ. Такимъ образомъ законодательная власть императора по отношенiю къ провинцiямъ вводится въ такiе же предѣлы, какъ и по отношенiю ко всей имперiи. Но населенiе Эльзасъ-Лотарингiи не принимаетъ ни прямого, ни косвеннаго участiя въ выработкѣ законодательныхъ, фискальныхъ и административныхъ мѣропрiятiй, на него распространяющихся. Оно все еще совершенно безправно, за него рѣшаютъ другiе. Съ 1-го января 1874 года эльзасъ-лотарингское населенiе получаетъ право посылать 15 депутатовъ въ рейхстагъ. Но до его уравненiя въ правахъ съ остальнымъ населенiемъ имперiи еще очень далеко. Эльзасъ-Лотарингiя не только не обладаетъ еще собственнымъ автономнымъ парламентомъ для рѣшенiя своихъ мѣстныхъ вопросовъ, подобно остальнымъ союзнымъ государствамъ, но попрежнему лишена и представительства въ союзномъ совѣтѣ. Попрежнему ея настоящимъ правительствомъ остается имперiя, и она не допущена къ участiю „въ собранiи правительствъ союзныхъ государствъ“.

Въ октябрѣ того же 1874 года имперiя дѣлаетъ по отношенiю къ Эльзасъ-Лотарингiи первую нерѣшительную попытку въ духѣ либеральныхъ уступокъ. Въ провинцiяхъ создается Landesausschuss, т. е. нацiональный совѣтъ, или вѣрнѣе эльзасъ-лотарингская делегацiя. Эта делегацiя состояла изъ тридцати избранныхъ членовъ; каждый изъ трехъ генеральныхъ совѣтовъ Эльзасъ-Лотарингiи избиралъ изъ своей среды десять делегатовъ. Но права делегацiи были крайне ограничены. Она играла какъ бы роль совѣ-

щательнаго учрежденія. Власти должны были представлять на ея разсмотрѣніе законопроекты, касающіеся Эльзасъ-Лотарингіи, но ея мнѣнія и рѣшенія не были для нихъ обязательны.

Закономъ 2-го мая 1877 года компетенція делегаціи значительно расширяется. Согласно этому закону право вотированія законовъ, касающихся Эльзасъ-Лотарингіи, принципіально изъято изъ компетенціи рейхстага и передано делегаціи. Законопроекты, вотированные делегаціей, чтобы получить силу законовъ, должны, однако, предварительно получить санкцію союзнаго совѣта и императора. Но опять таки за имперскимъ правительствомъ оставалось право, если вотумъ делегаціи не соотвѣтствовалъ его взглядамъ, передать законопроектъ на разсмотрѣніе рейхстага. Какъ видимъ, и новыя прерогативы, предоставленныя делегаціи, были крайне ограничены и весьма условны. Делегація, въ сущности, попрежнему исполняла лишь функціи чисто совѣщательнаго учрежденія. Ни законодательной иниціативой, ни правомъ отвергать законопроекты она не обладала. Она могла лишь ставить свой штемпель на законопроекты, представленные правительствомъ, но не болѣе. Въ 1879 году прерогативы делегаціи снова расширяются, расширяется и ея составъ. Вмѣсто прежнихъ тридцати въ нее уже входятъ 58 делегатовъ. Изъ нихъ тридцать четыре избираются, какъ и раньше, генеральными совѣтами, — 4 муниципальными совѣтами большихъ городовъ и 20 избираются въ деревенскихъ округахъ по системѣ двухстепенныхъ выборовъ. Делегація получаетъ право законодательной иниціативы. Мѣсто рейхстага занимаетъ Bundesrat. Но опять таки и послѣ этого расширенія правъ делегаціи далеко еще было до самой скромной автономіи.

Рѣшающей инстанціей даже въ чисто эльзасскихъ дѣлахъ все же оставались союзный совѣтъ и императоръ, между тѣмъ, какъ остальныя союзныя государства обладали во внутреннихъ вопросахъ, не затрагивающихъ общихъ интересовъ имперіи, именно самостоятельностью. Такимъ образомъ, всѣ изложенныя вкратцѣ измѣненія режима провинцій не осуществили уравненія ихъ населенія въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ имперіи. И это обстоятельство станетъ особенно ясно, если вспомнить, какъ организована была въ Эльзасъ-Лотарингіи исполнительная власть.

Согласно закону 1871 года отвѣтственнымъ главою исполнительной власти въ Эльзасъ-Лотарингіи являлся имперскій канцлеръ, какъ представитель имперіи. Провинціи были раздѣлены на округа, во главѣ которыхъ были поставлены окружные президенты, обладавшіе такими же полномочіями, какъ французскіе префекты. Надъ окружными президентами поставили перваго президента, надѣлен-

наго широкой, почти диктаторской властью. Президенты округовъ сносились съ первымъ президентомъ, — послѣдній съ Берлиномъ, Исполнительная власть въ провинціяхъ была такимъ образомъ не только нѣмецкой, но и имперской, — она была подчинена непосредственно имперскому правительству, имъ самостоятельно организована. Для эльзасъ-лотарингцевъ это было чужое правительство, которое подчинялось исключительно волѣ и указаніямъ Берлина.

Въ 1877 году назначается государственный секретарь для Эльзасъ-Лотарингіи, долженствовавшій замѣнять канцлера въ вопросахъ, касающихся аннексированныхъ провинцій. Но тѣмъ не менѣе канцлеръ попрежнему сохранялъ за собою функціи отвѣтственнаго представителя исполнительной власти въ Эльзасъ-Лотарингіи. Соотношеніе главныхъ органовъ этой власти представлялось въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) главный президентъ, 2) государственный секретарь, 3) канцлеръ.

Въ 1879 году организація исполнительной власти въ Эльзасъ-Лотарингіи снова перестраивается. Имперія назначаетъ главнымъ носителемъ своего суверенитета въ провинціяхъ штатгальтера, т. е. намѣстника, надѣленнаго прерогативами и полномочіями въ области изданія законовъ и ордонансовъ для Эльзасъ-Лотарингіи, которыя принадлежали раньше канцлеру. Намѣстникъ можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнять и самого императора и выступать, какъ суверенъ, но для этого онъ долженъ всякій разъ получать спеціальный мандатъ отъ кайзера и дѣйствовать лишь въ предѣлахъ полученнаго мандата, однако, въ этихъ предѣлахъ, онъ подобно самому императору безотвѣтственъ. Издавая декретъ, какъ замѣститель императора, намѣстникъ подписывается „за императора — штатгальтеръ“. При намѣстникѣ было создано эльзасъ-лотарингское министерство, раздѣленное на 4 секціи: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ и торговли. Президентомъ министерства являлся государственный секретарь, дѣйствовавшій, какъ чиновникъ, подчиненный намѣстнику, когда тотъ выступалъ въ качествѣ министра, — какъ министръ, когда намѣстника исполнялъ роль суверена.

Учрежденіе намѣстничества и образованіе при немъ министерства имѣло цѣлью дать удовлетвореніе автономистскимъ стремленіямъ эльзасъ-лотарингцевъ. Эльзасъ-Лотарингія получила какъ бы свое собственное, самостоятельное правительство. Но все это было одна видимость. Штатгальтеръ и государственный секретарь назначались Берлиномъ и только передъ нимъ были отвѣтственны, творя его волю; министры также назначались Берлиномъ и были не болѣе какъ нѣмецкими чиновниками. Взятое въ цѣломъ правительство Эльзасъ-Лота-

рингіи являлось служебнымъ и зависимымъ органомъ имперскаго правительства, однако, надѣленное по отношенію къ населенію провинцій диктаторской властью. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствовалъ знаменитый „параграфъ диктатуры", параграфъ десятый закона 1871 года, введшаго въ Эльзасъ-Лотарингіи новый режимъ. Параграфъ диктатуры уполномочивалъ главнаго президента, а затѣмъ штатгальтера (послѣ учрежденія штатгальтерства) „въ случаѣ опасности, угрожающей общественному спокойствію, принимать всѣ мѣры, какія онъ найдетъ нужнымъ для устраненія этой опасности". Въ частности, ему предоставляются въ такихъ случаяхъ въ угрожаемыхъ округахъ прерогативы, которыя законъ 9-го августа 1849 года предоставлялъ военнымъ властямъ при объявленіи осаднаго положенія. Между прочимъ намѣстникъ уполномоченъ, въ видахъ проведенія въ жизнь указанныхъ выше мѣръ, потребовать содѣйствія военныхъ силъ, расположенныхъ въ Эльзасъ-Лотарингіи.

Эльзасъ-лотарингское правительство, въ особенности въ первыя два десятилѣтія послѣ аннексіи, широко пользовалось предоставленными ему исключительными полномочіями. Оно изгоняло изъ страны наиболѣе непримиримыхъ протестантовъ противъ нѣмецкаго режима, въ томъ числѣ даже двухъ эльзасскихъ депутатовъ рейхстага, закрывало студенческія и иныя общества, распустило муниципальный совѣтъ Страсбурга, закрыло рядъ эльзасскихъ газетъ, издававшихся на французскомъ языкѣ, запретило пропускать въ провинціи большинство французскихъ газетъ, учредило драконовскій паспортный режимъ и т. д. Многочисленные обыски по малѣйшему поводу, а иногда и безъ всякаго повода производились у эльзасцевъ, которыхъ подозрѣвали въ симпатіяхъ къ Франціи; нѣмецкіе жандармы, полицейскіе агенты, пограничные стражники вели себя, какъ въ завоеванной колоніи, практикуя широкій произволъ и грубо попирая на каждомъ шагу элементарныя права населенія. О томъ, какъ вели себя въ Эльзасъ-Лотарингіи военныя власти, нѣмецкое кастовое офицерство, и говорить ужъ не приходится. У всѣхъ еще свѣжи въ памяти бурные инциденты въ Цабернѣ, показавшіе, что почти черезъ полвѣка послѣ аннексіи нѣмецкое офицерство продолжало разсматривать эльзасъ-лотарингцевъ, какъ людей низшей породы, съ которыми можно себѣ все позволить.

Къ этому надо прибавить гоненія на французскій языкъ, гоненія методическія и безпощадныя, въ духѣ нѣмецкой военщины.

Преподаваніе французскаго языка было запрещено въ народныхъ школахъ. Законъ 31 марта 1872 года объявилъ нѣмецкій языкъ офиціальнымъ языкомъ эльзасъ-лотарингской администраціи;

законъ 23 мая 1881 года распространилъ это правило на дебаты нацiональнаго совѣта. Съ 1887 года нѣмецкiй языкъ объявляется обязательнымъ въ судахъ, даже въ судахъ, юрисдикцiя которыхъ распространена на лотарингскiя коммуны съ населенiемъ, говорящимъ исключительно по-французски. Запрещены также вывѣски съ французскими надписями, надгробныя надписи на французскомъ языкѣ, запрещено нареченiе новорожденныхъ французскими именами.

Все это вмѣстѣ взятое, въ связи съ тѣмъ господствующимъ положенiемъ, которое занимали военныя власти въ Эльзасъ-Лотарингiи, всегда переполненной нѣмецкими войсками, привело къ созданiю въ провинцiяхъ тяжелаго режима, недалекаго отъ режима осажденной крѣпости. Единственно, что этотъ тяжелый режимъ, которому подвергались выросшiе въ традицiяхъ свободной общественности эльзасъ-лотарингцы, ихъ положенiе гражданъ второго класса въ имперiи, въ огромной степени содѣйствовали поддержанiю въ провинцiяхъ антинѣмецкихъ настроенiй и сохраненiю преданности къ Францiи.

Когда въ февралѣ 1874 года эльзасскiе депутаты впервые появились въ рейхстагѣ, первымъ ихъ дѣломъ былъ протестъ противъ аннексiи. Протестъ начинался слѣдующими словами: „Во имя эльзасъ-лотарингцевъ, преданныхъ франкфуртскимъ договоромъ, мы протестуемъ противъ злоупотребленiя силой, жертвой котораго стала наша страна... Разумъ, какъ и самые элементарные принципы, провозглашаетъ, что подобный договоръ не можетъ быть дѣйствительнымъ“. Отъ имени всей эльзасъ-лотарингской делегацiи депутатъ Цаберна, Тейчъ, внесъ предложенiе объ организацiи въ Эльзасъ-Лотарингiи плебисцита для рѣшенiя вопроса объ аннексiи. Предложенiе гласило: „Да угодно будетъ рейхстагу рѣшить, чтобы эльзасъ-лотарингское населенiе, включенное безъ его согласiя въ предѣлы Германской имперiи, было призвано высказаться спецiальнымъ образомъ по поводу этого включенiя“. Предложенiе это собрало лишь тридцать три голоса; помимо эльзасъ-лотарингскихъ депутатовъ за него вотировали поляки и соцiалъ-демократы.

Послѣ этого эльзасъ-лотарингская депутацiя распадается на двѣ группы: французскую и эльзасскую. Первая совершенно воздерживается отъ посѣщенiя рейхстага, вторая участвуетъ регулярно въ его работахъ. Но этимъ они не имѣютъ въ виду выразить своего согласiя съ новымъ порядкомъ вещей. Согласно заявленiю своего президента доктора Гааса, эльзасская группа, принявъ рѣшенiе участвовать въ работахъ рейстага, считалась лишь съ существующимъ положенiемъ, какъ фактомъ, памятуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о будущемъ. Поэтому группа ставила себѣ цѣлью: „Бороться изо всѣхъ силъ во

имя требованія правъ и законныхъ свободъ для страны, которая
довѣрила имъ мандатъ". Ея программа резюмируется въ двухъ
словахъ: протестъ и дѣйствіе.

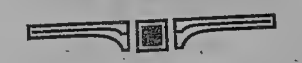
„Протестъ и дѣйствіе" — такова была въ теченіе четверти
вѣка программа всѣхъ политическихъ партій, зародившихся въ
Эльзасъ-Лотарингіи. Онѣ не устранялись отъ политической борьбы,
не бойкотировали германскія государственныя учрежденія, энер-
гично боролись за мѣстные и общіе интересы провинцій, но, въ то
же время, поддерживали и свой протестъ противъ аннексіи. По-
пытка бывшаго депутата бордосскаго собранія, Августа Шнеeганса,
создать партію, которая включила бы въ свою программу только
„дѣйствіе", но исключила бы „протестъ", потерпѣла круженіе. Въ
1888 году, черезъ 17 лѣтъ послѣ аннексіи, выборы въ Эльзасѣ
дали подавляющее большинство тѣмъ партіямъ, которыя особенно
высоко и крѣпко держали знамя протеста.

„Эти выборы, — заявилъ Бебель въ рейстагѣ, — показали, что
эльзасъ-лотарингское населеніе относится враждебно къ нѣмецкому
господству. Населеніе провинцій не желаетъ быть нѣ-
мецкимъ. Мы соціалисты полагаемъ, что народы не суть стадо
барановъ, которыхъ можно передавать отъ одного хозяина къ дру-
гому, не справляясь съ ихъ мнѣніемъ. Мы требуемъ, чтобы на-
роды были опрошены и сами рѣшали свою судьбу".

Черезъ четыре года Бебель былъ тріумфально избранъ въ
Страсбургѣ. Провозглашеніе результатовъ выборовъ было встрѣ-
чено громовыми криками „Vive la France!" и вызвало бурныя на-
родныя манифестаціи, для подавленія которыхъ нѣмецкія власти
двинули пѣхоту и кавалерію.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Е. Сталинскій.

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СЕССІИ.

Печальное зрѣлище представляла наша верхняя палата въ день возобновленія законодательной сессіи. Для собранія, сознающаго важность своей задачи, обязательно уваженіе къ самому себѣ. Оберегая свое достоинство, оно должно, прежде всего, охранять свои права, откуда бы ни шло и въ какую бы сторону ни клонилось ихъ отрицаніе или нарушеніе. Законныя требованія меньшинства должны быть исполняемы большинствомъ уже потому, что оно въ свою очередь можетъ стать меньшинствомъ. Въ засѣданіи 14-го февраля образъ дѣйствій И. Г. Щегловитова былъ направленъ, впрочемъ, не только противъ меньшинства: онъ прямо затрагивалъ все собраніе, разрѣшая отнесенный наказомъ къ его вѣдѣнію вопросъ единоличною властью предсѣдателя. Предсѣдателю назначенному еще менѣе, чѣмъ выборному, подобаютъ начальническіе пріемы; именно потому, что онъ связанъ съ собраніемъ лишь внѣшнею связью, онъ не долженъ выходить за черту своихъ опредѣленныхъ, безспорныхъ полномочій. Не долженъ онъ, въ особенности, запрещать другимъ, какъ предсѣдатель, практиковавшееся имъ самимъ въ качествѣ рядового члена. Кто слѣдилъ за преніями Госуд. Совѣта, тотъ помнитъ, что не дальше, какъ три мѣсяца тому назадъ, И. Г. Щегловитовъ выступалъ въ верхней палатѣ съ такимъ же внѣ-очереднымъ политическимъ заявленіемъ, какое онъ теперь признаетъ недопустимымъ. Еще меньше могли это забыть непосредственные свидѣтели его выступленія. Вокругъ готовящагося, судя по газетнымъ сообщеніямъ, протеста противъ нарушенія наказа могли бы поэтому объединиться всѣ группы, на которыя распадается верхняя палата.

На одномъ уровнѣ съ законностью противодѣйствія, встрѣченнаго Д. Д. Гриммомъ и бар. В. В. Меллеръ-Закомельскимъ, стоитъ его политическая цѣлесообразность. Въ самомъ дѣлѣ, что достигнуто благонравіемъ и тишиною, водворившимся 14-го февраля въ Госуд. Совѣтѣ? Предупреждено ли возникновеніе въ

его средѣ неудобныхъ или непріятныхъ для власти вопросовъ? Направлены ли его засѣданія, окончательно и безповоротно въ русле безцвѣтной и безобидной „дѣловой работы“? Конечно, нѣтъ. По каждому не узко-спеціальному законопроекту могутъ возгорѣться пренія, въ первый день сессіи предупрежденныя предсѣдательскимъ произволомъ. Не можетъ Госуд. Совѣтъ уклониться отъ обсужденія продовольственныхъ и транспортныхъ затрудненій, сосредоточивающихъ на себѣ общее вниманіе и выдвинутыхъ на первый планъ въ Высочайшемъ рескриптѣ 6-го января; немыслимо такое все стороннее ихъ разсмотрѣніе, въ которомъ не зазвучали бы настойчиво и громко политическіе мотивы. Конечно, и здѣсь и въ другихъ подобныхъ случаяхъ можетъ быть пущенъ въ ходъ тотъ способъ пониманія и примѣненія предсѣдательской власти, съ которымъ уже ознакомилась верхняя палата; но далеко не одно и то же однажды пустить въ ходъ формулу: „не хочу и потому не допущу“, и пользоваться ею длительно, на каждомъ шагу вторгаясь въ рѣчь оратора, однимъ разрѣшая все, другимъ — ничего, обращая парламентскіе дебаты въ діалогъ придирчиваго учителя съ непослушными учениками. Примѣровъ такого предсѣдательства не было, кажется, еще нигдѣ; не было ихъ даже въ нашей верхней палатѣ, когда предсѣдателемъ ея былъ М. Г. Акимовъ. Что же будетъ выиграно самыми правыми изъ правыхъ, если невысказанное вслѣдъ за открытіемъ сессіи раздастся съ каѳедры въ другой день февраля или въ мартѣ? Или, быть можетъ, все сводится къ выигрышу времени? Существуетъ надежда, что потерянный случай вновь представится не скоро или не представится вовсе? Но вѣдь рядомъ съ Госуд. Совѣтомъ засѣдаетъ, къ счастью, Госуд. Дума, и въ ней какъ 14-го февраля, такъ и въ слѣдующіе дни подробно обсуждались всѣ темы, оказавшіяся запретными для верхней палаты. Стараясь поправить ея репутацію въ глазахъ правительства, новый ея предсѣдатель нанесъ тяжелый ударъ ея авторитету въ глазахъ страны.

Въ какой мѣрѣ измѣненіе состава присутствующихъ членовъ верхней палаты измѣнило настроеніе ея большинства—объ этомъ можно, до извѣстной степени, судить уже теперь, въ виду результатовъ засѣданія 14-го февраля. Госуд. Совѣтъ вновь оказался могилой для принятаго Думою законопроекта (о надѣленіи землею амурскаго и уссурійскаго казачьихъ войскъ). Въ защиту думской редакціи одной изъ статей говорилъ бывшій военный министръ, генералъ Поливановъ, противъ нея — одинъ изъ лидеровъ крайней правой, А. С. Стишинскій. Къ правымъ, при голосованіи, присоединилась группа нейдгардтцевъ; думская редакція была отвергнута и тѣмъ самымъ отклоненъ весь законопроектъ, за несостоявшимся соглашеніемъ ме-

жду палатами. Весь ли правый центръ голосовалъ съ правыми — этого изъ газетнаго отчета не видно; несомнѣнно только то, что именно его голосами рѣшена была побѣда. Отсюда можно заключить, что численное усиленіе правыхъ, достигнутое новогодними мѣропріятіями, дало имъ союзниковъ внѣ ихъ рядовъ, вмѣстѣ съ которыми они вновь займутъ внѣшне-господствующее положеніе въ верхней палатѣ. Съ точки зрѣнія узкопартійныхъ интересовъ это, вѣроятно, разсматривается какъ торжество; но не принадлежитъ ли оно къ числу тѣхъ успѣховъ, которые хуже неудачи? Заставитъ ли новое, искусственно созданное большинство Госуд. Совѣта забыть о той эволюціи, подъ вліяніемъ которой прежнее, тѣми же, отчасти, путями сложившееся большинство дошло до принятія прошлогоднихъ ноябрьскихъ резолюцій? Можно ли высоко цѣнить поддержку собранія, діапазонъ котораго перестраивается не собственной его волей? Формально, безъ сомнѣнія, значеніе его рѣшеній обусловливается счетомъ голосовъ; но иными способами опредѣляется ихъ внутренняя, нравственная сила...

Какъ бы то ни было, необычайно широкое въ нынѣшнемъ году примѣненіе офиціальнаго толкованія ст. 9 и 11 учр. Госуд Сов. не могло не обратить на себя вниманіе Госуд. Думы [1]). Въ засѣданіи 15-го февраля она приняла (большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ крайнихъ правыхъ) обращенный къ государственному секретарю и министру юстиціи запросъ о томъ, что они намѣрены предпринять въ виду незакономѣрности перевода назначенныхъ членовъ Госуд. Совѣта, помимо ихъ о томъ просьбы, изъ числа присутствующихъ въ неприсутствующіе? По существу противъ запроса не возражалъ никто; представитель крайнихъ правыхъ (деп. Новицкій) ограничился указаніемъ, что запросъ обращенъ къ должностнымъ лицамъ, къ которымъ онъ на самомъ дѣлѣ никакого отношенія не имѣетъ, а Госуд. Дума, пытаясь отстоять несмѣняемость членовъ Госуд. Совѣта, впадаетъ въ противорѣчіе съ неоднократно выраженнымъ ею желаніемъ „обновить“ верхнюю палату. Само собою разумѣется, что никакого противорѣчія здѣсь нѣтъ. Одно дѣло — стремиться къ преобразованію учрежденія путемъ легальнымъ, на новыхъ, болѣе широкихъ и раціональныхъ основаніяхъ; совсѣмъ другое — протестовать противъ измѣненія его состава, съ предвзятою цѣлью, способомъ, не предусмотрѣннымъ въ законѣ. Что касается до адресатовъ запроса, то, какъ объяснено въ его текстѣ, государственный секретарь привлеченъ къ нему въ качествѣ лица, скрѣпившаго Высо-

[1]) Это толкованіе разобрано подробно въ внутреннемъ обозрѣніи № 2 „Вѣстника Европы“ за 1908 г. и въ статьѣ: „На темы дня“, напечатанной въ январьской книжкѣ нынѣшняго года.

чайшій указъ о новомъ составѣ присутствующихъ членовъ Госуд. Совѣта, а министръ юстиціи — въ качествѣ лица, участвующаго въ обнародованіи законовъ и Высочайшихъ повелѣній. Казалось бы, что рядомъ съ ними могъ бы быть названъ и предсѣдатель совѣта министровъ, соглашеніе котораго съ предсѣдателемъ Госуд. Совѣта предшествуетъ — по неопровергнутымъ до сихъ поръ свѣдѣніямъ — установленію списка вновь назначенныхъ къ присутствованію, съ 1-го января, членовъ Госуд. Совѣта.

Первыя три засѣданія Госуд. Думы настолько же богаты содержаніемъ, насколько бѣдно имъ единственное пока, засѣданіе Госуд. Совѣта. Я остановлюсь только на томъ, что оно представляетъ наиболѣе существеннаго и важнаго.

Продолжаетъ ли существовать прогрессивный блокъ? Его враги, какъ справа, такъ и слѣва, спѣшатъ прочесть ему отходную или, по меньшей мѣрѣ, констатировать обнаруженіе въ немъ глубокой „трещины“. Не упускается ли при этомъ изъ виду, что блокъ никогда не былъ единеніемъ, сліяніемъ партій, что его задача не шла и не идетъ дальше дѣятельности въ одномъ опредѣленномъ направленіи, для достиженія опредѣленной цѣли? Эта цѣль имѣла чисто политическій характеръ; къ соглашенію по экономическимъ и соціальнымъ вопросамъ блокъ не стремился — и стремиться не могъ, вслѣдствіе глубоко различнаго къ нимъ отношенія составныхъ его элементовъ. Общимъ для всѣхъ договорившихся между собою фракцій былъ одинъ девизъ: образованіе правительства, пользующагося общественнымъ довѣріемъ. Одинаково необходимое для всѣхъ, порвавшихъ съ старыми традиціями, поставившихъ крестъ на старомъ режимѣ, оно должно было явиться краеугольнымъ камнемъ новой постройки. Предрѣшая движеніе впередъ, оно не предрѣшало ни его интенсивности, ни его размѣровъ. Увѣнчавшись успѣхомъ, совмѣстная работа должна была прекратиться, ея участники должны были разойтись въ разныя стороны. Чтобы правильно оцѣнить положеніе прогрессивнаго блока, достаточно поэтому установить, остался ли онъ вѣренъ духу и смыслу своей программы?

Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ декларація блока, прочитанная С. И. Шидловскимъ въ засѣданіи 14-го февраля. Власть, по словамъ деклараціи, только тогда будетъ обладать необходимыми для нея авторитетомъ и силой, когда люди, управляющіе страной, будутъ признанными вождями націи. Такими вождями являются правители странъ, союзныхъ съ Россіей. „Совершенно иное, — читаемъ мы дальше, — наблюдается, къ великому нашему горю, въ одномъ только нашемъ отечествѣ. Въ теченіе всей войны у насъ на посту министровъ слишкомъ часто являлись

лица, неизвѣстныя странѣ, не возбуждающія ея довѣрія, несогласныя между собою, не стоящія на уровнѣ сложныхъ и крупныхъ задачъ переживаемаго времени, неспособныя работать въ согласіи съ законодательными учрежденіями. Правильное устройство снабженія населенія всѣмъ необходимымъ не мыслится страною внѣ связи съ вопросомъ о коренномъ переустройствѣ исполнительной власти". На основаніи этихъ соображеній былъ составленъ прогрессивнымъ блокомъ обращенный къ министрамъ вопросъ, принятый Думою единогласно. Можно предположить, что, вотируя за него, правое крыло Думы хотѣло смягчить его остроту; но это не измѣняетъ его смысла, такъ какъ въ деклараціи блока текстъ вопроса неотдѣлимъ отъ его мотивовъ.

Въ засѣданіяхъ 15-го и 17-го февраля обнаружилось расхожденіе между правыми и лѣвыми членами блока въ оцѣнкѣ распоряженій одного изъ министровъ, А. А. Риттиха; но всѣ ораторы, одобрявшіе, въ той или другой мѣрѣ, дѣятельность послѣдняго, тщательно подчеркивали продолжающееся *политическое* единомысліе свое съ лѣвой стороной блока. Въ рѣчахъ Д. П. Капниста 2-го и Н. В. Савича (земцевъ-октябристовъ), какъ и въ рѣчи В. В. Шульгина (прогрессивнаго націоналиста), ясно звучала нота недовѣрія къ правительству, и только въ области продовольственной техники они склонялись на сторону министра земледѣлія.

Еще лучшимъ доказательствомъ политической цѣлости блока служитъ голосованіе Думы по запросамъ. Объ одномъ изъ нихъ, касающемся Госуд. Совѣта, сказано уже выше. Другой, еще болѣе важный — по поводу ареста рабочей группы военно-промышленнаго комитета, — Дума также приняла огромнымъ большинствомъ голосовъ; рѣчи ораторовъ, говорившихъ въ его защиту, ни съ чьей стороны не встрѣтили возраженій. А между тѣмъ картина, нарисованная въ этихъ рѣчахъ, производитъ поистинѣ потрясающее впечатлѣніе. Въ теченіе полутора года, — воскликнулъ товарищъ предсѣдателя военно-промышленнаго комитета, А. И. Коноваловъ, — „я ежедневно встрѣчался съ представителями рабочей группы. Свидѣтельствую передъ Думой, что члены этой группы исполняли свой долгъ, напрягая свои силы и сознавая важность лежащихъ на нихъ задачъ, горячо преданные дѣлу національной обороны... Они ставили себѣ задачей создать единый общественно-политическій органъ изъ распыленныхъ и безформенныхъ рабочихъ массъ. Это — граждане, проникнутые чувствомъ гражданскаго долга и исполнявшіе свои обязанности, несмотря на ссылки, тюрьмы и всякія гоненія... И всякія заподозриванія ихъ въ стремленіи отмежеваться отъ волнующихъ всю Россію вопросовъ должны быть съ негодованіемъ от-

вергнуты. Въ выборахъ членовъ рабочей группы приняли участіе 219 тысячъ рабочихъ ста одного предпріятія, при чемъ побѣдили рабочіе, стоявшіе на точкѣ зрѣнія обороны и защиты страны. Рабочая группа стремилась регулировать конфликты на фабрикахъ и заводахъ... Въ октябрѣ, когда забастовочное движеніе стало стихійно распространяться, рабочая группа немедленно реагировала на это движеніе и составила воззваніе, опубликованія котораго комитетъ добился лишь съ трудомъ". Здѣсь мы вступаемъ въ область чудовищно невѣроятнаго. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснить затрудненія, встрѣчаемыя, со стороны власти, наиболѣе цѣлесообразною, наиболѣе разумною попыткою остановить начавшееся броженіе? Привычкой разсчитывать, въ такихъ случаяхъ, только на матеріальную силу? Но вѣдь примѣненіе ея, всегда богатое отрицательными сторонами, особенно не желательно, особенно опасно въ критическія минуты, какія полгода тому назадъ переживала и теперь переживетъ Россія. Боязнью признать, что голосъ увѣщанія, раздающійся изъ среды рабочихъ, можетъ вѣрнѣе привести къ цѣли, чѣмъ административно-полицейскія угрозы? Но вѣдь должно же, съ ростомъ общественнаго сознанія, наступить время, когда сильнѣе страха дѣйствуетъ убѣжденіе... И вотъ что особенно печально: противодѣйствіе примирительнымъ выступленіямъ рабочихъ оказывается не случайностью, а результатомъ системы. Когда единственные два представителя рабочей группы, оставшіеся не арестованными, рѣшили обратиться къ петроградскимъ рабочимъ съ предложеніемъ немедленно приступить къ прерваннымъ работамъ, это обращеніе не было пропущено цензурой! 16 февраля оно было послано, при письмѣ А. И. Гучкова, военному министру, главному цензору и во всѣ газеты; но А. И. Коновалову прислали увѣдомленіе, что „какая-то таинственная рука въ самый послѣдній моментъ запретила его печатать" [1]). Оно появилось въ газетахъ только 18 февраля, послѣ того какъ оно 17-го было оглашено А. И. Коноваловымъ въ Госуд. Думѣ... Послѣдняя часть рѣчи А. И. Коновалова была посвящена защитѣ рабочихъ отъ обвиненія въ „пораженчествѣ" и обоснованію ихъ права на интересъ къ политическимъ вопросамъ. Массы населенія, по его словамъ, „все болѣе и болѣе симпатизируютъ рабочей группѣ... Разгромъ рабочихъ — послѣдній аккордъ симфоніи притѣсненій, творившихся гласно съ момента образованія группы... Нанесенный группѣ ударъ — это ударъ по всей русской общественности".

[1]) Именно въ этомъ мѣстѣ рѣчи А. И. Коновалова вырвалось у В. А. Маклакова то восклицаніе, которое имѣло послѣдствіемъ исключеніе его на одно засѣданіе.

Неисповѣдимы вообще судьбы русской цензуры. Возстановленная съ ссылкою на обстоятельства военнаго времени и подъ названіемъ военной, она подчиняется, de facto, руководству гражданскихъ властей и преслѣдуетъ цѣли, не имѣющія ничего общаго съ требованіями войны. Какъ видно изъ заявленія, сдѣланнаго деп. Пуришкевичемъ въ засѣданіи 15 февраля, вновь искажаются, иногда до неузнаваемости, рѣчи, произносимыя въ Госуд. Думѣ. Въ газетахъ опять появляются „бѣлые столбцы", хотя и въ меньшемъ количествѣ и размѣрѣ, чѣмъ три мѣсяца тому назадъ. И рядомъ съ новыми средствами воздѣйствія не перестаютъ примѣняться старыя, образуя иной разъ оригинальныя сочетанія. Кіевская „Вечерняя Газета" дважды подвергается крупнымъ денежнымъ штрафамъ за статьи, пропущенныя (повидимому не безъ сокращеній) военной цензурой. Кіевскій губернаторъ оказывается болѣе строгимъ, чѣмъ военный цензоръ — и страдаетъ отъ его строгости деп. Савенко, недавно усердный націоналистъ, теперь усердный членъ прогрессивнаго блока... Трагическій оттѣнокъ имѣетъ судьба бывшаго редактора-издателя „Ялтинской Жизни", г. Дулина, сначала разореннаго закрытіемъ газеты — за помѣщеніе, въ № 23-го декабря нѣсколькихъ строкъ о томъ, чему не дальше какъ наканунѣ посвящались обширныя статьи въ столичныхъ и провинціальныхъ органахъ печати, — а потомъ высланнаго въ одну изъ „отдаленныхъ губерній"... На ряду съ обостреніемъ цензуры учащаются административныя высылки; изъ Саратова, напримѣръ, высланъ на три года въ Иркутскую губернію членъ правленія профессіональнаго общества металлистовъ. Въ качествѣ члена прогрессивнаго блока, А. Д. Протопоповъ стоялъ за возвращеніе высланныхъ въ административномъ порядкѣ по дѣламъ политическаго характера; какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ увеличиваетъ ихъ число. Судьба А. В. Амфитеатрова свидѣтельствуетъ о томъ, что „политическій характеръ" можетъ получить, въ настоящее время, газетная статья, непріятная для министра...

Возвращаюсь къ разногласію, вызванному въ средѣ прогрессивнаго блока „продовольственною техникою" министра земледѣлія. Если оно не грозитъ распаденіемъ блока, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы оно было совершенно безразлично. Одобреніе, встрѣчаемое однимъ изъ министровъ не только на правой сторонѣ, но и въ центрѣ Госуд. Думы, создаетъ если не реальность, то видимость раскола въ оцѣнкѣ дѣятельности всего министерства. Это упустили изъ виду ораторы, классовымъ интересамъ которыхъ благопріятствуетъ образъ дѣйствій А. А. Риттиха. Правда, довѣріе ихъ къ министру земледѣлія не можетъ быть названо полнымъ; но они слишкомъ

спѣшатъ привѣтствовать еще не наступившіе результаты его усилій. Продовольственный кризисъ еще не миновалъ, разверстка хлѣбовъ еще не завершена; не только городъ, но и деревня продолжаютъ переживать крайне тяжелые моменты, конца которыхъ въ близкомъ будущемъ ожидать нельзя. Всецѣло, во всякомъ случаѣ, лежитъ на министерствѣ отвѣтственность за прошедшее, унаслѣдованная имъ вмѣстѣ съ традиціями предшествовавшихъ ему кабинетовъ. И какъ бы высоко ни стоялъ А. А. Риттихъ во мнѣніи центральныхъ фракцій Думы, онѣ не могутъ забыть, что не ему принадлежитъ руководящая роль въ кабинетѣ кн. Н. Д. Голицына и А. Д. Протопопова.

Къ многочисленнымъ темнымъ странникамъ современной русской исторіи присоединилась еще одна: процессъ Манасевича-Мануйлова. Конечно, имъ приподнятъ только небольшой край завѣсы, прикрывающей изнанку нашей государственной и общественной жизни; но если обнаружено сравнительно немногое, то догадываться можно о многомъ. Чего стоитъ, напримѣръ, одно письмо, поздравляющее Манасевича съ назначеніемъ Б. В. Штюрмера на постъ предсѣдателя совѣта министровъ! Лучъ свѣта, въ послѣднее время, блеснулъ только одинъ и быстро погасъ: это была вѣсть о предстоящемъ пересмотрѣ процесса бывшаго члена второй Думы Пьяныхъ и объ освобожденіи его и его сына изъ каторжной тюрьмы, въ которой они томятся болѣе семи лѣтъ. Каковъ бы ни былъ, однако, окончательный результатъ усилій В. Л. Бурцева, его заслуга уже теперь очень велика. Онъ напомнилъ русскому обществу объ одномъ изъ самыхъ вопіющихъ фактовъ недавняго прошлаго и проложилъ путь къ возстановленію попранной справедливости и правды.

К. Арсеньевъ.

О „ПЕНСІЯХЪ ВОЙНЫ“.

(ПИСЬМО ИЗЪ РИМА.)

Въ ряду сложныхъ и грозныхъ проблемъ, которые предстанутъ передъ человѣчествомъ „на другой день“ послѣ ликвидаціи войны, одно изъ первыхъ мѣстъ займетъ, несомнѣнно, вопросъ о помощи непосредственнымъ жертвамъ чудовищной схватки народовъ. Стихнувшій грохотъ канонады, развѣявшійся „дымъ багровый“ войны заставитъ даже тѣхъ, кто теперь, — въ соотвѣтствіи съ героическихъ духомъ времени, — презрительно обходитъ всякія „сантиментальности“, увидѣть инвалидовъ, калѣкъ, полностью или частично утратившихъ способность къ труду, — единственному источнику существованія...

О моральной обязанности государства обезпечить существованіе своихъ изувѣченныхъ защитниковъ и ихъ семейства не можетъ быть двухъ мнѣній. Но сможетъ ли оно, экономически и финансово истощенное небывалой войной достаточно удовлетворительно выполнить эту обязанность? Вѣдь не надо забывать грандіозность необходимой помощи, — соотвѣтственно размѣрамъ современной войны. Здѣсь уже рѣчь идетъ не о „военныхъ пенсіяхъ“, полагающихся по штату за выслугой лѣтъ и имѣющихъ въ виду узкій сравнительно кругъ профессіоналовъ, а о „пенсіяхъ войны“, въ которой участвуетъ весь способный къ ношенію оружія народъ. Это не „pensioni militari“, а „pensioni di guerra“. Для того, чтобы важная задача эта не вылилась въ форму жалкихъ и смѣхотворныхъ палліативовъ, необходимо, — помимо сознанія важности этой задачи широкими общественными кругами, — обладать „волей къ дѣйствію“ и имѣть возможность творчески осуществлять эту волю... Итальянская общественность, отнюдь не привыкшая считать „утираніе слезъ“ прерогативой тѣсныхъ, у власти стоящихъ группъ, съ самаго возникновенія войны удѣляетъ усиленное вниманіе пенсіонной проблемѣ. Ей посвященъ цѣлый рядъ книгъ, брошюръ, статей въ періодической прессѣ, рефератовъ и лекцій, парламентскихъ рѣчей и, кромѣ того, въ началѣ іюня состоялся въ Римѣ

спеціальный съѣздъ, разрабатывавшій вопросы о „пенсіяхъ войны“. И все это не пустыя „говорильни“: при парламентскомъ режимѣ даже во время войны нельзя позволить себѣ роскоши полнаго игнорированія общественнаго мнѣнія.

Присмотримся теперь поближе, какъ Италія вооружается къ встрѣчѣ съ однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ „di dopo-guerra“ — „послѣ войны“.

Итальянское законодательство о пенсіяхъ является однимъ изъ наиболѣе разработанныхъ и передовыхъ, хотя по размѣрамъ выдаваемой помощи оно и уступаетъ, напр., Англіи. Построенное по юридическому типу французскаго закона о пенсіяхъ 1831 года, дѣйствующаго во Франціи по сей день[1]), пенсіонное законодательство Италіи модифицировалось съ теченіемъ времени въ связи, главнымъ образомъ, съ военными предпріятіями, выпадавшими на долю южнаго королевства. Базой этого законодательства является законъ 1850 года, пополненный во второй половинѣ XIX вѣка рядомъ новыхъ нормъ и окончательно отлившійся въ т. н. „Legge sulle pensioni civili e militari“, „единый текстъ“ котораго („Testo unico“) утвержденъ королевскимъ декретомъ 21 февраля 1895 года. Дальнѣйшимъ крупнымъ шагомъ на этомъ пути явился вызванный итало-турецкой войной законъ 23 іюня 1912 года о т. н. „привилегированныхъ пенсіяхъ“ („pensioni privilegiati di guerra“), посвященный, главнымъ образомъ, лучшему обезпеченію раненыхъ и заболѣвшихъ на военной службѣ. Засимъ, за годъ современной войны вышло уже два декрета о пенсіяхъ — 27 іюня 1915 г. и 1 мая 1916 г. и наконецъ, наканунѣ своего паденія, Саландра внесъ въ парламентъ два законопроекта: объ инвалидахъ и сиротахъ войны.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ пенсіоннаго законодательства является вопросъ о категоріяхъ ранъ и болѣзней. Во Франціи до настоящей войны ихъ числилось шесть; теперь декретомъ президента республики, прибавлено еще двѣ. Въ принципѣ, большее количество категорій предпочтительнѣе, ибо такъ лучше укладываются разнообразныя болѣзни. Но на практикѣ это порождаетъ рядъ нецѣлесообразностей: такъ, параличъ отнесенъ къ 6-й категоріи, между тѣмъ какъ рядъ пораненій, не лишающихъ полной трудоспособности, числятся въ первыхъ. Итальянское законодательство подраздѣляетъ раны и болѣзни всего на три категоріи.

[1]) Во время франко-прусской войны тамъ были лишь повышены пенсіонные тарифы. Въ началѣ современной войны спеціальная парламентская комиссія занялась разработкой новаго законопроекта, представленнаго въ палату депутатовъ въ ноябрѣ 1915 года, но еще не утвержденнаго

Къ первой относятся органическія или функціональныя поврежденія тяжелаго и постояннаго характера, обусловливающія полную неспособность къ производительному труду (напр., ампутація или абсолютная потеря пользованія двумя членами). Во вторую категорію входятъ тяжелыя, но въ меньшей степени, поврежденія: ампутація одного члена или неизлѣчимая потеря его пользованіемъ. Къ этой же категоріи отнесены 23 вида заболѣваній: полная глухота, параличъ глазныхъ вѣкъ, шейныхъ мускуловъ, тяжелыя поврежденія черепа, поврежденіе умственныхъ способностей, постоянная дрожь, эпилепсія, потеря языка, тяжелыя формы заболѣваній внутреннихъ органовъ, потеря 3—4 пальцевъ на одной рукѣ или 5 на двухъ и т. д. и т. д. Всѣ раны, болѣзни и поврежденія, не вошедшія въ первыя двѣ, относятся къ третьей категоріи, включающей, такимъ образомъ, менѣе тяжелые виды „порчи“.

Болѣзни первой категоріи даютъ право на полученіе „пенсіи увольненія“ („pensione di riposo“), согласно закону 1895 года, для офицеровъ въ размѣрѣ $^6/_5$ (шести пятыхъ) ихъ содержанія, а для рядовыхъ — на максимумъ полагающейся имъ пенсіи, увеличенной на двѣ трети. Такъ, по указанному закону, рядовые въ нормальное время имѣютъ право на увольнительную пенсію, прослуживъ минимумъ 20 лѣтъ, въ размѣрѣ 300 лиръ въ годъ, и максимальную въ 405 лиръ по истеченіи 35 лѣтъ службы. Болѣзнь же первой категоріи, пріобрѣтенная на службѣ, даетъ солдату право на полученіе независимо отъ срока службы, — максимальнаго размѣра пенсіи, т. е. 405 лиръ, увеличеннаго на $^2/_3$ или 270 лиръ, всего 675 лиръ въ годъ. Болѣзни второй категоріи даютъ офицерамъ пенсію, равную $^4/_5$ ихъ содержанія, а рядовымъ — максимальную плюсъ одна треть, т. е. въ нашемъ случаѣ это будетъ равняться 405 л. — $^1/_3$ или 135 л. — 540 лиръ въ годъ. Наконецъ, третья категорія даетъ офицерамъ право лишь на полученіе полагающейся по чину „пенсіи увольненія“, считая ихъ якобы прослужившими 25 лѣтъ, а для солдатъ — минимумъ установленной для нижнихъ чиновъ пенсіи, т. е. 300 лиръ въ годъ. Въ случаѣ смерти имѣющихъ право на эти пенсіи, семьи офицеровъ получаютъ половину того, что долженъ былъ получать умершій, а семьи солдатъ — половину максимальной пенсіи, т. е. $201^1/_2$ лиры.

Все это относится къ болѣзнямъ, пріобрѣтеннымъ вообще на службѣ („per causa di servizio“). Если же болѣзни являются пріобрѣтенными въ сраженіи („in combattimento“) пенсіи значительно повышаются; онѣ базируютъ тогда не на законѣ 1895 года, а на законѣ 2 іюля 1911 года, больше чѣмъ въ полтора раза повысившаго увольнительныя пенсіи. Въ этомъ случаѣ рядовой солдатъ

I категоріи получаетъ уже не 675 лиръ въ годъ, а 1260, II категорія — 1080 л. (вмѣсто 540) и III — 612 л. (вмѣсто 300 л.), а въ случаѣ смерти на войнѣ семья получаетъ 630 лиръ (вмѣсто $202^1/_2$). Тутъ стоитъ отмѣтить, что болѣе богатая Франція хуже обезпечиваетъ своихъ защитниковъ: тамъ пенсія колеблется между 600 и 975 фр. больнымъ и раненымъ и 375—563 фр. — вдовамъ и сиротамъ. Германія до сихъ поръ выдавала своимъ инвалидамъ не больше 675 лиръ въ годъ. Лишь двѣ страны — не милитаристскія — Англія и Швейцарія лучше Италіи обезпечиваютъ пострадавшихъ на службѣ солдатъ[1]): Англія въ случаѣ инвалидности выдаетъ 1625 лиръ въ годъ, Швейцарія — въ зависимости отъ заработка солдата — отъ 767 до 2044 франковъ.

Вторымъ по важности въ сложной пенсіонной проблемѣ является вопросъ о наслѣдникахъ на пенсію, въ случаѣ смерти пользующагося на нее правомъ лица. По итальянскому законодательству они раздѣляются на 5 разрядовъ: 1) вдова, 2) малолѣтнія дѣти или, при ихъ отсутствіи, тѣ, для которыхъ умершій былъ единственной поддержкой, 3) 50-лѣтній слѣпой или вдовый отецъ, 4) мать-вдова и 5) братья и сестры малолѣтніе, не имѣющіе родителей. Тутъ прежде всего надо отмѣтить одинъ общій крупный недостатокъ итальянскаго законодательства: въ то время, какъ по отношенію болѣзней проведена опредѣленная градація, на основаніи которой выдается вспомоществованіе, — въ пенсіяхъ, предназначенныхъ для семействъ умершихъ, проведенъ принципъ ничѣмъ не оправдываемаго единообразія. Не приняты во вниманіе ни возрастъ, ни трудоспособность вдовы, ни количество оставшихся дѣтей: 25-лѣтняя здоровая и бездѣтная вдова и 50-лѣтняя неспособная къ труду мать нѣсколькихъ дѣтей получаютъ все тѣ же 630 лир. годовыхъ. Между тѣмъ во Франціи, гдѣ размѣръ пенсіи, какъ мы знаемъ, меньше итальянской, законодатели посчитались съ многообразіемъ жизни: тамъ пенсіи семействамъ варьируютъ, въ зависимости отъ указанныхъ особенностей, отъ 375 до 563 фр. Въ еще большей мѣрѣ это имѣетъ мѣсто въ Англіи: вдовы до 35 лѣтъ получаютъ 650 лир., старшія — 975 л. годовыхъ. То же и съ дѣтьми: на перваго вдова получаетъ прибавку въ 325 лир., на второго — 227, на остальныхъ — по 130 лир. Такимъ образомъ, вдова съ четырьмя дѣтьми (до 16-лѣтняго возраста) получаетъ пенсію около 1700 лир.

Присмотримся теперь ближе къ тому, какъ итальянскій законъ обезпечиваетъ право на пенсію за нѣкоторыми изъ перечислен-

[1]) Стоитъ отмѣтить дѣйствующій въ Швейцаріи институтъ военнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Базой его является не чинъ, а обычный заработокъ пострадавшаго.

ныхъ категорій. Вдова имѣетъ право на пенсію даже въ томъ случаѣ, если бракъ не былъ совершенъ установленнымъ порядкомъ (декретъ отъ 14 октября 1915 г. и 1 мая 1916) — лишь бы онъ былъ совершенъ до полученія раны или болѣзни и не была объявлена резолюція о расторженіи брака по винѣ жены. Вдова теряетъ право на пенсію, выходя вновь замужъ. Она получаетъ всю пенсію, если живетъ съ дѣтьми умершаго. Если же она вступаетъ въ новый бракъ или умираетъ, пенсія переходитъ къ дѣтямъ до достиженія ими опредѣленнаго возраста. Если вдова живетъ по какимъ бы то ни было причинамъ отдѣльно отъ всѣхъ или хотя бы одного изъ дѣтей мужа, будь они отъ послѣдняго его брака или отъ предшествующихъ, — ей выдается лишь половина вдовьей пенсіи, а другая половина дѣлится поровну между всѣми, имѣющими на то право дѣтьми. Въ этомъ случаѣ, если дѣтей не больше одного, она получаетъ $^1/_4$ часть пенсіи. Въ Италіи, какъ и повсюду, война заставила въ значительной мѣрѣ ликвидировать вопросъ о „незаконныхъ бракахъ“: упомянутые выше декреты разрѣшаютъ военнымъ, находящимся подъ оружіемъ, чиновникамъ, занятымъ въ арміи, и всякимъ другимъ лицамъ, по обязанности службы слѣдующимъ за арміей или флотомъ, заключать браки по довѣренности, заочно, — привилегія, которая въ мирное время статьею 99 Гражданскаго кодекса Италіи предоставлялась лишь королю и лицамъ королевскаго семейства... Къ сожалѣнію, по невѣжеству, неосвѣдомленности или другимъ причинамъ, многіе не пользуются этимъ правомъ узаконенія брака и, такимъ образомъ, немалое количество вдовъ и сиротъ обречены оставаться безо всякой государственной помощи.

Въ случаѣ отсутствія у умершаго вдовы или малолѣтнихъ дѣтей, законъ, какъ мы знаемъ, предоставляетъ право на полученіе пенсіи тѣмъ изъ родственниковъ, которые могутъ доказать, что покойный являлся ихъ единственной поддержкой („unico sostegno“). Для отца, мы видѣли, необходимо еще соблюденіе слѣдующихъ условій: онъ долженъ быть не моложе 49 лѣтъ, быть слѣпымъ или вдовцомъ. Этотъ пунктъ закона вызвалъ наибольшее количество справедливыхъ возраженій: почему законодатель вдругъ вдовство сдѣлалъ casus'омъ, равносильнымъ слѣпотѣ? Почему изъ разнообразныхъ видовъ неспособности къ труду онъ остановился лишь на одномъ изъ нихъ? Почему 50-лѣтній здоровый вдовецъ имѣетъ право на пенсію, въ то время какъ, скажемъ, 41-лѣтній, обремененный семьей и неработоспособный этого права лишенъ? Эта законодательная несообразность была столь очевидной, что правительство сочло себя вынужденнымъ сдѣлать соотвѣтствующій коррективъ.

Такъ, въ декретѣ отъ 1 мая 1916 года говорится, что „не достигшій 50-лѣтняго возраста отецъ умершаго военнаго имѣетъ право на пенсію, если онъ слѣпъ или абсолютно неспособенъ къ какому бы то ни было производительному труду".

Не одни только носящіе оружіе граждане обезпечиваются пенсіей итальянскимъ закономъ: также гражданскіе чиновники, занятые въ арміи, и рабочіе военной зоны на службѣ вѣдомства пользуются правомъ на пенсію. Въ случаѣ смерти или тяжелаго заболѣванія, которое дѣлаетъ чиновника неспособнымъ и къ гражданской службѣ, — декретъ 28 августа 1915 г. предоставляетъ его семьѣ или ему выбирать между гражданской и военной пенсіей — въ зависимости отъ того, гдѣ она больше, — опредѣливъ для болѣзней I категоріи $^4/_5$ получаемаго содержанія, II категоріи — половину. Согласно декрету 9 сент. 1915 года, рабочіе, занятые въ предпріятіяхъ военнаго вѣдомства, находящихся въ военной зонѣ, пользуются правомъ вознагражденія за несчастные случаи по закону 1904 года, даже если на предпріятія эти законъ не распространяется и по какой бы причинѣ съ ними несчастіе ни произошло. Въ случаѣ несчастія, которое постигнетъ военнаго, если онъ занятъ, какъ рабочій, въ предпріятіяхъ, находящихся внѣ военной зоны, заинтересованныя лица имѣютъ право выбирать между вознагражденіемъ, полагающимся по закону о несчастныхъ случаяхъ и военной пенсіей.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ Италіи законъ о пенсіяхъ почти не знаетъ обойденныхъ и что, собственно говоря, солдатамъ, лежащимъ въ госпиталяхъ, какъ будто бы не приходится такъ тяжело задумывать о завтрашнемъ днѣ, какъ увѣряетъ насъ проф. Гроппали [1]). А они все-таки задумываются... И не только тѣ, которые о существованіи соотвѣтствующихъ законовъ не имѣютъ понятія, — а такихъ въ полубезграмотной Италіи не мало, — но и болѣе освѣдомленные и понятливые. Ибо, увы! — и здѣсь, въ благодатной странѣ демократическаго господства многое „гладко писано въ бумагѣ, да забыли про овраги: а по нимъ ходить"... Законы о пенсіяхъ въ достаточной мѣрѣ „гладки", но для полученія ея необходимо пройти черезъ длинный рядъ бюрократическихъ мытарствъ, совершенно непосильныхъ для простолюдина. Депутатъ Рава очень удивилъ своихъ коллегъ въ парламентѣ, когда пріоткрылъ передъ ними маленькій уголокъ пенсіонной волокиты: раненый на войнѣ, которому граната оторвала руку или ногу или котораго она лишила глаза, не можетъ получать пенсію, прежде чѣмъ

---

[1]) A. Groppali, „Le pensioni di guerra". Milano, 1916.

онъ не предоставитъ королевскаго декрета объ увольненіи въ отставку! Такъ полагается по закону, — старому закону, разсчитанному на военныхъ профессіоналовъ... Извольте добиваться королевскаго декрета — сколько бумаги должно быть изведено на это и какое количество времени надо потратить на прохожденіе всѣхъ этихъ бумагъ вверхъ и внизъ по всѣмъ инстанціямъ! И это далеко не единственный камень преткновенія... Декретъ 1 мая 1916 г. значительно упростилъ процедуру пенсіонной ликвидаціи, но до идеала все еще далеко, и вопросъ о ликвидаціи у дѣятелей пенсіоннаго дѣла занимаетъ центральное мѣсто. Ему въ значительной мѣрѣ былъ посвященъ и съѣздъ, о которомъ мы выше упоминали и на работахъ котораго сейчасъ остановимся вкратцѣ [1]).

Конгрессъ этотъ былъ организованъ Обществомъ Лаціума по оказанію помощи трудящимся („Il Consorzio Laziale di Assistenza ai lavoratori"), основаннымъ три года тому назадъ римской коммуной, камерой труда, федераціей кооперативовъ при помощи министерства земледѣлія, торговли и промышленности и иностранныхъ дѣлъ. Это общество безплатно даетъ свѣдѣнія и совѣты по защитѣ рабочихъ интересовъ, помогаетъ при столкновеніяхъ на почвѣ выполненія контрактовъ труда, даетъ и медицинскую помощь при несчастныхъ случаяхъ на работѣ, защищаетъ интересы эмигрантовъ Лаціума и т. п. Съ возникновенія войны это общество естественно, занялось вопросами помощи пострадавшимъ отъ нея и, въ частности, создало спеціальную секцію о „имѣющихъ право на пенсію" („gli aventi diritto a pensione"). Этой секціи помогаютъ двѣ юридическія коллегіи — адвокатовъ и прокуроровъ, — помимо отдѣльныхъ вліятельныхъ юристовъ, въ томъ числѣ и сенаторовъ — образующихъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ деп. Рава. Дѣятельность пенсіонной секціи заключается во всевозможныхъ видахъ содѣйствія полученію пенсій, ускоренію ихъ выдачи, обжалованію неудовлетворенныхъ просьбъ и т. п. Помимо этого секція занята также изслѣдованіемъ пенсіоннаго вопроса во всей его широтѣ, составляетъ записки, старается влiять

---

[1]) Надо, однако, отмѣтить, что итальянское законодательство предусмотрительно озаботилось о противоядіи собственному бюрократизму: § 133 закона 1895 года разрѣшаетъ министерству выдавать вдовамъ и сиротамъ убитыхъ на войнѣ, еще не утвердившихся въ правахъ на пенсію, ежемѣсячно сумму, равняющуюся до $4/5$ испрашиваемой пенсіи — въ теченіе 1 года. Для полученія этихъ выдачъ достаточно удостовѣреніе о смерти отъ военныхъ властей и личности — отъ синдика. Къ сожалѣнію, правило это распространяется только на вдовъ и сиротъ умершихъ въ сраженіи отъ ранъ, а не болѣзней.

на законодательство. Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, дѣятельность организаціи, ограниченной въ своей работѣ, главнымъ образомъ, однимъ только Лаціумомъ. Не менѣе интенсивная работа въ этомъ направленіи развивается во всѣхъ пунктахъ Италіи въ муниципалитетахъ комитетахъ гражданской помощи и т. п.

На римскомъ съѣздѣ 4 и 5 іюня были представлены почти всѣ болѣе или менѣе крупные города, не говоря уже о делегатахъ правительства, депутатахъ, сенаторахъ и рядѣ отдѣльныхъ общественныхъ дѣятелей.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ пунктовъ порядка дня, какъ мы говорили, былъ вопросъ объ ускореніи ликвидаціи пенсіонныхъ просьбъ, о борьбѣ съ господствующимъ бюрократизмомъ. Конгрессъ указалъ на рядъ конкретныхъ мѣръ для борьбы съ этимъ зломъ. Очень оживленныя пренія вызвало обсужденіе законодательныхъ нормъ, касающихся смерти или болѣзни, происшедшихъ „da causa de servizio“. Дѣло въ томъ, что законъ 1895 года признаетъ право на пенсію за умершими и заболѣвшими на службѣ (не въ сраженіи) лишь при соблюденіи двухъ условій: 1) если смерть или заболѣваніе произошли не только на службѣ, но если служба эта явилась ихъ причиной и 2) если служба явилась не только посторонней причиной („concausa“) или случайной причиной („causa occasionale“), но прямой и непосредственной. Конгрессъ призналъ необходимымъ утвердить право на пенсію, хотя бы и въ меньшихъ размѣрахъ, и за категоріями, пострадавшими и по „causa occasionale“. По вопросу объ инвалидности вынесена резолюція, требующая увеличенія количества ея категорій и изученія вопроса о неспособности не къ военной службѣ, а къ производительному труду.

Въ декретѣ отъ 1 мая с. г. сказано, между прочимъ, что если больной, находящійся въ госпиталѣ, будетъ сопротивляться лѣченію, которое по мнѣнію врачей, можетъ привести къ выздоровленію или улучшенію состоянія здоровья больного, — онъ или лишается права на пенсію, или низводится въ низшую пенсіонную категорію.

Конгрессъ выразилъ пожеланіе, чтобы послѣ слова „сопротивляется“ была вставлена фраза: „безъ уважительной причины“ („senza giustificato motivo“). Были разсмотрѣны еще вопросы о пенсіяхъ взрослымъ незамужнимъ сестрамъ, жившимъ на средства умершаго; о спеціальной помощи изувѣченнымъ, глухонѣмымъ и т. п. и о созданіи соотвѣтствующихъ институтовъ; о предоставленіи пенсіи матери при живомъ отцѣ, если онъ не даетъ о себѣ никакихъ свѣдѣній и сынъ являлся ея единственной поддержкой; о расширительномъ толкованіи спорныхъ юридическихъ нормъ; о томъ, чтобы

въ случаѣ безграмотности и малолѣтства заинтересованныхъ лицъ иниціатива по истребованію пенсій ложилась на секретарей коммунъ или мировыхъ судей, и рядъ другихъ самыхъ разнообразныхъ проблемъ. И нельзя сомнѣваться въ томъ, что значительная часть высказанныхъ по этому поводу мнѣній и пожеланій будетъ принята не только къ свѣдѣнію, но и къ руководству.

Мы уже упоминали выше о двухъ законопроектахъ, внесенныхъ Саландрой въ парламентъ. Первый заключаетъ въ себѣ организацію спеціальнаго института для защиты военныхъ инвалидовъ — „Opera Nazionale per gl'invalidi della guerra". Его совѣтъ состоитъ изъ 11 членовъ: 4 — въ томъ числѣ предсѣдатель — назначаются привительствомъ, 3 — изъ верховнаго совѣта общественнаго здоровья — спеціалистовъ по ортопедіи, травматологіи и т. п. и 4 выбранныхъ отъ общественныхъ институтовъ благотворительности и всякихъ видовъ помощи. Дѣятельность этой организаціи должна сводиться, главнымъ образомъ, къ „перевоспитанію" („rieducazione") изувѣченныхъ, которое сдѣлало бы ихъ способнымъ къ производительному труду и, въ этомъ случаѣ, къ подысканію занятій. § 6 законопроекта заключаетъ въ себѣ принципіально очень важное признаніе права на трудъ за излѣчившимися калѣками: они должны приниматься на тѣ мѣста, которыя занимали до призыва подъ оружіе. Проектъ признаетъ также это право и за частично лишившися трудоспособности.

Второй законопроектъ создаетъ соотвѣтствующій національный институтъ для сиротъ. Его совѣтъ долженъ состоять изъ 9 членовъ: по 2 избранныхъ отъ обѣихъ палатъ и 5 — въ томъ числѣ предсѣдатель, — назначенныхъ королемъ. На обязанности института лежитъ, главнымъ образомъ, наблюденіе за исполненіемъ законовъ, обезпечивающихъ сиротъ, забота объ ихъ воспитаніи и т. п.

Эти проекты, несомнѣнно, подвергнутся въ палатахъ переработкѣ и улучшеніямъ. Можно ожидать, что встрѣтитъ возраженіе установленный въ первомъ изъ нихъ имущественный цензъ (не менѣе 2 т. лир. годового дохода) для избираемыхъ членовъ совѣта, — но общій духъ, пропитывающій послѣдніе акты государственной дѣятельности Саландры — обязанность государства оказывать активную помощь жертвамъ войны, — останется неприкосновеннымъ.

Мы въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ охарактеризовали работу итальянской общественности и государства въ области сложной пенсіонной проблемы. Какъ и насколько осуществятся всѣ указанныя

„благія намѣренія", будетъ зависѣть отъ цѣлаго ряда внѣшнихъ условій — исхода войны, состоянія финансовъ и т. п. — одно только можно теперь установить съ полной увѣренностью: въ программахъ демократическихъ партій Италіи пунктъ о пенсіяхъ войны займетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ.

Раф. Григорьевъ.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Общее положеніе дѣлъ. — Законодательное предположеніе о волостномъ земскомъ управленіи. — Исторія вопроса. — Настоящее отношеніе къ нему крестьянства. — Куріальная система; право самообложенія; функціи волостного земства. — Цѣлесообразны ли далеко идущія уступки? — Юбилей В. М. Бехтерева. — А. Г. Неболсинъ †. — М. Б. Ратнеръ †. — М. М. Алексѣенко †.

Положеніе дѣлъ попрежнему ненормально — а чѣмъ длительнѣе ненормальность, тѣмъ живѣе чувствуется ея дѣйствіе, тѣмъ больше усложняются ея результаты. Изолированность министерства такъ же велика, какъ и нѣсколько недѣль тому назадъ, когда произошли послѣднія перемѣны въ его составѣ. Можно было думать, что новыя теченія, проникнувшія въ чуждыя имъ до тѣхъ поръ сферы, ослабѣютъ или исчезнутъ, какъ только станетъ ясно, что ничто не измѣнилось въ настроеніи и направленіи правительства. Ничего подобнаго не случилось, — не случилось даже тамъ, гдѣ всего меньше, повидимому, было данныхъ для устойчивости на новомъ пути. Послѣднею твердыней, павшей подъ напоромъ событій, было объединенное дворянство. Казалось, что его составные элементы, привыкшіе идти рука объ руку съ властью, традиціонное чуждые всему похожему на оппозицію, воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы вернуться на старую дорогу. Принести повинную имъ было тѣмъ легче, что непосредственнаго участія въ прегрѣшеніи многіе изъ нихъ не принимали. Случилось, однако, не то: дворянскія собранія, состоявшіяся въ январѣ, пошли по стопамъ послѣдняго общедворянскаго съѣзда. Новгородское дворянское собраніе говоритъ въ своей резолюціи о тѣхъ, кто, „явясь порожденіемъ безотвѣтственнаго вліянія, пытаются прикрыть свое нерадѣніе, свое неумѣніе преступною ложью и полагаютъ свой долгъ не въ правдѣ, а въ лести“; отмѣчая острый разладъ власти съ народнымъ представительствомъ, оно заявляетъ, что у народа остается одна надежда на правдивый голосъ его избранниковъ. Въ рязанскомъ дворянскомъ собраніи общими рукоплесканіями встрѣчается докладъ о резолюціи общедворянскаго съѣзда,

Ярославское дворянское собраніе однимъ изъ своихъ представителей въ средѣ объединеннаго дворянства выбираетъ К. К. Черносвитова, принадлежащаго въ Госуд. Думѣ къ фракціи народной свободы. Постановленіе московскаго дворянскаго собранія (сначала оказавшееся запретнымъ для московской печати и воспроизведенное ею изъ петроградской газеты) признаетъ резолюцію общедворянскаго съѣзда „совершенно вѣрно отражающею настроеніе Россіи и указывающею тѣ пути, которые могутъ вывести нашу родину изъ создавшагося тяжкаго положенія". „Вмѣстѣ съ тѣмъ, — сказано дальше въ единогласно принятомъ постановленіи, — московское дворянство съ большой тревогой и волненіемъ не можетъ не отмѣтить, что всѣ прискорбныя явленія, на которыя указывалъ съѣздъ, не только не устранены, но даже не усматривается признаковъ того, что пожеланія съѣзда и сходныя съ ними по существу постановленія законодательныхъ учрежденій могли бы получить въ ближайшее время осуществленіе. Съ другой стороны, острота во всѣхъ отрасляхъ народной жизни доходитъ до крайнихъ предѣловъ и рождаетъ естественное опасеніе за то, что грозное состояніе тыла можетъ пагубно отразиться на всемъ ходѣ войны. При такихъ условіяхъ, ярко свидѣтельствующихъ о томъ, что положеніе внутри страны становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе грознымъ, московское дворянство должно громко возвысить свой голосъ и подтвердить, что единственнымъ исходомъ для блага родины и огражденія престола является безотлагательное проведеніе тѣхъ началъ, которыя опредѣленно высказалъ съѣздъ объединенныхъ дворянскихъ обществъ". Чрезвычайно характерно, что такъ смотритъ на дѣло московское дворянство, одно изъ самыхъ консервативныхъ, всего болѣе проникнутыхъ сословнымъ духомъ; знаменательно и то, что между защитниками постановленія на первый планъ выдвинулся А. Д. Самаринъ, еще недавно бывшій яркимъ представителемъ специфически дворянскихъ настроеній [1]).

Гдѣ же, затѣмъ, въ какой общественный сферѣ искать апологетовъ того курса, котораго, envers et contre tous, неуклонно держится власть? Гдѣ искренніе, убѣжденные, безкорыстные его приверженцы? Общественныя организаціи, опередившія дворянство въ пониманіи требованій жизни, или хранятъ вынужденное молчаніе, или говорятъ полусловами, съ трудомъ преодолѣвая внѣшнія пре-

---

[1]) Близкимъ, по настроенію, къ московскому дворянскому собранію было и происходившее въ то же время петроградское: это видно и по привѣту, который оно послало законодательнымъ учрежденіямъ, и по избранію въ губ. предводители кн. В. М. Волконскаго, только что передъ тѣмъ сложившаго съ себя званіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

пятствія. Примѣромъ можетъ служить происходившее на-дняхъ кіевское губернское земское собраніе. „Мы не можемъ разойтись,— сказалъ предсѣдатель губернской земской управы, — не сказавъ о томъ, что переживаетъ страна. Дѣлается все къ тому, чтобы дискредитировать земство въ глазахъ населенія“... Прерванный предсѣдателемъ собранія (въ Кіевской губерніи предводители дворянства не выбираются, а назначаются), г. Суковкинъ продолжалъ: „Намъ не даютъ возможности работать; населеніе страдаетъ, а нашей работѣ по облегченію его страданій ставятся препятствія... Остается единственный путь — обращеніе къ верховной власти“. „Мы должны сказать, воскликнулъ гласный Кистяковскій, — то, что сказали Дума, Совѣтъ, объединенное дворянство. При существующихъ условіяхъ жить нельзя“. И обращеніе къ верховной власти было принято единогласно... Понятной, въ виду такихъ фактовъ, становится та перемѣна въ дѣловомъ распорядкѣ, которую, судя по газетнымъ сообщеніямъ, произвелъ на-дняхъ въ своемъ вѣдомствѣ министръ внутреннихъ дѣлъ. До сихъ поръ свѣдѣнія о дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ представлялись губернаторами нѣсколько времени спустя послѣ окончанія сессіи; по телеграфу сообщался только фактъ открытія собранія. Средоточіемъ свѣдѣній о дворянскихъ собраніяхъ служила канцелярія министра, свѣдѣній о земскихъ собраніяхъ — главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Теперь губернаторы обязываются сообщать по телеграфу о всѣхъ политическихъ выступленіяхъ, резолюціяхъ, рѣчахъ отдѣльныхъ ораторовъ, и сообщать не туда, куда прежде, а въ департаментъ полиціи [1]). Отношеніе министерства внутреннихъ дѣлъ къ органамъ мѣстнаго и сословнаго самоуправленія пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, опредѣленно полицейскій характеръ; на первый планъ выступаетъ освѣдомленіе не о томъ, что предпринимается на мѣстахъ въ интересахъ населенія или какой-либо его части, а о томъ, достаточно ли благонадежны въ политическомъ отношеніи цѣлыя собранія или отдѣльные ихъ члены...

Ближайшимъ результатомъ политики, руководимой преимущественно полицейскими соображеніями, являются обыкновенно новыя стѣсненія печати и новыя ограниченія личной свободы. И то, и другое имѣется налицо въ настоящую минуту. Шире, чѣмъ когда-либо, раздвигается область военной цензуры — военной, весьма часто, только по имени, такъ какъ ею захватывается многое, вовсе

[1]) Господствующая роль, отводимая теперь полицейскому элементу въ дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ, подчеркивается и тѣмъ, что при распредѣленіи занятій между товарищами министра А. Д. Протопоповъ оставилъ лично за собою высшее завѣдываніе департаментомъ полиціи.

не соприкасающееся съ войною. Чаще налагается запретъ на ту или другую общеполитическую тему, вновь растетъ число и увеличиваются размѣры „бѣлыхъ столбцовъ". Если вѣрить слухамъ, появившимся въ печати, достаточнымъ поводомъ для административной высылки признается газетная статья, непріятная для лица облеченнаго властью. Возникаютъ совершенно фантастическіе проекты, малѣйшая попытка проведенія которыхъ въ жизнь была бы совершенно несовмѣстна съ обѣщанной манифестомъ 17-го октября и признанной основными законами свободой печати. Предполагается создать новый, утонченный видъ воздѣйствія на печать [1]; главное управленіе по дѣламъ печати должно перестроиться такъ, чтобы оцѣнка печатью событій политической и общественной жизни дѣлалась подъ его руководящимъ вліяніемъ. Само собою разумѣется, что такая перестройка неосуществима: внѣ преслѣдованій, судебныхъ и административныхъ, внѣ много разъ испытанной и никогда не удававшейся организаціи изданій открыто или тайно офиціозныхъ, никакихъ новшествъ, имѣющихъ цѣлью „управленіе" печатью, нѣтъ и быть не можетъ. Характерны тѣмъ не менѣе усилія мысли, направленныя въ эту сторону: они свидѣтельствуютъ о томъ, какъ относится — и не можетъ не относиться — къ сколько-нибудь свободному слову власть, идущая въ разрѣзъ съ страною. И если, въ концѣ-концовъ, всѣ попытки подчинить печать *вліянію* правительства обречены на неудачу, то тяжелыхъ минутъ для нашей многострадальной прессы онѣ могутъ принести не мало.

Министерству внутреннихъ дѣлъ приписывается, въ послѣднее время стремленіе ограничить кругъ дѣятельности такихъ общественныхъ организацій, какъ всероссійскіе союзы земскій и городской. Тому же министерству приписывается отрицательное отношеніе къ находящемуся на разсмотрѣніи Госуд. Совѣта законопроекту о кооперативахъ, недостаткомъ котораго признается его общность, дѣлающая излишнимъ особое каждый разъ ходатайство объ основаніи кооперативнаго предпріятія. Для всего этого, такъ и для недовѣрія къ прессѣ и къ общественнымъ организаціямъ, какъ и для широкаго примѣненія дискреціонной власти къ ограниченію и лишенію свободы, можно найти не мало прецедентовъ въ исторіи даннаго вѣдомства. Но въ его настоящемъ есть и черты совершенно новыя. Напрасно было бы, напримѣръ, искать въ прошедшемъ что-нибудь аналогичное судьбѣ послѣднихъ московскихъ городскихъ выборовъ. Что избраніе въ одной изъ столицъ почти поголовно прогрессивной городской думы, въ особенности послѣ ожиданій

[1]) См. статью: „Химера" въ № 18 „Русскихъ Вѣдомостей".

прямо противоположнаго результата, было крайне непріятно для реакціонно настроенной власти — это понятно; неудивительно и то, что для отмѣны выборовъ было признано достаточнымъ обстоятельство, въ сущности вовсе не опорочивавшее ихъ правильность. Безпримѣрнымъ, въ своемъ родѣ, является объясненіе министра на жалобу, принесенную однимъ изъ избирателей въ прав. сенатъ. Жалобщикъ просилъ признать неправильнымъ, незаконнымъ распоряженіе министра, утвердившее инструкцію о порядкѣ производства городскихъ выборовъ — ту самую инструкцію, дефекты которой послужили для московскаго по городскимъ дѣламъ присутствія поводомъ къ отмѣнѣ московскихъ выборовъ. Въ объясненіи своемъ сенату, А. Д. Протопоповъ доказываетъ неправильность своего распоряженія — доказываетъ ее съ такою настойчивостью, которая обычно свойственна самозащитѣ, но отнюдь не самообвиненію. Инструкція, по словамъ министра была представлена на его утвержденіе „по традиціи" и утверждена, главнымъ образомъ, потому, что согласовалась съ нормами, „обычно примѣнявшимися при выборахъ въ Москвѣ и не вызывавшими никакихъ возраженій". Естественнымъ выводомъ отсюда было бы оставленіе въ силѣ выборовъ, страдающихъ чисто формальнымъ недостаткомъ — недостаткомъ, не только не предупрежденнымъ, но прямо допущеннымъ компетентною властью. Объясненіе министра, наоборотъ, заканчивается признаніемъ выборовъ подлежащими отмѣнѣ. Министерство внутреннихъ дѣлъ принимаетъ на себя, такимъ образомъ, всю отвѣтственность за ненормальное положеніе, установившееся въ одной изъ столицъ и грозящее серьезнымъ замѣшательствомъ въ городскомъ хозяйствѣ. Нельзя ожидать плодотворной работы отъ учрежденія, такъ рѣшительно осужденнаго своими избирателями. Въ средѣ забракованныхъ гласныхъ уже началось бѣгство изъ Думы; ихъ примѣру послѣдуютъ, по всей вѣроятности, сравнительно немногіе, но онъ даетъ ясное понятіе о настроеніи, господствующемъ въ собраніи и исключающемъ возможность энергичной, бодрой, плодотворной работы.

Новымъ фактомъ, усложняющимъ безъ того уже до крайности сложное положеніе, явилось офиціальное сообщеніе объ арестѣ рабочей группы военно-промышленнаго комитета и о передачѣ возбуждаемаго противъ нихъ, по ст. 102, уголовнаго уложенія, дѣла прокурорскому надзору. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей", „вѣсть о томъ, что правительствомъ принята подобная мѣра въ такой моментъ, какъ нынѣшній, когда странѣ необходимо собрать всѣ свои силы для нанесенія рѣшительнаго удара врагу, должна быть признана совершенно исключительной по своей важ-

ности, а правительственное сообщеніе, со сдѣланными въ немъ заявленіями — въ величайшей мѣрѣ отвѣтственнымъ. Между тѣмъ основаніемъ для офиціальнаго сообщенія могли служить только данныя, добытыя агентурнымъ путемъ и при обыскѣ, т. е. матеріалъ, еще не подвергшійся судебной экспертизѣ и не освѣщенный даже предварительнымъ слѣдствіемъ. Въ настоящей стадіи вопроса не можетъ существовать никакой увѣренности въ достовѣрности свѣдѣній, относящихся къ дѣятельности арестованныхъ рабочихъ. Поэтому офиціальное сообщеніе о томъ, что рабочая группа занималась подготовкой революціи, есть не болѣе какъ предположеніе, на основаніи котораго дѣло передано прокурорскому надзору; но оно не можетъ быть разсматриваемо какъ констатированіе факта. Каковы бы ни были данныя, полученныя по этому дѣлу до сихъ поръ, они во всякомъ случаѣ не болѣе какъ данныя полицейскаго дознанія, могущія служить матеріаломъ для судебнаго слѣдствія, но не основаніемъ для какихъ-либо категорическихъ утвержденій". И дѣйствительно, по прошествіи нѣсколькихъ дней въ печати было сообщено, что министръ юстиціи не находитъ въ дѣяніяхъ арестованныхъ лицъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 102. Если это сообщеніе подтвердится, что придется сказать и о мѣрѣ, принятой министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и о поспѣшно данной ей огласкѣ?

Не выясненнымъ остается до сихъ поръ обстоятельство, незначительное само по себѣ, но важное по именамъ прикосновенныхъ къ нему лицъ: не установлены съ точностью обстановка и содержаніе разговора, происходившаго въ Стокгольмѣ, весной прошлаго года, между А. Д. Протопоповымъ — тогда еще товарищемъ предсѣдателя Госуд. Думы — и кѣмъ-то изъ германскихъ подданныхъ. Самимъ А. Д. Протопоповымъ и гр. Олсуфьевымъ, свидѣтелемъ и участникомъ этого разговора, всѣ относящіеся къ нему детали передаются совершенно различно; разногласіе касается даже мѣста, гдѣ шелъ разговоръ, даже званія и общественнаго положенія собесѣдника. Если бы сторонами, въ данномъ случаѣ, были частныя лица, разрѣшеніе возникшаго между ними спора могло бы интересовать только близкихъ имъ людей; но когда одною изъ сторонъ является членъ Госуд. Совѣта, другою — министръ внутреннихъ дѣлъ и спорный предметъ отнюдь не можетъ быть признанъ маловажнымъ, законно и естественно общее желаніе узнать всю правду. Простѣйшимъ для того средствомъ было бы обращеніе къ посредникамъ, избраннымъ сторонами, и оглашеніе выводовъ, къ которымъ они придутъ по разсмотрѣніи дѣла. Нужно надѣяться, что именно этотъ путь и будетъ избранъ участниками спора.

Приближается срокъ возобновленія законодательной сессіи. Невидно, покамѣстъ, почвы, на которой могло бы установиться согласіе между министерствомъ и Госуд. Думой. Министерство, повидимому, расположено признать Госуд. Думу „работоспособной“ въ такомъ лишь случаѣ, если она направитъ свою работу въ русло, указанное для нея властью; только тогда можетъ возникнуть и вопросъ о продленіи думскихъ полномочій. Болѣе чѣмъ вѣроятнымъ представляется, поэтому, скорый роспускъ Думы и назначеніе новыхъ выборовъ. Въ какой степени ненормальна была бы избирательная кампанія, происходящая при отсутствіи большинства избирателей, при занятіи непріятелемъ значительной части государственной территоріи — это ясно само собою. При томъ глубокомъ разладѣ, который существуетъ между властью и страною, офиціальное „воздѣйствіе“ на выборы неизбѣжно дойдетъ до небывалыхъ размѣровъ, отразится въ формахъ, далеко оставляющихъ за собою все видѣнное нами въ 1912-мъ году. Результатомъ явится либо Дума безвольная, безсильная, раболѣпная, либо Дума полная негодованія и гнѣва. Въ обоихъ случаяхъ она не дастъ того, чего въ правѣ ожидать отъ нея народъ, измученный ужасною войною. Не потеряна еще надежда, что это бѣдствіе не разразится надъ Россіей. Слишкомъ громко говорятъ уроки, данные послѣдними событіями; слишкомъ ясенъ смыслъ перемѣны, совершившейся и продолжающей совершаться въ настроеніи даже наиболѣе пассивныхъ, наименѣе оппозиціонныхъ общественныхъ сферъ. „Волненіе и тревога“, охватившія московское дворянство при видѣ безуспѣшности общественныхъ усилій — краснорѣчивѣйшее напоминаніе о необходимости и неотложности перемѣны. Близко время рѣшительной борьбы съ внѣшнимъ врагомъ: пускай же наступленію его предшествуетъ возстановленіе внутренняго міра.

Возвратится ли Госуд. Совѣтъ, вслѣдствіе новогоднихъ увольненій и назначеній, на прежнюю „заградительную“ дорогу или найдетъ въ себѣ достаточно силы, чтобы остаться вѣрнымъ духу резолюціи 26 ноября — это покажутъ первые дни возобновляющейся сессіи. Съ большою вѣроятностью можно сказать только одно: къ настроенію, господствовавшему до второй половины прошлаго года, верхняя палата не вернется. На это указываетъ измѣнившееся отношеніе къ переводу изъ присутствующихъ членовъ въ неприсутствующіе. Прежде оно проходило безслѣдно, теперь, по примѣру И. Я. Голубева, еще одинъ „переведенный“ — г. Балашовъ — сложилъ съ себя званіе члена Госуд. Совѣта. Еще зна-

менательнѣе обстоятельства, сопровождавшія избраніе новаго лидера крайней правой группы (на мѣсто г. Щегловитова, назначеннаго предсѣдателемъ Госуд. Совѣта). Характерно уже то, что выборъ большинства группы палъ на А. Ф. Трепова, только что сложившаго съ себя предсѣдательство въ совѣтѣ министровъ; еще характернѣе условія, которыми А. Ф. Треповъ обставилъ свое согласіе на избраніе. Въ изложеніи бесѣды г. Трепова съ сотрудникомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ эти условія были опредѣлены такъ: 1) группа предоставляетъ своему лидеру свободу выступленія и голосованія въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ разойдется съ мнѣніемъ большинства и 2) группа не будетъ вести ретроградной политики, въ которой ее до сихъ поръ всегда обвиняли. Два дня спустя А. Ф. Треповъ напечаталъ въ той же газетѣ письмо, съ цѣлью устранить недоразумѣніе, къ которому можетъ дать поводъ второе условіе. По его словамъ, группа, къ которой онъ всегда принадлежалъ, всегда считалась съ дѣйствительностью и потому „никогда ретроградной не была и, конечно, никогда не будетъ“. Весьма можетъ быть, что собесѣдникъ А. Ф. Трепова не совсѣмъ точно передалъ содержаніе имъ сказаннаго; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что избранію новаго предсѣдателя предшествовалъ разговоръ о нѣкоторомъ измѣненіи обр. за дѣйствій, котораго до тѣхъ поръ держалась группа. Можно „считаться съ условіями дѣйствительности“ — и все же вести „ретроградную политику“. Вѣдь условія дѣйствительности могутъ быть понимаемы различно — и. при извѣстномъ ихъ пониманіи, именно изъ нихъ можетъ быть выводимо заключеніе о цѣлесообразности обратнаго движенія или мало отличающагося отъ него топтанія на мѣстѣ. Прошедшее нашей верхней палаты полно доказательствъ тому, что именно къ такому заключенію неизмѣнно приходило правое ея крыло. И совершенно понятно, что прежде чѣмъ стать его вождемъ, А. Ф. Треповъ пожелалъ заручиться обѣщаніемъ нѣсколько большей умѣренности въ проведеніи излюбленныхъ принциповъ. Насколько это обѣщаніе было серьезно, какъ его понимаютъ избиратели г. Трепова — объ этомъ можно будетъ судить по первымъ засѣданіямъ Госуд. Совѣта. Они покажутъ, намѣрены ли правые, оставаясь вѣрными своей обычной тактикѣ, откладывать sinedie разсмотрѣніе законопроектовъ о кооперативахъ и объ отмѣнѣ крестьянскихъ правоограниченій...

Какъ бы ни опредѣлилась, впрочемъ, политика крайнихъ правыхъ въ Госуд. Совѣтѣ, общій духъ внѣ-парламентскихъ ихъ союзниковъ, очевидно, остается неизмѣннымъ. Въ концѣ февраля долженъ состояться съѣздъ, такъ называемыхъ, „монар-

хистовъ“ [1]), о разрѣшеніи котораго, не въ примѣръ прочимъ, ходатайствовалъ одинъ изъ членовъ предсѣдательствуемой А. Ф. Треповымъ совѣтской группы, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ. Н. А. Маклаковъ. На этомъ съѣздѣ, повидимому, должно или можетъ состояться соглашеніе нынѣшнихъ главарей черной сотни съ бывшимъ предсѣдателемъ союза русскаго народа, докторомъ Дубровинымъ. Это будетъ финальною чертою къ характеристикѣ нашихъ „спасителей отечества“, продолжающихъ, съ помощью казенныхъ субсидій, свою кампанію противъ послѣднихъ остатковъ права и свободы. Къ чему приводитъ на практикѣ проповѣдь „благонамѣренной расправы“ — этому дали потрясающее доказательство убійства въ селѣ Преображенскомъ, Киренскаго уѣзда, Иркутской губерніи [2]). Подъ покровительствомъ мѣстной власти здѣсь образовалась шайка, задавшаяся цѣлью перебить всѣхъ жившихъ въ селѣ политическихъ ссыльныхъ. Когда послѣ убійства двухъ изъ нихъ, убійцы, по требованію крестьянъ, были арестованы, но слѣдователемъ освобождены, крестьянскій начальникъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими мѣстными жителями, просилъ прокурора иркутскаго окружного суда о передачѣ дѣла другому слѣдователю и о скорѣйшемъ вскрытіи труповъ убитыхъ. И въ томъ, и въ другомъ просителямъ было отказано, въ послѣднемъ — на томъ основаніи, что въ Киренскѣ до весны не будетъ свободныхъ врачей. (!)

Болѣе трети вѣка тому назадъ „Вѣстникъ Европы“ выступилъ впервые сторонникомъ безсословной волости [3]). Много разъ съ тѣхъ поръ онъ возвращался къ этой темѣ, выдвигавшейся на первый планъ въ наиболѣе тяжелыя минуты народной жизни. Ее поставили на очередь земскія собранія, какъ только, въ короткій періодъ „диктатуры сердца“, воскресъ изъ мертвыхъ официально считавшійся похороненнымъ крестьянскій вопросъ. Можно было думать, что пожеланія земствъ, подкрѣпленныя, отчасти, результатами сенаторскихъ ревизій, будутъ приняты въ соображеніе кахановской комиссіей; но ее смыла волна контръ-реформъ, и побѣда специфически дворянскихъ теченій не оставила мѣста для заботы о народной массѣ.

---

[1]) Стремленіе извѣстной клики присвоить себѣ монополію монархизма заставляетъ вспомнить слова, сказанныя кѣмъ-то изъ погибшихъ на эшафотѣ во время террора 1793-го года: „O liberté, que de crimes on commet en ton nom!“

[2]) См. въ № 17 „Рѣчи“ замѣтку: „Сибирскіе ужасы“.

[3]) См. внутр. обозрѣнія въ №№ 7 и 8 „Вѣстника Европы“ за 1881 г.

Безслѣдно прошли знаменательные уроки, данные неурожаями и эпидеміями начала девятидесятыхъ годовъ; достаточнымъ залогомъ удовлетворенія нуждъ деревни — тѣхъ немногихъ и ограниченныхъ нуждъ, игнорировать которыя было бы уже слишкомъ неудобно, — продолжало считаться существованіе института земскихъ начальниковъ. Въ половинѣ того же десятилѣтія, когда опять возникла мысль о пересмотрѣ положеній 19 февраля, не могъ не быть поднятъ вновь и вопросъ о переустройствѣ волости; но это было время усилившагося попеченія о помѣстно-дворянскихъ интересахъ, несовмѣстныхъ съ сближеніемъ сословій на низшей ступени самоуправленія. Въ литературѣ мелкая земская единица сдѣлалась предметомъ особаго вниманія въ началѣ XX вѣка, когда очевиднымъ стало крайнее разстройство сельскаго быта. Между принципіальными ея сторонниками обнаружилось, однако, серьезное разногласіе, всего ярче выразившееся въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи и на съѣздахъ агрономическомъ (въ Москвѣ, въ 1901 г.) и кустарномъ (въ Петербургѣ, въ 1902 г.). Одни находили, что какъ бы мало настроеніе правительственныхъ сферъ ни благопріятствовало коренной перестройкѣ ближайшихъ къ народу учрежденій, мелкая земская единица все-таки можетъ измѣнить къ лучшему положеніе крестьянства, облегчивъ лежащее на немъ налоговое бремя и увеличивъ его силы въ борьбѣ за равноправность; другіе полагали, что при общемъ безправіи ничего, кромѣ разочарованій, нельзя ожидать отъ маленькой земской ячейки, соединяющей въ себѣ чуждые другъ другу элементы [1]). Безспорной, съ прогрессивной точки зрѣнія, необходимость мелкой земской единицы стала только тогда, когда явилась и окрѣпла надежда на близость рѣшительнаго сдвига въ области внутренней политики. За введеніе мелкой земской единицы высказался, въ своей извѣстной резолюціи, ноябрьскій земскій съѣздъ 1904 года, послѣ чего она была включена въ программу указа 12 декабря. Составленный кабинетомъ П. А. Столыпина законопроектъ былъ внесенъ во вторую, затѣмъ — съ нѣкоторыми перемѣнами къ худшему, — въ третью Гос. Думу. При всѣхъ крупныхъ его недостаткахъ, только отчасти смягченныхъ Думою, онъ могъ казаться пріемлемымъ, какъ первый шагъ къ перерожденію деревни. Такъ смотрѣли на него депутаты-крестьяне, кромѣ немногихъ, всецѣло подпавшихъ подъ вліяніе правыхъ фракцій (умѣренно-правые или націоналисты мало отличались тогда отъ крайнихъ правыхъ). Крестьянскими голосами былъ, повидимому, рѣшенъ переходъ къ постатейному

[1]) Доводы обѣихъ сторонъ подробно изложены и разсмотрѣны въ внутр. обозрѣніяхъ „Вѣстника Европы" (1902 г., №№ 1, 3, 5). Нашъ журналъ держался перваго мнѣнія.

обсужденію проекта. Депутатъ Андрейчукъ (націоналистъ) стоялъ за „снятіе сословности съ волости“; депутатъ Амосенокъ (также націоналистъ) рѣзко оспаривалъ правыхъ ораторовъ, отвергавшихъ самый принципъ реформы. Когда въ маѣ 1914 г. Государственный Совѣтъ цѣлыхъ три года продержавъ безъ движенія принятый Думою законопроектъ, отклонилъ его даже въ той сильно испорченной редакціи, которую ему дала совѣтская комиссія, это послужило нагляднымъ доказательствомъ тому, какъ неискоренимъ страхъ помѣщичьихъ верховъ передъ деревенскими низами. На сторонѣ совѣтскаго большинства, инспирированнаго „объединеннымъ дворянствомъ“, оказалось и министерство, демонстративно отсутствовавшее при обсужденіи законопроекта и тѣмъ самымъ способствовавшее его провалу. Вскорѣ, по всей вѣроятности, министерству пришлось пожалѣть о своемъ абсентеизмѣ: два мѣсяца спустя послѣ совѣтскаго рѣшенія вспыхнула міровая война. Какую роль могло бы сыграть въ военное время хотя бы весьма несовершенное, но уже призванное къ жизни волостное земство — этого не могли не видѣть даже И. Л. Горемыкинъ и его товарищи.

Слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго до сихъ поръ, что желателенъ успѣхъ законодательнаго предположенія о волостномъ земскомъ управленіи, къ разсмотрѣнію котораго — безъ формальныхъ возраженій со стороны министерства, — приступила, 5 декабря, Государственная Дума? Можно ли признать, что принятіе его, хотя бы въ настоящемъ крайне неудовлетворительномъ его видѣ заполнитъ болѣзненно ощущаемую пустоту въ нашемъ государственномъ и общественномъ организмѣ? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что за утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ говорятъ какъ уроки прошлаго, такъ и условія настоящаго. Попрежнему враждебны преобразованію крайніе — и даже не совсѣмъ крайніе — правые, самымъ противодѣйствіемъ своимъ создающіе для него презумпцію цѣлесообразности. Менѣе откровенно, но, въ сущности, попрежнему отрицательно относится къ нему министерство внутреннихъ дѣлъ, предлагающее для земской волости — въ обращеніи своемъ къ земскимъ управамъ, — такія основы, которыя имѣютъ слишкомъ мало общаго съ нормальнымъ представленіемъ о самоуправляющейся земской единицѣ. И съ этой стороны, слѣдовательно, противники проектируемой реформы даютъ, какъ будто бы оружіе ея защитникамъ. Не только во время войны, все еще не близкой къ окончанію, но и послѣ заключенія мира особую важность будутъ имѣть задачи, въ разрѣшеніи которыхъ выдающаяся роль можетъ и должна принадлежать обновленной волости. Все это такъ; но существенно измѣнилось настроеніе широкихъ сферъ,

отъ которыхъ всего болѣе зависитъ будущее новаго учрежденія, — и сообразно съ этимъ измѣнились и требованія, которымъ должно отвѣчать его устройство.

Чего ждетъ, чего хочетъ крестьянство — это выяснилось отчасти еще до начала думскихъ преній, послѣ того, какъ земскимъ кругамъ сталъ извѣстенъ взглядъ А. Д. Протопопова на мелкую земскую единицу. Съ разныхъ сторонъ раздались голоса противъ возложенія на волостное земское управленіе административно-полицейскихъ обязанностей, противъ зависимости волости отъ уѣзднаго земства, противъ имущественнаго ценза и куріальной системы. Съ особенною послѣдовательностью и ясностью это отношеніе къ вопросу выразилось въ запискѣ, внесенной группою гласныхъ-крестьянъ въ уфимское уѣздное земское собраніе. Если затѣмъ и могли еще оставаться какія-нибудь сомнѣнія, ихъ разсѣяли выступленія крестьянъ-депутатовъ въ засѣданіи 13 декабря. Въ защиту законодательнаго предположенія, одобреннаго, въ главныхъ чертахъ, думскою комиссіею, не говорилъ никто изъ нихъ. Если въ восклицаніи депутата Городилова: „да развѣ намъ волостное земство нужно" слышится голосъ фракціи (крайнихъ правыхъ), къ которой онъ принадлежитъ — или, до ноябрьскаго въ ней раскола, принадлежалъ, — если изъ того же источника черпаетъ свои сомнѣнія въ цѣлесообразности проекта депутатъ Доценко, то ничего подобнаго нельзя сказать о депутатахъ Калининѣ (октябристѣ) и Афанасьевѣ (к.-д.). Всѣ, по мнѣнію депутата Калинина, „должны быть одинаковы въ голосѣ, всѣ должны имѣть равныя права, и потому выборы должны быть прямые". „Если проектъ, — сказалъ депутатъ Афанасьевъ, — пройдетъ въ томъ видѣ, въ какомъ его предлагаютъ, какое облегченіе онъ дастъ крестьянамъ? Избавимъ ли мы крестьянъ отъ земскаго кнута — отъ земскаго начальника? Избавимъ ли мы ихъ отъ вмѣшательства становогo пристава въ крестьянскія дѣла? Намъ хотятъ дать куріи. Но развѣ мы не знаемъ, къ чему приводятъ куріи?.. Вы хотите этотъ факелъ пожара перенести въ нашу волостную земскую единицу, бросить пылающій факелъ въ порохъ... Выборы въ волостное земство должны быть безъ всякихъ курій, на основѣ прямого голосованія. Не доводите стомилліонную массу угнетеннаго безправнаго крестьянства до бѣлаго каленія! Если вы намъ не дадите того, что намъ необходимо, то помните, что мы швырнемъ этотъ проектъ въ трубу и подпалимъ имъ печку".

Если таковъ взглядъ, распространенный среди крестьянъ — а это болѣе чѣмъ вѣроятно, — то къ нему нельзя не отнестись съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ. Происхожденіе его тѣсно связано съ общимъ ходомъ событій послѣдняго времени. Война возложила

на народъ тяжелыя жертвы, особенно ощутительныя для крестьянства, изъ среды котораго выходитъ и большинство солдатъ, сражающихся на фронтѣ, и большинство рабочихъ, снабжающихъ армію всѣмъ для нихъ необходимымъ. Отсюда повышенная чувствительность крестьянъ ко всему, напоминающему о недавнемъ ихъ безправіи и о продолжающейся ихъ неполноправности. Рядомъ съ этимъ обостряется въ крестьянской средѣ — еще болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ, — сознаніе слабыхъ сторонъ нашего государственнаго и общественнаго строя. Не безслѣдно проходитъ передъ крестьянствомъ серія формулъ, принятыхъ за послѣдніе полтора года законодательными учрежденіями и общественными организаціями. Не можетъ крестьянство быть безучастнымъ свидѣтелемъ непрерывныхъ перемѣнъ въ составѣ высшаго управленія, ни на чемъ не останавливающихся и ни къ чему не приводящихъ. Не можетъ крестьянство оставаться равнодушнымъ къ постоянно растущей дороговизнѣ, къ безсистемности, неустойчивости и безуспѣшности мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ удовлетворенія насущныхъ народныхъ нуждъ. Понятно скептическое отношеніе крестьянъ къ полумѣрамъ, къ старымъ, давно испробованнымъ и безповоротно забракованнымъ жизнью рецептамъ. При довѣріи къ власти возможна надежда, что недостатки новыхъ порядковъ будутъ на практикѣ въ значительной мѣрѣ устранены или смягчены; но при отсутствіи довѣрія неизбѣжно опасеніе, что они будутъ еще болѣе усугубленны, а все смягчающее ихъ — парализовано, подавлено или сведено къ минимуму. А недостатковъ, серьезныхъ и глубокихъ, въ законодательномъ предположеніи о волостномъ земствѣ очень много. Остановлюсь на главныхъ, отчасти указанныхъ мною еще во время прохожденія законопроекта о мелкой земской единицѣ черезъ третью Государственную Думу [1]).

Прежде всего бросается въ глаза крайняя искусственность и несправедливость проектируемой избирательной системы. Она покоится на двухъ предпосылкахъ, теоретически и практически не вѣрныхъ. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что интересъ къ волостнымъ дѣламъ обусловливается исключительно владѣніемъ землею въ предѣлахъ волости, и, слѣдовательно, только къ нему и должно быть пріурочено участіе въ завѣдываніи этими дѣлами. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, благоустройство и благосостояніе волости важно въ особенности для осѣдлаго ея населенія, непосредственно испытывающаго всѣ пробѣлы, всѣ изъяны, всѣ недочеты мѣстной жизни. Не надо владѣть землею, чтобы чувствовать и со-

[1]) См. внутр. обозрѣніе въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1910 г.

знавать всю важность мѣстныхъ санитарныхъ, врачебныхъ, школьныхъ, экономическихъ вопросовъ, чтобы стремиться къ возможно лучшему ихъ разрѣшенію. Между обывателями волости, не принадлежащими къ числу землевладѣльцевъ, можно найти не мало лицъ, не только нуждающихся въ услугахъ волости, но и способныхъ оказать ей существенныя услуги. Таково большинство врачей, фельдшеровъ, учителей, техниковъ, агрономовъ, жительствующихъ въ предѣлахъ волости и сроднившихся съ нею настолько, чтобы и она не считала ихъ для себя чужими. Предоставить имъ, по истеченіи извѣстнаго, не очень продолжительнаго срока пребыванія въ волости, активное и пассивное избирательное въ ней право, значило бы усилить и углубить ихъ связь съ нею, увеличить шансы продолжительной ихъ дѣятельности на занятомъ однажды мѣстѣ. Вѣдь если для кого-нибудь изъ пришлыхъ людей участіе въ дѣлахъ волости представляется желательнымъ въ какихъ-либо личныхъ видахъ, ничто не мѣшаетъ ему купить клочокъ земли и такимъ путемъ вступить въ число избирателей. Избирательнымъ правомъ, не связаннымъ съ земельною собственностью, воспользуются, поэтому, тѣ, на чью работу, свободную отъ эгоистическихъ соображеній, всего больше можетъ разсчитывать волость. Полезными для волости могутъ оказаться и такіе старожилы, которые не обладаютъ спеціальными свѣдѣніями; нѣтъ поэтому надобности и въ замѣнѣ имущественнаго ценза образовательнымъ, хотя бы и не высокимъ. Другими словами, единственной раціональной основой для волостного избирательнаго права слѣдуетъ признать всеобщую подачу голосовъ. Именно здѣсь падаютъ обычные противъ нея доводы: въ волости всѣ знаютъ — или могутъ узнать — другъ друга, всѣмъ понятны предстоящія рѣшенію задачи, дѣятельность избранныхъ проходитъ на глазахъ у избирателей. И только всеобщая подача голосовъ, обусловленная, кромѣ совершеннолѣтія и неопороченности, недолгимъ срокомъ жительства или землевладѣнія въ предѣлахъ волости, можетъ устранить всѣ несообразности и неудобства, связанныя, какъ будетъ показано ниже, съ куріальною или другою аналогичною системой.

Вторая предпосылка, изъ которой исходитъ разбираемое законодательное предположеніе, представляетъ собою дальнѣйшее развитіе первой. Смыслъ ея тотъ, что степень интереса къ общему дѣлу прямо пропорціональна размѣру требуемыхъ имъ матеріальныхъ жертвъ. Предполагается, что владѣльцы, напримѣръ, двадцати пяти или болѣе десятинъ больше заинтересованы въ умѣренности волостныхъ расходовъ и въ бережливости волостного управленія, чѣмъ владѣльцы десяти десятинъ, послѣдніе — больше, чѣмъ владѣльцы

еще меньшаго количества земли; предполагается, что внутри каждой изъ этихъ категорій можетъ установиться такая солидарность, которая немыслима внѣ ея предѣловъ; предполагается, что при отсутствіи перегородокъ между болѣе и менѣе состоятельными избирателями бѣднѣйшіе задавятъ всѣхъ остальныхъ, не допустятъ въ волостное собраніе никого изъ сравнительно достаточныхъ и, слѣдовательно, болѣе развитыхъ людей. Предположенія, какъ видно, цѣпляются здѣсь одно за другое; въ составъ послѣдняго, напримѣръ, входитъ старая, давно опровергнутая и теоріей, и практикой гипотеза объ имущественномъ цензѣ, какъ показателѣ умственнаго развитія. На тѣхъ же предположеніяхъ строится и опредѣленіе числа гласныхъ, избираемыхъ каждымъ разрядомъ: оно должно соотвѣтствовать суммѣ платимаго избирателями каждаго разряда волостного земскаго сбора. Законопроектъ, внесенный въ третью Думу, былъ еще послѣдовательнѣе: принадлежностью къ тому или другому разряду обусловливалось не только активное, но и пассивное избирательное право — каждый разрядъ могъ избирать гласныхъ только изъ своей среды. Эта черезчуръ уже вопіющая несообразность теперь устранена: избираемы во всѣхъ разрядахъ могутъ быть всѣ лица, пользующіяся въ волости активнымъ избирательнымъ правомъ. Неприкосновенными остались другія аномаліи, вытекающія изъ куріальной системы. Статья 15-я законодательнаго предположенія предусматриваетъ тотъ случай, когда число гласныхъ, причитающихся на долю разряда, превышаетъ число состоящихъ въ немъ избирателей. Уже самая возможность такого случая говоритъ съ достаточною ясностью о несостоятельности системы. Еще рельефнѣе ее иллюстрируетъ придуманный составителями проекта выходъ: въ гласные зачисляются всѣ избиратели, заранѣе приславшіе въ волостную управу заявленія о желаніи своемъ быть гласными, а оставшееся засимъ число гласныхъ избирается слѣдующимъ по порядку собраніемъ! Широко, такимъ образомъ, раскрываются двери передъ пробивающими себѣ дорогу въ гласные; становятся возможными происки, направленные къ ограниченію числа исправныхъ избирателей. И граница между разрядами охраняется настолько ревниво, что такой искусственный, рискованный порядокъ предпочитается другому, гораздо болѣе простому выходу изъ затрудненія — соединенію двухъ смежныхъ разрядовъ въ одно избирательное собраніе. Куріальною системою объясняется и то, что къ волости примѣняется одно изъ самыхъ неудачныхъ изобрѣтеній земскаго положенія: за силою ст. 26, если избиратели явятся въ собраніе въ числѣ, не превышающемъ $^2/_3$ подлежащихъ избранію гласныхъ, гласными признаются всѣ прибывшіе избиратели. Ста-

тья 24-я производитъ впечатлѣніе, которое можно было бы назвать комическимъ, если бы оно не было удручающимъ. Она говоритъ о томъ случаѣ, когда въ собраніе, имѣющее право избирать одного или двухъ гласныхъ, явятся лишь два избирателя; зачисленіе въ гласные рѣшается тогда соглашеніемъ или жребіемъ [1]). Еще нагляднѣе недостатокъ куріальной системы проявляется въ различіи, установляемомъ между личными собственниками и общинниками. Землевладѣльцы, близкіе другъ другу по быту, по взглядамъ, даже по размѣрамъ владѣнія, разъединяются и ставятся въ совершенно различныя условія только потому, что не одинаковъ юридическій титулъ ихъ владѣнія. Для личныхъ собственниковъ установляется прямое, для общинниковъ — двухстепенголосованіе (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда всѣхъ домохозяевъ-общинниковъ въ волости менѣе тридцати; тогда они, по ст. 21-й, выбираютъ причитающихся на ихъ долю гласныхъ прямо безъ предварительнаго избранія уполномоченныхъ). Конечно, аналогичный порядокъ установленъ, къ несчастью, и для земскихъ, и для думскихъ выборовъ; но особенно неестественнымъ, а слѣдовательно, и вреднымъ, онъ является въ мелкой земской единицѣ, самые размѣры которой требуютъ не обособленія, а возможно большаго сближенія всѣхъ входящихъ въ ея составъ элементовъ. Землеустроительное законодательство безъ того уже внесло тяжкій разладъ въ среду крестьянъ-землевладѣльцевъ; его должно обострить еще больше введеніе въ жизнь волости чуждой ей до сихъ поръ куріальной системы. Совершенно правъ былъ депутатъ Афанасьевъ, когда предостерегалъ Думу противъ этой ошибки... Чѣмъ проще и уравнительнѣе будетъ рѣшеніе вопроса о волостномъ избирательномъ правѣ, тѣмъ скорѣе принесетъ свои плоды новое учрежденіе, завершающее и укрѣпляющее земскую постройку. Крестьяне, — къ которымъ, въ виду близкой отмѣны тяготѣвшихъ надъ ними правоограниченій, больше подходитъ наименованіе мелкихъ землевладѣльцевъ, — давно уже не составляютъ той безформенной массы, изъ которой считалось возможнымъ лѣпить, что угодно, и притомъ чужими руками. Быстрое и успѣшное, несмотря на всякія преграды, развитіе кооперативовъ доказало дѣеспособность народной массы. Она сумѣетъ воспользоваться работой интеллигенціи, не отдаваясь слѣпо въ руки перваго встрѣчнаго руководителя; она не оттолкнетъ и тѣхъ крупныхъ или среднихъ землевладѣльцевъ, которые захотятъ трудиться вмѣстѣ съ нею. Свободное избраніе

[1]) Этотъ исходъ примѣнимъ тогда, когда надлежитъ избрать одного гласнаго. А если нужно избрать двухъ? Считаются ли тогда гласными оба явившіеся избирателя, или это званіе достается только одному изъ нихъ?

населеніемъ дастъ имъ несравненно большій авторитетъ, чѣмъ полномочіе, полученное отъ сравнительно узкой, искусственно созданной привилегированной группы.

Второй капитальный недостатокъ законодательнаго предположенія — зависимость, въ которую оно ставитъ волостное земство отъ уѣзднаго. Уѣздное земское собраніе не только повѣряетъ законность принятыхъ волостнымъ собраніемъ волостныхъ смѣтъ и раскладокъ, но и разсматриваетъ ихъ по существу и, если признаетъ обложеніе непосильнымъ для плательщиковъ, оставляетъ смѣты и раскладки безъ утвержденія, съ указаніемъ суммы, которой не должна превышать данная смѣта (ст. 139). Утвержденію уѣзднымъ земскимъ собраніемъ подлежатъ, сверхъ того, перечисленныя въ ст. 155 постановленія волостного собранія. Никакихъ способовъ борьбы съ усмотрѣніемъ уѣзда законодательное предположеніе волости не предоставляетъ. Между тѣмъ, безъ права самообложенія, ограниченнаго только закономъ, немыслимо истинное самоуправленіе. Даже при томъ строѣ волостного земства, который проектируется законодательнымъ предположеніемъ, оно будетъ столь существенно отлично отъ нынѣшняго уѣзднаго земства, что конфликты между ними, и при томъ конфликты принципіальнаго свойства, окажутся совершенно неизбѣжными. Въ уѣздномъ земствѣ преобладающую роль играютъ представители сравнительно крупнаго землевладѣнія, въ волостномъ земствѣ даже первая избирательная курія, съ наивысшимъ цензомъ, будетъ заключать въ себѣ сравнительно немалое число мелкихъ землевладѣльцевъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно поэтому, что уѣздное земство станетъ на стражу интересовъ крупнаго землевладѣнія, понимаемыхъ односторонне и тенденціозно. Понятно, насколько это должно усилить элементы раздора, безъ того уже въ немаломъ количествѣ вносимые въ волость куріальною системой. Впрочемъ, даже радикально преобразованному уѣздному земству нельзя было бы поручить опеку надъ земствомъ волостнымъ; опека вообще несовмѣстима съ самоуправленіемъ. Что нормально организованная, свободная отъ курій земская волость не стала бы поднимать свои расходы до неразумныхъ размѣровъ — достаточнымъ въ томъ ручательствомъ служитъ осторожность, вообще свойственная малоимущимъ плательщикамъ налоговъ. Много разъ ее проявляли гласные-крестьяне въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, и нѣтъ причины думать, что она будетъ забыта крестьянами въ собраніяхъ волостныхъ... На первыхъ порахъ особенно важно избѣгать всего того, что могло бы поселить антагонизмъ между земствами уѣзднымъ и волостнымъ и уничтожить тѣмъ самымъ значительную часть выгодъ, ожидаемыхъ отъ мелкой земской единицы. Полезнымъ сотру-

дникомъ уѣзднаго земства она можетъ стать только тогда, когда вліяніе его будетъ восприниматься ею свободно, а не чувствоваться ею, какъ велѣніе власти.

Третій вопросъ, заслуживающій серьезнаго вниманія, касается функцій волостного земства. Должны ли онѣ быть чисто хозяйственными или, вмѣстѣ съ тѣмъ, административно-полицейскими? При рѣшеніи этого вопроса необходимо оставаться на почвѣ современной дѣйствительности. Конечно, при другихъ условіяхъ волостныя должностныя лица должны были бы быть ближайшими къ населенію органами власти, какими являются, напримѣръ, мэры во французскихъ коммунахъ; это было бы большою экономіей средствъ и труда, большимъ удобствомъ для населенія. У насъ, въ настоящее время, невыгоды такой организаціи далеко перевѣсили бы ея выгоды. Законодательное предположеніе возлагаетъ на волостное земское управленіе вообще (ст. 2, пун. 13—15), а въ частности — на волостную земскую управу (ст. 80, пун. 8—10) и на одного изъ ея членовъ (ст. 81), такія обязанности, исполненіе которыхъ неизбѣжно должно поставить волостное земство въ зависимость отъ уѣздной и губернской бюрократіи. Прямо это не выражено, но это вытекаетъ изъ смысла ст. 80, а также изъ ст. 93, опредѣляющей обязанности назначаемыхъ предсѣдателемъ волостной земской управы волостныхъ сотскихъ. Начальствомъ волостныхъ должностныхъ лицъ, по ст. 88-й, является уѣздное судебно-административное присутствіе, составъ котораго (опредѣляемый ст. 149): предсѣдатель — предсѣдатель мирового съѣзда, члены — предсѣдатель и членъ уѣздной земской управы, мировой судья того участка, котораго касается обсуждаемый вопросъ, и непремѣнный членъ, избираемый уѣзднымъ земскимъ собраніемъ), представляетъ, конечно, больше гарантій безпристрастія, чѣмъ, напримѣръ, составъ нынѣшняго уѣзднаго съѣзда; но отъ давленія сверху и сбоку это присутствіе далеко не ограждено. Сколько-нибудь самостоятельнымъ, т. е. подчиненнымъ контролю лишь съ точки зрѣнія законности его дѣйствій, могло бы стать только волостное земство, свободное отъ административно-полицейскихъ функцій. Не расположено къ предоставленію ему этихъ функцій было, годъ тому назадъ, министерство внутреннихъ дѣлъ; но теперь, какъ видно изъ обращенія министра къ земскимъ управамъ, оно смотритъ на вопросъ иначе, да и тогдашнее его мнѣніе [1]) грозило, во-первыхъ, учрежденіемъ такихъ крупныхъ волостей, которыя совершенно не отвѣчали бы

---

[1]) См. докладъ комиссіи, разсматривавшей законодательное предположеніе, стр. 1—2.

типу мелкой земской единицы, и, во-вторыхъ, широкимъ ростомъ, на мѣстахъ, административно-полицейской силы, далеко не безопаснымъ для народной массы.

Все сказанное до сихъ поръ, въ связи съ отрицательнымъ отношеніемъ крестьянства къ волостному земству, проектируемому, съ одной стороны, думской комиссіей, съ другой — министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, приводитъ къ заключенію, что принятіе Думою законодательнаго предположенія въ настоящемъ его видѣ, безъ коренной переработки, отнюдь не можетъ быть признано желательнымъ. Необходимо при томъ имѣть въ виду, что шансы обращенія проекта въ дѣйствующій законъ именно теперь представляются весьма сомнительными. Два мѣсяца тому назадъ, — когда между Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ послѣдовало неожиданное сближеніе, когда можно было предполагать, что верхняя палата перестанетъ быть могилой для всего полезнаго, сдѣланнаго Думой, когда казалось близкимъ образованіе кабинета, способнаго и готоваго идти рука объ руку съ законодательными учрежденіями, — могла, пожалуй, возникнуть мысль о компромиссѣ въ области мѣстнаго самоуправленія. Можно было надѣяться, что дефекты закона будутъ сглажены на практикѣ, и опытъ не замедлитъ обнаружить неизбѣжность дальнѣйшаго шага впередъ, къ нормально организованному волостному земству. Теперь для такихъ надеждъ нѣтъ мѣста. Одобреніе проекта, страдающаго крупнѣйшими недостатками и настойчиво отвергаемаго тѣми, въ чьихъ, преимущественно, интересахъ онъ считается составленнымъ, было бы со стороны прогрессивнаго большинства Госуд. Думы ничѣмъ не выкупаемою ошибкой.

Не предрѣшенъ ли, однако, вопросъ о судьбѣ законодательнаго предположенія соглашеніемъ между фракціями, входящими въ составъ прогрессивнаго блока? Программой блока, установленной осенью 1915-го года, предусмотрѣно введеніе волостного земства, но не указаны главныя его основы. Были ли онѣ предметомъ переговоровъ и соглашеній между участниками блока — я не знаю. Повидимому, господствующую роль въ комиссіи, составившей законопроектъ, играла фракція земцевъ-октябристовъ, мало расположенныхъ къ крупнымъ новшествамъ въ сферѣ волости и уѣзда. Весьма важно, съ другой стороны, что работа комиссіи закончена болѣе года тому назадъ, при существенно другой конъюнктурѣ, чѣмъ наблюдаемая въ настоящую минуту; это увеличиваетъ свободу отношенія къ результатамъ работы. Вступая въ блокъ, фракціи не отказались отъ своихъ исходныхъ точекъ и руководящихъ мотивовъ; не могутъ онѣ отказаться отъ нихъ и теперь, ради весьма спор-

наго и весьма проблематичнаго блага. Широкій базисъ мѣстнаго самоуправленія — одинъ изъ основныхъ принциповъ демократическаго конституціонализма; куріальная система — одно изъ самыхъ яркихъ его нарушеній. И едва ли безнадежны были бы теперь усилія, направленныя къ ея отклоненію. Противъ нея, помимо крайнихъ лѣвыхъ, несомнѣнно, голосовали бы прогрессисты, многіе изъ независимыхъ и безпартійныхъ, многіе изъ представителей инородцевъ, быть можетъ — нѣкоторые изъ лѣвыхъ октябристовъ и прогрессивныхъ націоналистовъ; соединясь съ фракціей народной свободы, они могли бы составить большинство, достаточное для побѣды. Что за такой побѣдой послѣдовало бы крушеніе законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ — это почти несомнѣнно; но вѣдь теперь такой исходъ болѣе чѣмъ вѣроятенъ и при принятіи законопроекта въ редакціи думской комиссіи... Если бы по данному законопроекту произошло разногласіе въ средѣ блока, это едва ли привело бы къ его распаденію; его raison d'être продолжала бы существовать, становясь все болѣе и болѣе очевидной по мѣрѣ обостренія реакціи и приближенія момента выборовъ въ пятую Думу... Очень важнымъ, въ видахъ достойнаго заключенія работъ четвертой Думы, представляется и отклоненіе тѣхъ постановленій законопроекта, которыя ставятъ волостное земство въ тѣсную зависимость отъ уѣзднаго земскаго собранія. Желательно, наконецъ, присвоеніе мелкой земской единицѣ однѣхъ лишь чисто-хозяйственныхъ функцій; но это — вопросъ сравнительно второстепенный, такъ какъ противъ возложенія на волостное земство функцій административно-полицейскихъ говорятъ тактическія, а не принципіальныя соображенія.

На случай отклоненія, по тѣмъ или другимъ причинамъ и въ той или другой стадіи законодательнаго процесса, законодательнаго предположенія о волостномъ земствѣ, очень полезно было бы провести, въ порядкѣ думской инициативы, законъ, которымъ расходы по содержанію крестьянской волости, пока она существуетъ, возлагались бы на счетъ казны. Что онъ не встрѣтилъ бы ни съ чьей стороны серьезныхъ возраженій — въ этомъ можно быть вполнѣ увѣреннымъ; явная несправедливость существующаго порядка была неоднократно признана и правительствомъ и даже крайними правыми. Снятіемъ съ плечъ крестьянства налогового бремени была бы достигнута по крайней мѣрѣ одна изъ цѣлей, которыми задаются проекты устройства волостного земства. Устранить другое зло, тяготѣющее надъ деревней — власть земскихъ начальниковъ — можно было бы путемъ подчиненія крестьянской волости, пока она существуетъ, уѣздному судебно-административному присутствію, проектируемому думскою комиссіей, и скорѣйшимъ во всей Россіи вве-

деніемъ въ дѣйствіе закона о мировомъ судѣ. Настоятельность послѣдней мѣры ярко подчеркнута А. С. Посниковымъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ засѣданіи Государственной Думы 9-го декабря.

Останавливаютъ на себѣ вниманіе, въ законодательномъ предположеніи, еще два частные вопроса. Существеннымъ достоинствомъ проекта является предоставленіе женщинамъ, наравнѣ съ мужчинами, какъ активнаго, такъ и пассивнаго избирательнаго права: онѣ участвуютъ въ избраніи волостного собранія и могутъ быть избираемы въ волостные гласные (ст. 40 и 41). Болѣе чѣмъ когда-либо это понятно теперь, послѣ того какъ война призвала женщинъ къ дѣятельности на многихъ поприщахъ, обычно для нихъ закрытыхъ, и доказала ихъ способность справиться съ новыми для нихъ задачами. Трудно объяснить себѣ, почему ст. 66-я проекта устраняетъ возможность избранія женщинъ, хотя бы и состоящихъ волостными гласными, въ предсѣдатели и члены волостной земской управы. Съ разныхъ сторонъ слышатся указанія — иногда, быть можетъ, основательныя — на недостатокъ людей, способныхъ и готовыхъ дѣятельно участвовать въ завѣдываніи волостными дѣлами; зачѣмъ же искусственно уменьшать число такихъ людей, исключая изъ него женщинъ? Если въ сферу волостного управленія войдутъ функціи административно-полицейскія, къ исполненію которыхъ женщины считаются сравнительно менѣе пригодными — хотя извѣстны случаи, когда онѣ „ходили" полицейскими десятскими, — то на женщинъ могли бы быть возлагаемы обязанности чисто хозяйственныя, безспорно имъ посильныя. Въ среднемъ выводѣ лучше, чѣмъ мужчины, онѣ могли бы завѣдывать школами, больницами, богадѣльнями, пріютами. И въ умѣньѣ оцѣнить эту ихъ способность нѣтъ повода отказывать будущимъ волостнымъ земскимъ собраніямъ.

Примѣчаніе къ ст. 11-й лишаетъ евреевъ, „впредь до пересмотра дѣйствующихъ о нихъ узаконеній", права участвовать въ волостныхъ избирательныхъ собраніяхъ и быть избираемыми въ волостные гласные. Судя по свѣдѣніямъ, появлявшимся въ печати до перерыва думской сессіи, можно ожидать, что большинство прогрессивнаго блока, къ которому въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, присоединятся и болѣе лѣвыя фракціи, не будетъ настаивать на принятіи этого правила, именно теперь, послѣ бѣдствій и лишеній, въ равной мѣрѣ перенесенныхъ и переносимыхъ русскими и не-русскими гражданами Россіи, поражающаго своею несправедливостью. Оговорка, сообщающая ему временный характеръ, звучитъ какъ издѣвательство; вѣдь она встрѣчается въ законодательныхъ актахъ, которымъ исполнилась уже четверть вѣковая давность. Странно призывать обитателей волости къ новой, широкой дѣятельности — и въ то же время

отказывать имъ въ способности оцѣнить годность живущихъ рядомъ съ ними людей къ совмѣстной съ ними работѣ. Число евреевъ, имѣющихъ осѣдлость въ деревняхъ, сравнительно очень невелико; уже по этому одному они менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могутъ явиться здѣсь господами положенія. И чѣмъ свободнѣе будетъ для нихъ доступъ къ открытой дѣятельности, тѣмъ меньше будетъ поводовъ къ исканію какой-нибудь закулисной роли... Устранивъ примѣчаніе къ ст. 11-й, прогрессивный блокъ докажетъ серьезность своего намѣренія „вступить на путь отмѣны ограниченій въ правахъ евреевъ".

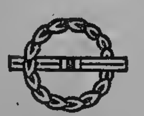
20-го января академику В. М. Бехтереву исполнилось шестьдесятъ лѣтъ. Заслуженный ученый въ области психіатріи, онъ пользуется широкой извѣстностью и какъ общественный дѣятель, въ особенности какъ основатель психо-неврологическаго института. Нашему журналу онъ сталъ близокъ въ то время, когда издателемъ его былъ М. М. Ковалевскій, много работавшій вмѣстѣ съ В. М. по организаціи института. Въ „Вѣстникѣ Европы" напечатаны слѣдующія статьи В. М.: „О сближеніи славянскихъ народовъ на почвѣ науки" (1909, іюль); „Объективно-психологическій методъ въ примѣненіи къ изученію преступности" (1909, августъ и сентябрь); „Вопросы душевнаго здоровья въ населеніи Россіи" (1910, сентябрь); „Алкогольная политика или алкогольное отравленіе" (1912, октябрь). Особенно замѣчательна послѣдняя статья, безспорно составляющая крупную заслугу В. М. Бехтерева. Онъ явился въ ней горячимъ сторонникомъ запретительныхъ мѣръ по отношенію къ продажѣ спиртныхъ напитковъ — и способствовалъ, такимъ образомъ, проложенію того пути, на который, къ счастію для Россіи, вступило наше законодательство вслѣдъ за началомъ міровой войны. Прямолинейность выводовъ свидѣтельствовала о глубокой убѣжденности автора, познавшаго, въ качествѣ врача, всю серьезность опасности, которою грозитъ народу ужасающій ростъ пьянства.

Скончавшійся на-дняхъ А. Г. Неболсинъ былъ, по справедливому опредѣленію одного изъ ораторовъ, говорившихъ на его могилѣ, иниціаторомъ и піонеромъ профессіональнаго образованія въ Россіи. Этому дѣлу онъ посвятилъ болѣе полувѣка, неутомимо трудясь во всѣхъ его отросляхъ. Онъ былъ настоящимъ другомъ рабочихъ и оставилъ среди нихъ самую свѣтлую память. Въ надгробныхъ рѣчахъ ему посвященныхъ слышалось не только признаніе его заслугъ; въ нихъ чувствовалась любовь къ человѣку, любившему свое дѣло и всѣхъ къ этому дѣлу близкихъ.

Скончавшійся недавно за границей, гдѣ онъ жилъ въ вынужденномъ изгнаніи, М. Б. Ратнеръ былъ выдающимся знатокомъ аграрнаго и національнаго вопросовъ, много писавшимъ о нихъ въ кіевской и столичной печати (между прочимъ — въ „Русскомъ Богатствѣ“). Читатели нашего журнала, вѣроятно, не забыли интересныхъ статей его на эти темы („Право принудительнаго отчужденія“, авг. и сент., 1910; „Національные и политическіе моменты въ парламентской жизни Австріи“, янв., 1911). Послѣдніе его годы были отравлены преслѣдованіями, возбужденными противъ него кіевскими реакціонными кругами, потомъ скитаніями, вызванными войною; она застала его въ Вѣнѣ, откуда онъ переселился въ Швейцарію, затѣмъ въ Румынію. Бѣжавъ изъ Бухареста передъ нѣмцами, онъ умеръ въ Яссахъ, близъ русской границы.

18-го февраля Госуд. Дума потеряла одного изъ выдающихся своихъ членовъ: скончался М. М. Алексѣенко, почти десять лѣтъ состоявшій предсѣдателемъ думской бюджетной комиссіи. Обстоятельства, при которыхъ ему пришлось дѣйствовать, не благопріятствовали ни широкой разработкѣ, ни, тѣмъ менѣе, успѣшному развитію русскаго бюджетнаго права; но въ тѣхъ по необходимости тѣсныхъ рамкахъ, въ которыя были заключены его труды, они всетаки прошли не безъ пользы. Въ третьей Думѣ его рѣчи, служившія вступленіемъ къ бюджетнымъ преніямъ, принадлежали къ числу тѣхъ немногихъ выступленій думскаго центра, въ которыхъ слышалось нѣчто родственное октябрьскому символу вѣры.

К. Арсеньевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Усиленіе подводной войны и разрывъ между Соединенными Штатами и Германіею. — Расчеты нѣмецкихъ патріотовъ. — Протесты нейтральныхъ и попытки противодѣйствія союзныхъ правительствъ. — Печальное положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ. — Борьба на истощеніе. — Финансовыя преимущества Англіи. — Настроеніе въ Германіи и Вильгельмъ II. — Союзныя конференціи.

Говорятъ, что война вступаетъ въ свой послѣдній заключительный фазисъ. Быть можетъ, это и вѣрно съ точки зрѣнія Германіи, которая исполнила, въ доступныхъ ей предѣлахъ, свои главныя стратегическія задачи и поставила теперь свою послѣднюю ставку для принужденія противниковъ къ миру. Скорѣйшее заключеніе мира является для Германіи желаннымъ завершеніемъ достигнутыхъ ею успѣховъ; но державы согласія имѣютъ еще передъ собою цѣлый рядъ весьма трудныхъ и сложныхъ проблемъ, разрѣшеніе которыхъ невозможно безъ дальнѣйшей упорной и продолжительной борьбы. Вытѣснить непріятельскія войска изъ занятыхъ ими областей, возстановить и обезпечить независимость Бельгіи, Сербіи, Румыніи, ограничить или обуздать чрезмѣрныя притязанія центральныхъ имперій, — все это требуетъ долгихъ приготовленій и усилій, которымъ нельзя назначить опредѣленный срокъ. Австро-германскіе правители считали войну законченною, когда враждебныя имъ государства еще собирались съ силами, чтобы повернуть ея ходъ въ другую сторону.

Германская дипломатія, съ свойственнымъ ей непониманіемъ чужой національной психологіи, предлагала противникамъ признать себя побѣжденными и пойти навстрѣчу великодушію побѣдителей; и нѣмцы, дѣйствительно, обидѣлись и вознегодовали, когда ихъ неуклюже мотивированное предложеніе было отвергнуто. Обманувшись въ своихъ надеждахъ, они прибѣгли къ своему обычному средству международнаго воздѣйствія — къ террору. Чтобы сломить сопротивленіе Англіи и ея союзниковъ, Германія объявила имъ безпощадную подводную войну, обѣщая топить безъ предупрежденія всѣ вообще суда, какъ непріятельскія, такъ и нейтраль-

ныя, проходящія черезъ опредѣленные морскіе районы около Англіи, Франціи и въ Средиземномъ морѣ. Это рѣшеніе, явно противорѣчащее обязательствамъ, принятымъ на себя Германіею передъ Соединенными Штатами въ апрѣлѣ прошлаго года, мотивировано слѣдующимъ образомъ въ обстоятельной дипломатической нотѣ, переданной 18 (31) января американскому послу въ Берлинѣ:

„Германское правительство съ особымъ вниманіемъ отнеслось къ посланію президента Вильсона къ сенату, такъ какъ сознаетъ огромную отвѣтственность того или иного отношенія къ затронутымъ въ немъ вопросамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, германскому правительству доставляетъ чрезвычайное удовлетвореніе то обстоятельство, что основные пункты этого важнаго политическаго заявленія въ большей своей части совпадаютъ съ принципами и желаніями Германіи. На первое мѣсто здѣсь нужно поставить признаніе права на свободное самоопредѣленіе и полное равенство всѣхъ народовъ.

„Германія искренне привѣтствовала бы, если бы народы, какъ, напримѣръ, ирландскій народъ и народы Индіи, не пользующіеся благами политической независимости, отнынѣ получили бы свободу.

„Точно также германскій народъ отрицательно относится ко всѣмъ союзамъ, которые увлекаютъ народы въ міровое соревнованіе за власть и запутываютъ ихъ въ сѣти эгоистическихъ интригъ.

„Наоборотъ, Германія можетъ поручиться за полную готовность германскаго народа примкнуть къ совмѣстной работѣ и къ общимъ стараніямъ предотвратить въ будущемъ возможность войны. Свобода морей, какъ необходимое условіе для свободнаго существованія и мирнаго общенія народовъ, точно такъ же какъ и открытыя двери для торговли всѣхъ народовъ, всегда были руководящими принципами германской политики. Съ тѣмъ большимъ сожалѣніемъ германское правительство отмѣчаетъ, что враждебное къ миру настроеніе его противниковъ дѣлаетъ невозможнымъ для народовъ всего міра немедленно осуществленіе этихъ возвышенныхъ цѣлей.

„Германія и ея союзники были готовы уже теперь приступить къ мирнымъ переговорамъ и выставили своими основными требованіями — гарантіи для свободнаго существованія, сохраненіе чести и дальнѣйшей свободы развитія своихъ народовъ. Они категорически заявили, что не питаютъ никакихъ намѣреній раздавить и уничтожить своихъ противниковъ. Эти намѣренія, по мнѣнію центральныхъ державъ, не совмѣстимы съ правами другихъ націй.

„Присоединеніе Бельгіи, которая составляетъ объектъ горячихъ симпатій Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, никогда не входило въ планы Германіи, которая заключеніемъ мира съ Бельгіей имѣла исключительно въ виду ту предосторожность, чтобы Бельгія изъявила согласіе жить съ Германіей въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ и чтобы Бельгія не могла быть использована противниками для враждебныхъ выступленій.

„Эта предосторожность представлялась для Германіи тѣмъ болѣе необходимой, что представители враждебныхъ государствъ въ неоднократныхъ заявленіяхъ, какъ, напримѣръ, въ постановленіяхъ парижской экономической конференціи открыто вы

сказывали намѣреніе и послѣ заключенія мира не признавать равноправность Германіи, а, наоборотъ, продолжать съ ней систематическую борьбу.

„Прикрываясь вывѣскою національнаго принципа, враги Германіи обнаружили истинную цѣль войны: раздробить и опозорить Германію, Австрію, Турцію и Болгарію. Миролюбивымъ намѣреніямъ они противопоставили стремленіе къ уничтоженію; они желаютъ бороться до крайнихъ предѣловъ.

Такимъ образомъ, создалось новое положеніе вещей, заставившее Германію принять новыя рѣшенія".

Затѣмъ слѣдуютъ давно уже извѣстныя по прежнимъ сообщеніямъ изъ Берлина жалобы Германіи на Англію, флотъ которой преступно пытался использовать свое могущество для подчиненія Германіи при помощи голода.

„Грубое нарушеніе международнаго права группою державъ, предводительствуемой Англіею, — говорится далѣе въ нотѣ, — препятствуетъ не только вполнѣ законной торговлѣ ихъ противниковъ, но путемъ недобросовѣстныхъ притѣсненій, эта группа принуждаетъ также и нейтральныя государства отказываться отъ всякихъ неугодныхъ ей торговыхъ сношеній или ограничивать свою торговлю по ея произвольнымъ предписаніямъ.

„Американскій народъ знаетъ, сколько стараній было приложено, чтобы заставить Англію и ея союзниковъ вернуться къ соблюденію нормъ международнаго права и къ уваженію принципа свободы морей; однако, англійское правительство продолжаетъ упорствовать въ веденіи войны на изнуреніе, что, хотя и не отражается на боевой силѣ противника, но заставляетъ его дѣтей, женщинъ, стариковъ и больныхъ терпѣть ради родины мучительныя лишенія, грозящія опасностью подточить народныя силы. Такъ, британское господство безсердечно способствуетъ нарастанію все новыхъ и новыхъ страданій, не обращая вниманія ни на какіе призывы къ человѣчности, ни на протесты тяжело страждущихъ нейтральныхъ государствъ и даже игнорируя стремленіе къ миру, обнаруживающееся среди британскихъ союзниковъ.

„Каждый день ужасной борьбы вызываетъ все новыя опустошенія, новыя страданія и новыя убійства. Германское правительство не могло бы оправдаться передъ собственной совѣстью, передъ германскимъ народомъ и передъ судомъ исторіи, если бы оно не использовало всѣхъ средствъ для попытки ускорить конецъ войны. Германія, подобно президенту Вильсону, надѣялась достигнуть этой цѣли путемъ переговоровъ.

„Послѣ отклоненія переговоровъ германское правительство отнынѣ вынуждено, ради своего служенія высшимъ принципамъ человѣчности и дабы не погрѣшить противъ обязательствъ, принятыхъ по отношенію къ союзнымъ народамъ, продолжать навязанную ему борьбу за существованіе съ примѣненіемъ всѣхъ возможныхъ средствъ борьбы. Въ виду этого оно вынуждено отказаться также отъ ограниченій, которыя оно до сихъ поръ налагало на себя въ пользованіи своими боевыми силами на морѣ.

„Въ надеждѣ, что, какъ американскій народъ, такъ и правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ поймутъ

причины этого рѣшенія и его неизбѣжность, германское правительство разсчитываетъ, что Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты оцѣнятъ вновь создавшееся положеніе съ полной безпристрастностью, и, съ своей стороны, будутъ содѣйствовать тому, чтобы предотвратить гибель человѣческихъ жизней, которая можетъ быть избѣгнута.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, германское правительство ожидаетъ, что американское правительство предостережетъ американскія суда отъ посѣщенія блокированнаго морского района и предостережетъ своихъ гражданъ не довѣрять судамъ, поддерживающимъ сношенія съ портами блокированнаго района, своихъ товаровъ и пассажировъ“.

Къ нотѣ приложены двѣ карты района блокады вокругъ Англіи и Франціи и въ Средиземномъ морѣ.

Фальшивыя фразы о совпаденіи идей президента Вильсона съ стремленіями Германіи и объ уваженіи къ международному праву со стороны державы, одобрившей нападеніе на Сербію и разгромившей нейтральную Бельгію, не могли смягчить впечатлѣніе, произведенное въ Вашингтонѣ угрозою новой безпощадной подводной войны, отъ которой больше всего должны были пострадать нейтральныя страны и прежде всего Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Для американскаго судоходства допускалась только незначительная льгота, обставленная, впрочемъ, разными ограничительными условіями, какъ указано въ особомъ меморандумѣ, приложенномъ къ германской нотѣ вашингтонскому кабинету:

„Американскіе пассажирскіе пароходы, совершающіе регулярные рейсы, могутъ безпрепятственно продолжать судоходство, если Фальмутъ явится конечнымъ пунктомъ ихъ рейсовъ и если на пути туда или обратно пароходы будутъ приставать у о. Силли. На этомъ пути не будетъ заложено германскихъ минъ. Пароходы, особенно идущіе изъ американскихъ портовъ, должны имѣть особо установленные отличительные знаки, а въ темнотѣ національный флагъ долженъ быть ярко освѣщенъ и помѣщенъ въ такомъ мѣстѣ, чтобы онъ былъ видимъ по возможности издалека. Эти пароходы могутъ совершать рейсы въ каждомъ направленіи только одинъ разъ въ недѣлю. Ихъ прибытіе въ Фальмутъ назначается на воскресенье, выходъ изъ Фальмута — на среду. При этомъ американское правительство должно дать гарантіи, что на пароходахъ не будетъ находиться никакой контрабанды, согласно германскому списку предметовъ, признаваемыхъ контрабандой“.

Другими словами, всѣ остальные американскіе пароходы, — кромѣ пассажирскихъ, удовлетворяющихъ приведеннымъ условіямъ, будутъ топиться на равныхъ правахъ съ коммерческими судами прочихъ нейтральныхъ странъ. Тотъ откровенный цинизмъ, съ какимъ Германія дѣлаетъ свое убійственное сообщеніе, настолько возбудилъ общественное чувство въ Америкѣ, что нельзя было избѣгнуть подобающаго энергическаго отвѣта.

Черезъ два дня, 21 января (3 февраля), какъ извѣстно изъ телеграммъ, въ переполненномъ залѣ конгресса президентъ Вильсонъ днемъ произнесъ историческую рѣчь.

Прежде всего, онъ напомнилъ объ американской нотѣ Германіи послѣ нападенія подводной лодки на пароходъ „Sussex" и о германскомъ отвѣтѣ на эту ноту отъ 21 апрѣля. Далѣе, онъ указалъ на американскій отвѣтъ отъ 25 апрѣля, заявлявшій о принятіи германскихъ завѣреній. Вильсонъ прибавилъ: „Германія не отвѣтила на эту ноту". Затѣмъ онъ привелъ цитаты изъ германскаго меморандума отъ 18 января и сказалъ:

„Въ виду того, что это сообщеніе категорически беретъ назадъ торжественное завѣреніе, данное въ германской нотѣ отъ 21 апрѣля, правительство Соединенныхъ Штатовъ не имѣетъ другого выхода, совмѣстимаго съ долгомъ и честью Соединенныхъ Штатовъ, какъ принять то рѣшеніе, которое было уже указано въ нотѣ отъ 23 марта на случай, что Германія не откажется отъ своихъ методовъ. Поэтому я предложилъ Лансингу увѣдомить Бернсторфа, что дипломатическія отношенія съ Германіею порваны, что американскій посолъ въ Берлинѣ будетъ немедленно отозванъ, и согласно этому предложилъ выдать Бернсторфу паспорта. Несмотря на это неожиданное выступленіе германскаго правительства и этотъ внезапный, глубоко печальный отказъ отъ его завѣреній здѣшнему правительству въ моментъ наиболѣе критическаго напряженія въ отношеніяхъ обоихъ правительствъ, я отказываюсь вѣрить, чтобы германскія власти намѣревались дѣйствительно поступать такъ, какъ они заявили, что считаютъ себя въ правѣ поступать. „Я не могу повѣрить, что германцы не захотятъ считаться съ давнишней дружбой нашихъ народовъ или нарушатъ свои торжественныя обязательства и будутъ уничтожать американскія суда и жизни американцевъ, выполняя безпощадную морскую программу. Въ этомъ меня смогутъ убѣдить лишь открытыя дѣйствія съ ихъ стороны въ этомъ направленіи. Если же моя твердая увѣренность въ ихъ умѣренности и осторожной дальновидности, къ несчастью, окажется неосновательной, если жизнь американскихъ гражданъ и американскія суда будутъ принесены въ жертву безцѣльному нарушенію международныхъ законовъ и законовъ человѣколюбія, то въ такомъ случаѣ я испрошу у конгресса полномочій для примѣненія необходимыхъ мѣръ защиты нашихъ моряковъ и народа, которые преслѣдуютъ свои мирныя и законныя занятія на моряхъ. Больше я ничего не могу сдѣлать. Я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что всѣ нейтральныя правительства будутъ придерживаться такого же образа дѣйствій. Мы не желаемъ враждебнаго конфликта съ германскимъ правительствомъ. Мы искренніе друзья германскаго народа и искренно желаемъ сохранить дружескія отношенія съ правительствомъ, говорящимъ отъ имени этого народа. Мы не повѣримъ, что они враждебны къ намъ, до тѣхъ поръ, пока ими не будемъ вынуждены къ этому. Мы имѣемъ въ виду только разумную защиту несомнѣнныхъ правъ нашего народа. Мы не преслѣдуемъ никакихъ эгоистическихъ цѣлей, мы лишь стараемся сохранить вѣрность исконнымъ принципамъ нашего народа въ охраненіи нашихъ правъ на сво-

боду, правосудіе и мирную жизнь. Эти основанія являются фундаментами мира, а не войны. Дай Богъ, чтобы намъ не пришлось защищать ихъ, будучи вынужденными къ тому дѣйствіями предумышленной несправедливости со стороны германскаго правительства".

Изъ заявленія Вильсона можно видѣть, что американское правительство стоитъ на прежней точкѣ зрѣнія и заступается не за нарушенные интересы международнаго права и человѣколюбія вообще, а за права и интересы американскихъ гражданъ и американскаго судоходства. Отъ Германіи требуется только внимательное отношеніе къ американскому флагу для того, чтобы разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Соединенными Штатами не превратился въ прямой вооруженный конфликтъ; но можетъ ли и пожелаетъ ли Германія исключить американское судоходство изъ круга дѣйствій своихъ подводныхъ лодокъ? Германское правительство имѣло въ виду, главнымъ образомъ, препятствовать подвозу въ Англію и Францію предметовъ военнаго снаряженія, изготовляемыхъ въ Америкѣ по заказамъ союзныхъ странъ. Для достиженія этой цѣли надо будто бы непремѣнно задерживать и топить американскіе корабли, направляющіеся въ названныя страны; подводныя же лодки лишены возможности въ открытомъ морѣ дѣлать правильную провѣрку грузовъ и отводить задержанныя суда въ ближайшій портъ, согласно нормамъ международнаго права, — онѣ приспособлены спеціально къ пиратскимъ подвигамъ и, по обыкновенію, пускаютъ мины въ пароходы безъ придварительнаго ихъ осмотра. Отказаться отъ потопленія американскихъ коммерческихъ пароходовъ — значило бы для Германіи уничтожить весь практическій смыслъ предпринятой подводной блокады, ибо необходимые для англичанъ и ихъ союзниковъ товары и пищевые продукты доставляются именно американцами. Повидимому, нѣмецкіе правители и политическіе дѣятели предвидѣли неудовольствіе и протесты Соединенныхъ Штатовъ противъ обостренія подводной войны, но не придавали большого значенія активному американскому вмѣшательству, даже если бы послѣднее приняло формально враждебный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, — разсуждаютъ нѣмцы — что могли бы сдѣлать противъ Германіи Соединенные Штаты? Ихъ боевой флотъ нигдѣ не нашелъ бы германскаго флота, не добрался бы до береговъ Германіи и не встрѣтилъ бы въ океанѣ ни одного нѣмецкаго корабля, а нѣмецкія подводныя лодки получили бы большій просторъ для своихъ разрушительныхъ дѣйствій. Моральный эффектъ присоединенія Америки къ антигерманской лигѣ былъ бы, конечно, огромный; но Соединенные Штаты, по всей вѣроятности, не присоединились бы къ союзни-

камъ, а вели бы войну самостоятельно, направивъ свои главныя усилія на истребленіе и ловлю нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ. До сихъ поръ подводныя лодки дѣйствовали большею частью безнаказанно и довольно рѣдко подвергались надлежащимъ репрессаліямъ; это видно уже изъ постепеннаго расширенія районовъ ихъ операцій и увеличенія числа ежедневно уничтожаемыхъ ими пароходовъ. Быть можетъ, американская изобрѣтательность придумаетъ способы болѣе дѣйствительной и успѣшной борьбы противъ этой формы морского пиратства; однако, нѣмцы не боятся репрессій и упорно возлагаютъ всѣ свои надежды на подводный флотъ, численность котораго увеличивается съ лихорадочною поспѣшностью. Въ этомъ отношеніи нѣмецкое общество, безъ различія партій и направленій, включая и большинство соціалъ-демократіи, — безусловно поддерживаетъ и отстаиваетъ самыя крутыя и жестокія мѣры, не допуская даже тѣхъ ничтожныхъ и отчасти фиктивныхъ уступокъ, къ которымъ былъ склоненъ канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ. Нѣмцы твердо увѣровали въ спасительность безпощадной подводной войны, какъ единственнаго надежнаго пути къ побѣдоносному миру, а по общепринятой нынѣ въ Германіи оффиціальной теоріи жесточайшія беззаконія и звѣрства должны признаваться гуманными, если они могутъ ускорить заключеніе почетнаго мира. Съ подобнымъ отрицаніемъ элементарнаго чувства человѣчности — не говоря уже о международномъ правѣ, — не могутъ примириться ни Соединенные Штаты, ни другія нейтральныя государства. Настойчивое примѣненіе новыхъ правилъ подводной блокады, вопреки предположеніямъ нѣмецкихъ патріотовъ, не только не обѣщаетъ скораго прекращенія войны, а, наоборотъ, грозитъ увеличить кругъ ея участниковъ и сдѣлать ее міровою въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Президентъ Вильсонъ въ приведенномъ выше заявленіи выразилъ увѣренность, что правительства всѣхъ нейтральныхъ странъ послѣдуютъ его примѣру и выступятъ на защиту своихъ жизненныхъ правъ и интересовъ отъ германскихъ посягательствъ. Такъ какъ нейтральными, кромѣ Швейцаріи, остаются въ Европѣ лишь такія же второстепенныя государства — Испанія, Голландія, Данія, Швеція и Норвегія, то правительствамъ ихъ приходится соблюдать большую сдержанность по отношенію къ могущественной Германской имперіи. Къ выступленію Вильсона въ пользу мира присоединили свои скромные голоса Швейцарія, Данія, Швеція и Норвегія, но Голландія и Испанія воздержались отъ какихъ-либо оффиціальныхъ сочувственныхъ отзывовъ, считая ихъ безполезными. Скандинавскія государства, въ тождественныхъ нотахъ отъ 30 января (12 февраля), протестовали противъ крайностей подводной

блокады, нарушающихъ ихъ прямые интересы и противорѣчащихъ международному праву, но едва ли они рѣшатся на разрывъ съ Германіею даже въ случаѣ объявленія ей войны со стороны сѣверо-американской республики. Какъ бы то ни было, усиленіе дѣятельности подводныхъ лодокъ не будетъ тѣмъ послѣднимъ фазисомъ войны, на который разсчитываютъ нѣмцы, — хотя оно можетъ нанести сильные удары судоходству союзниковъ и значительно затруднить правильное снабженіе ихъ необходимыми продуктами и издѣліями. Англичане, противъ которыхъ, главнымъ образомъ, направлена новая подводная кампанія, не скрываютъ отъ себя серьезности ея значенія для британской морской торговли. При открытой встрѣчѣ съ англійскими военными судами нѣмцы всегда терпятъ пораженіе; такъ, еще недавно, 10 (23) января, эскадра нѣмецкихъ контръ-миноносцевъ, пытавшаяся покинуть замерзающую гавань Заебрюгге, была застигнута сторожевою британскою флотиліею близъ береговъ Голландіи и подверглась полному разгрому, при чемъ потеряла болѣе половины своего состава. Нѣмецкіе моряки имѣютъ успѣхъ только въ борьбѣ съ безоружными коммерческими пароходами, и нельзя отрицать, что въ дѣлахъ морского разбоя они обнаруживаютъ большую предпріимчивость. Какой-то таинственный нѣмецкій крейсеръ въ короткое время потопилъ десять большихъ британскихъ пароходовъ и два французскихъ, недалеко отъ побережья Бразиліи, и сверхъ того захватилъ еще три парохода — два британскихъ и одинъ японскій, на которыхъ помѣстили 1080 человѣкъ экипажа потопленныхъ судовъ, вмѣстѣ съ германскою призовою командою, для привода добычи въ ближайшій бразильскій портъ, въ качествѣ законнаго приза. Какъ поясняетъ „Times“, погибшіе британскіе корабли, вмѣстимостью около 75 тысячъ тоннъ, большею частью новой постройки, представляли огромную цѣнность, а о цѣнности ихъ груза нечего и говорить. Конечно, разбойничій крейсеръ будетъ въ свое время пойманъ и понесетъ достойное наказаніе, но пока онъ попадетъ въ руки англичанъ, онъ успѣетъ надѣлать еще много бѣдъ и причинить противнику колоссальные убытки. Главная опасность заключается, однако, въ дѣйствіяхъ трудно уловимыхъ подводныхъ лодокъ, скрывающихся подъ поверхностью моря, и британская печать, какъ и правительство и парламентъ, отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ размѣрахъ этой опасности. Газеты ежедневно публикуютъ длинные списки крупныхъ коммерческихъ пароходовъ, погруженныхъ вмѣстѣ съ разнообразными цѣнными товарами на дно морское непріятельскими подводными лодками, и откровенно признаютъ неизбѣжность еще болѣе значительныхъ потерь торговаго флота въ ближайшемъ будущемъ.

Англичане не привыкли замалчивать непріятные имъ факты для обманчиваго успокоенія или усыпленія общественнаго мнѣнія; напротивъ, они сами подчеркиваютъ оказавшіеся у нихъ недочеты и пробѣлы, взывая къ бодрости и энергіи для скорѣйшаго устраненія ихъ. По свѣдѣніямъ англійской прессы, полученнымъ отъ одного компетентнаго нейтральнаго лица въ Кельнѣ, на германскихъ заводахъ строится теперь болѣе тысячи подводныхъ лодокъ; около трехсотъ находится въ настоящее время въ открытомъ морѣ. Подготовка экипажа для этихъ судовъ производится съ возможною быстротою, подъ давленіемъ военныхъ потребностей. Англія, съ своей стороны, несомнѣнно, готовится къ соотвѣтственному внушительному отпору. Лордъ Литтонъ могъ съ гордостью сказать отъ имени правительства въ палатѣ лордовъ, что британскій флотъ является морскою полиціею міра, въ которомъ Германія играетъ роль грабителя на большой дорогѣ. „Какъ и прежде,—говорилъ онъ далѣе,—мы будемъ продолжать не только выполнять наши обязательства по отношенію къ нашимъ союзникамъ и снабжать снарядами и провіантомъ наши арміи, но также поддерживать свободу нѣкоторыхъ путей для торговли нейтральныхъ странъ и получать все необходимое для населенія Англіи. Не подлежащія оглашенію мѣры противъ подводныхъ лодокъ, менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли, принесли уже плоды, которые оправдываютъ наше довѣріе“. Лордъ Керзонъ находитъ вполнѣ утѣшительнымъ то обстоятельство, что съ іюля 1914 года до 31 января (нов. ст.) настоящаго года, тоннажъ британскаго торговаго флота уменьшился только на шесть процентовъ. Морской министръ, сэръ Эдуардъ Карсонъ, сообщилъ въ палатѣ общинъ 9 (22) февраля нѣкоторыя цифры, ярко освѣщающія дѣятельность британскаго флота. Съ начала войны до половины октября прошлаго года было перевезено на англійскихъ судахъ восемь милліоновъ человѣкъ, не считая раненыхъ и больныхъ, и девять милліоновъ тоннъ военнаго снаряженія. Въ теченіе одного 1916 года англійскій флотъ подвергъ осмотру 15.150 судовъ, частью въ открытомъ морѣ, частью въ портахъ. Число вооруженныхъ торговыхъ судовъ увеличилось за послѣдніе два мѣсяца на 49,5 процентовъ; изъ ста безоружныхъ кораблей, подвергшихся нападенію подводныхъ лодокъ, спасается среднимъ числомъ только 24, а изъ ста вооруженныхъ — 75. Въ декабрѣ прошлаго года потоплено всего 118 судовъ, водоизмѣщеніемъ въ 223.132 тонны, въ январѣ текущаго года — 90 судовъ, водоизмѣщеніемъ въ 198.233 тонны, въ февралѣ — 134 судна, въ 304.596 тоннъ водоизмѣщенія. Между тѣмъ за первые десять дней февраля прибыло въ англійскіе порты 6076 судовъ и вышло въ море 5873, тогда какъ обычная

средняя норма движенія кораблей за такой срокъ опредѣлялась въ три тысячи. „Опасность подводной войны, — по словамъ Керзона — является серьезною и еще не устранена. Никакого магическаго средства для ея устраненія не существуетъ, но можно питать увѣренность, что она будетъ ослаблена въ значительной степени благодаря принятымъ или подготовляемымъ мѣрамъ. Въ адмиралтействѣ учрежденъ особый отдѣлъ по борьбѣ съ подводными лодками, и адмиралъ Джеллико обратился къ компетентнымъ офицерамъ съ предложеніемъ представлять на разсмотрѣніе этого отдѣла свои проекты по борьбѣ съ подводными лодками. Отдѣлъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ также съ комиссіею изобрѣтеній“. Въ томъ же откровенномъ духѣ говорилъ въ парламентѣ премьеръ Ллойдъ-Джорджъ. Онъ прямо призналъ трудное положеніе Англіи подъ вліяніемъ все болѣе усиливающейся подводной войны. „Окончательный успѣхъ дѣла союзниковъ, — заявилъ онъ въ засѣданіи 10(23) февраля, — зависитъ отъ разрѣшенія вопроса о тоннажѣ торговаго флота. До войны коммерческій тоннажъ представлялся вполнѣ достаточнымъ. Но война значительно повысила требованія отъ тоннажа, при чемъ одинъ милліонъ его былъ предоставленъ Франціи и весьма большое количество — Россіи и Италіи. Много судовъ было потоплено, и потому теперь испытывается недостатокъ тоннажа, для общихъ нуждъ націи и даже нѣкоторый недостатокъ для военныхъ надобностей. Правительство надѣется найти дѣйствительныя средства противъ нападеній подводныхъ лодокъ, но оно должно готовиться къ худшему и ограничить привозъ заморскихъ товаровъ, не представляющихъ собою предметовъ первой необходимости, — принявъ въ то же время серьезныя мѣры къ усиленію до послѣднихъ предѣловъ возможнаго производства пищевыхъ продуктовъ въ самой Англіи“. Ллойдъ-Джорджъ изложилъ затѣмъ передъ палатою выработанную имъ программу радикальныхъ мѣропріятій, которыя, должны самымъ существеннымъ образомъ отразиться на всей экономической жизни и, въ частности, на поземельномъ строѣ Англіи. Одинъ изъ бывшихъ членовъ кабинета Асквита, Ренсиманъ, указывая на важность заявленій премьера, закончилъ свою рѣчь характерными словами: „Народъ терпитъ и будетъ терпѣть всевозможныя лишенія. Наши соотечественники стѣсняются открыто высказывать свои чувства, даже когда лишенія очень тяжелы. Но изъ того, что британцы не жалуются, союзники не должны дѣлать ложнаго вывода, что только они, а не англичане, испытываютъ военныя тяготы и страданія“.

Борьба идетъ теперь, очевидно, на взаимное истощеніе обѣихъ сторонъ, и побѣдителями останутся тѣ, которые дольше вы-

держать всевозможныя жертвы и лишенія. Нѣмцы выставляютъ своимъ лозунгомъ рѣшимость „выдержать" (aushalten) — выдержать до конца, во что бы то ни стало, а по мнѣнію Гинденбурга, выдержитъ та сторона, у которой окажутся болѣе крѣпкіе нервы. При такихъ условіяхъ миръ былъ бы достигнутъ только „на великомъ кладбищѣ человѣческаго рода", какъ выразился когда-то Кантъ.

Ллойдъ-Джорджъ высказалъ въ свое время другую мысль, — что побѣдителемъ будетъ тотъ, кто въ теченіе болѣе продолжительнаго времени въ состояніи будетъ выкладывать милліарды. Нѣтъ сомнѣнія, что въ области финансовъ Англія имѣетъ большія преимущества передъ Германіею. При обсужденіи новыхъ военныхъ кредитовъ въ 550 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ палатѣ общинъ, канцлеръ казначейства Бонаръ Лоу напомнилъ, что общая сумма кредитовъ, вотированныхъ парламентомъ на текущій годъ, достигаетъ теперь цифры 1.950 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (около 25 милліардовъ рублей!). Всего съ начала войны утверждено кредитовъ на 3.732 милліона фунтовъ стерлинговъ; сверхъ того, выдано авансовъ союзникамъ 890 милліоновъ фунтовъ. Средній дневной расходъ за пять періодовъ, соотвѣтствующихъ пяти вотированнымъ кредитамъ, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ первый періодъ — 4.820 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, во второй періодъ — 5.050 тысячъ, въ третій — 5.090 тысячъ, въ четвертый — 5.710 тысячъ, и наконецъ въ пятый, обнимающій 63 дня, — 5.790 тысячъ фунтовъ. Благодаря колоссальнымъ средствамъ, щедро затрачиваемымъ на войну, Великобританія имѣетъ возможность обезпечить за собою „превосходство не только въ отношеніи числа выставленныхъ въ бой людей, но также и ихъ снаряженія". Финансовый кредитъ Англіи стоитъ попрежнему на недосягаемой высотѣ; подписка на послѣдній военный заемъ, состоявшаяся безъ непосредственнаго участія банковъ, дала вмѣсто ожидаемыхъ 500 или 600 милліоновъ, — 1.000.312.950 фунтовъ стерлинговъ „Дорога, которая открывается передъ британской націею, — сказалъ въ заключеніе Бонаръ Лоу, — трудна для восхожденія; но что касается финансоваго напряженія, необходимаго мужества и рѣшимости, то въ этомъ отношеніи нашъ народъ никогда не попятится назадъ, пока мы не достигнемъ стоящей предъ нами цѣли". Тѣмъ не менѣе Англія вынуждена терпѣть весьма чувствительныя стѣсненія, чтобы справиться съ послѣдствіями германской подводной блокады, разрушающей часть ея торговаго флота. Необходимость беречь этотъ флотъ для нуждъ страны заставляетъ правительство прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ, какъ запрещеніе ввоза цѣлаго ряда товаровъ, — иностраннаго и индійскаго чая, кофе, какао, ми-

неральныхъ водъ, яблокъ и разнаго рода фруктовъ, сокращеніе на половину привоза бумаги, сокращеніе ввоза апельсиновъ, пива и т. п. Народное потребленіе поневолѣ ограничивается, дороговизна возрастаетъ, и недостатокъ пищевыхъ продуктовъ чувствуется все сильнѣе, несмотря на обиліе финансовыхъ средствъ. То же самое явленіе замѣчается и во Франціи, не говоря уже о другихъ союзныхъ странахъ. Нѣмецкія газеты съ злорадствомъ слѣдятъ за фактами этого рода, возбуждая въ публикѣ надежду на истощеніе силъ противниковъ, — тогда какъ послѣдніе, въ свою очередь, твердо разсчитываютъ взять Германію изморомъ.

Нѣмцы настойчиво обвиняли Англію въ нарушеніи международнаго права, которое будто бы не дозволяетъ препятствовать подвозу съѣстныхъ припасовъ въ непріятельскую страну для потребностей ея мирнаго населенія; но гдѣ и когда установлено было такое правило — неизвѣстно. Закрывая доступъ въ Германію для иностраннаго хлѣба, англичане будто бы незаконно обрекаютъ мирныхъ ея жителей, женщинъ и дѣтей на голодную смерть; между тѣмъ, по мнѣнію нѣмецкой дипломатіи, они имѣли бы право не допускать привоза только для надобностей германской арміи. Эти ссылки на международное право, по обыкновенію, завѣдомо лживы,— ибо за воюющими всегда признавалось право причислять къ предметамъ военной контрабанды пищевые продукты, необходимые для арміи, какъ и для мирнаго населенія враждебнаго государства. Въ противномъ случаѣ, при допущеніи изъятія въ пользу мирныхъ жителей, блокада потеряла бы всякій практическій смыслъ; получая заграничный хлѣбъ спеціально для мирнаго населенія, германское правительство, разумѣется, прежде всего снабжало бы этимъ хлѣбомъ армію или имѣло бы возможность свободнѣе располагать остальными своими пищевыми запасами для нуждъ арміи, питаніе которой было бы такимъ образомъ обезпечено. При осадѣ Парижа въ 1870 году германцы подвергали населеніе города всѣмъ бѣдствіямъ голода и только благодаря этому обстоятельству добились его сдачи, а положеніе Германіи, блокируемой съ моря Англіею, съ самаго начала войны приравнивалось къ положенію осажденной крѣпости. Злобныя жалобы и нападки на Англію доказываютъ только одно, — что британская блокада вполнѣ дѣйствительна, что ни одинъ нѣмецкій пароходъ не можетъ прорваться черезъ нее, и никакія нейтральныя суда не направляются и не могутъ направляться къ нѣмецкимъ берегамъ. При томъ, задерживая и осматривая проходящіе корабли въ открытомъ морѣ, англичане поступаютъ вообще корректно, съ соблюденіемъ обычныхъ международныхъ правилъ, и за все время войны не было, кажется, ни одного случая

потопленія англичанами какого-либо нѣмецкаго или нейтральнаго коммерческаго парохода. На эту правильную и корректную блокаду Германія отвѣчаетъ дикими разбойничьими нападеніями на всѣ вообще торговые и пассажирскіе пароходы не только непріятельскихъ, но и нейтральныхъ странъ, и въ томъ числѣ даже на госпитальныя суда, безъ всякаго разбора, безъ предварительнаго осмотра и провѣрки грузовъ, безъ пощады для команды и для ни въ чемъ не повинныхъ случайныхъ пассажировъ, женщимъ и дѣтей, — и эти безсмысленныя систематическія злодѣянія, хладнокровно совершаемыя изо дня въ день по предписанію изъ Берлина германскими подводными лодками, тоже называются „блокадою" и громко оправдываются и привѣтствуются нѣмецкими патріотами. Послѣдній фактъ такого проявленія морской блокады сообщается лаконическими телеграфными извѣстіями отъ 13 (26) февраля: огромный пассажирскій пароходъ „Laconia", въ 18 тысячъ тоннъ водоизмѣщенія, шедшій изъ Нью-Іорка, потопленъ безъ предупрежденія, при чемъ три пассажира умерли, три пропали безъ вѣсти, а изъ состава экипажа шесть человѣкъ пропало безъ вѣсти, шесть другихъ помѣщены въ госпиталѣ; въ какомъ видѣ спасены остальные пассажиры и матросы — объ этомъ можно только догадываться. Такъ какъ въ числѣ погибшихъ были американскіе граждане, то Соединеннымъ Штатамъ трудно уже избѣгнуть рѣшительнаго выступленія противъ Германіи, и на этой почвѣ могутъ разыграться событія, угрожающія придать войнѣ дѣйствительно міровой характеръ. Пока мы видимъ лишь безысходное взаимное разореніе, съ безчеловѣчными отдѣльными разрушительными актами съ нѣмецкой стороны, но самый ходъ войны какъ будто остановился на какой-то мертвой точкѣ.

Въ печати союзныхъ странъ встрѣчаются часто утѣшительныя извѣстія о серьезномъ внутреннемъ броженіи и недовольствѣ нѣмецкаго народа, объ упадкѣ авторитета и популярности Гогенцоллерновъ и о крайне шаткомъ личномъ положеніи Вильгельма II. Недавно въ газетахъ сообщалось содержаніе памфлета, получившаго большое распространеніе въ южной Германіи и направленнаго спеціально противъ императора и его династіи. Авторъ брошюры доказываетъ, что война можетъ окончиться благополучно для Германіи только въ случаѣ отреченія или насильственнаго устраненія Гогенцоллерновъ и только этимъ путемъ страна можетъ спастись отъ предстоящаго неизбѣжнаго разгрома. Въ то же время изъ разныхъ мѣстъ приходили извѣстія о необыкновенно торжественномъ празднованіи дня рожденія Вильгельма II, 15 (18) января и о происходившихъ по этому поводу „во всей имперіи" народныхъ манифе-

стаціяхъ, при радостномъ участіи школьной молодежи и представителей учебныхъ заведеній, начиная съ низшихъ и кончая университетами и берлинскою академіею наукъ. Въ главной квартирѣ германскихъ армій состоялся банкетъ при участіи австрійскаго императора, и оба монарха съ самодовольнымъ видомъ обмѣнялись воинственными тостами, въ которыхъ провозглашали себя побѣдителями, а въ Берлинѣ придворный проповѣдникъ Дріандеръ съ церковной каѳедры передъ многочисленнымъ собраніемъ молящихся, призывалъ нѣмецкаго Бога въ руководители и покровители дальнѣйшихъ военныхъ подвиговъ избранной имъ благочестивой германской націи. Даже такіе подвиги, какъ потопленіе пароходовъ съ пассажирами и матросами, вдохновляются и одобряются представителями этого прусскаго Бога, созданнаго нѣмецкими патріотами по своему образу и подобію. При подобномъ настроеніи вліятельныхъ классовъ нѣмецкаго общества трудно ожидать скораго окончанія безумной войны, затѣянной безотвѣтственными правителями Германской имперіи.

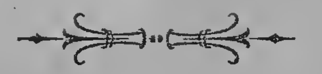
Періодическіе съѣзды делегатовъ союзныхъ правительствъ для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ планами и потребностями военныхъ операцій, собирались неоднократно съ начала войны, въ Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ; очередь дошла теперь до Петрограда, гдѣ впервые съѣхались на конференцію выдающіеся представители союзныхъ съ нами культурныхъ государствъ. Делегаты прибыли въ половинѣ января, но послѣ первыхъ же засѣданій должны были отложить свои занятія до полученія новыхъ инструкцій отъ своихъ правительствъ, а пока они воспользовались свободнымъ временемъ для нѣкотораго ознакомленія съ Россіею, для посѣщенія ея главныхъ промышленныхъ центровъ и для осмотра заводовъ, работающихъ на оборону. Представителями Англіи на конференціи являлись: министръ безъ портфеля, лордъ Мильнеръ, глава банкирскаго дома Бэрингъ и К°, и одинъ изъ директоровъ англійскаго банка, лордъ Ревельстонъ, и генералъ сэръ Генри Вильсонъ. Делегаты французской республики: министръ колоній Гастонъ Думергъ, генералъ Кастельно, состоящій уже нѣсколько мѣсяцевъ при штабѣ верховнаго главнокомандующаго генералъ Жаненъ, завѣдывающій отдѣломъ снаряженія полковникъ Ремонъ, и высшіе чиновники министерствъ иностранныхъ дѣлъ и колоній, гг. Каммереръ, Кордонье и Дежарденъ. Отъ Италіи были уполномочены: министръ безъ портфеля, сенаторъ Шалойа, и генералъ графъ Руджери Ладерки.

Въ половинѣ февраля конференція исполнила свою задачу и

разрѣшила стоявшіе на очереди вопросы, послѣ чего члены ея благополучно разъѣхались по домамъ.

За нѣсколько дней до созыва этого съѣзда окончились въ Лондонѣ совѣщанія спеціально-морскихъ делегатовъ о программѣ дѣйствій союзнаго флота въ Средиземномъ морѣ. Въ этой конференціи участвовали: отъ Англіи — морской министръ сэръ Эдуардъ Карсонъ, адмиралы сэръ Джонъ Джеллико и Ліонель Гальсей и начальникъ морского штаба, сэръ Генри Оливеръ; отъ Франціи — морской министръ, адмиралъ Лаказъ, начальникъ штаба де-Бонъ, и адмиралы Фату и Лостендъ; отъ Италіи — морской министръ Корси, начальникъ штаба Марзоло и капитанъ де-Билларей. Эти съѣзды и совѣщанія должны способствовать установленію единства и согласованности дѣйствій союзниковъ на главныхъ театрахъ войны, на сушѣ и на морѣ.

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Поэзія Арменіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Редакція, вступительный очеркъ и примѣчанія Валерія Брюсова. М. 1916. Изд. Московскаго Армянскаго Комитета. Цѣна 5 руб.

Болѣе 23-хъ лѣтъ тому назадъ покойный А. Н. Пыпинъ привѣтствовалъ на страницахъ „Вѣстника Европы" первую попытку дать русской читающей публикѣ понятіе о новой армянской литературѣ, ея идейномъ, бытовомъ и художественномъ содержаніи. Въ ту пору литература эта была совершенно неизвѣстна нашимъ читателямъ; сборникъ, необыкновенно вдумчиво и тщательно разобранный въ только что упомянутой замѣткѣ А. Н. Пыпина, проливалъ хотя бы частичный свѣтъ на такую область, которая была тогда настоящею terra incognita, такъ какъ самый фактъ существованія армянской словесности, въ глазахъ большой публики, отнюдь не былъ чѣмъ-то прочно установленнымъ. Съ тѣхъ поръ многое успѣло перемѣниться; переведено было свыше 200 стихотвореній, много разсказовъ; появился рядъ статей, посвященныхъ армянскимъ писателямъ; вышли въ свѣтъ такіе сборники, какъ „Современные армянскіе поэты" (1903), „Армянская муза" (1907), „Армянскій поэтъ С. Шахъ-Азизъ" (1902; 1905), „Пѣвецъ гражданской скорби Раф. Патканьянъ" (1904), наконецъ, „Сборникъ армянской литературы", изданный въ истекшемъ году подъ ред. Максима Горькаго, — не говоря о нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ изданіяхъ, относящихся къ той же области. Въ общемъ, сейчасъ нѣтъ недостатка въ пособіяхъ и матеріалахъ, которыми можетъ воспользоваться каждый, кто хочетъ познакомиться съ армянскою словесностью и при ея посредствѣ съ національною физіономіей создавшаго ее народа.

Вышедшій недавно подъ редакціей В. Я. Брюсова сборникъ „Поэзія Арменіи" (въ пользу армянъ, пострадавшихъ отъ войны) является новымъ звеномъ въ серіи книгъ, имѣющихъ цѣлью популяризацію литературнаго творчества древняго восточнаго народа. Подготовленная длиннымъ рядомъ предыдущихъ попытокъ, эта новая хрестоматія во многихъ отношеніяхъ представляетъ собою за-

мѣтное и интересное явленіе. Уже по своимъ размѣрамъ она обширнѣе прежнихъ книгъ того же типа. На протяженіи пятисотъ страницъ большого формата помѣщены переводы свыше 200 произведеній армянской поэзіи, старой и новой, народной и художественной. Книгѣ предпослана весьма пространная вступительная статья, написанная главнымъ редакторомъ и дающая общій обзоръ армянскаго поэтическаго творчества. Среди переводчиковъ мы находимъ нѣкоторыхъ поэтовъ, пользующихся заслуженною извѣстностью (слѣдуетъ замѣтить, правда, что и въ болѣе раннихъ хрестоматіяхъ уже фигурировали имена Бальмонта, Бунина, Чюминой, Гриневской, Тхоржевскаго, Галиной, Головачевскаго, Ап. Коринфскаго, Шуфа, Льва Уманца и др.). Особенностью книги является то видное мѣсто, какое отведено въ ней, вслѣдъ за образчиками армянской народной поэзіи, произведеніямъ средневѣковыхъ авторовъ, отчасти — ихъ преемниковъ, такъ назыв., „атуговъ" или народныхъ пѣвцовъ, въ родѣ жившаго въ XVIII вѣкѣ Сайатъ-Нова, котораго переводилъ, между прочимъ, Полонскій. Еще въ 1906 году эмигрировавшій во Францію константинопольскій поэтъ и журналистъ А. Чобаньянъ выпустилъ книгу „Les trouvères arméniens", заключавшую въ себѣ переводы многочисленныхъ стихотвореній старинныхъ армянскихъ поэтовъ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о нихъ. У насъ до настоящаго времени не было сдѣлано ничего подобнаго: вниманіе русскихъ переводчиковъ привлекала обыкновенно только армянская поэзія XIX вѣка, средневѣковые поэты, а также тѣ, которые дѣйствовали въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, оставлялись безъ перевода, главнымъ образомъ въ виду трудности передачи ихъ произведеній на русскомъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи новый сборникъ является безспорнымъ шагомъ впередъ, такъ какъ десятки страницъ заняты тамъ именно представителями старинной поэзіи. Въ предисловіи редактора сборника проводится та мысль, что пѣсни средневѣковыхъ армянскихъ поэтовъ, на ряду съ нѣкоторыми современными, „должно помнить и чтить всѣмъ, кому дорога поэзія, наравнѣ съ именами любимыхъ лириковъ другихъ народовъ — Сапфо и Овидія, Гафиза и Омара Хайяма, Петрарки и Ронсара, Шелли и Тютчева, Гейне и Верлэна". „Знакомство съ армянской поэзіей, — читаемъ мы немного дальше, — должно быть обязательно для каждаго образованнаго человѣка, какъ обязательно для него знакомство съ эллинскими трагиками, съ „Комедіей" Данте, драмами Шекспира, съ поэмами Виктора Гюго". Оцѣнка, несомнѣнно, нѣсколько повышенная, — но въ творчествѣ „армянскихъ труверовъ", дѣйствительно, можно найти яркія, блещущія богатствомъ красокъ, своеобразныя по формѣ вещи, не уступающія лучшимъ

созданіямъ персидской поэзіи. Это творчество представлено въ книгѣ довольно полно, — хотя изъ произведеній старинныхъ поэтовъ взяты преимущественно тѣ, которые отражаютъ, на восточный ладъ, любовь и страсть.

Много интереснаго есть и въ слѣдующемъ отдѣлѣ, посвященномъ новой армянской поэзіи, развивавшейся въ XIX столѣтіи, какъ въ русскихъ, такъ и въ турецкихъ предѣлахъ. Имена нѣкоторыхъ поэтовъ, съ которыми мы здѣсь встрѣчаемся (Патканьяна, Шахъ-Азиза, Исаакьяна, Цатуріана и др.), уже не являются совершенно незнакомыми русскому читателю. Многія вещи, здѣсь помѣщенныя, безспорно, произведутъ сильное впечатлѣніе на русскую публику; отмѣтимъ прекрасную (и очень хорошо переведенную) поэму Исаакьяна „Абуль-Ала Маари", полную глубокихъ мыслей, своеобразную по формѣ, передающую думы и исканія знаменитаго арабскаго поэта X—XI вѣка; затѣмъ заслуживающую большого вниманія поэму изъ армянской народной жизни „Анушъ" (Ов. Туманьяна), впервые переведенную по-русски, многочисленные образцы субъективной лирики, иногда съ извѣстнымъ налетомъ модернизма. Но въ общемъ этотъ отдѣлъ, хотя также очень обширный, все же не является лучшимъ въ книгѣ и какъ будто составленъ съ меньшею любовью. Можно сдѣлать нѣкоторыя возраженія и противъ выбора иныхъ стихотвореній, противъ исключенія нѣкоторыхъ авторовъ и введенія, на ряду съ этимъ, нѣкоторыхъ другихъ, относительно значенія которыхъ можно еще спорить. И потомъ — что очень важно — въ книгѣ недостаточно чувствуется, что армянская поэзія создана была народомъ, который былъ жестоко испытанъ судьбою, выносилъ на протяженіи вѣковъ безконечныя страданія, — что она въ разное время поднимала его духъ, откликалась на его невзгоды, призывала его вѣрить въ свѣтлое будущее, во многихъ случаяхъ получала боевую, тенденціозную окраску, играла временами громадную общественную роль... Все это, сравнительно, мало отразилось въ хрестоматіи г. Брюсова, хотя въ нее и вошли такія боевыя вещи, какъ одна изъ „Зейтунскихъ пѣсенъ" константинопольскаго поэта Бешикташляна или необыкновенно популярныя произведенія Раф. Патканьяна „Слезы Аракса"[1]). „И теперь намъ молчать?!" Редакція сборника придавала наибольшее значеніе вещамъ чисто художественнымъ; отсюда — отрицательное отношеніе къ нѣкоторымъ произведеніямъ и писателямъ, такъ или

---

[1]) Кстати — этотъ переводъ помѣщенъ съ пропускомъ двухъ куплетовъ, которые теперь, казалось бы, могутъ печататься въ русскомъ переводѣ невозбранно...

иначе сыгравшимъ выдающуюся роль въ умственной и національной жизни армянъ...

Въ литературномъ, стилистическомъ отношеніи переводы, входящіе въ составъ „Поэзіи Арменіи", можно признать, въ общемъ, удачными. Безусловно слабыхъ, неудовлетворительныхъ переводовъ въ книгѣ мало. Къ числу вполнѣ удачныхъ по языку принадлежатъ при этомъ не только тѣ, которые подписаны общеизвѣстными, популярными именами, но и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые выполнены переводчиками, чьи имена мало говорятъ читателю. Нельзя отрицать того, что редакція сборника стремилась къ возможно болѣе близкой передачѣ слоговыхъ и ритмическихъ особенностей подлинника, чередованія риѳмъ, созвучій, звукоподражаній, внѣшней формы куплетовъ, повторенія однихъ и тѣхъ же припѣвовъ (refrains). Въ иныхъ случаяхъ на это воспроизведеніе музыкальной стороны оригинала, — въ прежнее время гораздо менѣе интересовавшее переводчиковъ съ армянскаго, — обращено было, несомнѣнно, даже болѣе вниманія, чѣмъ на передачу содержанія того или другого стихотворенія. Если имѣть къ виду различіе, какое существуетъ между русскою и армянскою метрикою, если вспомнить, что армянское стихосложеніе — силлабическое, при томъ съ однѣми только мужскими риѳмами, результаты, достигнутые сотрудниками и редакціей сборника, можно будетъ признать довольно значительными и яркими. Работа въ данномъ случаѣ затруднялась и осложнялась еще тѣмъ, что большинство переводчиковъ не владѣютъ армянскимъ языкомъ и поневолѣ должны были оперировать съ подстрочнымъ переводомъ и звуковою транскрипціей. Есть нѣкоторыя стихотворенія, въ которыхъ удалось, даже при такихъ условіяхъ, достигнуть, напримѣръ, довольно колоритной и оживленной передачи ритма танцевъ, — сразу переносящаго насъ въ яркую восточную обстановку.

Нѣкоторыя частности и въ этой области могутъ, конечно, вызывать возраженія. Такъ, въ иныхъ случаяхъ оставлены безъ перевода отдѣльныя слова, которыя почему-либо трудно было передать по-русски. Иногда, правда, это могло казаться неизбѣжнымъ, такъ какъ вещи съ опредѣленно выраженнымъ національнымъ колоритомъ, или воспроизводящія народный бытъ, полны такихъ словъ, для которыхъ нелегко подобрать равнозначащія въ русскомъ языкѣ. Но предпочтительнѣе было бы кое-что описать или передать приблизительно, — не вводя въ русскій текстъ такихъ выраженій, которыя должны объясняться въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. А что скажутъ русскому читателю безъ подобныхъ примѣчаній хотя бы такія фразы или части фразъ: „И милой яромъ сталъ бы я",

„рѣсницы твои чертилъ чей каламъ“, „самшитъ твоихъ безцѣненъ плечъ“, „выслушай — матахъ тебѣ!“, „я въ жизни вздоха не издамъ, доколѣ джанъ ты для меня“, „наполненный живой водой златой пинджанъ ты для меня“, „созрѣлъ грудей твоихъ шамамъ“, „и паласы, и ковры“, „твое лицо — пранги атласъ“. Въ интересахъ справедливости слѣдуетъ, однако, замѣтить, что указанное нами явленіе встрѣчается только въ нѣкоторыхъ переводахъ, входящихъ въ составъ сборника. Въ двухъ случаяхъ это оставленіе безъ перевода армянскихъ словъ кажется особенно страннымъ и немотивированнымъ. Прекрасное, превратившееся въ народную пѣсню, средневѣковое стихотвореніе, обращенное къ журавлю, котораго переселенецъ-армянинъ проситъ разсказать что-нибудь о родинѣ, начинается въ русскомъ переводѣ словами: „Крункъ, куда (собственно: откуда) летишь? Крикъ твой — словъ сильнѣй! Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?“ Армянское названіе журавля оставлено здѣсь въ подлинникѣ, при чемъ для этого, безспорно, не было достаточныхъ основаній. Такъ и въ популярномъ стихотвореніи Георга Дованьяна „Ласточка“ („Пѣвунья-ласточка, открой, куда ты держишь путь? Летишь ты быстро надъ землей, не хочешь и взглянуть“) ласточка именуется почему-то, какъ по-армянски, цицернакъ; такъ, первый куплетъ начинается словами: „цицернакъ, цицернакъ, часть пернатыхъ ватагъ“...

Если въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ попытками ввести армянскій элементъ въ русскую стихотворную рѣчь, то въ нѣкоторыхъ переводахъ средневѣковыхъ народныхъ или написанныхъ въ народномъ духѣ вещей чувствуется, наоборотъ, желаніе приблизить эти переводы къ русской безыскусственной поэзіи или къ старинной русской рѣчи. Иногда (напримѣръ, въ отдѣльныхъ частяхъ армянскаго эпоса „Давидъ Сасунскій“) это приводитъ къ весьма удачнымъ результатамъ; иногда, наоборотъ, получается впечатлѣніе какого-то „обрусѣнія“ армянскаго текста, который лишается значительной доли мѣстнаго колорита. Въ одномъ заклинаніи (заговорѣ) встрѣчаются, напримѣръ, такія строки: „Тѣмъ жезломъ ли Моисеевымъ, тѣмъ копьемъ ли святъ-Егорія, той ли вѣрой святъ-Григорія“ и т. д. Совершенно такъ же въ переводѣ „Пѣсни на Воскресеніе Христово“ средневѣковаго поэта-мистика Григорія Нарекскаго есть, между прочимъ, такой отрывокъ, точно выхваченный изъ русскаго духовнаго стиха: „... на телѣгѣ той — высока скамья, а на той скамьѣ — золотой престолъ, а на томъ столѣ — пурпурова ткань, а на томъ тканьѣ сидитъ царскій сынъ, а по праву съ нимъ — шестикрылые, а по лѣву съ нимъ — многоокіе“... Въ пере-

водѣ стихотворенія Туманьяна „Голубиный скитъ“ сказывается, съ другой стороны, стремленіе ввести нѣкоторые архаизмы, въ духѣ памятниковъ древне-русской письменности. Мы узнаемъ, напримѣръ, что, услыхавъ о нашествіи Тамерлана въ Арменію. „сѣдовласый мнихъ“ Ованъ „осерчалъ зѣло, затужилъ вельми“. Въ общемъ, съ такими пріемами переводчиковъ мы встрѣчаемся въ книгѣ, сравнительно, рѣдко; да многія стихотворенія не давали и повода для подобной неожиданной стилизаціи въ русскомъ духѣ.

Укажемъ, наконецъ, что въ „Поэзіи Арменіи“ можно конечно, встрѣтить отдѣльныя неудачныя, въ томъ или другомъ отношеніи, фразы или выраженія, которыя легко могли бы быть устранены или передѣланы при новомъ изданіи книги. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ (число примѣровъ можно было бы еще увеличить, но, конечно, слѣдуетъ имѣть въ виду, что они встрѣчаются въ книгѣ, которая состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ страницъ, при чемъ иногда нѣсколько вещей сряду вполнѣ свободны отъ всякихъ слоговыхъ дефектовъ): „съ алибой глаза на все стремитъ“, „гдѣ цвѣтъ фіалокъ льетъ на брегъ“, „когда въ мученіяхъ Дѣятель Жизни никъ“, „ты — тотъ орелъ безмѣрнокрылъ...“, „все зложелатель превозмогъ“, „за тыномъ изъ роскошныхъ розъ“, „ты о братѣ взыскалъ“, „жемчугами опьяненъ“, „обсталъ твои долины горъ баснословный хороводъ“, „ароматъ баюкальной мечты“, „мимовѣйный вѣтръ молчитъ“, „вызираетъ ихъ взглядъ“, „огневѣетъ созвѣздій за взглядами взглядъ“, „осолнчился“, „облелѣявъ во мглѣ травъ бѣлѣющій цвѣтъ“, „звѣздоточивой лишь настанетъ ночи тишь“, „груба угроза вьюжнаго порыва“...

Въ общемъ, „Поэзія Арменіи“ все же одна изъ тѣхъ книгъ, которыя не могутъ проходить незамѣченными. Всѣ, кто интересуется развитіемъ литературы у отдѣльныхъ племенъ и ихъ участіемъ въ общей умственной работѣ, прочтутъ эту объемистую книгу съ безусловнымъ интересомъ. Для изученія армянской словесности сборникъ, составленный г. Брюсовымъ, будетъ отнынѣ необходимымъ, хотя и не единственнымъ пособіемъ. Отдѣльные дефекты и недочеты только отчасти мѣшаютъ этому. Слѣдуетъ, однако, все время имѣть въ виду, что въ книгѣ вполнѣ ярко отразился лишь одинъ аспектъ армянскаго поэтическаго творчества. Эта разнообразная, съ интересомъ къ дѣлу составленная хрестоматія отнюдь не дѣлаетъ излишнимъ появленіе другихъ, относящихся къ той же области. Выше было уже указано на то, что трагическая судьба злополучной страны и первыя попытки ея бороться за лучшіе дни — все это, сравнительно, очень мало сказывается въ разбираемой книгѣ. Кое-что было уже сдѣлано въ этомъ направленіи до выхода въ

строенія, которое такъ сильно въ итальянской жизни и литературѣ. А между тѣмъ, оставляя безъ вниманія это религіозное направленіе нѣкоторой части итальянской литературы, нельзя понять ни Джоберти, ни Розмини, ни того же Манцони, ни впослѣдствіи Фогаццаро или Пасколи.

Особенно искаженнымъ оказался въ разсудочной схемѣ г. Фриче обликъ Леопарди. Въ первую очередь г. Фриче разсматриваетъ эволюцію политическихъ взглядовъ великаго итальянскаго поэта, цитируя его патріотическія оды, которыя по справедливости считаются слабѣйшими изъ юношескихъ произведеній поэта. Приведя различные отрывки изъ дневника Леопарди, свидѣтельствующія о томъ, что Леопарди переживалъ періодъ увлеченія національно-освободительными идеями, г. Фриче неожиданно заявляетъ: „а потомъ (?) въ душѣ поэта... произошелъ переворотъ... жизнь показалась ему сномъ тяжелымъ и печальнымъ" (стр. 105). Такимъ образомъ выходитъ, что Леопарди пришелъ къ пессимизму послѣ того (а можетъ быть и изъ-за того?), какъ отвернулся отъ живительнаго источника общественныхъ идеаловъ. Нѣсколько хронологическихъ справокъ легко обнаруживаютъ произвольность такого толкованія.

Первыя произведенія Леопарди (L'appressamento della morte и двѣ элегіи), насквозь проникнутыя скорбнымъ настроеніемъ, относятся къ 1816, 1817 и началу 1818 гг. После нихъ Леопарди пишетъ свои патріотическія канцоны (1818) и непосредственно за ними свои пессимистическія идилліи (L'infinito, Alla luno etc. 1819—1820). Мало того: и оба патріотическихъ стихотворенія (All'Italia и Sopra il Monumento di Dante) полны типичнаго для Леопарди меланхолическаго раздумья.

Причинами пессимизма Леопарди г. Фриче считаетъ слабость нервовъ и неудачи личной жизни (стр. 112), объявляя поэта неврастеникомъ (106) и обнаруживая полную неспособность проникнуться красотой и глубиной творчества великаго пѣвца міровой скорби.

Помимо этихъ основныхъ, органическихъ пороковъ, въ книгѣ г. Фриче имѣется цѣлый рядъ мелкихъ недостатковъ и ошибокъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ черезчуръ довѣряетъ источникамъ невысокой критической цѣнности (стр. 24, 64, Ботта и Коллетта); у него почему-то пропущенъ Никколо Томмазео, видный критикъ и публицистъ; онъ пишетъ, что возстаніе братьевъ Мураторы въ 43 г. имѣло мѣсто въ Римѣ, хотя было оно не въ Римѣ, а въ Романьѣ. Но все это мелочи, по сравненію съ самымъ важнымъ: разсматривать литературу, какъ исключительное отраженіе соціально-политическихъ движеній, какъ повѣсть освободительной борьбы — это

значитъ пренебрегать ея духовной и художественной сущностью, забыть о томъ, что составляетъ индивидуальныя особенности ея творцовъ и подъ шелухой временнагб и злободневнаго не разглядѣть вѣчныхъ вопросовъ и радостныхъ достиженій искусства.

Это именно и есть то, что случилось съ г. Фриче.

Маркъ Слонимъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

М. М. Винаверъ. Недавнее. Воспоминанія и характеристики. Петроградъ, 1917. Стр. 300. Ц. 3 р. 50 к.

Подъ именемъ „недавняго" собраны въ этой книгѣ чрезвычайно интересныя, обстоятельныя характеристики цѣлаго ряда болѣе или менѣе выдающихся общественныхъ дѣятелей, юристовъ и адвокатовъ, сошедшихъ со сцены въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Во главѣ поставлены три этюда, — о Спасовичѣ, Муромцевѣ и Пассоверѣ. Какъ замѣчаетъ самъ авторъ въ предисловіи, онъ „интересовался больше индивидуальными чертами характера, чѣмъ общественною оцѣнкою результатовъ дѣятельности", — и эти индивидуальныя черты, въ связи съ освѣщающими ихъ воспоминаніями, даютъ яркіе и цѣльные образы, достаточно краснорѣчивые и убѣдительные даже для тѣхъ, кто никогда не видалъ изображаемыхъ лицъ. По внѣшнему изяществу и документальной, такъ сказать, мотивированности своихъ характеристикъ, авторъ отчасти напоминаетъ признаннаго мастера въ этой области, А. Ѳ. Кони. Вслѣдъ за главными тремя очерками помѣщены столь же живо написанныя статьи, посвященныя памяти А. А. Книрима, I. И. Карницкаго, Г. Ф. Шершеневича, А. С. Гольденвейзера, А. Л. Исаченко, С. А. Бершадскаго, Ѳ. И. Проскурякова, Н. А. Полетаева, В. О. Люстиха, П. А. Потѣхина и А. М. Колюбакина. Особенно теплымъ чувствомъ проникнуты воспоминанія о Колюбакинѣ.

Николай Морозовъ. Повѣсти моей жизни. Т. I. Москва, 1916. Стр. 320. Ц. 2 р. 50 к.

Изъ помѣщенныхъ въ этой книгѣ зоести автобіографическихъ разсказовъ первый — „Въ началѣ жизни" былъ написанъ по просьбѣ Вѣры Николаевны Фигнеръ, за два года до отправленія ея въ ссылку изъ шлиссельбургской крѣпости, но послѣ ея отъѣзда былъ отобранъ у нея вмѣстѣ съ другими рукописями; впослѣдствіи автору удалось сохранить свой черновикъ и увезти его съ собою, превративъ его предварительно въ плотный картонъ, который послужилъ ему для переплета болѣе невинныхъ физико-математическихъ работъ, а затѣмъ, пріѣхавъ домой, онъ снялъ картонный переплетъ и положилъ его въ горячую воду, послѣ чего возстановились первоначальные листки рукописи. Съ этого черновика и былъ напечатанъ разсказъ въ „Русскомъ Богатствѣ" за 1906 г. Вторая повѣсть, „У таинственнаго порога", написанная въ двинской крѣпости, появилась въ „Голосѣ Минувшаго" за 1913 годъ, точно такъ же, какъ и разсказы „Лиза Дурново", „Большая дорога", „Во имя братства" и „Захолустье". Разнообразныя приключенія и испытанія, описываемыя авторомъ въ „повѣстяхъ" его жизни, дѣлаютъ чтеніе ихъ въ высшей степени занимательныхъ.

Собраніе сочиненій Н. А. Умова. Подъ ред. и съ примѣчаніями А. I. Бачинскаго. Москва, 1916. Т. III. Стр. 666. Ц. 5 р.

Роскошное изданіе, предпринятое двумя московскими учеными обществами, разсчитано на семь томовъ: изъ нихъ пять будутъ заключать въ себѣ спеціальные научные труды по математической и опытной физикѣ; одинъ томъ, третій, обнимаетъ статьи и рѣчи общаго и популярно-научнаго содержанія, а послѣдній, седьмой томъ, будетъ посвященъ біографіи Н. А. Умова. Въ настоящее время вышелъ прежде другихъ третій

томъ, въ которомъ, рядомъ съ общедоступными естественно-научными очерками, нашли себѣ мѣсто вопросы и темы соціально-философскаго и общественнаго характера; въ этомъ отношеніи слѣдуетъ особенно отмѣтить статьи: „Эволюція живого и задача пролетаріата мысли и воли", „Эволюція міровоззрѣній въ связи съ ученіемъ Дарвина", „Роль человѣка въ познаваемомъ имъ мірѣ", и некрологъ князя С. Н. Трубецкаго. Къ книгѣ приложены портретъ и факсимиле Умова, многія иллюстраціи и два указателя — именъ и предметовъ.

К. И. Чуковскій. Англія наканунѣ побѣды. Съ 72 рисунками. Петр., 1917. Изд. А. Ф. Марксъ. Стр. 164. Ц. 1 р. 50 к.

Автору этой книжки привелось участвовать въ крайне интересной и поучительной поѣздкѣ небольшой группы русскихъ журналистовъ, которыхъ британское правительство въ прошломъ году пригласило въ Англію, чтобы они посмотрѣли, какъ англичане работаютъ на оборону. „Насъ встрѣтили радушно и шумно, — пишетъ К. И. Чуковскій, — банкетами и пышными спичами. Насъ принялъ самъ король. Намъ показали многомилліонную армію, показали изумительный флотъ и цѣлыя версты заводовъ, работающихъ на оборону страны. Насъ повезли на фронтъ и показали войну. Мы видѣли разрушенную Бельгію. По приглашенію французскаго правительства мы побывали и на французскихъ позиціяхъ, а нѣкоторые изъ насъ — подъ Верденомъ". Русскіе гости видѣли много незабвенно-волнующаго" въ разныхъ мѣстахъ Англіи и Франціи; они бесѣдовали съ Китченеромъ, съ адмираломъ Дженико, съ сэромъ Эдуардомъ Греемъ, съ главнокомандующимъ британскими арміями, съ виднѣйшими писателями и учеными дѣятелями, — и часть вынесенныхъ отсюда разнообразныхъ впечатлѣній изложена авторомъ съ присущимъ ему талантомъ въ рядѣ содержательныхъ очерковъ, снабженныхъ многочисленными иллюстраціями. Во главѣ книжки помѣщенъ рисунокъ И. Е. Рѣпина — портретъ англійскаго майора Торнхилля, которому посвящена книжка, какъ „энергичному поборнику англо-русскаго союза".

Н. С. Гольдинъ. Паденіе сословно-земскаго строя въ прусской монархіи. Харьковъ, 1916. Стр. 362. Ц. 2 р.

Избранная авторомъ тема касается, по его словамъ, „одного изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи нынѣшней Пруссіи — момента ея сложенія, какъ государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ зарожденія національно-прусской идеи какъ одной изъ основъ общегерманской жизни". Правда, — оговаривается г. Гольдинъ, — въ нѣмецкой исторической литературѣ нѣтъ недостатка въ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ, посвященныхъ сословно-земскому устройству и его судьбѣ въ отдѣльныхъ территоріяхъ прусскаго государства XVII вѣка; но чувствуется будто бы потребность или даже необходимость своднаго обобщающаго труда, въ которомъ вопросъ былъ бы разсмотрѣнъ во всемъ его объемѣ. Г. Гольдинъ рѣшился пополнить этотъ замѣченный имъ пробѣлъ въ спеціальной нѣмецкой литературѣ и приступилъ къ работѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пользуясь не только существующими печатными пособіями и изданіями, но и рукописными матеріалами, хранящимися въ секретномъ государственномъ архивѣ въ Берлинѣ; тѣмъ временемъ, однако, и нѣмецкіе изслѣдователи издавали на ту же тему ученые трактаты, изъ которыхъ нѣкоторые, по признанію автора, „сдѣлались ему извѣстны лишь во время печатанія послѣднихъ листовъ настоящей книги". Соперничать съ нѣмецкими спеціалистами въ научномъ освѣщеніи спеціальныхъ вопросовъ прусско-германской исторіи — задача довольно мудреная, безцѣльная, въ сущности, для русскихъ ученыхъ, особенно когда труды послѣднихъ печатаются на недоступномъ для иностранцевъ русскомъ языкѣ. Стремленіе пополнять пробѣлы чужихъ литературъ русскими изслѣдованіями, издаваемыми для русской публики, составляетъ издавна слабость нашихъ молодыхъ ученыхъ, авторовъ университетскихъ диссертацій, и часто придаетъ послѣднимъ характеръ какихъ-то безплодныхъ, никому не нужныхъ, хотя и очень почтенныхъ и кропотливыхъ работъ. Можно думать, что къ этой категоріи принадлежитъ и изслѣдованіе г. Гольдина: для русскихъ читателей оно ненужно, а до нѣмецкихъ оно не дойдетъ.

В. П. Кранихфельдъ. Въ мірѣ идей и образовъ. Этюды и портреты. Т. III. Петрогр., 1917. Стр. 326. Ц. 2 р. 50 к.

Въ третій томъ сочиненій извѣстнаго литературнаго критика и публициста В. П. Кранихфельда вошли статьи о „Живомъ трупѣ“ Льва Толстого, о перепискѣ его съ женою, и дружбѣ его съ Страховымъ, о Златовратскомъ и Маминѣ-Сибирякѣ, объ А. И. Эртелѣ, объ Ив. Руковишниковѣ, о Горькомъ и Купринѣ, о Мережковскомъ и др.

Проф. М. И. Фридманъ. Винная монополія въ Россіи. Петр., 1916. Стр. 627. Ц. 5 р.

Какъ поясняетъ авторъ въ предисловіи, это обширное изслѣдованіе предпринято было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда винная монополія дѣйствовала у насъ безпрепятственно, но въ тотъ моментъ, когда она подходило къ концу, самый предметъ изученія, повидимому, пересталъ существовать; поэтому и трудъ автора потерялъ непосредственное практическое значеніе и превратился въ трактатъ по исторіи одного изъ крупнѣйшихъ предпріятій въ области русскихъ финансовъ. Указанія этого историческаго опыта, несомнѣнно, сохраняютъ свою долю пользы для будущаго, на случай введенія какихъ-нибудь другихъ, менѣе зловредныхъ монополій.

Л. С.

Въ теченіе января мѣсяца 1917 г. въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры.

Аллешъ. Ренессансъ въ Италіи. Переводъ Е. Ю. Григоровичъ. Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Апанасенко, С. И. Земское. Статьи и замѣтки. Могилевъ, 1917 г.

Аржановъ, С. П. Среди водъ и болотъ. Попул.-біологическіе очерки изъ жизни растеній для самостоятельныхъ и школьн. экскурсій. Пгр., 1917 г. Ц. 2 р.

Бараховичъ, Михаилъ. Ночное небо, Стихи. Пгр., 1917 г. Ц. 75 к.

Блонскій, П. П. Пр.-доц. московск. университета. Курсъ педагогики. Введеніе въ воспитаніе ребенка. Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.

Бѣляевъ, С. Т. I. Семинарскіе очерки, съ предисл. Г. Петрова. Москва, 1917 г.

Вальденбергъ, Над. Державинъ. 1816—1916 г. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 20 к.

Века. Паразиты. Трагикомедія въ пяти дѣйствіяхъ. Пгр., 1917 г. Ц. 1 р.

Вольпинъ, Валентинъ. Обманный путь. Пгр., 1917 г. Ц. 30 к.

Галанинъ, Д. М. В. Ломоносовъ, какъ міровой геній русской культуры.

Гордонъ, Д. М. Интеллигенція. (Для кого сказка, для кого быль.) Ч. I. Ташкентъ, 1916 г.

Городецкій, С. Дальнія молніи. Разсказы. Пгр., 1916. Ц. 2 р.

Гусевъ-Оренбургскій, С. Надъ поёмой. Т. VI. Пгр., 1917 г. Ц. 2 р.

Державинъ, Н. Основы методики преподаванія русскаго языка и литературы въ средней школѣ. Пгр., 1917 г. Ц. 4 р.

Ежовъ, В. Наша рабочая кооперація и ея задачи. (Библіотека рабочаго-кооператора.) Харьковъ, 1917 г. Ц. 20 к.

Завьяловъ, В. В., проф. новороссійскаго университета. Краткій очеркъ физіологіи человѣка. Москва, 1916 г. Ц. 3 р.

Зайцевъ, Б. Волки. Книгоизд. писателей въ Москвѣ 1917 г. Ц. 65 к.

Зивъ, В. С. Иностранные капиталы въ русской горнозаводской промышленности. Пгр., 1917 г.

К. С. Поэтическія варіаціи съ предисл. М. Слонима. Одесса, 1917 г.

Каменскій, В. Книга о Евреиновѣ. Пгр., 1917 г. Ц. 2 р.

Краевой, Я. Полвѣка кооперативнаго движенія на югѣ Россіи. Кіевъ, 1916 г. Ц. 50 к.

Кранихфельдъ, Вл. Въ мірѣ идей и образовъ (этюды и портреты). Пгр., 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лесевичъ, В. В. Собраніе сочиненій. Т. III. Москва, 1917 г. Ц. 3 р.

Лощиловъ, П. А. Памяти проф. Ф. Ф. Эрисмана. Харбинъ, 1916 г.

Маковскій, Я. Д. Условіе наибольшаго благопріятствованія въ торговыхъ договорахъ. Москва, 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Медынскій, Е. и *Лапшовъ, И.* Систематическій указатель книгъ и статей по внѣшкольному образованію. Москва, 1916 г. Ц. 2 р.

Милютинъ, В. Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи. Пгр., 1917 г. Ц. 1 р.

Морозовъ, Николай. Повѣсти моей жизни. Т. I. Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Муйжель, В. Опустошеніе. Пгр., 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гр. Мусинъ-Пушкинъ. Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. Нестеровъ, Н. С. Производство деревянной обуви во Франціи. Москва, 1919 г.

Парменовъ, И. С. Внѣшняя торговля Россіи и главн. европейскихъ государствъ въ діаграммахъ и таблицахъ. Одесса, 1916 г. Ц. 2 р. 75 к.

Поляковъ, С. Н. Къ вопросу о реформѣ средней школы. Тула, 1916 г. Ц. 60.

Прокоповичъ, С. Война и народное хозяйство. Москва, 1917 г. Ц. 8 р.

Руссель, Николай. Мысли вслухъ. Нагасаки, 1916 г.

Саллюстій. Заговоръ Катилины. Югуртинская война. Перев. со вступительной статьей и примѣчаніями Н. В. Гольденвейзера. Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Серафимовичъ, А. Затерянные огни. Разсказы. Книгоизд. писателей въ Москвѣ. 1917 г. Ц. 1 р. 65 к.

Сергѣевъ, Ив. Ив. Мирное завоеваніе Россіи нѣмцами. Пгр., 1917 г. Ц. 60 к.

Солярскій, В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положеніе инородцевъ Приамурскаго края. Хабаровскъ, 1916 г.

4. *Игорь Сѣверянинъ, Георгій Шенгели, Александръ Прокопенко, Діонисъ Помренингъ.* Стихи. Пгр., 1917 г. Ц. 1 р. 25 к.

Темпль-Сёрстонъ, Э. Садъ возрожденія. Ром. Москва, 1917 г. Ц. 2 р.

Теръ-Микельянъ, С. Больная душа Гончарова. Пгр., 1916 г.

Тимковскій, Н. Праздничные разсказы. (Народно-школьн. библ.). Москва, 1917 г. Ц. 65 к.

Умовъ, Ник. Алексѣевичъ, проф. Собраніе сочиненій. Т. III. Рѣчи и статьи общаго содержанія. Москва, 1916 г. Ц. 5 р.

Сигридъ Ундсетъ, Іенни. Ром. Москва, 1917 г. Ц. 2 р.

Фареръ Клодъ. Душа востока. Ром. Москва, 1917 г. Ц. 1 р. 75 к.

Frenkel, Wladimiro. La Russia e il Fausto nel conflitto europeo. Roma, 1916 г. Prezzo L. 2.50.

Фридманъ, М., проф. Винная монополія въ Россіи. Пгр, 1916 г. Ц. 5 р.

Цвѣтаева, Анастасія. Дымъ, дымъ и дымъ. Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.

Цытовичъ, И. Грядущее. Кіевъ 1917 г.

Цытовичъ, Ив. Львовичъ. Высшее государственное попечительство. Кіевъ, 1917 г.

Черкасовъ, Николай. Исканія духа. Лиремы и диссоны. Пгр., 1917 г. Ц. 1 р. 20 к.

Черный, Борисъ. Пятая тетрадь разсказовъ. Москва, 1917 г. Ц. 75 к.

Шиловъ, Алексѣй. Къ вопросу объ укрѣпленіи трезвости. Москва, 1917 г. Ц. 30 к.

Шмелевъ, Ив. Т. III. Человѣкъ изъ ресторана. Книгоизд. писателей въ Москвѣ 1917 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ягодовскій, Н. П. О преподаваніи естествознанія. Пгр., 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Якимовъ, А. Некрасовъ, какъ крупнѣйшій представитель русской сатиры и остроумія. Г. Мензелинскъ, 1916 г. Ц. 35 к.

Эйгесъ, В. Философскіе этюды. Москва, 1917 г. Ц. 1 р. 25 к.

*** Записки судьи. Ялта, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Историч. Комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. Вопросы преподаванія исторіи въ средней и начальной школѣ. Сборн. 2 п. ред. И. Катаева. Москва, 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Раненые о войнѣ. Сборникъ I. Изъ матеріаловъ, собранныхъ просвѣтительной комиссіей городскихъ учащихъ въ лазаретахъ Петр. Ком. В. С. Город. и изданныхъ п. ред. бюро просв. ком. Пгр., 1917 г. Ц. 1 р. 20 к.

Статистическій семинарій Пгр. В. Женскихъ Курсовъ. Слушательницы Пгр. В. Ж. (Бестужевскихъ) Курсовъ на второмъ году войны. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Издатель: Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Ред.: Д. Д. Гриммъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

ОБУЧАЯСЬ ЗАОЧНО

по изданіямъ Книгоиздательства „БЛАГО", Вы безусловно БЫСТРѢЕ и УСПѢШНѢЕ достигнете намѣченной цѣли, чѣмъ при занятіяхъ у учителей. Съ первой же лекціи Вы заинтересуетесь изучаемымъ предметомъ, и такъ какъ Вамъ не придется напрягать свои мозги на заучиваніе наизусть, то заранѣе можете быть увѣрены, что легко, безъ напряженія

Вы начатое дѣло доведете до конца.

За 7 лѣтъ примѣненія въ Россіи своихъ методовъ заочнаго обученія Книгоиздательство „БЛАГО" успѣло дать законченныя знанія сотнямъ тысячъ подписчиковъ своихъ. Не ограничивайтесь же однимъ чтеніемъ этого объявленія. Напишите намъ сейчасъ же о высылкѣ нашего проспекта, а ознакомившись подробнѣе со всѣми нашими изданіями, выбирайте:

Гимназія на дому 30 томовъ по 280—360 стр. Для заочнаго прохожденія всего курса средне-учебныхъ заведеній, для подготовки на званія вольноопредѣляющагося, классный чинъ, аптек. учен., высш., начальн., домашн. учителя и т. п.

Искусство для всѣхъ 10 том. по 96—112 стр. Для заочнаго прохожденія курса рисованія, живописи и прикладного искусства.

Академія иностранныхъ языковъ. Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки. Каждый языкъ состоитъ изъ 10 томовъ. Для заочнаго изученія языковъ.

Академія коммерческихъ знаній. 15 томовъ по 250 стр. Для изученія всѣхъ коммерческихъ наукъ: бухгалтеріи, ком. корр., ком. ариѳм., товаровѣд., банков. дѣло, финанс., биржи и т. д. и т. п.

Народная школа. 10 томовъ по 112—128 стр. для безграмотн. и малограмотныхъ.

Пособіе по русскому языку. 4 тома—10 руб. **Бухгалтерія.** 4 тома—7 руб.

Коммерческая Корреспонденція. Русская, Французск., Англійск. Нѣмецк. Каждая по 1 р. 75 к.,

Коммерческая ариѳметика. 1 руб. 75 коп.

Ариѳметич. задачникъ, Алгебраич. задачникъ. По 2 руб.

Библіотека языкознанія. Для усовершенствованія въ языкахъ. Франц., англ. и нѣм. по 60 коп. за книжку.

Краткій проспектъ БЕЗПЛАТНО. — Подробный 15 коп.

Корреспонденцію адресовать: Въ Главную Контору Книгоиздательства «БЛАГО», Петроградъ, Глазовая ул., с. д. 18.

Собств. магазины (для проживающихъ въ Москвѣ и Петроградѣ): ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 65; МОСКВА, Мясницкая 18.

Годъ изданія 52-й.

„Астраханскій Листокъ"

Ежедневное иллюстрированное изданіе.

„Астраханскій Листокъ" будетъ выходить въ 1917 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

„Астраханскій Листокъ" — газета прогрессивнаго направленія, независимая отъ какихъ-либо партій или кружковъ.

„Астраханскій Листокъ" по примѣру западно-европейскихъ изданій систематически иллюстрируетъ газетный текстъ рисунками, портретами, чертежами и проч., для чего съ 1912 г. оборудована собственная фото-цинкографія, обставленная новѣйшими приспособленіями.

„Астраханскій Листокъ" выходитъ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ и расходится въ двойномъ количествѣ экземпляровъ, чѣмъ всѣ остальныя мѣстныя періодическія изданія, взятыя вмѣстѣ.

Объявленія принимаются непосредственно Главною Конторою (Астрахань, Мало-Демидовская, соб. д.).

Подписная цѣна съ пересылкой:

1 годъ—11 руб., $^1/_2$ года—6 руб. 50 к., 3 мѣс.—4 руб., 1 мѣс.—1 руб. 75 к.

Редакторъ-Издатель **В. И. Склабинскій.**

Въ виду предположеннаго Императорскою Академіею Наукъ изданія собранія трудовъ **М. М. Сперанскаго** Академія проситъ лицъ, имѣющихъ какія-либо письма, писанныя имъ или къ нему адресованныя, а также бумаги, касающіяся его дѣятельности, или же располагающихъ какими-либо свѣдѣніями о таковыхъ, сообщить Академіи точныя указанія о мѣстѣ ихъ храненія и предоставить ей возможность снять надлежащія съ нихъ копіи.

Всѣ сообщенія просятъ адресовать: Императорская Академія Наукъ, Канцелярія Конференціи. Петроградъ.

Примѣчаніе. Письма и посылки до одного пуда, адресованныя въ Императорскую Академію Наукъ, не подлежатъ оплатѣ марками.

3

